СИМВОЛЫ ВРЕМЕНИ

Александр Колмогоров

МНЕ ДОСТАВШЕЕСЯ

Семейные хроники Надежды Лухмановой

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге правнука ныне забытой русской писательницы Н. А. Лухмановой (1841–1907) и праправнука главного сибирского кожевенника Ф. С. Колмогорова (1824–1893) представлена увлекательная история семейных хроник, уходящих корнями в XI–XVI века.

Рассказы о бурной, почти авантюрной жизни «неистовой Надежды», приведшей ее на русско-японскую войну, о судьбах ее незаконнорожденных детей, а затем и внуков, среди которых немало людей известных и чрезвычайно интересных, их дневники, письма, стихи, воспоминания — все это читается на одном дыхании. На страницах книги читатель найдет и малоизвестные факты биографии музы Н. Гумилева — Татьяны Адамович, а также ее брата — поэта Георгия Адамовича.

Впервые представлены не публиковавшиеся ранее материалы из центральных и региональных архивов, музеев, семейного архива автора и других источников.

- Александр Григорьевич Колмогоров
  - Предисловие
  - Часть первая
    - Истоки
    - Рождение мастера
    - Потомок патриаршего стольника
    - Цесаревич в Тюмени
    - Кожевенное ремесло
    - Коммерции советник Лухманов
    - Молодые годы купца Колмогорова
    - Баронесса Доротея
  - Часть вторая
    - Дочь коллежского асессора
    - Павловский институт
    - Тюменские кожевенники на выставках
    - Прапорщик Адамович
    - Семья купца Филимона
    - В огне её волос…
    - «Дон-Кихот» и «слепой мудрец»
    - Замужество по расчёту
  - Часть третья
    - Купеческое доверие
    - Золотой промысел Сибири
    - Роковая встреча

- Городской голова
- Великий князь в Зареке
- Испытание позором
- Кожевенная слава Сибири

○ Часть четвёртая
- Проба пера
- Его Высочество на Туре
- Уездный воинский начальник
- Казанские гимназисты
- Новое искушение
- Бременцы в «Сибирском Лионе»
- Незаконнорожденный сын Григорий
- Действительные студенты Колмогоровы

○ Часть пятая
- Святотатство у алтаря
- Возвращение блудного сына
- Юность капитана
- Тюмень глазами петербурженки
- По заслугам и награды
- Потомственный почётный гражданин
- Купцы-благотворители

○ Часть шестая
- Стальные рельсы на Туре
- По стопам родителя
- Неожиданное решение
- Одиссея Дмитрия Адамовича
- Вольный штурман
- Последнее свидание
- «Кавказ и Меркурий»
- Помощники Филимона
- Кадет Борис Адамович
- Митина любовь

○ Часть седьмая
- Заводская слободка
- Месть обер-прокурора
- Дело о наследстве
- Голубчик Боря!
- «Грусть твоя передаётся мне…»
- Заречный «палаццо»
- Признание наследником
- Игра судьбы
- Цесаревич Николай Александрович в Тобольске

○ Часть восьмая
- В Кексгольмском полку

- Повторный брак
- Литературная подёнщина и первый успех
- «Ф. С. Колмогорова Наследники»
- «Сибирские очерки» и «Новое Время»
- На Каспии
- Губернская выставка в Кургане
- Судьбоносная встреча
- Закат торговой славы Тюмени

○ Часть девятая
- Изнанка жизни
- Издатель, лектор, драматург
- По Амуру
- Во главе Московского военного госпиталя
- Тюмень конца XIX века
- Первый орден поручика Адамовича
- Траурный вагон из Берлина
- Портовый чиновник
- Благотворители и попечители

○ Часть десятая
- Муки творчества и хлеб насущный
- Война в её жизни
- «Из походного журнала»
- Распад семейства
- «Бог даст, я поднимусь…»
- В Киевском военном училище
- Пернов — Одесса — Мариуполь — Гонконг

○ Часть одиннадцатая
- С берегов Чёрного моря
- В Асхабаде
- В Виленском военном училище
- Письма без ответа
- Мирная жизнь, девичьи ожидания…
- «Кавказская Ривьера»
- «Период Адамович» в жизни Гумилёва
- Восточно-Прусская трагедия
- Великая война генерала Адамовича
- Балет Татьяны Высоцкой
- «Страдания» сочинской гимназистки

○ Часть двенадцатая
- Новороссийск — январь 1920
- «Зелёные» в Сочинском округе
- Во главе Доброфлота
- Театральный дневник Ляли Массен
- Начало романа с Сурским

        - Новоржев Георгия Адамовича
        - Первый год на чужбине
        - На сцене Дома Артиста
    - Часть тринадцатая
        - В Русском кадетском корпусе
        - Два Жоржика
        - Такое короткое женское счастье
        - Перипетии жизни
        - Снова под парусами
        - На пепелище чувств
        - Удары судьбы
        - Заветы генерала Адамовича
    - Часть четырнадцатая
        - Последняя любовь капитана
        - Расстрельное дело Николая Лухманова
        - В ночь смерти он видел кораблекрушение
        - В эвакуации
        - Моя и ничья другая
    - Послесловие
    - Использованные материалы
    - Литература
    - Принятые сокращения
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108

- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152

- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196

- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240

- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284

- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328

- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372

- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416

- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460

- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504

- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548

- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592

- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636

- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680

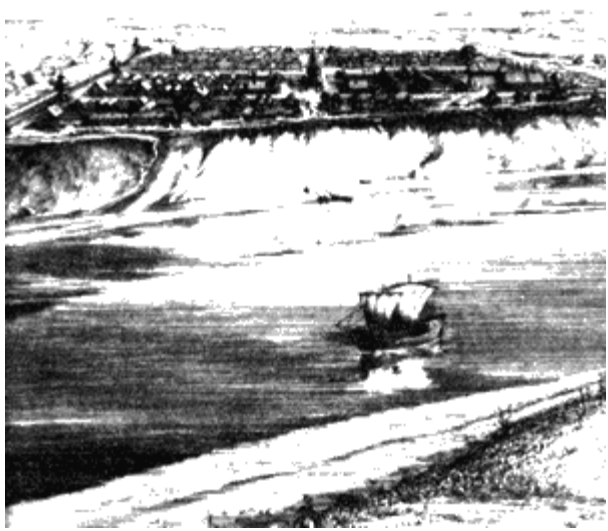
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724

- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768

- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812

- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856

- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878



Александр Григорьевич Колмогоров
Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой

Памяти прапрадеда — тюменского 1-й гильдии купца и потомственного почётного гражданина Филимона Степановича Колмогорова — посвящаю.

Предисловие

В 1997 году в Тюмени[1] издательством «СофтДизайн» в серии «Невидимые времена» издана книга избранных произведений ныне забытой писательницы, публицистки, драматурга, лектора конца XIX-начала XX веков — Надежды Александровны Лухмановой (в девичестве Байковой, 1841–1907), волею судеб прожившей в этом сибирском городе 3 года. Книга вышла в год 90-летия её смерти под названием «Очерки из жизни в Сибири».

С ранних детских лет помню я пожелтевшие старые фотографии из фамильного альбома. Вспоминаю рассказы матери о годах детства, совпавших со становлением Советской власти в городе Сочи, о судьбах её многочисленных сестёр и братьев, о бабушке Манефе, о сгинувшем после ареста дедушке-садоводе — отце семерых детей, о таинственной прабабушке писательнице-баронессе и её молодом муже-инженере и моём прадеде из семьи известного тюменского купца. В то время эти рассказы не вызывали во мне желания окунуться в прошлое и заняться поисками своих генеалогических корней. Но, видимо, всему есть начало. Пришло и ко мне время «собирать камни» — фрагменты мозаики судеб людей, живших прежде нас.

В 1991 году двоюродный брат Борис Афанасьевич Вопияков (по матери Колмогоров) передал мне вывезенный им из мятежного Грозного небольшой семейный архив падчерицы нашего прадеда — Марии Викторовны Массен. Разбор и изучение фамильных реликвий послужили поводом увлекательнейших исторических и биографических исследований, поисков и находок, хотя, к нашему сожалению, «от героев былых времён не осталось порой имён…»

В центре повествования занимательные истории семейных родословных, уходящих корнями в польские, ливонские, скандинавские, русские летописи XI–XIV–XVI веков. Это события личной жизни и служения отечеству нескольких поколений разных фамилий, волею судеб оказавшихся в той или иной степени родства. Со страниц «Хроник» читатель узнает, от каких корней в Тюмени появились первые Колмогоровы, встретится с историческим персонажем — *«царского величества московским дворянином»* Фёдором Байковым, в 1654 году отправившимся из Тобольска во главе посольства в Китай.

Главное действующее лицо «Хроник» (ищите женщину!) — выпускница Павловского института, внучка курляндской баронессы Д. Г. фон-Пфейлицер-Франк — «неистовая Надежда» и её бурная, почти авантюрная личная жизнь с громкими

судебными процессами. О ней говорили и писали, с ней полемизировали и ссорились, её хвалили, ругали, признавали и отвергали критики, писатели, издатели и философы от Н. Михайловского до В. Розанова, А. Суворина и Л. Толстого и, уже в наше время, сибирского прозаика и публициста В. Распутина.

Читатель имеет возможность проследить за перипетиями жизни Надежды Александровны в Петербурге, Москве и Тюмени, где она познакомилась со своими будущими мужьями — Афанасием Лухмановым, Виктором Адамовичем, Александром Колмогоровым, Михаилом Гейслером — и где родились и жили все четверо её незаконнорожденных детей — Дмитрий, Борис, Мария, Григорий.

Предоставим право каждому самостоятельно оценить ретроспективный взгляд автора на кожевенную столицу Сибири 1600–1900 годов, четырежды удостоенную посещением особами императорской фамилии, и взглянуть глазами петербурженки и дворянки на быт тюменского купечества 1880-х годов, *«торговавшегося до изнеможения»,* но и «*благодетельного до беспамятства».*

Пройдут годы, окончатся безумства, и, замаливая грехи молодости перед своими детьми, Надежда Александровна отправится в 62 года (!) на русско-японскую войну, а по её окончании и в саму Японию! Фрагменты из её многочисленных репортажей свидетеля военных бедствий, взгляд из страны-победительницы на причины поражения России не оставят равнодушными ни одного читателя, как и полевые дневники её сына — капитана Бориса Адамовича.

Подробно прослеживается в книге прошлое рода Колмогоровых и судьба Филимона Колмогорова — «Первого кожевенника Тюмени», городского головы, благотворителя, садовода, библиофила, экспонента ряда промышленных выставок, завод которого видел в своих стенах одного из сыновей Александра II, немецких учёных-натуралистов Финша и Брема и адмирала Макарова.

Значительное место в «Хрониках» уделено судьбе сыновей Филимона и их вкладу в общественную жизнь Тюмени 1880–1900 годов и особенно преуспевшему на государственной службе Александру Колмогорову — строителю железной дороги Екатеринбург-Тюмень, действительному статскому советнику, начальнику Средне-Азиатской железной дороги.

Перед глазами читателя пройдут не менее захватывающие, чем у матери, судьбы детей Надежды Александровны:

Дмитрий Адамович (Лухманов, 1867–1946) станет известным капитаном дальнего плавания, директором-распорядителем Доброфлота, поэтом, писателем-маринистом, одним из первых Героев труда РСФСР, директором Морского техникума в Ленинграде и капитаном легендарного парусника «Товарищ».

Борис Адамович (1870–1936), пойдя по стопам отца, дослужится до генерала. Он пройдёт Русско-японскую войну и станет выдающимся военным педагогом — сподвижником великого князя Константина Константиновича в его реформах. Военный историк и писатель, создатель нескольких музеев, командир гвардейского полка в войне 1914–18 годов (Георгиевское оружие), помощник Военного министра. С развалом армии, генерал Адамович, не запятнав руки кровью Гражданской войны, эмигрирует в Югославию, где обессмертит своё имя на посту начальника Русского кадетского корпуса. История эмиграции — суть история Отечества. И об этом тоже в нашей книге.

Григорий Колмогоров (1878–1923?) по настоянию отца и состоянию здоровья переехал с семьёй на жительство в Сочи, где приобрёл землю и занимался садоводством и охотой. Имея семерых детей, был обвинён Советской властью в несуществующих преступлениях и в 45 лет сгинул в одном из её «*исправительных*» лагерей. Его стихам и письмам к брату Борису с берегов Чёрного моря, фрагментам воспоминаний сына — Фёдора Колмогорова и внука — Александра Колмогорова о жизни семьи в Сочи также нашлось место в книге.

Мария Адамович (1871–1934), письма которой к брату Борису с интересом прочтёт любой читатель, — сестра милосердия одной из церковных общин. Она встретит своё, увы, такое короткое женское счастье в браке с приват-доцентом Военно-медицинской академии Василием Массен. Мария Викторовна посвятит жизнь своим дочерям, с откровенными дневниками одной из которых, Ляли Массен, о жизни в Сочи — Майкопе — Одессе — Ленинграде в 1917–33 годах нам предстоит познакомиться.

Считаем необходимым осветить в «Хрониках» малоизвестные факты биографий:

— сводной сестры Дмитрия, Бориса и Марии Адамович (по отцу) — Татьяны Адамович (Высоцкой, 1891–1970), выпускницы Смольного и Института ритмической гимнастики, руководителя

собственной балетной школы в Петрограде, подруги Анны Ахматовой и музы Николая Гумилёва;

— сводного брата Дмитрия, Бориса и Марии Адамович (по отцу) — Георгия Адамовича (1892–1972), члена гумилёвского «Цеха поэтов», одного из трёх «златоустов эмиграции», крупнейшего литературного критика Русского Зарубежья и создателя литературной школы «Парижская нота» — последнего аккорда «Серебряного века»;

— внука Лухмановой — Николая Лухманова (1904–1938). Прожив много лет с родителями в Китае и Японии, он в 1924 году окончил Восточный Отдел Военной академии Р.К.К.А. со знанием… 4-х языков! Дипломат, капитан РО ОКДВА, автор двух книг военной тематики трагически погиб в Хабаровске в годы сталинских репрессий. Но сохранилось его «расстрельное дело», с которым удалось ознакомиться автору;

— правнука Лухмановой — Александра Баранова (1923–1954), донёсшего до нас несколько страничек своих дневников из эвакуации времён Великой Отечественной.

Всё остальное любопытный читатель найдёт в моём скромном повествовании, которое, надеюсь, не покажется скучным и в какой-то мере послужит данью исторической памяти предков. Ведь жизнь поколений — это фамильные саги.

Часть первая (1618–1855 гг.)

Память — единственный рай, из которого нас не могут изгнать.

Жан-Поль

Прошлое не умирает, а живёт в параллельном пространстве.

Л. Гнездилов

Истоки

Фамилия КОЛМОГОРОВ произошла от географического названия местности (топонима), где когда-то жили мои пращуры, и, соответственно, относится к группе наиболее древних, уходящих корнями в XIV век. Доля знати в таких наследственных семейных наименованиях гораздо выше, чем в любых других.[2]

Как поселение КОЛМОГОРЫ, трансформированное по народной этимологии *«холм», «горы»* в Холмогоры лишь в начале XVIII века, впервые упомянуто по некоторым источникам ещё в новгородской грамотке XI века: «От Великого князя Ивана, от посадника Даниила, от тысяцкого Авраама и от всего Новгорода *к Двинскому посаднику на Колмогоры*[3] *и к боярам Двинским…».* В официальном документе великого князя Владимирского и князя Московского Ивана Даниловича Калиты оно прозвучало в 1328–40 годах; по другим источникам — в 1355 году в грамоте сына Ивана Калиты — Иоанна II Иоанновича Московского (Кроткого) [4]. Так или иначе, но впоследствии все великокняжеские и царские грамоты адресовались сюда, вплоть до официального признания административной самостоятельности Архангельска в 1613 году, обращением: *«На Двину, воеводе нашему*» или *«На Колмогоры, воеводе нашему».*

Миграционные процессы привели Колмогоровых в Соль-Вычегодскую — Великий Устюг — Вологду — Хлынов (Вятку) — Гороховец (на р. Клязьме) и, наконец, в Пермскую землю времён первых Строгановых. С завоеванием Сибири Ермаком и последующими военными экспедициями носители этой фамилии появились на Среднем Урале, в Зауралье, расселившись до Якутии. В летописи освоения знаменитого Невьянского месторождения железной руды, близ Екатеринбурга, сохранилось имя его первооткрывателя — кузнеца Б. Колмогорова (1628 г.).

Оставил о себе память и казачий десятник, приторговывавший кожами и державший лавку в Томске — Макар Яковлев Колмогоров. Известно, что в 1637 году, налаживая *со товарищами* отношения с кочевыми народами на границе с Монголией, он три месяца выхаживал от ран калмыцкого посла Дурал-Табуна в его улусе, а в 1638 году в составе посольства В. Старкова и С. Неверова к Алтын-Хану достиг озера Урюк-нур, откуда вывез товару на 104 рубля[5].

Основывая новые поселения на бескрайних просторах Сибири, переселенцы с Колмогор увековечивали в названиях и географических ориентирах свою фамилию. И тому много примеров. В «Списках населённых мест Российской империи»

1864–71 годов[6] значились:

— в Енисейской губернии (Енисейский округ, 2-й участок, левый берег Енисея) деревня *Колмогоровское* в 29 дворов при 71 жителе;

— в Тобольской губернии (Курганский округ) деревня *Ново-Колмогорская* при озере Куртале в 25 дворов при 198 жителях. Деревня *Старо-Колмогорская* при реке Тоболе в 18 дворов при 162 жителях;

— в Томской губернии (Томский округ, 2-й участок) деревня *Колмогорова* при реке Томь в 13 дворов при 75 жителях. В Кузнецком округе (2-ой участок) деревня *Колмогорова* при реке Иня в 10 дворов при 77 жителях;

— в Пермской губернии (Камышловский уезд) деревня *Колмогорова* при реке Каменка в 40 дворов при 339 жителях. В Шадринском уезде деревня *Колмогорова* при реке Исеть в 84 двора при 540 жителях.

И на современных картах сибирских регионов России можно отыскать:

— в Кемеровской области населённые пункты *Колмогорова* в Беловском и Яшкинском районах, посёлок *Колмогоровский* города Белово, *Колмогоровское* месторождение песка[7], *Колмогоровский мыс* у реки Кожух в Тисульском районе;

— в Красноярском крае Енисейского района деревня *Колмогорова* (по имени основателя — кузнеца Ивана Колмогорова)[8] и т. д.

Из «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири»[9] и книги «Енисейское купечество»[10] известны:

— тюменские, тобольские, семипалатинские, колыванские, томские, минусинские, красноярские, канские и иркутские купцы Колмогоровы;

— омский торговец мануфактурой — клиент московских торговых рядов И. П. Колмогоров;

— городской голова Туринска в 1767 году — Ефим Колмогоров.

Первое найденное мною упоминание о Колмогоровых в Тюмени относится к 1618 году. А в Дозорной книге № 5 Тюменскому городу и посаду за 1624 год (после первого крупного пожара 1620 года) среди 450 взрослых жителей мужеского пола прямо упомянут *отставленный* служилый человек, стрелец — Богдашка Фёдоров Колмогоров, как имеющий двор в остроге.

Вероятно, это и есть родоначальник тюменской ветви Колмогоровых, который в составе отряда ратных людей под водительством воевод Василия Сукина и Ивана Мяснова участвовал в основании самого города в 1586 году на месте лежащей в руинах бывшей столицы Тюменского ханства — Чинги-Тура.

После «тюменской беды» 1634–35 годов и прибытия на пепелище 500 холмогорских стрельцов город интенсивно строится, несмотря на значительные пожары 1668, 1684, 1687, 1695, 1697 и последующих лет. К 1700 году протяжённость острожных стен увеличилась до 1396 сажени, против 500 — в 1624 году. Среди городского населения (более 3000 человек при 750 дворах и *«много заселённой»* округи) появляются кожевенники, мыльники, промысловый элемент.

До сих пор нет однозначного мнения о пионерах кожевенного промысла Тюмени. По одной из версий, ими были кочевые бухарцы, первый караван которых прибыл к русскому острогу осенью 1595 года. Гостям, на всякий случай, отвели место на левом берегу Туры (против города), где они и основали свою Бухарскую слободу, занимая под постройки наиболее возвышенные участки *«гривы»* среди болотистой низины. В 1609 году сюда было переселено и малочисленное коренное татарское население с бывшего городища. Бытует и вторая версия: переселенцы северо-восточной Руси принесли в Зауралье секреты выделки кож, не отличавшихся, впрочем, высоким качеством из-за несовершенства технологии. И юфтевые кожи приходилось ввозить сюда из Пермского края.

В дозорной книге № 1276 за 1700 год среди посадских людей мы встречаем выходцев именно из этих земель: Алёшка Поспелов, Ивашко Коломинов, Ивашко Кокшаров — из Соли-Вычегодской; Якушко Паутов — из Устюга Великого; Ивашко Тотмянин — с Тотьмы; Андрюшка Матигоров и Митка Костылёв — с Колмогор; Афонка Ширяев — с Пинеги. Среди владельцев 50 торговых лавок жителей разных чинов верхнего посада значилась и лавка «в три затвора» Пронки Поликарпова Колмогорова [11].

Упомянуты в хрониках Тюмени таможенный голова Осип Колмогоров (1719) и староста посадских людей — Егор Колмогоров (1737). Среди совладельцев винокуренного завода на Цинге в Тюменском уезде (1740) отмечен посадский человек Колмогоров Василий Алексеевич (ок. 1705-?). Его сын — Иван Васильевич (ок. 1728–5.08.1797) — в 1760-х годах владел уже кожевенной мастерской, имел «торговое дело» и в 1794–97 годах состоял в купцах.

В 1767 году купеческое сословие Тюмени насчитывало 1580

граждан, из которых 191 состояли в 1-й и 2-й гильдиях! После «Манифеста от 17 марта 1775 года» количество гильдейских купцов в городе уменьшилось до 43, но уже к 1784 году возросло до 104. К концу XVIII века, при численности жителей в 5916 человек (1054 домов), город по размеру купеческого капитала (249 купцов) уступал в Сибири только Тобольску и Томску (1790)!

К 1800 году сын Ивана Васильевича — Кирик Иванович Колмогоров (ок. 1758-?) — ратман (1788–91) и купец 3-й гильдии (1794–99). После появления Высочайшего указа «О заведении в Сибири суконных, полотняных фабрик и кожевенных заводов» он перешёл в мещанское сословие, став мастером кожевенных дел. К 1816 году, объявив капитал в 1000 рублей, Кирик Иванович становится владельцем кожевенного производства, а в 1836 году и собственного заводика.

В 1808 году в Тюмени работали 75 кожевенных предприятий, и как минимум два из них принадлежали семье Колмогоровых, в том числе и вдове Ивана Васильевича (от второго брака) — Агафье Гавриловне (ок. 1750-?). В 1812 году один из безымянных Колмогоровых внёс 100 рублей на нужды армии.

Из ближайших родственников Ивана Васильевича мастерами кожевенных дел, помимо упомянутого уже Кирика Ивановича, числились: сыновья-мещане Григорий, Матвей[12] и Степан Ивановичи; родной брат мещанин Дмитрий Васильевич (с 1816 года владелец кожевенного производства с объявленным капиталом в 1000 рублей) и его сыновья-подмастерья Иван и Яков Дмитриевичи.

Однако из четырёх внуков и внучатых племянников Ивана Васильевича Колмогорова кожевенное ремесло унаследовал лишь Василий Кирикович — городовой староста (1804), жертвователь денег «на пособия» при открытии Знаменского приходского училища (1820), бургомистр (1821–24) и купец (1848). Два его сына — Иван и Александр — дело отца не унаследовали.

Честь продолжить династию, выбиться неимоверным трудом и упорством из мещан, стать самым известным промышленником из всех Колмогоровых Сибири — первым кожевенником Тюмени и Тобольской губернии, 1-й гильдии купцом и потомственным почётным гражданином — выпала на долю Филимона Степановича Колмогорова (1824–1893), попечителя-благотворителя и моего предка по материнской линии.

> В земле Тюмени спят мои прадеды:
> Стрельцы, служилые, мещане и купцы.
> Двуперстием крестились их отцы,
> О том поведали мне старой веры веды.

На берегу Туры поставили острог,
К Москве склонили лбы Кучума ханов
И потянулись вереницы караванов —
Через Тюмень Москву познал Восток!

Рождение мастера

20 февраля 1824 года в мещанской семье Стефана (в миру Степана) Кириковича Колмогорова (внука купца Ивана Васильевича) и его жены Стефаниды Григорьевны родился сын, нареченный при крещении Филимоном (с греческого — Верный, Надёжный, Однолюб).

В метрической книге градо-тюменской Вознесенской церкви среди его восприемников от купели указаны: мещанский сын Иван Колмогоров, вероятно, двоюродный дядя — Иван Григорьевич, и ямская дочь — Парасковья Перепалова.

В раннем детстве Филимон переболел оспой, оставившей на лице заметные, но не уродующие его, вечные отметины. С малых лет в нём проявилась недетская серьёзность к заботам, быту и жизни семьи и какое-то упорство в мальчишеских делах, удивлявшее родителей. Ребёнок рос юрким и сильным. Самостоятельно выучился грамоте и первым проявил инициативу — отдать его в обучение. И не в Знаменское приходское училище, а сразу в старейшее 3-классное уездное, ставшее его университетом. Учился с желанием, пользой и охотой, освоив и арифметику, и «хождение на счётах».

Однажды сын увязался за отцом к дяде Василию, державшему в Зареке[13] кожевенное дело. Перебравшись через Туру по только что наведённому после паводка наплавному мосту и пройдя по улицам, унавоженным илом и *высоренным одубиной,* они вошли во двор, вымощенный тёсаными платами. К удивлению отца 12-летний Филимон, не торопясь в хозяйский дом, попросил отвести его в мастерские, стоявшие в глубине двора с отворёнными настежь воротами.

Степан Кирикович заметил, что сын совершенно спокойно реагировал на едкие, раздражающе крепкие запахи извести, дубильной кислоты, шакши и бог знает чего ещё, используемого в огромных количествах при выделке кож. Подростка не смущали ни сырость и грязь под ногами, ни вонь, исходившая от работающих мужиков, занятых мездрением, золением, дублением или сбивающих тупиками шерсть с мокрых шкур, разложенных на *«кобылах».*

Отец поспешил увести сына в чистую завозню, где двое работников занимались «бунчением»[14] кож, только что привезённых от надомников-отделовщиков. Жадно вдыхая запахи свежевыделанного товара, отдающего древесной корой, дёгтем, салом, воском, мылом и… сандалом, Филимон на цыпочках подошёл к стопкам кож разной меры на расчерченных мелом

квадратах пола и, присев, уткнул в них своё лицо. При этом его руки, скользя по поверхности, бережно мяли и разглаживали готовый к упаковке драгоценный товар. Степан Кирикович и бунтовщики в недоумении наблюдали сцену… таинства рождения кожевенного мастера!

Так или примерно так и началась в Зареке взрослая жизнь будущего Первого кожевенника Тюмени, определённого осенью 1836 года учеником приказчика с жалованьем 4 рубля в месяц на хозяйском довольствии.

Потомок патриаршего стольника

Александр Фёдорович Байков (род. 1807) из семьи служилых дворян Псковского наместничества по достижении 13-ти лет был определён отцом-комиссионером в 1821 году в одно из лучших в России учебных заведений — Горный кадетский корпус в С.-Петербурге на Васильевском Острове.

Справка. *Байковы (в старину Бойковы) — древний российский дворянский род 2- ой половины XVI—2-ой половины XVII веков. Записаны в родословных книгах Псковской, Тульской губерний. Герб Байковых*[15] *совершенно сходен с польским гербом Любич, к которому приписана польская фамилия Бойковских. Родословная представлена в Герольдию в 1797 году*[16].

По одной из версий Бойковы появились в Москве на рубеже 1360/1370 годов, в свите князя М. Д. Боброка-Волынского (ок. 1340-после 1389), будущего воеводы великого князя Владимирского и Московского Дмитрия Ивановича.

В генеалогическом древе Байковых много славных имён начиная от городовых дворян, служивших «по выбору», до воевод, георгиевских кавалеров, дипломатов и… писателей. Мы упомянем из них только тех, кто так или иначе причастен к судьбам героев нашего повествования и к летописям первых сибирских городов — Тюмени, Тобольска, Тары, Мангазеи.

Уже в третьем колене родословной, ведущей своё начало от Якова Байкова и составленной в 1668 году в Поместном приказе, [17] мы встречаем стрелецкого голову в Торопце (1610-е гг.) — Исака Петровича. Его выдвижение в разряд московских дворян связано со временем польско-шведской интервенции — участием «в московском сидении», то есть в обороне Москвы от поляков при Василии Шуйском. В боярских книгах 1626–27 годов он числился уже служилым человеком по Московскому списку: с 1629 по январь 1631 года был вторым воеводой на Таре, с 1634 по 1635 — первым воеводой на Валуйках (близ Белгорода), где, по-видимому, и умер.

Не меньшего успеха в службе достиг и сын Исака Петровича — Фёдор Исакович (родился до 1612 г.). Будучи только 22 января 1628 года *повёрстанным в жильцы* с определением поместного оклада в 450 четей[18] и денежного жалованья в 15 рублей, дворянский сын начал быстрое восхождение по служебной лестнице. С 31 августа он уже стольник при дворе патриарха Филарета Никитича, родителя и соправителя царя Михаила Романова.

С 1634 года Фёдор вместе с отцом на Валуйках, где

отличился при строительстве острога, укрепил его людьми и, *«посланный с ратниками на татар, побил их».* Наградой оказались 8 аршин сукна, выданные казной.

После смерти в 1633 году Филарета Ф. И. Байков был переписан в Московский список и по боярской книге 1635–36 годов числился в разряде дворян. Его поместный оклад вырос на 100 четей, денежный — на 8 рублей. Позже Фёдор Исакович, как и отец, назначается воеводой на Валуйках (1646–48). В 1649–51 годах он руководит постройкой укреплений в легендарном городе Мангазея на реке Таз. Подобной мерой правительство пыталось сохранить этот заполярный центр торговли сибирской пушниной. Но главное дело всей его жизни было ещё впереди…

Летом 1652 года в Москву прибыл монгольский посол Кушучиней в сопровождении торговых бухарцев и тобольского казака П. Малинина. Царский двор заинтересовали привезённые в качестве подарков товары, особенно *«атлас желтый китайский с птицами и травами разных шелков, а иных и золотом»*, и возможность торговли с Китаем. Приказ Большой казны по распоряжению царя Алексея Михайловича решил закупать в казну восточные товары на тобольском рынке и готовить караван в Китай. Выбор возглавить важное мероприятие пал на Ф. И. Байкова, имевшего, видимо, покровителей среди приказной московской администрации.

С грамотой Сибирского приказа воеводе В. И. Хилкову от 21 января 1653 года и государевой казной на 50 тысяч рублей будущий посол прибыл в Тобольск 28 мая и развернул активную торговую деятельность. Уже осенью и затем на следующий год в Москву ушли два обоза *«шолку сырцу, бархатов, и камок, и кутней, и зенденей, и выбаек, и дараг, и кушаков, и пестредей, и бязей, и полазов, и… тангутского ревеня на сумму более 1177 рублей».*

Доставленные товары произвели должное впечатление на дворцовое окружение, изменив точку зрения московского правительства на миссию Байкова. Приказы «Посольский» и «Большой казны» в феврале 1654 года занялись подготовкой официального посольства к императору Шицзу. В сопровождении торгового каравана оно отправилось из Тобольска 25 июня 1654 года, но только 3 марта 1656 года прибыло в Канбалык (Пекин).

Более чем шестимесячные препирательства с цинскими придворными, требовавшими выполнения унизительных и заведомо неприемлемых для государевых слуг церемониальных обрядов, ни к чему не привели. Судьба посольства была решена. 4 сентября Байкову возвратили ранее принятые подарки и предложили покинуть столицу. Дополнительные переговоры

также не удались. 31 июля 1657 года посольство вернулось в Тобольск…

Здесь неудачливый дипломат окончательно оформил первый вариант описания своего путешествия — *«статейного списка»*, важнейшего, как оказалось, явления русской географической литературы второй половины XVII века. Вскоре царским указом Фёдор Исакович был затребован в Москву, куда и прибыл с тяжёлым сердцем в августе 1658 года.

К его счастью, после тщательного расследования причиной неудачи посольской миссии была признана внутриполитическая обстановка в самом Китае и «амурские события». 6 июня 1654 года произошло военное столкновение маньчжурского войска с отрядом якутских казаков О. Степанова на Сунгари и последующая неудачная осада казачьего острожка в устье реки Хумархэ в марте-апреле 1655 года.

С учётом значительного интереса сведений, представленных Байковым администрации приказов, результаты посольства не были признаны неудачными и сослужили свою роль при организации последующих дипломатических сношений 1658, 1668 и следующих годов. Косвенным подтверждением подобного основания служит факт увеличения в 1663–64 годах поместного оклада бывшего посла с 550 до 900 четей!

Не оставивший наследников, Фёдор Исакович скончался в 1664 году в Москве и по завещанию похоронен на кладбище при Настасьинской (Настасьи Премудрости) церкви, что в Житном ряду, позднее поглощённом Охотным рядом.

Могила посла затерялась с течением времени, но не сгорели рукописи, попавшие в 1665–66 годах в руки амстердамского бургомистра Витсена в бытность его в Москве в составе нидерландского посольства Якова Бореля. Впервые они были опубликованы парижским географом М. Тевено в 1666–72 годах. Впоследствии *«статейный список»* Байкова многократно переиздавался на разных европейских языках с 1689 по 1781 годы. Подлинное их описание в России появилось лишь в IV томе Новиковской «Древней российской вивлиофики» в 1773–75 годах в Москве[19].

Но вернёмся к делам Горного кадетского корпуса времён Александра Благословенного. Несмотря на очень высокую и растущую с годами оплату за обучение (650 рублей в год за своекоштного кадета), оно стоило большего. Кроме общеобразовательных дисциплин, иностранных языков и спецпредметов 8-го класса, здесь преподавали — архитектуру, минералогию, логику, рисование, каллиграфию, фехтование, музыку, пение и… танцы! Причём владению шпагой и политесу

юных питомцев в синих мундирах с чёрными бархатными воротниками и обшлагами учили лучшие в столице мастера своего дела. Театральные представления кадетов славились в светском обществе. Именно из стен этого заведения вышел знаменитый трагик В. А. Каратыгин — гордость русской сцены. Выпускные экзамены воспитанников помимо столичной знати посещали поэт Жуковский, баснописец Крылов, историк Карамзин. Отчёты об этом помещались в газетах и журналах.

В декабре 1819 года корпус получил права аналогичные Благородным пансионам при Московском и Петербургском университетах.

5 мая 1822 года 14-летний кадет А. Байков удостоился чести *лицезреть* в стенах корпуса Высочайших особ: Императрицу Марию Фёдоровну и великую княгиню Марию Павловну с мужем. Воспитанник старшего класса Ф. Бальдауф от избытка чувств откликнулся на это событие следующими верноподданническими стихами:

> Что наш смущает робкий взгляд?
> Что грудь объял восторг мгновенный?
> Ликуй, красуйся вертоград,
> Марии взором освещенный!
> Царица кротости, щедрот
> К тебе внимание склоняет
> И юных подданных сзывает
> Под сень избраннейших доброт.[20]

Можно только предполагать, как сложилась бы карьера «способного и достойного кадета» Александра Байкова, не оставь он корпус по состоянию здоровья. *Определённый* к статским делам чиновником 14-го класса, 18-летний коллежский регистратор 30 июня 1825 года поступил на государственную службу по военному ведомству[21].

Цесаревич в Тюмени

Лето 1837 года принесло жителям Тюмени зрелище невиданное в истории Сибири. Его очевидцы до самой своей смерти благодарили Создателя, сподобившего их ещё в этой жизни узреть сына помазанника Божьего Государя-Наследника Александра Николаевича на своей земле. Из уст в уста передавались детям, внукам и правнукам мельчайшие подробности того, что пришлось видеть и испытать в эти незабываемые дни.

Готовился к предстоящему событию и 13-летний Филимон. С вечера 30 мая составился уговор с ближайшими товарищами — пробраться окольными путями в середину главной улицы города, по которой ожидался проезд цесаревича. Но сделать им этого не удалось. Уже с раннего утра, несмотря на мелкий дождь, обыватели плотно заполнили прилегающие к центру улочки. Подростки смогли добраться только до церкви Всемилостивого Спаса, на пересечении Спасской и Иркутской улиц. Простояв весь день, промокшие и голодные, они уже было решили возвращаться по домам, когда около 8 вечера их оглушил внезапный колокольный звон всех городских церквей.

Через некоторое время со стороны ярмарочной площади послышался нарастающий гул, перешедший вскоре в многоголосные несмолкаемые русские «ура» и татарские «алла». Растерявшиеся друзья увидели перед собой вереницу дорогих крытых экипажей, остановившихся у открытых ворот церковной ограды. Через минуту из одного из них вышел очень высокий и очень молодой человек в глухом военном мундире с серебряными галунами на правом плече. Приветливо улыбаясь во все стороны, царёв сын, окружённый свитой, медленно вошёл в двери храма. Колокольный звон разом смолк.

После короткого молебна всё, только что увиденное мальчиками, повторилось с точностью до наоборот, и вереницы экипажей под возобновившийся колокольный звон двинулись по Благовещенской улице к центру города.

На следующий день было решено идти ранним утром к соборной площади смотреть с высокого берега переправу царевича на Тобольский тракт через широко разлившуюся Туру. Перевоз великого князя и наследника в специально построенной к этому случаю великолепной многовёсельной красавице-ладье, несмотря на команду из 14-ти молодых и рослых купеческих сыновей, занял, на радость зрителей, больше часа времени. И вскоре резвые тройки унесли Высокого гостя в губернский

Тобольск.

Вечером 4 июня Филимону ещё раз посчастливилось увидеть цесаревича, возвращавшегося в город на «царской лодке» по Туре. Могли предполагать 13-летний подросток, провожая ранним утром 5 июня Августейшего путешественника у Триумфальных ворот, что через три десятка лет ему… как городскому голове выпадет честь принимать у себя в доме третьего сына Императора Александра II — великого князя Владимира Александровича! А ещё через 5 лет (в 1873 году) самому стоять у руля той самой лодки, встречая в Тюмени и четвёртого императорского сына — великого князя Алексея Александровича!!![22]

Кожевенное ремесло

Очень быстро Филимон перезнакомился не только со всеми работниками и приказчиками, но и с *отделовщиками-надомниками,* к которым приходилось доставлять продубленный товар, материалы для выделки и забирать готовый *мягкий.* При этом им велась вся бухгалтерия: кому, сколько и чего дано, и от кого и что принято. Тут же на месте выявлялся брак, снижающий денежные выплаты виновному.

Постепенно подросток научился различать шкуры животных не только по их видам — буйвол, корова, лошадь, верблюд, лось, олень (лань), баран, козёл, овца, коза, но и по возрасту и особенностям каждой группы. Например, отличить шкуру коровы-многолетки от молодой и молодой от яловой, а яловой — от телячьей и телячьей от телёнка-сосунка; выметок — от жеребка и жеребёнка-коланчика; козловую от козьей, сердовика — от хлебной русской белебеевской козлины и так далее.

Различные виды кож диктовали и 4 класса товара, а те, в свою очередь, и многочисленные способы их выделки.

Несмотря на древнейший промысел, кожевенное дело было очень трудоёмким производством. Неполный перечень процессов выделки шкур включал более 25 операций — от отмока и промывки сырья до прокатки и бунчения. Причём некоторые из них — золка, дубление — повторялись до 4–5 раз! Вот почему выделка кож занимала по времени от 3-х до 12 месяцев (подошвенный товар)!

Для обеспечения непрерывности производства в огромных количествах закупались на ярмарках и доставлялись в мастерские исходные материалы более 30 наименований: от золы и шадрика, дёгтя, древесной коры, шакши (помёта собак, кур, голубей) — до сандала, воска и даже… яиц. И всё это помимо оборудования, инструмента и инвентаря. Для «выхода» пуда готовых кож требовалось 5 фунтов ржаной (овсяной) муки, 20 — извести, 140 — корья, 2 фунта дёгтя и фунт *ворвани* (жир морских животных). Дрова, зола, дёготь, ржаная мука и таловая кора привозились из Тюменского и Туринского округов. Известь — из Екатеринбургского и Верхотурского уездов Пермской губернии. Ворвань, квасцы, сандал и другие красители — с Ирбитской ярмарки и т. д.

Сырые же кожи закупались на ярмарках (помимо городов Тобольской губернии) в Ирбите, Кургане, Петропавловске, Павлодаре, Акмолинске и даже в Оренбурге и Семипалатинске. Дальность и время года доставки диктовали один из пяти

способов консервации сырья. Летом, например, оно крепко просаливалось (сушилось). Дешевле обходились водные пути транспортировки (6–9 % стоимости товара, против 30–35 % гужевым транспортом).

К 18 годам Филимон уже слыл признанным мастером, досконально разбиравшимся в сырых и отделочных процессах. Так как качество кож напрямую зависело от почасового режима каждой операции, он вёл и этот учёт. Даже передержка и несвоевременное перемещение кож в чанах или повышение температуры воды при промывке, не говоря уже о крупности нарезки дубильной коры или попадания комочков негашеной извести на кожу, приводили к потере прочности *дермо* и её распаду, сводя на нет все предыдущие затраты.

Крепкого, расторопного и властного хозяйского приказчика всё чаще и чаще величали по отчеству, подчиняясь его требованиям. Выезжая на многочисленные ярмарки, налаживая долгосрочные контакты с поставщиками сырья и покупателями товара, он терпеливо учился вести переговоры, заключать договора, производить в значительных суммах денежные расчёты с оформлением кассовых книг и расписок и, главное, оценивать надёжность партнёров в сделках.

Привозил он из поездок и меткие сибирские выражения, которые с лёгкостью запоминал и часто повторял среди работников: «Вес да мера — Христова вера», «Вес — не попова душа», «Простота — хуже воровства», «В добре худа нет», «Одна голова не бедна, а бедна, так одна», «Скоро — не споро», «Свой своему по неволе друг», «Смотри в оба, а в один немода». Но особенно грели душу поговорки о деньгах: «Деньга деньгу зовёт», «Нет за кожей, не пришьёшь и к коже», «Денежка не бог, а полбога есть», «Тот прав, за кого праведные денежки молятся» и другие.

Упорству и закалке характера способствовало и участие с 13 лет в качестве «зажигальщика» в основной забаве мещанского общества — кулачных боях «стенка на стенку» между обывателями различных частей города (Большое — Малое городище, Зарека — Затюменка, Потаскуй — Тычковка). С осени до Рождества бои проходили по воскресеньям и праздникам в двух местах одновременно, а зимой на льду Туры у казённой пристани или за монастырём. Сообщения о подобных «мероприятиях» с участием до… 600 бойцов можно проследить по хронике городской жизни вплоть до конца 1904 года[23].

Любил разминаться молодой приказчик и в цеху: вытащив из зольника клещами огромную кожу буйвола и разложив её *«на кобыле»,* с наслаждением сбивал тупиком шерсть и верхний роговой слой до чистого голья.

Коммерции советник Лухманов

В год появления на свет у тюменского мешанина С. К. Колмогорова сына Филимона в далёкой Москве у 60-летнего коммерции советника[24] и потомственного почётного гражданина[25] Д. А. Лухманова (1764–1841) во втором браке родился младший сын, наречённый при крещении Афанасием.

Родоначальником фамилии, оставившей заметный след в истории московского купечества 1800–1840 годов, являлся посадский человек города Гороховца (на Клязьме реке при впадении её в Оку) Василий Лухман, известный с 1623 года. Его потомок из мещан, только в начале 1790-х ставший московским купцом Садовой Набережной слободы, уже в 1802 году вошёл в 1-ю гильдию этого уважаемого сословия.

Положение обязывало. И Дмитрий Александрович обзавёлся личным домовладением (11–13) на Б. Лубянке, где позже построил новый дом и расширил торговые помещения. Природа одарила преуспевающего владельца торговых предприятий чувством прекрасного. В 1800 годах это проявилось в открытии собственной книжной лавки в одноэтажном флигеле дома Пашковых на Моховой (затем на Б. Лубянке), но вскоре переросло в собирательство предметов старины.

С началом войны 1812 года купец жертвует 35 000 золотых рублей на защиту Отечества, его имя занесено на мраморную стену Храма Христа Спасителя (участок 28, за алтарём). Как коллекционер Лухманов становится известен с 1813 года, когда приобрёл в подмосковном имении «Софрино» графини Ягужинской семь рисунков на полотне *мерою 8 на 6 аршин.* «Деяния Апостолов» — те самые, кои изображены на славных *«картонах Рафаэлевых»*, писанных художником в 1515 году для Ватикана по заказу папы Льва X, неведомыми путями оказались в Стокгольме. В 1721 году во время переговоров со Швецией, закончившихся подписанием Ништадтского мира, их увидел и вывез в Россию будущий генерал-прокурор Сената и граф П. И. Ягужинский[26].

В 1815 году бывший Обер-полицмейстер Москвы сенатор П. Н. Каверин, махнув рукой настоявший в руинах после страшного пожара обширный Монетный двор с многочисленными лавками Охотного ряда (на территории нынешней гостиницы «Москва»), продал весь участок Лухманову. Предприимчивый купец отстроил на пепелище новые каменные торговые ряды. Единый ансамбль городского торжища, принёсшего владельцу немыслимые доходы, подчёркивали трое ворот со стороны

Тверской, «Охотного ряда» и со двора Курманлеевой[27].

В благодарность Отцу Небесному за успешное предприятие купец в 1817 году обновил живопись на Церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы (Б. Лубянка, 3).

А вот как описывал в 1820 году журналист «Отечественных записок» П. С. свои впечатления о развалах антиквариата в торговых помещениях этого московского предпринимателя: «… Введу тебя в магазин г-на Лухманова, в коем увидишь ты образчики богатств всех веков, всех земель и во всех родах. Картины, мраморы, бронзы, фарфоры, кристаллы поражают повсюду взоры посетителя; жемчуги, бриллианты, яхонты, изумруды являются в разных видах и изменениях. Можно смело сказать, что ни в Лондоне, ни в Париже, ни в одной столице в свете нет подобного вместилища сокровищ искусств и природы, и нет человека, который бы ни нашёл здесь чего-нибудь по своему вкусу…

Обладатель сих сокровищ есть также человек необыкновенный. Одарённый от природы самым тонким вкусом и проницательностью, он скоро образовал себя так, что никто не может равняться с ним в сей части…»[28]

Имя светлой личности *храмоздателя* Дмитрия Александровича Лухманова увековечено в построенных им и поныне действующих в московском районе Косино-Ухтомский Свято-Успенском (Успения Пресвятой Богородицы) и Свято-Никольском (святителя Николая Чудотворца) каменных храмах. Они были возведены в 1818–26 годах на берегу Белого озера в бывшей царской вотчине, приобретённой купцом у последней её владелицы из потомков дворянского рода Телепнёвых в 1814 году. К 1839 году весь храмовый комплекс в селе Косино, включая и старую деревянную церковь, обнесли оградой с башенками, отчего своим внешним видом он стал напоминать некий монастырь.

77 лет от роду 1-й гильдии купец и владелец имения похоронен у западной двери Успенского храма *августа 18 дня 1841 года в 7 часов пополудни,* о чём и сейчас напоминает прихожанам надпись на чугунной надгробной плите. Как дань памяти поколений в 2004 году в Москве появилась Лухмановская улица[29].

Добавим, что оценочная стоимость жилой недвижимости Д. А. Лухманова (домовладение 347 в 4-м квартале Тверской части) и его жены А. А. Лухмановой (домовладение 354 в 4-м квартале Арбатской части), приведённая в Московском адрес-календаре К. Нистрема (т. 3) за 1842 год, составляла весьма внушительную по тем временам сумму — 191 428 рублей

серебром!

После смерти родителя 17-летний Афанасий под влиянием и с протекции шурина — ротмистра князя И. В. Волконского — поступает на военную службу[30] унтер-офицером в гусарский Его Величества Короля Нидерландского полк в городе Ленчиц Царства Польского. По всей видимости, он имел для этого достаточную подготовку, так как в его формулярном списке имеется запись: *«читать и писать умею, российскую историю, географию и арифметику знаю»*.

Через 3 года молодой гусар за отличие производится в корнеты (первый офицерский чин в кавалерии). Однако, отдав дань военной романтике и в какой-то степени разочаровавшись в ней (в походах и делах против неприятеля не был, особых поручений от начальства не имел, орденами не награждался), поручик А. Лухманов, не имея замечаний по службе, увольняется из армии «по болезни»[31]. Будучи состоятельным наследником отцовских капиталов и недвижимости он возвращается в богатую и хлебосольную Москву.

Молодые годы купца Колмогорова

К 22 годам Филимон отработал на чужих заводах почти 10 лет. За его плечами были доскональные знания кожевенного сырья и способов его выделки, связи и знакомства с поставщиками и покупателями товара. Имелся и небольшой, скопленный трудом и потом капитал. В какой-то момент пришла и уверенность в открытии собственного дела.

Законы государства, поощряя развитие промышленности и торговли, способствовали установлению свободы предпринимательства и ограничивали государственный контроль. Жалованная императрицей Екатериной II «Грамота на права и выгоды городам Российской Империи» от 21 апреля 1785 года давала «*всякому, какого бы кто ни был состояния»,* вступать в купеческие гильдии при заявленном капитале от 1000 рублей. Тюмень как главнейший город сбыта фабричных и мануфактурных товаров, поступающих через Екатеринбург и старейшую в Сибири Ирбитскую ярмарку[32], представляла в плане торговли широчайшее поле деятельности. Одновременно она замыкала на себе караванные пути из Китая (через Кяхту — Томск и Семипалатинск) и Средней Азии (через *прилинейные* Троицк и Петропавловск).

Но установленная Тобольским наместничеством в 1787 году для Тюмени Васильевская ярмарка заглохла уже к 1817 году. Открытая 15 января 1845 года новая ярмарка также не выдержала конкуренции с Ирбитской. Продажа товаров на ней уже к 1859 году упала с 1 030 000 до 210 070 рублей и затем на долгие годы скатилась, увы, до оборотов скромного торжка.

Будущий заводчик, не имея достаточных средств на открытие собственного производства, на первых порах ограничился торговлей сырьём и сбытом чужого кожевенного товара. С этой целью в 1846 году он вступил в купеческую гильдию, заявленный капитал в которую составлял уже 8000 рублей, одолжив необходимые средства в виде займа у родственников.

Мечтая о большем, Ф. Колмогоров 5 ноября того же года подаёт прошение в городскую думу об отводе ему земли под мастерские в 3-м квартале Зареки, рядом с хозяйством его дяди Василия Колмогорова. Участок по 25 сажен в длину и поперечнике располагался по улице Б. Заречная. Выписал себе Филимон из Москвы и только что поступившую в продажу «Купеческую арифметику. Руководство для купцов» А. А. Штейнгауза, пополнив ею свою пока ещё маленькую домашнюю библиотечку.

Последующие четыре года хлопотной торговой жизни не охладили пыла молодого купца. Его довольно скромные доходы оказались достаточными, чтобы позволить себе уже в 1850 году обзавестись собственной семьёй. К этому времени в городе (при 10 618 жителях) насчитывалось 390 гильдейских купцов, 32 фабрики и 272 лавки.

Избранницей 26-летнего Филимона стала 18-летняя тюменская купеческая дочь Парасковия Фёдоровна Барашкова (род. 21.07. 1831 г.) из семьи, долгие годы державшейся старой веры. Восприемниками при её крещении были родной брат Иосиф и купеческая жена Наталия Васильевна Барашкова.

Многолетние притеснения старообрядцев со стороны правительства и официальной церкви, компромиссы со Святейшим Синодом, в том числе и появление Единоверческой церкви,[33] с годами сгладили остроту противостояния.

Подавляющая часть староверов перешла в православие, привнеся в него истовость своего духовного мира, ревностное исполнение церковных служб, обрядов и треб.

Дед невесты — купеческий сын Иван Васильевич (ок. 1770-?), 3-й гильдии купец-кожевенник и *«старообрядец поморского толка выгопустынного жительства»* — до самой смерти содержал молельный дом беспоповцев, что не мешало ему, однако, избираться и ратманом (1794–97 гг.), и даже бургомистром (1803–06, 1815–18 гг.). Его сын, отец Парасковии — Фёдор Иванович (ок. 1802-?), мастер кожевенного дела, — перешёл из раскола в православие всего лишь за четыре года до рождения дочери.

Именно из семьи Барашковых попадут позже в обширную библиотеку Колмогоровых старопечатные (дониконовские) богослужебные книги-фолианты. Среди них окажется и знаменитый «Апостол» московского издания января 1644 года с маргиналиями первого его продавца, автографом и печатью двух поколений Колмогоровых (сохранившийся до наших дней в Тюмени в собрании музея «Поляки в тюменском крае»).

Венчание молодых состоялось 10 мая в Вознесенской церкви. Поручителями *по женихе и невесте* состояли: купеческий сын И. А. Решетников и купец С. Ф. Струнин; мещанин И. С. Колмогоров — 18-летний и единственный брат жениха. Родители невесты — тюменский купец Фёдор Иванович и Феофания Васильевна — не поскупились и дали за дочерью приличный капитал, позволивший молодому мужу уже в конце 1853 года открыть собственное кожевенное дело.

Только к этому времени подоспело решение городской думы[34] об *«отдании означенного места Ф. С. Колмогорову за 2*

рубля серебром и выдаче свидетельства». Задержка ответа на 6 лет объяснялась «проверкой заявления полицией города на предмет отсутствия препятствий для запрашиваемой постройки»!

Собственное производство 29-летний Филимон начал с сарая и рабочей избы, но к 1860 году во дворе вырос настоящий, с полным циклом, кожевенный завод. В июле 1864 года его территория значительно расширилась за счёт места (во 2-м квартале 2-ой части в Вознесенском приходе), доставшегося племяннику по наследству от умершего дяди В. К. Колмогорова[35], сыновья которого Иван и Александр, увы, не пережили отца.

В 1855 году тюменские кожевенники поставили на нужды армии 12 000 пар кавказских (по рубль 65 копеек) и 85 000 армейских сапог (по 75 копеек за пару) на общую сумму в 83 550 рублей. Доставку готового товара до казанского склада обеспечил «на свой счёт» купец К. Шешуков[36]. Вероятно, именно этот успешный самородок и познакомил земляков-предпринимателей с «Записками Казанского экономического общества». С 1854 года ежемесячное издание являлось кладезем новинок и рекомендаций по многим отраслям хозяйствования, в том числе и кожевенного производства Зауралья. С 1858 года среди корреспондентов «Записок» стали появляться имена и тюменских умельцев — М. А. Рылова и Н. М. Чукмалдина.

К 1852–55 годам относится и первое «*крещение*» купца общественными обязанностями, которых в дальнейшем у него будет предостаточно. 28-летний Филимон Степанович избирается заседателем тюменского городового суда. Очевидно, его деятельность на этом поприще оказалась достаточно активной и успешной, поскольку была отмечена благодарностью городской Думы с выдачей похвального листа «За усердную службу в Тюменском Городовом суде 1852–55 годов».

Торгуя по ярмаркам и тем самым приумножая свой капитал, тюменские купцы наряду с другими почитали за долг жертвовать серебром на общественные нужды местного общества. Так, во время Никольской ярмарки в Ишиме Ф. Колмогоров, И. Решетников, С. Трусов вносят деньги на женскую школу, заслужив признание губернского начальства.[37]

Баронесса Доротея

После отъезда в 1730 году из Митавы в С.-Петербург двора вдовствующей герцогини Анны (Кетлер), вскоре взошедшей на российский престол под именем императрицы Анны Иоанновны (1730–1740), потянулись в Россию и многочисленные мелкопоместные, но тщеславные курляндские дворяне, надеясь на милости бывшего сюзерена. Впрочем, многие из них оказались достойными нового отечества. Наряду с другими появились на берегах Невы бароны фон-Пфейлицер-Франк и фон-Шлиппенбах.

Справка: *Род фон-Пфейлицер-Франк (Pfeilitzer-Franck) идёт от Клауса Франка, в 1407 году имевшего поместье в Ливонии. Внесён в матрикул курляндского дворянства 17.10.1620 года. Члены этого рода в высочайших указах, грамотах на ордена, патентах на чины и в других официальных документах Российской империи, начиная с 1823 года, именовались баронами. Определениями Правительствующего Сената (от 10.06. 1853 и 28.02. 1862 гг.) за этой дворянской фамилией признан баронский титул*[38].

Титулярный советник барон Герман Казимирович фон-Пфейлицер-Франк от брака с урождённой Каролиной фон-Шлиппенбах (Caroline Schlippenbach) имел пятерых сыновей и дочь. Известно, что с 1816 по 1825 год все братья служили в Ахтырском гусарском полку:

Фридрих-Отто-Карл (Фёдор Ермолаевич 1786–1857) — действительный статский советник и кавалер многих орденов с 1838 по 1850 год имел честь состоять Екатеринославским губернским предводителем дворянства;

Отто-Герман (Отто Ермолаевич 1788–1844) — боевой офицер, участник Бородинского сражения (ранен) и заграничного похода русской армии. Выйдя в отставку полковником, преуспел и в статских делах, дослужившись до действительного статского советника — Екатеринославского гражданского губернатора, Таганрогского, Ростовского, Нахичеванского и Мариупольского градоначальника. Кавалер многих российских орденов[39];

Георг-Виллибальд (Егор Ермолаевич 1794–1832) — боевой офицер, участник сражений при Смоленске, Бородино (ранен, орден Св. Анны «За храбрость»), Малоярославце и заграничного похода русской армии в войнах 1812–15 годов. Косвенно причастный к тайному обществу декабристов — привлечён к следствию. Находился в Петропавловской крепости с 14 февраля

по 7 июля 1826 года, после чего был «определён на исправительные меры наказания» — службу в Уральском гарнизонном батальоне Оренбургского корпуса. Уволенный из армии *«за ранами»* (с производством в майоры, мундиром и пенсией), он уехал в Таганрог к брату Отто Ермолаевичу, где и умер[40].

Дочь — Доротея Германовна (Дарья Ермолаевна 1789–1865) — окончила в Петербурге Императорское Воспитательное Общество благородных девиц — 12-й выпуск 1809 года. Выйдя замуж за чиновника Д. А. Мягкова (1772–1830)[41], она не была счастлива в браке, несмотря на рождение троих детей. Её супруг, упрямый и неуравновешенный по характеру, оставил службу в чине коллежского асессора и, ощутив свою власть над именьицем с деревенькой, расслабился от вседозволенности. Легко впадая в гнев, новоявленный помещик создал невыносимую семейную обстановку, не останавливаясь перед оскорблением и даже рукоприкладством в отношении жены-немки, смеющей возражать и отстаивать достоинство своё и детей.

По воспоминаниям внучки Надежды лоб бабушки всегда закрывала чёрная *«бархатка»,* скрывавшая глубокий шрам от удара деда. Один из таких яростных приступов своеволия и самодурства закончился неумышленным убийством собственного малолетнего сына. Доротею с двумя детьми спасли от расправы разъярённого мужа крепостные. Самого главу семейства от тюрьмы избавила только смерть от горячки во время нахождения под судом.

Из воспоминаний внучки: «Бабушка была высокого роста и ходила так, как в моём воображении должна была ходить царица. Её всегда и все, начиная с отца и матери, боялись, но не страхом, а особенным уважением, как высшее существо; в её присутствии все подтягивались, всем хотелось удостоиться от неё похвалы или поощрения. Я помню на ней платья только трёх цветов: в обычные дни — чёрное шёлковое или бархатное, перламутровое и белое — в большие праздники и в дни её причастия; ни колец, ни золотых вещей она не носила, но кружева на ней вызывали завистливые похвалы и удивление. Её густые волосы были цвета старого серебра без малейшей желтизны: причёсывалась она прямым пробором, гладкими бандо и короткими буклями, скрывавшими уши. Лицо с большими карими, строгими и в то же время необыкновенно добрыми глазами всегда было бледно, как слоновая кость. Она никогда не сердилась, но в минуту неудовольствия смолкала, глядя пристально и грустно на виноватого…»[42]

Оставшись вдовой, баронесса Доротея приняла казённое место наставницы в одном из столичных приютов и отдала себя детям, устраивая их судьбу. Её дочь Надежда Дмитриевна вышла замуж за чиновника военного ведомства потомственного дворянина А. Ф. Байкова и родила ему пятерых детей[43], но счастьем и гордостью матери стал сын Николай, в семье которого она безбедно доживала старость.

Получив, видимо, хорошее домашнее воспитание и окончив лицей, 18-летний юноша начал государственную службу. Уровень его способностей оказался таковым, что уже в 33 года Николай Дмитриевич, будучи чиновником 2-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, удостоился «генеральского чина» — действительного статского советника — и казённой квартиры. К 1880 году — он среди высших сановников государства: тайный советник, присутственный сенатор (по департаменту Герольдии) и кавалер царских и императорских орденов — Св. Станислава и Св. Анны 1-ой, Св. Владимира 2-ой степеней и ордена Белого Орла[44].

Часть вторая (1841–1865 гг.)

Дочь коллежского асессора

2 декабря 18.. года в С.-Петербурге в семье чиновника комиссариатского департамента Военного министерства коллежского асессора А. Ф. Байкова родилась дочь, названная по имени матери — Надеждой. Девочка была пятым ребёнком у родителей и имела сестру Варвару[45], братьев Андрея[46] и близнецов Фёдора и Ипполита[47].

Год появления на свет, тщательно скрываемый и даже сознательно фальсифицированный самой Надеждой Александровной во второй половине ее бурной жизни, так и не стал известен её биографам. Интрига удалась настолько, что эта дата располагалась между 1840 и 1851 годами, и не только в энциклопедиях и литературных словарях, но даже и в некрологах! И только найденные вашим покорным слугой в 2008 году в фондах РГВИА в Москве формулярные списки её отца за 1848–53 годы с датами рождения всех его детей внесли, *надеюсь,* историческую ясность в этот вопрос[48].

18 октября 1847 года надворный советник А. Ф. Байков, имевший знак отличия «XX-лет беспорочной службы», принял хлопотное место эконома Павловского кадетского корпуса в С.-Петербурге[49]. Помимо денежного оклада в 420 рублей 30 копеек в год, порции кадетского стола (по принципу — *ешь и сам то, чем кормишь),* он получил в здании самого заведения (на Б. Спасской) и казённую 5-комнатную квартиру с отоплением и освещением[50].

Скромные материальные доходы главы дома, тем не менее, позволяли семье держать гувернантку, няню и кухарку. А на лето снималась одна и та же дача в престижном Петергофе — большая и красивая с палисадником на улицу и приличным садом в глубине двора. Здесь же, в окрестностях городка, с марш-бросками, маневрами и палаточным бытом летнего военного лагеря ковалась и полевая выучка *«павлонов»* — элиты русской инфантерии.

В 1849 году 10-летний Андрей Байков, а вслед за ним Фёдор и Ипполит[51] под влиянием отца, а скорее восторженной атмосферы и духа подросткового патриотизма привилегированного военно-учебного заведения, поступают в корпус и в дальнейшем становятся пехотными офицерами.

Сам же Александр Фёдорович на новом поприще удостоился ордена Св. Анны 3-ей степени и очередного знака отличия «XXV-лет беспорочной службы».

Воспоминания дочери Надежды сохранили и донесли до нас

его портретный образ того времени: «…густые вьющиеся волосы отца были рыжеватого оттенка, он причёсывал их на боковой пробор; брови тёмные, также как и короткие бачки; густые и мягкие усы закручивались колечками в углах рта, бороды он не носил… Эта красивая голова сидела на короткой плотной шее. Ростом он был высок, широк в плечах, но несколько сутуловат. Большие серые глаза, всегда такие весёлые и ясные, были полны необыкновенной доброты…»[52]

Павловский институт

В середине мая 1853 года устоявшаяся жизнь семьи Байковых в одночасье рушится. У 45-летнего Александра Фёдоровича, не отличавшегося с детства крепким здоровьем и за 28 лет службы имевшего всего лишь 57 дней отпусков, судя по формулярным спискам, случился инсульт. Было от чего потерять голову жене и матери многодетной семьи, оказавшейся с мужем-инвалидом на руках и враз лишившейся и единственного источника дохода, и казённой квартиры.

Военно-учебное ведомство во внимание к заслугам своего чиновника перевело всех троих *«павлонов»* Байковых на казённое содержание, а 12-летнюю дочь Надежду с января 1854 года определило на тех же условиях в Павловский институт.

Справка:

Павловский институт — учебно-воспитательное заведение 2-го разряда (закрытого типа) в С.-Петербурге для девочек из обедневших дворянских семей и офицерских сирот. Основан в Гатчине в 1780 годах «Августейшим гатчинским помещиком» — великим князем Павлом Петровичем (будущим императором Павлом I) как «Военно-Сиротский Дом». В январе 1797 года переведён в С.-Петербург (Итальянский дворец на Фонтанке), а в 1829 переименован Николаем I в Павловский институт, дающий своим питомцам «п***а***влушкам» подготовку для скромной семейной жизни в духе христианской нравственности и любви к Царю и Отечеству. Семилетний курс заканчивался выпускным экзаменом и удостоверялся аттестатом, на основании которого воспитанница получала из Министерства Народного Просвещения Свидетельство на звание домашней учительницы. С 1851 года институт окончательно обосновался в собственном здании на Знаменской улице столицы, где и просуществовал до 1918 года.

Надеясь поправить здоровье мужа, Надежда Дмитриевна приняла совет матери отвезти его в баронское имение дяди — бывшего предводителя дворянства Екатеринославской губернии на юге России, где за ним будет установлен надлежащий уход. С согласия Фёдора Ермолаевича и в сопровождении брата Николая Н. Д. Байкова решилась на дальний переезд. Трудно сказать, что

повлияло на состояние здоровья Александра Фёдоровича, но оно стало улучшаться. Оставив супруга на попечении родственников, Надежда Дмитриевна вернулась в С.-Петербург и, сняв небольшую квартирку в Гусевом переулке, полностью переключилась на заботы о сыновьях-кадетах и дочери-институтке.

Какой она осталась в воспоминаниях своих детей? «…Мы её побаивались. Всегда слишком нарядная, она не допускала ни бросаться ей на шею, ни теребить за платье, взыскивая за малейший беспорядок в туалете или за резкость манер. Но что стесняло нас больше всего — это её требование говорить с ней по-французски. Поэтому чаще мы умно молчали. За серьёзные провинности мать сама секла нас розгами и становилась усталой, красной и сердитой.

Я никогда не могла согласиться с тем, что многие называли её красавицей. Или она слишком рано отцвела, или собственное моё понятие о красоте не подходило к ней: мать была среднего, почти маленького роста, очень худощавая брюнетка, с желтоватым цветом лица, длинным очень тонким носом, несколько свисавшим к выдающемуся острому подбородку; тёмные глаза — с хорошими ресницами, но они часто моргали и в них не было широкого взгляда; чёрные волосы её, разделённые на *бандо* прямым пробором, всегда были покрыты каким-нибудь *„фаншоном“* из чёрных кружев; маленький рот с тонкими губами сжат с выражением горечи и обиды. Очень худые тонкие пальцы унизаны кольцами… Она аккуратно приезжала ко мне в институт всегда с гостинцами, но и мучила нравоучениями, превращая свидания в тяжёлые, скучные минуты. Мы не понимали её и потому не сочувствовали ей. При полном повиновении и вежливости в наших отношениях не хватало искренности…»[53]

Учебный год в Павловском институте (фактически интернате-пансионе) начинался с января и заканчивался балом выпускников к Рождеству. В начальный класс принимались девочки с домашним воспитанием и не моложе 11 лет. Соответственно и покидали заведение будущие домашние учительницы в возрасте 18–19 лет. Летние каникулы для 240 воспитанниц если и существовали, то только для тех, чьи родители имели возможность им это устроить, получив предварительное согласие начальницы — баронессы Фредерикс. Большинство же довольствовалось прекрасным институтским садом с фонтаном и бассейном для купания.

В 1852–70 годы учебную часть возглавлял действительный тайный советник А. С. Норов[54], инспектором классов состоял В. Н. Полевой[55].

Помимо общеобразовательных дисциплин с двумя языками и физикой, преподавались дидактика и курс педагогики, но любимым учебником институток оставалась хрестоматия Галахова. Определённое внимание уделялось и светским предметам: музыкальными занятиями руководил известный пианист Гензельт; обучение пению по методу Шеве вёл особый преподаватель Васс; класс рисования представлял художник Премацци.

Среди известных выпускниц института — Е. В. Тистрова (мать Н. К. Крупской — будущей жены В. И. Ульянова — Ленина, выпуск 1859 года) и Л. А. Чурилова (известная писательница Чарская, выпуск 1893 года).

Распорядок дня *«павлушек»* носил откровенно спартанский характер военно-сиротского воспитания.

Тюменские кожевенники на выставках

Впервые мысль об участии в публичных российских выставках, проводимых с 1829 года[56], с кожевенным товаром собственной выделки возникла у Филимона Степановича, вероятно, после Мануфактурной выставки 1857 года в Варшаве и перехода в 1859 году во 2-ю купеческую гильдию с заявленным капиталом в 20 000 рублей!

Уже на Всероссийской выставке произведений сельскохозяйственной промышленности 1860 года в С.-Петербурге мы встречаем двух экспонентов из Тюмени[57]. 2-й гильдии купцы Ф. С. Колмогоров и И. А. Решетников[58] представили на суд экспертов алую, белую и чёрную юфть по цене 4,1–4,3 рубля. К сожалению, пока не удалось по данной экспозиции отыскать списки участников, удостоенных наград. Но это был прорыв.

Если до сих пор тюменские кожевенники ограничивались сбытом товара в *прилинеиных* Троицке, Петропавловске и Семипалатинске (в лучшем случае в Ирбите), то в 1860 году Решетников и Колмогоров впервые «взяли в поставку» около 85 000 кож белой юфти в Москву. Это неслыханное предприятие, рождённое в головах безумцев, в насмешку окрещённых земляками «*нововводителями»,* открыло для всей Западной Сибири обширные рынки сбыта в Европейской России, вплоть до столицы империи[59].

Иван Афанасьевич Решетников упоминается и среди экспонентов, получивших награду на Мануфактурной выставке 1861 года в С.-Петербурге. Его завод существовал с 1844 года, вырабатывал до 60 000 кож в год и поставлял большую их часть на нужды армии[60]. Судьба отмерила талантливому мастеру всего 38 лет жизни. 31 декабря 1861 года он скончался от распространённой болезни тех лет для взрослого населения Сибири — *горячки.* Второй в статистике смертей числилась чахотка.

На очередной Всероссийской выставке произведений сельскохозяйственной и сельской промышленности 1864 года в Москве Тобольская губерния по числу экспонентов (8) в классе «Шкуры и кожи» заняла 1-е место, но уступила Казанской в разнообразии представленного товара. Юфть (белая, чёрная, красная) тюменских купцов И. Е. Решетникова и А. И. Решетниковой была признана лучшей в губернии и отмечена *похвальными листами*![61] На заводе этого известного кожевенника, основанном в 1843 году, трудилось 65 работников

при 3-х мастерах. Годовой оборот сбыта товара, доходившего до Бухары, Ташкента и даже Китая, составлял 35 000 рублей.

Среди 973-х участников Выставки Мануфактурных произведений 1865 года в Москве мы вновь встречаем единственного от Тобольской губернии неутомимого купца, представившего чёрную и белую юфть по цене 5 рублей за штуку[62]. Из 31 экспонента в классе «Кожи» И. Е. Решетников удостоился на этот раз первой в своей жизни малой серебряной медали с формулировкой: «За юфть хорошего достоинства и принимая во внимание обширность производства»[63].

Прапорщик Адамович

6 июня 1857 года в 1-м Московском кадетском корпусе состоялся очередной выпуск юных офицеров, отправляющихся в части и гарнизоны, обескровленные потерями личного состава в Крымской войне 1853–54 годов. 17-летний прапорщик Виктор Михайлович Адамович[64] (из потомственных дворян Полтавской губернии) получил назначение в 14-й стрелковый батальон.

> **Справка**
>
> Адамовичи — несколько дворянских старинных родов шляхетского происхождения, записанных в родословных книгах Виленской, Волынской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилёвской, Смоленской губерний[65]. По выписке из Польского гербовника фамилия произошла от честного мужа Адама из рода Спицимира, признанного в храбрости против татар и владевшего в Польше около 1082 года деревнями[66].

Вакансия в Одессе приближала место службы офицера к имению отца[67] и была как нельзя кстати. Проведя в родных пенатах на берегу реки Хорол в 12 верстах от Миргорода отпуск, положенный после окончания корпуса, будущий генерал 27 июля прибыл к месту своей первой службы.

Только через 4 года батальонное начальство обратило внимание на офицера ни разу за это время не заикнувшегося об отдыхе. Такое усердие было оценено направлением прапорщика Адамовича в Царскосельскую Стрелковую офицерскую школу под Петербургом для подготовки капитанов пехоты! Виктор Михайлович окончил курс 1 сентября 1862 года по 1-му разряду с отметкой «лучше прочих» и наградным оружием.

Успехи «стрелка», не посрамившего своей части, были отмечены 28 февраля 1863 года (через 5,5 лет службы!) производством в подпоручики «за отличие». Но, словно устыдившись своей запоздалой оценки служебного рвения офицера, командование 3 ноября присваивает ему очередное воинское звание поручика (по выслуге лет).

Семья купца Филимона

Брак Филимона Степановича с Парасковьей Фёдоровной Барашковой оказался удачным по многим критериям. Муж, оправдывая своё имя (Однолюб), был всю жизнь верен жене и семье. Помимо солидного приданого, составившего его основной купеческий капитал, супруг нашёл в избраннице друга, сподвижника и товарища, разделявшего и его взгляды на устои жизни, воспитание детей и, как показало время, на попечительство и благотворительность.

Роды в семье были часты. Но так как причинами младенческой смертности в Тюмени того времени были понос, родимец (болезненные припадки с судорогами и потерей сознания), корь и скарлатина, то из всех новорожденных наследников в живых остались только четверо сыновей[68]. Сохранившиеся метрические книги донесли до нас даже имена их восприемников (крёстных).

У *Ивана,* родившегося 20 августа 1852 года:
— мещанин Иван Степанович Колмогоров (брат Филимона),
— купеческая жена Пелагея Егоровна Решетникова.

У *Фёдора,* родившегося 11 августа 1855 года:
— мещанин Иван Степанович Колмогоров (брат Филимона),
— мещанская дочь Ольга Ивановна Прасолова.

У *Григория,* родившегося 13 ноября 1856 года:
— купеческий сын Евграф Алексеевич Шелковников,
— вдова купеческая Феофания Васильевна Барашкова (тёща Филимона).

У *Александра,* родившегося 9 марта 1858 года:
— 3-й гильдии купец Павел Александрович Рычков,
— купчиха Глафира Яковлевна Злобина.

По всей видимости, все сыновья Филимона окончили по его стопам приходское 3-классное уездное училище, а не Вознесенское, в котором их отец состоял почётным блюстителем с 15 февраля 1855 по 1890 годы, то есть в течение… 35 лет! Трое из братьев, кроме золотушного Ивана, отданного всецело на попечение набожных бабушек и тётушек из старообрядцев, выказали явные способности к учению. И тогда 42-летний состоявшийся купец решился на необъяснимый в городе поступок: дать детям классическое образование с латынью,

греческим и французским языками.

Приняв решение, глава семейства в 1866 году определил 9-летнего Григория и 11-летнего Фёдора в… Первую императорскую Казанскую гимназию на полное родительское содержание, напутствуя их благословением: «Ум есть и рубль есть, нет ума — нет рубля!» На следующий год к братьям присоединился и 9-летний Александр. Конечно, дети, оторванные от родного дома и многочисленной родни, очень скучали, но ослушаться тятеньки и слёзно проситься домой не решался никто. Взрослея, они свыклись со своею участью, и единственными праздниками этих лет для них оставались летние каникулы в родной Тюмени.

Болезненный же от рождения и опекаемый богомольными (по линии матери) родственницами-староверками, Иван взрослел в мире восковых свечей, запаха ладана, суровых ликов святых угодников, постоянных постов, молитв и песнопений.

Богослужебный «Апостол» с таинственными текстами деяний и посланий учеников Сына Божьего, рано подаренный ему бабушкой, заронил в чистую детскую душу первые зёрна христианского вероучения. Любопытство и удивление вызывал уже сам внешний вид толстой и тяжёлой книги лилового бархата, обтягивающего деревянные обложки с тремя крупными металлическими застёжками. Украшала переплёт бронзовая накладка цветочного орнамента с вкраплёнными в неё пятью хрустальными камушками.

Но больше всего поражала воображение мальчика и побуждала его интерес к старославянским буквицам таинственная история самой книги, пересказанная бабушкой по записочкам на полях страниц:

> 7154 году от Рождества Христова (1646 г. — *А. К.)* августа в пятый день куплена сия книга апостол на Курмыше[69] из государевой церкви и великого князя Алексея Михайловича всея Руси казны при стольнике и воеводе Якове Никитиче Лихареве у Троицкого девичьего монастыря[70] у попа Козьмы Макавеева. Дана полтора рубли и отдана сия книга к государеву богомолью к ружной церкви к Николе Чудотворцу. Подписал Курмышской съезжей избы подъячей Карпунков Афонасьев. Продал сию книгу поп Козьма Макавеев и руку приложил.

В огне её волос…

Новые звёздочки на погоны не принесли 24-летнему поручику Адамовичу восторженности чувственного тщеславия, так свойственной офицерской молодёжи. Его сердце мучительно переживало невозможность предложения руки и сердца предмету своей страсти, отчего само признание в любви становилось жалкой сентиментальностью, недостойной мужчины.

Они встретились во время его первой воскресной поездки из Царского Села в Петербург. Товарищ по стрелковой школе — подпоручик Андрей Байков — уговорил сокурсника заехать в Павловский институт на Знаменской и от его имени передать сестре-институтке какие-то мелочи к выпускному балу, уверяя, что это отнимет у него не более получаса времени.

«…Глядя из окна приёмной, он услышал стук двери и торопливые шаги за спиной. Оглянувшись, Виктор Михайлович увидел перед собой девушку. Ему показалось, что старый сад, которым он только что любовался, послал к нему одну из своих нимф, всю сотканную из свежего аромата зелени и ярких лучей солнца. Её рыжеватые волосы горели червонным золотом…»[71] Несомненное очарование ей добавлял совершенно открытый высокий лоб в сочетании с тонкими чертами взволнованно-смущённого лица и большими серыми глазами.

Случайная встреча — случайное знакомство. Не есть ли это посланная нам Творцом в утешение и долго ожидаемая заслуженная награда? Или это шанс, упустив или воспользовавшись которым мы можем винить только себя? А может быть, это всего лишь насмешка падшего ангела над нашими мечтами о вечной любви и возможности простого человеческого счастья? Мог ли предвидеть Виктор Михайлович, какими последствиями в его жизни аукнется невинная просьба товарища?

Но что посмел бы предложить молодой офицер созревшей для соблазнов и страсти 20-летней Наденьке Байковой, только что вырвавшейся в петербургскую явь из стен почти монастырского уклада жизни Павловского института? В глубине души он был даже «благодарен» прозрачным откровениям её *maman,* разрубившей этот гордиев узел: та стремилась удачным замужеством дочери-бесприданницы не только устроить её счастье, но и материально поддержать собственное, увы, безрадостное положение. А сама Наденька? Питала ли она к первому встреченному в своей жизни мужчине чувства большие, чем просто увлечение товарищем брата?

Вот почему без объяснения причин прапорщик Адамович прекратил свои «визиты» к Байковым и, кончив курс, уехал из Петербурга, даже не попрощавшись с семейством. Прошло четыре долгих года…

«Дон-Кихот» и «слепой мудрец»

В декабре 1861 года Надежда Байкова, выдержав публичный экзамен в присутствии Её Величества Императрицы Марии Александровны (жены Александра II), покинула стены родной alma mater[72]. На фоне 23 выпускниц, из которых трое были отмечены золотой и двумя серебряными медалями, она оказалась лишь… 19-ой по успехам! Но не будем строги в оценках её знаний, хотя бы потому, что именно институт развил в ней интерес к иностранным языкам и русской словесности, позволившим ей в дальнейшем стать переводчицей, журналисткой, писательницей, лектором и драматургом.

Обратим внимание на некоторые черты её сложившейся личности. На них указывали уже клички, данные ей воспитанницами «mesdames»: «Баярд»[73] в начальных и «Дон Кихот»[74] в старших классах. Но уравновешивались ли жажда истины и справедливости в душе молодой девушки — будущей жены и матери — христианскими заповедями?

В поздней автобиографической заметке «Исповедь современного христианина» Надежда Александровна не скрывала свое отношение к религии: «…Родители мои не были религиозны, мало интересуясь этим вопросом. Ребёнком до 7 лет ни Бога, ни церкви, ни мольбы в моих воспоминаниях нет. Сонно, вяло и совершенно бессмысленно я бормотала за няней по вечерам и утрам какую-то молитву. Учить Закону Божьему меня начали в институте. Мы не хотели и избавлялись от этого, как могли… Не любили мы и постов и всегда ели скоромное…[75] Позднее, выбранная в певчие, я как-то примирилась с обеднями, всенощными». Но господь всегда уравновешивает крайности:

> Мы смотрим в Библию весь день.
> Я вижу свет, ты видишь темь!

Поэтому и была среди Надиных сокурсниц настоящая подвижница — Мария Солопова (1842–15.01. 1915), оставившая заметный след в духовной жизни России под именем игуменьи Таисии, настоятельницы первоклассного Леушинского Иоанно-Предтеченского женского монастыря[76]. В память о ней в городе Боровики в 2002 году состоялись первые Таисиевские чтения, приуроченные к 160-летию со дня её рождения.

Ещё на выпускных экзаменах «слепой мудрец» и «святоша», как прозвали её mesdames, поразила своими обширными

богословскими познаниями ректора Петербургской Духовной академии Иоанникия, будущего митрополита Московского и Киевского, предсказавшего ей большое будущее.

Иоанн Кронштадтский, прочитав в 1892 году «Записки игуменьи Таисии», пожелал видеть их напечатанными в «Кронштадтском Пастыре», дав такую рекомендацию: *«Дивно, прекрасно, божественно. Печатайте в общее назидание»*[77].

Можно с уверенностью сказать, что и для Надежды Байковой ежедневное, в течение ряда лет, общение с «монахиней» Солоповой не прошло совсем бесследно. Известно, что в начале 1902 года она жертвует значительную сумму на отдалённый монастырь в Седлецкой губернии (на территории современной Польши). Об этом сообщает благодарственное письмо игуменьи Анны — настоятельницы Вировской Всемилостивого Спаса женской пустыни:

Высокочтимая Надежда Александровна! Благая лепта ваша «на усиление средств обители» получена нами. Имя Ваше внесено сегодня же в наш церковный синодик для вечной молитвы о Вас.

Да хранит Вас Всемилостивый в любви своей…[78]

Молитвы Христовых невест, вероятно, дошли до слуха Всевышнего. И Надежда Александровна встретила Его в конце пути… Именно об этом повествуют пронзительные строки её дневника — сестры милосердия одного из госпиталей действующей армии в Русско-японской войне 1904–05 годов:

…Если бы вы знали, как тихо под землёй, ночью даже жутко. Горит на стене землянки большой «дикий» фонарь, завешенный голубым шёлком; тихо, еле тикают маленькие дорожные часы; изредка слышно, как покатится ком мёрзлой земли и напомнит невольно характерный стук последней горсти о крышку гроба; сожмётся сердце, взглянешь на образ Спасителя и невольно скажешь: «Господи, прости, помилуй!» Да больше ничего и не остаётся! Никто из нас, ложась вечером, не знает, не разыграется ли какая-нибудь страшная драма войны в ту же ночь?..[79]

Замужество по расчёту

Знакомство недавней выпускницы Павловского института Надежды Байковой и 39-летнего Афанасия Лухманова относится к лету 1863 года. Оно состоялось в С.-Петербурге в доме их общих знакомых на Сергиевской. Купеческий сын и бывший гусарский поручик, вернувшись из Польши в Москву после добровольной отставки, недолго оставался не у дел. Обладая значительными материальными средствами родового наследства незабвенной памяти родителя (5/12 доходной недвижимости так называемого «Монетного Двора» в Охотном ряду)[80], он переехал в столицу, где вновь поступил на военную службу.

Ко времени описываемых событий Афанасий Дмитриевич успел выслужить «диплом с гербом на дворянское достоинство»[81], чин майора (по армейской кавалерии) и, состоя в должности адъютанта командира корпуса Внутренней стражи[82], вёл подобающий его положению светский образ жизни со всеми вытекающими из него соблазнами и удовольствиями. Его антикварно обставленная, всегда с живыми цветами квартира на Малой Итальянской (с голубым будуаром, гостиной, кабинетом, столовой, кухней и прислугой из пяти человек) видела многих женщин.

Вероятно, устав от холостяцкой жизни и осознав, что в вопросах женитьбы всё-таки *лучше никогда, чем поздно,* немолодой офицер рискнул предложить руку и сердце скромной рыженькой учительнице с большими серыми глазами, но пренебрёг при этом восточной мудростью: «*Когда покупаешь жеребёнка или выбираешь жену, смотри, прежде всего, на породу».*

Да и будущая писательница была вовсе не в восторге от перезрелого жениха, каким его запечатлела её девичья память: «…Высокий, стройный, в безукоризненно сшитом мундире с аксельбантами, но немолодой и некрасивый мужчина с очень маленькими живыми светлыми глазами. Лицо маловыразительное, словно вырубленное топором. Широкий рот с чёрными, сильно нафабренными подстриженными усами, большой „грузинский“ нос, брови густые, как щётки. Над узеньким, изрезанным поперечными морщинами лбом шапка чёрных искусственно завитых волос. Шпоры на сапогах, а на коротких некрасивых пальцах дорогие перстни…»[83]

Совершенно иного мнения о состоятельном поклоннике дочери, зачастившем с визитами и подношениями в квартирку Байковых, а главное, не претендующем на приданое, были maman и grand’maman невесты. Их уговоры, просьбы, мольбы, слёзы и

даже интриги на фоне отсутствия других достойных, с их точки зрения, претендентов решили дело.

Но затянувшаяся прелюдия любви с плохо скрываемой холодностью бесприданницы затронула чувство собственного достоинства новоиспечённого дворянина, охладив не только его любовный пыл. Под сомнением оказалось само намерение жениться! И здесь свою роль сыграла баронская спесь Доротеи Германовны фон-Пфейлицер-Франк, усмотревшей в колебаниях Athanas компрометирующие невинное создание мотивы и решительно объяснившейся с ним наедине…

«Сжигая мосты», Афанасий Дмитриевич вышел в отставку[84] с производством в подполковники и орденом Св. Анны 3-ей степени. В последний момент, словно устыдившись перед петербургским светом и московской патриархальной роднёй своих откровенных устремлений, 40-летний холостяк предпочёл произвести таинство венчания подальше от любопытных взоров и поближе к ночи…

Оно состоялось в… Берлине, куда будущие супруги прибыли в целях конспирации (по инициативе жениха) порознь!? Он — дилижансом из Москвы через Смоленск — Минск — Брест-Литовск — Варшаву, она с maman — в первом классе курьерского из С.-Петербурга через Псков — Вильно — Варшаву — Вену — Прагу. Конечно, бывший кавалерист обогнал поезд и, сгорая от нетерпения, уже ждал их на железнодорожном вокзале прусской столицы. Ведь в любви, как водится, все возрасты *проворны*…

Священный обряд приобщения «молодых» невидимой благодати Божьей произошёл в 7 часов пополудни 3 февраля 1864 года в единственной в германской столице православной церкви в здании Российского посольства на Unter den Linden. Небольшое помещение домовых богослужений в первом этаже флигеля выходило окнами на задний дворик самого здания и, лишённое внешне всяких религиозных атрибутов, было совершенно неизвестно даже жителям прилегающих к центру кварталов. О Родине здесь напоминали лишь иконостас и аналой из полированного дуба, хорошего письма (по золотому фону) иконы, подаренные приходу Свято-Троицкой лаврой в 1855 году, да четверо русских студентов Берлинского университета, приглашённых в шафера по случаю венчания…

Уже на следующий день после первой брачной ночи Афанасий Лухманов, растроганный целомудрием молодой жены, предложил тёще 6-недельный pension в Берлине или Дрездене (на выбор) с последующим возвращением в С.-Петербург. Сочтя границы своей благодарности maman достаточными, он отправился с супругой в свадебное путешествие в… Париж, где

уже через неделю снял квартиру с прислугой на boulevard des Capucines, против Jokey club.

Свадебное путешествие, парижская и берлинская жизнь молодожёнов растянулись на… 16 месяцев, но по возвращении на Родину в их отношениях наступило резкое охлаждение. Как и оказалось, оба ожидали от брака совершенно иного. Муж не счёл нужным искать и не нашёл подхода к сформировавшейся девушке с её романтическими идеалами и образом возлюбленного.

Как-то само собой, без взаимных упрёков, супруги перешли в рамках светского приличия на свободный друг от друга образ жизни со своим внутренним миром и увлечениями. The rest is silence.[85]

Подробно вся предыстория замужества, ощущения девушки от первой брачной ночи, медового месяца и расставания талантливо и откровенно преподнесены самой Н. А. Лухмановой читателю через 35 лет после события и своего третьего, увы неудачного, брака. Роман «Институтка» впервые увидел свет в собственном (Надежды Александровны) столичном журнале «Возрождение» за 1899–1900 годы.

Для объективности образа А. Д. Лухманова добавим, что он говорил на двух иностранных языках, прилично играл на нескольких музыкальных инструментах, сочинил и записал партитуру собственной оперы, серьёзно увлекался производством фарфора в Германии, цветоводством в парижском ботаническом саду. В 1871 году в С.-Петербурге им даже была издана книга «Выбор и содержание комнатных растений» с десятью страницами рисунков.

Будучи по натуре щедрым и мягким человеком, уезжая в марте 1866 года за границу в окружении близкого ему женского семейства, он не забыл обеспечить и жену приличным капиталом.

Часть третья
(1864–1872 гг.)

Купеческое доверие

В 1864–65 годах Филимон Степанович — Городовой судья Тюмени. Среди его помощников-заседателей мы встречаем купца, будущего журналиста и известного мецената-благотворителя Николая Чукмалдина (1836–1901).

Судьба довольно тесно свела этих двух неординарных промышленников, несмотря на 12-летнюю разницу в возрасте. Они познакомились в 1857 году, когда Николай Мартинианович (Мартемьянович), создав себе репутацию делового человека, только что вошёл в купеческую гильдию: «…Со мной начали искать знакомства. В числе первых приехали ко мне на квартиру[86] покойные теперь И. В. Канонников и Ф. С. Колмогоров…»[87]

На 1850-е годы приходится начало расцвета в Тюменском уезде коврового *(кармацкого)* производства, летописное упоминание о котором относится ещё к 1624 году. Одним из трёх самых известных его центров, среди прилегающих к сибирскому тракту сёл и деревень Зауралья, являлась и родная деревня Чукмалдина — Кулаковая.

Вырабатывались ковры на особых ткацких станках (*кроснах*) из овечьей шерсти, нанизанной узелками на верёвочную основу, и оттого именовались «насадными» или «бархатными». Грубоватые по выделке и аляповатые по рисунку — яркие цветы в окружении зелени, птицы, собаки и другие животные по чёрному полю с цветной каймой, они ценились за добротность и дешевизну и расходились далеко за пределы губернии как *тюменские.* В лучшие годы их сбыт в Ирбите достигал 50 000, и уже оттуда ворсовые изделия домашнего обихода оказывались в Н.-Новгороде, Москве, Петербурге, Риге и Варшаве! Едва ли не первый в Сибири Н. Чукмалдин основал фабричную школу этого народного промысла с чертёжником-рисовальщиком, *выписанным* из Москвы.

Позже, в конце 1871 года, Филимон Степанович бескорыстно протянет руку помощи молодому собрату, оказавшемуся в тяжёлом финансовом кризисе. Вот как описывает это событие сам пострадавший: «…Приехал Ф. С. Колмогоров и начал прямо с пословицы: „Капитал потерял — половину потерял, веру в себя потерял — всё потерял. Что вы киснете и сидите дома без сна и пищи? Посмотрите на себя, на что вы стали похожи. Ну, потерял деньги, что же делать — работай и наживай их опять. Нужны средства? Вот я тебе даю 10 000 рублей без расписки: бери и работай. Возвратишь, когда сможешь. Сбрось только с себя горе и

апатию, а остальное всё дело поправимое…“ Я встрепенулся и, собрав все силы и всю энергию, принялся распутывать узел моих дел… Со дня описанной сцены протекло 27 лет, но я и сейчас ещё с горячей благодарностью вспоминаю великодушную поддержку покойного Колмогорова. В Москве с этим мне столкнуться не довелось…»[88]

Переехав в 1872 году на жительство в первопрестольную, предприимчивый Чукмалдин вскоре очень преуспел в коммерции. Скупая за бесценок коровью шерсть как отходы кожевенного производства, он запустил войлочное предприятие в Арзамасе, а затем вышел с этим товаром на европейский рынок и открыл своё представительство в Берлине. По просьбе незабвенного благодетеля Николай Мартемьянович на целых 6 лет станет финансовым опекуном трёх его сыновей-студентов Императорского Московского университета[89].

Сохранив с земляками дружеские отношения и наладив партнёрские связи, купец Чукмалдин долгие годы станет покупателем яловой шерсти на Нижегородской ярмарке у наследников завода Ф. С. Колмогорова[90]. Ему город Тюмень окажется обязанным и портретом Филимона Степановича, писаным на заказ (по фотографии) студентом МУЖВЗ П. Изоевым в 1893 году в Москве и поднесённым в дар Тюменской женской прогимназии[91].

Золотой промысел Сибири

В 1865 году завод Колмогорова произвёл кож на 227 000 рублей, а в 1868–69 годах поставил товаров (только на нужды армии) на — 80 000.

На следующий год Филимон Степанович, заявив капитал в 50 000 рублей, перешёл в 1-ю купеческую гильдию. Достигнутый уровень сословного положения дозволял ему теперь *«ездить в карете парой и четверней, носить купеческую саблю в металлических ножнах при губернском мундире и в таком виде представляться даже к императорскому двору»*!

Вероятно, карьерный рост подвигнул 42-летнего кожевенника к вспомогательному промыслу — частной добыче золота по примеру немногих тюменских заводчиков[92]. В немалой степени этому способствовали: ажитация от успехов 1-й гильдии купца С. Попова, намывшего по руслам рек Кокпектинского округа Семипалатинской области с 1834 по 1848 годы более 20 пудов шлихового золота; иркутские собрания золотопромышленников Сибири 1861 года и принятый по их положениям правительством «Свод замечаний к Закону 1838 года о золотодобыче»; дозволение на разработку приисков по правую сторону Томи.

Среднестатистический частный прииск, например, Томского округа (1852 г.) приносил его владельцу в год всего 20–21 фунтов лигатурного золота при 46 рабочих. В Семипалатинской области этот показатель (1866 г.) составлял 37 фунтов при 122 рабочих. Наиболее успешными выглядели в этом отношении прииски Алтайского округа (1866 г.) с добычей шлихового золота в 2 пуда 26 фунтов при 67 рабочих. В среднем по Западной Сибири каждый прииск (1870 г.) давал в год 35 фунтов (14,3 кг.) драгоценного металла при 39 рабочих.

К сожалению, мы не располагаем конкретными фактами о золотопромышленной деятельности купца Ф. С. Колмогорова. Из косвенных источников[93] известно лишь, что он вёл промыслы в Западной Сибири, Алтайском округе, Акмолинской и Семипалатинской областях. С большой долей вероятности можно предположить, что ему удалось трезво оценить низкую доходность приисков Западной Сибири и без существенных для себя потерь свернуть невыгодное производство там, где другие в жажде наживы, как, например, П. И. Подаруев и К. К. Шешуков, теряли нажитые состояния и становились несостоятельными должниками. За золотом пойдёшь, корку хлеба найдёшь!..

В 1873 году добыча золота на кабинетных (государственных) заводах Алтайского округа прекратилась из-за их убыточности. В

беспощадной конкуренции выживали сильнейшие, переходившие от сезонного и кустарного к круглогодичному промышленному производству и объединению капиталов в акционерные общества, товарищества и компании Восточной Сибири. К 1870 году один прииск здесь приносил 3 пуда 8 фунтов жёлтого металла в год (при 65 рабочих)[94].

Ставя во главу угла собственное дело, купец Ф. Колмогоров не пренебрегал и общественными обязанностями, идущими на пользу города и его жителей. Будучи Городовым судьёй, он, в числе других, удостоился от городской думы и губернского начальства «*искренней признательности и благодарности за пожертвование на устройство в Тюмени „водоподъёмной машины*“»[95], а 19 марта 1866 года и благодарности гражданского начальника губернии «за *содействие в понижении базарных цен на муку*».

19 июля 1864 года на Александровскую площадь в нагорной части Тюмени (и в дома трёх именитых купцов) с молебном и водосвятием пришёл первый в Сибири водопровод.

Англичане — механик Г. И. Гуллет с помощником инженером П. В. Генсом — хотя и не без ошибок, но справились с задачей снабжения города водой в дневное время (с 8 утра до 8 часов вечера). К сожалению, водозабор оказался ниже загрязняющих Туру стоков кожевенных предприятий Зареки. Главными благотворителями проекта выступили А. Ф. Поклевский-Козелло и городской голова И. А. Подаруев, внёсший в общее дело 15 100 рублей личных средств[96].

Роковая встреча

В начале июня 1866 года только что произведённый в штабс-капитаны В. М. Адамович прибыл по делам службы в С.-Петербург в Николаевскую инженерную академию. В прошлом остались должности батальонного адъютанта и ротного командира. Идя в конце сентября по Малой Итальянской, он замедлил шаг, уступая дорогу вышедшей из пролётки молодой светской женщине с вуалью на шляпке. Их глаза встретились и на миг застыли на лицах друг друга. Он первым окликнул её по имени. Узнав Виктора Михайловича, Надежда, а это была именно она, не выразив особого удивления, увлекла его в парадное. Она бросила консьержу: «Это ко мне» — и они поднялись по лестнице на площадку второго этажа и остановились перед дверью квартиры с изящно гравированным указателем владельца *«Дворянин подполковник Афанасий Дмитриевич Лухманов».* Заметив недоумённый взгляд Виктора Михайловича, Надежда тихо пояснила: «Мой муж. Он сейчас в Париже». В ответ на звонок дверь им открыла горничная, скорее всего, француженка, как успел заметить штабс-капитан, и, лукаво улыбнувшись, впустила их.

Остаток дня они проговорили сидя в полумраке на диване уютной, со вкусом обставленной гостиной. Целуя Надины руки, он слушал её исповедь о почти насильственном замужестве по требованию матери и бабушки, не принёсшем ей ни счастья, ни детей. Прощаясь в прихожей, Виктор Михайлович привлёк Надю к себе и, страстно целуя её солёные от слёз глаза, щёки, губы и шею, уже представлял все последствия связи, ожидающие соблазняемую и обрекаемую им на прелюбодеяние замужнюю женщину.

Как позже вспоминала в своих дневниках Надежда Александровна: «…Наши частые свидания от долго сдерживаемых нерастраченных чувств носили бурный и оттого раскрепощённый характер. Закрыв глаза, я молча повиновалась желаниям его тела и иногда тихо стонала, прося пощады…»

С командированием Виктора Михайловича в гренадерский сапёрный Его Императорского Высочества великого князя Петра Николаевича батальон[97] их свидания стали реже. И это было невыносимо для обоих. В. М. Адамович ходатайствует о первом с начала службы отпуске и 7 февраля получает его. Это и был их медовый месяц. А в середине марта Надежда объявила ему о своей… беременности.

Единственную возможность быть рядом с любимой женщиной

он теперь видел в поступлении в Николаевскую академию Генерального штаба. Оформив пакет воинских документов, Виктор Михайлович добился командирования его на экзамены, начинавшиеся в середине августа.

Отбор претендентов в стоящее вне разрядов высшее военно-учебное заведение империи был суров. Знания офицеров оценивали лучшие профессора академии по принципу: *испытания — это собеседование двух умных людей, достойных друг друга!* Увы, их начало совпало с последними днями беременности Надежды и рождением ею 25 августа незаконнорожденного сына Дмитрия[98]. Это ли эмоциональное событие или переоценка собственных сил сыграли свою роль, но экзамены молодой отец провалил и 28 сентября был отчислен к месту прежней службы.

> Так погибают замыслы с размахом,
> Когда всего милей у женщин нам успех…

Единственным положительным моментом сложившейся ситуации, сыгравшим в дальнейшем свою позитивную роль, оказалось знакомство штабс-капитана с заведующим кафедрой статистики академии генерал-майором Н. Н. Обручевым[99]. Выдающийся профессор запомнил офицера, показавшего прекрасное знание административного устройства, военного хозяйства и снабжения пехотных и сапёрных частей армии.

Неудача с академией и рождение ребёнка требовали от В. М. Адамовича новых усилий по обустройству семьи. С большим трудом он добивается 3-х месячного отпуска по семейным обстоятельствам и, не возвращаясь в Одессу, предпринимает ряд действий: переводится на вакантную должность в 31 пехотный резервный батальон в город Серпухов Московской губернии, куда и прибывает 12 января 1868 года; обращается за помощью к только что назначенному управляющим делами военно-учёного комитета Главного штаба генералу Н. Н. Обручеву и с 24 июня получает назначение в управление московского губернского воинского начальника на должность делопроизводителя.

Виктор Михайлович перевозит любимую женщину с сыном в казённую квартиру в Спасских казармах, близ Сухарёвой башни, и полностью отдаёт себя новой должности, оправдывая оказанное доверие. Через 3 года[100] это будет отмечено производством в капитаны (за отличие).

Городской голова

К 1867 году в Тюмени насчитывалось около 50 кожевенных заведений, вырабатывавших 270 000 яловых, до 85 000 конских и 200 000 бараньих кож и потреблявших на эти цели только ивовой коры 400 000 пудов и 20 000 вёдер дёгтя. С пошивкой сотен тысяч пар обуви и гужевой амуниции оборот кожевенного производства оценивался не менее 1 ½ млн. рублей серебром в год[101]. Такая активность деловой жизни стимулировала и общественные инициативы жителей.

4 августа 1866 года в губернском городе учреждается «Общество вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии». Среди шести его действительных членов (по окружному городу Тюмени) значился и Ф. С. Колмогоров. 1 ноября в Тюмени открылась первая лечебница, обслуживавшая за год 1044 жителей. Среди членов-соревнователей, пожертвовавших на её обустройство 1038 рублей, мы вновь встречаем 1-й гильдии купца Ф. С. Колмогорова с супругой Парасковией Фёдоровной[102].

По выбору городского сообщества, утверждённому гражданским тобольским губернатором, Филимон Степанович из новоизбранного думского гласного с 1 января 1867 года становится городским головой (на трёхлетие 1867–69 гг.), сменив на этом посту купца Г. Т. Молодых. Заведённым порядком, после литургии в церкви Михаила Архангела и молебствия на площади внутри гостиного двора, избранное общество открывало ежегодную зимнюю Васильевскую ярмарку, вновь возрождённую с 1852 года. Далее следовало прощание с бывшим предводителем в его доме и вкушение *хлеба-соли* в покоях очередного избранника. После тостов за государя-императора и за тюменское общество полагалась краткая речь новоизбранного к сослуживцам о честном исполнении ими своих гражданских обязанностей[103].

Выборные должности в то время не приносили дохода их обладателям. Оклад городскому голове впервые был установлен думой (А. К. Глазунову — 3000 рублей в год) только в декабре 1874 года после неоднократного обсуждения этого вопроса гласными по инициативе Ф. С. Колмогорова. Управление капиталами и производством требовало от любого купца расторопности и постоянных вояжей по ярмаркам. А ездить Филимону Степановичу приходилось зимой и летом тысячи вёрст от Семипалатинска до С.-Петербурга.

Единой нитки железнодорожных путей на этом пространстве не существовало. Нижегородская дорога в 410 вёрст (Москва —

Н.-Новгород) начала работать только с января 1863 года, Уральская Горнозаводская в 465 вёрст (Пермь — Екатеринбург) будет построена только к октябрю 1878, а Екатеринбурго-Тюменская — к январю 1886 года. Поэтому в летнее время поездки из Тюмени совершались: в Европейскую Россию ямским гоном по почтовому тракту — Екатеринбург — Пермь (660 вёрст) и далее, на речных судах по Каме и Волге до Н.-Новгорода (1328 вёрст); по Западной Сибири на речных судах по Туре — Тоболу — Иртышу — Оби — Томи или тоже ямским гоном. Более или менее регулярное пароходное сообщение по рекам наладилось лишь в 1860 году с созданием купцами Плотниковыми, Горским и Шишкиным компании «Дружина». Через 10 лет количество курсирующих здесь пароходов приблизилось к 20, к 1880 — до 37 и только к 1889 году достигло 64-х!

Зимой купцы путешествовали в специальных *сибирских* повозках по почтовым трактам в обе стороны от Тюмени, в том числе и по льду замёрзших рек, где это сокращало путь. До Н.-Новгорода приходилось преодолевать 1633 версты. Причём, поездки «при необходимости» не прерывались и ночью. Географ и путешественник П. С. Паллас (1741–1811) в конце декабря 1770 года, как он отметил в своём дневнике, преодолел санным путём расстояние между Тобольском и Челябинском в 725 вёрст за… 104 часа (при двух ночёвках в Тюмени и Екатеринбурге)!

По свидетельству Чукмалдина, спешащие «по делам» купцы умудрялись зимой преодолевать расстояние от Тюмени до Омска за трое, а до Томска (1500 вёрст) за шесть суток! А от Казани до Н.-Новгорода (381 верста по льду Волги) за 52 часа! При этом остановки на почтовых станциях (постоялых дворах) для приёма пищи и горячего чая занимали буквально по 20 минут 4 раза в сутки.

Лишиться нажитого капитала любой купец мог на одной — двух сорвавшихся крупных сделках, не говоря уже о пожарах, периодически случавшихся в сплошь деревянной и плотно застроенной Тюмени. 29 мая 1844 года одних только домов сгорело 56. Бедствием обернулся 1864 год: «13 июля в 8 утра занялось на сеновале дома Лапшина. В течение 3-х часов огненный вихрь истребил лучший в нагорной части города квартал. Сгорело 4 усадьбы с постройками. Едва отстояли дома городничего и Е. Ф. Низовца. Только богатырское самопожертвование Г. Гласкова, И. Канонникова и Ф. Колмогорова, распоряжавшихся с особым присутствием духа и разумным хладнокровием поднявших народ, остановили бедствие.

Но на следующий день в 6 часов пополудни занялся Дом

почтовой конторы в Затюменке. В море огня сгорели все постоялые дворы (кроме Глазуновского, близ Николы) и до… 300 домов (1500 построек) с усадьбами К. К. Шешукова, И. Е. Решетникова, Железнова, Гагарина и других»[104]. И вновь тюменские купцы, в том числе и Ф. Колмогоров, вносят пожертвования в комитет помощи погорельцам, заслуживая благодарность губернского начальства.[105]

После очередных пожаров 16 и 20 апреля 1867 года городской голова Ф. Колмогоров выступил с заявлением в губернской газете по поводу реорганизации всего противопожарного дела и, в частности, создания добровольных пожарных отрядов — будущих структур Вольного пожарного общества.

Но беда, как водится, не приходит одна. Пока огненная стихия уничтожала квартал нагорной части, чрезвычайное паводковое наводнение крушило Зареку, выворачивая деревянные полы и размывая печи. Было не до спасения кожевенного сырья и товара, поднимаемых в таких случаях на крыши домов и цеховых построек. Не менее 100 семей покинули свои дома, затопленные до половины. По заявлению городского головы в собрании общества от 27 апреля[106] был создан Комитет для пособия пострадавшим, возглавленный самим Ф. С. Колмогоровым и собравший по подписке 1216 рублей для первой помощи [107].

В засушливое же лето Тура мелела настолько, что доставка грузов в город по воде становилась невозможной. Приходилось разгружать товар на Тоболе в Артамоновой или Иевлеве и уже оттуда возить за 117–128 вёрст гужом по Тобольско-Тюменскому тракту, переплачивая до 40 копеек за пуд груза. А десятипроцентные поборы алчных ветеринарных служб на путях доставки сырых кож из прилинейных районов и Средней Азии? [108]

Пренебречь делом всей жизни даже ради высокой выборной должности ни один уважающий себя купец позволить не мог. Вот почему вести ежедневные заседания, кроме воскресений и неприсутственных дней, решая на них от 6 до 23 вопросов городской жизни, довольно часто приходилось кандидату городского головы, совладельцу пароходной компании «Дружба» — безотказному Н. А. Тюфину (1800–1880).

Это его известил телеграфом Филимон Степанович *«о счастье представляться в столице Государю Императору 20 июля 1867 года и выразить от лица Тюменского Общества верноподданнические чувства по случаю недавнего вторичного избавления Его Величества от рук покушавшегося злодея»*[109].

Инцидент с выстрелом поляка А. И. Березовского в

Александра II произошёл 25 мая в Париже на Марсовом поле, где Августейший самодержец находился по приглашению Наполеона III на Всемирной промышленной выставке, впервые столь широко представлявшей Россию.

9 ноября того же года 2-й гильдии купцом Тюфиным был организован и обед, и бал городского общества в честь пребывания в Тюмени инициатора постройки Уральско-Сибирской железной дороги и геодезических изысканий по намеченной трассе — полковника Е. В. Богдановича[110]. Вместе с Чукмалдиным и Решетниковым Тюфин чествовал за столом уважаемого гостя[111], будущего первого Почётного гражданина города Тюмени (1867 г.).

Длительные отлучки «по торговым делам и собственной надобности» по 130 дней в году, конечно, раздражали и Думу, и гражданского начальника губернии. В конечном итоге это вылилось даже в 2-х месячную задержку передачи бухгалтерской отчётности новому составу городского управления (во главе с П. И. Подаруевым) в начале 1870 года.

Долгие годы неоднозначным памятником городскому голове Ф. Колмогорову служил реконструированный им Заречный мост плотовой конструкции с разводным пролётом для пропуска барок и сплавного леса. Местные и даже столичные недруги справедливо усматривали в страшно крутых спусках к реке характер самого строителя. Оставим их мнение без комментариев ради живописности картины: «…Осенью, когда подмёрзнет, опытная лошадь садится на задние ноги, сползает на всех подковах, держась немного вбок и не давая раскатиться телеге или экипажу. Молодая же не выдержит, сорвёт, и пиши пропало… Сам многоуважаемый строитель уже летал два раза и в последнюю зиму ушибся так, что пролежал с неделю, да с месяц прихрамывал. Возмутительные картины, в особенности в субботу — рыночный день: малорослые, малосильные лошади крестьянские; мужики в поту, крича и ругаясь, чуть не на руках сносят по очереди телеги, а потом, хватаясь за оглобли, надрываясь от усилий и крика, втаскивают возы на следующий берег. Сколько сломанных телег с разорванными кулями овса (муки) оставлены на середине моста, сколько увечий…»[112]

Но, очевидно, в деятельности Филимона Степановича было и много такого, что с одобрением воспринималось и гласными, и начальством. Иначе трудно объяснить полученную им 2 февраля 1868 года Высочайшую награду — на Аннинской ленте серебряную медаль на шею «За усердие» — первую оценку его общественной и 22-летней купеческой деятельности.

Великий князь в Зареке

Лето 1868 года для Тобольской губернии и Западной Сибири ознаменовалось величайшим с 1837 года событием — вторым за всю её историю посещением особами императорской крови. На этот раз, по примеру отца, им оказался третий сын Александра II — Его Императорское Высочество великий князь Владимир Александрович. Надо ли говорить, что были задействованы все губернские, окружные и уездные административные и общественные меры подготовки, проведения и освещения предстоящего события.

Посещение Тюмени отпрыском венценосной семьи — командиром лейб-гвардии Преображенского полка — состоялось на обратном пути его путешествия от Семипалатинска (через Омск — Тару — Тобольск) и далее до Екатеринбурга и Перми.

Самым грандиозным мероприятием, приуроченным специально к Высочайшему визиту, предполагалась губернская промышленная выставка товаров и изделий местного производства, устраиваемая на средства купцов И. В. Трусова и П. И. Подаруева. Можно вообразить, сколько энергии, нервов и сил потребовала она от её организаторов и устроителей, в том числе председателя выставочного комитета Гилёва и городского головы Колмогорова, неусыпно хлопотавших везде и обо всём.

В восьми корпусах выставочного комплекса с газонами, кустарниками и клумбами разместились 860 предметов, представленных 380 экспонентами. Тобольские губернские ведомости[113] сохранили для нас верноподданнические *вирши* провинциального поэта А. Головко, посвящённые предстоящему событию:

Торжествуй тюменский житель
И молись за Царский Род!
Новой милостью Зиждитель
Посещает свой народ.
Гость Высокий недалёко.
В этот светлый для нас день
Растворяй скорей широко
Ворота свои Тюмень!
Умолили в вышних Бога:
Видим Царского Птенца
У тюменского порога
На пути его отца.

27 июля в 7 часов утра окружённый свитой и сопровождаемый генерал-губернатором Западной Сибири А. П. Хрущовым, великий князь, при огромном стечении приветствовавшего его на улицах народа, подъехал к Спасской церкви, где когда-то молился его отец. Совершив обедню, Высокий гость проследовал к дому купца С. М. Трусова, где принял хлеб-соль и приветствия именитого общества во главе с хозяином дома и городским головой.

Изволив осмотреть город, царский сын посетил и «*кожевенное царство*» — Зареку. Терпеливо снося густые запахи этого вида производства, Августейший путешественник ознакомился с обширным заводом купца Ф. С. Колмогорова, удостоив хозяина чести посетить его дом и принять в дар фотоальбом видов Тюмени и типов его жителей. Вторым объектом, вызвавшим интерес столичных гостей, оказался механический завод английской подданной г-жи Е. Э. Гуллет.

Вечерняя программа дня была посвящена открытию промышленной выставки и осмотру её экспонатов. Великому князю угодно было приобрести приглянувшиеся ему *тюменский* ковёр и сукно купца Ядрышникова, а также принять в дар ковёр, поднесённый ткачихой Чукмалдиной.

По приглашению попечителя Единоверческой церкви 1-й гильдии купца С. Г. Гилёва Е. И. Высочество не счёл для себя зазорным посетить храм этой конфессии и принять в дар икону в серебряной вызолоченной ризе. Завершился день «народным праздником» в загородном Александровском саду, украшенном флагами и вензелями Высокого гостя.

В 11 часов следующего дня великий князь изъявил желание позировать первому фотографу Тюмени К. Н. Высоцкому, запечатлевшему для потомков участников тех далёких событий. Городское купечество, пользуясь случаем, ходатайствовало перед царевичем поднесённым адресом о настоятельной потребности в постройке Сибирско-Уральской железной дороги для развития промышленного потенциала всего Зауралья.

В благодарность за восторженный приём царский наследник и генерал-майор одарил избранных лиц принимавшей его стороны: городского голову Ф. С. Колмогорова собственным фотографическим портретом придворного фотографа великого князя Николая Николаевича Старшего — К. И. Бергамаско — с автографом; невестку С. М. Трусова, младшую хозяйку гостеприимного дома, — драгоценным браслетом.

В 5 часов пополудни именитое общество и толпы жителей по обеим сторонам московского тракта бурным выражением восторга проводили особу Царского Дома до границы города. Уже

на следующий день на заседании выставочного комитета было принято решение об отправке в столицу депутации от купечества с подробным изложением перспектив развития первого города Сибири.

14 сентября трое тюменских ходатаев — будущий городской голова С. М. Трусов, П. И. Подаруев и Н. М. Чукмалдин — удостоились аудиенции великого князя Владимира Александровича в Царском Селе под С.-Петербургом. В признание полной поддержки Царствующим Домом устремлений частного капитала Сибири в скорейшем соединении железной дорогой водных систем Волги и Оби членам депутации были пожалованы фотографические портреты великого князя. В поощрение экспонентов первой тюменской промышленной выставки 1868 года было получено Высочайшее соизволение на чеканку и раздачу памятных бронзовых жетонов[114].

В развитие затронутых инициатив Н. Чукмалдиным совместно с К. Высоцким к январю 1869 года была составлена аналитическая «Записка»[115], обосновывающая преимущества *южного варианта* предполагаемой железной дороги (имелось в виду направление Казань — Сарапул — Екатеринбург — Тюмень — Томск) против *северного пути* (проект г-на Любимова) — Пермь-Кунгур-Екатеринбург-река Тобол, минуя Тюмень из-за мелководья Туры в летнее время.

В октябре 1878 года стальная магистраль придёт в Екатеринбург всё же из Перми, а ещё через 7 лет свяжет её и с Турой. Но, в конечном итоге, к 1913 году реализуется и вариант, когда-то так горячо отстаиваемый тюменскими мечтателями…

В 1871–72 годах на средства купца С. М. Трусова на окраине города (за Большой базарной площадью) в память о великом князе Владимире Александровиче будет построено[116] красивейшее здание сиропитательного заведения его имени, встречающее всех въезжающих в город со стороны Ялуторовска. Только за 25 лет своего существования в нём нашли приют 1328 воспитанников[117].

С 1870 года в России появились бессословные городские думы, но выборы в них оставались цензовыми (по размерам уплаты городских налогов). Избиратели при этом делились на три разряда.

От купечества (1-й разряд) Ф. С. Колмогоров избирался в гласные думы на 1873–81, 1885–92 годы и только по состоянию здоровья был вынужден отказаться от исполнения своих обязанностей в июне 1892 года. Таким образом, проблемам города он отдал более… 19 лет своей жизни.

Испытание позором

В середине апреля 1870 года в С.-Петербург из Парижа возвратился А. Д. Лухманов. Своевременно извещённый братом о прелюбодеянии жены и появлении у неё незаконнорожденного сына, Афанасий Дмитриевич, тем не менее, не счёл возможным прервать своё европейское турне. Однако, по прошествии трёх лет бывший гусар вспомнил об оскорблённой дворянской чести сбежавшей с любовником супругой и проявил характер. Запоздалый иск об осквернении смертным грехом священных уз церковного брака и его расторжении был вчинён им духовной консистории. Себе в утешение состоявшийся рогоносец к концу года издал… книгу о цветах, скрыв в её названии свою аллегорическую грусть.

Громкий бракоразводный процесс, растянувшийся на 2 года, заставил Надежду Александровну испить всю чашу унижения. Её любовь попиралась во имя лицемерия и безнравственного сожития с постылым старым мужем. Такова была общественная мораль, питаемая религиозными догматами своего времени.

Вызовы на допросы из Москвы в столицу, показания свидетелей, предъявление семьёй Лухмановых письменных доказательств её грехопадения, собственные, но без раскаяния, признания в содеянном и сам приговор стали её Голгофой. На судебных разбирательствах она была вынуждена присутствовать, будучи беременной и вторым, и третьим ребёнком[118], на здоровье и дальнейшей судьбе которых не лучшим образом отразилось нервное состояние их матери. Решение епархиального управления, подписанное митрополитом Новгородским и С.-Петербургским и утверждённое Святейшим Синодом 26 мая 1872 года, было далёким от христианского милосердия: расторгнув брак по причине совершенно доказанной виновности ответчицы в нарушении супружеской верности и навсегда воспретить ей вступать в таковой; предать ответчицу 7-летней церковной епитимьи под надзором духовного отца; дозволить истцу вступить в новый брак; объявить определение консистории бывшим супругам с подпиской[119].

Позор духовного наказания, напрочь исключающий для Надежды Александровны и Виктора Михайловича возможность создания семьи и превращающий их любовь и совместную жизнь в греховную связь перед Богом и людьми, как-то охладил их души, заронив семена раскаяния в совершённом. Даже дети служили им немым укором, записанные в метрических книгах *незаконнорожденными.* Приписанные в 1876 году в московское

мещанское общество, они навсегда потеряли права на дворянство отца, передавшего им лишь имя и фамилию.

Как точно выразила подобное состояние души другая несчастная женщина: «…Если бы знали все Анны Каренины, что их ожидает, как бы они бежали от минутных наслаждений, которые никогда не бывают наслаждениями, потому что *всё то, что незаконно, никогда не может быть счастьем*…»[120]

Кожевенная слава Сибири

На Всероссийской Мануфактурной выставке 1870 года, проходившей в С.-Петербурге с 15 мая по 1 августа, в 17-м классе товаров «Кожи и меха»[121] город Тюмень, именуемый в центральной России *кожевенным Лионом,*[122] представляли:

— Новикова А. Е. (№ 22 списка). Баранья и чёрная козловая кожи по цене 1,3–1,5 рублей. Завод основан в 1845 году. Объём производства до 35 000 кож в год при 12 рабочих.

— Решетников И. Е. (№ 23 списка). Юфть чёрная, красная, белая по цене 5,5–6,0–6,5 рублей. Объём производства до 40 000 кож при 74 рабочих.

— Верницкий А. И. (№ 57 списка). Подбор сапожный для каблуков по цене 9 и 10 копеек. Мастерская работает с 1868 года. Объём производства 5000 рублей в год при 25 рабочих.

— Кузнецов М. Б. (№ 142 списка). Юфть чёрная, красная, белая.

— Решетникова А. И. (№ 143 списка). Юфть чёрная, красная, белая; подошвы и передки голенищ; рукавицы белые и чёрные; сафьян красный и чёрный.

— Роготниковы, братья (№ 144 списка). Кожи чёрные и белые по цене от 1,2 до 6,0 рублей; рукавицы по 35 и 42 копейки за пару при объёме производства до 32 500 пар.

— Опрокиднев А. П. (№ 155 списка). Обувь 1,7–2,0 рубля за пару, чарки.

— Голышманов (№ 174 списка). Бродни и чарки, выросток[123].

Наградами выставки (по заключениям экспертов) среди тюменцев были удостоены:[124] серебряной медали *«за юфть чёрную»* 1-й гильдии купец И. Е. Решетников; бронзовой награды *«за бараньи кожи»* А. Е. Новикова; почётного отзыва *«за сапожный подбор и за обувь»* А. И. Верницкий и А. П. Опрокиднев.

В сентябре 1871 года состоялась Публичная промышленная выставка и в Тюмени, превзошедшая Иркутскую 1869 года по

числу и экспонатов, и участников. Среди 76 экспонентов 3-го отделения (в том числе 12 — от Тюмени), предложивших 139 названий и сортов кожевенного товара, мы встречаем Ф. С. Колмогорова, завод которого производил уже 50 000 кож на сумму до 420 000 рублей. Им была представлена юфть белая по 7 рублей 50 копеек и мостовые кожи по 9 рублей за штуку.

Экспертная комиссия сочла возможным отметить медалями Министерства Финансов следующих тюменских мастеров: большой серебряной — мещан братьев Иосифа и Петра Рогожениковых за белую юфть; малой серебряной — купца Ф. С. Колмогорова за соковую подошву[125].

17 декабря этого же года за заслуги на кожевенном поприще 47-летний купец Ф. Колмогоров жалуется и первой в своей жизни золотой медалью «За усердие» на Станиславской (ордена Св. Станислава) ленте для ношения на шее.

По данным Военного Министерства Тобольская губерния по количеству обрабатываемых кож (1 136 096 шт. при 153-х заводах) в 1871 году прочно занимала второе место в империи. Она значительно опережала Санкт-Петербургскую (648 460 кож), Казанскую (644 945), Варшавскую (568 895), Черниговскую (510 825), Нижегородскую (447 520), Тверскую (425 590) губернии и уступала только Московской (1 438 010 кож)![126]

Среди главнейших центров по объёму кожевенного производства (в рублях) места распределялись следующим образом:[127]

I С.-Петербург — 4 339 810 рублей при 21 заводе;
II Москва — 2 529 850 рублей при 18 заводах;
III Тюмень — 2 465 895 рублей при 67 заводах;
IV Варшава — 2 342 930 рублей при 24 заводах;
V Казань — 2 266 075 рублей при 24 заводах.
По городу Тюмени элиту кожевенников представляли:[128]

Купцы, мещане, крестьяне, бухарцы

Год основания

Всего

Товарооборот завода кож в рублях

1-й г. куп. Фил. Степ. Колмогоров

1750

98 000

555 000

Купеч. вдова Агр. Решетникова

1810

40 000

262 500

Купец Иван Решетников

1810

51 000

259 000

Купцы братья Кучковы

1825

37 000

154 050

Купец Михаил Б. Кузнецов

1865

25 000

111 750

Купец Зах. Глазнов

1825

25 000

96 000

Купеч. вдова А. И. Решетникова

1848

24 000

84 700

Купец Лука Лаврентьев

1830

18 000

63 750

Мещанин Филар. Пеньевеный

1840

13 500

50 000

Мещане бр. Анд. и Лука Решетниковы

1849

7900

29 275

Мещанин Алек. Кочнев

1850

8200

28 950

Мещанин Анемподист Гребенщиков

1852

8200

28 056

Мещане Осип и Никан. Рогожениковы

1847

5400

24 210

Кресть. бр. Пётр, Ник. и Дм. Писхольины

1860

7200

22 950

Бухарец Мухамед Валия Мускмонов

1848

7000

21 050

Мещ-не бр. Фёд., Зах. и Вас. Решетниковы

1840

5000

18 850

Крестьянин Ив. Килеев

1865

5300

17 250

Мещанин Ник. Обласов

1851

4000

14 850

Мещанин Влас Васильев

1860

4800

14 700

Мещанка Ар. Ермакова

1861

3500

11 500

При этом заводчик Ф. С. Колмогоров входил в пятёрку крупнейших представителей этой отрасли производства в империи. В Петербурге он уступал купцу Н. М. Брусницыну (с объёмом годового производства в 881 200 рублей) и фирме «К° Владимирские заводы» (765 000 рублей), в Казани — фирме «С. С. Александров и И. И. Алафузов» (757 500 рублей), в Варшаве — фирме «Бр. Кар. и Ал. Темлер Шведе и К°» (572 400 рублей), но обошёл московского сафьянового купца, потомственного почётного гражданина И. Я. Шувалова (500 000 рублей)!!!

Часть четвёртая (1868–1881 гг.)

Проба пера

Московский период жизни Надежды Александровны 1868–74 годов был полон забот о семье, в которой росли трое детей. Скромного капитанского жалованья Виктора Михайловича едва хватало на жизнь, и родители сами занимались их домашним воспитанием. В какой-то момент ответы на многочисленные детские «почему» мать стала облекать в форму коротеньких сказок, с восторгом принимаемых малышами. Увлечение игрой вылилось в цикл занимательных рассказов: «Суд зверей над человеком», «Каменотёс», «Губка и янтарь», «Что происходит оттого, что Земля вокруг Солнца вертится», «Пробка» и других, предложенных известной московской издательнице М. М. Ергольской.

В 1874 году они увидели свет под псевдонимом Атина (у Масанова[129] не указан) в сборнике «Детские рассказы», положив начало её писательской деятельности. Но своим первым литературным успехом она всегда считала импровизированное сочинение на тему «Мой любимый уголок», прочитанное ею в предвыпускном классе института с совершенно чистого листа тетради и… получившее высшую оценку преподавателя словесности!

Его Высочество на Туре

Летом 1873 года первый город Сибири вновь принимал Высочайшую особу императорской фамилии. Уважаемый купец, гласный городской думы и бывший голова Ф. С. Колмогоров, как имеющий опыт подобного мероприятия, избирается 3 июня

1873 года членом исполнительной комиссии для встречи Его Высочества великого князя — капитана 2-го ранга Алексея Александровича.

Четвёртый сын Александра II после кругосветного плавания на фрегате «Светлана» возвращался в столицу через азиатскую часть империи. Путь до Тюмени он, как истинный моряк, проделал на пароходе «Рейнтерн» по Томи — Оби — Иртышу — Тоболу — Туре. 4 июля в 7 часов утра Высокого путешественника встречали около 15 тысяч горожан, буквально «облепивших» берега реки.

У руля той самой *«царской лодки»,* перевозившей Его Высочество на правую сторону, стояли бывшие городские головы Тюмени — купцы Ф. С. Колмогоров и Г. Т. Молодых. На вёслах во фраках, белых галстуках и перчатках — их молодые собратья.

Парадная — специально устроенная пристань. Духовенство, отцы города, цветы, флаги, наряды дам, сарафаны воспитанниц прогимназии, красные рубахи учеников уездного училища и… полицейские в новой форме. Приветствия и хлеб-соль городского общества во главе с городским головой К. Логиновым. Короткий молебен в монастырском храме и Высочайшие посещения: тюремного замка и школы, сиропитательного заведения (устроенного в память пребывания в Тюмени великого князя Владимира Александровича в 1868 году), городской больницы, уездного училища, прогимназии. После дневного отдыха в доме купца Трусова состоялась церемония посадки именного кедра в Александровском саду. Завершился хлопотный день обедом и балом, данными избранным обществом в честь Августейшего гостя. Несколько подпортил праздник и эффект иллюминационных фейерверков лишь начавшийся вечером дождь.

Утром после завтрака вереница экипажей потянулась от дома Трусова на московский тракт. В благодарность за гостеприимство Его Высочество, узнав о недавно родившемся внуке главы дома, пожелал записать его в церковной книге своим крестником.

На 4-й версте у мраморного памятника, сооружённого в память путешествия предыдущего императорского сына, депутация горожан с музыкой и напутствиями простилась с

Царственным гостем.

В селе Переваловском великий князь пожелал остановиться и помолиться в церкви, возведённой на средства купца Подаруева. В поощрение благотворителя, построившего здесь и приходское училище, Его Высочество соизволил: пожаловать учебному заведению своё имя и впредь именовать его *«Алексеевским»*; пожертвовать училищу 300 рублей и бедным жителям Тюмени 600 рублей.

Растроганный купец дал обед в честь Высокого гостя на конечной сибирской станции в селе Тугулымское с обязательством выстроить в Переваловском часовню с иконой Св. Алексея [130].

А в это же время в столице Австрийской империи проходила Венская всемирная выставка, русский отдел которой под почётным председательством Его Императорского Высочества цесаревича и великого князя Александра Александровича был представлен 26-ю группами произведений.

Среди 56 экспонентов по 6-й группе (кожа, меха и каучук) кожевенную Тюмень представлял уже известный нам М. Б. Кузнецов (с образцами яловой кожи)[131]. Мы не располагаем сведениями об участниках, удостоенных наград, но так хочется верить, что тщеславный тюменец, замахнувшийся на всемирное признание, был одним из них!

Уездный воинский начальник

В середине сентября 1874 года 35-летний капитан В. М. Адамович наконец-то получил самостоятельную должность — Подольского уездного воинского начальника. В начале октября с многочисленной семьёй он отбывает из Москвы к месту новой службы и на целых 12 лет связывает свою жизнь с этим губернским городком. Здесь за отличие он будет произведён в майоры, подполковники, полковники и удостоится своего первого ордена — Св. Анны 3-ей степени.

Именно отсюда в июле 1877 года его почти на 11 месяцев командируют в Болгарию в распоряжение князя Черкасского[132] для гражданского обустройства нового балканского государства. В течение 3-х месяцев 1878 года Виктору Михайловичу придётся быть даже полицмейстером города Тырново.

Дешёвая жизнь маленького городка побудила Надежду Александровну перевезти из С.-Петербурга в Подольск своих родителей — больного отца и ещё не старую мать, сняв для них у вдовы дьякона маленький деревянный домик.

В воспоминаниях старшего сына Дмитрия Адамовича образ отца тех лет остался таким: «…Несмотря на польские корни, родитель мой не знал этого языка и недолюбливал поляков. Но в чертах его характера часто сквозили доставшиеся от предков нервозность, склонность к азарту, блёстки своеобразного остроумия и, пожалуй, доля легкомыслия…

…Не будучи широко образован, он, тем не менее, производил впечатление достаточно начитанного человека, приветливого, когда не проигрывался в карты по вечерам, и остроумного собеседника. В его кабинете стояли два больших книжных шкафа с произведениями классиков русской литературы и много французских книг. Им выписывались либеральная газета Краевского „Голос“, „Русский инвалид“, журналы „Русская старина“ и „Нива“…

…Священников он не терпел, бывая в храме только на официальных молебнах *в царские дни* да в великие праздники. Причём всегда выходил из дому, когда колокола начинали бить *к достойне*…[133]

…После семейного обеда отец не отдыхал, а садился за огромный письменный стол и 2 часа занимался со мною, потом читал сам. Зато вечером, когда самовар и посуда убирались, уже для нас звучали вслух „Вечера на хуторе близ Диканьки“, отрывки из „Кобзаря“ в русском переводе, „Записки охотника“, стихи Некрасова и Никитина…

….Любил ли отец нас, детей? Несомненно! Но бывал и раздражённым, и вспыльчивым. А возмущённый нашей ложью, недобросовестностью и проступками мог и выпороть порядочно…»[134]

Заботы о стариках, детях и нелёгкая материальная сторона быта не содействовали сближению гражданских супругов. После 9 лет совместной жизни что-то разладилось в их отношениях. Ревностно отдаваясь службе и, видимо, не находя в семейных утешениях желаемого, Виктор Михайлович всё чаще и чаще восполнял остроту ощущений, так необходимую всякому военному человеку, игрой в карты! Смена настроений от проигрышей и карточных долгов не добавляла мира в семье[135]. Чашу терпения и обид жены-учительницы переполнила фривольная сцена с участием Виктора Михайловича и молодой, красивой и энергичной кухарки Марфы, произошедшая, как позже отметила в своих воспоминаниях будущая писательница, на её глазах в их доме.

Оставив малолетних сыновей Дмитрия и Бориса на попечение мужа, а дочь Марию на руках матери, Надежда Александровна летом 1876 года вернулась в Москву и нашла в себе силы начать самостоятельную жизнь. Ей было совсем не до любви, когда та сама нашла её. Но небеса, как известно, ничего не дают даром…

Казанские гимназисты

К середине 1875 года Филимон Степанович очень преуспел в делах, выбившись в элиту городского купечества. На присоединённых к основному участку владениях фактически был поставлен новый стабильно развивающийся кожевенный завод. Имелись все отделения полного цикла производства: подготовительное, зольное, обеззоливания, дубильное, сушильное, *отделовочное.* В семи деревянных корпусах, в том числе и двухэтажных, работали — корьерезная машина, 13 корьевых мельниц, 4 винтовых пресса, водоподъёмный насос, 2 промывательных барабана, действовавших посредством конного привода, стояли 256 громадных чанов и 4 котла.

Годовая выделка только белой юфти и подошвенных соковых кож достигла 40 000 и 10 000 соответственно на общую сумму в 450 000 рублей. И все эти результаты были достигнуты 51-летним кожевенником без всякой помощи со стороны почти взрослых сыновей, трём из которых он уготовил Императорский Московский университет! Едва ли они догадывались об этом, спеша из Казани домой на каникулы и подъезжая в тарантасах к Тюмени в конце июня 1875 года.

Легче всего учение далось младшему Александру, первому из братьев державшему 10-дневный выпускной экзамен и в 17 лет получившему гимназический аттестат со средним баллом 4,33[136], при этом была отмечена его большая любознательность в математике. Не без трудностей окончил курс в 1876 году и 21-летний Фёдор, выдержав испытания во 2-ой Казанской гимназии со средним баллом 3,67[137]. Труднее всех к выпуску шёл Григорий, закончивший в 1877 году курс в 3-ей Казанской гимназии со средним баллом 3,44[138].

Причины, по которым один из богатейших купцов Тюмени избрал университет, и именно Москву, для продолжения образования наследников его дела, видятся следующими: тщеславное желание отца удивить и потрясти город своим поступком; престиж Московского университета, старейшего в империи; возможность присмотра за сыновьями со стороны бывшего тюменца Н. М Чукмалдина, с 1874 года 1-й гильдии московского купца, многим обязанного их отцу. Вероятно, эти 3 фактора и склонили чашу весов к Москве, несмотря на относительную близость к Тюмени Казанского университета.

Жребий первому войти в храм науки выпал Александру, будущему действительному статскому советнику! Этот 4-й классный чин государственной службы по табели о рангах

соответствовал в армейской иерархии званию генерал-майора и по Указу Сената от 1856 года давал его обладателю право на получение потомственного дворянства.

В 1876–77 годах присоединились к брату и стали студентами Фёдор и Григорий. Гордый успехами сыновей и горячо поддерживая идею об учреждении Сибирского университета, Филимон Степанович вместе с городским головой Глазуновым устраивают подписку средств на его будущее строительство[139].

Новое искушение

Впервые в жизни Надежда Александровна оказалась предоставленной самой себе в огромной Москве без всяких средств существования. Что творилось в её душе? Как найти ту дверь, распахнув которую окажешься на пороге новой жизни, придающей смысл самой сущности бытия? Не дети, а сильная воля заставляла «собирать хворост» в надежде, что огонь всё-таки придёт с неба!

Сняв комнату в доходном доме на Молчановке, она уже в августе привезла к себе 9-летнего Дмитрия и определила его в подготовительный класс гимназии. Литературные переводы с французского, немецкого, а потом и английского в крупнейшем в России нотном издательстве П. И. Юргенсона, в небольших газетах, частные уроки для детей состоятельных московских семей воскресили угасшие надежды…

Вскоре ей удалось получить место репетитора в среде студентов Московского университета, желающих самостоятельно совершенствовать свои познания во французском языке. Атмосфера бурлящей мужской студенческой среды отвлекала от одиночества и была весьма кстати для «свободной» учительницы в расцвете бальзаковского возраста.

Особенно приветливые и почти дружеские отношения сложились у неё с братьями Колмогоровыми: 19-летним второкурсником математического отделения Александром и 21-летним первокурсником-юристом Фёдором из далёкой Тёмени, как это смешно подчёркивали оба своим произношением. Для бывшей петербурженки, повидавшей Берлин, Париж и Женеву, это звучало равносильно Тмутаракани.

В какой-то момент общения с Александром женская интуиция подсказала Надежде Александровне, что рослый сибиряк испытывает к ней совсем не педагогические чувства. Скорее, это была сдержанная страсть созревшего для любви здорового мужского организма, томящегося по недополученным в детстве родительской ласке, домашнему теплу и уюту.

Женское сердце, в силу обстоятельств лишённое постоянного общения со своими детьми, было обречено отозваться на «трубный зов» молодой страдающей души. И как-то не думалось ни о 16-летней разнице в возрасте, ни о греховности новой связи перед Всевидящим оком, ни о полной бесперспективности их отношений. *Влекло любопытство*, как остроумно бы заметил Оскар Уайльд!

И оно в полной мере было удовлетворено подкупающей

юношеской робостью и стыдливостью, каждый раз пытающейся как-то облагородить моменты их физического безумия, далёкие от настоящей любви. Это так не вязалось с привычными в её интимной жизни с мужьями-офицерами «гусарскими наскоками или штыковыми ударами с фронта и тыла».

Надежда Александровна нисколько не скрывала от любовника свои прежние жизненные интриги, преподносила их как роковые стечения обстоятельств. Да и глупо было бы что-то скрывать, имея трёх детей при живых мужьях и многочисленную, хоть и дальнюю, родню в обеих столицах. Хотелось одного — выглядеть моложе своих лет в этом пьянящем водовороте студенческих страстей.

В конце августа Александр узнал о беременности гражданской жены и очень удивил её предложением переехать в снятую им квартиру[140]. Вскоре в ней появилась и 6-летняя Мария, привезённая из Подольска. Таким образом, у 19-летнего студента ещё до рождения собственного ребёнка появилась семья, куда к матери на каникулы стали наведываться братья — Дмитрий и Борис.

Их отец, желая видеть в сыновьях только своё подобие, определил Митю в 3-ю Московскую военную гимназию[141], находящуюся в многоэтажном особняке на пересечении улиц Садовая и Спиридоновка. Атак как здание не имело интерната для проживания, подросток был помещён в пансион француза мсьё Роже, затем и немца Берга для изучения языков. Оплачивал обучение Виктор Михайлович. В этой гимназии четырьмя годами позже начнёт военную карьеру и будущий генерал гвардии Борис Адамович.

Бременцы в «Сибирском Лионе»

Начало 1876 года принесло известному кожевеннику третью по счёту и вторую золотую медаль «За усердие», теперь на Аннинской ленте, пожалованную 23 января. В этом же году в Западной Сибири побывала и экспедиция бременского Общества германской северно-полярной экспедиции в составе известных немецких натуралистов: этнолога и орнитолога доктора Отто Финша, зоолога Альфреда Брема[142] и волонтёра графа Карла фон-Бальдбург-Цейль-Траухбурга, адъютанта штаба короля Вюртембергского.

Исчислив расходы на предстоящее научное мероприятие в 18 000 марок, бережливые организаторы смогли собрать всего лишь — 7905! Судьбу предприятия решила неожиданная и щедрая помощь (20 300 марок) иркутского купца А. М. Сибирякова. После представления Его Величеству императору Германскому и королю Прусскому Вильгельму I отряд естествоиспытателей выехал из Берлина и уже 26 февраля был в Петербурге.

Преодолев за 6 месяцев по земной тверди и рекам 1200 вёрст от Екатеринбурга до Семипалатинска и далее до Северо-Западного Китая и оттуда до Карской губы и обратно до столицы Урала, путешественники дважды (в конце марта и в начале октября) посетили Тюмень, оставив нам свои любопытные комментарии:

> …В Тюмени остановились в доме Ивана Ивановича Игнатова, совладельца пароходства «Колчин и Игнатов», верфь которого расположена в 7 верстах от города. Половина всех обских пароходов имеет здесь своё пребывание.
>
> Существует в городе и машинная фабрика шотландца Р. Вардроппера, на которой выделываются не только разного рода паровые котлы и механизмы, но и аппараты для винокуренных и горных заводов. Брат владельца — Фома, служащий механиком у Колчина, был нам очень полезен как переводчик. Он и *свёл* нас 29 марта на большой кожевенный завод Филимона Степановича Холмогорова[143] (годовой оборот поставок юфти для армии 227 000 рублей!).
>
> За несколько станций перед Тюменью нам предлагали ковры, выделанные в окрестных сёлах. Толстые, прочные, из грубой шерсти, они отличались

безвкусием, но стоили недорого. Изделие размером 8 на 6 футов отдавали за 6 рублей, пёстрый половик в 24 фута — от 5 до 6 рублей. Мы не смогли удержаться и сделали несколько покупок…

Догадывались ли немцы, что везут в Европу «*эксклюзивные*» экземпляры изделий, сотканных сибирскими умельцами не только из овечьей, но и… коровьей, и даже конской шерсти — отходов многочисленных кожевенных промыслов округи (по 1 рублю 20 копеек за пуд)!?

Не зная известной всей Сибири пословицы «Тюменцы семеро в одной корчаге крестились», не обратили внимания бременцы на гончарный промысел горожан. Их горшки из прекрасных кулаковской и каменской глин (лучше гжельской) всегда находили сбыт в Тобольске, Кургане, Ялуторовском округе.

…При 18 тысячах жителей имеется здесь типография, работающая очень недурно. Купили небольшой юмористический альбом, весьма удачно изображающий пером и карандашом сибирские города и нравы[144]. В сатире на предприимчивость тобольчан, последние, например, обвиняются в том, что сами приготовляют себе даже папиросы и нисколько не совестятся ходить за своей ежедневной порцией водки.

Спутники мои осмотрели типографию, принадлежащую Высокому[145], фабрику Вардроппера, рыбный рынок и этнографическо-естественно-историческую коллекцию г. Канонникова[146]. Граф особенно хвалил искусную работу чукчей из мамонтовой кости. Экспедиции подарили два черепа из окрестных могил, принадлежащих, по всей вероятности, вогулам. 1 апреля выехали в Омск…

…10 октября в 8 вечера прибыли в Тюмень. Так как наш гостеприимный хозяин Иван Иванович, к сожалению, был не совсем здоров, то мы остановились в гостинице Соловьёва. Первый наш визит был, понятно, к Игнатову, который предоставил нам право пользоваться его пароходом и даром перевёз наши ящики (26 штук весом около 50 пудов). За роскошным столом хозяина мы отлично пообедали. В первый раз в Сибири видели мы речных раков из Туры, вероятно, волжской породы, где их разводят искусственно…

…Несколько южнее Тобольска в защищённых садах растут здесь яблони, груши и вишни, как показали это удавшиеся опыты г. Холмогорова[147], с успехом

занимавшегося ввозом фруктовых деревьев.

…Охотно бы я посетил *«на высоком берегу лежащую»* могилу высокозаслуженного Стеллера[148], о которой упоминает Паллас[149] в своих «Путешествиях». Однако, никто не смог указать мне её места. 12 октября выехали в Пермскую губернию, оставив графа в Тюмени…[150]

Авторы дневников не назвали имя пионера тюменского садоводства, но с большой долей вероятности этим «селекционером» мог быть и Филимон Степанович, упоминание о большом загородном саде которого мы ещё встретим ниже. Поспешим, однако, к заботам тюменских кожевенников.

Ожидаемая в обществе и разразившаяся русско-турецкая война 1877–78 годов, помимо прочего, резко подстегнула спрос на все виды кожевенного товара для армии: от обуви — до военной амуниции, кавалерийской и обозной упряжи. Срочно строились новые кожевенные заводы. Если в 1871 году их количество в империи составляло 3065 при численности рабочих в 14 000 человек, то в 1880–3565 с 20 689 рабочими. По окончании войны ситуация изменилась в противоположную сторону с одновременным укрупнением предприятий. К 1890 году количество заводов сократилось до 2300 с 21 511 рабочими[151].

Интендантские службы армии щедро оплачивали поставки, и купцы, как и во все века, обогащались на войне. Не был исключением и Ф. С. Колмогоров. Но жажда наживы, как нам кажется, не была всё же главным его качеством. Нужды и беды города не оставляли его равнодушным. Став 5 апреля 1877 года директором городского Общественного банка, он на целых 13 лет свяжет себя с деятельностью этого учреждения, в разные периоды будет членом ряда комиссий — поверочной (годовых отчётов), учётной и членом учётного комитета. Забегая вперёд, добавим, что в январе 1890 года тюменское городское общество по случаю 25-летия банка объявит благодарность её неутомимому деятелю, подтверждённую письмом городского головы от 23 апреля 1890 года.

11 мая 1877 года мы встречаем имя купца Колмогорова среди членов Временного городского комитета по наводнению. А в октябре этого же года он избирается на трёхлетие и председателем Сиротского суда[152].

Первая тюменская газета «Сибирский листок объявлений»[153], издававшаяся К. Н. Высоцким весь 1879 год, поместила на своих страницах сведения по 15 самым крупным из 57 кожевенных заводов, находящихся только в заречной части города. При выработке ими до 500 000 кож в год на долю завода

1-й гильдии купца Ф. С. Колмогорова, названного газетой *главным кожевенным заводчиком,* приходилось 100 000 или 20 % их общего объёма! Вот она — элита «*кожевенного царства*» Зареки:[154]

№ п/п Заводы Выработка кож в год
1. Колмогорова А. Ф. 100 000
2. Решетниковых девиц 50 000
3. Решетникова И. Е. 50 000
4. Кузнецова М. Б. 30 000
5. Кучкова И. С. 30 000
6. Новиковой Авд. Е. 50 000
7. Кочневых братьев 25 000
8. Решетниковой А. С. 20 000
9. Решетниковых братьев 20 000
10. Гребенщикова А. Г. 15 000
11. Васильева В. Е. 10 000
12. Обласова И. А. 10 000
13. Лаврентьевых 10 000
14. Лазарева П. Г. 10 000
15. Решетниковой А. И. 10 000

Третья золотая медаль «За усердие», теперь уже на Владимирской (ордена Св. Владимира) ленте, пожалованная Филимону Степановичу 20 февраля 1880 года, прибавляется к его предыдущим наградам. 1880-е годы стали вершиной профессиональной карьеры мастера.

Гимном Зареке мог бы служить «крик души» анонимного автора в столичной газете Н. Ядринцева[155] тех лет:

> …В Заречье одубиной пропахло всё; вещи в домах, скот, собаки, деревья, цветы и даже жители здесь имели свой собственный запах. Жизнь кожи стала жизнью Тюмени. Распластанная и распяленная она должна была войти в герб города. Проявления тюменских ощущений, радостей, страданий и наслаждений — кожевенные. История Тюмени — история кожевенного завода. Богатство её — содранная кожа. Бедность — ободранная кожа. Честь здесь — кожевенная, слава — кожаная. Мыслит и дышит человек здесь кожей, боится только за кожу. И в Тюмени, надо заметить, славная толстая кожа…

Бурное развитие промышленности заставляло дальновидных заводчиков укрупнять производства, внедрять эффективные

технологии, сокращающие затраты труда и сроки выделки кож. Кожевенное искусство всё увереннее сближалось с химическим производством.

После Лондонской выставки 1862 года на варшавских заводах, московских — братьев Бахрушиных и П. Я. Шувалова — рождается ускоренная золка сернистым натрием. Дубление голья всё больше производится *«в соках»,* то есть в различного вида экстрактах, в которых концентрация дубильных веществ в 3 и более раз превышала ивовую кору. Из процесса обеззоливания исключается шакшевание, заменяемое бучением *«в киселях».* При этом многократная ручная переборка шкур происходит во вращающихся барабанах, приводимых в движение уже не лошадьми, а паровыми установками. Сильную золку известью и шадриком заменяют паровой обработкой шкур в штабелях и швиц-камерах. На европейских промышленных выставках экспонируются образцы прессованной (из отходов производства) и даже искусственной кож (дерматин).

Появляются станки для прессовки, вытяжки, строгания, мятья, прокатки кожевенного товара, отжима сока из дубильного корья. Рождается технология *«двойных кож»,* не уступающих по носке соковым подошвам. В крашении широко внедряются анилиновые красители.

Филимон Степанович всё больше задумывается над постройкой заводской котельной с паровой установкой. И это ему удаётся. К 1902 году его кожевенное предприятие станет самым крупным (200 рабочих) и единственным паровым не только в Тобольской губернии, но и во всей Западной Сибири[156]. Для сравнения, Механический, судостроительный, чугунно- и медно-литейный завод «Курбатов и Игнатов» в Ялуторовской волости Тюменского уезда к этому же времени будет насчитывать — 204 рабочих!

Незаконнорожденный сын Григорий

Молодой студент и будущий отец Александр Колмогоров быстро сдружился со всеми детьми Надежды Александровны, хорошо помня свою тоску по семейной ласке в период гимназического обучения в Казани. Сложнее обстояло дело с материальным обеспечением, зависимым от крутого нравом и прижимистого *тятеньки.*

Но и здесь нашёлся выход. Воистину «желание — это тысяча способов». Помогла солидарность старших братьев[157] и совместное обращение к московскому купцу-земляку Н. М. Чукмалдину. Войдя в положение, «благодетель» нашёл способы и возможности увеличения родительского содержания студентов-земляков в пользу *«пострадавшего от любви»* Александра (влюбился «без ума», с умом бы воздержался!).

Братья регулярно стали бывать в гостеприимной квартире купца в доме художественного музея на Мясницкой улице, затем на Малой Лубянке в доме княгини Гагариной, где Александр однажды представил Николаю Марьтемьяновичу, раньше, чем собственным родителям, свою невенчанную жену.

В первый месяц весны 1878 года у А. Ф. Колмогорова родился единственный в его жизни ребёнок, нареченный по имени старшего брата — Григорием. В метрической книге церкви во имя иконы Богоматери Неопалимая Купина (в Новой Конюшенной слободе близ Девичьего поля) в статье о родившихся за 1878 год под № 4 имеется запись: «11 марта у временно проживающей в доме г-на Шереметевского бывшей жены отставного подполковника Лухманова Надежды Александровны (урождённой Байковой) незаконнорожденный сын Григорий (крещён 15-го). Восприемники — губернский секретарь Николай Игнатьевич Страхов и рязанская мещанка Хиония Егоровна Крутицкая»[158]. Оставим на совести двух дядьёв младенца причину, по которой ни один из них не стал его крёстным отцом.

Специально для новорожденного Александром Филимоновичем была снята дача в Петровско-Разумовском и нанята кормилица.

Действительные студенты Колмогоровы

1881 год ожидался 57-летним суровым кожевенником с особыми надеждами. В одиночку создававший и все эти годы управлявший крупнейшим производством, он давно отвык от собственных сыновей, с 1866 года учившихся в казанских гимназиях, а затем в Московском университете.

Два года назад канули в Лету его радужные надежды на преемника дела всей его жизни. Младший Александр, первым окончивший в 1879 году курс физико-математического факультета, по существующему положению и запросу ректора был исключён из купеческого сословия Тюмени для получения звания «Действительного студента» и права на 12-й классный чин губернского секретаря. Подобная процедура коснулась в дальнейшем и двух его братьев. Это было неожиданным и болезненным ударом для Филимона.

Не решился Александр представить отцу и всей патриархально-набожной родне свою невенчанную жену с её дочерью и незаконнорожденным сыном. Опозорить семью, идя на неслыханное в Тюмени дело — безбрачную семейную жизнь! Не быть принятым ни в одном доме! Для 21-летнего вчерашнего студента это оказалось выше сил. Полагаясь на решение его участи отцом, Александр провёл лето 1879 года в военном лагере под Москвой на правах вольноопределяющегося 2-й батареи 1-ой гренадерской Его королевского Высочества принца Карла Прусского артиллерийской бригады, отбывая воинскую повинность младшим фейерверкером.[159]

Немалых дипломатических усилий и красноречия стоили московскому «опекуну» Чукмалдину улаживание отношений между упрямым и влюблённым сыном и негодующераздражённым отцом. В результате компромиссного решения действительный студент уволился в запас с зачислением в ратники ополчения 1-го разряда и решил продолжить образование в престижном институте путей сообщения в С.-Петербурге[160] и как-то «разрешить» свои сердечные дела. А отец согласился ещё 3 года материально содержать «гражданскую семью» младшего сына в столице!

В вагоне поезда, увозившего семейство Александра Филимоновича из Москвы в столицу, находилась и 8-летняя падчерица Мария — кроткая девочка с печальными глазами, тяжело переживавшая разлуку с отцом и братьями.

Старшие сыновья Филимона завершили учёбу в 1881 году и вернулись домой.

26-летний Фёдор, отучившись 5 лет вместо 4-х, закончил юридический факультет с тем же званием и правом на чин, что и брат Александр, и уже 30-го мая выписался из Москвы[161].

24-летний Григорий, выбрав естественное отделение физико-математического факультета, удостоился степени «кандидата прав», позволявшей ему получить свидетельство на звание учителя гимназии и, соответственно, 10-й классный чин «коллежского секретаря». Польщённый отец оценил усердие сына и оплатил ему 40-дневный отдых на Пятигорско-Железноводском курорте[162].

Торопясь на родину, братья даже не стали дожидаться оформления университетских документов и получили их уже дома (по запросам на имя ректора).

Только теперь, на 58 году жизни, начинающий стареть главный кожевенник Тюмени наконец-то заполучил себе в помощники двух довольно рослых и прекрасно образованных сыновей. На очереди были хлопоты по подысканию им соответствующих невест, женитьбе и скорейшему появлению на свет внуков — наследников его не малых капиталов и недвижимости.

Готовя сыновьям подарок, Филимон ещё в конце 1880 года начал хлопоты перед городским и губернским начальством о пожаловании ему (с семейством) потомственного почётного гражданства. Исключение сразу троих наследников из купеческого сословия его огорчило, но не остановило в намерениях. 23 марта прошение, подкреплённое пакетом соответствующих документов, было отправлено в Сенат.

В 1881 году Филимон Степанович по-прежнему в центре общественной жизни города. С 24 марта (по июль 1888 года) он — член попечительного совета недавно открывшегося и самого престижного в городе мужского учебного заведения — Александровского реального училища, где вскоре будет учиться и его первый внук Григорий Александрович. С сентября — добровольный директор Тюменского отделения попечительного о тюрьмах комитета;[163]с ноября — член городской комиссии по улучшению народного труда и местных промыслов.

Часть пятая
(1879–1885 гг.)

Святотатство у алтаря

Пока Александр Филимонович постигал в С.-Петербурге премудрости железнодорожного дела Надежда Александровна занималась семьёй и частными уроками. В 1880 году в девятом номере столичного журнала «Семья и школа» появился рассказ «Приёмыш», впервые подписанный фамилией *Лухманова,* ставшей её литературным псевдонимом.

Дочь Мария в это время училась в Мариинском институте[164], потом в частном пансионе. По большим праздникам навещали мать, сестру и брата[165] приезжавшие из Москвы кадеты-гимназисты, у которых ещё с Петровско-Разумовской дачи сложились вполне симпатичные отношения с отчимом, величаемым ими, с лёгкой руки Мани, просто *Саной.*

…Я знала, что ты будешь очень рад видеть маму у себя. Мне без неё было скучно. Рада, что приедешь на Масленицу к нам. Пишу в институте между классами, спешу. Мама, Сана, Митя, Гриша целуют тебя.

Это коротенькое детское письмо 9-летней сестры к брату Борису из С.-Петербурга в Москву, датируемое началом 1881 года, примечательно тем, что является самым ранним документом огромного личного фонда Б. В. Адамовича, ныне находящегося в Москве[166].

Приближающаяся дата окончания Александром Филимоновичем института и предстоящий переезд в Тюмень побудили гражданских супругов попытаться как-то узаконить свои личные отношения. Не желая привлекать к себе внимания, *«молодые»* скромно, без поручителей, обвенчались 6 февраля 1881 года в левом приделе церкви во имя святого мученика Мирония лейб-гвардии Егерского полка (на набережной Обводного канала) [167]. В качестве удостоверений личности ими были предъявлены следующие свидетельства: фейерверкера из вольноопределяющихся, состоящего в запасе войск — Александра Филимоновича Колмогорова и аттестат выпускницы Павловского института, выданный на имя *девицы* Надежды Байковой… ещё в 1861 году!!

При этом искушение «невесты» казаться моложе своих лет было так велико, что Надежда Александровна, собственноручно подделав документ, прибавила три года к дате окончания института (1864 вместо 1861) и… восемь лет к своему году рождения (1849 вместо 1841)! Таким образом, самый молодой её

муж пребывал в смиренной уверенности, что жена старше его всего лишь на 8 лет, а вовсе не на все 16!!

Возвращение блудного сына

В июле 1882 года в Тюмень наконец-то вернулся и «блудный сын» Филимона Александр. Он успешно окончил курс наук в Институте инженеров путей сообщения Имп. Александра I (25-м по успехам из 111 выпускников 1882 года)[168] со званием гражданского инженера и правом производства строительных работ. Приказом министра был определён в Департамент железных дорог штатным инженером IX класса[169], а указом Сената утверждён в чине коллежского секретаря.

Молодой инженер 69 выпуска командировался министерством на постройку первой в Сибири Екатеринбурго-Тюменской железной дороги для занятия должности производителя работ 2-го разряда[170].

Так началась инженерная карьера самого упрямого из сыновей тюменского кожевенника. Уйдя из жизни в 1893 году, отец не узнает, что его сын добьётся в жизни успехов не меньших, чем он. Александр Филимонович Колмогоров станет «железнодорожным генералом» — начальником Средне-Азиатской железной дороги, будет награждён пятью царскими и императорскими орденами, бухарским орденом «Золотая звезда» 1-ой степени. После выхода в отставку в октябре 1913 года он возглавит в С.-Петербурге в ранге директора правления частную Московско-Виндаво-Рыбинскую железную дорогу, включающую в себя и Николаевскую — Москва-Петербург[171].

А пока встречающей многочисленной родне Александр представил свою теперь уже «законную» жену, четырёхлетнего сына Григория с петербургской няней и 10-летнюю падчерицу Марию. Родители, поминая неисповедимые пути Господни, постепенно свыклись с сумасбродным поступком младшего сына. Его греховную связь с многодетной женщиной, добровольно оставившей двух мужей, они приписали воздействию извращающего умы образования.

Сообщения Александра о рождении в Москве их внука-первенца, а затем и о венчании с сожительницей в столичном храме, освящённом митрополитом Никанором в присутствии самого Государя-Императора Александра II, несколько смирили гордыню отца и религиозные чувства матери. Но ощущение порочности брака, заключённого явно не на небесах, не покидало христианские души. Ведь Господь всего лишь продаёт нам удовольствия и всегда слишком дорого!

В суматохе представлений, объятий, поцелуев и слёз Александр подвёл жену к отцу. Дневник будущей писательницы

сохранил для нас эпизод их встречи:

…Передо мной в прекрасно сшитом фраке стоял улыбающийся, громадного роста, крепкий и жилистый старик со следами оспин на бритом лице, с небольшими мигающими, но зоркими глазами. За его напускным радушием с трёхкратным целованием я остро почувствовала сознание им силы своего превосходства, прикрытого внешним лоском наносной цивилизации…

Пока для «молодых» приводился в порядок каменный дом с флигелем и усадебной землёй, какое-то время им пришлось пожить в загородном владении Колмогоровых, а с наступлением осенних холодов они переехали в подаренный им собственный дом на Царской улице.

Юность капитана

Вслед за отъездом семьи Колмогоровых из Петербурга в Тюмень в жизни и 15-летнего кадета 3-го Московского кадетского корпуса[172] Дмитрия произошли события, навсегда определившие его дальнейшую судьбу.

В детстве мальчик никогда не видел моря, но ещё в Подольске, начитавшись морских книг, которые жадно покупал на свои карманные детские деньги у букинистов, платонически в него влюбился. В гимназии мечты о морских путешествиях и приключениях только усилились после чтения романов Жюля Верна, записок капитана Головнина и «Фрегата Паллады» Гончарова.

Посещение С.-Петербургского Морского музея, поездка в Кронштадт, увиденные там корабли побудили в его душе такие фантазии, сопротивляться которым было выше его юных сил. Приняв окончательное решение стать моряком и не желая больше оставаться в корпусе, Дима быстро нашёл повод к действию в виде оскорбительно-грубой выходки по отношению к нелюбимому кадетами преподавателю.

Исключённый из 6-го класса[173] и выпоротый отцом, будущий «морской волк» с 25-ю рублями в кармане и подушкой в руках был отправлен в Керченские мореходные классы, начальника которых В. М. Адамович хорошо знал ещё по службе в Одессе. Добравшись через Севастополь до Керчи, Митя, благодаря хорошей теоретической подготовке, был принят сразу во 2-й класс. Учился он усердно, удивляя много повидавшего преподавателя — отставного капитана из кантонистов О. П. Крестьянова. «Морская практика» П. А. Федоровича, «Навигация» Н. Н. Зыбина, «Судостроение» К. Ф. Штейнгауза и «История корабля» Н. П. Боголюбова стали его настольными книгами.

Уже в конце октября — первое рабочее плавание (за 20 рублей) Керчь — Ростов-на-Дону и обратно на небольшом колёсном пароходе «Л. Д. Гадд» и первые строки юношеских стихов:

К тебе душою рвусь я, море,
К тебе безбрежное спешу.
И только на твоём просторе
Я грудью полною дышу.

Тюмень глазами петербурженки

Попробуем представить себе Тюмень начала 1880-х годов глазами 40-летней женщины — выпускницы столичного института. Прожив лучшую половину своей жизни в любимом ею С.-Петербурге и Москве, посетив Женеву, Берлин и Париж, она с тревогой и волнением ждала переезда в глухие места, каковыми всё ещё оставался для европейской России один из самых крупных городов Сибири.

Конечно, она готовилась к встрече с новой для себя жизнью и подолгу расспрашивала мужа о неведомом ей крае и нравах его обитателей. Была загодя просмотрена возможная литература, которую удалось найти об Урале, Тюмени, Тобольске и всей Западной Сибири: о походах князя Ф. Курбского и Ермака за «*каменный пояс*»; о тобольском периоде жизни (1653–55 гг.) протопопа Аввакума, который не мог здесь не общаться с дальним её предком — «*царского величества московским дворянином*» Фёдором Исаковичем Байковым, отправившимся отсюда в июне 1654 года во главе московского посольства в Китай.

Она прочла: «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» и «Историческое обозрение Сибири» Словцова; «Письма о Сибирской жизни» Семилужинского; «Город Тюмень» Абрамова; «Тобольск в сороковых годах» и повесть «Исчезнувшие люди» Знаменского; рассказы и романы Наумова, Шишкова, Мамина-Сибиряка, Андрея Печерского.

…От Екатеринбурга до Тюмени я ехала в большом широком тарантасе казанской работы (без рессор, на длинных дрожинах). Проезжали через зажиточные сёла. По обе стороны широкого тракта тянулись переселенцы, изредка попадалась целая сеть повозок с солдатами на козлах, бряцали цепи, блестели штыки. И когда умолкал шум и пыль, перестав крутиться, точно с тоской падала на грудь дороги, в душе всё ещё жило тяжёлое впечатление проезда ссыльных, в ушах всё ещё раздавался лязг железа, скрип колёс и обрывки дикого смеха или стона…[174].

Надежда Александровна оказалась в Сибири всего на год позже писателя-публициста В. Короленко, но гораздо раньше других её современников — Г. Успенского, А. Чехова, Н. Телешова. Она ещё застала величественную панораму, открывающуюся с высокого берега Туры на два десятка ветряных (*корьерезных)* мельниц, неспешно толкущих ивовую кору на лугу при выезде из Заречья. Всё читанное ею и ещё недавно такое

далёкое и загадочно-таинственное теперь предстало перед ней наяву во всей достоверности, превзошедшей её ожидания. Как отметила в своём дневнике будущая писательница, *«Тёмень* Господь послал мне в качестве запоздалой епитимьи, когда-то наложенной на меня Священным Синодом за грехи молодости».

Всё больше и больше убеждалась Надежда Александровна в правильности мнения побывавших здесь до неё путешественников: «…Вся жизнь заметно растущего города носила бросавшийся в глаза староверческий (глухой, домашний) отпечаток.

Усиливал это ощущение даже унылый тёмно-коричневый цвет домов.

Сплошные высокие заборы, утыканные сверху остриями гвоздей, засовы, замки да громадные цепные псы надёжно оберегали владельца от вторжения непрошеного гостя…»

…Заколоченный с обеих сторон и висящий надо рвом Городищенский мост самой безобразной системы. Его план, вероятно, составляла лиса; до того он невыразимо крив, описывает такую дугу, что въезжающая на него лошадь гарцует боком до самого подъёма…[175]

Немногочисленные каменные строения смотрелись скорее маленькими крепостями в плотно застроенной деревянной Тюмени. В городе, насчитывавшем около 21 700 жителей, доминировало зловонное, постоянно травящее Туру обильными стоками кожевенное производство. По этой причине на реке не было ни одной общественной купальни. От 6 пристаней с грузооборотом в 12 млн пудов в рейсы по рекам Западной Сибири уходило около 50 судов 18-ти частных пароходных кампаний.

В пяти приходских, уездном, Александровском реальном училищах и женской прогимназии обучалось около 575 подростков, из которых учёбу завершали не более 118! В городе с капиталом Общественного банка в 4 млн рублей с Купеческим и Приказчичьим клубами не было ни одной публичной библиотеки, не издавалось ни одной газеты.

Ежегодно город как узловой пункт на путях в глубинные районы Сибири и Дальнею Востока наводняли полчища ссыльнокаторжных, переселенцев и членов их семей. Большая их часть со вскрытием рек (с конца апреля и до их становления в середине октября) перевозилась пароходами и баржами до Томска и Юрги, но судов катастрофически не хватало. Из-за скученности тысяч людей в летних бараках, антисанитарии, скудности питания, простуд и болезней возникали эпидемии. По

улицам бродили голодные, обнищавшие взрослые и дети, просящие подаяний.

Многие, отчаявшись ждать, сбивались в обозы по 50 и более подвод зараз и шли с семьями почтовым трактом сотни вёрст на Омск — Томск — Красноярск. Одновременно в обоих направлениях через город двигались купеческие караваны с сырьём и товарами на известные зимние и летние ярмарки в Ирбит и Нижний, Ишим и Курган. Летом в Тюмени собираюсь до 1000 ямщиков с 5000 лошадьми. На распродажу доставлялось до 50 000 телег!

К сказанному следует добавить невообразимое по грязи состояние улиц и деревянных латанных-перелатанных тротуаров-капканов, особенно в ранне-весеннее время и в период осенних дождей. Зловонные сточные канавы «Невского проспекта» Тюмени — улицы Царской — даже в летнее время оставляли гнетущее впечатление. Вывоз нечистот в городе осуществлялся не ранним утром или поздним вечером, а средь бела дня. Да ещё в дырявых и разваливающихся бочках без крышек, расплёскивающих содержимое по проезжей части. А безнаказанное летнее сжигание накопившегося за зиму уличного *«назьма»,* окутывающее город, помимо удушающей пыли, густыми облаками миазмов? Не добавляло чести городу и страшно неряшливое состояние местных погостов со следами обворованных памятников.

Наружное освещение улиц и мощение проездов к 1882 году коснулось лишь Соборной площади и спуска к пароходной набережной на Туре, поэтому с ночи город погружался во тьму. Воровство, грабежи, избиения, убийства, покусы горожан бродячими собаками случались не только почти каждую ночь, но и днём. И при этом Тюмень не имела полицмейстера!?

К примеру, в ночь на 9 декабря из кладовой свёкра Надежды Александровны посредством выламывания каменной стены было выкрадено… 50 пудов сахару! А уже 11 декабря из конюшни исчезла лошадь инспектора Тюменского реального училища, квартировавшего в доме Колмогорова[176].

Оживляли картины ночного беспредела только курьёзные сообщения в тобольской газете типа: *«Шуба, украденная у товарища прокурора по городу Тюмени, на днях найдена в кирпичных сараях; похититель неизвестен».*

Но было у горожан и нечто любимое всеми: раскинувшийся на 100 десятинах прекрасный загородный Александровский сад, заложенный ещё в 1839 году с участием «степенного» 3-й гильдии купца И. В. Иконникова, единственный, пожалуй, во всей Западной Сибири; простонародный праздник «Ключ», проходивший на площади в половину квадратной версты за двумя

логами Большого Городища. На месте давно исчезнувшего целебного ключа в первое воскресенье Петрова Поста (10-е воскресенье после Пасхи) разворачивалось широкое гульбище с балаганами, угощением и… повальным пьянством!

Надежда Александровна пыталась как-то приспособиться, вписаться в новый и необычный для неё домостроевский уклад жизни сибирского купечества — всех этих Колокольниковых, Решетниковых, Шешуковых, Подаруевых, Текутьевых, многочисленной родни мужа с их церемониями, церковными праздниками, суровыми постами, визитами, домашними вечеринками.

Молодой супруг, увлёкшись делом, неделями пропадал на строящейся дороге Екатеринбург — Тюмень. Странный, не по сибирским обычаям, брак Сашки-инженера на барыне «с прошлым» молчаливо осуждался семейством Колмогоровых, хотя и без видимых выпадов. Но неприятие «висело в воздухе» и угадывалось в нравоучительных поговорках старого Филимона: «Дом вести, не крылом мести», «Как заживёшь, так и заслывёшь…»

Заботы немолодой жены в основном касались дома, воспитания малолетнего сына, дочери-подростка, определённой только в январе 1884 года во 2-й класс женской прогимназии, и писем к сыновьям. Дмитрий — будущий известный капитан дальнего плавания — учился в Керченских мореходных классах. Борис — впоследствии «его превосходительство» и протеже Его Императорского Высочества великого князя Константина Константиновича — постигал азы военных наук в 3-ем Московском кадетском корпусе.

Из писем этого периода, адресованных Борису сестрой:

…Сибирь не то, что ты думаешь. Морозы в 40° бывают только 2–3 раза в зиму. При этом крестьяне спокойно торгуют на рынке. Есть здесь земляника, малина, вишни и даже китайские яблочки, растущие в собственном саду…

…Скажу об окружающих людях. Сана мне отчим, но все считают, что я его дочь и поэтому у меня много родни. Больше всех я люблю бабушку Парасковию Фёдоровну, потом жену брата Саны — Марию Евменовну и её сестру Анну Евменовну. Если бы ты сё знал, то тоже непременно бы полюбил (добрая, красивая — одни глаза чего стоят). Кроме них, у меня ещё пропасть бабушек и тётушек.

Учусь не худо. В третий и четвёртый классы переведена с наградами 3-ей степени. Сейчас иду четвёртой ученицей: Закон Божий, арифметика, география, история, естественная история —

4; русский, геометрия и рукоделие — 5. Когда кончу курс, буду поступать в Московский институт. С одним не могу свыкнуться: это быть благонравной девушкой по понятиям здешних учителей. Представь себе, для этого я должна целый день учиться или вязать чулок. Хожу в платьях до того длинных, что просто запутываюсь в них. Ног не видно. И надо соблюдать все посты. Оленька живёт у нас в качестве Гришиной гувернантки. Борюша, я тебя люблю больше, чем Митю. Отчего не писал о папе? Ведь я его никогда не забуду. Целуй его за меня много, много раз. Маня[177].

Надежда Александровна, внимательно наблюдая окружающую необычную действительность, впитывала в себя её краски и ощущения, словно предчувствуя, что когда-то всё это выплеснется на страницы собственных книг. Она подмечала слова и обороты речи сибирского говора, вкус желтовато-серого хлеба, выпекаемого из непросеянной муки, внешний вид жителей — скромных и трудолюбивых тюменцев, щедро подающих отверженным не только разную снедь. За степенностью и сытостью купцов разглядела хитрость, прижимистость и расчётливость дельцов, торговавшихся до *изнеможения.*

Далёкая от истовой веры, она подмечала особое почитание прихожанами сибирских святых от Блаженного мученика Василия Мангазейского до игумена Туруханского Троицкого монастыря Илиодора. Её поражали безумные натиски весны, стихийная мощь ледоходов и разливов Туры. Размыкая тоску, она научилась управлять и лодкой на реке, и лошадьми в поездках верхом и в санях к мужу на трассу железной дороги.

Из дневника:

…Если я и боялась сломать себе шею, то только потому, что не хотелось бы лежать в этой холодной и трижды чуждой мне земле…

…Однажды зимой мне пришлось жить на стекольном заводе[178] в тайге. С непривычки, бывало, целую ночь прислушиваюсь, как стонет она и мерно, крепко стучит, ударяя обледенелыми ветвями одна о другую. Этот зловещий стон тайги преследовал меня долгие годы. Так же, как и волки…[179]

Известная же благотворительность городского купечества, порой *благодетельного до беспамятства,* в её глазах лишь резче обнажала язвы и убогость провинциальной жизни, находящейся в полной зависимости от власти крупного капитала. Далёкое от демократических взглядов на общественное устройство, но либеральное по духу и воспитанию сознание домашней

учительницы не могло с этим смириться.

Тем любопытней сообщения «Сибирской газеты»[180] о… театральной жизни Тюмени конца 1884 — начала 1885 годов, когда «после недавно царившей в городе скуки теперь на неделе идут по 2–3 спектакля»!!! Среди четырёх местных трупп упоминаются три любительские и одна — *драматических артистов*.

Как отмечает рецензент, в продолжение 2-х недель были поставлены: «Фофан», водевиль «Любовный напиток» и «Бобыль». В первой пьесе пальма первенства выпала на долю Н. А. Колмогоровой, прекрасно исполнившей роль Левшиной. Очень недурно сошла и комедия «В осадном положении».

Литературный вечер от 16 декабря был проведён по инициативе Н. А. Колмогоровой. Наряду с похвалами Козерадской за романс «Я помню чудное мгновенье» и Колмогоровой за отрывок из романа Достоевского, прозвучали и нарекания критика, как в адрес чтецов-исполнителей (г-н Овечкин), так и к выбору репертуара, не сообразного вкусам публики.

В спектакле же «Шешуковской труппы» от 28 января «Не всё коту масленица» (по Островскому) отмечена в превосходном исполнении купца А. К. Шешукова роль Ахова — грозного представителя «тёмного царства»[181].

Следует заметить, что ещё в 1858 году Тобольские губернские ведомости[182] восторженно приветствовали на своих страницах появление в Тюмени *«Благородного театра»*, сыгравшего при полном аншлаге два первых спектакля. Особое удивление губернской власти вызвал факт актёрской игры лицами… купеческого сословия — почётными гражданами Решетниковым, Шешуковым, купцом Прасоловым, дочерьми купчих Злобиной и Юдиной!!!

И всё же в глубинах души Надежды Александровны всё чаще и чаще возникало желание вернуться со всей семьёй в город её детства и молодости…

По заслугам и награды

1882 год принёс Филимону Степановичу очередное общественное признание на главном поприще всей его жизни. Встретив младшего сына с семьёй, он в начале сентября выехал в Москву.

Очередная Всероссийская Мануфактурная выставка должна была состояться в 1875 году[183], но Высочайшим соизволением откладывалась дважды — сначала до 1880, потом ещё на год. В связи с убийством в С.-Петербурге императора Александра II она открылась только 20 мая 1882 года на Ходынском поле в Москве. На торжественном освящении присутствовали Их Императорские Высочества — великий князь Владимир Александрович и герцог Георгий Максимильянович Лейхтенбергский, министр финансов, Московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков, Высокопреосвященнейший Митрополит Московский Макарий и другие высокие лица. Своим вниманием собрание лучших образцов товаров и изделий империи 9–11 сентября почтили и Их Императорские Величества с наследником-цесаревичем Николаем.

Затраты на выставку, именуемую теперь «Всероссийской художественно-промышленной», составили 1730 тысяч рублей. За 131 день её работы (с 20 мая по 1 октября) количество посетителей составило 1 077 200 человек против — 320 500 на выставке 1870 года в С.-Петербурге. Среди 6852 экспонентов по XIV группам изделий кожевенный товар Тюмени представляли 1-й гильдии купцы Ф. С. Колмогоров и И. Е. Решетников.

Решением экспертной комиссии среди 3656 похвальных наград Филимон Степанович *«за хорошо выдубленную, тщательно выстроганную и отделанную белую юфть»* удостоился бронзовой медали[184], которую получил 21 сентября из рук генерал-губернатора Москвы. Кожи И. Е. Решетникова были оценены почётным отзывом выставки.

Потомственный почётный гражданин

Между тем, дело о потомственном почётном гражданстве Колмогоровых приближалось к своему логическому завершению. Первым слушанием[185] сенатская комиссия его отклонила, потребовав дополнительных разъяснений губернских властей. Наконец, все препоны были преодолены и главное — уплачены в казну гербовый сбор и пошлина на немалую сумму в 625 рублей! К своему 60-летию Указом Сената[186] первый кожевенник Тюмени с женою, сыновьями и потомками был возведён в долгожданное достоинство. Грамоту, присланную из столицы, Филимону Степановичу торжественно вручили 27 ноября 1883 года в Тобольском губернском правлении. Расписка в получении была отправлена обратным ходом в Сенатский архив, где она благополучно и сохранилась до наших дней[187].

В конце 1883 года Колмогоровы оказались примерно сороковым по счёту купеческим семейством города из 324 членов гильдии, удостоенным потомственного почётного гражданства. Это звание дети и внуки Филимона будут носить до конца 1917 года, когда Советская власть упразднит его наряду с другими отличиями и титулами царской России[188].

В апреле 1884 года 27-летний сын Филимона Григорий осчастливил родителей намерением жениться. Первая в Тюмени свадьба одного из наследников дома Колмогоровых предполагала размах грядущего события, соответствующий их достатку и новому положению.

Возлюбленной кандидата университета (на зависть младшему брату Александру) стала *19-летняя девица* Мария Евменовна — одна из двух дочерей отставного надворного советника Евмения Фёдоровича Низовец и его жены Анны Александровны. Венчание состоялось 25 апреля в заречной Вознесенской церкви при поручителях — братьях Александре и Фёдоре Колмогоровых, тобольском губернском стряпчем и брате невесты, кандидате прав, Флорентии Низовец.

Брак оказался счастливым, но, увы, не достаточно продолжительным. Мария Евменовна родила мужу нескольких детей[189], из которых трое вступили во взрослую жизнь — дочери Екатерина (род. 23.10. 1886 г.), Вера (род. 13.08. 1893 г.) и сын Владимир (род. 6.08. 1890 г.).

Купцы-благотворители

1 октября 1884 года в первопрестольной произошло, казалось бы, неприметное событие, вызвавшее участливый отклик среди наиболее дальновидного сибирского купечества. В этот день состоялось первое учредительное собрание «Общества для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, учащимся в учебных заведениях Москвы». Инициатива исходила от выпускника Императорского Московского университета врача В. И. Дрейера.

Ещё 26 октября 1882 года на обеде в узком кругу сибирского землячества Москвы он высказал мысль о подобной необходимости, так как уже в те годы количество студентов из Сибири в вузах Москвы и С.-Петербурга исчислялось двумя сотнями.

Первым почётным попечителем благотворительного сообщества стал сам генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков, согласовавший проект его устава. После утверждения основополагающего документа министром внутренних дел Дурново и собрались на своё первое заседание 37 членов-учредителей.

Среди них мы встречаем и тюменцев — Н. М. Чукмалдина и Ф. С. Колмогорова. Первоначальный уставный фонд «Общества», собранный по подписке, составил 7900 рублей. Для текущей работы собрание избрало Комитет, одним из активных деятелей которого более 10 лет являлся всё тот же Н. М. Чукмалдин. Его подпись стоит и под протоколом первого общего собрания.

Среди действительных членов благотворительной организации[190], численность которой к 1894 году выросла до 213, мы находим 1-й гильдии купца И. Е. Решетникова и всех троих братьев Колмогоровых — бывших московских студентов. За помощью сюда обращались учащиеся 36-ти учебных заведений Москвы того времени.

Часть шестая
(1883–1888 гг.)

Стальные рельсы на Туре

В 1885 году в Тюмень пришла железная дорога, связавшая Европейский (Волжский) и Западно-Сибирский (Обский) водные бассейны. Открылся пока ещё не прямой (с перевалочной базой в Перми), но более широкий доступ сибирского сырья и товаров в центральные районы России и на крупнейшую Нижегородскую ярмарку.

Екатеринбурго-Тюменская дорога с линией от здания вокзала до пристани на Туре общей протяжённостью в 309 $_{4/5}$ вёрст была проложена в очень короткие по тем временам сроки — за 32 месяца с мая 1883 по декабрь 1885 года. Затраты на неё оказались значительно ниже сметной стоимости (41 000 против 55 000 рублей за версту).

Не обошлось, правда, без курьёза, упомянутого злопыхателем в томской «Сибирской газете»:[191] «…27 октября в Тюмень приполз первый поезд. Явилась вся наша интеллигенция с приготовленными, *по случаю,* подношениями. Но паровоз, не доходя саженей 50 до вокзала, заковылял, сошёл с рельсов и остановился. И депутация пошла „с венками“ навстречу жалкому поезду…»

Тем не менее, техническое освидетельствование всех возведённых сооружений комиссией министерства проходило в период с 26 ноября по 3 декабря 1885 года, движение поездов на участке Екатеринбург — Камышлов открылось с 6-го, а на всём пути — с 27 декабря.

Торжественное освящение первой сибирской железнодорожной магистрали епископом Екатеринбургским и Ирбитским Нафанаилом состоялось на станции «Камышлов» в канун 300-летия Тюмени — 28 июля 1886 года в присутствии Пермского и Тобольского губернаторов и самого главы ведомства — министра-адмирала К. Н. Посьета.

На следующий день после юбилейного богослужения в Благовещенском соборе, крестного хода и молебствия с водосвятием на Александровской площади тюменский городской голова П. И. Матягин дал завтрак в честь именитых гостей, на котором городская дума преподнесла министру звание Почётного гражданина города Тюмени.

Штатному инженеру IX класса Александру Филимоновичу, отвечавшему за строительство 3-го (тюменского) участка протяжённостью в 105 вёрст, первая в его жизни стройка принесла 9-й классный чин титулярного советника и, соответственно, право на личное дворянство![192]

Но об этом его жена узнает уже в Петербурге. 31 августа 1885 года, не дожидаясь открытия железнодорожного сообщения на Екатеринбург, она, как показали дальнейшие события, навсегда покинула Тюмень, мужа и 7-летнего сына, которого никогда больше не увидит. Супруг, поддавшись уговорам рассудительной и настойчивой спутницы жизни, позволил убедить себя в том, что сможет успешнее продвигаться по службе в столице, чем на родине.

Заручившись его принципиальным согласием и письмами к бывшим петербургским сокурсникам, Надежда Александровна в который раз решилась изменить не только свою жизнь, но и судьбу всех членов семьи. Как это ни покажется неправдоподобным, в конечном итоге на жительство в Петербург переедет не только Александр Филимонович, но и его брат Фёдор. А пока в дороге до самой столицы её сопровождал 24-летний практикант железнодорожного строительства, будущий гражданский инженер и «близкий друг» — Михаил Фёдорович Гейслер[193].

Впечатлений о трёхлетней жизни в «глухих местах» в душе Н. А. Байковой накопилось столько, что даже через 10 лет их хватило на книгу очерков, достойных столичного журнала «Русское богатство»[194]. Среди колоритных сочных картин быта и характеров персонажей мы найдём и членов семьи Колмогоровых (Круторогових), описанных автором с несомненным мастерством, но лишённых исторической достоверности. Что ж, любой творец имеет право на известную долю фантазии и даже осознанного искажения действительности в угоду своему видению и пониманию происходящего.

По стопам родителя

В мае 1885 года братья Колмогоровы, следуя по стопам отца, включились в общественную жизнь — все трое избираются городским обществом (по баллотировке) членами исполнительной комиссии для предстоящей однодневной переписи. Зареку распределили между собой Григорий и Фёдор, Царёво и Большое Городища с площадью до железнодорожной линии достались Александру.

В июле трое Колмогоровых — Филимон Степанович, кандидат Университета Григорий Филимонович и действительный студент Фёдор Филимонович — избираются в гласные городской думы. В декабре тюменское общество доверит Григорию Колмогорову и директорство в Городском Общественном банке. В этой должности он будет находиться в течение 6 лет (по 1891 год). К 1886 году относится и начало его деятельности на посту одного из добровольных (по избранию) директоров тюменского отделения Попечительного о тюрьмах комитета, в котором он сменит отца и прослужит до самой своей смерти, удостоившись в октябре 1895 года Высочайшей награды — ордена Св. Станислава 3-ей степени.

В 1886 году пришла очередь вести под венец невесту и 31 — летнему Фёдору Филимоновичу. Вероятно, он действительно влюбился (и это делает ему честь), так как его выбор пал на 18-летнюю дочь несостоятельного должника, периодически находившегося под заключением в тюменской тюрьме и покинувшего город ещё в 1877 году.

Оставленная родителями, дедушкой и бабушкой Г. И. и Е. Э. Гуллет — известными тюменскими заводчиками, о которых мы уже упоминали выше, — девушка фактически проживала на иждивении своего дяди Р. Г. Гуллета, совладельца фирмы «Пирсон и Гуллет».

Отец Елизаветы Константиновны — Константин Васильевич Лонгинов, будучи в 1860-х годах техническим директором завода Гуллета, женился на дочери своего благодетеля Марии Гекторовне, и какое-то время успех сопутствовал ему. В 1869–73 годах он — во главе предприятия умершего к тому времени тестя и городской голова (1872–73 гг.). Но с закрытием завода судьба его резко меняется к худшему.

Венчание купеческого сына — действительного студента и потомственного почётного гражданина Фёдора — с дочерью опального чиновника девицей Елизаветой состоялось 31 августа всё в той же Вознесенской церкви. Среди поручителей *«по*

женихе», как ни странно, крестьянин владимирской губернии села Ряполова Н. А. Буреев и тюменский мещанин А. Ф. Иконников. *«По невесте»* — пермский мещанин А. Э. Махаров и сын чиновника Г. И. Виноградов[195]. И, заметим, никого из большой родни Колмогоровых-Барашковых!

Бог не даст молодой семье наследников. И много позже, после смерти жены, одинокий 60-летний коллежский асессор Ф. Ф. Колмогоров удочерит в 1915 году в Петрограде некую Тамару и будет ходатайствовать перед Сенатом о предоставлении ей прав потомственной почётной гражданки.[196]

Таким образом, продолжателями рода, но не дела, кожевенника Филимона по мужской линии станут внуки — Григорий Александрович и Владимир Григорьевич Колмогоровы. Первого из них судьба забросит в Семипалатинск — Пермь и, наконец, в 1911 году в Сочи; второго — в 1910 году в Москву.

Неожиданное решение

1886 год принёс А. Ф. Колмогорову и новое назначение, и жестокое разочарование в прочности его брачных уз. Телеграмма жене в С.-Петербург в начале октября 1885 года о решении принять новую должность и остаться на прежнем месте работы ещё на полтора года, казалось, ничем не угрожала его семейной жизни. Об этом свидетельствует и письмо Надежды Александровны к 15-летнему сыну Борису в Москву от 10 октября 1885 года:

…Дела задерживают меня в Петербурге. Хлопоты о переводе сюда из Тюмени Александра Филимоновича оказались лишними. Получила телеграмму. Ему предложили хорошие условия на железной дороге.

Я переговорю с твоим отцом, чтобы на лето он отпустил тебя ко мне в Тюмень. Чукмалдин выделит тебе деньги на проезд и даст не только подробные инструкции как ехать, но даже найдёт тебе и попутчиков. Потому что многие из Москвы ездят в Екатеринбург на каникулы. Я тебя встречу, и мы проведём прекрасно всё каникулярное время. К твоим услугам будут: собственная верховая лошадь с шарабаном без кучера, чтобы править самому, лодка и огромный наш загородный сад. Словом всё, что мальчику твоих лет может доставить радость.

Я приготовлю отличную комнату, которую уберу цветами и разделю на спальню и кабинет для занятий. Всё это вполне исполнимо. А к Чукмалдину мы съездим с тобой вместе и переговорим. Это даст тебе силы заниматься и не скучать, а ждать лета. Портрет заказан дорого, но что же делать. Сходи к Чукмалдину, возьми у него деньги, снеси к нему портрет с квитанцией и проси не отсылать до меня. Твой друг и твоя мама. [197]

Правда, Надежда Александровна, затянув с отъездом, опоздала на последние пароходные рейсы по Волге и Каме (до Перми), и теперь в её распоряжении оставался только зимний тракт в 1329 вёрст от Н.-Новгорода на Казань и далее на Екатеринбург. Из письма Борису от 12 ноября 1885 года: «…Я просрочила пароход, так что придётся добираться теперь санями, и компаньонами моими будет пара мопсов, которых, как редкость, везу в Тюмень…»[198]

Но в конце декабря жена Александра Филимоновича приняла решение, имевшее катастрофические для её третьего замужества

последствия. И под предлогом продолжения образования дочери, не окончившей к тому времени тюменскую прогимназию, первым делом затребовала её к себе. 16 января Мария была в С.-Петербурге.

Из письма Мани к брату Борису в Москву от 17 января 1886 года:

…Мама встретила меня на вокзале. Приезжаю домой и встречаю у нас… Гейслера!? Он живёт здесь же…[199]

…Михаил Фёдорович очень ко мне добр, и я его полюбила. Стараюсь ему помогать. Когда мама в шутку начинает его бранить, я, понятно, заступаюсь. За это она прозвала меня адвокатом. Когда мы переедем на другую квартиру, то отдадим одну комнату ему. В разговорах с мамой и Элизой (экономкой) я зову его Мишенька. Поседел ли папа за эти 5 лет, что я его не видела?..[200]

…Наш адрес — Обуховский проспект, дом 10, квартира 20. Она у нас из 4-х комнат. Моя и Мишеньки — соединены дверью. Он завесил её ковром от себя и закрыл. Сейчас мама ушла с ним гулять.

Александр Филимонович прислал сегодня 100 рублей в пакете и ни строчки ни о себе, ни о Грише. Когда ехали с почты, мама была так взволнована его небрежностью, что у неё заболела грудь (думала о нас, об А. Ф., о Грише). Если даже А. Ф. и захочет с ней жить, то она всё-таки не поедет с ним никуда, а поселится с нами в Москве, а потом в Питере. Мы бы и до весны к тебе приехали, но очень Мишеньку жаль. Изнежили, избаловали его. А тут опять одному жить…[201]

В это время инженер А. Колмогоров находился в командировке на строительстве Псково-Рижской дороги в качестве начальника дистанции 2-го разряда. 10 мая 1886 года, вернувшись в Тюмень, он принял должность начальника 8-го (тюменского) участка службы пути дороги, которую сам и строил.

Дальнейшие поступки его жены в столице и Москве лишь подтвердили житейскую мудрость: «Случившееся с вами однажды может никогда не повториться, но произошедшее *дважды* непременно коснётся вас и в третий раз!»

Одиссея Дмитрия Адамовича

В первых числах марта 1886 года в уездном Подольске у отца объявился живым и невредимым старший сын Дмитрий. Чтобы добраться до Москвы из порта Гринок на западном побережье Шотландии, загорелому и возмужавшему юнге пришлось проехать поездом через Англию — Францию — Бельгию — Германию и Польшу.

Летняя (1883 года) морская практика Дмитрия прошла на парусных судах и пароходах черноморского торгового флота «Астрахань», «Вера», «Святой Николай» и «Императрица Мария» за 10–12 рублей в месяц и «стол». Несмотря на физическую усталость, юноша был счастлив и горд собственной свободой.

Блестяще закончив в конце марта 1884 года 3-й класс мореходки, Д. Адамович, тем не менее, не был допущен к выпускным экзаменам на штурмана по малолетству. Но для беспрепятственного прохождения практических плаваний ему выдали свидетельство, напечатанное на плотной бумаге на русском, английском и итальянском языках. Заверенное в таможне и градоначальстве, оно заменило несовершеннолетнему выпускнику загранпаспорт сроком по 1 апреля 1887 года. Воспользовавшись предоставленной возможностью, 16-летний юнец тут же нанялся учеником без содержания на только что построенный греческий пароход «Николаос Вальяно», уходивший из Керчи в Германию с грузом в 612 000 пудов пшеницы.

Так началась его двухгодичная одиссея, в течение которой будущий штурман и капитан дальнего плавания обогнул Европу, увидел Вест- и Ост-Индию, Американский и Австралийский континенты и даже просидел 6 суток в сиднейской тюрьме за участие в бунте команды против капитана судна. Океанские просторы поразили его своим величием, мощью и красотой штормов, навсегда сделав певцом водной стихии и художником. Крылатая фраза, брошенная ему невзначай морским бродягой-отшельником моря — *Жизнь, юнга, должна быть вызовом, иначе из неё испаряется соль!* — сразила восторженную юную душу отчаянной дерзостью романтика-флибустьера.

Позже, в 1911 году, в Мариуполе, он издаст единственный сборник своих стихов «На суше и в море» с пронзительными строками об океане как языческом божестве. И какие он нашёл краски!

Я видал бирюзовую гладь Дарданелл
И сапфирные волны в пассатах,

Я видал, как кровавым рубином горел
Океан при полярных закатах.
Я видал изумрудный Калькутский лиман
И агат чёрной бездны у Горна,
И опаловый полупрозрачный туман
Над лиловым заливом Ливорно.
Я видал его в страшные бури и в штиль,
Днём и ночью, зимою и летом,
Нас связали с ним сказки исплаванных миль,
Океан меня сделал поэтом.

Последний 40-суточный переход на паруснике «Армида» из Лиссабона в Гринок был, пожалуй, самым долгим испытанием для матроса 1-го класса перед свиданием с родными.

Первый сюрприз ожидал его в квартире отца, занимавшего часть 2-го этажа нового кирпичного дома, выходившего фасадом на базарную площадь городка. Почти с порога Виктор Михайлович представил опешившему сыну свою… 19-летнюю венчанную жену Лизочку Вейнберг[202] — товарища детских игр Мити в большом саду, прилегавшем к их дому на Солянке в Москве.

…*Мачеха* старалась казаться солидной и томной дамой. Однако, в её карих глазах, опушенных длинными чёрными ресницами, часто сверкали весёлые искорки былой шаловливой резвости. И чувствуя это, Елизавета Семёновна прищуривала веки, не давая вырваться наружу искренности былых отношений…[203]

Отец, даже несмотря на молодую жену, по-прежнему играл каждый вечер в карты в клубе общественного собрания, за исключением двух вечеров, пока Митя с увлечением рассказывал о своих странствиях. На третий день, явившись не в духе и заметив с каким интересом молодые люди беседовали друг с другом, 45-летний подполковник решил не испытывать судьбу и предложил сыну отправляться в С.-Петербург к матери и сестре, не видевших его с лета 1882 года.

Их встреча состоялась 11 марта в квартире Надежды Александровны и Гейслера на Обуховском проспекте. Если мать не могла без слёз смотреть на сына и целовала мозоли на его матросских руках, то реакция 14-летней сестры к конкуренту на родительское внимание была иной.

Из письма брату Борису в Москву от 12 марта 1886 года:

…Вчера приехал Митя. Я с ним так недружелюбна, что меня начинают побранивать. Сердце к нему не лежит. Сего приездом у нас возросли расходы и мама взяла переводы у Шмицдорфа, за которые будет получать рублей 75. С деньгами Александра Филимоновича у нас будет верных 175 в месяц. Я болею, лежу. Мишенька сдал экзамен на гражданского инженера, получил лицензию и теперь откроет своё дело. Тебе кланяется…[204]

В понедельник Дмитрий был уже в Петербургских мореходных классах на Васильевском Острове. Предъявленное начальнику свидетельство, испещрённое подписями и печатями русских консулов в портах полутора десятков стран мира, и знание языков (английский хорошо, французский и немецкий порядочно, итальянский немного) произвели должное впечатление. Легко уладив формальности с переводом документов из Керчи, молодой матрос уже со следующего дня начал посещение уроков и подготовку к выпускным экзаменам вместе с петербуржцами.

Навигацию, астрономию и сферическую тригонометрию здесь преподавал знаменитый «Норд-ост» — подполковник корпуса флотских штурманов Гончаров, управление судами и английский язык вёл известный своими научными трудами каперанг Вахтин, морскую практику — каперанг Сарычев, а пароходную механику — инженер-механик флота Бессонов. У таких корифеев было чему поучиться, и курсанты слушали их на одном дыхании, впитывая, как губка, теорию и практику любимого дела…

А в это время Надежду Александровну одолевали совсем другие заботы. Внушённая ей присяжными поверенными Шишко, Корайским и Штукенбергом мысль foul play[205] о лёгкости признания судопроизводством старшего сына Дмитрия единственным наследником миллионного состояния умершего в

1882 году Афанасия Лухманова[206] породила в душе фантазии, застившие разум. Уверенность «искусителей» подогревалась их готовностью нести все судебные издержки и получить свои сребреники по выигрыше процесса.

Дело оставалось за малым: убедить несовершеннолетнего сына[207] отказаться от родного отца; согласиться на предложенного ему опекуна-адвоката; подать иск… на собственную мать, уже однажды признавшую его незаконнорожденным, и пойти на всё это ради будущего благосостояния семьи!!!

Из письма Надежды Александровны к сыну Борису:

…Я взяла на себя устроить Ваше будущее и с Божьей милостью сделаю это. Хлопочу по нашему делу, только о нём и думаю. Молись за себя и за нас, надейся и верь в мать. Много хорошего и светлого мы переживём. Верь, что будущее ещё наше… [208]

Ей удалось уговорить старшего сына, но не удалось умолить Всевышнего помочь в неправом деле…

Вольный штурман

В первых числах апреля Дмитрий Адамович в 19 неполных лет держал в руках долгожданное свидетельство вольного штурмана каботажного плавания.[209] После двухмесячного скитания по пароходным конторам ему удалось получить приглашение на должность 2-го помощника командира в пароходство А. А. Зевеке на Волге.

Желая сделать сыну приятное, Надежда Александровна записала и отнесла в журнал «Русское судоходство» один из самых эмоциональных Митиных рассказов «Спасение экипажа» из его недавних странствий. Но первая публикация за подписью недавнего матроса, увидевшая свет в 7–8 номерах за 1886 год, вовсе не обрадовала будущего писателя-мариниста. Напротив, в своём письме редактору щепетильный автор указал на многие выражения *«обличающие сухопутное перо и компрометирующие его как моряка».*

Из письма к матери из Лодейного Поля от 23 июля 1886 года:

…После стольких лет тяжёлой физической и нравственной работы счастье, кажется, начинает мне улыбаться. Вот копия письма А. Зевеке капитану большого речного парохода «Амазонка» Н. А. Дурново: «Милостивый государь! Податель сего моряк Адамович желает познакомиться с Волжским делом, чтобы потом иметь здесь занятие. Посему прошу Вас взять его на 1–2 рейса в виде опыта и поручить ему обязанности 2-го помощника капитана».

Сегодня утром я ездил с Зевеке-отцом на шлюпке смотреть стоящий в доке пароход «Великая Княгиня Мария». Вот его слова: «Вы сделаете на нём один-два рейса в Казань и назад, и если свыкнетесь, то я назначу Вас помощником капитана на маленький пароход». В этом случае я буду получать 30 рублей жалованья чистыми и 20 столовых, что считаю весьма выгодным…[210]

Из письма Дмитрия к брату Борису от 30 августа 1886 года:

…Ты знаешь, как много я видел в жизни горя, и можешь понять, как мало я верю людям. Как я страдаю, не получая ответов на мои письма к маме. Отцу я лишний. Неужели же и мать отвернётся от меня. Ради Бога сообщи маме…[211]

Из писем Марии Адамович к брату Борису от 8 и 10 ноября 1886 года:

…Я была больна, потом мама. Отпустили Марию и решили кухарки больше не брать, стряпает Лиза. Я же убираю, слежу за платьями, утром занимаюсь французским, а вечером готовлю уроки.

Адрес Мити: село Чёрный Затон, Новоспасской волости, Хвалынского уезда, Саратовской губернии. К нему послали судебные бумаги. Как только он их подпишет и перешлёт Шишко в Москву — сейчас же начнут наше дело.

У нас 25 птиц. Часть в клетке. Сколько радости доставляют они своим щебетаньем, отгоняя дурные мысли. Одна садится на руку и даже берёт изо рта. Покупаем, но и умирают. Мама просыпается и говорит с ними, а иногда целый час сидит и смотрит на ель за окном с птицами в ней. Появилась у нас ещё одна собака, сама ходит гулять. Завтра именины Михаила Фёдоровича, и мы с Лизой готовим яблочный крем. Все тебе кланяются…[212]

Последнее свидание

В начале марта 1887 года А. Ф. Колмогоров, испросив свой первый отпуск, выехал в столицу. Он нашёл жену с падчерицей в одной квартире с *«близким другом»* его супруги — тем самым М. Ф. Гейслером.

Из письма матери к Борису от 24 марта 1887 года:

…Александр Филимонович приехал в С.-Петербург и будет очень рад тебя видеть. Остановился в меблированных комнатах. Мы каждый день видимся, но не живём вместе…[213]

Как всегда в отношениях с мужчинами, Н. А. Байкова сделала свой выбор самостоятельно. Правда, на этот раз разрыв брачных отношений имел не совсем чувственную подоплёку. Но кто посмеет бросить камень в многодетную мать за стремление, как ей казалось, протянуть руку и воспользоваться всеми благами громадного наследства.

Жить в Москве или в столице собственным домом с прислугой и экипажем, наконец-то собрать воедино всех своих детей, счастье которых ей искренне хотелось устроить. У кого голова не пойдёт кругом от открывающихся перспектив подобного развития событий? И как-то совсем не хотелось верить в стоглавого змия, стерегущего двери каждого сокровища…

Внешне свидания супругов носили вполне дружеский характер. Но оба отчётливо осознавали, что быть вместе им уже не суждено. Александру Филимоновичу пришлось признать бессилие своих доводов перед материнскими инстинктами женщины, затмившими не только их совместную 9-летнюю жизнь, но даже и интимные чувства к нему как к мужу.

Вероятно, в какой-то мере осознавая это, Надежда Александровна на удивление быстро согласилась с желанием супруга оставить их сына у себя. Тем более, что рождённый до брака Гриша юридически до сих пор не имел отцовства. И только выслуженный недавно А. Ф. Колмогоровым 9-й классный чин и право на личное дворянство позволяли ему разрешить щекотливую ситуацию в Сенате.

Удивительно, но отношения Надежды Александровны с самым младшим из своих детей никак не отражены в сохранившейся обширной семейной переписке. Мы не располагаем ни одним письменным свидетельством их общения в течение жизни. Тем ценнее откровение матери старшему сыну Дмитрию о его младшем брате: «… Гриша весь в отца. Он его

обожает. Очень на него похож лицом и в 20 лет будет его копией. В нём нет ничего моего. Он принёс бы мне одно горе впоследствии. А там ему будет и сытнее, и теплее, и лучше. Да мне бы его просто и не отдали…»[214]

Уже 17 апреля С.-Петербургское губернское правление рассмотрело прошение *«Об усыновлении титулярному советнику Александру Колмогорову сына его жены Надежды Александровны — Григория, означенного в метрическом свидетельстве Московской Духовной консистории от 20 ноября 1884 года за № 317».* Отметив принадлежность просителя к числу личных дворян и соблюдение в данном случае правила, установленного примечанием к статье 145, части 1, тома X Свода Законов *«по продолжении 1879 года»,* правление переслало свой рапорт (за № 603) в Правительствующий Сенат. Заслушав дело, высший законодательный орган империи своим указом[215] утвердил усыновление вышеозначенного Григория[216].

Формально оставаясь в браке, супруги расстались, чтобы никогда больше не свидеться в этой жизни. А. Ф. Колмогоров оставил за собой обязательство материально поддерживать оставившую его жену, что он и будет делать до самой её смерти. Возможно, что и в историю русской литературы Надежда Александровна вошла бы под фамилией *Колмогорова,* если бы не *всесущее* око Святейшего Синода…

«Кавказ и Меркурий»

Разочаровавшись в прелестях речного судоходства с его «колёсными» пароходами, близостью берегов с камышами, перекатами и особой, не инструментальной, а лоцманской проводкой судов в меняющемся фарватере, Дмитрий затосковал по морской практике. Случайная встреча в астраханском порту с бывшим товарищем по Петербургской *мореходке* помогла ему перейти в каспийский отдел пароходного общества «Кавказ и Меркурий» и на 9 долгих лет связать свою судьбу с Каспием. Знание английского языка и океанская практика помогли быстро получить место 2-го помощника капитана на паровой шхуне «Великий Князь Михаил», а затем и на самом крупном наливном винтовом транспорте «Александр Жандр».

Брату Борису от 12 октября 1887 года: «…Месяц не имею от мамы писем. Где она? Что знаешь про неё и Маню? Как папа? Помнит ли он сына, которого когда-то любил? Буду считать дни, часы, минуты пока не получу ответа…»[217]

С окончанием навигации 1887 года Дмитрий вновь возвращается в С.-Петербург для продолжения морского образования.

Помощники Филимона

А в Тюмени жизнь шла своим чередом. Трое братьев в полную силу включились в отцовское дело. На территории завода строился ряд зданий, открылась ещё одна мастерская. Были заменены деревянные трубы водопровода, появилась своя котельная с паровыми камерами. Новые технологии пришли в процессы дубления и выделки кож. Соответственно росли и доходы семьи. Стареющий Филимон, всё больше и больше доверяя сыну Григорию дела производства, решил в очередной раз удивить заречное купечество, на этот раз — строительством громадного кирпичного особняка дворцового стиля (без торговых помещений), достойного Колмогоровых.

Ему удалось выкупить лучший земельный участок в этой части города — по Мостовой улице вблизи Заречного моста. Снеся старый 2-этажный деревянный дом прежнего владельца, Филимон Степанович призвал архитектора и имел намерение уже к зиме 1888 года возвести подвальную часть дома. Вся инженерная часть проекта и надзор за ходом работ возлагались на младшего сына.

Одновременно на семейном совете было решено произвести и берегоукрепительные работы на задворках усадьбы по улице Царской. Ежегодные обрушения здесь грунта (на откосе правого берега Туры) всё больше и больше угрожали падением береговых построек. Прошение в городскую думу от сентября месяца, рассмотренное на месте членом управы Голецким и исполняющим обязанности архитектора Ю. Дютелем, было удовлетворено и 2-го октября 1887 года разрешение было получено.

Лето этого года пополнило копилку семьи Колмогоровых очередным общественным признанием. На Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге Тобольская губерния по числу экспонентов (645 из 3576) оказалась самой представительной от Сибири, однако из 822-х выставочных медалей по 11 отделам представленных произведений ей достались лишь 49, в том числе всего 3 золотых.

От тюменских кожевенных дел мастеров бронзовых наград Министерства Финансов по отделу V удостоились купцы: Ф. С. Колмогоров — за удовлетворительную выделку дублёных и юфтовых кож; П. М. Некрасов — за удовлетворительную выделку разных кож и шитьё рукавиц[218].

Кадет Борис Адамович

Между тем, кадету 7-го выпускного класса 3-го Московского кадетского корпуса Борису Викторовичу Адамовичу исполнилось 17 лет. Годы учёбы он прожил в квартире хороших знакомых отца — Тайц — в доме Воздвиженской на М. Грузинской. Из худенького и робкого мальчика он превратился в стройного, худощавого юношу с печальными, как и у сестры, серыми глазами, совсем не вязавшимися с выбранной им карьерой военного. Он очень хорошо учился и, несмотря на неважное здоровье, постепенно выбился в лучшие ученики.

Рано *вырванный* из семьи он, как и брат Дмитрий, оказался предоставленным самому себе, что наложило глубокий отпечаток не только на всю его жизнь, но и на судьбу. Редкие поездки по великим праздникам к матери в С.-Петербург и летом в скромное имение отца в Полтавской губернии не восполняли в нём ту нехватку любви и ласки, в которой так нуждалась его юная душа. Он вырос педантичным и сдержанно-сухим аскетом со скрытым характером, умеющим не проявлять свои эмоции даже с родными. Близкие отношения у него сложились лишь с сестрой Маней и молодой женой отца Елизаветой Семёновной Вейнберг, ставшей ему больше, чем другом…

В дальнейшем Борис Викторович так никогда и не женился, истово отдавшись службе, историческим изысканиям, литературному творчеству и воспитанию юнкеров и кадетов, души которых он так остро чувствовал и понимал. Это позволило ему подняться до самых вершин военной педагогики и создать одно из образцовых военных училищ в императорской армии и самый известный в Русском зарубежье кадетский корпус.

Дмитрий в одном из писем к брату однажды интуитивно заметил:

> *Неужели когда-нибудь мы будем адресовать тебе письма с обращением — Его превосходительству?*

Пройдёт время и он узнает, что Его Императорское Высочество великий князь и генерал-инспектор ГУВУЗ Военного министерства Константин Константинович Романов лично приедет в 1913 году в Виленское военное училище с поздравлением к его брату, только что произведённому в генерал-майоры по гвардейской пехоте!

А в 1920 году Его Высочество принц-регент Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев Александр Карагеоргиевич

собственноручно вручит в Сараево генерал-лейтенанту и директору Русского кадетского корпуса Б. В. Адамовичу знаки ордена Белого Орла!

Но вернёмся к семейной переписке. Борису от Мани из Воронежской губернии от 18 февраля 1887 года:

… Получила письмо от мамы и Гейслера. Митя добрый, и мама скрывает от него нужду. А он тратит много на её взгляд. Ты уж не проси её взять меня отсюда на Пасху. Я тоже не пишу, что мне скучно у тёти. Я вас каждую ночь вижу во сне и большую часть дня бываю с вами. Тётя тебе кланяется…

Из письма Мани к матери:

…Сегодня ухожу в деревню на целую неделю. Буду говеть и жить у Степаниды — бывшей тётиной служанки, а после причастия пойду пешком за 9 вёрст к Св. Митрофанию. Бедная мамочка, тяжело тебе с нами, когда на меня истратила 100, да на Митю 75 рублей, а ни один из нас не может тебе ничем помочь. Как Мите не стыдно, получая в 20 лет 50 рублей жалованья! Возьми к себе Борю, если только возможно. Ведь это единственные светлые дни у него во весь год, когда он с тобой. Возьми его, и я буду радоваться за вас и мысленно встречу Пасху с вами. Бог даст, поживём ещё счастливо. Каждый самый весёлый час здесь я бы променяла на самую грустную минуту с тобой…[219]

Борису от матери, 17 апреля 1887 года:

…Возвращаясь из Москвы, встретила в вагоне ревизора С. И. Вейнберга. Сказала, что зла против его дочери не имею, напротив, слышала от тебя о ней только хорошее. Изложила свою просьбу к Виктору Михайловичу о твоём содержании. Обещал переговорить с ним, как только будет в Смоленске.

Мишенька без меня заготовил дров, не сказав ни слова об этом.

Приписка: Прошу верить, что я искренне привязан ко всей Вашей семье и не менее люблю Вас. Постараюсь сколько могу беречь и охранять Вашу маму от всяких горестей. Ваш М. Гейслер[220].

Борису от матери из Стрельны, 13 мая 1887 года:

…Дело Мити идёт. Езжу в консисторию. Михаил Фёдорович снял хорошую дачу и мы туда переехали. Стрельницкий парк, море. Пиши: Петергофское шоссе, Сергиевская слобода, дача № 22

Морозова. Архитектору М. Ф. Гейслеру…

Борису от Мани из Стрельны, 5 сентября 1887 года:

…Поссорилась с мамой. Она решила отдать меня в чужой дом. Якобы из-за меня и постоянных грубостей она состарится, а хочет быть доброй и честной женщиной. Упрекала меня тем, что я больна. Хоть ты не отворачивайся от меня и люби, голубчик. Я гадкая и злая и сама это знаю. Но каково мне с сознанием, что ты лишняя, что тобой тяготятся. Когда прислуга в глаза говорит: «Смотрите, они вас выживут, им вдвоём-то ловчее…» Поневоле станешь и грубой, и злой. Но я маму люблю и потом раскаиваюсь в своих грубостях. Теперь же просить прощения не стану. Пускай живут и будут счастливы. Прости меня, дорогой, хороший, хотя бы за то, что я тебя так горячо люблю. От слёз страшно болит голова. Мама с Гейслером в Петербурге. Если он сунется ко мне… уговаривать, то я прямо ему выскажу всё, что знаю. Маме он не передаст и ко мне больше не полезет. Не пиши мне ничего особенного, так как мама читает твои письма…[221]

Борису от матери, 4 октября 1887 года:

…Читая твоё письмо, чувствую слёзы счастья, а закончив, невольно крещусь и благодарю Бога. Мои отношения с Вами составляют то глубокое истинное счастье, которое ничто и никто не отнимет у меня. Я горжусь тобой и твоим братом и как мать сознаю, что счастлива более, чем заслуживаю…

Борису от Мани, 6 октября 1887 года:

… Вечером, когда Гейслер начал возиться, я еле выдержала, чтобы не расплакаться. Птицы все здоровы. Появился и новый мопсик, а скоро у мамы будет и аквариум, который делает Гейслер…

Борису от матери, 15 ноября 1887 года:

…Как можно быть таким малодушным? Ведь мы все исполняем свои обязанности, и нам, а мне в особенности, и не весело, и нелегко живётся, но до отчаяния я не дохожу. Погрузись в себя и ты найдёшь много возвышенного и такого, что поведёт тебя на трепетное и восторженное поклонение Богу. Жизнь прекрасна, и даже самое горе возвышает человека. В борьбе даёт ему узнать свои силы…

Мечтать о моём приезде в Москву с Митей и Маней, право, даже смешно. На Рождество ты всех нас увидишь здесь. 15-го ноября первое заседание суда по нашему делу. На днях мы меняем квартиру, чтобы для Мити была отдельная комната. Я купила ему пальто за 50 рублей и новую форму. 19-го бал у Вильде. Маня впервые «выезжает». Я сниму её портрет и вышлю тебе…[222]

Митина любовь

С конца октября 1887 по середину апреля 1888 года Митя пребывал у матери в Петербурге.

Борису от Мани, 23 ноября 1887 года:

…Ждём тебя к Рождеству. Я, как и ты, выучилась танцам к балу у Вильде. Мама сделала для меня всё, что было нужно.

Митя почти не бывает дома, разрываясь между мореходкой и чуть ли не каждый день танцами. Веселится порядочно. Мама сегодня уехала к Победоносцеву, надеясь получить бумагу, что её брак с Колмогоровым останется навсегда в полной силе. Мишенька скис и теперь спит у неё на кровати. Птицы и мопсы здоровы, ждут тебя повозиться. Гейслер едет к своей матери, но к Новому году вернётся. Так что встретим мы год весело. Хозяин квартиры зовёт Митю капитаном, и тот даже спит в его комнате…[223]

Борису от матери, 27 января 1887 года:

…Митя увлёкся барышней — дочерью помещика 18-ти лет, красивая, играет на рояле и поёт. Желает срочно выйти замуж. Содержит табачную лавку и вечером торгует папиросами в театре. Гуляет по Невскому и водит к себе «гостей». Известна всей Коломенской своим скандальным поведением. Митя же прослыл по улице — «моряк из каспийских гуляк». О его похождениях рассказывают все кухарки и дворники.

Михаил Фёдорович призвал Дмитрия и посоветовал всё рассказать. Вероятно исключение из мореходных классов за непосещение лекций. И тогда я поставила ультиматум: ехать к начальнику школы, или я даю деньги и он уезжает в Баку; или он живёт на свои 30 рублей, но отдельно от меня. Митя дал клятву пересилить себя и бросить особу…[224]

Решение разорвать первые в своей жизни путы любви обернулось для молодого моряка ужасными душевными страданиями. Из письма брату Борису от 3 и 15 февраля 1888 года:

…Со мною был переворот… Если бы я не знал всей правды и то, что с моей смертью Вы не выиграете процесса, то, наверное, покончил бы с жизнью, так зло посмеявшейся надо мной. Прощай! Голова идёт кругом…[225]

Борису от Мани, 19 апреля 1888 года:

…Вчера Мишенька был во дворце, получил деньги за проект и вернулся «весёлый». Подарил маме серебряный кавказский браслет, дурил и шумел, пока мама не рассердилась. Тогда сел за работу, данную ему Бенуа. Митя здесь, готовится к экзаменам. Мопсы ходят по комнатам. Я пишу у Гейслера в комнате…[226]

21 апреля Дмитрий Адамович сдал государственный экзамен и получил свидетельство штурмана дальнего плавания, приблизившее его ещё на шаг к заветному диплому капитана. В конце апреля он был уже в Баку.

Часть седьмая
(1886–1892 гг.)

Заводская слободка

Январь 1888 года ознаменовался для Тюмени Высочайше утверждённым мнением Госсовета о соединении Екатеринбурго-Тюменской (Сибирской) и Уральской Горнозаводской железных дорог в одну под названием Уральская железная дорога (протяжённостью 775 вёрст).

А в это время головы отцов города были заняты вопросом защиты здоровья жителей от вредных выбросов кожевенных производств. Гласные страстно желали вывести их за городскую черту ниже по течению Туры. Но до сих пор силу закона имело царское повеление от 20 июля 1837 года — *«Дозволить кожевенным заводам оставаться на прежнем месте».* Не забыл благодарный за приём цесаревич Александр Николаевич просьбы тюменского купечества.

Монаршая милость породила даже расширение кожевенной слободы Заречья. К 1866 году количество новых заводов здесь возросло ещё на… 18.[227] Да и меры, предпринимаемые заречными заводчиками в лице И. Решетникова и Ф. Колмогорова, всякий раз сводили на нет усилия властей. Единственным реальным успехом местных законодателей к 1876 году стало лишь исключение *отмока* и промывки сырых кож в реке (мытьё же их после золки и дернения по-прежнему не возбранялось).

Более того, 12 мая 1888 года дума постановила: *«Всю заречную часть с настоящего времени считать „Заводской слободкой“, предназначенной исключительно для кожевенных заводов».* Для составления схемы генплана предполагалось привлечь гражданского инженера — начальника 3-го участка Уральской железной дороги А. Ф. Колмогорова (с правом голоса).

Это постановление было, правда, отменено Тобольским по городским делам присутствием, но после длительного разбирательства вопрос вновь рассматривался тюменской городской думой 1 июля 1893 года (уже после смерти Филимона Степановича). В результате заводы остались на берегу реки с обязательствами владельцев не загрязнять воду. Увы, условия эти почти не выполнялись. До строительства дорогостоящего отводного канала, объединяющего промышленные стоки всего Заречья, дело так и не дошло.

Ещё через 5 лет (17 августа 1898 г.) окружной комитет общественного здравия вернулся к вопросу санитарных условий кожевенного производства Заречья. Из 16-ти осмотренных предприятий завод «братьев Колмогоровых» был отмечен как

самый благоприятный в этом отношении, имевший отводы нечистот на поля[228].

Весна 1888 года принесла заречной части очередную «большую воду». Прогнозируя её, дума ещё в марте (в который раз) создала под председательством Ф. С. Колмогорова комитет для вспомоществования жертвам стихийного бедствия. Среди его членов мы встречаем и юриста Фёдора Колмогорова.

Месть обер-прокурора

В конце августа 1888 года Александр Филимонович получил из тобольского епархиального управления указ Святейшего Синода [229], повергший его в замешательство. Первая же судебная попытка посягательства его жены на наследство давно упокоившегося первого мужа вызвала в семье Лухмановых такую ответную реакцию, что её раскаты очень быстро докатились до Тюмени.

С.-Петербургское епархиальное начальство проведённым «вдруг» расследованием (22.06. - 4.08. 1887 г.) установило неслыханное святотатство — осквернение Надеждой Александровной пред святыми вратами алтаря таинства своего второго венчания в 1881 году, *будучи осуждённой духовным судом ещё в 1872 году на всегдашнее безбрачие!* Нет ничего тайного, что не стало бы явным…

Оскорбленные в лучших чувствах, святые отцы приняли постановление о признании незаконным и недействительным её брака с А. Ф. Колмогоровым. Их рапорт в адрес Святейшего Синода[230] не оставлял виновнице ни одного шанса. Личный визит Надежды Александровны к всесильному обер-прокурору, её раскаяние и слёзы не смягчили аскетически сурового Победоносцева, непоколебимо стоявшего на страже нравственных устоев дворянского сословия.

Но грозный указ, несмотря на всю его ошеломляющую скандальность, лишь узаконил фактический разрыв и без того зашедших в тупик семейных отношений бывших супругов[231]. Конечно, расторжение подобным образом брачных уз одного из членов известной фамилии вызвало в среде купеческого сословия города нелестные для семейства пересуды. В патриархально верующей Тюмени с домостроевским укладом жизни в этом событии усматривалась не иначе, как Божья кара старому Филимону за гордыню университетского образования сыновей.

Для самого же А. Ф. Колмогорова шокирующим явился даже не сам факт незаконности и недействительности его 7-летнего брака. Воображение будоражила суровость наказания жены, а значит, и соответствующая ему вина Надежды Александровны перед первым мужем. Александру Филимоновичу пришлось на собственном опыте убедиться в том, что «женщина это не только приглашение к счастью, но и вторая ошибка Бога». Вероятно, солидарный с этой мыслью Синод дозволил бывшему супругу как *первобрачному* вступить в новый брак *«с беспрепятственным к тому лицом».*

Полученная душевная травма требовала времени для лечения, времени требовали и житейские заботы. Ими для отца ещё с отъезда жены и до самой смерти стали жизнь сына, а потом и его многодетной семьи. Александр Филимонович, учитывая психологическую травму, нанесённую Грише потерей матери и болезненным состоянием его здоровья, не решился отправить сына по своим стопам в Казанскую гимназию. Оставалось Александровское реальное училище.

Самым известным питомцем этого сибирского учебного заведения за всю его историю стал выпускник 1887 года — будущий инженер-электрик, член Центрального комитета большевистской партии, «красный дипломат» и народный комиссар Л. Б. Красин (1870–1926). Парадокс истории — виднейший революционер и вероятный организатор убийства в мае 1905 года в Каннах «ситцевого короля» и мецената Московского Художественного театра С. Т. Морозова[232] происходил из семьи тюменского окружного исправника (начальника полиции) Б. И. Красина[233]!Проглядел папаша государственного преступника в собственном двухэтажном доме на Подаруевской улице при пересечении её с Успенской…

Вторым заметным «реалистом» являлся выпускник 6-го класса 1892 года М. М. Пришвин (1873–1954) — будущий известный прозаик, исключённый в 1888 году из 4-го класса Елецкой гимназии (Орловской губернии) без права поступления в другое учебное заведение[234].

Покровителем 15-летнего грубияна оказался старший брат его матери — И. И. Игнатов, к тому времени крупный сибирский промышленник и пароходчик, гласный тюменской городской думы. Малоразговорчивый, с сильной волей и обладавший большими связями, дядя увёз подростка в Тюмень, где одиноко проживал в своём огромном доме по Пристанской улице с видом на Туру.

Несмотря на «волчий билет» племянника, дело быстро устроилось на банкете, данном владельцем особняка для избранного общества. И уже с осени 1889 года Миша Пришвин был принят самим И. Я. Словцовым в 4-й класс лучшего учебного заведения города.

Вот как вспоминал об этом моменте состоявшийся писатель много лет спустя: «…Пришёл директор училища, такой же большой, как дядя. Он сел в кресло и, задумавшись, стал одной рукой на другую мотать свою длинную, как у Черномора, бороду, а глазами уставился на меня. Потом эти страшные глаза, не отрываясь, начали смеяться и в то же время пристально что-то разглядывать в моих глазах, как если задаться найти в них

другого, обыкновенного, опрокинутого в зрачке человека. Расширив глаза, я открыто пошёл в эти великаньи глаза, которые вдруг стали изменяться и, как будто, смущённо отступать. „С волчьим билетом“, — сказал подошедший дядя. „Вижу“, — ответил Черномор. „Ну, как же нам с ним?“ — „Ничего, человечек у него в глазу, кажется, цел, а другое всё — пустяки…“»[235]

Инициативе юного родственника Тюмень обязана появлению в ней первого экземпляра 82-х томного энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, выписанного дядей из столицы для своей домашней библиотеки.

В городском архиве сохранились вступительные экзаменационные листы с оценками 10-летнего Григория Колмогорова от августа 1888 года с отметкой «принят»: Закон Божий — 3 балла; русский язык письменный и устный — 4; математика устно и письменно — 3 балла (явное упущение отца-инженера) [236].

Учение Грише, в отличие от отца, давалось нелегко. Не способствовали успеваемости и частые, судя по ведомостям, пропуски уроков по болезни в течение всех лет обучения. Усреднённая оценка успеваемости, тем не менее, выросла с 3,25 балла в 1-ом классе до — 4,00 в первой четверти 6-го класса. Но уже во 2-ой четверти, пропустив 134 урока, он исчезает из списков учеников 1896–98 годов. В отличие от отца и матери, 5 классов Александровского реального училища стали его университетами…

Дошло до нас и упоминание о педагогическом наказании 17-летнего Г. Колмогорова — выговор за курение в туалете (от 29 сентября 1895 года) [237].

Конец 1888 года преподнёс 30-летнему Александру Филимоновичу производство (за выслугой лет) в очередной классный чин — коллежского асессора.

Дело о наследстве

19 ноября 1888 года в московском окружном суде по 5-му отделению слушалось дело вольного штурмана Дмитрия Викторовича Адамовича. Выхлопотав себе в столице «свидетельство на право бедности», освобождающее его от судебных пошлин, он предъявил 3 иска. В первом из них, указывая ответчиком свою мать и семейство Лухмановых, просил признать его законным сыном умершего в 1882 году дворянина Афанасия Дмитриевича Лухманова, ссылаясь на факт своего рождения во время существования законного брака родителей. Более того, Афанасий Лухманов не оспорил законность его рождения в порядке гражданского судопроизводства за время своей жизни.

Истец просил признать за ним также и право собственности на 5/12 частей так называемого «Монетного двора» в Охотном ряду, оцениваемых в… миллион рублей и принадлежавших Афанасию Лухманову!

Публично объявленная резолюция суда гласила: «В первом иске мещанину Адамовичу отказать. Прочие же приостановить производством до вступления настоящего решения в законную силу» [238].

Голубчик Боря!

22 июля 1886 года с присвоением очередного воинского звания полковник В. М. Адамович был назначен Смоленским уездным воинским начальником и отбыл из Подольска к месту новой службы вместе со своей молодой и уже беременной женой. Девятого декабря у него родился первый в законном браке и третий по жизни сын Владимир, позже выбравший по настоянию отца карьеру военного, но не повторивший успехов ни родителя, ни единокровного брата Бориса.

Задержавшись в Смоленске всего лишь на два года, Виктор Михайлович, используя старые связи, к 5 июля 1888 года оказался на посту Московского уездного воинского начальника, поселившись с семьёй в казённой квартире, примыкавшей к Крутицкому терему на территории одноимённого монастыря. Приведённые ниже строки из писем отца к сыну Борису в бытность того московским кадетом очень скупы на ласку, торопливы и обрывочны. Но и в них внимательный читатель заметит искренность чувств родителя к одному из своих несчастных детей.

От 17 января 1882 года:

Голубчик мой, золотой Боря! Пойми, что я не могу уехать из Подольска, пока меня кто-нибудь не сменит. Жду сегодня. И если кто-то приедет, то завтра увидимся. Обнимаю тебя.

От 26 января б/года:

Прости меня, голубчик, за невольное огорчение. Я тебя возьму и сегодня же буду писать директору корпуса о своей просьбе. Прилагаю квитанцию на взнос 50 рублей за 2-е полугодие обучения. Твой отец.

От 24 числа б/года:

Целую тебя крепко за успехи шестым учеником класса. Твой отец.

От 13 декабря б/года:

Милый и дорогой мой Боря! Целую тебя, благословляю, что ты добрый и хороший. Посылаю к именинам 12 рублей. Понемногу буду помогать. Пиши и не забывай любящего тебя отца.

От 10 января 1887 года из Смоленска:

Был очень занят по приёму управления, закончил только 31 октября и поэтому приехать не смог. На днях узнаю, когда в январе смогу быть в Москве. Напишу. Лиза, слава Богу, поправляется после родов. Спасибо, что хорошо занимаешься. Братишка твой Володька много кричит. Не сердись и не забывай. Любящий тебя папа.[239]

«Грусть твоя передаётся мне…»

В середине июля 1888 года Борис Адамович завершил своё начальное военное образование в числе лучших выпускников корпуса. Остались позади экзамены и летний полевой лагерь. Приехав на дачу к матери и сестре в Стрельну, он наслаждался солнцем, теплом, морем, покоем и общением с родными ему людьми, восполняя силы перед новыми испытаниями.

Для продолжения офицерской карьеры его выбор пал на 2-е Константиновское военное училище, одно из трёх существовавших на тот период пехотных учебных заведений армии[240]. Когда-то в его стенах (до 1863 года — Павловского кадетского корпуса) проживала семья его матери, учились трое его дядьёв и служил в должности эконома дед — надворный советник и кавалер А. Ф. Байков.

Короткое стрельнинское наваждение очень быстро растворилось в балтийской дымке, и 1 сентября юнкер младшего курса 2-й роты начал военную службу. Новая, непривычная и оттого казавшаяся чужой обстановка с незнакомыми лицами вокруг угнетающе подействовала на 17-летнего юношу, породив неверие в свои командирские качества.

Из письма матери к Борису от 2 октября 1888 года:

…Грусть твоя всецело передаётся мне. Каждое твоё страдание я переживаю вдвойне. За тебя и за своё бессилие снять его. Может быть, когда ты будешь читать это письмо, твоё настроение уже изменилось и тогда тон моего письма будет излишним. Но сейчас мне так жаль тебя, что хочется серьёзно поговорить с тобой. Мы во многом обездоленные люди. Наш мир уже видимого мира других. У нас почти нет родных и мало друзей, а потому мы должны жить иначе и нести больше обязанностей. Если мы не будем искренне и крепко связаны между собой, если не будем глубоко правдивы и честны, готовы буквально положить друг за друга душу, то мы должны пропасть. По крайней мере, нравственно. Нам надо всё завоёвывать — место между людьми, их уважение и добиться, чтобы невольно они отдавали нам справедливость. Как, по-твоему, мы можем дойти до этого? Именно усвоив себе строго нравственный и в то же время трезвый взгляд на жизнь. Мы все честны и верны от предков своей родине, государю. Но этого мало, это только основа. Мы никогда не должны позволять беспричинной тоске овладевать нами, опускать руки от того, что сердце рвётся к какой-то другой жизни. Совсем не той, что окружает нас…

Не жить будущим потому, что оно неминуемо вытекает из настоящего. А настоящее — это каждый переживаемый час и глубокая ответственность за него. Уже сейчас ты становишься опорой семье, так как у нас нет её отца. Но есть молодая сестра и не старая мать, которым нужна сила. И она в твоей любви, уважении, отношении к нам обеим. Ты наша опора и защита…[241]

Психологический барьер во взаимоотношениях со сверстниками вскоре был преодолён, судя по присвоению Борису Адамовичу воинских званий унтер-офицера, младшего и старшего портупей-юнкера[242].

Заречный «палаццо»

Паводок Туры 1889 года принёс жителям и владельцам заводов Заречья новые беды. И вновь среди членов думского комитета по наводнениям — Филимон и Фёдор Колмогоровы. Хлопоты, заботы и понесённые семьёй убытки в моральном плане компенсировало Высочайшее пожалование самого младшего из сыновей кожевенника царским орденом.

Инженер Александр Колмогоров первой же наградой — орденом Св. Станислава 3-ей степени[243] — превзошёл 65-летнего отца особенностью отличия. В дальнейшем он удостоится и других более высоких наград, но до ленты ордена Св. Александра Невского, на которой купец Филимон Колмогоров получит свою четвёртую золотую медаль «За усердие»[244], не дослужится никогда.

Зиму 1890 года большая семья Колмогоровых встретила в новом и только что отделанном дворце, ставшем бесспорным украшением Зареки. Из прекрасного лицевого кирпича с парадным балконом со стороны Мостовой улицы и большими окнами 2-го этажа по всему периметру здание уступало своей значимостью только Вознесенско-Георгиевскому храму этой части города.

Парадный зал второго этажа поражал приглашённое на освящение избранное городское общество внутренним убранством и громадностью пространства. Даже просторные подвалы дома, возведённого на пойменных грунтах, оставались совершенно сухими. Заметили гости и невысокие ступени внутренней лестницы, устроенной, как оказалось, по желанию хозяина. Замысел Филимона удивить и поразить и на этот раз удался в полной мере.

Выстроенные в эти же годы виноторговцами братьями Дмитриевыми и купцом Колмаковым кирпичные особняки (на пересечении улиц Спасская/Перекопская, Царская/будущая Голицынская) явно проигрывали заречному *«палаццо»*.

В благодарность Вседержителю, сподобившему узреть *свершившееся,* семья Колмогоровых в октябре 1890 года основала Воскресенскую церковно-приходскую школу, оставаясь до самой своей смерти её попечителями. К концу 1900 года их стараниями учебное заведение окончили около 300 детей[245].

Признание наследником

В конце сентября 1889 года Д. Адамович — второй помощник капитана элегантного двухтрубного каспийского колёсного красавца «Князь Барятинский» — получил неожиданную телеграмму от присяжного поверенного Корейского: «Поздравляю признанием сыном наследником. Приезжайте». Дождавшись постановки парохода на зимний ремонт, Дмитрий поспешил в Москву.

Адвокатам Надежды Александровны удалось добиться пересмотра постановления московского окружного суда от 19 ноября 1888 года, руководствуясь прецедентом гражданского кассационного департамента, изменившего взгляд российской практики на доказательства законности рождения.

На основании предположения римского права (отцом признаётся тот, на кого указывает законный брак) и французского (отцом ребёнка, зачатого во время супружества, считается муж) ребёнок считается законнорожденным, если рождение его не было скрыто от мужа матерью или когда супруг, зная о его рождении, не оспорил этой законности судебным порядком. Чего Афанасием Лухмановым сделано не было.

В результате Московская судебная палата (по 1-му департаменту), оставив доводы поверенных семьи Лухмановых «без уважения», отменила прежнее судебное решение и признала семейные и имущественные права истца. В восторженных чувствах от скорого обладания наследством, Дмитрий выправил у градоначальства новый паспорт на имя Дмитрия Афанасьевича Лухманова и справку для узаконения мореходных документов на новое имя.

Если для адвокатов и сиявшей от счастья Надежды Александровны только начинался второй этап тяжбы за отчуждение у семьи Лухмановых львиной доли её богатств, то 22-летний вольный штурман, вернувшись на Каспий, посчитал дело выигранным и на радостях решил непременно жениться!

Не особенно утруждая себя поисками возлюбленной, молодой моряк и потенциальный богач остановил свой выбор на первой приглянувшейся ему бакинской выпускнице-гимназистке с именем обожаемой им матери. К сожалению, мы не знаем даже девичьей фамилии невесты.

Приведём одно из немногих сохранившихся её писем к Борису Адамовичу. Из Баку в С.-Петербург от 11 декабря 1889 года:

…Получила твоё письмо (первое ко мне). Чем же я Вас так расположила к себе, голубчик? На Рождество (январь-февраль) рассчитываем с Митей быть в столице. Он сейчас в числе старших запасных помощников на том же жалованьи (кроме столовых). Завтра переходим на новую квартиру, так как эта сырая, даже Митя приболел и несколько дней лежал в кровати. Платить придётся 15 рублей. Жизнь здесь дорога. Наш адрес: Баку, Никольская ул., дом Тер-Степановых. Чем была больна твоя мама? Слава Богу, что ей лучше. Тебе тоже не полагается хворать. Где будешь служить? Мой покойный папочка и брат служили в Ширванском полку. Целую тебя, а ты за меня маму и Маню. Надя[246].

Игра судьбы

Изнурительные судебные хлопоты и процессы в Москве и С.-Петербурге о наследстве сына, о расторжении церковного брака с Колмогоровым, о получении нового паспорта и вида на жительство, заботы о доме, детях и личная жизнь с М. Ф. Гейслером не оставляли Надежде Александровне времени ни на что иное.

Литературные переводы, которыми она подрабатывала в книжном издательстве Поставщика Двора Его Императорского Величества Г. Шмицдорфа (Невский проспект, 6), носили скорее эпизодический, чем постоянный характер. Но по мере таяния надежд на скорое обладание чужим богатством вдова подполковника Лухманова (именно это положение и фамилию она теперь обрела официально) решилась искать постоянного себе заработка. Тем более, что 30-летний «близкий друг», получив вместе с дипломом гражданского инженера и право на чин коллежского секретаря, как-то неожиданно прозрел и охладел в своей странной страсти к… 50-летней сердцеедке. Принятый в начале 1890 года на службу в Министерство Императорского Двора смотрителем зданий придворной певческой капеллы, он даже съехал на другую квартиру, продолжая, впрочем, оплачивать съёмное жильё предмета своего обожания.

Из письма Мани к Борису от 6 апреля 1890 года:

Мама попала в редакцию юмористического журнала «Шут». Перезнакомилась со всеми, и трое из них собрались у нас. Удумали издавать свой собственный журнал «Вестник». Понятно, к Мишеньке (надо минимум 1000 рублей). Тот сперва — на дыбы, но потом согласился. Итак, их четверо. Контора будет у нас в квартире, секретарём — я. Вчера собрались, составили программу.

С 1 июня надеемся открыться, а с июля уже 1-й номер…[247]

Но с «Вестником» как-то не задалось. Из письма Надежды Александровны Борису в Варшаву от 30 октября 1890 года:

…Спасибо за твои письма, за их искренность, простоту и любовь, которой они дышат. История с нашим делом протянется ещё с полгода. Но надо же как-то существовать. Вот я и стала искать себе занятий. Прочла, что будет издаваться газета «Правда», и отправилась в редакцию[248] *просить место постоянной переводчицы.*

Предложили перевести с листа передовицу о развитии русских

школ на Востоке, затем критическую — о новой книге. И, наконец, читала два твоих перевода из Бодлера, хорошо мне послуживших. Они понравились как по верности передачи оригинала, так и по поэзии. Я получила место (сразу 40 рублей) с обязательством прибавки после 2-х месяцев работы. О стихах я теперь уже сказала правду. И в одном из первых приложений к газете они появятся под твоей фамилией.

Маня будет работать со мной, но с 15 ноября или с декабря, как переписчица и корректорша, с платою в 15 рублей. С 10 до 6 часов дня мы обе в редакции и даже в праздники с 12 до двух.

Я очень рада, эта работа мне по душе. Теперь я буду в самой фабрике идей, в самом центре современной жизни…[249]

Видимо, не всё устраивало начинающую журналистку в редакции «Правды», помещавшей её материал на своих страницах не только без указания фамилии автора, но и без литературного псевдонима. Поэтому уже со 2-го номера в популярном еженедельнике «Петербургская жизнь» за 1891 год и появился новый чрезвычайно плодовитый, с претензией на интеллект автор анекдотов-миниатюр, выставочных, магазинных, ресторанных и ипподромных обзоров, драматических этюдов, маленьких капризов и фантазий, заметок, театральных программ и рецензий, собственных рассказов и даже… некрологов!

И за всем этим фейерверком публикаций, подписанных инициалами Б. Ф., Н. А., Барон Ф., а то и экстравагантными — Дрозд, Треч, Колибри, Ревизор, Циркуль, Несчастный муж. Птица-муха, Турист, Дрозд-пересмешник и т. п.[250], скрывался один и тот же автор, начинающий столь успешное восхождение на литературный олимп.

Художественно-публицистическая деятельность, с проявившимся интересом и вкусом к ней, оказалась для Надежды Александровны единственным источником существования до конца жизни, несмотря на многолетний сверхтяжелый, поистине плантаторский труд газетной подёнщицы, так «ценимый» всеми редакторами и издателями. Провидение как бы приоткрыло перед ней потайную дверь, готовясь громко захлопнуть парадную.

Пока адвокаты Дмитрия Лухманова, основываясь на вошедшем в законную силу решении судебной палаты, добивались в окружном суде выделения истцу наследственной части родового имущества Афанасия Лухманова — Монетного двора в Охотном ряду, противная сторона перенесла дело в Сенат. Высший законодательный и судебный орган империи, находя, что судебная палата оставила многие доводы Лухмановых «без уважения», кассировал её решение и передал дело на новое

разбирательство в другой департамент той же палаты [251].

Только крайней степенью отчаяния можно объяснить обращение Надежды Александровны за помощью к незнакомому с ней известному издателю крупнейшей российской газеты «Новое Время» А. С. Суворину. В последней надежде она наивно пыталась привлечь талант влиятельного в общественно-политических кругах столицы публициста к своему заведомо неправедному делу…[252]

20 декабря 1891 года во втором гражданском департаменте московской судебной палаты была поставлена точка в громком и нашумевшем на всю Москву и Петербург деле. Объявленной в публичном заседании резолюцией мещанину Д. В. Адамовичу было отказано в признании его сыном дворянина А. Д. Лухманова со всеми вытекающими последствиями[253].

Надежда Александровна нашла в себе силы пережить случившееся и, оттачивая перо, уже с 3-го номера еженедельника «Петербургская жизнь» за 1892 год помечала свои публикации узнаваемыми инициалами — Н. Л. или Лух. Н.

Из письма к Борису в Варшаву (без даты):

…Работаю в «Петербургской жизни», подписываюсь пока инициалами. Выработать могу в неделю от 10 до 16 рублей, но этого нам с Маней мало. А просить Михаила Фёдоровича язык не повернётся. Он и так присылает мне по почте на уплату квартиры. Думаю пробить дорогу в другие газеты, журналы. Не бываем ни у кого, кроме Гейслера, и он иногда заходит к нам…[254]

Цесаревич Николай Александрович в Тобольске

1890 год стал, пожалуй, последним годом активной жизнедеятельности Ф. С. Колмогорова как заводчика. Количество кожевенных предприятий в России при царе-миротворце Александре III уменьшилось на 1406. И тенденция эта сохранилась до конца его правления (с 1879 года государство не вело войн). Несмотря на это, Тюмень входила в четвёрку главнейших станций страны по отправлению кож в Россию (104 000 пудов). В 1893 году этот объём вырос до 198 000, позволив первому городу Сибири подняться на 2 место, уступая только Москве[255]. В этом же году на городской ярмарке было продано яловой кожи на 1450 тысяч рублей!

Признанием качества кожевенного товара завода Ф. Колмогорова стала и последняя с его участием Казанская научно-промышленная выставка 1890 года. Золотая медаль «за весьма хорошую выделку юфти» достойно увенчала профессиональные способности сибирского кожевенника[256], одного из 18-ти тюменских капиталов по 1-й гильдии!

Как и многие купцы, Колмогоровы оказывали различного рода услуги Переселенческому комитету города:[257] предоставляли складские помещения для временного размещения людей и их имущества; собирали по подписным листам деньги от жертвователей; с 1893 года перевозили партии переселенцев до 1200 человек на собственном пароходе «Владимир» и баржах по рекам Западной Сибири (с арендной оплатой по 240 рублей в сутки) [258].

С переездом в новый дом 66-летний Филимон практически отошёл от заводских да и общественных дел, предпочитая им семью, трёх внуков, огромный заречный сад и чтение газет и журналов. Даже внешне он сильно изменился, отпустив окладистую седую бороду.

Для приведения в порядок немалой домашней библиотеки глава дома заказал массивную бронзовую овальную печать с гравированной по контуру чётко читаемой легендой *«Тюмень Ф. С. Колмогоров»*. По этим оттискам вашему покорному слуге и удалось отыскать в Тюмени в августе 2010 года два раритетных издания из семейного собрания: легендарный «Апостол», прижизненное творение времён первого из династии Романовых государя — Михаила Фёдоровича (1613–45 гг.) и пятого патриарха Московского и Всея Руси Иосифа (1642–52 гг.); книгу

просветителя П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» столичного издания 1886 года.

С интересом следил кожевенник за «Восточным путешествием» цесаревича и великого князя Николая Александровича, внука убиенного царя-Освободителя, которому когда-то лично представлялся в Петербурге и золотые шейные медали которого особо выделял среди своих многочисленных наград. Он собственноручно рисовал схему передвижения наследника престола от отъезда из Гатчины 23 октября 1890 года и вёл подробный дневник поездки, переписывая в изящный альбомчик сведения, почерпнутые из различных газет.

После злодейского покушения 29 апреля в японском городе Оцу на 23-летнего царевича (Атамана всех казачьих войск) и приказа Государя сыну прервать путешествие и вернуться в Петербург купец стал ожидать дальнейшего развития событий. Ведь так хотелось увидеть на старости лет внука того, кого мальчонкой он с таким трепетом ожидал у Спасской церкви в… 1837 году.

Готовилось к встрече царского сына и тюменское общество. Для поднесения Высокому гостю хлеба-соли загодя было заказано за 500 рублей массивное серебряное вызолоченное блюдо, изящно отделанное эмалью с указанием года события и гербом первого города Зауралья. Депутацией от Общества пароходовладельцев по рекам Западной Сибири во главе с И. Игнатовым, И. Корниловым и М. Плотниковым предполагалось приветствовать великого князя в окружном городе Сургуте — самой северной точке путешествия. Серебряное вызолоченное блюдо с видом парохода «Казанец» украшала солонка в виде двух двуглавых орлов, держащих глобус с изображением пути следования наследника от Петербурга до Томска. Предназначались для подношения и два речных путеводителя-дорожника (в бархатных переплётах с серебряными накладками) — от Тюмени до Томска и от Тюмени до Омска.

Известие об отбытии Его Высочества 5 июля пароходом вниз по Оби и неожиданное изменение маршрута следования по Иртышу, минуя Тюмень, побудили депутацию тюменцев выехать в Тобольск. В их числе оказался и Ф. С. Колмогоров, сопровождаемый сыном Фёдором.

10 июля 1891 года погода здесь выдалась облачной, с холодным пронзительным северным ветром и дождём. Для встречи Августейшего путешественника в Кафедральном Софийско-Успенском соборе было убрано особое место.

В 6 часов вечера, по получении сведений о проследовании Высоким гостем села Бронниковское (в 37 верстах от города),

1000 пудовый колокол 12 ударами известил жителей о приближающемся событии. Растерявшийся народ бежал кто куда — к реке, в Ермаковский сад, к главному собору. Около 8 вечера пароход «Николай» (Гадалов и К°) подошёл к Ширковской пристани, где наследника престола первым приветствовал Управляющий губернией статский советник З. Н. Геращеневский. Следом за ним хлеб-соль на блюдах поочерёдно преподнесли депутации Тобольского и Тюменского городских обществ во главе своих предводителей — С. М. Трусова и А. А. Мальцева. Верноподданнические чувства от Тюмени изъявляли Ф. С. Колмогоров, И. П. Колокольников, трое Решетниковых, А. И. Опрокиднев и другие именитые граждане. Завершился церемониал прохождением почётного караула Тобольского батальона.

На крыльце главного губернского храма государева сына с блестящей свитой встречал епископ Тобольский и Сибирский Преосвященнейший Иустин в окружении избранного духовенства в белых ризах. После краткого приветствия, приложения Николая Александровича к кресту и окропления святой водой под звуки хора *«Днесь благодать святого духа нас собра»* и колокольный звон процессия проследовала в собор.

За молебном, благословением Его Высочества святой Абалакской иконой Божьей Матери «в серебряной позлащённой ризе» и её целованием последовало посещение ризницы. Здесь Государь-Наследник изволил осмотреть храмовые реликвии и припасть к жезлу своего прародителя — патриарха Филарета Никитича, одарившего им в 1620 году на служение в земле Сибирской подвижника и первого Тобольского архиепископа Киприана[259].

Далее великий князь удостоил своим посещением дом епископа, губернский музей, памятник Ермаку и изволил принять в дар альбом видов музея, оленью доху, шкатулку и модель памятника Ермаку из мамонтовой кости. Уже в темноте он проехал по городу и в 1 час 10 минут пополуночи отбыл под колокольный звон в Омск. Наиболее восторженная тобольская публика с музыкой и криками «ура» сопровождала на пароходе «Сибиряк» Высокого гостя до Абалакского монастыря.

Утром от имени цесаревича были розданы многочисленные подарки: епископу — светографический портрет наследника с автографом; священнику Н. Скосыреву — золотые часы с гербом; ключарю собора — золотые часы с вензелем великого князя; городские головы С. М. Трусов, А. А. Мальцев, тобольский полицмейстер А. А. Каверзин удостоились золотых перстней с бриллиантами и т. д.

Благодарные «нестяжатели» ещё пять дней с колокольным звоном служили молебны о здравии и благополучии щедрому дарителю, закончившиеся 15 июля народным гулянием на городской площади и в Ермаковском саду.

Уставшие, едва не занемогшие, отец и сын Колмогоровы возвратились домой после вечера и ужина, данных Тобольским Обществом 11 июля в зимнем помещении Общественного собрания для депутаций губернских городов[260]. Они и оставили нам свои впечатления от поездки, подтверждаемые официальными публикациями тех лет.

Филимон Степанович отказался и от членства в новом составе городской думы, и от председательства в попечительном совете женской прогимназии, передав его в 1891 году в руки сына Григория. Исключением можно считать его согласие на выборы в 1892 году в действительные члены комитета Тобольского губернского музея (принятого 31 августа 1891 года под Высочайшее Покровительство Государя-Наследника Цесаревича и великого князя Николая Александровича) вместе с тюменскими купцами П. А. Андреевым, А. И. Текутьевым и другими.

Отлаженный и стабильно работающий завод фактически перешёл в руки его сыновей: управленца-коммерсанта Григория и юриста Фёдора. Уступая их настойчивому желанию иметь по примеру успешных заводчиков собственный пароход, Филимон согласился вложить капитал в строительство 85-сильного судна «Владимир» и двух барж к навигации 1892 года[261].

Но летом город поразила очередная эпидемия холеры, унёсшая на этот раз, помимо многих других, и жизнь купца единоверца П. И. Гилева — основателя Торгового дома своего имени. Брали годы своё и над Филимоном. От главы семейства, страдающего приступами болей в желудке, близкие всё чаще и чаще слышали мрачные прибаутки вроде: «Был конь, да изъездился» или «Пора костям на место».

Он мог гордиться тем, что ему удалось в этой жизни: создать образцовое кожевенное предприятие, одно из крупнейших в губернии; занять подобающее место в купеческой элите города 1860–90 годов; дать достойное образование трём из четырёх своих сыновей; построить дом, памятник архитектуры Заречья (сохранившийся и до наших дней — ул. Щербакова, № 4); выслужить потомственное почётное гражданство; удостоиться профессионального признания на промышленных выставках России (бронзовая, серебряная, золотая медали); быть пожалованным двумя императорами «иконостасом» из пяти шейных наград «За усердие», в том числе четырёх золотых на орденских лентах, включая Александровскую.[262]

Часть восьмая
(1890–1898 гг.)

В Кексгольмском полку

10 августа 1890 года по завершении полевых маневров в военном лагере Красного Села под Петербургом старший портупей-юнкер Борис Адамович получил свой первый офицерский чин подпоручика. Окончание училища по 1-му разряду открывало ему возможность распределения в гвардейские части армии. Его выбор пал на один из трёх самых старых петровских полков — Семёновский. Ввиду отсутствия вакансии кандидат не счёл для себя зазорным временно определиться в Кексгольмский гренадерский императора австрийского полк, основанный Петром Великим в 1710 году и квартировавший с 1862 года в казармах Варшавской Александровской цитадели. За многочисленные ратные заслуги и отличия он входил в состав 3-ей гвардейской дивизии, именуемой за глаза столичной армейской элитой *«суконной гвардией»*.

После долгожданного 2-х месячного отпуска, проведённого в кругу родственников в имении отца при селе Петровцы на Украине, подпоручик 6 октября прибыл в Варшаву. Легко войдя в офицерскую среду и отказавшись от перевода на открывшуюся вакансию в гвардейскую столицу, Борис Викторович навсегда связал свою судьбу со ставшим ему родным Кексгольмским полком, вписав в дальнейшем в его летопись несколько ярких страниц.

Наряду со службой он участвует в создании музея полка (второго по времени образования в армейских частях), становится его первым хранителем, а с октября 1896 года и историографом.

С удивлением он обнаруживает в списках кексгольмцев 1796–98 годов своего прадеда по материнской линии и его брата — прапорщиков Ф. А. и Я. А. Байковых; в списках 1835–49 годов — родственников по линии прабабушки Доротеи Германовны баронов фон-Пфейлицер-Франк — прапорщика, позднее штабс-капитана К. А. Франк и прапорщика, позднее майора — ФА. Франк.

Свою литературную деятельность Борис Викторович начал поэмой «Карагачская годовщина», посвящённой памятному бою одного из батальонов Кексгольмского полка в русско-турецкой войне 1877–78 годов, опубликованной в военно-литературном журнале «Разведчик»:[263]

> …С закатом Карагач туманный
> Тревожно дремлет, — грозный сон
> Восстал пред ним и голос бранный,

Орудий гром и сабель звон
Он в страхе слышит: вот «ура»
Несётся мощно, залп, удар!..
Войны кровавая пора
Пред ним восстала… Смерть, пожар…
Ура! Аллах! Моленья шёпот,
Восторг и ужас, месть, позор,
И гнев, и счастье, плачь и ропот,
Врага надменный, гордый взор…

В столичном «Военном сборнике» (№ 10 за 1893 год) появилось и его первое историческое повествование «Участие Кексгольмского полка в морском Чесменском походе 1769–74 гг.».

Быстро проявившиеся способности недавнего юнкера в сочетании с ревностным отношением к службе послужили причиной направления его в Николаевскую академию Генерального штаба[264] и почти одновременного производства в поручики. Сыну удалось сделать то, чего не смог его отец, — сдать экзамены и быть зачисленным в самое престижное военно-учебное заведение империи.

Но проучившись почти полгода[265], офицер был вынужден похоронить свою мечту «по домашним обстоятельствам». Надежда на материальную поддержку от отца не оправдалась. Имея вторую семью с четырьмя малолетними детьми, тот был не в состоянии оказывать помощь взрослому сыну от первого гражданского брака. Не могла помочь и мать, перебивающаяся мелкими литературными заработками в столичных газетах.

В утешение о несбывшихся мечтах Борис Адамович удостоился редкой среди военных и первой в своей жизни монаршей награды[266] — бриллиантового перстня в 4 карата с вензелем шефа полка. Таким оригинальным подарком император Франц Иосиф решил осчастливить всех офицеров-кексгольмцев в связи с 80-летием австрийского императорского шефства над ними.

Задумав написать к 200-летию полка более полную его историю, Б. В. Адамович в течение ряда лет на несколько месяцев в году будет командироваться для сбора материалов в архивы — Московский военный и Главного штаба в С.-Петербурге.

Повторный брак

Григорий Филимонович Колмогоров после ухода с поста директора Городского общественного банка оставался по 1902 год членом учётного комитета временных его отделений на Ирбитской и Ишимской ярмарках, обслуживая в полной мере и коммерческие интересы завода отца.

30 марта 1892 года, желая реализовать своё право на классный гражданский чин, он поступает на государственную службу в тюменский «Приказ о ссыльных», но 12 января следующего года выходит в отставку, сохранив за собой чин коллежского секретаря до конца жизни.

Принёс изменения этот год и в жизнь 34-летнего коллежского асессора А. Ф. Колмогорова — 5 марта по докладу министра внутренних дел он был Высочайше утверждён в звании добровольного директора тюменского отделения Попечительного о тюрьмах комитета.

Но главным событием для него стало второе бракосочетание. Минуло 6 лет с отъезда Надежды Александровны и фактического распада семьи. Их сыну Григорию исполнилось 14 лет. Дошли до Тюмени и известия о полном фиаско многолетнего судебного разбирательства по искам его жены и о плачевном итоге самого судебного процесса.

Но решив жениться и даже имея личный печальный опыт «неравного брака», Александр Филимонович впал из одной крайности в другую, аукнувшуюся ему на старости лет. *«Не властны мы в самих себе не только в молодые наши леты…»*

Предметом его страсти оказалась… 18-летняя выпускница Пермской Мариинской гимназии, дочь потомственного почётного гражданина и 1-й гильдии купца Александра Николаевна Базанова. Венчание проходило в градо-Пермской Рождества-Богородицкой церкви апреля 12 дня. Поручителями *«по женихе»* из Тюмени прибыли: потомственный почётный гражданин, коллежский секретарь и родной брат Г. Ф. Колмогоров; личный почётный гражданин, купеческий сын С. И. Колокольников[267]. Поручителями *«по невесте»* состояли: потомственный почётный гражданин Д. Ф. Базанов, почётный член пермского губернского Попечительства детских приютов; надворный советник В. М. Виноградов, ординатор пермской Александровской больницы[268].

В конце года и сам Александр Филимонович по выслуге лет удостоился от железнодорожного ведомства аналогичного классного чина.

Литературная подёнщина и первый успех

Приостановка с июля 1891 года выхода журнала «Петербургская жизнь» в связи со сменой его владельца подтолкнула Надежду Александровну к поиску журналистского счастья в широко известном издании Г. Гоппе «Всемирная Иллюстрация»[269]. Из-за отсутствия «имени» начинать пришлось в отделе домоводства. Но так как язык оборок, швов, обшивок, строчек не давался, пришлось согласиться на переводы с немецкого, французского, английского произведений модных европейских авторов (с оплатой по 30 рублей за печатный лист).

Как позже признается в своём дневнике писательница: «Работала с фантазией, вольными отступлениями, концовками, и даже вводя новых персонажей. Названия переводам давала произвольно, указывая лишь язык страны — с испанского, португальского, шведского — и подписывая именем первого попавшегося автора. И *„эта проза“* никогда не вызывала сомнений в редакции.

„Иллюстрация“ исправно платила мне за „литературную клоунаду“, отказавшись от моего творчества…»[270], а мечталось о большем…

В январе 1892 года сделала свой выбор и 20-летняя Мария Адамович. Созревшая ли воля или тревога за своё будущее, но именно они побудили молодую и хрупкую девушку прервать материнскую опеку и шагнуть в самостоятельную жизнь. Однажды, ещё в феврале 1888 года, в одном из писем к брату Борису, тогда ещё кадету, она обмолвилась, что в случае войны станет сестрой милосердия.

Теперь же, неудовлетворённая газетной подёнщиной, которую только и могла предложить ей мать, она задумалась о своей судьбе. Случайная встреча со старшим доктором Крестовоздвиженской общины сестёр попечения о раненых и больных в военных госпиталях[271] и беседа с начальницей решили дело.

Из письма матери к сыну Борису в Варшаву от 26 февраля 1892 года:

…Я теперь совершенно одна. Маруся вторую неделю в сёстрах милосердия и, к моему изумлению, весела и здорова! Но когда я увидела её там в монашеской форме, то плакала, точно хоронила.

Я могла бы не дозволить ей этого, но не сочла себя вправе так поступить. Отпустить её в магазин гостиного двора или пассажа я не решалась…

К нему же, из письма от 18 апреля 1892 года:

…Мысленно говорю с тобой и часто целую твой портрет. Маня нашла своё призвание. Теперь она авторитетна донельзя, суха и совершенно индифферентна и ко мне, и ко всему, что не в её общине. Я просила её вернуться…[272]

Из письма к А. С. Суворину:

Милостивый Государь!

Постоянно читаю в «Новом Времени» Ваши «Маленькие письма», прочтите и Вы от меня. Года два назад я уже обращалась к Вам с просьбой дать мне постоянное место в редакции, поручений или книжной торговли. Я пришла с рекомендацией от Григоровича[273]*, где он писал обо мне как о талантливой переводчице, и откровенно рассказала Вам о своём невыносимо тяжёлом материальном положении, моей работе, которой пользовались Подлигайлов*[274] *и другие.*

Я принесла Вам целую трёхактную комедию. Вы её разругали, но заметили: «Мой приговор не должен Вас смущать особенно, то же самое я сказал бы о многих идущих на императорской сцене пьесах. Мысли у Вас есть, работать Вы любите, и я дам Вам занятие. Зайдите как-нибудь через неделю-другую».

Я писала — ответа нет. Заходила — принимать не велено. Может быть, Вы вспомните и выполните своё обещание? Мои адрес: Б. Конюшенный, 13, кв. 41. Н. Лухманова.

Меня с удовольствием взял в редакцию Трозинер[275] *(по 8 руб. за лист)*[276]*.*

С возобновлением в 1892 году издания «Петербургская жизнь» все свои публикации в нём Надежда Александровна подписывала инициалами. Фамилия появилась лишь во «Всемирной Иллюстрации», начиная с октябрьских номеров, и не только под авторскими переводами, но и под первым большим очерком «Праздник Рождества в Святой земле»[277].

Нелегко давалось начинающей писательнице хождение и по редакциям респектабельных «Новостей» Нотовича, «Петербургской газеты» и «Петербургского листка» Худекова, *«где каждого нового человека оглядывают с таким недоброжелательством, точно громко спрашивают: „Тебе что тут надо? Ты куда лезешь?“* А необыкновенная сухость секретарей, которые и жестом, и тоном сразу показывают вам своё убеждение, что принесли вы чушь или ерунду, которую им

придётся читать…»

Для далеко не молодой журналистки единственным и старым как мир способом обратить на себя внимание завистливых ревнителей российской словесности могло стать только громко заявленное новое литературное имя. И вдохновение явилось к ней из светлых воспоминаний детства, в которых и лежит любое человеческое счастье. Свою первую и самую удачную книгу «Двадцать лет назад. Воспоминания из институтской жизни», выдержавшую 7 изданий[278], она писала легко, урывками, во время дежурства в конторе респектабельных «Новостей», где тогда работала за 50 рублей в месяц и авторский гонорар[279]. Ей не надо было вынашивать фабулу произведения, выстраивать сюжетную линию, лепить характеры персонажей, оттачивать диалоги. Достаточно было последовательно и по возможности правдиво излагать цепь событий и фактов собственной жизни. В широком смысле это действительно ещё не было творчеством, как об этом упоминает сама писательница. На бумагу изливался откровенный пересказ пережитого, насыщенный многочисленными подробностями, сохранившимися в глубинах памяти.

Рукопись книги была закончена летом 1893 года и отдана на суд главного редактора журнала «Русское богатство» Н. К. Михайловского. Ответ искушённого публициста и влиятельнейшего литературного критика пришёл неожиданно быстро:

…Признаюсь, что начал с предубеждением читать Ваши «Институтские записки». Я очень скептически отношусь ко всем школьным воспоминаниям, но скажу Вам, что увлёкся с первой страницы; искренность, теплота, юмор побудили меня.

Я напечатаю их с удовольствием…

…Когда «Воспоминания» были изданы[280]*, я услышала много хороших отзывов, из которых самым дорогим был — Мамина-Сибиряка.*[281] *Певец уральской прозы, работавший тогда над одной из лучших своих книг «Черты из жизни Пепко» и опубликовавший в «Мире божьем» очередной роман «Весенние грозы», приехал в «Новости» специально познакомиться со мной. «Надо писать так — были его слова — как вы видите. Не старайтесь ничего ни поэтизировать, ни сглаживать. И, главное, не надо выдумывать. Берите человека, дерево, скамью, обстановку, дождь, ветер непосредственно так, как видите и чувствуете. Старайтесь во всех описаниях и внутренней, и внешней жизни, чтобы была правда. Тогда и будет хорошо…» С тех пор я стала наблюдательнее и для многих своих описаний снимала литературную фотографию. С солнца, луны, непогоды, с живых*

людей. В рассказах моих была правда. Её чуяли и они нравились…

…Я редко его вижу. Он каждый раз спрашивает мой адрес и заботливо осведомляется, когда можно меня навестить и… никогда не бывает!? Короткие встречи, в которых всегда блеснёт радость его искреннего слова, шутка, дельное замечание, гораздо лучше иных пустых долгих свиданий между людьми, ведущими совершенно разный образ жизни. Узнав, что я несколько лет прожила в Тюмени, оживился и советовал писать «В глухих местах»…[282]

К концу 1893 года относится и знакомство 52-летней Надежды Александровны с фактическим редактором 2-го (провинциального) издания столичных «Биржевых Ведомостей», певцом тюремной прозы и популярным публицистом (в молодости мошенником и судимым авантюристом) 40-летним Д. А. Линёвым[283].

Предоставим читателю самому оценить характер их отношений по одному из писем от 17 мая 1894 года: «Многоуважаемый Дмитрий Александрович! Я соскучилась по Вас, хотя не имею на то никакого права. Очень бы желала, чтобы Вы соскучились по мне, на что я Вам даю полное право, а, впрочем, понимайте мою болтовню только в том простом смысле, что я, право, рада повидать Вас. Не заглянете ли ко мне на дачу в четверг (я ещё не переехала), буду там в 7 часов? Пойдём вместе в театр, идёт хорошенькая вещь. Жму вашу руку»[284].

«Ф. С. Колмогорова Наследники»

21 января 1893 года тюменская городская дума на своём заседании, наконец-то, предприняла практические шаги к осуществлению вековой мечты обывателей о каменном мощении трёх главных улиц города. Многочисленные попытки обойтись дешёвыми, но недолговечными деревянными мостовыми всякий раз оборачивались лишь бесполезной тратой средств. Споры разгорелись не только вокруг типов мощения, представленных двумя специалистами, но и вокруг очерёдности выполнения работ.

Инженер А. Ф. Колмогоров предложил простой и дешёвый вариант одиночной каменной мостовой по примеру Перми, Екатеринбурга и тюменского опыта (от ж/вокзала до деревянного моста через лог). Исполняющий должность городского архитектора А. А. Ющинский отстаивал решения европейского уровня: торцевой деревянной мостовой со спецпропиткой материала[285] как наиболее дешёвой; более дорогой и надёжный вариант двухслойной каменной мостовой.

Большинством голосов (24 против 15) гласные утвердили проект инженера Колмогорова, который постановлением думы стал членом исполнительной комиссии «по организации работ и наблюдению за мощением улиц и устройству мостов в Тюмени». Его назначение было утверждено тобольским губернатором (от 22 апреля 1895 года за № 241). В этом же году первая мостовая из камня Шарташского месторождения (при утверждённой Думой цене по 7 рублей 50 копеек за квадратную сажень) была вымощена до дома братьев Колмаковых в направлении от железнодорожного моста к пристаням, а сама улица наименована Голицынской[286]. На очереди были — Царская и Спасская.[287]

Дождаться этого Филимону Степановичу не довелось. Ещё 9 июня 1892 года на думском заседании его кандидатура, наряду с И. Е. Решетниковым и сыном Александром, была включена в состав депутации для принесения благодарности князю-покровителю Г. С. Голицыну. Но 28 января главного кожевенника Тюмени, только что отметившего свой 69-й год рождения, не стало… Схоронили его на самом старинном в Тюмени Заречном кладбище подгородной деревни Парфёновой — месте упокоения кожевенных династий Решетниковых, Шуваловых, Кузнецовых, Кочневых… Прямой дороги к погосту через речную пойму в то время ещё не существовало, и после отпевания в Вознесенско-Георгиевском храме скорбная санная процессия медленно двинулась берегом Туры вверх по её течению мимо заснеженного

Колмогоровского сада. Через год на могиле отца сыновья установили невысокий, из массива серого мрамора памятник с венчающим его металлическим крестом.

Со смертью 1-й гильдии купца и главы семейства, замыкавшего на себе юридические вопросы управления пароходством, торговлей и недвижимостью, семья Колмогоровых заявила себя в качестве наследников дела незабвенного мужа и родителя.

Старший сын Филимона Иван, сохранявший по существующему законоположению наследование купеческого звания и прав отца, не мог рассматриваться семьёй всерьёз по причине своего слабоумия, излишней религиозности и пристрастия к питейному пороку. По формальной причине — «за не объявлением капитала» — он был исключён из купеческого сословия[288]. Братья Александр, Фёдор и Григорий ещё в 1879–81 годах вышли из него, став действительными студентами.

Формой управления семейной собственностью, устроившей всех, стал 2-й гильдии Торговый Дом «Ф. С. Колмогорова Наследники» в составе потомственных почётных граждан: купеческой вдовы Парасковии Фёдоровны; действительного студента Фёдора Филимоновича; коллежского секретаря в отставке Григория Филимоновича; надворного советника Александра Филимоновича.

При этом членами-распорядителями ТД значились Фёдор и Григорий[289]. Пароходство семьи стало носить название «Братья Колмогоровы». На 1900 год ТД по заявленному капиталу в 150 тысяч рублей числился уже по 1-й гильдии[290].

Летом 1893 года городское купечество, поощряя коммерческие инициативы обывателей через имущественные залоги, инициировало открытие в Тюмени собственного ломбарда[291], устав которого был утверждён ещё 30 декабря 1891 года. Среди кредиторов заёмных средств (15 500 рублей) на «раскрутку» нового финансового учреждения вместе с И. И. Игнатовым, А. Г. Молодых, И. П. Колокольниковым и другими мы встречаем и Г. Ф. Колмогорова.

С конца 1894 года в элиту избранного общества входит и А. Ф. Колмогоров. По постановлению избирательного собрания городской думы от 4 ноября он не только становится её гласным на очередное четырёхлетие, но с 27 ноября получает право замещать председателя на случай непредвиденных обстоятельств (утверждено Тобольским губернатором 3.12. 1894 г. за № 837).

На 1895 год приходится очередная реконструкция моста через Тюменку. Ещё в 1728 году безвестные тюменские строители возвели здесь вровень с берегами Бабарынки деревянное чудо —

длиной в 76 и шириной в 4 сажени на *«городнях»* (высотой почти в 10 саженей), изображение которого донёсла до наших дней гравюра Н. А. Саблина по рисунку художника от 1742 года. Не отважившись на повторение дерзновенного проекта, городские инженеры, тем не менее, использовали их опыт. Новый мост был построен под наблюдением А. Ф. Колмогорова хоть и в овраге, с сохранением Благовещенского и Никольского взвозов, но на более прочных кирпичных опорах и простоял до… 1993 года, когда новые стальные пролёты легли несколько выше хорошо сохранившихся до наших дней колмогоровских устоев.

«Сибирские очерки» и «Новое Время»

«Двадцать лет назад» вместе с другими рассказами Н. А. Лухмановой вышли отдельным изданием в С.-Петербурге в конце 1894 года. Если журнал «Русская школа», отметив талант автора и несомненную правдивость самих воспоминаний, признал, что девочки зачитываются ими до увлечения, то отзыв Н. К. Михайловского на рассказы был несколько иным.

Едкий рецензент, определив их жанр *«исторьетками из области адюльтера или, по крайней мере, флирта»,* лишь мимоходом заметил, что они не лишены занимательности и верных психологических наблюдений, что, впрочем, в его устах звучало некоторым авансом на будущее для состоявшейся дебютантки.

Хлопоты о подготовке к изданию первой своей книги чередовались у Надежды Александровны с работой над черновыми набросками серии очерков об увиденном и пережитом в Тюмени. Беседы с *мастером уральской прозы* лишь укрепили её в этом намерении. Работа шла очень быстро, и первые главы «Очерков из жизни в Сибири» увидели свет уже в первых номерах «Русского богатства» за 1895 год[292].

Приняв рукопись к изданию, скупой на признание чужого успеха Н. К. Михайловский не удержался и прислал записку: «Вы не имеете понятия о том, как талантливы. Вы написали большую вещь».

Коллеги же по «Новостям» были более эмоциональны в выражении «симпатий» к писательнице, ещё раз подтвердившей своё литературное имя: «…Со змеиным шипением зависти и клеветы убеждали сознаться: кто писал, у какого ссыльного студента, когда и где купила записки?!»

…Чувствуя, что придётся расстаться с Новостями, написала небольшой рассказ «Первенец» и отправилась в «Новое Время». Несла, прижимая к себе, как счастливая мать своего ребёнка, чтобы затем… подбросить в квартиру А. С. Суворина. Подошла и опустила в ящик на двери «для писем и пакетов». Прошла неделя. Прихожу на работу и застаю весь наш муравейник в волнении. На меня накинулись. Кассир — зять Нотовича: Как! Вы работаете в двух газетах? Думаете, это может понравиться Осипу Константиновичу? Сам Нотович поздравил весьма ехидно…

В течение октября 1894 — апреля 1895 в «Новом Времени» появился целый букет новых рассказов писательницы[293],

замеченных читающей публикой.

Из письма от 16 февраля 1895 года к А. П. Чехову его многолетней поклонницы Е. М. Шавровой: «…Читали ли Вы рассказы Лухмановой в „Новом Времени“? Как их находите?…»[294] Нам неведомо мнение известного писателя на сей счёт, но в фондах Дома-музея А. П. Чехова в Ялте сохранилась выписка Антона Павловича об отправке в созданную им Таганрогскую городскую библиотеку одной из книг рассказов Надежды Александровны.

Между тем обстановка в «Новостях» накалялась. Талантливейших журналистов, драматургов и писателей, возглавлявших популярнейшие столичные издания — либералов О. К. Нотовича, Н. К. Михайловского и откровенного консерватора А. С. Суворина, — разделяли, помимо принципиальных пристрастий, непримиримые личные отношения конкурентов-издателей.

Разрубил гордиев узел отношений трёх редакторов А. С. Суворин:

Милостивая Государыня г-жа Лухманова! Рассказами Вашими очень доволен и, если Вы желаете продолжить работать в моей газете, прошу приехать для переговоров ко мне…

Из дневника:

…Наконец-то! Я была как в бреду, не думая совсем о материальной стороне. Обратили на меня внимание не как на женщину, не по протекции кого бы то ни было, а прямо в силу таланта, который признали за мной! Теперь никто не скажет, что протащил меня. Он солжёт. Своим успехом я обязана только себе…

…Из всех редакций я охотнее всего работала в «Новом Времени» с самым симпатичным, добрым и умным А. С. Суворины. Эта газета дала мне имя. Здесь впервые я стала получать письма от читателей — наивные и горячие с вопросами, благодарностями, стихами и критикой. Вот один из примеров:

Люблю читать твои статьи я,
Они написаны душой!
Несёшь идеи ты благие,
И в них сам Бог помощник твой.
В защиту женщин много пишешь,
Гражданка Родины Святой!
И вопль детей всегда ты слышишь,

Порыв любви мне близок твой.

Честный труженик и семьянин

Г. Д. Александров[295]

Михайловский прекратил печатать «Сибирские очерки» и они стали выходить в «Новом Времени» [296].

Из писем к А. С. Суворину:

От 6 февраля 1895 года.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

…В субботу 10-го я собираюсь ехать за границу с Неметти. Мы посетим все лучшие театры и побываем в Вене, Берлине, Дрездене, Брюсселе, Париже, Ницце, Милане, Венеции. Вся моя надежда на то, что Вы меня как человека, исключительно работающего в Вашей газете, поддержите. Из всех названных городов, если позволите, я буду присылать корреспонденции как яркую пёструю и верную картину всего, что увидим.

О том, как глубоко и искренне я буду Вам благодарна за возможность отдохнуть и набраться сил, я не умею и высказать. Уважающая Вас Н. Лухманова[297].

И вскоре.

…Сижу в Берлине. Здесь идёт интересная пьеса «Дети его превосходительства» и в Париже тоже прошла салонная вещь.

То и другое взяла для Вас и уже обработала. Надеюсь, Вы останетесь довольны.

Я ехала за границу и с целью показаться докторам, но средств у меня было только 400 рублей, полученных от Вас. Не откажите, Алексей Сергеевич, дать ещё 100 рублей и переслать их телеграфом на адрес Шабельской. В понедельник 18-го я у неё обедаю и надеюсь уже получить от Вас деньги, без которых не знаю, как и выбраться отсюда. Мои спутницы уехали домой, а я вот осталась из-за нехватки капитала.

С сердечным искренним приветом Н. Лухманова. [298]

1895 год ознаменовался для читающей столичной публики появлением на прилавках книжных магазинов миниатюрного издания — сборника статей и мнений современников о современной любви — «Любовь конца века». Броскую фразу составитель, вероятнее всего, позаимствовал из названия романа А. С. Суворина «В конце века Любовь»[299].

Если маститые критики В. В. Стасов, М. И. Писарев, Ц. А. Кюи, А. Ф. Кони и другие дипломатично воздержались от рассуждений на столь деликатную тему, признавая её выше их компетентности, то Надежде Александровне было чем *«поделиться»* и она смело ринулась в бой: «…Чувство любви, одинаково сильное и пылкое с обеих сторон, часто переходит в ненависть, мщение и даже убийство только оттого, что у каждого страсть выражается индивидуально и при разных темпераментах приводит к острым столкновениям… Если страсть требует счастья, то даёт его только любовь… Страсть не исключает измены, любовь же без верности немыслима. Женщина никогда не простит мужчину, забывшего… её измену!» И так далее…

К 1895 году относится и зарождение у писательницы интереса к драматургии, занявшей в дальнейшем значительное место в её творчестве. Первые опыты в этом отношении ограничивались лишь переделками с французского лёгких комедий farce для русской публики: «Нож моей жены», «Друзья до поры до времени», «Герой первой империи (Madame Sans-Gene)», «Наполеон I. Продолжение комедии (M. Sans-Gene)». Но очень скоро у Надежды Александровны появились и авторские новинки: комедии «Зелёная обезьяна», «Хозяин и работник»[300] и даже драматический этюд «Разбитые грёзы».

Премьера пьесы «Наполеон I», написанной по заказу А. М. Горина-Горяинова, директора театра и исполнителя заглавной роли, состоялось 22 ноября в театре Неметти. Искушённый критик журнала «Театрал»[301], отмечая новые и хорошие декорации, приличные и даже роскошные костюмы, был лаконичен и подчёркнуто строг к начинающему драматургу: «… Автор выхватила произвольно несколько эпизодов из жизни великого императора по сочинениям русских и французских писателей и скроила несколько сцен, не имеющих между собой внутренней связи. Намерение бить на эффект при почтенной публике было совершенно неуместным. Театр был не полон. Успеха пьеса не имела, кроме сцены в оранжерее во 2-м действии, за которую авторша и была вызываема публикой…»

Из писем к А. С. Суворину:

Без даты.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

Простите за бестактное вмешательство в Ваши переговоры с Домашевой.[302] *Мною руководило только желание доставить Вам хорошую и симпатичную артистку. Я виновата, что посулила ей от Вашего имени 325 рублей, так как была уверена, Вы дадите и больше, лишь бы иметь её в Вашей труппе. К счастью, она хорошо*

поняла, что я могу говорить одно, а дело может выйти иначе, и сразу согласилась на 300 рублей.

Я страстно люблю театральное дело, даровитых актёров — вот моё оправдание. Глубокое сердечное спасибо за П. А. Струйскую[303], может быть это и даст ей в будущем свой кусок хлеба. Ещё раз прошу и за Чернова — это полезный хороший старик, который всегда будет стоить своего жалованья. Орленева[304] и Домашеву я Вам, что называется, достала, но только потому, что Вы сами их выбрали. Я искренне привязана к Вам и счастлива, если считаете меня талантливым человеком и достойным сотрудником газеты. Сердечно уважающая Вас Н. Лухманова.

От 4 июля 1895 года.

Глубокоуважаемый Алексей Сергеевич!

Полина Александровна Струйская просит меня переслать Вам две ложи и сказать, чтобы Вы не удивились, если театр будет сегодня полупустой. Так как она совершенно не умеет заискивать перед рецензентами, то и они не хотят говорить о ней ни слова и её прекрасная труппа напрасно борется с безучастностью публики. Большую надежду она возлагает на Вашу доброту.

Позволю себе послать Вам несколько слов о позорном спектакле «Sans gene», идущем в Аркадии.

Сердечно уважающая Вас Н. Лухманова[305].

От 13 июля 1895 года.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

Простите, что не смогла исполнить обещанного — найти Зинаиду Васильевну Холмскую[306]. *Подозреваю, Казанский не без намерения путал меня, так как пригласил её играть в Аркадии с непременным условием — в «Без вины виноватые». То есть роль не вполне подходящую для её амплуа, а себе взять «Незнамова», единственно которого исполняет недурно.*

Я осмелилась предупредить г-жу Холмскую, что Вы желаете её видеть в одной из ея ролей, например, в «Нищие духом» и притом в театре Струйской, где, как Вы знаете, хорошая труппа. Завтра к трём дня мы будем у Вас, а уже в понедельник устроим «Нищие духом». Готовая всегда к услугам Н. Лухманова[307].

На Каспии

Каспийская одиссея штурмана Дмитрия Лухманова закончилась неожиданно в апреле 1895 года. Старый знакомый матери ещё по Тюмени, обрусевший англичанин и представитель нескольких судостроительных и машиностроительных фирм Э. Р. Вардроппер, пригласил его в новое Амурское общество пароходства и торговли, суля капитанскую должность. Предполагалось открытие линий с Николаевском-на-Амуре, Владивостоком, Нагасаки и Шанхаем.

А это был уже океанский простор — мечта любого моряка:

> Поёт пассат, как флейта, в такелаже.
> Гудит, как контрабас, в надутых парусах.
> И облаков янтарные плюмажи
> Мелькают на луне и тают в небесах.

Автор этих строк был благодарен Каспию, где в неполные 22 года стал самым молодым в обществе «Кавказ и Меркурий» старшим помощником капитана. Винтовая товарно-пассажирская шхуна «Армянин» принесла ему и единственный в жизни иностранный орден — «Льва и Солнца» — за безупречную перевозку из Баку в Энзели возвращавшегося из Лондона персидского посольства.

Потом были переезд с семьёй в 1891 году в более дешёвую для жизни Астрахань[308] и служба на судах: «Великий Князь Константин», «Князь Барятинский», «Тамань» и вновь паровая шхуна «Великий Князь Михаил». Круг замкнулся. Распрощавшись в феврале 1892 года с «Кавказом и Меркурием», Д. Лухманов принял маленький (с 12-ю членами команды) 40-летний пропитанный рассолом и рыбьим жиром плоскодонный колёсный пароход «Англичанин», давший ему заветное звание капитана. Выход на «первую линию» сулил в дальнейшем переход на лучший и больший корабль. Но отношения с владельцем не сложились…

Мыканья по судам компаний, в конечном итоге, привели неудачливого морехода на самый маленький в шведско-финском «Товариществе братьев Нобель» на Каспийском море пароход «Пирогов» и, увы, только боцманом!

Расставшись с мыслью стать первым русским капитаном в *«нобелевском флоте»,* Дмитрий Афанасьевич во второй половине мая 1895 года поспешил на Дальний Восток, оставив в

Астраханском порту жену с двумя малолетними детьми: дочерью Ниной и сыном Борисом — будущим лоцманом шанхайского порта.

В биографии Д. А. Лухманова астраханский период жизни запомнился проявившимися педагогическими способностями при чтении курса морской географии и практики в местных мореходных классах во время «зимних отстоев» 1891–93 годов.

Губернская выставка в Кургане

Телефон пришёл в Тюмень с железной дорогой и имел очень ограниченное число абонентов из собственных служащих и владельцев пристаней. В январе 1894 года с началом работы государственной городской телефонной станции на 50 номеров при тюменском почтамте (угол Царской и Телеграфной) он вошёл в торговые конторы, дома купеческой элиты и избранного городского общества. Одними из первых его абонентов стали купцы И. П. Колокольников, А. И. Михалев, П. А. Андреев, статский советник Н. И. Давыдовский, братья Вардропперы, Торговые дома «Наследников А. Ф. Поклевского-Козелло», «Бр. Агафуровых» и… Г. Ф. Колмогоров. Уже через год, когда число абонентов превысило 104, была снижена и стоимость услуг за установку аппарата со 100 до 75 рублей.

А в начале февраля 1895 года тобольская газета «Сибирский листок» анонсировала январский номер столичного журнала «Русское богатство», автором первого произведения которого — очерка «В глухих местах» — значилась Н. А. Лухманова.

Едва ли предполагали Колмогоровы, каким оскорбительно-неблагодарным о них суждением, выставленным на всеобщее внимание, окажутся впечатления жены Александра Филимоновича о своей трёхлетней жизни в окружении семейства легко узнаваемого персонажа — *Артамона Степановича Круторогова.* Утешала лишь мысль, что упокоившийся Филимон, содержавший материально в течение восьми лет в Москве, Петербурге и Тюмени её семью, не мог уже знать об этом.

Зато на «профессионализм» госпожи Лухмановой в вопросах брачных отношений обратила внимание тюменская «Сибирская торговая газета»[309], поместившая на своих страницах перепечатку её претенциозной статьи «Отчего так не прочны наши браки?»

2 мая 1895 года, пережив на два года Ф. С. Колмогорова, умирает и другой известный 1-й гильдии купец — И. П. Колокольников, а 13 июня и младший брат Филимона — 63-летний мещанин Иван Степанович, упокоившийся в одном из склепов семейного захоронения на Заречном кладбище. Их единственный с Авдотьей Ивановной сын Вячеслав[310], по-видимому, проживал в Семипалатинске, причисленный на 4 марта 1892 года ко 2-й гильдии тамошнего купечества[311]. Но жизнь продолжалась…

В феврале 1895 года на Ирбитской торговой ярмарке было подписано крупное соглашение о создании Акционерного

Товарищества — «Западно-Сибирского пароходства и торговли» (Товарпар). Среди его учредителей — известный нам заводчик, пароходчик и коммерции советник И. И. Игнатов (председатель правления), казанская 1-й гильдии купчиха В. П. Карпова, московский 1-й гильдии купец И. И. Казаков и сибирский промышленник А. К. Трапезников[312].

Высочайшее утверждение Устава АТ с фондом в 3 млн. рублей последовало 23 января 1898 года. К июлю в него вошли Товарищества: «Курбатов и Игнатов» с 14-ю пароходами, «А. Трапезников и К°» с 8-ю, Е. Г. Морозова с 5-ю, М. Ф. Пятков с 2-мя и «Бр. Колмогоровы» (с 80-сильным пароходом «Владимир»), что в совокупности составило 30 пароходов и 130 барж![313]

Первое собрание пайщиков, состоявшееся 7 января 1899 года в Тюмени, объявило об открытии действий Товарищества. Братья Григорий и Фёдор Колмогоровы поочерёдно входили в состав директоров его правления и членов ревизионной комиссии[314].

В 1895 году в Кургане по почину исправляющего должность тобольского губернатора статского советника Н. М. Богдановича открылась губернская Сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка (проходила с 20 августа по 21 сентября). Среди 24-х жертвователей от Тюмени (2470 рублей) на организацию и обустройство этого важнейшего для развития потенциала всей Западной Сибири губернского мероприятия мы встречаем ТД «Ф. С. Колмогорова Наследники». В числе членов-корреспондентов, избранных в выставочный комитет, именитые тюменские купцы — А. И. Текутьев, И. Е. Решетников и М. С. Рылов.

Как отметили эксперты, наиболее обстоятельно подготовилась и представила на выставке кожевенное дело *«фирма братьев Колмогоровых».* В их экспозиции точные модели всех заводских цехов (макет завода) и отличные образцы изделий: подошвенные кожи, сапожный товар, цветная юфть, выросток, *кяхтинская* кожа.

В итоге, одна из главных наград выставки — Большая серебряная медаль Министерства земледелия и государственных имуществ и Императорского Московского общества сельского хозяйства — была вручена представителю ТД Г. Ф. Колмогорову[315] в присутствии самого господина министра и тайного советника А. С. Ермолова.

Вероятно от полноты чувств, братья Колмогоровы закупили для городской думы и 4 ноября доставили на станцию Тура пять диковинных *двухколёсных веломашин на пневматических шинах для передвижения с помощью ног ездока.*

Судьбоносная встреча

Знакомство Бориса Викторовича Адамовича и Его Высочества великого князя Константина Константиновича Романова, внука Императора Николая I, состоялось в Москве на коронационных торжествах Их Императорских Величеств Николая II и Александры Фёдоровны. Оба офицера прибыли сюда в последних числах апреля 1896 года. 37-летний генерал-майор и великий князь — из С.-Петербурга с четырьмя батальонами лейб-гвардии Преображенского и Семёновского полков, а 25-летний поручик — из Варшавы в составе сводной роты лейб-гвардии Кексгольмского императора австрийского полка[316].

Помимо служебных хлопот, у двух гвардейцев нашлись и иные точки соприкосновения. Свитский генерал, он же талантливый поэт-лирик К. Р., издавший к этому времени свой второй стихотворный сборник, о котором тепло отозвались А. А. Фет и А. П. Майков, запомнил первый поэтический опыт молодого дебютанта в журнале «Разведчик». Великий князь оценил восторженность собрата по перу, припоминая, как и сам 19-летним лейтенантом флота удостоился на той турецкой войне ордена Св. Георгия 4-ой степени за «дело при Силистрии».

Его Императорскому Высочеству, командиру старейшей в русской армии гвардейской части, под наблюдением которого только что была издана составленная генерал-майором П. О. Бобровским «История лейб-гвардии Преображенского полка», были близки склонности нового знакомого к историческим и музейным военным изысканиям, мечты о написании истории родного полка.

И ещё одно едва осязаемое чувство связало таких разных по социальному положению офицеров. Возможно, это были врождённые качества крайней степени аккуратности и даже педантизма во внешнем виде, поведении и поступках, сразу вызвавшие взаимную симпатию. По воспоминаниям одной из дочерей Константина Константиновича, отец постоянно хранил в письменном столе своего кабинета план раскладки личных вещей, приборов, рабочих материалов на столе. Уезжая надолго, он освобождал его полностью, а возвращаясь — раскладывал на нём всё заново в соответствии с имеющимся планом!

А кадет 3-го Московского кадетского корпуса Борис Адамович с 11-летнего возраста… сохранял все письма, попавшие в его руки от родственников и знакомых! Поэтому только в ВГВИА его личный фонд насчитывает 452 дела (более 24 000 единиц интереснейших исторических и семейных документов, в том

числе и фотографий)!

Закат торговой славы Тюмени

На Всероссийской Промышленной и Художественной Выставке в Н.-Новгороде 1896 года среди многочисленных экспонентов[317] вновь заявляет о себе ТД «Ф. С. Колмогорова Наследники». Но среди награждённых, увы, кожевенников из Тюмени не оказалось вообще.

Неожиданно среди участников XVII отдела[318] мы встречаем младшего из наследников — инженера путей сообщения и надворного советника Александра Колмогорова. В 611 классе произведений[319] им был представлен «проект паровой дрезины». Экспертная комиссия сочла возможным отметить поиски инженера дипломом третьего разряда[320], что по положению о наградах выставки оценивалось на порядок выше медали бронзового достоинства.

В октябре 1896 года стальные рельсы, пройдя через Курган и Петропавловск, связали напрямую Челябинск с Омском. Таким образом, с открытием прямого железнодорожного сообщения между Иртышом и Волгой[321] и далее с центральной Россией значение Тюмени как самого крупного торгового центра Западной Сибири было потеряно навсегда…

12 сентября 1897 года в Тюмень, насчитывавшую к тому времени около 29 600 жителей, прибыл на пароходе «Тобольск» вице-адмирал С. О. Макаров в сопровождении адъютанта С. Ф. Шульца. Путешественники остановились в центре города в одном из домов купчихи М. В. Вьюновой на берегу Туры (в начале улицы Подаруевской).

Ровно месяц назад у Бреховских островов завершилось участие Степана Осиповича в английской морской экспедиции по Баренцеву и Карскому морям. Поднявшись по Енисею до Красноярска и пройдя по Томи — Оби — Иртышу — Тоболу и Туре всю Западную Сибирь, будущий герой Порт-Артура главное своё внимание уделил проблемам развития судоходства этого громадного экономического региона. При этом известный гидролог не пренебрегал знакомством и с промышленностью Сибири.

В Тюмени наряду с судостроительным (Жабынским) заводом И. И. Игнатова, механическим Р. Г. Гуллета им было осмотрено и значительное, даже по меркам Европейской России, кожевенное предприятие «Братьев Колмогоровых».[322] Н. М. Чукмалдин в одном из своих многочисленных обзорных репортажей с Нижегородской ярмарки этого периода писал в «Сибирской Торговой Газете»:

…Признавая за наследниками покойного Ф. С. Колмогорова значительную степень техники выделки кож, присоветовал бы им не столько для барыша, сколько для *роли пионеров новой промышленности,* открыть при своём прогрессивном заводе шитьё обуви для всей Сибири…[323]

Добавим от себя, что Николай Мартемьянович, радея о популярности газеты родного города и тобольского «Сибирского Листка», являлся до самой своей кончины не только их активным корреспондентом, но и добровольным агентом по подписке в Москве[324].

7 февраля 1898 года семью Колмогоровых постигла новая потеря. Вслед за дядей Иваном Степановичем ушёл в мир иной (от мучительной чахотки) и его крестник, старший сын Филимона… 45-летний Иван.

Ежедневные молитвы на глазах у матери безобидного, слабовольного, но истово верующего страдальца достигли чертога Отца Небесного, и, будем надеяться, что в кущах райского сада нашлось место для души ещё одного земного праведника, оставившего нам на листах своего любимого «Апостола» два автографа: на первой странице (сверху на полях) — *«Ив. Фил. Колмогорова от бабушки Ек. Ив. Барашковой»;* на заднем форзаце — *«Благословенен Бог Господь Израилев во веки зде есть Христово и истинно хотящу верну Христеянину спастися ничтоже противу имети в мысли своей свято вечная гибель. Ив. Колмогоров».*

Часть девятая
(1895–1903 гг.)

Изнанка жизни

К началу 1896 года творчество Надежды Александровны становится заметным явлением в журналистской, литературной и сценической жизни Москвы и Петербурга.

Из письма к сыну Борису в Варшаву от апреля 1896 года:

…Сегодня вернулась из Москвы, куда ездила с Линской-Неметти[325] *по подготовке для неё Revue уже к 21 мая. Если я исполню эту работу, то мне обещают до 1000 рублей. Тебе я смогу, не стесняя себя, выслать до 25 числа то, что обещала. Кроме того, я продала книгопродавцу М. В. Попову за 200 рублей и % с продаж право издания двух своих книг — «Женские силуэты»*[326]*, то есть всего уже напечатанного мною в «Новом Времени». Будь спокоен, деньги верные, и ты получишь их на днях.*

Мне, Боря, живётся теперь без нужды и даже — напротив. В Москву еду первым классом и там меня закармливают. Пришло время, когда я не всех принимаю из тех, кто желает знакомиться.

В этот приезд я покончила с двумя театральными постановками моих пьес. «Новое Время» предлагает поездку за счёт редакции в Париж и Лондон для изучения вопросов школьного воспитания детей на средства благотворительных и общественных фондов. Поеду, вероятно, в августе.

Вновь зовёт с собой в Италию — Испанию — Алжир и Неметти. Но всё это не так радует меня, как то, что Маня возвращается домой из общины и я в состоянии теперь дать ей отдых и даже несколько баловать..[327]

Одна за другой отдельными изданиями выходят книги её очерков, рассказов и повестей: «Вечные вопросы», «Очерки из жизни в Сибири», социальная брошюра «О положении незамужней дочери в семье». В театральных журналах и изданиях появляются её новые пьесы: «Смерть императора Наполеона I на Острове Святой Елены», комедии «Заветная мечта» и «Черепаха»[328].

В своём тщеславии Надежда Александровна замахнулась даже на «европейское» признание своего творчества. Об этом свидетельствует её письмо А. Н. Пыпину[329] от 2 июля 1896 года о желании стать сотрудником «Вестника Европы» и напечатать в нём свой первый роман «Варя Бронина»![330]

Выйдя на литературную стезю и явно преуспевая, писательница и драматург, впрочем, как и большинство людей творческих профессий, постоянно, до самой своей кончины

нуждалась в деньгах, одалживая их у знакомых. Её траты явно превышали достаточные для скромного существования доходы, и долги, преследуя по пятам, привносили в жизнь много горьких минут и тяжёлых переживаний.

Из писем к А. С. Суворину: от 14 апреля 1896 года.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

Вот уже вторая неделя, как я больна. У меня много неприятностей вроде сердечного удара, отнялась левая нога, и только теперь я начинаю владеть ею. Но пишу Вам по другому поводу.

На мне оказался 4-летний грудной ребёнок фабричной работницы, попавшей в больницу. Больной, паршивый уродец-рахит с опухшими руками и ногами, до того слабый, что не стоит на ножках.

Я сижу и шью ему рубашку, и так его жалко, что он даже начинает мне нравиться.

Я не Дон Кихот, за приключениями не бегаю. Но если жизнь сталкивает меня с горем, я не могу спокойно пройти мимо. Что делать дальше? Ребёнок не стесняет меня, а я не спешу избавиться от него, но требуется лечение. Поможете ли Вы мне выходить его и поместить в надёжный приют? Готова следовать Вашим указаниям, но помогите, дайте совет! Может быть, подскажет Анна Ивановна?[331] *Она добра. С уважением и преданностью Н. Лухманова.*

Без даты.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

Решила обратиться к Вам с большой просьбой, от исполнения которой зависит всё моё спокойствие. Больна моя дочь, которая возвращается из общины сестёр милосердия. Я должна немедленно снять дачу и окружить её возможным спокойствием. Помогите мне. Никакой задолженности в газете за мной нет. Умоляю Вас. Мне требуется 150 рублей. Если Вы не откажете, то я сегодня же успею получить деньги в конторе. С глубокой признательностью Н. Лухманова.

Без даты.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

…Благодаря Вашей помощи я перевезла дочь на дачу. Посылаю обещанный очерк. Всем сердцем благодарю за доброту и помощь. Никогда, как теперь, она не могла быть так вовремя. С уважением

Лухманова.

Без даты.

…Вы будете удивлены моей навязчивостью. Но я опять обращаюсь к Вам! Простите, это в последний раз. ***Больше ни лично, ни письменно я Вас не обеспокою.*** *Эти дни я пережила столько горя, что сил нет. Дочь больна, и я на грани полного отчаяния.*

Отчего я обращаюсь к Вам? Ей-Богу не знаю. Кто-то сказал, что Вы добры и в жизни сами испытали много горя. Пишу ночью, страшно взволнована. У меня нет никого на свете, к кому я могла бы обратиться за помощью. Не откажите, ради Бога не откажите, чтобы я могла ещё верить во что-нибудь между людьми…[332]

Из письма к П. Н. Ариян[333] от 2 ноября 1896 года:

…Не браните меня, что давно не была у Вас. Болею, лежу, простудилась. Пропал даром и билет на бенефис Абариновой[334].

Не буду и в пятницу на своей пьесе. Я душевно удручена, несмотря на весёлый вид, который принимаю на себя…

Ей же от 5 декабря 1896 года:

Дорогая, добрая, милая Прасковья Наумовна! Я вернулась из Москвы более измученная нравственно, чем уезжала. Раньше, чем Вы прочтёте это письмо, я не решусь ехать к Вам. ***Деньги смогу отдать только 9-го или самое скорое 8 января…***[335]

Заочное общение на протяжении длительного времени с читательской аудиторией «Нового Времени» побудило Н. А. Лухманову к мысли живого с ней диалога по острым социальным вопросам окружающей жизни. 1897 год принёс в этом плане первые лестные успехи. 2 марта в аудитории исторического музея Москвы состоялась её первая благотворительная лекция «О счастье».[336] 5 марта она даёт согласие на повторное чтение — в зале Московского университета в пользу несостоятельных студентов, 13–15 марта читает в двух столичных обществах и готовится к лекции «Об условной лжи».[337]

В этом же году выходят в свет сборник её коротких романов «Варя Бронина. В порыве страстей. Сибирский Риголетто», «Несовременные рассказы», «Психологические очерки» и драма в

3-х действиях «Вера Иртеньева»[338].

Если столичный журнал «Театр и Искусство»[339], отметив эффектность пьесы, напутствовал её пожеланиями долгой сценической жизни, то рецензент «Северного вестника»[340] А. Волынский был грозен:

Пересмотрев Короткие романы, мы не нашли ни одной живой страницы. С точки зрения литературы нельзя представить себе ничего более неприличного по своей вульгарной бессмысленности. При совершенном отсутствии художественного таланта Лухманова *преисполнена* возвышенных порывов, которые изливает с поразительной бойкостью. Безмерно велика её фантазия в придумывании слов, фраз и образов. Положение женщины в семье возбуждает её к самым бурным и временами очень странным откровениям с пылкостью, переходящей всякие пределы…

К 10 августа 1897 года относится дарственный автограф писательницы маленькому другу Юлии Брандт на странице своей книги «Девочки. Воспоминания из институтской жизни» с 10-ю прекрасными иллюстрациями Е. П. Самокиш-Судковской:

Даря эту книгу, мне хочется, дорогая девочка, пожелать тебе что-нибудь хорошее и ничего другого нет в моём сердце, кроме искреннего горячего желания, чтобы вырастая, ты унаследовала качества тех, кто воспитывает тебя. Пусть твой дедушка, глубокоуважаемый Фёдор Иванович Брандт, передаст свой ум, свою неподкупную совесть, своё знание света, а твоя милая прелестная бабушка свою доброту, необыкновенную чуткость и отзывчивость на всё хорошее в жизни и любви. Моли об этом, дитя, и ты будешь счастлива. Н. Лухманова[341].

Самой же Надежде Александровне конец октября принёс много печали… Из письма от 27 октября 1897 года: «…У меня было, да и есть, большое семейное горе. Я была буквально подавлена им…» Вероятно, речь идёт о смерти матери, проживавшей с младшим сыном Ф. А. Байковым[342].

В начале 1898 года преуспевающая литератор и драматург выехала в долгожданную Италию — Мекку поэтов, художников, музыкантов и писателей. Восторженное путешествие растянулось почти на полгода. Прожив 4 месяца в Неаполе, она на обратном пути посетила Рим, Флоренцию, Венецию, ведя дорожный дневник и оставляя наброски увиденного. От неё, познавшей изнанку жизни, за всем великолепием «оглашенного цветения

природы» и неба Неаполя не ускользнули нужда, бедность простого люда, социальные язвы общества, порождаемые властью крупных собственников.

До конца года в С.-Петербурге выходят её новые книги: «О счастье», «Короткие романы о горе и счастье людском», справочник «Спутник женщины», «Новые рассказы из мира жизни и фантазии», публицистический сборник «Черты общественной жизни (Мысли и наблюдения)».

Последняя книжка, состоящая из 28 полурассуждений полухудожественных очерков, получила громкий общественный резонанс благодаря восторженным рецензиям уже упоминавшихся нами В. В. Розанова[343] и Ю. С. Левченко[344].

Проблемы взаимоотношений мужчины и женщины во многом определили взгляды Лухмановой публицистки и лектора. Она остро чувствовала разрушение нравственных устоев в жизни общества: «Душа, мысль и спокойствие исчезли с лица современной женщины, а с ними и духовная прелесть, составляющая настоящую красоту. Тревога, жадность, неуверенность в себе, погоня за модой и наслаждением исказили, стёрли её красоту. И, глядя на портреты прабабушек, говоришь: „Какие красивые лица“. Любуясь витриной модного фотографа наших дней, восклицаешь: „Какие хорошенькие мордочки“».

На заре XX века она предрекала: «…Берегитесь, женщины, открывающейся вам мужской деятельности, своего кажущегося успеха и того равноправия в труде, которого вы так добиваетесь…» Но нет пророка в своём отечестве…

Если Ю. Левченко отмечала, что труд автора читается с живым интересом и наводит на серьёзные мысли, проникнутые любовью к детям вообще и сердечным интересом к улучшению жизни и быта русских женщин, то религиозный мыслитель В. Розанов уловил в страстных монологах писательницы зловещее предчувствие и чётко сформулировал его:

> …То «*обыкновенное*», что есть в книге, написанной прекрасным лёгким языком, так многозначительно по темам, по охватываемым группам людей и выражено так жизненно и умно в поднявшихся около женщин тревогах, что это предмет не насмешки, но скорее рыдания. *Ибо, какова женщина, такова есть или очень скоро станет вся культура…*

Пройдёт 90 лет. И вспомнив пророческие слова философа, другой русский писатель и публицист В. Распутин заметит:

> …Когда-нибудь, будем надеяться, явится женщина-

писательница, которая вслед за Лухмановой изнутри больного вопроса скажет о происшедших в женщине переменах и назовёт их собственными именами. А пока музыкальное звучание женщины в мире сделалось прерывистым, её повлекли механические, диссонансные ритмы, *«песнь песней»* осталась недопетой, переходя постепенно в *«плач плачей»*. И поэтому ищите женщину. Ищите и находите. В этом и состоит сегодня великая задача женщин…[345]

Издатель, лектор, драматург

17 января 1899 года в актовом зале Павловского института после молебствия в домовой церкви состоялось первое собрание Общества вспомоществования бывшим воспитанницам.

Вслед за «адресом», торжественно поднесённым выпускницами «*павлушками*» своей начальнице М. В. Розен, и приветствиями баронессе от лица всех её служащих, воспоминаниями о годах, проведённых в родных стенах, поделилась действительный член общества и литератор Н. А. Лухманова. Но главное событие года ожидало её впереди…

14 марта с выходом в свет первого номера литературно-художественного журнала «Возрождение» (с подписной ценой 6 рублей в год) в среде столичных редакторов-издателей появилось новое имя. Контора издания с квартирой для проживания самой Надежды Александровны (Эртелев переулок, 8) стала центром жизни, радужных надежд и забот 57-летней писательницы.

В восторженности чувств целью журнала провозглашалось *«возрождение многого старого и забытого с привнесением ясности духа, любви к людям и жизни»*. Читателям и подписчикам, как водится, сулилось сотрудничество издания с известными авторами: К. К. Случевским, А. А. Голенищевым-Кутузовым, В. С. Кривенко, С. Н. Головачевским и другими. Новому редактору удалось привлечь к совместной работе близких ей по духу журналистов В. А. Бонди, А. И. Фаресова и нескольких молодых сотрудников, но на большее, увы, рассчитывать не приходилось. После второго номера исчезли со страниц и обещанные читателю «громкие имена».

Переоценив собственные возможности и не обладая материальными средствами, прочными связями и поддержкой в издательских кругах, она могла надеяться только на себя. Под своим именем, псевдонимами, а то и вовсе без подписи Надежде Александровне приходилось: вести редакторские колонки; писать статьи социальной направленности — о пьянстве, табачном производстве и чахотке, родильных приютах, интернатах, о помощи голодающим, о реформах ссылки и каторги, о женском образовании, о здоровье молодёжи, о счастье. Она освещала пушкинские торжества в Святых Горах и события европейской светской жизни, помещала переводы европейских авторов, публиковала собственные рассказы, отрывки из дневника и главы автобиографического романа «Институтка»[346] (продолжение воспоминаний «Двадцать лет назад»).

В журнале появились: миниатюра её старшего сына Дмитрия

Лухманова и его стихотворение «Молитва»; полемические статьи второго сына поручика Бориса Адамовича — «Отношение военной среды к идее разоружения», «Насколько армия может выполнять задачи школы», «Что может в вопросах чести доказать поединок» и его первый литературный опыт — рассказ «Перекати поле».

В начале лета 1899 года издательница, вверив журнал ближайшим помощникам Бонди и Фаресову, вновь выехала за границу, имея конечной целью посещение Лондона. Однако удача сопутствовала ей только до Будапешта. Заболев, она возвратилась в Вену, выехала в Берлин, где и провела несколько недель в частной клинике, поправляя здоровье. В утешение дома её ожидали увидевшие свет итальянские впечатления «В волшебной стране песен и нищеты (Очерки неаполитанской жизни)» и сборник повестей и рассказов «Женское сердце».

В середине сентября Надежда Александровна была в Москве. Из письма Сумбатову-Южину[347] от 16 сентября 1899 года:

Ваше сиятельство Многоуважаемый Александр Иванович!

Редкая неудача посетила меня в попытке видеться с Вами и переговорить о моей пьесе «Сибирский Риголетто». Ведь я же чувствую, что она недурна и с такими исполнителями, как Вы, князь и Е. К Лешковская[348] в Москве должна иметь несомненный успех.

В Петербурге для неё исполнителей нет, а отдать её на частную сцену я бы не хотела.

Между мужским и женским трудом всегда существует антагонизм, но Вы слишком талантливы и известны для того, чтобы косо смотреть на мою пьесу только потому, что она женская. Именно к Вам я смело обращаюсь за нравственной поддержкой. Для меня это было бы большой наградой за трудовую и невесёлую жизнь. Если Вы найдёте, что мне надо приехать в Москву, напишите…[349]

Зарабатывая на жизнь нелёгким литературным трудом и находясь на пике своего материального благополучия, Н. А. Лухманова не думала о грозящей ей безденежной старости, продолжая оказывать помощь давно взрослым детям. Из письма к сыну Борису в Варшаву от 21 сентября 1899 года:

…Если тебе крайне нужны деньги — дай телеграмму, вышлю 25 рублей, но если обойдёшься — можешь рассчитывать на 75 ко дню твоего приезда. И затем будешь регулярно получать здесь 25 рублей. Живу хорошо и очень спокойно. Но эти дни я нездорова, насморк, жар, упадок духа. Это пройдёт. Я как ребёнок радуюсь,

что у меня будет каретка в одну лошадь ещё октябрь и ноябрь, ведь эти месяцы самые дождливые. Мысль, что не будешь мокнуть, что к твоим услугам крытый экипаж, меня ужасно радует…[350]

Всё же заболев и оставив журнал на приехавшего из Варшавы сына, писательница в середине осени решилась ехать в Крым. Из письма к Борису от 30 октября 1899 года:

…Мы благополучно доехали до Севастополя. Погода дивная, солнце сияет и свежо, как у нас в сентябре. Но ночи мои в вагоне были плохи..[351]

От 13 ноября 1899 года из Ялты:

… Всего лишь год назад я будоражила здешнюю публику своими лекциями,[352] *а ныне здоровье моё поправляется медленно и плохо. Почти не спала от неврологических болей и припадков сердечного удушья. Если бы ты знал, какие это страшные минуты. Но каждый приступ легче и короче. Потом меня нервно трясёт уже от страха. Массаж, гимнастика и ванны делают своё дело. Какая это благодатная страна Крым! Прохладно, как у нас в хорошем, но не мягком конце августа. Словом, шубку надеть нельзя, а в драповой кофточке хорошо.*

Небо как голубой атлас, солнце сияет и синее море зыблется, точно кто-то дует на него сбоку. Громадный Алупкинский парк — это мечта, феерия, ничего подобного я нигде не видела. Лунной ночью хладнокровный человек может заплакать от умиления. Видела и Ореанду[353] *— вся сгорела от страшного варварского пожара. Говорят, поджёг. Великий князь спалил сам и не позволил тушить. А что это была за красота — видно по оставшемуся… Поклонись Бонди*[354].

От 8 декабря 1899 года из Ялты:

…Стоят тихие, солнечные дни. Многие сады полны зелени и кое-где с ворот, с карниза, с завитка чугунной решётки свешивается вьющаяся роза, дыша прохожему тонким, слабым, как бы умирающим ароматом. Скажи всем, что я воскресла. Как хорошо возвращаться к жизни. Спим при открытом окне уже 3 дня…[355]

Во второй половине декабря Надежда Александровна была в столице, где её ожидали собственный журнал и два только что изданных романа — «Нарушенная клятва» и «Инна Воронцова».

Из лекции «О счастье», читанной в Петербурге, Москве и других городах (в альбоме автографов русских писателей 1894–1902 годов А. П. Добрыва):[356]

…Если бы человек был безгранично свободен и всемогущ, обладал бы несметным богатством, но у него отняли бы способность любить, страдать и работать, то он проклял бы жизнь. Тогда как бедный, маленький, ничтожный человек, имеющий дар страдать, любить и работать, может быть не только счастлив, но силою души своей с царской щедростью сыпать счастье кругом себя. 1900–31 марта. Н. А. Лухманова[357].

Между тем, издательская деятельность Надежды Александровны, не выдержав жестокой столичной конкуренции, угасала. 52-й и последний номер «Возрождения» вышел в свет 5 марта 1900 года, и журнал благополучно канул в Лету, увы, не оставив заметного следа в русской литературе. Первая, как впрочем и последующая вскоре вторая, попытка писательницы войти в издательский мир не удались.

Возможно, её уязвлённое самолюбие было бы частично вознаграждено, узнай она при жизни оценку своего творчества патриархом русской и мировой классики графом Л. Н. Толстым. Из воспоминаний народного артиста СССР А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого»: «…5 июля 1900 года. Нынче Л. Н. гулял со мной и П. А. Сергеенко и неожиданно произнёс: „Я стараюсь любить и ценить современных писателей, но трудно это… А техника теперь дошла до удивительного мастерства. Какая-нибудь Лухманова или Д. так пишет, что просто удивление; где уже Тургеневу или мне, она нам сорок очков вперёд даст!..“»[358]

В какой-то мере о характере отношений писательницы с издателями её произведений может служить переписка с Д. П. Ефимовым.

30 июля 1900 года она обращается к нему с предложением об издании своего романа «Институтка» и сборника 12-ти небольших рассказов «Тайна жизни» в 3000 экземпляров за 600 рублей и 2 августа получает аванс в 300 рублей серебром! Но 20-го сентября просит прибавить ещё 100 рублей и издать на тех же условиях её Рождественские «Страшные рассказы». 22-го сентября издатель переводит ей дополнительно 100 рублей[359], и к концу года «Тайна жизни» выходит в Москве.

К началу лета в печати появляется самая, пожалуй, известная её пьеса «Сибирский Риголетто» по ранее изданному роману. Уже 9-го октября театр г-жи Е. А. Шабельской играет премьеру на столичной сцене [360], а 29-го — в театре коммерческого собрания

в Кронштадте [361]. Но очень скоро её увидели жители и других городов, в том числе Перми[362] и Тюмени[363].

Конец года бывший редактор-издатель провела в разъездах по городам России с чтением своих злободневных лекций. На одной из них в Петербурге она была приятно удивлена общением с молодым учёным из института инженеров путей сообщения Александром Александровичем Байковым. Сын присяжного поверенного из Курска и внук артиста императорских театров Сергея Яковлевича Байкова, приходящегося, как оказалось, двоюродным братом её отцу, являлся ровесником сына Бориса. Забегая вперёд, сообщим, что этот самородок добьётся в жизни поразительных успехов и станет выдающимся академиком-металлургом (1932), вице-президентом АН СССР (1942–45), лауреатом Сталинской премии 1-ой степени, Героем Социалистического Труда и упокоится на Новодевичьем кладбище (1946).

Из письма к сыну Борису из Харькова (Конторская ул., дом проф. Шимкова) в С.-Петербург от 11 декабря 1900 года:

…Что с Мишенькой? (речь идёт о М. Ф. Гейслере — А. К..) Он не ответил мне больше, чем на 5 писем. Не отвечает и его мать. ***Я слишком привязана к ним и до гроба сохраню моё глубокое чувство к нему.*** *Как получишь перевод (50 рублей), побывай у него и немедленно напиши мне в Москву (Б. Молчановка, д. Херсонской) Шишко, он передаст), как его здоровье и самочувствие.*

Если бы меня не беспокошли мысли о Вас, то я сказала бы, что никогда не была так весела и счастлива, как теперь. По просьбе молодёжи меня вернули телеграммой из Курска повторить лекцию в Харькове. Последнее выступление у меня в Москве 17 декабря, а 19-го я возвращаюсь. 25 рублей отдай экономке и вели беречь Жужку[364].

По Амуру

Во второй половине мая 1895 года Д. А. Лухманов выехал из Москвы в Благовещенск-на-Амуре, где тогда находилась главная контора управления пароходством. По железной дороге удалось доехать только до Челябинска, далее пришлось нанимать лошадей. Проезжая Курган и делая по 200 вёрст в сутки, Дмитрий Афанасьевич, к сожалению, не сообразил заехать в Тюмень и обнять бывшего отчима Александра Филимоновича и единоутробного брата Григория, которых он не видел… 13 лет!

В Сретенске недавний боцман сел на пароход Амурского общества «Адмирал Чихачёв» и в пути, приняв над ним командование, на 4-й день плавания по Шилке — Аргуни — Амуру прибыл к месту назначения. Не успев представиться руководству, капитан получил лестное предложение — командировку в Японию для закупки буксира и заказа 20-ти судовых шлюпок специального *амурского* фасона[365] для развивающегося Николаевского порта.

Насыщенный бурными событиями на приграничных с Китаем и Маньчжурией реках, амурский период жизни Дмитрия Афанасьевича растянулся на долгих 6 лет. С открытием навигации 1896 года он командует одним из первых, собранных англичанами, пароходов-буксиров «Иван Вышнеградский» на линии Хабаровск-Благовещенск. Но в начале августа, показав себя с лучшей стороны, назначается официальным начальником экспедиции по обследованию реки Сунгари до Харбина.

Военно-разведывательный характер предстоящего похода, замаскированного под торгово-коммерческое предприятие, определялся наличием в команде фотографа и генерального штаба штабс-капитана барона А. П. Будберга с задачами оценки сил китайских военных гарнизонов и исправления карты реки, не менявшейся с 1860 года. Будущий генерал-лейтенант, автор «Дневника белогвардейца (Колчаковская эпопея)»[366], в «Сибирских воспоминаниях (1895–1904 гг.)»[367] так отзывался о своём старшем коллеге: «…Лухманов оказался очень интересным собеседником, незаменимым балагуром-рассказчиком, певцом, поэтом, очень распорядительным и решительным капитаном…»

До 20 сентября мелко сидящий в воде пароход «Святой Иннокентий» из-за позднего выхода успел добраться только до Таюза, и был вынужден повернуть обратно, опасаясь попадания в ледовый плен на пути возвращения в Хабаровск. 10 октября по Амуру пошла шуга, но Уссури была ещё чиста. Капитан благополучно сдал отчёт по экспедиции и, добравшись на

«Иннокентии» до места зимовки в затоне у станции Иман, вновь принял буксир «Вышнеградский» и занялся его «вымораживанием» для зимнего ремонта.

В феврале 1897 года штаб Приамурского военного округа ввиду предстоящего образования Амурско-Уссурийской казачьей флотилии, предложил Д. А. Лухманову принять (по личному указанию командующего генерал-лейтенанта С. М. Духовского) должность её командира и капитана одного из новых колёсных пароходов «Атаман» с окладом в 250 рублей в месяц. Явившись в Хабаровск и поставив условием перевода погашение «Амурским обществом» старых долгов по командировке в Японию, Дмитрий Афанасьевич очень быстро получил деньги и в тот же день подписал договор со штабом.

В зиму 1899/1900 годов в Китае вспыхнуло «боксёрское» восстание и к февралю приняло угрожающие размеры. Захват повстанцами Пекина породил напряжение на пограничном Амуре. Дошло до обстрела Благовещенска и пароходов на реке. В условиях начавшегося Китайского похода русских войск казачья флотилия занялась разрушением военных укреплений противной стороны. В операции по захвату и ликвидации крепости «Четвёртая падь» в одном из ущелий хинганского участка принимал непосредственное участие и командир флотилии с экипажем своего парохода.

Командуя «Атаманом» до середины февраля 1901 года, побывав на нём во всех казачьих станицах от Нерчинска до устья Амура и заслужив благодарность нового командующего округом генерал-лейтенанта Н. И. Гродекова и орден Св. Станислава 3-ей степени, капитан Лухманов перешёл на службу в водный округ путей сообщения командиром инспекторского парохода «Амур».

Как когда-то в Астрахани, он и здесь предложил свои педагогические услуги Благовещенскому речному училищу и в 1900–01 годах преподавал в нём судовую практику и лоцию, совмещая их с основной работой.

В архиве Марии Адамович сохранилась дарственная фотография брата (Владивосток, 1900 г.). На обороте портрета 33-летнего красавца-капитана во весь рост в белоснежной морской форме (с кортиком у бедра) можно прочесть и автограф-шарж, говорящий сам за себя о его владельце:

Что толку мне в науках,
На что мне ум, талант,
Когда я в белых брюках:
So schick und elegant!

Чтобы расслабиться от жёсткой военной дисциплины, Дмитрий Афанасьевич в конце октября наконец-то решился взять отпуск без содержания и съездить в Петербург к матери, фотография которой всегда стояла на его письменном столе в зрелые годы жизни. Не к жене с детьми, которых он оставил в Астрахани, а именно к матери, питая к ней с детства необъяснимо-болезненное чувство любви. Боготворя её и никогда не осуждая её поступков, замужеств, разводов, фактически лишивших всех детей полноценного родительского семейного счастья, он, казалось, предчувствовал, что материнские гены, вспененные морской романтикой, проявятся в его судьбе аналогичными бурями страстей. И они не заставили себя ждать…

Длительная разлука моряка с женой оказалась не тем ветром, который раздувает чувства в пламя, а тем, что гасит случайные отношения, обрекая на страдания ни в чём не повинные детские души. Много позже в одном из писем к Борису Адамовичу жена Дмитрия Лухманова (Надежда) признавалась: «…Я не обвиняю Митю. Во многом была виновата моя молодость и неопытность…»[368]

Существует мнение, что любить женщин «по-настоящему» могут только моряки, поэтому в каждом порту их и ждут жёны… К 1900 году относится знакомство Дмитрия Афанасьевича во Владивостоке с семейством морского чиновника И. Р. Баженова, где он встретил незамужнюю сестру хозяйки дома — Веру Николаевну Де-Лазари — из многодетной семьи начальника омского жандармского управления[369]. Свидания с 25-летней стройной девушкой, очень похожей на гречанку, вскоре переросли в отношения с далеко идущими последствиями…

Из письма Веры Николаевны Дмитрию Афанасьевичу от 24 июня 1901 года:

Родной, милый Митюшка! Продолжается вторая половина второй части нашего романа. А третья будет в декабре. Всего 6 месяцев осталось нам мучиться. Ты забыл у нас мелкие вещи, в том числе и свои жеребячьи духи. Вся совсем, совсем твоя Веруся[370].

В конце ноября громадный океанский грузо-пассажирский пароход Русского Восточно-Азиатского общества «Маньчжурия», на который ДА. Лухманову удалось наняться на один рейс дублёром старшего помощника, вышел из Владивостока. В начале января 1902 года корабль бросил якорь в одесском порту, откуда до столицы было уже рукой подать…

Во главе Московского военного госпиталя

К апрелю 1895 года вторая семья В. М. Адамовича значительно пополнилась.

После первенца Владимира Елизавета Семёновна родила в Москве ещё троих детей — дочерей Ольгу[371], Татьяну[372] и младшего сына Георгия[373]. В отличие от своих незаконнорожденных детей от первого брака, новое поколение наследников отец решил учить польскому языку. По воспоминаниям младшей дочери для них на лето приглашали польку — выпускницу Московского университета.

Высочайше пожалованные ордена Св. Станислава 2-ой, Св. Владимира 4-ой и Св. Анны 2-ой степеней красноречиво подчёркивали и служебные успехи офицера. Засидевшемуся в уездных воинских начальниках полковнику была предложена административная должность начальника Московского военного госпиталя, основанного Петром I ещё в 1706 году *«за рекой Яузою против Немецкой слободы»*. Ныне это Главный клинический госпиталь им. Академика Н. Н. Бурденко, отметивший в 2006 году свой 300-летний юбилей. 4 мая 1898 года Виктор Михайлович принял новое назначение и переехал с семьёй в двухэтажный кирпичный дом с садом на территории медицинского учреждения.

К этому времени строительство военной больницы было почти завершено, и ему достались лишь возведение последнего каменного барака на 50 коек для заразных больных и завершение устройства канализации всего комплекса[374]. Тем не менее, усердие руководителя, целиком отдавшего себя новому поприщу, было замечено и оценено орденами Св. Владимира 3-ей, Св. Станислава 1-ой степеней и производством за отличие в генерал-майоры по армейской пехоте (с годовым денежным содержанием в 3600 рублей).

Исполняя служебные обязанности и будучи отцом большого семейства, генерал Адамович возглавлял и Общество вспомоществования нуждающимся воспитанникам 1-го Московского кадетского корпуса,[375] из стен которого и сам когда-то вышел в армейскую жизнь.

Из писем отца к сыну Борису. От 24 апреля 1900 года:

…21-го внезапно в 10 ½ утра приехал Государь. Осмотрел всё и остался доволен, хотя газеты пишут иначе. Его последние слова, обращённые ко мне перед отъездом, были: «Госпиталь в отличном состоянии, пища хорошая. А чистота и воздух такие, что если бы

мне завязали глаза и провели сюда, я никогда не сказал бы, что нахожусь в больнице…» Осчастливил меня пожатием руки. И в приказе по госпиталям Московского военного округа[376] *ген. — майор Бартоломей (инспектор) отметил тоже. К сожалению, жена и дети болеют по второму разу…*[377]

От 2 мая 1900 года:

…6 мая еду в Миргород на 3–4 дня. Надо приготовить Петровцы к общему приезду семьи. Наши все понемногу поправляются, но кашляют по слабости…[378]

От 7 апреля 1901 года:

… В среду 11-го в 12.00 еду по Курской дороге в Петровцы дней на 10–15. Приглашаю ехать вместе. Расходы мои.

Ты дорог мне, мой милый Боря.
Успех твой — гордость для меня.
Молюсь, чтоб ты не видел горя,
И верь, надейся на себя! Папа.[379]

Влияние Елизаветы Семёновны — ученицы самого А. Г. Рубинштейна[380] — на пожилого мужа и детей совершенно преобразили быт семьи по мере роста её благосостояния. В доме появились гувернантка-француженка, учитель музыки, много внимания уделялось чтению, танцам, театрам. Все дети прекрасно говорили по-французски. К гимназии их готовили нанятые учителя.

Без преувеличения можно заметить, что именно благодаря упорству и способностям матери в воспитании детей из этой семьи вышли такие известные в Европе личности, как Татьяна и Георгий Адамовичи, о которых мы скажем ниже.

К сожалению, Виктор Михайлович не узнает об этом. Его здоровье резко ухудшится к середине февраля 1903 года. Из письма к сыну Борису в Варшаву от 12 февраля 1903 года:

… Отпросись и приезжай немедленно. О чём прошу и командира полка.
Отец.[381]

14 февраля Борис Викторович выехал в Москву и находился рядом с больным 2 недели. На этот раз обошлось. Но 2 апреля телеграмма Елизаветы Семёновны вновь позвала его в дорогу.

Отец пожелал ехать в родовое миргородское имение, всё ещё надеясь на лучшее. К сожалению, чуда не произошло. 21 апреля 1903 года на 64-м году жизни В. М. Адамович скончался от старческой астмы на руках близких и был похоронен на погосте Преображенской церкви села Петровцы.

Много позднее сын Георгий вспомнит об этом:

> Пора собираться. Светает.
> Пора бы и двигаться в путь.
> Две медных монеты на веки,
> Скрещенные руки на грудь.

Панихида по «ушедшему» директору была отслужена 22 апреля в Скорбященской церкви военного госпиталя протоиереем А. А. Копецким. Отдали дань памяти усопшему «Московские ведомости»[382] и «Московский листок»[383], поместившие скромные некрологи об этом *сердечном и прямом человеке.*

Высочайший приказ по Военному министерству «Об исключении из списка», подписанный в Царском Селе 3 мая 1903 года, поставил последнюю точку в служебной карьере генерала.

Его усердие (в походах и сражениях не участвовал, но выслужил 45 лет, 3 месяца и 17 дней) не было забыто после смерти. По прошению вдовы, представлению Главного штаба и с согласия министра финансов С. Ю. Витте многодетной семье покойного была назначена повышенная пенсия в 1145 рублей в год, как полагалось семье генерал-лейтенанта, вместо начисленных 860 рублей. Были зачтены командировка в Болгарию, труды в первой переписи населения России в 1897 году, экономия (свыше 100 тысяч рублей) сметы затрат по содержанию госпиталя в бытность его директором.

Семья генерала, помимо основной пенсии, получила и дополнительное пособие в 1290 рублей в год от эмеритальной кассы[384] сухопутного ведомства, из чего в совокупности и сложился основной источник их материального обеспечения до полного совершеннолетия детей.

В уважение заслуг покойного главы семейства Военным Министерством в 1910 году была сохранена пенсия достигшей совершеннолетия Ольге Адамович (по болезни), которая в 1911 году была увеличена до 190 рублей 83 копеек в год[385].

Вдова с детьми освободила казённый госпитальный домик и переехала на жительство в С.-Петербург поближе к своим родителям, где и поселилась в отдельной квартире (из пяти комнат) в доме № 3 по Гродненскому переулку. Семён Исаевич Вейнберг, к тому времени железнодорожный чиновник, личный

почётный гражданин и пианист-любитель, был больше известен в столице как член-учредитель и председатель Петербургского общества любителей музыки и сценического искусства.

Тюмень конца XIX века

Городская хроника тюменской «Сибирской Торговой Газеты»[386] насыщена эпизодами жизни местного общества, среди которых любопытный потомок обязательно отыщет крупицы благородных деяний и увлечений своих далёких предков.

В январе 1895 года в городе создаётся отделение Тобольского общества трезвости, взявшее курс на культурно-массовое просвещение простого народа. В марте его усилиями (на средства А. А. Мальцева) в городе появилась 1 — я чайная-читальня на Базарной площади, которую до конца года посетили 6302 человека[387].

Откликнувшись на гуманную инициативу, И. М. Чукмалдин на свой счёт открывает народную чайную-читальню в деревне Кулаковой и жертвует ей 224 фунта чая. 6 января 1896 года и в Зареке в доме братьев Колмогоровых (Береговая, 29) появляется третье подобное заведение, которое за полгода посетили 3010 человек. Желающим здесь предлагались газеты и журналы — «Свет», «Сибирская Торговая Газета», «Родина», «Вокруг света», «Развлечение», «Русское слово» и книги для народного чтения[388]. В 1897 году все трое Колмогоровых (наряду с И. И. Игнатовым и А. И. Текутьевым) становятся почетными членами самого общества и вносят деньги на читальню при 1-й народной чайной[389].

В этом же году в Тюмени наконец-то открывается и 1-я публичная библиотека (2500 книг). А. Ф. Колмогоров передаёт на её обустройство 3 шкафа стоимостью в 75 рублей[390].

На 1897 год приходится учреждение и городского Общества потребителей, членами наблюдательного комитета которого избираются братья Колмогоровы[391].

Из отчёта тюменского Общества попечения об учащихся за 1896 год мы узнаём, что его почётный член А. Ф. Колмогоров уступил обществу подвал собственного дома на Царской улице и взял на свой счёт организацию доставки и хранения имущества, жертвуемого горожанами[392].

Протокол думского собрания за декабрь 1898 года сообщает, что председателем Думы на очередной срок, 20-ю голосами против одного, избран гласный А. Ф. Колмогоров[393]. Под его председательством проходят выборы городского головы А. И. Текутьева — будущего пятого Почётного гражданина Тюмени (1906 г.).

22 мая следующего года новый предводитель и 1-й гильдии

купец открывает в своём доме на Иркутской улице библиотеку имени А. С. Пушкина и возводит первую в Зареке дамбу высотой 3–5 аршин на протяжённости в 1200 саженей! В 1902 году, принимая удар Туры и спасая жителей, Андрей Иванович на свой счёт (1300 рублей) поднимает вал ещё на 2 аршина.

За суетой жизни не забывали братья Колмогоровы в Татьянин день жертвовать деньги на нужды студентов-сибиряков Московского университета[394] и учащихся Александровского реального училища[395].

Не избежали Колмогоровы упоминания и в криминальных новостях ночной жизни города. 15 сентября и 27 ноября 1897 года с их охраняемого завода в Заречье были похищены 41 дублёная и 12 выделанных кож[396].

Любопытно почти поголовное увлечение отцов города при относительно небольшой численности населения бегами и скачками, организованными Обществом охотников конского бега. Среди владельцев лошадей — Э. Р. Вардроппера, П. И. Подаруева, А. М. Плотникова, А. С. Колмакова, братьев Решетниковых, братьев Агафуровых, С. Я. Андреева и многих других — мы встречаем и Ф. Ф. Колмогорова.

Из трёх его рысаков — «Наследник», «Арабчик»[397] и «Ворон» завода Подаруева — второй, показав в дрожках резвость в 5 минут 23 ½ секунды на дистанции в 3 версты, однажды взял даже приз[398] (серебряную вещь в 125 рублей) в гандикапе[399].

Женская половина семьи Колмогоровых в меру своих способностей старалась соответствовать тому положению, которое их мужья занимали в городском обществе.

Тюменский кружок любителей музыкального и драматического искусства[400] (дом Филимонова, за Тюменкой) на сезон 1897/98 годов избирает своими старшинами, помимо Г. Ф. Колмогорова (казначейская часть), М. Е. и А. Н. Колмогоровых[401]. Мария Евменовна, жена Г. Ф. Колмогорова, видимо, обладала голосом, музыкальными и административными способностями. Городская газета упоминает о её участии в благотворительных вечерах. В одном случае она отличилась исполнением произведения модного итальянского композитора П. Масканьи «Сельская честь», в другом — маршем Мейербера совместно с М. К. Лидервальд[402].

27 декабря 1901 года организованный ею, М. Р. Клериковой[403] и С. И. Колокольниковым спектакль в театре Текутьева дал 578 рублей чистого сбора. При этом не будем забывать, что как действительный член Общества трезвости М. Е. Колмогорова осуществляла и надзор за заречной народной чайной[404].

Александра Николаевна (2-я жена А. Ф. Колмогорова) 1 октября 1898 года на годичном собрании Общества попечения о бедных избирается в члены правления наряду с М. Р. Клериковой, М. И. Колокольниковой, И. И. Игнатовым и другими[405]. С 1899 года она ведёт работу и в совете Владимирского сиропитательного заведения[406].

Елизавета Константиновна (жена Ф. Ф. Колмогорова) с основанием в городе Дамского комитета приняла на себя обязанности заведующей его хозяйственной частью[407].

В начале апреля 1899 года Г. Ф. Колмогоров как гласный городской думы и председатель Попечительного совета женской прогимназии инициирует с братьями в думе предложение о расширении здания прогимназии (на 12 помещений). Первыми, жертвуя на строительство 3350 рублей, Колмогоровы находят поддержку у ТД «Братья Колокольниковы» и в конце месяца собирают по подписке среди купечества первые 11 500 рублей, из необходимых 43 500[408].

Ровно через год — 4 мая 1900 года — 67-летняя Парасковия Фёдоровна Колмогорова с младшим сыном Александром и другими именитыми людьми после торжественного молебствия заложили первые камни в основание будущей пристройки[409].

К августу относится свадьба единственного сына Александра Филимоновича 22-летнего Григория на дочери кожевенного мастера 15-летней Манефе Александровне Калининой (1885–1948), родившей мужу семерых детей, в том числе сыновей Александра[410], Фёдора[411], дочерей — Юлию[412], Марию[413], Екатерину[414], Надежду[415] и Веру[416].

К концу года Колмогоровы закончили ремонт принадлежащего им 2-х этажного дома по Береговой улице при кожевенном заводе. Верх целиком отводился под школу (по программе народных училищ) для совместного обучения до 40 детей этой части города. Внизу разместились читальня, народная библиотека[417] и комнаты для постоянного проживания учителя. В качестве преподавателей были приглашены К. М. Ромадина и священник М. Иноземцев. В эти же годы появился в Зареке и Колмогоровский переулок.

Училище, прозванное *Колмогоровским,* как и весь дом, полностью содержалось на счёт ТД «Ф. С. Колмогорова Наследники» и было торжественно освящено и открыто 17 декабря. Оно стало девятым подобным учебным заведением города, включая две небольшие школы водном из домов А. И. Текутьева на Потаскуе[418].

8 декабря 1900 года в служебной карьере инженера и кавалера А. Ф. Колмогорова произошли изменения, повлекшие за

собой, наряду с другими печальными событиями, исход семьи Колмогоровых из Тюмени и её рассеяние. С 1 января 1900 года Уральская железная дорога, с вновь построенными в 1896–98 годах участками Екатеринбург — Челябинск (225 вёрст) и Пермь — Котлас (816 вёрст), получила наименование Пермской. 42-летнему коллежскому советнику в новой структуре была определена должность помощника начальника службы пути дороги (протяжённостью в 2074 версты) с пребыванием в Перми.

3 января 1901 года служащие 8-го участка собрались к 11 часам у фотографа И. Кадыш для запечатления памятного снимка. Прощание начальника с сослуживцами проходило в конторе участка и завершилось товарищеским обедом (с оркестром, речами и тостами) в 7 часов пополудни 4-го января в зале 1 — го класса железнодорожного вокзала Тюмени[419].

9 января в приказчичьем клубе был дан ещё один прощальный обед избранного общества, носивший семейный характер. Присутствовало 48 гостей. Звучали напутственные речи В. И. Отрок-Говорухи, М. Р. Клериковой, В. К. Берга, И. И. Игнатова и других[420]. Ночью Александр Филимонович, провожаемый близкими людьми, отбыл в Пермь к месту новой службы[421].

Решением гласных городской думы (от 11 января) место выбывшего председателя собрания занял Г. Ф. Колмогоров, уступивший его через год А. К. Шешукову.

Многие годы братья Колмогоровы отдали служению в Вольном пожарном обществе, учреждённом в Тюмени Г. В. Молодых ещё 25 августа 1882 года и насчитывавшем на 1884 год 130 почётных и действительных членов. Город донимали пожары. Убытки от сгоревшей недвижимости только в 1873–93 годах оценивались в 543 024 рубля. С мая 1901 по март 1902 года ущерб, нанесенный семье Колмогоровых огнем, составил 1800 рублей[422]. Известно, что на июнь 1898 года Александр Филимонович являлся начальником одного из 4-х отрядов Общества (при главенстве И. А. Решетникова). В дальнейшем вместе с С. И. Колокольниковым он входил в состав его правления[423] и выбыл только в связи с переводом на работу в Пермь.

Почётными членами Общества состояли и Г. Ф. Колмогоров с И. И. Игнатовым[424]. Именно Григорий Филимонович на заседании думы внёс предложение и добился принятия решения о создании пожарных участков в Заречье и Затюменке[425].

Имел отношение к Вольному пожарному обществу и Ф. Ф. Колмогоров. 20 марта 1902 года он председательствовал на одном из его собраний, но всё же социальные аспекты

общественной деятельности были ему ближе как юристу. На 30 апреля 1898 года он почётный мировой судья выездной сессии Тобольского окружного суда.

В марте 1900 года как попечитель Вознесенского училища Фёдор Филимонович оказывает из своих средств помощь учащимся[426]. В феврале 1901 года его кандидатура утверждается на пост почётного блюстителя Никольского мужского приходского училища[427]. Григорий и Фёдор Колмогоровы состояли и членами строительной комиссии думы по постройке в городе каменного здания «Народного дома»[428].

В январе 1902 года мы встречаем его фамилию среди жертвователей (150 рублей) в благотворительный комитет по оказанию помощи переселенцам[429]. При этом Ф. Ф. Колмогоров берёт 3-й приз по стрельбе в тире Общества правильной охоты[430] и 26 августа на собрании в помещении гостиницы «Эрмитаж» избирается (19 голосами против 1) председателем правления самого Общества, сменив на этом посту Н. М. Глизмана.

Между двумя этими событиями семья Колмогоровых 5 августа хоронит на заречном кладбище… 34-летнюю жену Фёдора Филимоновича Елизавету Константиновну, умершую от воспаления слепой кишки[431].

А в Перми успешно продолжал карьеру инженера Александр Филимонович. Произведённый по выслуге лет в статские советники[432], 6 апреля он удостаивается и третьего ордена — Св. Станислава 2-ой степени. Пятый классный чин, соответствующий в армии полковнику, и высокая награда обязывали к большей ответственности и самостоятельности. Новая должность не заставила себя долго ждать. Приказом по Министерству путей сообщения[433] инженер VI класса А. Ф. Колмогоров возглавил службу пути с утверждением третьим заместителем начальника всей Пермской дороги.

Первый орден поручика Адамовича

15 марта 1900 года Главное Управление военно-учебных заведений Военного Министерства Российской империи возглавил бывший командир лейб-гвардии Преображенского полка Его Императорское Высочество великий князь Константин Константинович, сменив на этом посту генерала от инфантерии Н. А. Махотина. Получив прекрасное домашнее воспитание, новый начальник ГУВУЗа, увы, не имел военного образования в его классическом понимании (кадетский корпус — военное училище — военная академия).

Однако выдающиеся врождённые качества, сильное влияние отца на становление характера, 25-летняя военная служба, чувство времени позволили ему подняться до реформатора сложившейся к началу XX века в русской армии системы воспитания и обучения офицерского корпуса. Не обошлось без некоторой настороженности и неприятия нововведений Августейшего начальника со стороны высшего руководства в лице военного министра А. Н. Куропаткина, впрочем, вскоре рассеявшихся.

Более тесное (после Москвы) общение поручика Бориса Адамовича с великим князем состоялось в конце апреля 1900 года в Варшаве, куда Его Высочество прибыл с инспекторской миссией в Суворовский кадетский корпус, открытый всего лишь год назад. За неимением собственного здания кадеты размещались в цитадели Варшавской крепости. Здесь же дислоцировался и гвардейский Кексгольмский полк, уступивший часть своих помещений юным воспитанникам.

Великий князь был приятно удивлён реальными успехами, достигнутыми старым знакомым, на мундире которого помимо трёх серебряных медалей[434] выделялся позолотой бронзовый «Орден Франца Иосифа» рыцарской степени. Такой неожиданной награды удостоил всех офицеров полка их шеф — австрийский император, польщённый телеграммой Российского монарха об отличии кексгольмцев в параде войск Варшавского и Виленского военных округов по завершении больших Белостокских манёвров 1897 года.

В тактических занятиях, приближающихся к боевой обстановке, приняло участие 120 тысяч солдат и офицеров под началом командующих «Западной» и «Восточной» армий — генерал-адъютантов князя Имеретинского и Троцкого. Интереснейшие полевые дневники Б. В. Адамовича об учебно-боевой жизни пехотного полка (с 8 августа по 3 сентября)[435] —

предтеча его будущих известных маньчжурских воспоминаний «Из походного журнала»[436].

Историограф полка выступил в качестве гида при осмотре Константином Константиновичем собранных им экспонатов. Сам музей был учреждён 8 июня 1899 года по предложению Бориса Викторовича и постановлению офицерского собрания. Результатами архивных поисков молодого исследователя явились первые «Кексгольмские рассказы» для солдат: «Защита знамени», «Взятие турецкого флага», «Серебряные трубы за взятие Берлина в 1760 г.»; многочисленные статьи в «Правительственном Вестнике», «Военном сборнике», «Русском Инвалиде»: «Персидский поход Петра I в 1722–1724 гг.», «Кексгольм в 1710 и 1898 гг.», «Из истории грустного вопроса» и другие. Таким образом, накапливались материалы по истории полка, чем офицер не преминул поделиться с высоким начальником.

Интерес посетителя вызвали: брошюра Б. В. Адамовича «О формах одежды»[437], в которой автор позволил себе высказать собственные взгляды на обмундирование отдельных частей армии и ведомств; статьи в столичном журнале «Возрождение» на военные темы.

> …Форма отдельных частей обязана содержать в себе предметы военной одежды не только объединяющие, но также и резко отличающие одну от другой; форменное обмундирование должно быть любимо войсками, а его образцы в полной мере отвечать художественному вкусу…

…Военные училища, принимающие в свои стены выпускников кадетских корпусов, служат краеугольными камнями офицерского товарищества в войсках. Их питомцы составляют в полках те твёрдые центры, вокруг которых группируются все остальные разнородные элементы армейского общества. И в этом отношении их никогда не заменят ни произведённые в офицеры выпускники юнкерских училищ, ни военно-училищных курсов. Истинное товарищество не может сформироваться в военно-учебных заведениях, открытых кантонистам, *«жеребьёвым»,* вольноопределяющимся, неучам-кадетам, гимназистам и студентам, не осознающим цену и значение для духа армии всех её традиций…[438]

Траурный вагон из Берлина

3 мая 1901 года в Тюмень прибыл особый траурный вагон с громадными белыми крестами. Сибирь принимала прах умершего 16 апреля в Берлине одного из самых известных своих граждан: купца, коллекционера, мецената-благодетеля и бытописателя Николая Мартемьяновича Чукмалдина[439]. Именно его содействием и поддержкой в тюменском архиве сохранился бесценный «воеводский фонд».

Первые панихиды по покойному были отслужены: 19 апреля в Успенской церкви от редакции Сибирской Торговой Газеты, отдавшей дань памяти своему московскому корреспонденту; 20 апреля — в здании Никольского приходского училища.

Утром 4 мая на платформе у железнодорожного вокзала в присутствии городского головы А. И. Текутьева, И. Я. Словцова и многочисленных жителей состоялось возложение венков[440] к гробу именитого земляка. После литии *кулаковцы* на руках несли его от вокзала до городской управы. Здесь, впрягшись в катафалк, везли на себе… 18 вёрст до околицы родной деревни! В Силкином логу под Кулаковой похоронную процессию встречали жители окрестных деревень. Короткий молебен и снова на руках, бросая на дорогу вечнозелёный вереск, ещё 2½ версты до каменного пятиглавого храма во имя Святителя Николая Чудотворца (с резным дубовым иконостасом, заказанным в Москве)[441], в «*прикладе*» которого Николай Мартемьянович и был захоронен[442], но, как оказалось, не нашёл в нём последнего приюта…[443]

В память московского 1-й гильдии купца кулаковское 2-х классное училище с мая 1903 года стало носить его имя[444].

Портовый чиновник

В начале января 1902 года, добравшись из Одессы до родного и привычного Петербурга, Дмитрий Афанасьевич обнял мать и сестру, которых не видел более 6 лет. Но утешиться долгожданным покоем в кругу близких не получилось, так как буквально через несколько дней в столицу приехала Вера Николаевна Де-Лазари… Не желая стеснять мать, Дмитрий снял меблированную комнату на Троицкой, где и поселился с гражданской женой. Решив не возвращаться на Дальний Восток, молодой муж с середины февраля начал подыскивать новое место работы.

А пока… «молодые» наслаждались друг другом, пятничными премьерами Михайловского театра, актёрскими вечеринками у артистки Е. Горевой и визитами к Надежде Александровне. В один из таких вечеров у матери они познакомились с поэтессой и писательницей Т. Щепкиной-Куперник и даже присутствовали на представлениях её переводных пьес Э. Ростана «Принцесса Грёза» и «Сирано де Бержерак» в Суворинском театре.

Побывал временно безработный капитан и в редакции толстого журнала «Русское судоходство», договорившись о публикации цикла морских очерков и ряда статей по судовой практике.

Пора было определяться и со службой. Отказавшись из-за длительности рейсов стать капитаном океанского грузопассажирского парохода «Маньчжурия» на линии Петербург-Владивосток (Владивосток — Одесса), Дмитрий Афанасьевич получил предложение на береговую должность помощника начальника Петровского порта на всё том же Каспии.

Только теперь, отправляясь к месту нового назначения, он решился навестить покинутую им 7 лет назад в Астрахани семью. Дети, забыв облик отца, не признали его… Расторгнув брак с прежней женой Надеждой и забрав сына, Д. А. Лухманов в начале мая прибыл в Петровск-Дагестанский.

Но ностальгия по былой вольнице и простору всё ещё переполняла душу новоявленного портового чиновника, жаждущего признания. Очерки «По белу свету», а вслед за ними и публицистические заметки начинающего писателя: «С берегов Каспия», «О форме одежды русских коммерческих моряков», «Помощник на Волге» и другие (под псевдонимами «Капитан Немо», «Краснопёрка») появились в «Русском судоходстве» с апрельского номера за 1902 год[445]. Литературные успехи омрачало лишь разочарование в характере взрослеющего

наследника.

Из письма к брату Борису от 31 декабря 1902 года: «…Мы с Верой. Сын у меня, учится, готовится в корпус. Но ясно, что мальчик не нашей семьи, не наших способностей, не нашего духа. Больно смотреть на него и не находить в нём ни одной моей черты… Как здоровье папы?..»[446] Запоздалые горестные сетования легкомысленного отца по поводу своего обделённого лаской сына.

Годы службы в портовом городке на Каспии вошли в биографию нашего героя несколькими примечательными событиями. Во втором браке у него родились погодки — дочь Ксения[447] и сын Николай (будущий военный разведчик трагической судьбы);[448] правительственный экзамен на капитана 1-го разряда (дальнего плавания) принёс ему заветный диплом и производство в 14-й классный чин коллежского регистратора; в 1903 году вышла в свет его первая книга «Морские рассказы», включающая и драму в 3-х действиях из жизни торговых моряков — «Ломаюсь, но не гнусь»[449].

Из письма Веры Николаевны к Борису Викторовичу Адамовичу в Варшаву от 24 августа 1903 года:

…Поздравляем с именинами. Митя занят моделью парусной яхточки. Работа мелкая — японская, но выходит хорошо и чисто.

Чем лучше я узнаю Вашего брата, тем больше нахожу в нём достоинств. Нас беспокоит молчание Надежды Александровны, не больна ли?.. [450]

Благотворители и попечители

Особо следует остановиться на благотворительной деятельности семьи Колмогоровых в отношении Тюменской женской прогимназии (до 24 мая 1870 года — Женского училища). Из 37 членов её попечительного совета по 1896 год под первым номером значилась супруга 1-й гильдии купца П. Ф. Колмогорова, состоявшая в этой общественной должности с 20 мая 1874 года по 1903 годы[451], то есть в течение… 29 лет!

Её муж Ф. С. Колмогоров избирался членом совета с 1874 по 1891 год, в том числе в течение 8-ми лет — его председателем! Но в 1866 году он как гласный городской думы оказывал активное содействие училищу в проведении необходимого ремонта здания в каникулярное время. А его жена ещё в 1860 году была отмечена признательностью губернского начальства за пожертвование заведению 143 аршинов белого коленкора[452].

Помимо ежегодных членских взносов в 35 рублей, супружеская чета Колмогоровых внесла в основной капитал учебного заведения 5000 рублей! В 1882 году к этой сумме добавилась 1000 рублей выручки от лотереи, устроенной попечительницей прогимназии О. А. Решетниковой и П. Ф. Колмогоровой. На проценты с этого капитала воспитывались лучшие из *«несостоятельных учениц»* заведения.

Среди имущего сословия Тюмени благотворительная деятельность Колмогоровых в отношении прогимназии уступала только деятельности «*степенного*» 1-й гильдии купца и потомственного почётного гражданина К. К. Шешукова и была соизмерима с вкладом супруги 1-й гильдии купца и потомственного почётного гражданина О. А. Решетниковой.

За все годы существования прогимназии только эти четверо неутомимых попечителей были удостоены Высочайших наград и подарков:

— К. К. Шешуков — ордена Св. Станислава 3-ей степени[453] и собственного портрета в актовый зал училища;[454]

— О. А. Решетникова — бриллиантовой броши (в 1874 г.) и собственного портрета в актовый зал (от 14.10. 1889 г.);

— Ф. С. Колмогоров — собственного портрета в актовый зал (от 3.04. 1894 г., посмертно);

— П. Ф. Колмогорова — бриллиантовой броши (в 1896 г.).

Эстафету председателя попечительного совета от 67-летнего отца принял в 1891 году сын Филимона Степановича — потомственный почётный гражданин и коллежский секретарь Григорий Колмогоров. В 1893 году он вносит в фонд заведения

277 рублей, в 1895 — дарит два портрета царствующих особ в золочёных рамах для актового зала (стоимостью в 250 рублей). В 1898 году Григорий Филимонович на свой счёт издаёт труд начальницы прогимназии М. Р. Клериковой «Историческая записка и отчёт за 25 лет существования тюменской женской прогимназии (1871–1896)» и в 1903 году жертвует прогимназии ещё 577 рублей.

С учреждением в конце 1899 года Марией Раймундовной Общества вспомоществования нуждающимся ученицам тюменской прогимназии братья Григорий и Фёдор Колмогоровы становятся в его ряды, соответственно почётным и действительным членами. Основные усилия председателя попечительного совета будут направлены на повышение доступности и уровня образования, открытие в городе классической 8-классной женской гимназии.

С этой благородной целью Г. Ф. Колмогоров взвалит на себя добровольные хлопоты по расширению существующего здания прогимназии. Ему придётся самому хлопотать о кредите, искать по подписке добровольных заёмщиков, составлять сметы, контролировать ход работ, не помышляя о возврате собственных вложенных средств. Он закончит постройку и только с открытием в городе гимназии уйдёт со своего поста, уступив его С. И. Колокольникову[455].

К осени 1902 года учебное заведение получило от своего председателя новую пристройку, в несколько раз превосходящую по объёму прежнее здание. Тюмень могла гордиться лучшим строением среди сибирских прогимназий. При 350 учащихся стало возможным оборудовать столовую, открыть для желающих бесплатное профессиональное отделение кройки и шитья и даже пятый учебный класс[456]. Тем самым был сделан и второй шаг к преобразованию прогимназии в гимназию.

Любопытен социальный состав питомцев заведения: доля детей мещан и крестьян в нём составляла 76 % против 24 % из семей дворян, чиновников, купцов и лиц духовного звания.

Так как строительство из-за скудности средств велось хозяйственным способом, то приходилось почти ежедневно бывать на объекте, вникая и в мелочи дела, и в финансовые расчёты. Закончив стройку с убытками, Григорий и Александр Колмогоровы жертвуют на частичное их погашение 850 рублей и в дальнейшем ещё 4790 рублей 48 копеек[457].

Вот почему на «годичном акте» в прогимназии 29 декабря после исполнения хором певчих *«Благодать Святого Духа нас собрала»* её начальница М. Р. Клерикова выразила искреннюю благодарность своему главному попечителю и строителю[458].

Увы, совершенно иным оказалось мнение собрания выборщиков нового состава городского управления на 1903–06 годы. Большинством голосов (35 против 31) его кандидатура в гласные думы была отклонена[459]. В то же время 11 января 1903 года «Сибирская Торговая Газета» сообщила о Высочайшем пожаловании члена учётного комитета тюменского отделения Госбанка Г. Ф. Колмогорова орденом Св. Анны 3-ей степени и продлении его банковских полномочий ещё на 3 года.

Укрепила тюменское общество в назревшей необходимости открытия в городе женской гимназии и безвременная кончина 4 октября от болезни почек 57-летней начальницы прогимназии Марии Раймундовны.

Из Знаменской церкви гроб с телом усопшей, только в августе 1899 года перешедшей из католицизма в православие (после трагической смерти мужа), *пронесли на руках* мимо здания всей её жизни до Троицкого монастыря. На ленте одного из 11 венков можно было прочесть библейское пророчество:

> ***Твоя правда будет предшествовать тебе и слава Господня сопровождать тебя.***[460]

Городская дума в своём заседании от 16 октября учредила стипендию имени незабвенного педагога (2000 рублей в уплату неимущих дочерей Тюмени) и ходатайствовала перед правительством о преобразовании прогимназии в гимназию[461].

«Оказал большие услуги полезными указаниями и тщательным наблюдением за ремонтом прогимназии в /893–96 годах» и начальник участка Уральской железной дороги надворный советник А. Ф. Колмогоров.

Внесли свой вклад и жёны Григория и Фёдора Филимоновичей: Мария Евменовна, член попечительного совета с 1886 года, передала в пользу заведения 428 рублей 58 копеек выручки с концерта, организованного ею совместно с Ф. П. фон-Бергхольц; Елизавета Константиновна в 1894 году пожертвовала 370 аршин кретону и коленкору.

В отчёте прогимназии за 1901–02 учебный год[462] мы встречаем упоминание и о стипендии (175 рублей) имени четы Ф. С. и П. Ф. Колмогоровых, учреждённой их сыновьями.

Открытие Тюменской женской гимназии состоялось, по всей видимости, в начале сентября 1904 года с прибытием из Петербурга новой начальницы В. М. Тихомировой. К этому времени С. И. Колокольников закончил и реконструкцию старого здания прогимназии (под единый архитектурный стиль пристроек, возведённых в 1900–02 годах Г. Ф. Колмогоровым).

Часть десятая (1900–1912 гг.)

Муки творчества и хлеб насущный

Годы с 1901 по март 1904-го в жизни Н. А. Лухмановой были наполнены творчеством и заботами о хлебе насущном. Её дочь Мария вышла из общины сестёр милосердия с серебряной медалью за работу в холерных бараках эпидемии 1891–93 годов и проживала с ней, разделяя все трудности совместной жизни. Вероятно, за помощь страждущим, когда самих сестёр спасали только десница Божья да стрижка наголо, Господь послал ей знакомство с 36-летним талантливым доктором медицины, приват-доцентом кафедры акушерства и женских болезней Военно-медицинской академии Василием Николаевичем Массен[463].

Отношения доктора с медсестрой за время их общения в Гаваньском (Галерной Гавани) родильном приюте и палатах больницы Св. Марии Магдалины переросли в гражданский брак, вероятно, в конце 1900 года. «Имея дело с „неистовой прозой“, все гинекологи, по определению писателя и земского врача А. П. Чехова, — идеалисты, либералы, немножко мистики и мечтают о жене во вкусе некрасовской русской женщины»[464].

С фотографического парного портрета этих лет из архива Массен с достоинством смотрит счастливая молодая женщина, не *нашедшая,* а именно *встретившая* на своём пути очень близкого ей по духу спутника жизни — будущего отца её девочек…

Но вернёмся к премьере «Сибирского Риголетто» в театре г-жи Е. А. Шабельской. Рецензия О. Дымова в журнале «Театр и Искусство»[465] грешила противоречиями. Отмечая колоритность пьесы, *хороший,* хотя местами и речитативный, язык и то, что *автора вызывали несколько раз,* критик, путаясь в жанре представления, сетовал: *«….драма* должна разъяснять жизнь, группируя известным образом события, а не просто воссоздавать её как она есть, через пень-колоду…»

Несколько иным было мнение «Кронштадтского вестника»: «…Пьеса довольно сценична и прекрасно сыграна. Смотрится не без удовольствия, но следовало бы выкинуть сцену на пасеке. Госпожа Казбич в роли Веры имела большой успех…»[466]

Более тонкими и разборчивыми ценителями театра оказались пермские и тюменские рецензенты!? «Пермский край»:

…Бенефис «Сибирский Риголетто» 23 января — 4 акта ужасной канители. Ни одной оригинальной мысли, ни одного хорошо задуманного типа, решительно ничего. Стряпня госпожи Лухмановой…

«Пермские ведомости»:

…Бенефис артиста Гофмана (труппа П. П. Струйского) имел почти полный сбор. Представление прошло весело и оживлённо, было много аплодисментов. Пьеса же типичное лубочное *драмоделие* новейшего фасона, продукт намётанной ремесленной руки, не чуждой заимствования. Сибирского в комедии, кажется, одно слово *варнак*. Психология героев довольна жалкая, но глубокого удивления достойная по нестесняемости приёмов авторши и требований её к себе…[467]

«Сибирская Торговая Газета»:

…Представление драмы, скорее комедии, в цирке-театре А. Коромыслова 25 июля на сюжет, как говорят, из тюменской жизни, где когда-то жила Лухманова — слабая вещица, как в художественном, так и в сценическом отношении. Пустую и бессодержательную вещь дополняло и слабое исполнение…[468]

Разночтения в оценках не помешали пьесе обойти многие сцены России. Афиша из фондов театрального музея имени А. А. Бахрушина в Москве[469]подтверждает это. 8 августа 1904 года спектакль «Сибирский Риголетто» шёл на сцене «Театра у Серебряного пруда в Лесном» (дачном месте Петербурга), поставленный труппой Музыкально-драматического общества под руководством режиссёра А. А. Бренко, бывшей артистки императорских театров.

Многим обязанная А. С. Суворину, публицистка Лухманова не побоялась однажды *бросить вызов* «Новому Времени», не в силах поступиться своей гражданской позицией.

Из «Письма к издателю» от 7 января 1901 года:

…Меня трудно заподозрить в пристрастии к еврейскому народу. Тем не менее, я скажу, что пьеса «Контрабандисты», поставленная на Литературно-художественной сцене[470]*, произвела на меня самое неприятное впечатление и искреннее сожаление.*

Верование, молитвы, убеждения и религия евреев изображены в пьесе до того враждебно к остальному миру, что возбуждают ненависть и желание истребить этот народ, если мы не хотим дождаться, чтобы он, в свою очередь, стёр и поработил нас.

Вы, Алексей Сергеевич, считаете, что ***литература должна быть шире, чем политика****, а я осмелюсь думать, что она* ***должна***

идти рука об руку с ней *в тех случаях, когда её откровенность может вызвать в толпе дурные чувства и страсти. Убеждена — пьеса, поставленная в провинции (где много евреев), возбудит против них огульное возмущение. Особенно унизительно и больно было видеть среди исполнителей ролей в таком «спектакле» актёров евреев. Моё впечатление от постановки тяжёлое, возбуждающее искреннее желание слышать, что сие творение снято с театрального репертуара. Н. Лухманова.*[471]

В 1901 году появляются в печати новые комедии Надежды Александровны — «Кормилица»[472], «Женщина»[473], издаются сборник «Тринадцать рассказов» и цикл её нашумевших лекций под общим названием «Причина вечной распри между мужчиной и женщиной». Она по-прежнему читает их с благотворительными целями по городам центральной России, в частности, в Н.-Новгороде (в пользу студентов-нижегородцев Московского университета)[474], заседает в Обществе русских драматических писателей[475].

Летом 1901 года перчатку публичного вызова Н. А. Лухмановой по поводу её «Причины вечной распри» бросила учительница Вера Кудашева из села Михайловское[476].

С молодым задором, напоминая известную фразу О. Ф. Миллера[477] о семье,[478] девушка из крестьянской среды с возмущением отметала приписку разочарования и неудач, порождённых узкой средой лжи и обмана, другим слоям русского общества, в которой выросла и воспитывалась автор. Высмеивая сентенции Надежды Александровны о значении поцелуев в Англии и Франции на фоне романов Э. Золя, В. Кудашева указывала и на противоречивость самих её суждений, кроме тех мест, где сквозит ненависть писательницы к мужчинам и презрение к оступившимся женщинам, далёкое от христианского милосердия.

Касаясь желания всякой девушки выйти замуж, молодая учительница заверяла Лухманову, что любая из них всегда сумеет отвадить *нахала* и никогда не падёт, имея в душе материнский завет беречь себя!

После фиаско с «Возрождением» Надежда Александровна переехала с Эртелева переулка на Адмиралтейскую набережную, завела *приёмы* (по средам от часу до шести дня) и приглашала на них близких и нужных людей от литературы и театра. Из записки к И. А. Гриневской[479] от 10 ноября 1901 года:

Дорогая Изабелла Аркадьевна! Не откажите в удовольствии видеть Вас у меня в воскресенье 11 ноября вечером (и не только).

Надо серьёзно поговорить о Вашей пьесе и о содействии в спектакле. Будут В. А. Колышко и другие. Примите мой сердечный привет…[480]

В этой же квартире находили кров и пищу и люди далёкие от искусства. Из объявления Лухмановой в газете «Биржевые новости» от 24 октября 1902 года: «Принимаются всякие пожертвования на Адмиралтейской набережной 10, в квартире 17, где я приютила женщину, не имеющую угла. Портниха А. Д. М-ва, пьяный муж ударил ножом. Пролежала 3 месяца в Елизаветинской больнице, болеет и бедствует, дошла до полной нищеты. Прошу помочь».

К 1902 году относится знакомство писательницы с одиозной, а ныне прочно забытой политической фигурой в рабочем движении начала XX века — священником Георгием Гапоном, будущим председателем печально известного (по событиям кровавого воскресенья 9 января 1905 года) «Собрания русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга».

Общаясь в редакции одной из газет с тогда ещё 24-летним студентом Петербургской духовной академии и в значительной мере содействуя упрочению его карьеры в официальных кругах, Надежда Александровна с проницательностью цыганки и едкостью публицистки предостерегала пастыря:

> …Вы ведёте себя бестактно, отец Георгий. Светские дамы ухаживают за Вами только потому, что в их романах не было попа, а сами по себе вы никому не интересны. Из всех нас — здесь вы самый младший и наименее образованный человек и имеете значение только как священник.
>
> Если вы не дорожите этим званием и роняете его, подчиняясь очарованию дамских улыбок так же, как роняете себя в глазах моей прислуги, угощаясь в постные дни бифштексом, а вместо чаю — пивом, то, как быстро вы возвеличены, так же быстро можете и пасть в сферах, куда вы проникли. Гапон краснел и ёжился…[481]

На 1902–03 годы приходится пик лекторской активности стареющей публицистки, ещё принимаемой аудиторией, но уже и осыпаемой многочисленными нападками, обвинениями и издёвками со стороны своей же пишущей братии:

> …Воспользовавшись кратковременным пребыванием в Москве г-жи Лухмановой, мы поспешили проинтервьюировать уважаемую писательницу, тонкого

знатока женского вопроса, покрытую неувядаемой славой переводчицы и популяризатора «Ночи» г-жи де-Монтесон.

Когда мы переступили через порог её кабинета, убранного чрезвычайно изящно и украшенного большими поясными портретами Марии Стюарт[482] и мадам Анго,[483] г-жа Лухманова дописывала последние строчки своей новой работы «Ах, вы, охальники», посвящённой мужчинам… Прощаясь, мы рекомендовали почтенной защитнице женского обаяния новый, поразительный по части фривольности и смелости в обнажении dessous[484] французский фарс для благосклонного перевода и поспешили откланяться.

Пэк[485]

Её «Девочкам» юные гимназистки поголовно предпочитали теперь «Записки институтки» 27-летней бывшей *«павлушки»* Лидии Чарской. Общественное мнение и его социальные акценты стремительно менялись в преддверии Русско-японской войны и первой русской революции, хотя её лекции (в пользу различных благотворительных обществ и приютов) по-прежнему находили своих слушателей в Москве, Курске, Харькове, Киеве, Севастополе, Одессе, Варшаве, Житомире, Вильно, Н.-Новгороде, в Соляном городке Петербурга[486].

В материальном плане подобные мероприятия, несмотря на хлопоты с разъездами, являлись приличным источником дохода и приносили лекторше от 100 до 160 рублей за выступление (судя по денежным отчётам их устроителей). Но сбережений, даже на «чёрный день», у Надежды Александровны так и не появилось. А обратиться к бывшим мужьям — генералу Адамовичу, надворному советнику Колмогорову, коллежскому секретарю Гейслеру — ей не позволяла её женская гордость. Оставались без ответа и униженные послания к недавнему покровителю…

Из писем к А. С. Суворину от 5 и 7 марта 1902 года:

«Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

3 марта я вернулась из Варшавы, где 6 недель пролежала в больнице Красного Креста (тиф) с осложнениями. Слабость, ехать и работать не могу. У меня свидетельство о перенесении тяжёлой болезни. Хочу обратиться в литературный фонд за помощью. Но пока всё это будет оформлено…, а я в тяжёлом положении. Всё, что было заработано за декабрь-январь месяцы, съела болезнь. Я платила по 4 рубля за больницу и за 2 месяца не оплачена квартира. У меня ни гроша. Не знаю, как и жить.

Прошу лично Вас о помощи, хотя мне стыдно и больно и хочется разорвать письмо. А потом подумаю о Вашей действительной доброте и возникает надежда, что Вы не пошлёте меня к чёрту, а наоборот.

С искренним уважением Н. Лухманова.

…Я не могу поверить, чтобы Вы не захотели даже ответить на моё первое письмо. Как бы Вы ни были озлоблены на людей, но если обращается за помощью женщина, в которой Вы признавали прежде ум и талант, обращается по праву бедняка-рабочего к такому же, но теперь разбогатевшему человеку, — не может быть, чтобы не нашлось у Вас желания помочь. Неужели это стыдно просить о помощи? Ведь я-то верю в Вашу доброту!..[487]

Лето 1902 года привнесло свой „жар“ в личную жизнь Марии Адамович. С открытием в сентябре 1900 года в Императорском Новороссийском университете (в Одессе) 11 — го по счёту в России медицинского факультета ряд приват-доцентов Военно-медицинской академии изъявили желание внести посильную лепту в становление медицинского образования и научно-клиническую деятельность юга Новороссии (Украины). Среди добровольцев оказался и доктор медицины В. Н. Массен, кавалер российских орденов Св. Станислава и Св. Анны третьих и вторых степеней, Высочайшее назначение которого на должность экстраординарного профессора нового факультета состоялось 13 июня 1902 года.

Окрылённый оценкой своих заслуг и перспективами, 42-летний профессор прибыл в Одессу с гражданской женой. „Молодые“ обосновались на Херсонской улице,[488] и в декабре Мария оказалась беременной… Их желанный первенец — дочь Елизавета — появилась на свет 16 августа 1903 года, незадолго до дня их официальной свадьбы.

Из письма В. Н. Массен к Б. В. Адамовичу в Варшаву от 14 февраля 1903 года:

Дорогой брат мой Боря!

Спасибо за добрые слова, обращённые ко мне в письме твоём к Марусе от 1 февраля. Я с величайшей радостью протягиваю тебе взаимно руку и прошу считать меня близким и навсегда сердечно преданным. От души благодарю за отклик на приглашение к нашей свадьбе. Рады, что ты будешь рядом с нами в наш знаменательный и счастливый день. Предполагаем свадьбу на моей даче в Сочи (Катково-Леонтьевские участки № 6, 13–14) в конце лета.

Теперь я вдали от дома, вблизи румынской границы. Сижу у

одной сельской дамы, собирающейся стать матерью. Прими мою записочку как отклик сердца, как искренний знак моей дружбы. Тв. В. Массен»[489].

Но счастье молодой семьи оказалось таким коротким…

В Москве организатором общения писательницы с аудиторией Исторического музея на тему «О недочётах жизни современной женщины», переполненной и светскими дамами, и обитательницами знаменитой «Ляпинки»,[490] являлся сам профессор Московского университета, историк В. И. Герье[491].

Реплики же недоброжелателей (с некоторых пор и В. В. Розанова)[492] в печати[493] с обвинениями в отсутствии новизны, свежести мысли, пережёвывании старых газетных статей и собственных размышлений Надежда Александровна публично парировала достойной отповедью в одной из газет: «…Новым может быть только изобретение, открытие или… повторение всеми забытого. Если бы Христос пришёл опять на землю, то и он не сказал бы ничего нового людям, а велел бы хранить свои старые заветы…»

По сей видимости, её творчество не прошло мимо внимания упоминаемого нами выше взыскательнейшего А. П. Чехова. Известен его автограф в записной книжке от сентября 1903 года после общения на своей даче в Ялте с литератором и сотрудником «Нового Времени» Л. Л. Толстым (сыном Л. Н. Толстого): «Своими рассуждениями о Сгриндберге[494] и вообще о литературе Лев Львович очень напоминает Лухманову»[495].

Между тем созидательный процесс не покидал Надежду Александровну. В печати появились её новые комедии — «Новая женщина»[496], «Охотник за белой дичью»[497], «Красавица Фраскита»[498], «Коррехибор»[499], шутка «Я хочу знать»[500]. Были написаны: «Папский пояс» (фарс); «Пью-Пью» (Девушка и солдат) переделка с французского; «Тайная связь» (комедия); «Знаменитый профессор химии»; «Маленький лорд» и другие.

В зимний сезон 1902/1903 годов на столичной сцене шла её «Ночь госпожи де Монтесон»[501]. Вышел и очередной сборник рассказов «Не сказки» для детей[502].

2 апреля 1903 года в газете «Заря»[503], оппонируя «грызущему остроумию» философов от религии Розанова, Мережковского и других в дни Великого поста, публицистка Лухманова выступила в защиту всех тех плохих христиан, кто *«возопиет к Господу своей скорбной душой, своей борьбой, своей слабостью и несёт к алтарю свой трепетный огонь».*

…Кто дал им право следить за колебаниями наших мыслей, за смутными тяжёлыми сомнениями, за вопросами, которые мы без ответов стараемся подавить в себе? Нас всех мало и плохо учили в детстве и юношестве христианской религии, но мы не хотим запугивания грехами, отвращающими от нас Господа.

К чему нам личные, интимные копания, оглашаемые г. Розановым. Мы устали от клеветы и грязи под видом богословских споров, от слов Христа, истолковываемых вами по-своему. Да, мы не знаем длинных богословских текстов, не можем кидать вам в ответ цитаты и изречения отцов церкви, не помним подробностей вселенских соборов, но мы имеем свои человеческие тайны, и кто дал вам право на публичное поругание всего того, что составляет основу нашего внутреннего строя?..

Сама того не подозревая, Надежда Александровна в эмоциональной запальчивости обнажила глубоко затаённые страдания собственной израненной женской души — и не только из-за несостоявшейся личной жизни, но и из-за судьбы своих не слишком счастливых детей. В этой короткой статье-реплике ключ к пониманию самого главного поступка её жизни, совершенного в жажде нравственного очищения, — добровольного отъезда на русско-японскую войну со всеми её тяготами, ужасами и лишениями.

И невдомёк было господину Розанову, ответившему на вызов Лухмановой неприличной бранью едкой статейки в «Новом Времени»[504], что ровно через год не он, а его 62-летняя оппонентка будет делиться с читателями «Петербургской газеты» своими мыслями и наблюдениями с театра разразившейся дальневосточной войны.

А пока мечты публицистки, несмотря на неудачный опыт с «Возрождением», обратились к изданию в столице собственной еженедельной газеты «Дневник писательницы» по примеру оригинального и глубоко искреннего журнала «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского 1876–77 годов. Материалы об этом факте её биографии найдены в фондах… Департамента полиции и датированы 1903 годом[505]. И кто знает, не начнись война, возможно, мы знали бы сегодня гораздо больше о тайнах жизни, порывах души и творчестве Н. А. Лухмановой?

Будучи в конце 1903 года с лекцией в Одессе, Надежда Александровна остановилась в квартире четы Массен, наконец-то *освятивших* свои отношения церковным браком и предъявивших

бабушке первый плод своей любви — четырёхмесячную дочь Елизавету. Заботливый зять-профессор, найдя здоровье тёщи запущенным, убедил её пройти курс лечения в одной из университетских клиник[506], что оказалось весьма своевременным, учитывая дальнейшее развитие событий.

Обострившиеся отношения России с Японией и назревавший военный конфликт побудили писательницу спешно подготовить и издать небольшую брошюру «Японцы и их страна» (для широкого чтения). А в ночь на 27 января 1904 года нападением японцев на Порт-Артур открылись и военные действия.

Решение ехать в Манчжурию в качестве журналистки созрело у Надежды Александровны, вероятно, после отказа цензуры[507] в чтении ею цикла лекций, иллюстрируемых световыми картинками, о маленькой островной стране, посмевшей бросить вызов Российской империи.

При эйфории общества, настроенного на короткую победоносную войну с азиатами, ей без труда удалось заручиться правами собственного корреспондента «Красного Креста», «Петербургской газеты» и харьковской газеты «Южный край», с которой она периодически сотрудничала.

Принятое решение возбуждало, требуя скорейшего завершения срочных дел. Она публикует пьесу «Иллюминанта и Петролеум»[508], спешно продаёт издателю две свои лекции[509] и прощается с самым близким в последние годы человеком — её секретарём и другом О. Г. Базанкур[510], сохранившей для нас слова и дневник отъезжавшей 4 апреля на Дальний Восток писательницы:

> …Вот, милая О., если умру, позаботься, чтобы память обо мне была освещена правильно. С годами пойдут слухи и небылицы, так лучше им дать верные сведения. В этой тетради одна правда…
>
> …Последняя ночь в Петербурге. Всё в доме спит. Дробно, дробно в два тона тикают маленькие часы, стоящие в тёмно-красном футляре с петелькой наверху и готовые в дорогу. Мне всегда казалось, что вещи участвуют в нашей жизни и время, отмечая их царапинами, поблёклостью, мелкими ранами, тем самым приближает их к нам, и под конец жизни человек и окружающие его предметы становятся какими-то инвалидами-сотоварищами, предчувствующими и понимающими друг друга.
>
> В квартире чемоданы, походная кровать, ящики, кули, бочки — 36 мест. Денежные дары: «…Ведь мы вас

знаем, читали…». Почему я еду? Ужас ожидания неизбежности отнял бы у меня способность работать, изнылось бы моё сердце. Где уж тут писать статьи о вопросах гражданской жизни?! Один выход — бежать туда, где страдают, и там, исполняя обязанности матери, сестры, няньки, стряпухи, подкармливая и выхаживая раненых, забыть собственный страх и довести себя до такой покорности, когда вся молитва к Господу будет сосредоточена в одном вопле: «Да будет воля твоя!!!»[511]

Война в её жизни

14 апреля 1904 года.

…Выехала из Петербурга со сводным отрядом сестёр милосердия и волонтёрок[512] Свято-Троицкой, Покровской, Евгеньевской и Георгиевской общин. В Москве присоединились сёстры Иверской, в Саратове — Саратовской общин. Ехали не в порыве, а с убеждением, что принесём пользу. Среди нас: графиня Игнатьева, княгини Урусова и Оболенская, баронесса Мейндорф, Куколь-Яснопольская (племянница министра путей сообщения), Павлова (жена помещика), Бекаревич (вдова офицера), Лошкарёва (дочь бывшего губернатора), курсистки и другие. Все прекрасно знают английский, французский или немецкий языки.

В Челябинске встретились с летучим отрядом шталмейстера Двора[513] генерала В. П. Родзянко с пятью докторами-немцами, в том числе тремя баронами из Лифляндии и санитарами — дерптскими (юрьевскими) студентами…[514]

23 апреля, Тайшет.

…На станциях Рязань, Самара, Златоуст кормили ужасно. Я окончательно перевела часы на местное время. Ложусь и встаю *по-сибирски* и выходит, что сплю очень мало. Раньше 12 заснуть не приходится, а встаёшь в 6. Спим плохо. Ночью шёл сильный дождь. Поезд громадный — 35 вагонов, по ночам тревожные свистки и внезапные толчки. Утреннюю молитву читаешь, глядя в бесконечное небо. Молишься за тех, которые ждут нашей помощи, за тех дорогих, кого мы добровольно оставили. Я никогда не молилась так искренне, с таким доверием к Божьему Провидению, как теперь.

На станции Ольгинская решили отслужить всенощную. Со священником саратовского отряда дошли через поле до церкви. Появились жители. Пели сами сёстры. Местный священник передал на раненых 55 полотенец и до 200 аршин холста. Буфеты на станциях становятся хуже и дороже. Получили телеграмму о сражении на Ялу 18 апреля — 800 раненых! Да будет воля твоя!

24 апреля, станция Тулун.

…*С* тех пор, как я ношу передник с крестом, косынку сестры милосердия и веду размеренную жизнь, мне стали дороги и все подобные общины.

На станции Зима отправилась с сестрой к местному священнику. Посёлок не более 20 дворов. Матушка, дети, церковноприходская школа, 32 ученика. Расстались, как добрые

друзья…

27 апреля, станция Инокентьевская.

…Идиллия отлетела от нас. Пьянство санитаров и кражи у сестёр. *«На ходу»* (в Саратовской общине) врач сделал мне прививку от оспы…

29 апреля, Иркутск.

Последний приют нормальной жизни. Столпотворение военных, лошадей, музыка. Застали санпоезда великих княгинь Марии Павловны, Татьяны Николаевны, Марии Николаевны, Анастасии Николаевны. Все рвутся вперёд…[515]

1 мая, Иркутск.

…Холод, идёт снег. К эшелону присоединили 3 вагона третьего и четвёртого классов, которые сёстры сами вымыли водой и нашатырным спиртом, очистив от тараканов и грязи, оставленных солдатами[516].

Я видела Карпаты, Альпы и горы Италии, но Байкал произвёл на меня более сильное впечатление. Переправлялись на ледоколе-пароме, куда вкатывали вагоны…[517]

9 мая.

…В Танхое всю ночь и до полудня стояли на площадке между путями в непромокаемых плащах, прикрыв вещи. Остались бы и без пищи, не помоги нам сторожа. Мой багаж — 36 ящиков провианта — сдала на склад. Встретила адмирала Н. И. Скрыдлова со свитой. Узнав меня, пригласил в вагон, где я застала графиню Игнатьеву. Далее ехала с объединённым Всероссийским дворянским отрядом М. А. Стаховича…

13 мая.

…Между докторами едет хирург — княгиня Гедройц, бывшая старшим врачом больницы одного из заводов Орловской губернии. Прошла ужасная ночь с бурей и снежной метелью.

На станции Маньчжурия контроль. Не пропускают женщин, не приписанных к общинам или поезду. Вернули корреспондентку «Нового Времени» М. Я. Пуаре. Если бы я не имела официальных бумаг от Красного Креста с занумерованной перевязью, то и меня постигла бы та же участь…[518]

20 мая, Харбин.

…От Маньчжурии пришлось ехать в вагоне 3-го класса с санитарами. Ночь под Хинганом. В поезде едут инженеры во

главе с Горбацевичем и Гариным-Михайловским. Хайлар — первый китайский город на моём пути.

В Харбине я нашла радушный приём в главном управлении Красного Креста и получила попечительство над 1-м военным госпиталем. После совещания у генерала И. П. Надарова собираюсь ехать в Ляоян, Мукден и везти раненых под Тюренченом на барже по Сунгари и Амуру до Хабаровска. Живу в Новом Харбине в единственном 3-этажном доме…[519]

23 мая.

…Первое общение с тяжелораненым. Он пытается говорить и просит образок на шею. Я сижу у него на кровати, вытираю платком пот с его лица, а за моими плечами уже дышит холодом смерть, давно вошедшая сюда и почему-то не решающаяся прекратить страдания своих жертв…[520]

13 июня, Хабаровск.

…С 9 по 13 шли первым караваном эвакуационных барж по Сунгари[521] и Амуру, а добравшись, передали 240 человек в лазареты. 17-го отправимся в Никольск-Уссурийский и далее — во Владивосток…[522]

Известно, что здесь Надежда Александровна читала лекцию «О положении военных лазаретов на Дальнем Востоке»[523].

Из телеграммы от 18 июля 1904.

> ДЕНЬ 16-ГО ПРОВЕЛА В ОТРЯДЕ ГЕНЕРАЛА МИЩЕНКО. ВСЕ ЗДОРОВЫ И БОДРЫ. ВЫЕХАЛА НОЧЬЮ ПОД КОНВОЕМ КАЗАКОВ.

Ляоян.

…Война вошла в сознательную колею. Всё и все подтянулись, о кутежах и молодечестве нет больше и помину, понимая, что враг неумолимый, стойкий. Раненые японцы поражают молчаливостью, необыкновенной чистотой белья даже у солдат, вежливостью, что поневоле вызывает симпатию…[524]

Хайчен.

…Условия жизни ужасны, но сама жизнь до того захватывает своим неподдельным, насущным интересом, что всё переносится как мелочь, которая не может отравить существование или расстроить нервы. Здесь почти все спокойны и уравновешены. Второе пребывание в подвижном отряде генерала Мищенко 15–16 июля…[525]

26 июля, Ляоян.

…Из города уже выехали Евангелический и, кажется, Георгиевский госпитали. Много раненых. За последнюю неделю 3-й приступ дождей[526].

Эти жёлтые, мелкие, подвижные, хорошо вооружённые, легко одетые, сытые, появляющиеся всегда неожиданно японцы действуют нервно на наших солдат. Они удивляют их своей массой, подвижностью и лезут, лезут, как мураши[527].

До 17 августа я ещё не встретилась с войной лицом к лицу. Она представлялась мне далёким чудовищем, которое пряталось где-то в горах, убивало и присылало к нам искалеченных людей… [528]

Ляоян.

…Когда утром застонал воздух от страшной канонады и свиста летевших снарядов, когда стали видны огни и целые снопы зарева от разрывавшихся шрапнелей и в развёрнутые госпитали привезли раненых, мне стало ясно — моё предназначение быть здесь.

Спешу, дождь. В несколько слов объясняюсь с врачом и через 5 минут уже сижу на полу и расщипываю тюк юты (серой пакли), которая идёт на перевязку ран. С этой минуты я становлюсь сестрой, временно прикомандированной к 26-му подвижному госпиталю (при 35-ой пехотной дивизии, 17-го корпуса, 3-ей армии), раскинутому в садике против вокзала. Кошмарная, страшная жизнь захватила меня [529].

Перевязку я знала в теории. К счастью, первая рана была из тех, что мы называем «гуманными». Пуля не задела кость, оба отверстия чисты и малы. Первые 3–4 перевязки руки дрожали от желания не ошибиться. Через некоторое время я освоилась и уже помогала накладывать шины. Были и такие рваные раны, что первые секунды невольно закрывала глаза, но пересилив себя, опять работала и помогала. Ушли *без ног,* а с утра тот же ужас под грохот близкой битвы[530].

Ляоян оставили на 4-й день боёв. Поздно ночью закончили посадку раненых в вагоны и ушли обозом на 3-ю версту. Раскинули шатры, вкопали котлы и заварили пищу. Отступают какие-то отряды, вдоль дороги павшие лошади, коровы, разбитые повозки, идут ослы с носилками, а к нам подвозят, подносят раненых.

Моешь, кормишь, шепчешь слова утешения и застываешь на месте, слыша вопрос священника: «Не желает ли кто исповедаться?» и хриплый, едва слышимый стон: «Сюда». Мёртвых носим в рогожный шалашик, а кто их хоронить будет?

Несмолкаемый стон и гул орудий. Помогаем всем, кому можем. Свёртываемся и идём в Мукден, подбирая людей на дороге и в канавах…[531]

13 сентября, Телин.

…Раскинулись станом. Спим на циновках, покрытых войлоком. Кроватей почти нет. Холод от земли, дождь, мокрые одеяла. Весь 26-й госпиталь — это 100 человек команды и 16 — медперсонала. Пища — щи с мясом и каша…[532]

25 сентября, Телин.

…Сутки дежурю одна в 2-х палатах. Сегодня умерло двое. Надо самой закрыть им глаза, скрестить руки, велеть их одеть и помолиться над беднягами, отправляя в мертвецкую. Большинство бредят войной, вскакивают, пытаются бежать, спрашивают, кого убило, где офицер, фельдфебель? Бессвязно твердят о деревне, вспоминают жену, ребят, скотину. Кладёшь на головы компрессы, даёшь пить и невольно прислушиваешься к обрывкам сна души…[533]

27 сентября.

…К ночи обозным порядком пришли на разъезд «Угольный» в 9 верстах от Мукдена. Темно, грязно и холодно. Вытоптанные поля, разрушенные фанзы с выбитыми рамами и дверями, разорённые кумирни с вытащенными наружу и в куски разбитыми китайскими «богами». Изрубленные деревья, брошенные арбы с разбитыми колёсами и издыхающие животные. Осёл с перебитой ногой, пытающийся ковылять за проходящим обозом. Красивая вороная лошадь, тихо заржавшая нам вслед. Два раза пыталась она подняться и снова падала на бок. Стаи одичалых от голода собак провожали нас воем и злобным лаем.

Несколько хирургов проводят ампутацию ноги у молодого солдата (без хлороформа). Я стою у материала и готовлю сулемовые тампоны. Проходит несколько минут, и в большой таз опускается бледная, бескровная нога, кажущаяся такой странной и страшной… Я не могу оторвать от неё глаз, сердце рвётся, и я жду, жду, чтобы её скорей унесли из палатки. Около ампутированного идёт спешная работа, но уже внесли другого…[534]

Страдания войны и чувство профессионального долга журналиста затмили в сознании Надежды Лухмановой даже беду в семье её собственной дочери в далёкой Одессе.

Летом 1904 года, на высоте своей врачебно-педагогической

карьеры и семейного счастья, В. Н. Массен делегируется университетом в Берлин на XII Международный медицинский конгресс, куда едет с женой и дочерью и где читает доклад в одной из секций.

Берлинское фото оказалось последним, запечатлевшим для нас счастливое профессорское семейство. Очевидно, где-то там, высоко, в книге Судеб, Всевышний именно так, а не иначе, распорядился его земной жизнью, забрав её в расцвете сил, полную планов и желаний их свершения.

6 сентября во время чтения лекции в факультетской клинике профессор Массен страшно изменился в лице, тихо вскрикнул и упал без чувств на пол. В тот же день, не приходя в сознание, он и скончался от инсульта, осложнённого почти 10-летним ревматизмом сердца. 32-летняя Мария Викторовна пережила смерть мужа, будучи беременной их вторым ребёнком. Дочь Зоя Массен родилась 4 мая 1905 года, так и не увидев отца. Но даже трагедия дочери не стала поводом к скорейшему отъезду матери с театра войны.

Телеграмма от 2 марта 1905 года из Каюана (в 20 верстах от Телина):

> ЖИВА. ИДУ ОБОЗОМ НА ЧАНТАФУ. ХОЛОДНЫЕ НОЧИ. ВИХРИ.

> …Получила на моё имя посылку, полную тоненьких книжечек — 200 экземпляров сборника стихов «Подвиг „Новика“» Игоря Лотарёва[535], которые охотно читаются солдатами. Спасибо автору[536].
>
> Выдержка японцев изумительна! Если наши снаряды, попадающие в цель, и вносят смятение в их ряды, то весьма кратковременное. Через какой-нибудь час — два с муравьиной настойчивостью начинается восстановление разрушений. Сильного, упорного и умелого врага мы имеем перед собой. «Японец живёт руками», — говорят о них китайцы. — И эту наследственную любовь к работе, привычку к хитрым изобретениям они всецело перенесли и на войну. Их окопы, ограждения, фугасы, мины — те же головоломки, в которых теряется русская медвежья сила натиска. Это война медведя с осами…[537]

27 марта, Сеншантай.

…Погода ужасно холодная. Снег валит и лежит пеленой, хоть на санях поезжай. И буран такой, что едва можно стоять на ногах, лошади в упряжи останавливаются по дорогам. Но ветер уже южный и, несмотря на свою ураганную силу, несёт в себе дыхание

весны. За работу в госпиталях под Ляояном и при Шахэ (в дивизионном лазарете) я награждена серебряной медалью «За храбрость» на Георгиевской ленте…[538]

…От Кайюаня мы двинулись, когда все здания и станция горели. В Херсу состою при 15-м подвижном госпитале (3-ей дивизии, 3-го корпуса, 1-ой армии). За 22 дня довольно тяжёлого похода прошла и проехала по Маньчжурии не менее 400 вёрст. Я получила *«перевязь»* — права военного корреспондента и — 8-го мая удостоилась долгой беседы с командующим 1-ой армии генерал-адъютантом А. Н. Куропаткиным…[539]

Надежда Александровна честно отрабатывала свой журналистский хлеб. Помимо прямых обязанностей сестры милосердия, она побывала в двух маньчжурских армиях. 50 её репортажей с мест событий опубликовала газета «Южный край» (за период с 23 апреля 1904 по 5 декабря 1905 гг.) и 90 — «Петербургская газета» (с 1 мая 1904 по 9 октября 1905 гг.)!!

В конце жизни она мечтала об издании собрания своих избранных произведений, куда, несомненно, вошли бы и эти строки из её военных *«Впечатлений и наблюдений»*:

> …Родители и институт не дали мне самых необходимых женских правил — шить, стряпать, стирать. Теперь я уже не сдираю до крови кожу пальцев, не ошпариваюсь кипятком, не жгусь до пузырей, хватаясь за дверцу печки, — всё мало-помалу примирилось со мной, сделалось доступным и я всё делаю сама…

18 октября.

…Идёт Ляоянская битва. Работаем за 2 версты от линии боя, буквально под шрапнелью. Мокнем, холод. Мы (я была пятой сестрой) в трёх шатрах день и ночь перевязываем раненых и хороним убитых, обёрнутых в циновки. Свыше… 1300 человек прошли через наши руки за 10 дней. Вокруг 20, 21, 24, 25, 26 госпиталя. Чувство страха и щемящей впечатлительности притупляется и пропадает. Смерть здесь слишком близка. Опасность идёт всюду рядом с вами, а жестокость, наивная, первобытная, встречается на каждом шагу.

Каким ужасным кошмаром будет казаться нам всё пережитое, каким нечеловеческим — все эти деяния рук человеческих…? Не думаю, что мне после перенесённых здесь испытаний, страданий и потрясений осталось впереди ещё много лет жизни…[540]

А ужас светской женщины и матери при виде брошенных на поле боя раненых и от невозможности что-либо сделать.

> …Умирать оставленному, забытому на поле сражения, умирать от жажды, от зноя, коченеть от холода и вспоминать… Вспоминать в полубреду свой дом, мать, жену, невесту, детей… переноситься то к ним, то снова сознавать весь ужас, всю тягость своего положения. Ждать смерти, прислушиваться к вою голодных собак…, к карканью воронов, к шагам мародёров, которые… вот-вот придут докончить… добить. Безумно бояться смерти и призывать её как благодеяние…[541]

Но окончились бои, отправлены в тыл раненые, затишье, и уже лирические мотивы слышны в её репортажах:

> …Возвращалась в госпиталь по необыкновенно красивой гористо-лесной местности. Весна. Всё цветёт — черёмуха, абрикос, груша — белым и розовым. Я нигде, кроме Неаполя, не видела такого оглашенного цветения. Канавы полны колокольчиков, тёмно-лиловых, тронутых сверху серебристым пухом. Их называют здесь «женская тоска»…[542]
>
> …Сегодня в 9 утра — весёлый, тёплый ливень, весь пронизанный солнечными лучами. Точно на небе при поливке райского сада опрокинулась гигантская лейка и пролилась до дна каскадом бриллиантовых брызг…[543]
>
> …Мир, которого каждый ждал, призывал в душе, пришёл как-то неожиданно, странно и не принёс с собой никакой радости. Недоумение, угрызение совести, что-то невыразимо тяжёлое залегло в сердце…[544]

По окончании бездарно проигранной войны и подписании сторонами мирного договора[545] Надежда Александровна, несмотря на возраст, усталость и неважное здоровье, не спешит возвращаться ни к столичной жизни, ни к нуждающейся в её помощи дочери, оставшейся с двумя крохотными девочками на руках.

Профессиональные качества журналистки и писателя, подогреваемые общественным интересом к осмыслению феномена бесспорной победы маленькой страны над огромной Российской империей, берут в ней верх над семейными ценностями и даже собственной жизнью.

Оценив бесстрашие и стойкость японского солдата, ни в чём не уступавшего русскому воину, она, будучи патриоткой и убеждённой монархисткой, видит причину необыкновенного успеха противника в какой-то особенной и очень эффективно

поставленной системе воспитания патриотизма не только будущих воинов, но и женской половины населения — то есть всей нации. Истиной оказалось убеждение бывшего Главнокомандующего А. Н. Куропаткина, высказанное ей при аудиенции: *«…Здесь не Россия сражается с Японией, а только русское воинство с целой страной*!..»

Понимая, что не простит себе упущенной возможности досконально разобраться в этом вопросе, она решается посетить страну-победительницу, имея конечной целью написать о ней книгу. Покинув госпиталь в Херсу, писательница едет в Харбин.

> …Безумные кутежи, шантаж, грабежи, скандалы и разврат поселились в страшно переполненном тыловом городе. Вся тоска неудавшейся войны, пережитые лишения, жажда отряхнуть с ног маньчжурскую пыль, измученные нервы — всё это теперь прорвалось, как назревший нарыв, и жизнь здесь корчилась в каких-то безумных судорогах. На улицах появились процессии, красные флаги, речи, митинги. Солдаты ходили разнузданными бандами. На великой железнодорожной магистрали начались забастовки и движение поездов по ней почти прекратилось…[546]

Для получения разрешения на выезд в Японию Надежда Александровна добралась до ставки Главнокомандующего в Лошагоу. Принятая самим Линевичем и получив все необходимые бумаги от начальника штаба генерала Орановского, она возвращается в Харбин. Сдав на отправку в Петербург личный багаж, в том числе и литературный материал, неугомонная писательница и журналистка 27 октября отбывает во Владивосток, где ей предстояло пережить три страшных дня жестокого и беспощадного солдатского бунта.

А пока, наслаждаясь покоем в отдельном купе, предоставленном ей управляющим Китайской Восточной железной дороги Д. Л. Хорватом, она знакомится с семьёй дивизионного генерала П. Н. Баженова. Вместе они ночуют в вагоне поезда по прибытии во Владивосток, а на следующий день, устроившись в деревянном домике Красного Креста на Светланской улице, осматривают город, бухты и форты на паровом катере.

30–31 октября — массовые избиения толпами демобилизованных солдат многочисленных китайских и корейских торговцев, собственных офицеров, разгром лавок, магазинов, рынков, складов, офицерского собрания, ресторанов. Мародёрство, пьянство, грабежи, стрельба, поджоги, убийства и…

выстрелы по обезумевшей толпе из орудий!

Оставив дымящийся от пожаров и разорённый не японцами, а самими русскими город, Надежда Александровна отбыла 1 ноября 1905 года в Нагасаки на госпитальном пароходе «Монголия», зафрахтованном «Красным Крестом» для вывоза на родину пленных воинов проигранной войны.

Пока корреспондент Лухманова исполняла свой гражданский долг участника и комментатора бедствий войны, перевернувших в её душе представления о сущности самого бытия, столичные критики всё искали в её довоенной женской прозе и лекционной деятельности элементы морализаторства, риторики и бездушия добродетели.

> …Женщины писательницы занимают в нашей литературе видное место. Пишут они большей частью если не в весёлом, то в очень развязном тоне. Их проза — ироничный, лёгкий пересказ будничных жизненных фактов при большой технической ловкости. С лёгким сердцем вышучивают они проявления нравственной порчи, какие лет 20 назад вызывали у них преувеличенное негодование. Так же поступает и г-жа Лухманова, избрав буржуазный адюльтер постоянной темой своих рассказов…[547]

> …Лекция г-жи Лухмановой о проституции — смесь надменного буржуазно-институтского юродства, сытой безжалостности и глубочайшего социального невежества… Счастье, что когда Христос судил блудницу, в толпе не было г-жи Лухмановой, — иначе роковой камень полетел бы в несчастную из её добродетельной руки…[548]

Несмотря на критику, в Москве вышел сборник очерков писательницы «Вопросы и запросы жизни», в Петербурге — пьеса «Серый герой». 27 июня 1904 года А. А. Бренко ставит её комедию «Господин директор»[549] на сцене «Драматическо-музыкального общества в Лесном».

«Из походного журнала»

22 июня 1900 года 29-летний гвардии поручик и полковой летописец Борис Адамович удостоился очередного воинского звания — штабс-капитана. Ежегодно с ноября по апрель он по-прежнему работает в архиве Главного штаба, проживая в квартире матери и сестры Мани (Мойка, 56). «Русский Инвалид»[550], «Военный сборник»[551], «Русская старина»[552] охотно публикуют его многочисленные исторические изыскания — «По поводу восстановления старшинства 3-го гренадерского Перновского короля Фридриха Вильгельма IV полка», «Начало полков лейб-гвардии: Московского и Литовского», «Могила сподвижника Петра Великого графа Ф. М. Апраксина», «Осада Выборга. 1710 год», «Князь И. Ф. Борятинский». В Варшаве отдельными изданиями в 1900 и 1901 годах выходят рассказы для солдат — «Кексгольмская слава», «Подвиг рядового Арисова». В 1903 году издаётся его исследование «Первое общество офицеров лейб-гвардии Кексгольмского полка» — послужной список 35 командиров 1710 года от подполковника И. Е. Лутковского до подпоручика В. Нехорошева. На экземпляре этой брошюрки в военном отделе РГБ в Москве сохранился автограф автора: «Дорогому товарищу по работе и Союзнику Александру Ивановичу Григоровичу. 2 июля. Б. Адамович».

К основателю полкового музея и подающему надежды военному историку, дополнившему армейский кодекс чести собственной цитатой *«В святой славе полка — бессмертие наших имён!»,* стали обращаться высокопоставленные командиры строевых частей.

6 мая 1900 г. Варшава.

Поручику Адамовичу:

21 июля 81-й пехотный Апшеронский полк моей дивизии празднует свой 200-летний юбилей. На средства его шефа и великого князя Георгия Михайловича издана история полка. Передаю в дар кексгольмцам экземпляр книги и «Памятку» апшеронцев. Начальник 21-ой пехотной дивизии генерал-лейтенант Резвый. Владикавказ[553].

27 апреля 1901 г. С.-Петербург, Мойка, 56.

Штабс-капитану Адамовичу:

Убедительно прошу изготовить гипсовый слепок с посмертной маски лица императора Петра Великого из музея кексгольмского полка для поднесения как реликвии в дар от апшеронцев 44-му

драгунскому Нижегородскому Его Величества полку в связи с 200-летним юбилеем 8 сентября. Генерал-лейтенант Резвый. Владикавказ[554].

За общественными, архивными и литературными занятиями молодой офицер не забывал и службу, периодически замещая командира роты [555].

Наезжая летними отпусками в имение в Петровцы, Борис Викторович оттаивал там душой от казарменного быта. Он легко сошёлся с четырьмя детьми отца от второго брака, чем расположил к себе и родителей Елизаветы Семёновны (Семёна Исаевича и Ольгу Фёдоровну), и её родных сестёр — Веру, Таисию и Наталью, иногда приезжавших в миргородскую глушь из Петербурга. С самой Лизой, всего лишь на 2,5 года старше его самого, у Бориса установились особые, тщательно скрываемые друг от друга и тем более от родственников, отношения, на которые могли бы пролить свет многие десятки её писем к нему. Но сохранившиеся в личном фонде Б. В. Адамовича в РГВИА, они, увы, в большинстве своём недоступны исследователю по банальным «техническим причинам»[556].

После смерти отца и переезда летом 1903 года Елизаветы Семёновны с детьми в столицу участие Бориса Викторовича в семейных делах Адамовичей — Вейнбергов стало совсем доверительным. Из писем О. Ф. Вейнберг к Б. В. Адамовичу в Варшаву от 30 марта и 8 мая 1904 года:

…Спасибо за цветочки. Приятный сюрприз. Хорошо бы всем поехать в Петровцы, но мужу скучно в деревне. Не хочет ехать и Тася. А я без неё не поеду. Если бы Вы смогли жить там всё лето, то и мы бы поехали. Удивляет храбрость Лизы ночами в Петровцах. Она Вам часто и много пишет. Целую Вас за хорошее к нам отношение…[557]

Из письма 12-летнего Георгия Адамовича старшему брату в Варшаву от 17 мая 1904 года:

Дорогой Боря! Олюшу уже отпустили из гимназии, счастливая. Меня же отпустят только 20-го. Как поздно! Уроки на лето зададут, но очень мало. Учитель ботаники велел нам собирать гербариум, не менее 25 растений. Это будет совсем не трудно и даже интересно. 14-го, ***на Коронацию****, мы были на островах. Нам очень понравилось. Погода была хорошая, но страшный ветер. Теперь лучше, но довольно холодно.*

Вчера в день Святой Троицы были у Тани в Смольном. Она

весёлая, рада, что скоро отпускают. Оттуда поехали к бабушке и там гуляли до вечера. Сегодня мы опять едем к ней. Прости, что так долго не писал и что пишу без линеек и транспаранта. Целую Тебя крепко. Любящий Тебя очень Жоржик[558].

Из письма от 6 июня 1904 года:

Дорогой Боря!

Вот мы и в Петровнах. Ехали очень хорошо. Бабушка, Тётя, Верочка и Тася приехали утром из Петергофа и вместе с дедушкой и Жаком провожали нас на вокзал. Утром в вагоне мы встали очень рано, так как поезд приехал в Москву в 7 утра. Нас встретил И. М. Ильин и повёз к себе пить кофе. Потом мы поехали к Иверской и вернулись к обеду. Поезд отходил в 6 вечера, и Ильин и Штадены нас провожали. Чай мы пили уже в Серпухове.

В Миргороде нас встретили Дядя, Тётя и мужики с подводами. Мы заехали на кладбище, где похоронен папа. В Петровцах нас встретил дядя Саша, который всем нам очень понравился, но у него сегодня вскочил флюс. Дивчина Домна, которую наняла Тётя, кстати сказать, очень способная — в два дня научилась накрывать на стол.

Большая кошка жива, а котят, которых отдали Марусе на сохранение, разодрали голодные собаки! Вечером пришла старая почтальонша и принесла письма от Тебя и Таси. Газет ещё нет. Погода чудная: всё время голубое небо и ни разу не было дождя. Сегодня в первый раз набрали земляники.

Так как у Олюши и Тани нет места, то я пишу от своего и их имени жалобу на Вову. Нам говорили: «Вот поедете в Петровцы, там и покатаетесь на Вовином велосипеде». И вдруг… что же Ты думаешь! Вова нам его не даёт. Просим тебя написать ему убедительное письмо. Сломать мы его не сможем, потому что в Петергофе мы катались на Тасином и Верочкином велосипедах, тем более что двое бегут рядом. Крепко целую Тебя. Очень Тебя любящий Жоржик. Приезжай к нам скорее[559].

Но штабс-капитан, смиряя плоть, предпочёл войну идиллии летнего отдыха вблизи влюблённой и недосягаемой для него женщины. Перед глазами стоял необъяснимый поступок матери, в 62 года добровольно оставившей мирскую жизнь, уехавшей 4 апреля на русско-японскую войну в Маньчжурию и уже «крещённой» в Харбине первым общением с тяжелоранеными, доставленными из-под Тюренчена.

Неучастие элиты армии в дальневосточной и, как им казалось, быстротечной, победоносной войне, не лишало молодых

гвардейских офицеров военного счастья и ратных подвигов на полях сражений. Более того, подобный порыв приобретения бесценного боевого опыта приветствовался и поощрялся производством в следующий чин при зачислении добровольца на место выбывшего в бою армейского командира его ранга.

Сделали свой выбор и два друга-кексгольмца Борис Адамович и Константин Цабель, отправившись 19 июня из Варшавы на далёкую азиатскую войну с неведомым доселе для России и, как показали уже первые бои, непредсказуемо-упорным врагом. Из письма Т. С. Вейнберг Б. В. Адамовичу от 18 июня 1904 года:

…Вчера получили твою неожиданную телеграмму. Ты нас огорчил. Только на днях Лиза писала, что ты принимаешь роту и потому неизвестно, удастся ли тебе просить отпуск в Петровцы. И вдруг такая перемена. Ждём подробностей. Лизу это ужасно опечалит, она так ждёт тебя. И мы радовались, что ты с детьми поживёшь. Знаю, что ты об этом тоже мечтал. Конечно, на всё воля Божья. Пишу в Петровцы, может и туда письмо не успеет. Всплакнули мы вчера. Будем молиться за тебя, и, может быть, Он будет милостив. Не забывай искренне любящую тебя друга Тасю. Дай Бог тебе избежать всего страшного. Ведь ты сам не очень крепкого сложения. Помни о нас всех, знай, что мы горячо любим тебя. Сколько радости доставишь нам, если чиркнёшь словечко… [560]

Из письма О. Ф. Вейнберг Б. В. Адамовичу от 15 июля 1904 года:

…Получила вчера вечером Ваше письмо, а раньше — «открытое» и телеграмму. Мы все любим Вас как дорогого, родного и искренне грустим о Вашем решении. Смотрю на Ваш портрет и плачу. Тася почти всякий день, как многие барышни и дамы, работает в Английском дворце: шьёт, пакует посылки для солдат (гимнастёрка, фуражка, бельё, мешочки с сахаром, чаем, табаком, мелочами)… [561]

Из телеграммы Лизы из Миргорода Борису Адамовичу в Варшаву от 17 июня 1904 года:

КАКИМ ПОЕЗДОМ БУДЕШЬ. ВСТРЕЧУ

Им действительно удалось свидеться и, обнявшись, молча простоять все 15 минут такой скоротечной стоянки на платформе маленького миргородского вокзала.

«Из походного журнала» Б. В. Адамовича:

27 июня 1904 года.

…В небольшой церковке на станции «Вязовая» на Урале я поставил свечу перед Голгофой и молился о тех, кто уже страдает, быть может расставаясь с нами навсегда… Проехали Златоуст и оказались в другой части света. Мы уже не там, где полк и всё родное, мы в Азии, за владения которой воюет Родина — *«Окно на Восток, которое едем оправить в железный косяк*[562].

2 июля.

…На ст. Кемчуг встреча с санитарным поездом. Первые жертвы Тюренченского боя. Тихо и задумчиво мы разминулись с этим составом. Обе стороны провожали одна другую грустным молчанием…

13 июля.

…Харбин, река Сунгари. 23 ½ суток в дороге — 8623 версты. Остановились в жилых комнатах 3-этажного каменного здания Управления Красного Креста…[563]

21 июля.

…В 6 вечера выехали поездом в Ляоянь. Миновали Мукден. Страшное скопление людей и обозов. Вода и грязь вокруг. 24-го вечером получили в штабе армии назначение в 123-й Козловский пехотный полк. 25-го к ночи на повозках и под дождём добрались до расположения части и, заменив погибших 18 июля в бою капитанов, приняли с Цабелем командование над 12-ой и 15-ой ротами…

Первая ночь боевого дежурства, датская от романтики войны:

…Холодно, о тёплом климате нет и помину. Дождь сечёт беспрерывно. Часто просыпаюсь и уже с 5 утра не сплю. Кое-где подмочило, тесно, грязно. Между нами, на сырой земле, завернувшись во что-то, спит и подрагивает мой денщик. Неизвестность обстановки. Всё чуждо… Мы стоим у деревни Сафанши на сухом русле реки Шахе, совершенно ровном и покрытом галькой. Полукругом к долине примыкают высокие сопки — остроконечные дикие вершины из монолитных гранитных массивов, где покрытых зеленью, где обнаживших дикие скалы или красные пятна песчаных осыпей. По вершинам всё время ходят облака, моросящие на нас дождём. За горами японцы…[564]

3 августа.

…Сегодня мы шли по маньчжурским дорогам во всём их ужасе периода дождей. То жидкая грязь, то липкая скользящая глина. Люди идут только по краям этих грязевых ванн, роты растягиваются. Передвигаться ужасно тяжело. Парит, как в бане, и опять ливень. Одолели 17 вёрст…[565]

12–13 августа.

…Подъём на Юдягоусский перевал. Впереди шёл бой. Японцы рвались с гор в долину Тан-хэ[566].

Ужасная, тягостная ночь на 14 августа. Сопку со всех сторон окружил туман. Начался дождь, захлестнуло холодной водой, зазнобило от сырости. Об огнях, кострах и палатках не могло быть и речи… Мы лежали на камнях, кутаясь в накидки. Вода стекала ручьями, внизу в лощине нежданно заревела река…[567] Не выдержав напора противника, 10-й армейский корпус с арьергардными боями отошёл на Ляоянские позиции. И началось сражение…

17 августа.

…Далеко за горами вправо прогремели выстрелы, но гул этого первого залпа не оборвался, как бывало прежде, а слился с новыми ударами и раскатами. Отдавало ли эхо в горах, врывались ли новые батареи в общий страшный хор, только грохот и раскаты росли, сглаживали для уха представление о стрельбе орудий и отдельных батарей и сливались в какой-то потрясающе-кипящий взрывами гудящий рокот… Без устали, без минуты вздоха эта ужасная канонада ревела, стонала, злилась, скрежетала, сея разрушение, гибель и смерть… Две силы бросались глыбами чугуна, свинца и стали…

…В 11 часов слышна жестокая перестрелка. Это не полк, не два — это громадное столкновение передовых пехотных частей. В 7 часов вечера по Божьей милости спустился туман, разразился ливень, тьма и мгла наступили раньше ночи. Стреляли уже только со злобы, не видя друг друга, но всё реже и реже и, наконец, замолкли совсем.

Было ли жутко на сопке? Это не был страх личной опасности, но боязнь неудачи, „скандала“ прозевать врага, позволить захватить себя врасплох, не суметь отбить какую-нибудь безумно-дерзкую атаку японцев…

18 августа.

…Почти без сна прошла и 6-я ночь. Стало быстро светать.

Знобило холодком. Нервы были так натянуты, что каждый звук, каждое слово и обращение звучали для меня как-то особенно резко и я чувствовал болезненность любого толчка, вызывавшего меня из инертности. Звук резал ухо, свет щурил глаза, тело болело каждой складкой кожи…[568]

И вдруг началось и у нас..! Музыка пуль как-то взбодрила меня и вызвала полное напряжение сознания и воли. В густом и высоком гаоляне было страшно душно. Солнце ожигало отвесно. Мы буквально продирались через чащу посадок. Крик первого раненого был ужасен. Шли прямо на выстрелы, на смерть.

Сквозь последние раздвинутые стебли увидели тёмные фигуры японцев и на мгновение застыли. И тут же в нас полыхнуло огнём в упор. Рота хлынула назад неудержимым водопадом. О том, чтобы остановить эту лавину, не могло быть мысли. Со стыдом и горечью я повернулся и сбежал по скату до первого уступа. Со мной оказались только четверо солдат из роты и пули, пули… Прострелены китель и шаровары. Как Господь уберёг — только ему и ведомо. И вновь отступление, теперь уже на Мукден.

…По улице тянулась страшная вереница окровавленных искалеченных людей. Раненых несут на плечах, на ружьях, на мешках за четыре угла и за ноги, на полотнищах палаток, на носилках из ружей с перекинутой шинелью. И всё это в крови…»[569]

30 августа.

…От сырости и холода у меня застонали спина и бока, заныли ноги, и я хоть и заснул, но протянул всю ночь в беспрестанном кошмаре, повторяющемся чуть не каждодневно после ляоянских дней. Мне казалось, что рота куда-то ушла, а я заспался, остался один на биваке и опоздаю в дело; и каждую ночь я вскакиваю по несколько раз. Что делать с нервами?..[570]

1–21 сентября.

…Все дни рыли окопы и укрытия для батарей у деревень Интань и Хуньхэпу перед Мукденом…[571]

Из письма Георгия Адамовича брату от 20 сентября 1904 года:

Милый, дорогой Боря! Давно не получали от тебя известий. Теперь мы будем писать тебе не вместе, как раньше, а по отдельности. Это гораздо лучше. Если одно письмо пропадёт, то, по крайней мере, дойдёт другое. Вова — юнкер Павловского

военного училища; так странно кажется, что он уже не кадет. Ходит к нам каждые воскресенье и среду.

В гимназии мне дали награду — книгу и похвальный лист, но книга не особенно интересная. Начали учить латинский язык; совсем не так трудно, как я думал, потому что все слова страшно по…. на французский. Третью часть твоего дневника мы ещё не получили. Пиши, как сможешь. Крепко целую, дорогой Боричка. Очень тебя любящий Жоржик[572].

22 сентября.

…В 5 часов утра, когда заря ещё едва наметилась, а тёмное небо было сплошь усеяно яркими звёздами, рота уже завтракала. Было холодно, вода замёрзла. С рассветом громадный караван гусей потянулся к югу. В 7 часов полк собрался у деревни. Солнце взошло, но ещё не грело. В 7½ мы выступили по Мандаринской дороге, составляя с N-ским полком и артиллерией правый авангард 10-го корпуса. Поля почти не убраны, одиночные печальные китайцы смотрят нам вслед. Переход в 16 вёрст до Сахэпу…[573]

25 сентября.

…Ночь прошла спокойно, ничего, кроме мороза, не беспокоило. Ручей за моим окопом замёрз, и солдаты разбивали котелками лёд, набирая воду. Сводило ноги, трясло…

28 сентября.

…В 5½ на постах, где-то впереди нашего правого фланга, началась перестрелка. Прошло 10 минут, и загремело *«ура»*… Стала понятна та ужасная картина, которая разыгралась. В темноте, таясь по низинам, неприятель подкрался, залёг и с рассветом двинулся в атаку: сонные люди схватились за ружья, затрещала пальба, но поздно! Враг всё ближе, грянул клич и сошлись на штыки…

29 сентября.

…Ночи между боями! Не они ли останутся после войны самым ужасным воспоминанием? Целый день идёт состязание нервов, заходит солнце, кончился огонь; вздохнёшь и в ту же минуту чувствуешь до чего же велико изнеможение. Хочется лечь, растянуться, закрыться с головой и забыться. Но в окопе полтораста людей сонных, небыстрых умом. Раздастся внезапно *банзай* — спросонок всё это шарахнется. И один ответчик — ротный командир.

День стоял ясный и ветреный. Вся правая четверть кругозора,

ярко освещённого солнцем, была охвачена боем: по небу, быстро распускаясь, неслись дымки разрывов. Как смерчи, ходили взбитые фанатами бурые фонтаны пыли и дыма. Из слившегося в непрестанный гул грома орудий долетало «ура…»

30 сентября.

…Отступали потрясённые впечатлениями боя и измученные бессонными ночами. Колонна двигалась с мучительными остановками, на которых какая-то сила отводила все мысли и заманивала одной, неотразимой и сладкой: опуститься на землю и мгновенно заснуть. Расстроенному мозгу начинает казаться, что всё идёт навстречу и надвигается громадной, давящей массой… Господь не помиловал! Налетели тучи, хлынул осенний ливень, и разразилась неописуемая, бесконечная гроза, точно остановившаяся над нами. Усталость приближалась к отчаянию. И во втором часу ночи люди ложились в грязь один за другим… [574]

1 октября.

…Мы сидели, не показываясь из окопа. Только наблюдатели стояли на флангах, следя за каждым снарядом. Холодно и сыро. Влево от нас и немного впереди отдельной вершиной поднималась Хоутхайская сопка. Клонило ко сну, страшная усталость подавляла впечатлительность. Но звонкий вой своих и японских снарядов непрестанно бередил сознание опасности и безжалостно мучил.

В 2½ часа дня началась ужасная, гремящая, воющая и грохочущая артиллерийская дуэль. Над окопами водворился ад. Одна из шрапнелей разорвалась с таким металлическим звоном, точно в небе повстречались и разбились вдребезги два громадных медных таза, бросив в нас сноп свинцовых пуль. Удар за спиной полыхнул в окоп огнём и гарью. С дымом осыпалось облако выброшенной земли. Нас так тряхнуло и оглушило, что на секунду жизнь была отнята. Сознание вернулось, но только чтобы опять оборваться на втором и третьем таком же ударе…

2 октября.

…К 4-м часам утра разгорелся горячий бой. Было совершенно темно. Японцы стреляли залпами тем огнём, какой можно вести только с последней стрелковой позиции перед ударом в штыки. Наши роты всей первой линии отвечали тем же.

Впереди по всей линии Шахэ всё громче гремело сражение, напоминавшее по громадности пространства и силе огня ляоянские дни… [575]

7 октября Борис Викторович на пределе сил участвовал в бою при занятии деревни Сахэпу. Полное расстройство здоровья (окопная болезнь) вынудили его, пройдя ночью со своим денщиком более 10 вёрст, просить помощи в полевом лазарете на ст. Угольная. И здесь, в Богом забытых сопках, он лицом к лицу встретился с… матерью — сестрой милосердия 26-го подвижного госпиталя.

С 10 октября по 18 ноября капитан Адамович восстанавливал силы в Харбине. На больничной койке его и нашла первая в жизни боевая награда — Орден Св. Станислава 3-ей степени (с мечами и бантом) за отличие в боях с 13 по 25 августа у деревень Цегоу — Юдягоу — Таампин, в Ляоянском сражении, в занятии Сыквантуньской и Нежинской сопок.

По выздоровлении *«впредь до вызова на юг»* он был прикомандирован к разведывательному отделению Штаба военноокружных управлений Маньчжурских армий, располагавшемуся в здании Управления КВЖД в Харбине.

Из писем Георгия Адамовича брату от 11 и 25 октября 1904 года:

Дорогой, милый Боричка!

Извини, что давно не писал. Олюша напишет на днях. Мы уже больше месяца не получаем от тебя писем и дневников. Зима у нас началась рано: уже выпал первый снег, мороз, но ездят ещё на колёсах. Получили письмо из Петровцы. Собака и кошка живы, и венок на могиле папы, который мы отнесли перед отъездом, сохранился.

Учение моё идёт хорошо. Вова ходит в отпуск исправно, но в 6 утра его надо будить, так как он должен быть в училище к обедне. К лету уже и война, наверное, кончится. Ты вернёшься, и мы все, как Бог даст, поедем в Петровцы. Даже не верится, что это может быть! Очень Тебя любящий Жоржик[576].

Штабная работа за 490 вёрст от Козловского полка, в котором продолжал воевать лучший друг Константин Цабель, не прельстила Бориса Викторовича. Мы не знаем причин его невозвращения в свою роту после болезни, но в переводе капитана Адамовича поближе к фронту — в штаб 3-ей Маньчжурской армии — свою роль сыграло знакомство его матери (по линии Красного Креста) с командующим — генералом от кавалерии бароном А. В. Каульбарсом. Этот факт косвенно подтверждает телеграмма Надежды Александровны сыну от 22 декабря 1904 года:

МОГУ ГОВОРИТЬ С КАУЛЬБАРСОМ. [577]

А из Петербурга доходили страстные мольбы:

МИЛЫЙ, ДОРОГОЙ, ДВА МЕСЯЦА НЕТ ПИСЕМ. ИЗМУЧАЛАСЬ.

ЛИЗА.[578]

В начале января 1905 года разыскала бывшего командира роты и вторая боевая награда — орден Св. Анны 3-ей степени (с мечами и бантом) за бои в Тахейском сражении: 26 сентября в отряде полковника Соломко, 28-го в отряде генерал-майора Рябинкина, 1 октября в ночном бою на Хоутхайской сопке и 7 октября в занятии деревни Сахэпу.

«Из походного журнала».

19 января 1905 года.

…В штабе тревожное и тяжёлое настроение — вести одна хуже другой. Правый фланг 2-ой армии после боёв с 12 по 16 января при Сандепу отступил. Потери до 12 тысяч. Раненые замерзают и гибнут. Генерал Гриппенберг из-за разлада с Главнокомандующим отказался от командования 2-ой армии и с разрешения императора выезжает в Петербург с докладом…

27 января.

…Годовщина начала войны и ненормальной жизни. Как не поверили бы мы год назад о всех предстоящих несчастьях. Мечтали о походе в Корею, о разгроме неприятельского флота, о наказании азиатов за дерзкое нападение. А сегодня…[579]

К сожалению, Б. В. Адамович, несмотря на общение с пленными японцами и вопреки очевидности, не избежал свойственной подавляющему большинству гвардейских офицеров пренебрежительной и оттого ошибочной и несправедливой оценки упорства и стойкости воинов микадо.

29 января.

…Я с тайной радостью чувствовал, что, невзирая на все их победы и ореол таинственной силы, которыми они окружены, для меня — русского офицера — он не товарищ и не ровня, и я безотчётно и неожиданно для себя самого иначе, как покровительственно, не могу к нему относиться. При общении с ним во мне слышалась наша непобедимость, наше торжество и

превосходство духа над сильным только пока, но не навеки врагом…[580]

Приказ «О прикомандировании капитана Адамовича в распоряжение командующего армией барона Каульбарса» пришёл в Штаб тыла армий в период сосредоточения японских войск у Мукдена для решающего сражения.

24 февраля.

…Мы едем «на юг». Уже получено известие, что последние ужасные бои и прорыв фронта завершились отступлением армий вплотную к Хуньхе. Куропаткин перенёс свой штаб в Телин, и Мукден с минуты на минуту может перейти к японцам…

25 февраля.

…Навстречу идут только одни санитарные поезда полные искалеченных людей — розовые бинты «индивидуальных пакетов», перевязанные головы, подвязанные руки, солдаты, опирающиеся друг на друга. Истомлённые, исстрадавшиеся лица… Печальные картины, не бьющие уже по нервам, как в начале войны. Люди наполовину в китайских халатах, в безобразных тулупах. На головах китайские колпаки, у многих тряпки, косынки. Толпа несчастных жалка и, только зная её, можно не спрашивать, кто они?..

1 марта. Ст. Шуанмяодзы.

…Мукден оставлен. У вокзала полного народу формировались поезда. Раненые, которых без конца подвозят с позиций, железнодорожные служащие. На перроне кровь и сброшенные повязки, крики и стоны; на носилках, на одеялах проносят искалеченных; бродят, как тени больные… И тут же маркитанты и буфетчики, разбивая груды ящиков, распродают товары. Покупатели носят в охапках и на штыках колбасы, копчёную рыбу, ящики с сигаретами. На платформы грузят мостовые фермы, железнодорожные стрелки, запчасти, уголь; на них лезут люди с сундуками, кроватями, посудой; садятся на тормозные буферы, на крыши, площадки между вагонами. Вокруг вокзала биваки, обозы, хлебопекарни, горят склады. Солдатам раздают ящики шоколада, толчея. Около 6 вечера ушёл на север и поезд Главнокомандующего.

В голой комнате брошенной квартиры я представился генералам барону Каульбарсу (с конца февраля командующему 2-ой армии, вместо Гриппенберга) и начальнику штаба Рузскому и получил назначение в генерал-квартирмейстерскую часть штаба

армии в Маймайкае…

2 марта. Ст. Кайюань.

…Оставлен Телин. Жгли всё — дома, сено, горы муки, овса. Едкий дым, взрывающиеся патроны, груды ящиков продовольствия.[581]

6 марта. Ст. Куанченцзы.

…Наши потери под Мукденом… 89 тысяч, в том числе 21 тысяча пленными. Главнокомандующий Вооружёнными силами Дальнего Востока генерал от инфантерии Куропаткин смещён со своего поста и назначен командующим 1-ой армии. Новый Главком — генерал от инфантерии Линевич…[582]

13 марта. Маймайкай.

…В штаб армии приехал Костя Цабель, с которым мы не виделись 5 месяцев. Испив всю чашу страданий полевого офицера, он уже командовал 4-м батальоном Козловского полка, но как гвардеец отказался от производства в подполковники по армейской пехоте. За бои на реке Шахэ с 5 октября по 5 декабря представлен к Св. Станиславу (с мечами) на шею и бантом в петлицу, а за Мукденские бои — к Св. Владимиру 4-ой степени с мечами…[583]

9 апреля. Ст. Годзядянь.

…Эта война довольно показала нам, как велико значение разведки и военных хитростей. Мы как-то брезгливо отворачивались от этих приёмов мирных попыток обучения войск во время маневров, считая их игрушками и чем-то ниже серьёзной работы. Мы запрещали переодевания, подсылку на биваки неприятельской стороны отдельных разведчиков, перехват депеш с чужих проводов, пользование донесениями невоюющих лиц, захват и допрос пленных и многое другое, что само собой понятно. Но правильно ли это?..[584]

16 мая.

…Цусима. Последняя надежда нашей победы рухнула. Адмиралы Рожественский и Небогатов в японском плену. Грустная нота разочарования и безверия. Война не дала России ни одного бесспорно популярного командующего. Слухи о мирных переговорах…[585]

31 мая.

…Россия и Япония ответили президенту США Т. Рузвельту,

что его мирные предложения приемлемы. Не сомневаюсь ни минуты — мир решён. Первое чувство — щемящее и тяжёлое…

1 июня.

…Слух о назначении уполномоченного для первой встречи в Вашингтоне подрывают всякую охоту за что-либо браться. Да и зачем? И смотришь на все наши средства и возможности борьбы как на лекарства, оставшиеся после смерти больного. Мысль о возвращении после позорного мира всех тяготит…

3–6 июня.

…У генерала Мищенко был бой с 4 до 8 утра. Японцы перешли в наступление, сбили его охватом флангов и заняли Ляоянвопу. Мы стоим и только прислушиваемся на две стороны: на японские авангарды и на петербургские слухи. Армия просто затихла…[586]

Из почтовой открытки Веры Вейнберг, сестры Елизаветы Семёновны, от 4 июля 1905 года:

…Поздравляем с Днём ангела. Лиза читает нам твои дневники. Это такое интересное занятие. Володя скоро будет офицером (говорят к Рождеству). Вера[587].

Задумываясь о причинах полного поражения армии и флота в войне, Борис Викторович, не поднимаясь (в силу своих монархических убеждений) до обвинения правящей династии в случившемся, приходит независимо от опального генерал-адъютанта, бывшего Военного министра и Главнокомандующего А. Н. Куропаткина к аналогичному выводу: *«Война требует позиции общества»* — напряжения всех сил государства, а не только одной армии. Как бедствие отмечает капитан Адамович поведение призванных в армию из деревень «запасных» — мёртвых духом, враждебных всякому порядку, считающих воинскую повинность насилием, а службу под знаменем — рабством!

В качестве штабного офицера он выезжает с командующим на многочисленные смотры частей армии, ротные полевые учения, показательные артиллерийские стрельбы, осмотры госпиталей или работ по укреплению позиций войск. Во время таких инспекций он близко знакомится: с 26-летним сотником Отдельного дивизиона разведчиков, добровольно, как и он сам, напросившимся на войну в частях Забайкальского казачьего войска, бароном Петром Врангелем (будущим генерал-лейтенантом, последним Главкомом Русской армии); с войсковым

старшиной 1-го Читинского казачьего полка — князем Арсением Карагеоргиевичем — братом сербского короля Петра I и дядей будущего короля Югославии Александра I; с прусским принцем Леопольдом-Генрихом, внуком первого германского императора Вильгельма I. Сказались всё-таки курляндские корни предка матери — Клауса Франка.

А вот каким запечатлела его память талантливого военного писателя, спецкора «Русского Инвалида» и будущего атамана Белого Дона:

> …П. Н. Краснов выделялся изяществом и свежестью своей жёлтой шведской куртки с серебряными пуговицами, погонами и фуражкой лейб-гвардии атаманского полка; выглядел он серьёзно и озабоченно и, казалось, что непрестанно занося заметки в красивую записную книжку, набрасывал сегодня не такие, как всегда, радужные картины боя…

В конце июля — начале августа 1905 года, уже после начала мирных переговоров с Японией в Портсмуте, капитан Адамович участвовал в последних на этой войне боях. Направленный в качестве офицера штаба армии в отряд генерала Грекова с приказом о проведении усиленной разведки боем японских позиций, он оказался в центре неожиданного опережающего лобового нападения противника на этом участке фронта.

Атака была отбита. И 1 августа в 5 утра отряды генералов Грекова, князя Орбелиани, полковника Орановского, войскового старшины Шимкина прорвали линию фронта. Пройдя по японским тылам и захватив пленных, они успешно выполнили поставленную задачу. Обстоятельный доклад порученца лично командующему о результатах боевой операции вызвал полное его одобрение.

16 августа.

…Мирные переговоры кончены. Уступка — южная половина Сахалина. Сели за обед и не знали о чём говорить. Если кого и радовало известие, то общее чувство обиды, сознание неудачи, бесплодности ужасного жертвоприношения было слишком тягостно, чтобы осмелиться поздравлять друг друга. Не так встречался мир за Балканами победоносными полками.

Армию всё больше охватывает болезнь истомлённых, понурых людей. Повальный тиф собирает свои жертвы и наводит уныние. Только и слышно о заболевших офицерах, сёстрах, врачах. Солдаты «валятся» сотнями… Эпидемия бродит между нами. И становится страшно: неужели суждена и мне эта доля? Для

солдат война — стихийное бедствие и зло, неизвестно зачем насылаемое Господом. И как бы она ни кончилась — в конце её они видят только милость и счастье…[588]

20 августа.

…Годовщина боя на Сыквантуньской сопке — одного из ужасных пережитых дней. День в день и минута в минуту с началом вечерней атаки — телеграмма из Петербурга:

БЛАГОДАРЮ БОГА. СЧАСТЛИВА. ЖДУ. ЛИЗА[589].

После подписания Портсмутского мирного договора барон Каульбарс, назначенный государем к месту прежней службы в Одессе, стал прощаться с армией, определив дату отъезда. Капитан Адамович, занятый оформлением и подготовкой к отправке личного архива командующего, получил предложение присоединиться к его ближайшей свите для проезда до Москвы.

Борис Викторович провёл вечер и ночь в ставшем родным Козловском полку, простился с его офицерами, со своей ротой, с Костей Цабелем, с матерью в госпитале 1-й армии в Херсу и 8 сентября отбыл в генеральском вагоне в Россию.

> …Харбин — граница с Китаем — переезд через Байкал на ледоколе-пароме — Иркутск и первое после войны посещение местного театра. На станции «Обь» купил несколько номеров «Русского Инвалида»[590] со своей статьёй «Новое в ротной тактике» (по результатам смотров и учений командующего). Вечером за чаем читал её вслух Каульбарсу: …Дисциплина — религия армии. Одиночная выправка, внутренняя и гарнизонная службы, строй, парад и церемония — остаются полем для муштры, гуманной в приёмах, но неумолимо настойчивой. Офицер — учитель и воспитатель не только в часы занятий, а и во всякое время дня и ночи. В казарме надо только муштровать и учить «приготовительным упражнениям», но всё боевое вынести в поле, в зиму и лето…
>
> Омск — Челябинск — Уфа — Самара — Тула — родной Подольск, где прошло детство, — Пахра — Царицыно — Москва. Поехали к Иверской, поставили свечи, поклонились иконе. Я благодарил за возвращение и, точно лицом к лицу перед Родиной, сказал ей «Прости»…
>
> Прямо перед часовней уличный бунт — забастовка, студенты, жандармы, войска… Вот они! Наши *«братья»,*

«сыны отечества», которые 1 ½ года развращали армию! Так прямо и встретились в первую же минуту. В святом Кремле — лампада и венки на месте убийства великого князя Сергея… Обагрённая романовской кровью, мятежная, злобная Москва.[591]

Распад семейства

Со смертью жены Фёдора Филимоновича рассеяние некогда большого семейства Колмогоровых ускорилось. В доме Александра Филимоновича на Царской поселился некто Клейнмихель, дававший в своей квартире уроки новейших танцев[592]. Вскоре в газете появилось ещё одно объявление: «Отдаётся квартира (верх) в каменном доме ТД „Ф. С. Колмогорова Наследники“ на Царской. Спросить в конторе за рекой»[593]. Сам Торговый Дом, видимо, ещё в полной мере занимался кожевенным производством, так как получил разрешение городской думы на прокладку водовода *«по улице от Туры к заводу»* [594].

Недвижимое имущество «Наследников Ф. С. Колмогорова» в 1903 году являлось одним из крупнейших в городе и оценивалось выше, чем у И. И. Игнатова, Н. М. Давыдовской и даже А. И. Текутьева[595].

Но на пороге уже стоял XX век, и патриархальная Тюмень стремительно растворялась в прошлом. Всё чаще и чаще уходили в забвение её уважаемые и славные граждане. На руках прислуги скончался вконец разорившийся бывший городской голова и меценат-благотворитель — 80-летний П. И. Подаруев[596]. После торжественных похорон Н. М. Чукмалдина буднично простились с городским предводителем А. А. Мальцевым [597] и всем миром проводили М. Р. Клерикову. В Зареке (угол Мостовой и Б. Заречной) проходила аукционная продажа имущества купца Н. А. Барашкова[598], а в Текутьевском театре шли первые сеансы «цветных картинок» синематографа Люмьера[599].

С началом Русско-японской войны патриотическое движение по оказанию помощи армии захватило и Тюмень. Первые пожертвования на нужды раненых в городской Дамский комитет составили 1481 рубль только за период с 15 по 23 февраля 1904 года, в том числе 300 — от братьев Колмогоровых[600]. М. Е. Колмогорова передала дополнительно и 25 пар кожаных туфель[601]. Не остались в стороне и рабочие завода Колмогоровых, внеся в фонд 27 рублей 40 копеек собранных ими средств[602].

7 марта в здании городской управы создаётся Попечительный совет по оказанию помощи семьям нижних чинов Тюмени и уезда, призванных на действительную службу. Ф. Ф. Колмогоров совместно с И. Е. Решетниковым избираются в его состав[603]. По подписному листу № 1 на содержание особого лазарета от Тобольской губернии для раненых воинов вносит 200 рублей и

ТД «Ф. С. Колмогорова Наследники»[604].

23 апреля уходит из жизни главная хранительница семейного очага Колмогоровых — 72-летняя потомственная почётная гражданка Парасковия Фёдоровна, упокоившись рядом с мужем на Заречном кладбище. Из некролога в «Сибирской Торговой Газете»:

…Многие помянут добрым словом и будут оплакивать кончину известной благотворительницы и члена разных обществ, находив в ней помощь и утешение в тяжёлые минуты жизни. Sit tibi terra tevis, добрый человек. «Да будет легка над тобой земля».[605]

Вероятно, к лету 1903 года относится отъезд из Тюмени сына Александра Филимоновича Григория Колмогорова с семьёй. Общее состояние его здоровья и прогрессирующая болезнь лёгких потребовали переезда в более благоприятный в этом отношении степной Семипалатинск.

Косвенным подтверждением этого факта служат многократно повторенные объявления в городской газете «об отдаче квартиры в доме А. Ф. Колмогорова за Тюменкой (верха, а потом и низа) в наём»[606].

Достоверно известно, что именно в Семипалатинске у Григория Александровича родился третий ребёнок — сын, названный в честь дяди Фёдором. Встречаем мы фамилию Г. А. Колмогорова, исполняющего должность (за неимением чина) помощника делопроизводителя 1-го стола по первому отделению областного правления, и в адрес-календаре Семипалатинской области на 1904 год[607].

Между тем кожевенное производство Тюмени приходило в упадок. Впервые за 35 лет упал привоз сырых яловых кож даже на Нижегородскую ярмарку 1904 года (с 500 000 до 115 000!)[608] В условиях начавшегося экономического кризиса, войны и первой русской революции поставки для военного ведомства были отданы крупным предприятиям. Вятские кожевенники, напротив, потратив десятки тысяч рублей на изучение рынков сбыта, открыли новые заводы и увеличили производство в несколько раз, закупая сырые шкуры в значительных количествах на тюменской ярмарке «Табор». По свидетельству городского головы А. Н. Текутьева объём их продаж в 1907 году составил 3 467 936 штук, а в 1909–350 000 пудов!

Обошли вятичи тюменцев и в цене готового товара. Даже на сибирских приисках тюменские *бродни* были вытеснены кунгурскими *бахилами.* Недовольство неустойчивостью сортов и недоброкачественностью тюменского товара проявляли и дальневосточные фирмы[609].

В городской газете появились такие объявления: «Продаётся дом с заводами — овчинным, кожевенным и пимокатным, надворными службами и местом земли за рекой по Береговой улице. Обращаться к владельцу М. С. Рылову»[610]; «29 июня сгорел за городом овчинно-шубный завод А. М. Рылова»[611]; «На днях 1-й гильдии купец А. И. Текутьев закрыл вальцевую крупчатную мельницу, выдал двухнедельный заработок работникам и решил окончательно ликвидировать своё огромное дело[612]».

Революция докатилась до Тюмени 14 октября 1905 года забастовкой служащих Пермской железной дороги. Манифест Николая П «О даровании свобод собраний» от 17 октября вылился в городе в митинги, шествия, но без погромов, беспорядков, волнений и побоищ, имевших место в Томске, Екатеринбурге, Челябинске, Перми и Красноярске.

Митинг учащихся 19 октября в здании женской гимназии, собравший более 360 человек, полностью остановил учебный процесс. Семейно-педагогическому кружку удалось подвергнуть травле и устранить от директорства Александровского реального училища даже «*Барбоса*» — действительного статского советника и кавалера И. Я. Словцова, отдавшего педагогической деятельности 26 лет жизни![613] В 1906 году заслуженный археолог, географ и коллекционер вышел в отставку, покинул Тюмень и через год умер в С.-Петербурге.

21 октября толпы демонстрантов прошли по улицам нагорной части, перекинувшись затем в Зареку и Затюменку. Пытаясь избежать беспорядков и смягчить остроту ситуации, отцы города решились на ряд мер: обратились к заводчикам с просьбой о предоставлении на своих предприятиях помещений для разъяснения работникам положений царского манифеста. При этом Г. Ф. Колмогоров, проведя уже не одну беседу с рабочими, предложил себя в качестве лектора; создали 11 ноября Союз *самоохранения* города (в помощь полиции) под председательством Ф. Ф. Колмогорова с выдачей ему 100 револьверов, берданок и придачей конных разъездов в нагорной части города; открыли кредит в 50 000 рублей для предотвращения возможных остановок механических заводов Ятеса, Фрума и Машарова[614].

Торговые Дома «И. П. Колокольникова Наследники», «Ф. С. Колмогорова Наследники» и АО «Товарпар»[615] жертвуют средства на ночлежный дом и в помощь семьям нижних чинов, призванных на военную службу.

Но события революционных лет и проигранной войны не отбили в тюменских жителях охоту к мирным увлечениям. Организовавшийся ещё в мае 1902 года Кружок любителей

пчеловодов[616] арендовал заимку Ядрышникова для посева медоносов и благополучно дожил до съезда любителей пчёл всей Тобольской губернии. Мероприятие состоялось 19–20 декабря 1904 года в деревне Зырянской на базе местного общества. В августе 1905 года там прошли и курсы пчеловодов, число которых в уезде выросло до 85 человек[617].

22 октября в управе открылось и учредительное собрание самого Городского общества (25 человек), избравшее своим председателем учителя К. Хавского[618]. Г. Ф. Колмогоров, принимая участие в его деятельности, предложил для музея помещение бывшей читальни в Зареке и сад при ней для установки ульев[619]. 11 декабря в школе ТД «Ф. С. Колмогорова Наследники» (Береговая, № 29) прошло очередное собрание новой организации.

Накануне страстной недели — 20 марта 1906 года — внезапная смерть обрывает жизнь 49-летнего потомственного почётного гражданина и кавалера Григория Филимоновича…

Из некролога:

… Ушёл от нас видный общественный деятель нашего города и крупный коммерсант-заводчик, один из представителей старинного тюменского купечества, сын известного в Сибири кожевенного мастера Ф. С. Колмогорова. Благодаря энергии и знаниям он совместно с братом Александром перестроил и усовершенствовал кожевенный завод отца, ставший образцовым. Его кошелёк и сердце всегда были открыты прогимназии. Обязан город покойному и появлением в нём газеты. Много хорошего делал он без крику, шуму, тихонько и основательно. Имя твоё долго не изгладится из памяти тюменской женщины, образованию и развитию которой ты так много старался. Матери, передайте своим дочерям память об этом скромном человеке… [620]

Похороны Г. Ф. Колмогорова состоялись 22 марта после отпевания в Воскресенской церкви. Священник отец М. Иноземцев произнёс небольшую речь перед собравшимися проститься представителями городского общества и гимназистками. Много рабочих провожали прах до семейной усыпальницы Колмогоровых на Заречном кладбище[621].

С безвременной кончиной Григория Филимоновича единственным директором-распорядителем недвижимости и капиталов ТД «Ф. С. Колмогорова Наследники» становится бездетный вдовец Фёдор Филимонович. Но, не обладая энергией и хваткой коммерсанта, он видит своё будущее на общественном поприще… в самой столице империи!!!

В возможности такого развития событий его, видимо, убедили лавры избранного от Тобольской губернии в члены первой Государственной думы выпускника Московской практической академии коммерческих наук, личного почётного гражданина, распорядителя и члена ТД «И. П. Колокольникова Наследники» — С. И. Колокольникова, одного из авторов «Выборгского воззвания» к народу.

С досрочным роспуском народного парламента Ф. Ф. Колмогоров выставил свою кандидатуру в губернские выборщики нового состава Думы от Торгово-промышленной партии[622] (совместно с городским головой А. И. Текутьевым). Но, увы, во вторую Государственную думу от Тюмени был избран лесной ревизор из Тары — В. В. Колокольников[623].

13 июня 1906 года на третьей полосе «Сибирской Торговой Газеты» жители города с удивлением читали следующее объявление: «ТД „Ф. С. Колмогорова Наследники“ продал свой кожевенный завод ТД „Молчанов и Собенников“ из Нерчинска Забайкальской области». В это не хотелось верить…

Но первые полосы последующих номеров газеты рассеяли все сомнения: «Кожевенный завод ТД „Ф. С. Колмогорова Наследники“ в Тюмени перешёл в полную собственность нашего ТД „Собенников[624] и Бр. Молчановы“ в Кяхте. Работы на заводе начались, и в начале 1907 года будут выпущены на рынок товары. Управляющий, мастера и состав служащих остаётся прежний»[625]. Однако, каменный особняк Колмогоровых в Зареке не был продан новому владельцу завода из *«песчаной Венеции»* и остался в собственности семьи, как и 2-х этажный дом на Царской, сданный внаём с конца 1905 года лесному ревизору и нахлебникам-реалистам младших (средних) классов[626].

В 1907 году совместное имущество наследников Филимона Степановича оценивалось в 47 500 рублей, помимо личного имущества Александра Филимоновича, Фёдора Филимоновича и Марии Евменовны Колмогоровых.

Мы не знаем точной даты отъезда из Тюмени Фёдора Филимоновича, но, по всей видимости, это произошло в 1907, так как в 1908 году титулярный советник Ф. Ф. Колмогоров проживал в С.-Петербурге в доме 21 по Ковенскому переулку[627].

В 1909 году вдова коллежского секретаря Г. Ф. Колмогорова Мария Евменовна переехала на жительство в Москву и поселилась на М. Спасской улице в доме Елизарова № 2/3[628]. В 1911 году по этому адресу с ней проживали 20-летний сын Владимир (потомственный почётный гражданин) и 17-летняя дочь Вера Колмогоровы[629].

Таким образом, из всех детей и внуков Филимона

Степановича в Тюмени на 1911 год оставалась лишь 24-летняя дочь Г. Ф. Колмогорова Екатерина Григорьевна.

«Бог даст, я поднимусь…»

В четверг 30 марта 1906 года после двухлетнего отсутствия Надежда Александровна вышла из вагона курьерского поезда на перрон Варшавского вокзала Петербурга. Носильщик услужливо подхватил два её чемодана. Основной багаж, 10 мест весом почти в 26 пудов, был заблаговременно отправлен ею ещё в конце октября 1905 года из Харбина и, вероятно, давно пылился где-то в станционных пакгаузах Московского вокзала.

Взяв на площади извозчика, она велела отвезти себя в меблированные комнаты «Пале-Рояль» на Пушкинской улице — пристанище людей свободных профессий, где решила временно остановиться до найма новой квартиры.

Двигаясь по улицам в череде экипажей, Н. А. Лухманова равнодушно взирала на родной с пелёнок, но такой холодный и чуждый ей теперь город. Волны недавних событий обволакивали сознание, притупляя восприятие окружающего… Ляоянские и мукденские бои, Телин, Сыпингай, Херсу, Харбин, Владивосток. Двухмесячное путешествие по южной Японии: Нагасаки, Кобе, Иокогама, где она жила во французском пансионе «Дентичи», Токио. Встреча Рождества с пленными офицерами Небогатовской[630]эскадры в запущенном и обветшавшем загородном дворце Чизакуин в Киото. 34-дневный переход морем на первоклассном океанском пароходе «Цитян» до Неаполя, где когда-то в квартире бывшего вице-консула Сипягина она была участницей спиритического сеанса знаменитого медиума Евзонии Палодино… За окном поезда проплывали вечные пейзажи Италии, чередуясь с *«застывшей музыкой»* Рима, Флоренции, Болоньи, Падуи… Из глубин памяти всплыла строчка дневника юной художницы трагической судьбы Марии Башкирцевой: «… Италия в сопоставлении с другим миром то же, что великолепная картина в сравнении с выбеленной стеной…»

Один из её чемоданов переполняли рукописи и наброски литературных статей, японских и китайских сказок, рассказов, путевых впечатлений и наблюдений — фрагментов задуманной книги о Японии:

…Конечно, большую часть моего времени и самое напряжённое внимание в этой стране я отдала школам. Где же ещё, как не в этом зерне всей гражданской жизни, было искать объяснение того необыкновенного подъёма духа и яркого проявления патриотизма, которые так сильно поражали нас в японцах за время последней войны.

Начальное образование в Японии поставлено удивительно хорошо. Уже то, что дети бегут на занятия как на праздник, доказывает, что для них учебное заведение есть второй отчий дом. Пользуясь добротой православного священника (японца) — настоятеля нашей церкви и большой женской школы в Киото, я была принята директорами нескольких женских и мужских подобных заведений, осмотрела их детально и получила все нужные объяснения.

В основе всего их воспитания лежит развитие патриотизма — чувства любви к Родине, уважения к её законам, полное знание истории страны, в которой ярко отмечаются всё славное, все имена героев. Большое внимание обращено на иностранные языки, в особенности английский, на гимнастику, танцы, словом на всё, что может развить не только ум, но ловкость и физические силы ребёнка.

Зимою в 8 часов, летом в 7 утра по улице слышен дробный стук «*скамеечек*», служащих обувью японцам, и громкий весёлый смех бегущих детей. У каждого в руках несколько книжек, тетрадей и деревянная коробочка «бенто», в которой завтрак, состоящий из варёного риса и зелени, сухих рыбок, сок и какой-нибудь фрукт, по времени. Завтрак может быть сварен более или менее искусно, но продукты, форма и их количество одни и те же у всех.

Костюмы детей мало разнятся по качеству материала и однотипны в покрое.

Даже маленькая принцесса крови Кайономия, которую я видела в одной из школ, и та на вид решительно ничем не отличалась от своих подруг. Директор рассказал мне, что когда по праздникам ученики приходят навестить его и поздравить, то только тогда проявляется громадная сословная разница по цене и качеству материи и украшений на них. Но даже и в этом случае учителя стараются советом сдерживать в подростках всякое щегольство. «Школа ровняет все недостатки и выделяет только сокровища ума и души» — это аксиома!

Дети относятся к каждому посетителю без малейшей робости или жеманства.

Нет ни насмешек, ни любопытства. Все весело радушны и на каждый вопрос, предложенный посетителем через учительницу, отвечают охотно и бойко.

Что поражает в гимнастике и танцах — удивительная дисциплина и способность малышей к одновременности движений. Всё делается в один звук, в один миг. Вы поражены чем-то единым, слитным, цельным, как будто всю эту разнохарактерную группу приводит в движение один механизм.

Все глаза устремлены на учителя, каждый старается сделать движение как можно лучше и отчётливее. Напряжённо-сосредоточенное внимание объединяет всех в одну волю и как бы в одно тело…

«Какая самая счастливая страна на свете?» — спрашивает учитель географии на уроке, и весь класс в голос отвечает — «Япония!». «Почему?» «Потому, что в ней царствует свобода и справедливость!» «Кто самый великий человек в мире?» «Того!»[631] — гремят детские голоса, и имя его пишется на доске по-английски упрощённым японским шрифтом и китайскими иероглифами. И так, что бы ни преподавали, о каком бы предмете ни шла беседа, везде красной нитью проходит восхваление Родины. И в песне, с которой в перерыве учения мальчишки высыпали из класса, звенело всё тоже: «Из всех цветущих деревьев нет краше цветущей вишни. Из всех сословий славного народа японского нет выше благородного воина. Слава, слава ему, Банзай!..»

Религия в школах не преподаётся совсем. Она заменяется сознанием разума, включающим три основных понятия: почитание умерших предков и старание поддержать покой их душ честными и добрыми делами; любовь к Родине, готовность отдать за её процветание и славу свою жизнь и имущество; развитие в себе трудолюбия, честности и довольства своим положением.

Вот качества, которыми японская школа в корне отличается от всякой европейской. Из недостатков, с нашей точки зрения, производит неприятное, хотя и поверхностное, впечатление это полное отсутствие носовых платков не только у школьников, но и у преподавателей. Второе — это европейский костюм преподавателей, оставляющий желать лучшего, но претендующий на придание себе особой важности[632].

…Японцы усваивают только те достижения европейской культуры, которые могут идти на пользу и развитие самой Японии, не расшатывая её устоев и не изменяя ни в чём коренном. Из всего взятого ими от Европы они учатся извлекать максимальную пользу, как сок из плода. Новое и необычное умело используется, но вовсе не ассимилируется в их жизни. Японец всегда остаётся самим собой, как высоко он ни был бы цивилизован.

На «…Цитяне» первым классом ехало 10 японцев. Это были представители высшей бюрократии, направлявшиеся в столицы старой Европы для совершенствования в языках, изучения порядков почтово-телеграфного и медицинского ведомств. Все прилично говорили по-английски, некоторые по-французски и по-немецки. Это были в полном смысле слова джентльмены, но…

только от 11 утра и до 10–11 вечера. К обеду все выходили в смокингах с цветком в петличке. Их мягкие тонкие рубашки были изящны, галстуки завязаны идеально, и только раскосые, жёсткие или лукавые глаза да редкая щетинка коротких усов, торчавших, как кисточки в дешёвых детских красках, непокорная чёрная щетина волос головы, жёлтая кожа и широкие скулы выдавали их настоящую расу. За столом они безукоризненно ели вилкой и ножом все европейские кушанья.

Зато от 11 вечера до 10 часов утра это были самые дикие макаки, казалось, только что сорвавшиеся со священных гор Ниско. Меня и других дам, занимавших каюты рядом с японцами, капитан предупредил просьбою не выходить на нашу верхнюю палубу до 11 утра, так же, как вечером и ночью. Причина тому была очень простая. Японцы, находя, что в каютах слишком душно, выходили на свою палубу и спали совершенно голыми, подостлав под себя халаты. Каждое утро они в таком же первобытном костюме занимались там спортивными играми и гимнастикой с таким хохотом, криком и визгом, что весь громадный «Цитян» знал — японцы играют. В честь победителя раздавались дикие, гортанные крики, напоминавшие всем нам (европейцам), что это потомки самураев.

Замечательно, что любой японец после 12 часов дня бросался поднять даме уроненный платочек и галантно при какой-нибудь остановке парохода подносил ей цветы. Но утром, пока он был японец, не обратил бы внимания, если бы она упала, поскользнувшись на палубе. Теперь, по его понятиям, это была только женщина, то есть существо настолько низшее, что в общественном мнении стыдно было бы мужчине обращать внимание на её присутствие.

Надо было видеть японцев, когда они с восторгом снимали с себя лакированные башмаки, английские шёлковые носки и, засунув босые ноги в деревянные колодки, цокали ими с особым наслаждением по настилу палубы. В эти часы свободы это были настоящие дети своей страны, своего солнца, истые ненавистники каждого европейца.

Вот и оказывается, что японец, органически связанный со своими предками, землёй, обычаями, сумеет действовать по-европейски везде, где ему необходимо будет конкурировать. Именно этим-то он и силён. Познавая Европу, он не перестанет страстно любить свою страну и считать её неизмеримо выше всех других…

…В Киото я попала на урок европейских танцев в одной из женских школ. Пары построились, начиналась кадриль. Ни грации, ни одного раскованного движения. Каждая танцует

совершенно так, как другая, и все совершенно так, как учитель. Всё делается отчётливо, весело, в такт. Но это лишь танцевальное упражнение на европейский манер.

Вот когда японская гейша танцует свой священный танец, когда на согнутых коленях она идёт неслышными шажками и замирает в самой невозможной, нелепой, на ваш взгляд, позе, она солидарна с тем, что делает. Её душа трепещет в каждом повороте головы, в каждом вывернутом пальце.

И глядя на японок, танцующих кадриль, и на скачущего между ними учителя, мне вдруг стало страшно. Да, если бы пустить несколько таких пар в наш бальный зал, то они нисколько не смущаясь, ни минуты не сомневаясь, что танцуют именно так, как надо, смели, столкнули бы в кучу всех наших танцующих mondein.[633] И поле битвы, как и бальный зал, остались бы бесспорно за ними…

Вот чем силён и непобедим этот народ — своей страстной привязанностью к земле, морю, солнцу, обычаям, могилам предков, храмам и… правительству!!![634]

…Были ли в армии Куроки[635] магические зеркала? Враги наши действительно обладали тремя «волшебными дарами»: беззаветной любовью к родине; храмами, в которых души предков следят за жизнью каждого из живых; презрением к смерти. Ведь японец не умирает, а продолжает жить в своих потомках. И раз в году, в день праздника огней, его душа отпускается на землю. И он незримый три дня живёт среди своей семьи полной земной жизнью.

Когда нами были взяты первые пленные, то офицеры с любопытством приказывали их раздевать. У каждого на шее или в потайном кармане находился мешочек с землёю. С той самой, которая даже не всегда могла прокормить его досыта. Но это была земля обожаемой Родины, политая потом многих поколений. У каждого находили и *«табличку»* — узенькую чёрную дощечку (с золотой жилкой вокруг), исписанную иероглифами. Это были имена целого ряда предков. Не немые слова, но живые души, глаза людей дорогих, близких, всюду сопровождающих воина. Они шептали ему в минуту страшной опасности: «Мы с тобою, мы охраняем тебя. Но если Великий решит призвать твой дух к себе, то имя твоё впишется вслед за нашими и эта священная табличка навсегда останется в храме. И в праздник огней ты со славой и гордостью пролетишь над родной землёю».

С такими взглядами на долг и религию могли бояться смерти японец? В находимых у погибших и пленных письмах встречаешь одни и те же слова матерей и жён: «Простившись с тобой, мы остаёмся совершенно спокойными. Мы знаем, что ты не

посрамишь своего рода и каждую минуту будешь готов отдать жизнь за родину…» Фразы варьировались, но нытья, слёз, тоски по ушедшим на войну мужчинам не было никогда.

Можно привести прощальную речь капитана Яширо от 19 февраля 1904 года, обращённую к командам первых брандеров[636] «Гекокумару», «Пукумару» и других, отправлявшихся на ночное блокирование выхода 1-й Тихоокеанской эскадры России из гавани Порт-Артура: «…От имени отечества я требую исполнения невыполнимой задачи. Я посылаю вас, может быть, на верную гибель. Если бы я имел единственного сына, я велел бы ему занять место рядом с вами. И если бы император дозволил мне стать во главе предприятия, я с гордостью и счастьем исполнил бы это. Но я могу только выпить с вами последнюю чашу воды и сказать вам — идите с надеждой исполнить свой долг, но без мечты возвратиться…»

Яширо взял в руки кубок, присланный наследным принцем, наполнил его водой из родного источника,[637] и вслед за ним все офицеры и моряки по очереди испили чашу. 24 февраля 77 добровольцев под командой Орима под страшным огнём русских береговых батарей на всех парах неслись к узкому входу в гавань. Не дойдя до цели, все брандеры были уничтожены. 3 мая японцы в третий раз повторили эту безумную попытку с таким же ужасным для них результатом.

Пусть каждый русский участник последней печальной бойни скажет, имел ли он ясное представление о войне, когда попал на неё? Шёл ли он с тем, чтобы отдать свою жизнь во славу Родины? Тот же Яширо напутствовал воинов, уходивших блокировать Порт-Артур: «…Если у тебя оторвут правую руку — дерись левой. Если потеряешь обе — дерись ногами. Потеряешь ноги — дерись зубами и головой. Но ни одну секунду не думай о личных страданиях…»

А у нас? Рыдания, слёзы, письма, надрывающие душу мольбы… И что могла сделать хотя бы и безумная храбрость тех русских, которые действительно считали себя воинами и сынами своего отечества? И при чём тут магические зеркала Куроки?..[638]

В Варшаве, извещённый телеграммой из Вены, Надежду Александровну встречал сын Борис. Со времени их последнего свидания в Херсу прошло больше полугола. После четырёхмесячного отдыха в семействе Вейнбергов в Петербурге и у родственников в Петровцах Борис Викторович вернулся в родной полк. Произведённый в подполковники по армейской пехоте за участие в военной кампании[639], в гвардии он получил очередное звание капитана и был назначен командиром 4-й роты

1-го батальона[640]. Мать и сын провели вместе три счастливых дня, не предполагая, что эта встреча окажется последней в их земной жизни…

На следующий день по прибытии в Петербург Н. А. Лухманова отправила телеграмму единственному близкому ей в столице человеку — Ольге Штейнфельд: «Фонтанка 140, квартира 4. Очень хочу видеть. Жду страстную субботу до 12»[641]. Едва приехав, она уже куда-то спешила *(после двенадцати),* словно заметив, что в песочных часах её земной жизни струился теперь не обычный, а, увы, золотой песок…

Писательница сняла маленькую уютную квартирку на Ямской[642], где в окружении изящных китайских и японских безделушек принялась за обработку литературного материала, прибывшего багажом из Харбина и привезённого ею из Японии.

С начала мая на первых полосах «Петербургской Газеты», а с июня и «Петербургских Ведомостей» стали появляться её многочисленные репортажи о «Стране восходящего солнца»[643], воспоминания и рассказы о Маньчжурии[644], философские китайские сказки[645], социальные статьи о протестах общественного самосознания[646], инициировавших массовый террор против власти вообще и, как следствие, разгул бандитизма и погромы по всей России. Но стареющая писательница изменила бы себе, перестав интересоваться с высоты своего богатого женского прошлого взаимоотношением полов, хотя бы и с позиций нравоучительного, а вовсе не чувственного толка…[647]

На созыв 1-й Государственной Думы Надежда Александровна откликнулась серией публикаций в «Петербургской Газете»[648], пеняя российскому обществу:

> …В революционном движении женщин арестовывали, ссылали и даже вешали наравне с мужчинами. Но её право избираться в Думу не признало ни одно из сословий[649]; …только в чёрном теле русский мужик был безопасен. И вдруг крестьянские представители потребовали в Думе «земли и воли»[650]; …растворяясь в народе, недовольные язвами жизни окрашивали горечью обид, протеста, требований наше общество. К какому пожару пришли мы теперь? Привычки молчать, гнуть шеи стали невозможны. С Манифестом 17 октября система зажима рта с критикой правительства должна рухнуть…[651]

Последнее в своей жизни лето Надежда Александровна провела в дачном Павловске, наблюдая вечный праздник

веселящейся и ничего не желающей знать о революционных событиях столичной пресыщенной публики. «…В местном театре шла репетиция старой и чуждой теперь пьесы. В зал ползла беспросветно-серая тоска кошмара „Авдотьиной жизни…“[652]

> …Но весть о роспуске Думы, о чрезвычайных мерах, нежелание каждого попасть под камень погромщика или казачью лошадь на улице, всколыхнули ярмарку тщеславия. И Павловск в первый раз был человеческим обществом, в котором проснулись гражданские интересы, осмысленные вопросы и ответы. Больше света, честного дневного для освещения времени и правды жизни…[653]
>
> …Свобода в человеке будоражит мысли, сознание своего достоинства и совесть. Митинг приказчиков 16 июля в чайной об ущемлении их прав. В результате владельцы магазинов и лавок согласились на приостановку работы своих заведений в праздничные дни…[654]
>
> …Чиновникам, защищающим существующий порядок, всегда более или менее хорошо жилось под защитой законов; они обезводились, привыкли к игу и стать на сторону правды, принять разумное, сознательное уважение права и порядка, не унижающих человеческое достоинство, уже не могут. Они говорят рутинным языком, шаблонно защищают затхлый, подгнивший порядок государственного устройства. Сами не верят в то, что говорят, и говорят только потому, что им самим было бы так спокойнее…[655]

Как сестра милосердия, познавшая на войне меру страданий людских, она в ярости от бессмысленности разгула насилия над человеком любого сословия.

> …Террористы ищут свою жертву по фотокарточке, лично не имея ничего против неё. Убивают из принципа — за то, что ты солдат, полицейский, государственный чиновник, офицер! Идейная борьба переходит в безобразную бойню отдельных личностей. Обрушьтесь на убийц всем презрением, всем негодованием, которые они возбуждают…[656]
>
> …Найдите талантливых людей, горячих, искренних, убеждённых, таких, которым поверят оголодавшие душой. Разве не духовный голод собрал революционеров в страшные боевые группы? Разве ими руководит не та

же жажда справедливости в отношении меньшего брата своего?..[657]

Из писем Лухмановой к Базанкур. От 16 сентября 1906 года:

Дорогая Ольга Георгиевна!

Так как я всё ещё хвораю, доктора запрещают мне выезжать, то прошу Вас — приезжайте ко мне на пирог до четырёх часов. Всё время буду ждать Вас. К обеду не зову никого, потому что слишком устану, с шести вечера уже запрусь в своей комнате.

Чувствую, что мне серьёзно нужен полный покой как единственный верный путь если не к излечению, то хоть к улучшению. Целую Вас, желаю всего хорошего. Ваш старый друг Н. Лухманова.[658]

От 24 ноября 1906 года из Гельсингфорса:

Дорогая Оля!

Не нацарапаете ли Вы мне сюда письмецо? Хотя я знаю, что Вы самый занятой человек в Петербурге. Человек головоломка с 36-ю проектами зараз.

В моём финляндском сидении была бы адова скука, если бы целью моей не был полный отдых. Ни одного русского слова. Образованный лакей снисходит говорить по-немецки. Горничная — какая-то фурия, говорит очень много и, вероятно, очень мило, но на недоступном для нас финском диалекте. Улица благовоспитанна до тошноты. Правда, нет и хулиганов, и полное отсутствие ***горьковских*** *типов, но уже зато и ни одного симпатичного или тем более элегантного прохожего. Искала среди женщин хоть одну Гедду Габлер*[659]*, но всё безнадёжные финские м.… и не грациозны, и скверно одеты, и когда говорят, то, как все малоинтеллигентные люди, прибегают к массе жестов. В гостинице, где мы стоим, — табльдот*[660] *с музыкой. Я очень довольна тем, что это волей-неволей заставляет меня одеваться и переходить от копотного положения на костюмное.*

Сегодня поеду к генерал-губернатору Н. Герарду. Как он примет меня и что из сего воспоследует — не знаю, но, во всяком случае, это будет мне развлечением.

Целую Вас, милая Оля. Вот уже три дня, как я не читаю газет и счастлива, что не слышу ничего ни о бомбах, ни об экспроприациях. Пишите Оля, да не жалейте чернил и бумаги. Передайте Вашему художественному другу мой очень тёплый привет. Целую Вас. Н. Лухманова. Катр Hotel, комната № 58.[661]

На следующий день после посещения губернатора Надежда

Александровна, принимая близко к сердцу беды жертв войны, хлопочет о жене чиновника (бывшего офицера), раненного в маньчжурских боях. Через редакцию „Петербургских Ведомостей“[662] она обращается к Красному Кресту с просьбой о возобновлении выплаты пенсии его жене — бывшей сестре милосердия Яковенко. Лишившись ноги в сражении под Ляояном, но обретя кормильца в лице любящего мужа, молодая женщина, по мнению чиновников, потеряла право на означенное пособие!

Пользуясь предоставленными возможностями, журналистка Лухманова с любопытством осматривает родильные дома, приют для детей, пункт детского питания, дом и библиотеку для слепых и посещает городской митинг по выборам женщин в финский парламент от шведской партии. Её острый взгляд подмечает многочисленные оттенки другого, более светского и цивилизованного уклада жизни местного общества, произрастающего из менталитета самого финско-шведского народа, стоящего на иной ступени нравственного развития. Она с сожалением отмечает, что Великое Княжество Финляндское — далёкая нам страна, в которой русский всегда будет чуждым и нежелательным пришельцем…[663]

К концу года в С.-Петербурге отдельными изданиями выходят два рассказа Лухмановой — „Ли-тунь-чи. Из воспоминаний сестры милосердия о Маньчжурии“ и „Мой друг Алексей Петрович“. На датском языке издаются её „Сибирские очерки“ — „Osten for Ural“.[664]

Любопытны высказывания писательницы в этот период о предпосылках обретения женщиной полной самостоятельности и независимости от опеки мужчины. Признавая самым ужасным её врагом прошлое — от корня первых рабынь, Надежда Александровна приходит к выводу о том, что никто и ничто не эмансипирует женщину до тех пор, пока в её руках не будет двух даров — собственных средств и умения распоряжаться ими!

Для самоутверждения женщины, по её мнению, следует развить в ней потребность в скромности самой жизни, научить великой ценности собственного рубля, вооружить теми знаниями, которые помогут ей зарабатывать самостоятельно. Владение иностранными языками становится потребностью, внося в дом уважение к труду, способствуя воспитанию детей. Суровость и требовательность жизни диктует эти меры, хотим или не хотим мы этого осознавать.

Будущее — за женщиной с самостоятельными деньгами и умением на них жить. Тип спутницы-кошечки, бабочки исчезнет; потребуется трезвый, твёрдый взгляд мужчины на жизнь по средствам…[665]

Из писем к О. Г. Базанкур:
От 29 ноября 1906 года:

…Мечтаю купить полу-ферму в новой дачной местности Леонвилла у станции Лоунатиоки — два часа езды от Петербурга. Жить там с осени, а в городе иметь комнату за 25–30 рублей в месяц и наезжать временами. 2-го декабря хочу отметить свой день рождения (65-летие — А. К.). Приглашаю Вас и Клокачёву[666] на обед к 6 вечера ко мне на Ямскую. Выезжаю из Гельсингфорса утром 1-го. Ваш друг Н. Лухманова[667].

От 11 декабря 1906 года:
Дорогая Оля!
Во вторник никак не могу быть у Гриневской, так как у меня обедают Брагин[668] с женой. А вечером я приглашена в один из наших высших военных кружков. Я даже просила Брагиных приехать пораньше. Если Вам всё равно, Оля, где обедать, то заезжайте от Гриневской ко мне к 4 часам. Тащите с собой нашу милую художницу, заставим Брагина спеть. Я думаю, что это было бы хорошее приобретение и для Ваших воскресений и её вечеров. Что касается поездки к Хитрово, то нам нужно сговориться лично. Целую Вас. Ваш старый друг Н. Лухманова.
P. S. Если не будет в четверг санного пути, то для меня трудно выдержать сразу два визита. Не забудьте, Оля, что к Хитрово надо ехать на Песочную[669].

От 20 декабря 1906 года:

Дорогая Оля!
Ко мне на Рождество приехал сын Дмитрий из Пернова Лифляндской губерний. С июля 1904 года он служит там помощником начальника порта. С ним жена Вера и двое их детей. Сын Мити от первого брака — мой внук Борис — учится в реальном училище в Риге и живёт в частном пансионе[670].
Приезжайте к вечеру. Поедем к Неметти. Постараюсь достать билеты. Ваш старый друг Н. Лухманова[671].

Она ещё хлопочет об устройстве санатория для больных сестёр милосердия в крымском имении сердобольного благотворителя[672], взывает о помощи больному и всеми забытому в лазарете штабс-капитану Т-ину и другим нуждающимся в уходе офицерам.[673] Приглашает состоятельных женщин оказать содействие в составлении „календаря бедняка“ — адресных мест помощи обездоленным Петербурга[674],

беспокоится о жёнах офицеров Небогатовской эскадры[675].

Но уже с начала января 1907 года здоровье Надежды Александровны резко ухудшается. Несмотря на зиму, она решается ехать в Ялту, о которой у неё сохранились самые восторженные воспоминания. Надежда на выздоровление ещё поддерживала в ней последние силы.

Вечером 20 февраля она прибыла в Севастополь и в сопровождении своего секретаря Л. А. Гильдебрандт навестила знакомого по дальневосточной войне, а теперь Главного Командира Черноморского флота и портов — вице-адмирала Н. И. Скрыдлова[676]. За ужином и на следующее утро, завтракая в его компании, она обменялась с ним столичными и крымскими новостями. Добравшись экипажем в холод и снег до ялтинской гостиницы „Джалита“[5], Н. А. Лухманова пишет и отсылает в столичную газету свою большую статью о революционном терроре в Севастополе.

Отправляясь в Крым, Надежда Александровна, не сумевшая обеспечить себе безбедную старость, располагала весьма скромными средствами. И тем досаднее для неё была жалкая телеграмма Дмитрия из Пернова:

> …У МЕНЯ МАТЕРИАЛЬНЫЕ ТРУДНОСТИ. ПИШУ КНИГУ. СРОК МОЕГО ВЕКСЕЛЯ КОНЧИЛСЯ 3-ГО ЯНВАРЯ. ПОСЛЕДНЯЯ ДАТА ПЛАТЕЖА БАНКУ ПО ОТСРОЧКЕ 3 МАРТА. МНЕ ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО…[677]

И 65-летняя мать с больничной койки через доверенного лица в Петербурге пытается найти деньги… 40-летнему сыну! Но ответная телеграмма не добавила ей ни сил, ни покоя:

> ДОСТАТЬ ДЕНЕГ НЕ СМОГЛА. УДАЛОСЬ ТОЛЬКО КУПИТЬ ДРОВ ВАШЕЙ ЭКОНОМКЕ. СТОЯНОВА[678]

Из письма к О. Г. Базанкур из Ялты от 6 марта 1907 года:

Дорогая Оля!

Только сегодня я в состоянии продиктовать письмо к Вам.

Я как будто чувствую себя лучше; со дня приезда лежу в кровати, жизнь моя сплошное лечение: утром и вечером мне ставят по 24 банки, чтобы отвлечь кровь от сердца, впрыскивают мышьяк, ставят клистиры, дают всевозможные лекарства — словом я не человек, а какой-то бескровный мешок, которым распоряжаются доктора и фельдшерица. Иногда я не в силах ни думать, ни говорить.

Вы спрашиваете — к кому обратиться Вам в Москве по поводу

чтения публичных лекций. Лучше всего к профессору Терье — председателю Высших женских курсов. Предложите ему свои услуги за половину сбора в Историческом музее в пользу нуждающихся учениц, это выгодно. Запаситесь заранее копиями разрешений от петербургской полиции и Министерства Народного Просвещения.

В случае необходимости обратитесь к присяжному поверенному Валериану Эммануиловичу Шишко от моего имени (Б. Молчановка, дом Херсонского). Горячо целую Вас. Ваш старый друг Н. Лухманова[679].

15 марта Надежда Александровна диктует полное надежд и интереса к жизни, но как оказалось предсмертное, письмо:

Дорогая Оля!

Часто думаю о Вас. Здесь служит Т. Н. Богомолов, бывший харьковский студент. Как секретарь здешнего благотворительного общества он обещает устроить, если Вы приедете, публичную лекцию. Бог даст, я поднимусь и мы ещё нашумим на всю Ялту. Как я буду счастлива видеть Вас! Приезжайте прямо ко мне в „Джалиту“.

Прошу похлопочите, чтобы во избежание всяких глупых писем Худеков[680] *и в „Новом Времени“ напечатали: „Писательница Н. Лухманова перевезена в Ялту, тяжело больна расширением сердца и острым малокровием. Лежит уже месяц, консультации еженедельно. При ней опытная сестра милосердия. Лечат доктора: Зевакин, Дьяконов, Левитский“.*

Мне очень важно, Оля, чтобы поместили эту публикацию. Правда ли, что Бонди разводится с женой? Напишите подробно.

Поцелуйте Клокачёву и приезжайте непременно! Крепко целую.

Ваш старый друг Н. Лухманова.

P. S. Будет ли напечатана моя статья „Две бомбы“ в „Петербургских Ведомостях“?

Впав в забытьё, Надежда Александровна так и не узнала о телеграмме некоего Михайлова из Петербурга:

> ГЛАВНЫМ ШТАБОМ НАЗНАЧЕНО ВАМ ПОСОБИЕ 67 РУБЛЕЙ 50 КОПЕЕК. ВЫШЛИТЕ ДОВЕРЕННОСТЬ. КАК ЗДОРОВЬЕ. БЕСПОКОЮСЬ МОЛЧАНИЕМ[681].

Она тихо скончалась в воскресенье 25 марта в 9 ½ утра на 66 году жизни. Вызванный телеграммой, сын Дмитрий уже не застал её в живых. Как сообщила ялтинская газета „Крымский курьер“[682], панихиды по покойной состоялись в 10 ½ утра и 8 ½

вечера 27 марта в часовне Александре-Невского городского собора. Похоронили Н. А. Лухманову 28 марта в 9 утра после литургии в центре старой Ялты на возвышении Поликуровского холма, на погосте при храме святителя Иоанна Златоуста[683].

День погребения своего активного корреспондента „Петербургские Ведомости“ отметили публикацией её предсмертной статьи „Две Бомбы“. Отдали дань памяти усопшей „Петербургская Газета“, „Биржевые Ведомости“, „Южный край“, „Исторический Вестник“ и ряд других изданий, назвав её в некрологах светлой женщиной, одной из видных русских писательниц.

Из воспоминаний писателя, биографа и журналиста А. И. Фаресова:

…Надежда Александровна обладала продуктивностью своих литературных сил, несомненным дарованием и большим житейским опытом. По темпераменту, по боевому своему уму, по разговору, исполненному образов, в ней, прежде всего, сказывался писательский неистощимый запас наблюдений и юмора, приковывавший внимание…

…Я презираю отвлечённость и держусь реального взгляда на жизнь. Для меня есть слова „польза“ и „вред“, а гуманно или нет — я не понимаю. Если ученика надо выпороть или исключить, то так и надо сделать. Или „посадить“ виновного…» «Это не по-женски!» — скажешь ей. Её блестящие глаза загорались негодованием и она озадачивала Вас резкостью, доходящей до цинизма своих суждений. «Переустройство жизни ищите не в других, а в себе». «Женский тон» у неё был очень сильным. Но возбудимость её ума гневом всегда утрачивала личностный характер и окрашивалась литературным или общественным интересом…[684]

Обстоятельства жизни не позволили Надежде Александровне в полной мере раскрыть литературные способности, данные ей Провидением, и создать произведения вневременного, свойственного классикам русской словесности, масштаба. Но вместе с тем дали ей возможность оставить современникам личные ощущения от восприятия окружающей её жизни и, тем самым, донести их потомкам. Вот почему и в прижизненных справочных изданиях, и через… 100 лет в биографическом словаре «Русские писатели 1800–1917» она навсегда останется писательницей и прозаиком.

На могиле матери Дмитрий Афанасьевич установил высокий деревянный крест, выкрашенный белой краской и оттого хорошо

видимый с моря. В лихолетье 1941–45 годов с уничтожением первого соборного храма Ялты, освящённого в 1837 году в присутствии императора Николая I, сровняли с землёй и само кладбище.

Восстановленный заново молитвами и трудами православных, храм был открыт 26 ноября 1998 года. О сотнях же упокоившихся у его стен мирян напоминает только маленькая часовенка среди высоких кипарисов на месте когда-то существовавшего погоста…

В Киевском военном училище

Из писем Георгия Адамовича к брату Борису.

В Варшаву от 21 апреля 1906 года:

Дорогой Боря!

Собрался писать, чтобы просить тебя бросить курить. Ты ведь сам знаешь, как это вредно для тебя. Если пересилишь себя в несколько дней, то потом и отвыкнешь; это, наверное, совсем не так трудно, как тебе кажется; сможешь или нет? Сделай мне удовольствие, напиши, что больше не куришь, и я буду знать, что это по моей просьбе.

Как-то веселее учиться, когда знаешь, что скоро окончание. Особенно при сознании, что едем в Петровцы; если бы мы были свободны — теперь самое время ехать, а то приедем 1-го июня, когда самое лучшее время уже пройдёт.

У нас ужасно жарко, 22 в тени. Даже без пальто можно умереть. Бабушка числа 10–15-го переедет на дачу в Н. Петергоф. Горячо тебя любящий Жоржик[685].

Из Миргорода от 3 августа 1906 года:

Дорогой Боря!

*Благодарю за «**открытое**» письмо. У нас всё благополучно, мама здорова; погода сегодня чудная, тепло и нет ветра. Маруся*[644] *уезжает пятого, вчера она уже отправила некоторые вещи; жалко, что так рано, но она боится оставаться с Лизой и Зоей на ярмарку, так как все мужики будут пьяными и могут напугать детей. Седьмого дядя и тётя пригласили нас на обед, мы, конечно, пойдём.*

Говорил ли ты в Петергофе о том, как мы здесь играем спектакли? Нам это очень интересно знать, так как Тася прислала сюда пьесу, которая нам совсем не понравилась. Мы её не играем и не хотим ей этого сказать. Жаль, что не застанем тебя в Петербурге. Горячо тебя любящий Жоржик[686].

Из Петербурга от 4 октября 1906 года:

Дорогой Боря!

Ты спрашиваешь о моих баллах успеваемости. Пока они не блестящи. Но на это есть объяснение. Например, учитель русского языка никому больше четвёрки не ставит. У меня их две. Дома спрашивают: «Отчего же раньше четвёрок никогда не было?» Но не могу же я уверить его поставить мне пять, когда он этого никогда не делает!

«Немец» у нас новый. Недавно он задал очень трудную письменную работу. И только двум, которые свободно говорят по-немецки, поставил четыре, а остальным три и меньше.

Я беру уроки музыки, но, судя по нескольким из них, учительница неважная. Пока мама больна, я хожу играть к бабушке. Погода сырая, хотя и тепло. Оля в полном здравии и благополучии, чего и тебе желает. У Тани мы были в воскресение; она уже почти поправилась и привыкла к Смольному. Целую тебя. Любящий Жоржик[687].

Середину лета 1907 года Георгий провёл у Бориса Викторовича в Киеве. Из письма Елизаветы Семёновны к сыну из Карлсбада от 19 июля:

…Вчера получила твоё письмо. Странно, что не поминаешь имени Володи.

Олюша писала — он приезжал на два дня в Петровцы, и я не понимаю, куда же поехал потом? У меня всё хорошо. Грустно, что завтра уедет Вера Павловна и я останусь одна. Это ужасно неприятное чувство — ни одной души вокруг, не то что родной, но и знакомой. Не с кем сказать русского слова.

Конечно, 10 дней пройдут скоро. Я думаю ехать не позже 18-го и извещу день и час приезда. Доктор нашёл, что у меня всё отлично, и я довольна. Попью три дня воду. Но волнуюсь, сколько с меня возьмёт, говорят он дорогой. А мои расходы все рассчитаны.

Где я буду жить в Миргороде? Тётя и дядя не очень принимают меня. Я и сама понимаю, что особа я затруднительная. Не знаю, как и выйдет. Соскучилась по вас. Господь с тобой, голубчик Жоржик. Крещу и целую тебя. Целуй Борю и Вову, если он у вас. Твоя мама[688]

Из письма Елизаветы Семёновны к Борису Викторовичу от 4 октября 1906 года:

Голубчик Боря!

Моя болезнь — ни с места уже неделю. Пробую вставать. Сижу 15 минут и устаю. Не выношу шума. Тоска. Жду твоих писем. Мои меня навещают.

Боря, душечка, миленький, напиши. Помнишь нашу поездку в дождь… хохот, извозчик… нам было весело. Целую тебя. Господь с тобой. Не забывай твоего друга Лизу[689].

С конца 1906 года среди корреспондентов гвардии штабс-офицера Б. В. Адамовича всё чаще и чаще стали появляться и

бывшие младшие командиры его роты унтер-офицерского состава! Примером может служить переписка с Трофимом Объедковым (1906–10 гг.)[690] и Трифоном Лагутиным (1908 г.) [691] — прессовщиком с фабрики Саксена в Кунцево Московской губернии. Из письма в Варшаву от 28 декабря 1906 года:

…Поздравляю с принятием 4-й роты полка. До последних дней жизни не смогу забыть Ваше отношение ко мне. Благодарю за всё хорошее в бытность под Вашим началом и смею просить на память фотографическую карточку. Запасной фельдфебель Тр. Объедков. Елань-Козловка, Борисоглебского уезда, Тамб. губ.

Встреча, резко изменившая военную карьеру 35-летнего гвардии капитана Адамовича, только что пожалованного бронзовой медалью «В память японской войны 1904–1905 гг.» и орденом Св. Станислава 2-ой степени[692], с великим князем Константином Константиновичем состоялась в Варшаве в 20-х числах мая 1906 года. Позор недавней войны — потеря Порт-Артура, Мукден, Цусима, унизительный мир, эсеровский террор и революционные волнения диктовали необходимость срочных реформ в политической и военной сферах, в том числе и в системе подготовки офицерского корпуса армии.

В ведении Его Императорского Высочества — начальника ГУВУЗа — находились 30 кадетских корпусов, 9 военных (кавалерийских, пехотных) и 7 юнкерских (в том числе, 2 казачьих) училищ. Всего — 46 учебных учреждений в городах империи от Варшавы до Хабаровска и от С.-Петербурга до Тифлиса и Ташкента. Каждое из подшефных заведений великому князю приходилось посещать по нескольку раз в году, для чего наготове всегда имелся специальный вагон и дежурная свита из трёх офицеров и повара. Как правило, в одну инспекционную поездку, под которой подразумевалось проникновение в душу и жизнь учебного заведения, слияние с ним, посещалось не менее трёх учреждений.

Константин Константинович, отец девяти детей, удивительным образом сочетал в себе, помимо букета редких общечеловеческих качеств, выдающиеся педагогические способности. На первый план им выдвигались личностные идеалы, устранялось всё, что могло унизить, оскорбить сознание или достоинство воспитанника.

При феноменальной памяти на лица и фамилии это позволяло не просто привлекать, а именно влюблять в себя собеседника, учащегося, подчинённого. Юные кадеты и молодые юнкера не просто обожали великого князя, а боготворили до

фанатизма и исступления. Сонеты поэта К. Р. — «Кадету», «Юнкеру» и «Наш полк» — знал весь офицерский корпус армии.

За годы интенсивной деятельности на занимаемом посту начальнику ГУВУЗа удалось многое, в том числе: пересмотреть и увязать между собой учебные программы кадетских корпусов и военных училищ по всем предметам и дисциплинам; привлечь к учебному процессу плеяду талантливых армейских и гвардейских офицеров-воспитателей с опытом боевых действий русско-японской войны; привнести в школу полевой подготовки юнкеров опыт недавней войны.

Предложение великого князя было кратким: перейти из гвардии в военно-учебное ведомство на должность командира батальона (400 юнкеров) Киевского пехотного военного училища. Все формальности перевода (с обеих сторон) Его Высочество брал на себя. Отказ Августейшей особе, при всей неожиданности события, плюсах и минусах новой должности, был немыслим. Попросив отсрочки до конца года для завершения и передачи текущих полковых дел, Борис Викторович 20 декабря принял новое назначение.

А накануне, 11 октября, его нашла ещё одна совсем неожиданная награда — орден Св. Анны 2-ой степени (с мечами) «За отличие в июне-августе 1905 года»[693]. Так что представлялся 24 января 1907 года в Киевском военном училище новый назначенец уже с четырьмя боевыми орденами на мундире!

Служебные обязанности начальника строевой части военно-учебного заведения оказались многоликими и хлопотными: воспитание дисциплины и чинопочитания; поддержка нравственности и воинского порядка; строевое образование юнкеров; внеклассные занятия с воспитанниками; общее наблюдение за хозчастью (питание, обмундирование, быт, лечение и т. п.).

Все без исключения стороны обучения и отдыха отныне были им чётко регламентированы инструкциями, помещёнными на видных местах (под стеклом) во всех ротах. Они вручались и каждому вновь поступившему. Значительно улучшилось довольствие подопечных (к утреннему чаю, например, стала подаваться даже мясная котлета).

Вся строевая подготовка и плац-парадные упражнения теперь заканчивались к летнему выходу юнкеров в полевой лагерь, служивший отныне лишь местом стрельб и полигоном для решения тактических задач. К зиме 1908/09 годов был построен тир на 200 шагов, где стрельбы боевыми патронами начинались сразу же по окончании приготовительного курса.

Гимнастика, которую делали воспитанники, превратилась в

вид спорта, чему пример подавал сам командир батальона. Появились новые снаряды. С 1908 года состязания между взводами в ротах и рот между собой приняли массовый характер с вручением призов (часы, училищные жетоны, мелкие серебряные изделия, компасы и т. д.).

В практику стали входить отпуска через строевую выправку. При этом к декабрю из состава вновь принятых отчислялись в полки по 15–20 нерадивых юношей. Производству в портупей-юнкера предшествовал строжайший отбор с учётом мнения всех офицеров училища. Часто по воскресеньям подполковника Адамовича можно было видеть на конной прогулке в сопровождении четырёх ординарцев, по одному от каждой роты. Быстрые успехи нового командира во всех сферах деятельности любимого шефом училища были замечены и щедро оценены. 22 апреля он досрочно за отличие по службе производится в полковники. Радость высокой награды омрачала лишь недавняя и такая скорая смерть матери в Ялте.

Канцелярию училища заваливают горы писем из армейских частей с просьбой о рассылке конспектов обучения юнкеров, составленных Б. В. Адамовичем — «План строевых занятий Киевского военного училища», «Программа одиночной и взводной подготовки к рассыпному строю» и другие[694].

«Военный сборник» продолжал публикации его дневников «Из походного журнала». «Война и Мир» знакомит читателей с его «Очерком деятельности отряда генерал-лейтенанта Гернгросса 20 и 21 февраля 1905 года» в боях под Мукденом[695]. В Варшаве отдельным изданием выходит хорошо иллюстрированная книга «Опись музея лейб-гвардии Кексгольмского императора австрийского полка».

К 1907 году относится создание в России по инициативе генерального штаба генерал-лейтенанта и военного историка А. З. Мышлаевского Русского Военно-Исторического Общества, вскоре получившего «Императорское» пожалование[696]. Под председательством генерального штаба генерала от кавалерии Д. А. Скалона военный писатель полковник Б. В. Адамович становится одним из его первых членов-учредителей.

Из письма Елизаветы Семёновны к Борису Викторовичу в Киев от 4 сентября 1907 г.:

…Голубчик, дети уверяют, что ты на днях приедешь, так как ты им обоим сегодня снился. Какая бы нам была радость. Что с Марусей? Она мне ни разу не написала со дня нашего отъезда из Миргорода. Здоровье моё неблестяще. Холодно, дожди. Вчера были у Тани в Смольном.

Володя из гвардейского Измайловского полка перевёлся тем же чином в 12-й Восточно-Сибирский стрелковый Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк во Владивостоке и уехал. Жду его письма.

Завтра мы едем в Н. Петергоф. Настроение скверное. Приезжай, я повеселею, оживу. Целую, мой миленький… голубочек.

Я рада, что побывала у тебя в квартире в Киеве. Всегда вижу тебя за столом, но не угадываю в какой комнате. Не сыро? Господь с тобой, голубчик[697].

4 января 1908 года Бориса Викторовича нашла в Киеве запоздалая благодарность германского императорского дома — Орден короны Пруссии 3-го класса (с мечами) «За военные услуги на театре Русско-Японской войны, оказанные принцу Леопольду-Генриху».

Очередной «визит» Августейшего шефа в полевой лагерь Киевского училища (близ станции Дарница) пришёлся на середину лета 1908 года. Газеты «Киевлянин»[698] и «Русский Инвалид»[699] донесли до нас подробнейший отчёт об этом событии.

Несмотря на занятость, в конце 1908 года в 12 номере московского журнала «Братская помощь» появился очерк Бориса Викторовича «Подвиг поручика Чернцова», а в 1909 году историческое исследование к юбилею главной «Виктории» Петра Великого в Северной войне: «Пехотные полки — участники Полтавского боя». 17 июня полковник Адамович удостаивается бронзовой медали «В память 200-летия Полтавской „баталии“ 1709–1909 годы».

К весне 1909 года Киевское военное училище стало одним из лучших в армии.

О нём заговорили как-то разом во всех военно-учебных заведениях. Из переписки преподавателя Николаевской академии Генерального штаба военного писателя М. Д. Бонч-Бруевича с Б. В. Адамовичем:

…В моём представлении Киевское военное училище тесно связано с Вашим именем…[700]

Несколько позже, в письме к сестре Ольге Константиновне от 18 декабря 1910 года, Константин Константинович сообщал:

…Неделю провёл в Киеве. Жил в кадетском корпусе (Владимирском Киевском — А. К). Инспектировал военное училище, любимое моё, шефом которого втайне мечтаю стать когда-

нибудь.

Оба заведения в большом порядке, и я вынес только отрадное впечатление…

Пройдёт всего лишь пять лет, и в 1915 году Киевское военное училище в память о незабвенном великом князе получит приставку «Константиновское», а Одесский кадетский корпус — его имя.

К лету 1909 года генерал от инфантерии Его Императорское Высочество Константин Константинович согласился с характеристикой, данной начальником училища командиру строевой части XII–XIV выпусков:

> …Вполне подтверждаю отзыв генерального штаба генерал-майора Крылова:[701] полковник Адамович — личность в полном смысле слова выдающаяся во всех отношениях. Офицер и человек, который, несомненно, будет чрезвычайно полезен на любой должности, как в строю, так и в военных и юнкерских училищах… Достоин всякого повышения вне очереди. И если бы был назначен командиром отдельной части, военно-учебное ведомство, лишаясь полковника Адамовича, понесло бы чувствительную утрату…

Оба высоких начальника пришли к выводу о желательности и необходимости предоставления батальонному командиру самостоятельного поля деятельности. Единственным существенным препятствием к новому назначению являлось отсутствие у кандидата академического курса. В этом случае прямо нарушался пункт «Положения о военных училищах», гласивший об обязательности высшего военного образования их начальников. Августейший шеф решил этот щекотливый вопрос личным ходатайством за выдвиженца (в виде исключения из правил) перед Военным министром и не ошибся…

Пернов — Одесса — Мариуполь — Гонконг

Удобная и недорогая жизнь в католическом уездном городке Пернове (в 230 верстах к северу от Риги) закончилась для помощника начальника порта и коллежского регистратора Д. А. Лухманова неожиданным назначением в Одесское училище торгового мореплавания (с производством в 12-й классный чин губернского секретаря).

Вероятно, ностальгия «по штурвалу», витавшая между строк его научных статей «Пар и парус», «Современные парусные торговые суда» в журнале «Русское судоходство»[702], пришлась по душе не одному из старых капитанов — членов совета Главного управления торгового мореплавания и портов.

В начале мая 1908 года семья Лухмановых переезжает в Одессу и снимает квартиру в доме № 36 на Б. Арнаутской, а Дмитрий Афанасьевич принимает под командование учебное судно — трёхмачтовый сорокасаженный парусник «Великая княжна Мария Николаевна».

Несмотря на лёгкость хода и управления, красавец-фрегат клиперной постройки имел почтенную биографию. До его покупки в 1899 году русским правительством он под именем «Хасперус» уже покорил тысячи миль морских и океанских просторов на линии Лондон — Мельбурн.

Летняя практика будущих штурманов и капитанов судоводительского отделения училища, рассчитанная на 153 учебных дня, предполагала отработку навыков управляемости и местонахождения судна во время морских переходов между многочисленными черноморскими портами от Одессы до Батума и болгарского Бургаса[703].

16 мая после традиционных обрядов (молебна с водосвятием и парадного завтрака) «Мария Николаевна» со ста пятьюдесятью членами экипажа на борту вышла под буксиром из порта на внешний рейд и вступила под паруса учебной страды. Как подарок судьбы капитан Лухманов провёл на паруснике две навигации 1908–09 годов, вернувшие его в годы пьянящей юности:

> …И вот я вновь среди снастей на юте,
> Под крепкою рукой скрипит слегка штурвал.

От полноты чувств он издаёт в Петербурге «Руководство по морской практике» для юнг и за ревностное отношение к службе

удостаивается благодарственного приказа по ведомству. Инспектировавшие торговые порты и лично посетившие судно на феодосийском рейде министр торговли и промышленности тайный советник С. И. Тимашев и член правления Русского общества пароходства и торговли, старый «морской волк», известный публицист и прозаик-маринист А. Е. Конкевич[704], были приятно удивлены состоянием корабля, учебными навыками и выправкой будущих мореходов. Но вскоре интересы ведомства вновь потребовали возвращения Д. А. Лухманова на береговую должность.

Мариупольский порт по объёму экспорта 1909 года (93 млн. пудов) уступал в Черноморско-Азовском бассейне только Николаеву, Одессе и Ростову. Дноуглубительные работы, которые проводились в нём с 1898 года, ставили своей целью доведение его акватории до глубины Керченского пролива (26 футов) и исключение дозагрузки судов экспортным товаром вне грузовых причалов. Казна выделила на решение важной государственной задачи 1 500 000 золотых рублей. Под руководством инженера Ю. Э. Рего здесь были задействованы несколько землечерпательных машин, в том числе крупнейшие в России — «Михаил Лисовский» и «Николай Палибин»[705].

На скорейшее завершение затянувшихся работ и был командирован в апреле 1910 года капитан Лухманов с его опытом портового чиновника на Каспии и Балтике. К 30 октября необходимые работы в порту и подходном к нему канале (на протяжении 10 вёрст при ширине в 50 саженей) были полностью завершены. Грузооборот Мариуполя возрос до 121 млн. пудов. Промеры глубин, выполненные приёмной комиссией на пароходе «Кальмиус», не выявили отклонений от проектных решений.

Верноподданническая телеграмма производителя работ на имя министра, торжественный молебен, праздничные обеды для губернских, городских гостей и портовых служащих завершили многолетний труд сотен рабочих и инженеров. Газета «Мариупольская жизнь» приветствовала инженера Рего 36-строчным стихотворным посланием, адресованным Д. А. Лухмановым главному виновнику события:

> Двенадцать лет тому назад
> Вы смело взялись за работу…[706]

Запомнился уходящий год ещё двумя памятными событиями в биографии капитана: выходом в свет второго (дополненного) издания его «Морских рассказов»[707] и производством за выслугой лет в 10-й классный чин коллежского секретаря[708].

С окончанием навигации и постановки судов на зимний ремонт Дмитрий Афанасьевич убыл в отпуск и в начале февраля 1911 года оказался в Варшаве в семье старшего брата жены — коллежского советника Константина Де-Лазари[709]. По иронии судьбы, именно в квартире шурина[710] с ним и произошло событие, которое в начале 1930-х годов (через… 14 лет) привело к распаду второй его семьи!

Виновницей будущей семейной трагедии и последнего счастья капитана оказалась 29-летняя жена товарища председателя Варшавского окружного суда статского советника М. П. Ошанина[711].

Ольга Михайловна — дочь потомственного дворянина, выпускника пажеского корпуса и генерал-майора М. И. Бибикова, рано вышла замуж и ко времени знакомства с Дмитрием Афанасьевичем имела двух сыновей-подростков[712]. Известно, что она прекрасно владела французским и немецким языками.

Любовный эпизод в жизни двух обременённых семьями и таких разных по возрасту и положению людей так и остался бы пикантным воспоминанием, если бы не неожиданная беременность жены статского советника, разрешившаяся 15 ноября рождением третьего сына… Владимира Ошанина.

Тем временем совещание в Министерстве торговли и промышленности признало необходимым продолжить работы по углублению акватории Мариупольского порта до 30 футов. В середине весны сюда прибыл и сам министр С. И. Тимашев со свитой. За завтраком в салоне ледокола «Ермак» были рассмотрены ходатайства Биржевого комитета города по неотложному расширению порта с увеличением его причальных погрузочных линий для возрастающего экспорта угля и хлеба.

После совместного фотографирования Его Высокопревосходительства с участниками мероприятия состоялось вручение правительственных наград. В числе трёх отличившихся чиновников ордена Св. Анны 3-ей степени был удостоен и временно исполняющий обязанности начальника порта Д. А. Лухманов[713].

В начале октября проездом из Миргорода в Сочи семью брата в Мариуполе навестил Борис Адамович. Из письма Веры Николаевны к Борису Викторовичу в Миргород от 25 августа 1911 года:

…Ты обрадуешь нас своим приездом. Митя сейчас в командировке по портам Азовского моря, но вернётся к 1 октября, а потом должен будет уехать в Петербург (по вызову). Добираться до нас лучше из Одессы. Проезд на грузовом судне —

даром. Ходу 48 часов. Дай знать, когда будешь в порту. Сестра Вера[714].

Из письма в Вильно от 5 ноября 1911 года:

…Месяц прошёл, как ты промелькнул на нашем горизонте. После твоего отъезда и до сих пор стоит чудная, почти весенняя погода. Конечно, ты добрался до Сочи совсем не так, как я. Черкни, где ты путешествовал. На следующий год не езди в Закаспийский край, нас там уже не будет. Назначение Мити в Красноводск не состоялось, хотя он и остался первым кандидатом на очень хорошем счету. Насмешка нас ошеломила. Теперь сидим у разбитого корыта со старыми надеждами и лепим новые. Обидно за мужа.

Посылаю фотографию нас с тобой. Дети тебя вспоминают. Сестра Вера[715].

В конце декабря 1911 года Дмитрий Афанасьевич отзывается по делам службы в Петербург, откуда командируется в Лодзь. Навестив на обратном пути шурина Константина в Варшаве и брата Бориса в Вильно, он возвращается в столицу, где благодаря протекции влиятельного в морском ведомстве тайного советника Конкевича и при благоволении самого господина министра, получает новое лестное назначение.

Из письма к брату Борису от января 1912 года:

…С 1 февраля я не помощник начальника порта, а чиновник особых поручений министра при Управлении Доброфлота[716] *в Гонг-Конге, куда мы с женой и детьми выезжаем в конце февраля…* [717]

Из письма Веры Николаевны к Борису Викторовичу в Вильно от 19 января 1912 года:

…Митя завершает дела в порту. Рада, что вы свиделись на недавних праздниках, жаль, что без меня. С интересом, но и с щемящей тоской в душе жду отъезда — так далеко ехать! В Китай уже не приедешь!

Прочти письмо бывшего Митиного начальника по Перновскому порту, очень хорошего человека В. Н. Денисова и прими участие в горе наших друзей. Речь идёт о его сыне. Из-за лени и плохого поведения он не удержался ни в гимназии, ни в корпусе (в классе невыносим). Но товарищ, хороший, честный и дурных пороков в нём нет. Жаль, если пропадёт.

Просим, напиши его отцу (адрес прилагаю), что готов взять сына к себе в училище, и обрати на юношу внимание. Уверена — из него выйдет достойный человек. Пошли Бог тебе счастья. Пиши. Любящая тебя сестра Вера[718].

Отправляясь на край света и, вероятно, предчувствуя своё нескорое возвращение в Россию, Дмитрий Афанасьевич решился передать все права на издание произведений литературного наследия матери всё той же О. Г. Базанкур. Об этом свидетельствует предварительная переписка Веры Николаевны с Ольгой Георгиевной (письмо из Мариуполя от 17 марта 1911 года и ответ из Петербурга об условиях распределения возможного дохода между сторонами 50 % на 50 %)[719].

Из письма Д. А. Лухманова к О. Г. Базанкур из Одессы от 28 февраля 1912 года:

…Посылаю Вам заверенную нотариусом доверенность на ведение всех наследственных дел по произведениям Лухмановой и дубликат накладной на отправленные на Ваш адрес её статьи, рукописи и пьесы. У адвоката М. Ж. Жуликова оставляю все мамины печатные произведения…[720]

Спешно сдав дела новому начальнику порта Де-Астору, капитан Лухманов покинул Мариуполь и 1 марта на пароходе Доброфлота «Екатеринослав» отбыл с семьёй из Одессы в далёкую британскую колонию в Южно-Китайском море с крупнейшим в Юго-Восточной Азии и бурно развивающимся портом «Виктория»[721].

А в это время его первая жена Надежда после скитания по чужим углам в Астрахани и Тифлисе оказалась с дочерью Ниной в Плоцке Варшавского воеводства. Ежемесячное пособие в 25 рублей от бывшего мужа на болезненную с детства девочку при отсутствии приличного места делали жизнь обоих лишь подобием человеческого существования…

Провожая взглядом уплывающий в свинцовых водах заснеженный одесский берег, ощущал ли Дмитрий Афанасьевич, что вместе с ним в забвение уходила и вся его прежняя жизнь, размывая в памяти образы близких и родных людей, со многими из которых ему никогда больше не придётся свидеться…

Часть одиннадцатая (1908–1920 гг.)

С берегов Чёрного моря

Справочная книга «Вся Пермь» за 1910 год сообщает нам, что начальник службы пути Пермской железной дороги, статский советник и кавалер ордена Св. Анны 2-ой степени А. Ф. Колмогоров проживал с женой в 111 квартале города в здании отделения дороги (собственный дом члена Совета пермского отделения попечительства о слепых К. Н. Либермана!) [722], недалеко от губернаторского особняка. А в пяти кварталах, рядом со Степным рынком и городским садом, в доме 59 по Вознесенской улице, обосновался с семьёй и его единственный сын Григорий.

2 марта 1909 года Высочайшим приказом по гражданскому ведомству Александр Филимонович после 27 лет службы был утверждён штатным по Министерству путей сообщения инженером V класса с последующим производством (18 апреля) в действительные статские советники.

«Генеральский» чин обязывал к безусловному принятию любого нового назначения в угоду высшим интересам империи и оно, как показало дальнейшее развитие событий, оказалось выше физических сил 55-летнего коренного сибиряка.

20 ноября 1911 года А. Ф. Колмогоров прибыл в Асхабад (Ашхабад) и 1 декабря приказом по министерству вступил в должность… начальника Средне-Азиатской железной дороги[723], протянувшейся на 2362 версты от Красноводска до Кушки и Андижана среди бескрайних пустынь Каракум и Кызылкума:

> …Зноем палимое, бездождьем мучимое,
> С пыльными бурями, ветрами жгучими,
> Жёлтое, мёртвое, Богом забытое —
> Море зыбучих песков…
>
> *И. О.*[724]

Едва осмотрев город и сделав визиты начальствующим лицам Закаспийской области, Александр Филимонович простился с предшественником — инженером И. Н. Борисовым, отозванным в Петербург, — и тут же выехал знакомиться с доставшимся ему обширным хозяйством новой для него дороги.

Предваряя свой скорый отъезд из Перми и обеспокоенный лёгочным заболеванием сына, он убедил Григория перебраться с семьёй на постоянное место жительства в бурно развивающийся с

1903 года на Черноморском побережье Кавказа курорт «Сочи» (Кавказская Ривьера). Тем более что с 1904 года там проживала с двумя малолетними дочерьми на собственной даче сводная сестра Гриши и владелица нескольких участков — овдовевшая Мария Массен.

29 сентября 1911 года Черноморско-Кубанским управлением земледелия и госимуществ в Екатеринодаре с потомственным почётным гражданином Г. А. Колмогоровым был заключён контракт[725] на земельные участки № 13/1 и 13/2 общей площадью в 1 десятину 1368 кв. саженей, уступленные ему сестрой Марией. Арендная плата дачного «надела» в пригороде Сочи на Хлудовской стороне[726] (в Катково-Леонтьевском урочище[727], примыкавшем к Мусин-Пушкинской балке) была определена в 18 рублей 84 копейки в год[728].

По всей видимости, уже летом 1912 года семья Григория Колмогорова с пятью детьми[729] переехала из Перми в собственный дом на новом месте жительства. Их ближайшими соседями оказались: статский советник князь П. Д. Долгоруков, дворянин М. Н. Жебунев, М. В. Массен, инженер А. П. Тихомиров, гофмейстер Двора, действительный статский советник П. М. Рюмин, действительный тайный советник и сенатор И. Л. Горемыкин.

Из писем Григория Колмогорова к брату Борису Адамовичу о жизни в Сочи:

12 ноября 1912 года.

…Сегодня получил от тебя винтовку. Большое спасибо, что не забыл мою просьбу. По внешнему виду она мне очень понравилась — сработана чистенько. Особенно хороши нарезы. Будь добр вышли мне теперь 100 готовых патронов, прибор для их снаряжения и 300 капсюлей. В случае невыполнимости напиши, я обращусь в один из московских оружейных магазинов.

В марте здесь вылезут из берлог медведи, и думаю пошататься за ними в окрестностях Амуко. Приезжай на июнь, сдёрнем охоту на серн. Да и вообще был бы сердечно рад тебя видеть. Здоровье моё значительно улучшилось. Кашляю совсем редко, несмотря на сырость и проливные дожди ***почти всю зиму***[730].

В 8 утра везу детей в город учиться, закупаю провизию, возвращаюсь домой и работаю то в саду, то под навесом, смотря по погоде. Копаю землю, сажаю фруктовые деревья, чиню изгородь, плотничаю или столярничаю. Иногда превращаюсь в стекольщика, шорника, слесаря. При доме построил избу для рабочих, навес для экипажей и садового инвентаря. Строю сушилку, почти готова.

Скоро еду в Одессу заказывать паровой котёл, купить батареи отопления, решета и прочее.

Вероятно, в августе появится «французский» чернослив моей фабрикации. На этом деле многие в Сочи хорошо зарабатывают, но по качеству наша продукция уступает заграничной. Главная причина — неравномерность и слишком высокая температура сушильных печей, отапливаемых дровами. Хочу ставить паровые шкафы. Но предварительно ягоды необходимо провяливать в сушилках особой конструкции. Так или иначе, но я доберусь до секрета приготовления настоящего деликатеса.

Литературу забросил, но два фельетона всё-таки «тиснул» в местной газетке. Маруся, жена и всё наше потомство здоровы и невредимы, иногда в дождливую погоду хандрят. Саня учится очень хорошо, почти кругом по 5. Вечерами помогаю детям готовить уроки и освобождаюсь лишь в 8–9 часов. Читаю газеты, бренчу на гитаре и в 11 ложусь спать, чтобы с утра приняться за то, что делал сегодня. Может это скучно и однообразно, но физическая работа на чистом воздухе и простота жизни дают то нравственное удовлетворение и душевное спокойствие, которые трудно найти при других условиях. Крепко целую тебя, твой брат Гриша[731].

31 октября 1913 года.

…В день твоего отъезда[732] *Маруся сказала, что пароход должен быть в 10 вечера. В половине десятого я был на пристани, но тебя уже не застал, хотя почта была ещё на берегу. На следующий день наступила хорошая погода, и мы шутили, что ты увёз дождь к себе в Вильно. Живём по-прежнему, скучать некогда.*

На прошлой неделе ездил в Солох-аул. Первый день охотился с собаками левее перевала на Вторую роту[733]*, под скалами. «Араб» вышел на медведя, я два раза бросался наперерез зверю. Хотел перехватить его в зарослях лавровишни в упор из штуцера, но оба раза опоздал. Выбился из сил и ночью вернулся в Солох.*

Следующий день вчетвером (я, Кондрат, Карп и ещё один крестьянин) охотились на Кичмане, вернее на Тух-ауле, но чабаны, пасущие коз, разогнали всю дичь. К ночи разбрелись в разные стороны. Сел в караул у «купалища» и, когда начало смеркаться, подошёл кабан…

Убил с одной пули в сердце, в звере оказалось пудов шесть мяса. Вдвоём с Карпом едва выволокли его на берег Головинки, а дальше уже везли на лошади до Солоха. Кондрат стрелял два раза по кабану — мимо. Карп — два раза по серне, тоже мимо.

Ночевал у Егора Михайловича. У печи загорелся пол и мы едва

не задохнулись от угара. Два дня болела голова, тошнило и трясло, как в лихорадке. Теперь поправился.

Дорогой Боря, у меня нет свидетельств на винтовку «Телль» и на штуцер. Если полиция привяжется, я скажу им, что это твои ружья, оставленные мне на хранение? Подтверди в случае запроса, а то и упомяни в письме, что оставил их мне до своего приезда в Сочи. Маня и ребятишки тебе кланяются. Крепко целую, желаю всего лучшего. Твой брат Гриша[734].

В Асхабаде

Служба в Туркестанском крае государственных чиновников из России, в том числе и военных, не была лёгкой не только из-за непривычно знойного климата. Скорее причинами их недолгого пребывания здесь являлась сама специфика азиатской жизни, резко контрастирующей не только с жизнью в европейской России, но даже и в Сибири.

Приняв должность начальника дороги и не имея ни одного официального заместителя, Александр Филимонович только через год обзавёлся помощником в лице военного инженера полковника Окунева, уже обременённого исполнением должности начальника службы пути.

По разным причинам на дороге не хватало специалистов всех уровней. Например, на соседней Ташкентской — их было в полтора раза больше на версту пути. Из 25 технических училищ при 2840 учениках и 105 преподавателях, находящихся в ведении Средне-Азиатской дороги, в 1911 году успешно окончили курс всего лишь 192 выпускника. Вероятно поэтому приказом по ведомству начальник дороги и был назначен с 5 октября 1912 года попечителем Асхабадского технического железнодорожного училища на трёхлетний период.

Несмотря на все трудности, в 1912 году дорога перевезла 4250 тысяч пассажиров, 172 ½ млн пудов грузов, показав более 6,0 млн рублей прибыли (при средней зарплате служащих в 472 рубля в год). На поездах всех видов был внедрён механический учёт повременности движения. В результате бригадам машинистов выплатили премий в 20 раз больше, чем начислили штрафов за опоздания составов.

Как отмечала на своих страницах газета «Асхабад», новые порядки учёта провоза грузов, введённые в качестве эксперимента на станции «Коканд», дали реальные качественные результаты. Из-за усиления контроля в поездах почти перевелись и многочисленные в недавнем прошлом «зайцы».

Радением начальника 22 января в Асхабаде, а вслед за ним и в других городах на линии дороги были созданы железнодорожные собрания служащих. 21 мая 1913 года в областном центре появились собственные летние помещения железнодорожного клуба со сценой и залом на 1500 мест.

В социальном аспекте Совет управления дороги утвердил кредит в 10 500 рублей на открытие дешёвых столовых для служащих и внёс в ведомственную смету на 1914 год затраты на увеличение содержания низкооплачиваемых работников (до 600

рублей в год). По примеру европейской России в Асхабаде с 1912 года стал издаваться под редакторством А. Ф. Колмогорова еженедельный «Вестник Средне-Азиатской железной дороги».

Не было, по-видимому, претензий к железнодорожному начальнику и со стороны Туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова, как, впрочем, и у инспектировавших округ, Ташкентскую и Средне-Азиатскую дороги Военного министра В. А. Сухомлинова (в марте) и самого главы ведомства тайного советника С. В. Рухлова (в сентябре-октябре 1912 года).

Так что Высочайшие награды, пожалованные 14 апреля 1913 года А. Ф. Колмогорову и Б. Н. Окуневу (ордена Св. Владимира 3-ей и Св. Анны 2-ой степеней), были вполне заслужены инженерами.

Занимая высокий и хорошо оплачиваемый чиновничий пост[735], начальник дороги и товарищ председателя Закаспийского благотворительного общества являлся одним из самых активных жертвователей на нужды малоимущих. «Местные хроники» газеты «Асхабад» 1911–13 годов упоминают о его многочисленных благотворительных взносах (от 10 до 115 рублей) в пользу нуждающихся учащихся, детского приюта, балканских славян, общины сестёр милосердия Красного Креста, военного воздушного флота и других страждущих…

Принимала участие в богоугодных мероприятиях и удостаивалась благодарности их устроителей и жена Александра Филимоновича Александра Николаевна, последовавшая за мужем из родной лесисто-прохладной Перми в пышущий зноем Туркестан.

10 июля 1913 года А. Ф. Колмогоров выехал с супругой в свой восьмой и последний на государственной службе двухмесячный заграничный отпуск. Возвратившись 9 сентября через Красноводск в Асхабад, он подал прошение… об отставке (по состоянию здоровья) и, вероятно, под влиянием брата Фёдора, обосновавшегося с 1907 года в Петербурге, решил перебраться на жительство в столицу.

Несмотря на недолгое пребывание на занимаемом посту, с декабря 1911 по сентябрь 1913 года, деятельность Закаспийского железнодорожного начальника, как мы убедились, была оценена положительно высшим руководством, в том числе и Эмиром Бухарским Сеид-Алимом — генерал-майором свиты Его Императорского Величества Николая II.

Его Высочество оценил услуги предупредительного и исполнительного чиновника по обслуживанию личного поезда сиятельного правителя на вверенной ему дороге — бухарским орденом «Золотая звезда 1-ой степени», на принятие и ношение

которого вскоре последовало всемилостивейшее соизволение российского самодержца[736].

Прощание со службами управления, фотографирование с сослуживцами, банкет в железнодорожном собрании не заняли много времени. Приятно удивили памятный *«адрес»,* преподнесённый Советом старшин, и обращение к господину министру с ходатайством об украшении зала собрания портретом его основателя и почётного попечителя.

Александр Филимонович передал исполнение своих обязанностей помощнику и, провожаемый многочисленными чиновниками областных ведомств и оркестром технического училища, отбыл в субботу 28 сентября скорым поездом № 7 в Петербург (через Ташкент).

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству[737] он был уволен с государственной службы *«по болезни»* 9 октября 1913 года (с мундиром, приличной пенсией — 3552 рубля 50 копеек в год — и надлежащим служебным аттестатом)[738]. Но вряд ли 55-летний действительный статский советник думал о покое в бурлящей богемными соблазнами дорогой столичной жизни, которая очень скоро и внесла свои коррективы в его дальнейшую судьбу…

В Виленском военном училище

Виленское пехотное юнкерское училище, размещавшееся в предместье города Погулянка, к августу 1909 года имело за своими плечами 45-летнюю военную историю. Его воспитанники в мундирах из тёмно-зелёного сукна, синие погоны, воротники и обшлага которых украшали золотые галуны, выпускались в армейскую жизнь полноправными офицерами, а не скромными подпрапорщиками, как ещё несколько лет назад.

Сдавая 22 мая учебное заведение полковнику Б.-К. В. Крейчману, его начальник Н. А. Хамин дал блестящую рекомендацию ближайшему подчинённому на освободившуюся высокую должность. Бывший «виленец» и выпускник Академии генерального штаба (по 1-му разряду), известный авторитет в военной педагогике Крейчман был душой училища, дослужившись в нём от штабс-капитана до полковника и орденов Св. Станислава и Св. Анны вторых степеней. Всей своей деятельностью инспектор классов подготовил 3-х классное юнкерское училище к переходу в новое качество и переименованию его в военное. Успешно справился Болеслав-Казимир Валерианович и с задачей очередного выпуска офицеров за время исполнения им в течение двух с половиной месяцев новых обязанностей.

Но 9 августа персоналу училища был представлен, к всеобщему недоумению, новый начальник в лице… бывшего командира батальона Киевского военного училища полковника Б. В. Адамовича (не имеющего, напомним, высшего военного образования)!

Согласимся с необычайностью ситуации. К счастью, неординарные *«соперники»,* уважая друг друга, сумели найти общие точки соприкосновения, несмотря на разницу в возрасте и уровне военных знаний. В дальнейшем тесном сотрудничестве оба офицера почти одновременно удостоились в апреле 1913 года производства в генерал-майоры.

Из воспоминаний генерал-лейтенанта П. С. Махрова[739], в 1909–12 годах штаб-офицера Виленского военного округа:

…Выше среднего роста, с аскетичным лицом и проницательными умными глазами полковник Адамович был всегда одет с иголочки, с блеском многочисленных значков и жетонов на мундире. Никогда не улыбаясь и всегда серьёзный, он казался постоянно озабоченным какой-то мыслью. Все его движения и манеры были рассчитаны на определённый эффект,

как у опытного актёра.

Один из верноподданнейших монархистов, он сохранил блеск военного мундира и любовь к красоте военного строя. Плац-парадная сторона службы занимала видное место его жизни. «Муштру» доводил до ***акробатизма,*** вызывая восторг великого князя Константина Константиновича. Будучи тщеславен, любил, чтобы его труды были замечены и отмечены. Умел обратить внимание начальства на свои достижения и как администратор выражать благодарность отличившемуся персоналу.

На смотрах, парадах, балах приводил в восхищение всех красотой, совершенством и блеском строя своих подопечных, убранством училища, благовоспитанностью юнкеров. Стены и потолок парадного зала по его указанию были расписаны знаменитыми изречениями[740], в том числе и его собственными афоризмами ***(«К высокому и светлому знай верный путь», «Виленец — один в поле и тот — Воин»),*** выгравированными в 1910 году на наградных училищных жетонах. Эти знаки поощрения воспитанники носили, прикрепляя к верхней пуговице мундира на специальной цепочке. Позже появились и четверостишия гвардии капитана П. Барышева в их честь:

К высокому знай верный путь,
Иди прямой дорогой к свету.
Как рыцарь безупречным будь
И верен данному обету.
В дни юности и дни седин
Будь Родины своей достоин.
И твёрдо помни, что один
И тот на ратном поле — Воин!

Никто не уделял столько времени юнкерам, как Адамович. Знал каждого из 400 индивидуально! Свои советы и поучения к ним выражал краткими цитатами, которые лучше сохранялись в памяти воспитанников. Справедливый и сердечный, помогал юнкерам в учёбе и развлечениях.

Наряду с тем в течение двух лет беспощадно отчислял нерадивый и неподходящий к военной службе контингент, беря на себя всю ответственность за последствия подобной меры воспитания (выпуск 1912 года составил всего лишь 30 % от числа поступивших).

В 1914 году, пользуясь расположением великого князя, добился учреждения нагрудного знака в честь 50-летия училища, что по существующему положению дозволялось только к 100-летним юбилеям как военных, так и гражданских ведомственных

структур…

Из воспоминаний Виленца:

…Почти не было случая, чтобы мы не видели своего начальника по несколько раз в день. Его можно было встретить в лазарете, дортуарах, гимнастическом зале, в классах, на плацу, в столовой, на кухне. Везде и всюду проникал его зоркий глаз. Стараниями Адамовича отводились даже отдельные вагоны в поездах для уезжающих на каникулы юнкеров, и к отъезду он приезжал проститься со своими питомцами. Регулярно навещал и больных тифом в военном госпитале, расположенном на противоположной окраине города…

Новый начальник, совмещая в себе, казалось бы, противоположные качества, сумел добиться очень многого на занимаемом посту. Продолженное им интенсивное внедрение в учебный процесс новых программ позволило училищу уже с 1 сентября 1910 года стать военным с пожалованием нового знамени, новых погон и соответствующей формы обмундирования юнкеров, включая… белые замшевые перчатки! Для торжественных мероприятий был введён училищный встречный марш на сонет поэта К. Р.:

> Наш полк. Заветное чарующее слово
> Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
> Другим оно старо, для нас — всё так же ново
> И знаменует нам и братство и семью…

Постепенно все педагогические должности заняли преподаватели по гвардейской пехоте, а строевые (в трёх ротах из четырёх) — офицеры гвардейских полков! Для обучения юнкеров верховой езде к училищу были прикомандированы 30 всадников с инструкторами.

Но не менее важными для Бориса Викторовича оставались и вопросы изучения… русского языка и литературы на примерах классических произведений военной тематики. Сочинения будущих командиров, по его мнению, должны буквально прорастать из статей и книг о воспитании офицера и генерала.

Хорошо зная по опыту значение воинских традиций в формировании личности защитника престола и отечества, одним из первых приказов полковник Адамович официально распорядился об учреждении… музея училища, который и был открыт 1 ноября 1909 года.

Хватило его и на интенсивную организаторскую работу в качестве делопроизводителя в комиссии по подготовке юбилейных мероприятий к 200-летию родного полка. Сами торжества состоялись в Варшаве 29 мая — 1 июня в день полкового праздника — тезоименитства его основателя Петра Великого.

На площади перед церковью вокруг памятника Петру под сенью своих 20 старых знамён был выстроен парад, на правом фланге которого стояли трубачи с серебряными трубами за взятие Берлина в 1760 году. Полк во главе со своим командиром, преклонив колени, принял новое Георгиевское знамя с гвардейским орлом, ликом Спаса Нерукотворного и вензелем Государя, шитыми серебром по синему полю. Углы полотнища дополнительно украшали шитые шёлком Российские гербы.

Как военный историк Борис Викторович издал в С.-Петербурге к славной дате главный труд всей своей жизни — 3-томный «Сборник военно-исторических материалов лейб-гвардии Кексгольмского Императора Австрийского полка» и журнальную статью «Хроника, отличия и боевой формуляр лейб-гвардии Кексгольмского полка». Одновременно в Варшаве вышло в свет и третье издание его брошюры «Кексгольмская слава».

За заслуги перед армией Б. В. Адамович жалуется «Юбилейным нагрудным знаком полка» — копией с распятия Св. Андрея Первозванного, украшавшего грудь Петра во время Полтавского боя, а 6 декабря 1910 года и императорским орденом Св. Владимира 4-й степени.

Из писем Георгия Адамовича к брату Борису в Вильно:

Н. Петергоф, 12 августа 1909 года.

…Прости, милый, за молчание. Хочу поблагодарить тебя за лето, одно из моих лучших воспоминаний. И оно мне дороже, чем Киевское, где я тебя мало видел. Ты, вероятно, знаешь — твоё мнение и признание мне очень дороги. Я был убеждён — ты считаешь меня дураком, и оттого не хотел показывать, что у меня ***внутри****. В сущности, ты совершенно прав, так как я часто говорю глупости да и держусь глупо.*

Кроме того, так хорошо жить и говорить с человеком, который на всё имеет своё мнение, не поддающееся чужому влиянию. Это моё первое к тебе письмо ***не о погоде****. Ты поймёшь, что оно искреннее. Ведь так легко узнать неискреннее письмо?*

Новостей нет. Мама здорова и очень поправилась с приезда. Дневник готов! Предсказания не оправдались?..[741]

СПб. 25 декабря 1910 года.

…Я люблю вспоминать это лето в Вильне и всегда радуюсь, когда думаю, что может быть и будущее лето будет таким же милым. Я так люблю бывать у тебя. Здесь же не свободно, не интересно, затхлым пахнет. У тебя своего рода отдых.

Ты мне ужасно дорог именно тем, что в тебе так много свободного, устойчивого, здорового, что у тебя есть что-то ясное и твёрдое, во что ты веришь и чему учишь. Но знаешь, под впечатлением твоих дневников я часто думаю, что ты в себе что-то подавил или может быть победил, не знаю… И мне почему-то кажется, что это и есть в тебе самое глубокое, самое твоё, дорогое тебе.

В дневниках ты совершенно не военный. Там столько затаённой стыдливой тоски по другой жизни. Ты прости, милый, что я это пишу. Неделикатно это, вероятно, и бестактно.

И мне непонятно, как можешь ты теперь так убеждённо, страстно учить тому, чему учишь? Но я сам путаюсь. Не всё ли это равно. Ведь сам ты, конечно, веришь. Ведь без этого нельзя. Я ужасно люблю в тебе эту веру. Так это хорошо идти прямой, ясной дорогой. И столько в тебе сильного. Герои Ибсена такие, не знаю, читал ли ты его. У тебя с ними много общего. Во мне этого нет.

Пишу ночью и сейчас запечатаю письмо, потому что завтра, если прочту, то, наверное, разорву его. Ты прости, Боря, то, что я написал. Боюсь тебе будет неприятно. Конечно, есть темы, которых нельзя касаться…

В праздник, может быть, напишу тебе ещё. У меня много нового — университет и другое… Всё это интересно. Я вообще очень непостоянный, часто меняюсь совершенно. Не знаю, свойство ли это моего возраста или я всегда буду такой. До свидания, мой милый. Целующий тебя крепко Жоржик[742].

СПб. 5 января 1911 года.

Пишу по поручению Вовы. Он скоро уезжает и хочет иметь печать с гербом рода Адамовичей. Мне кажется, у тебя она есть. Пришли хоть пустой конверт с этой печатью. Все тебя целуют. Твой Жоржик.[743]

СПб. 19 февраля 1911 года.

Дорогой Боря!

Прости, что не так скоро отсылаю дворянский герб рода

Адамовичей и то, что так мало пишу. Искренне рад твоему письму и очень за него благодарю. У нас уже пахнет весной, и я жду лета. Целую тебя крепко. Жоржик[744].

СПб. 17 ноября 1912 года.

Боря, милый, прости, что не пишу. Я люблю лето с тобой. Рад чувствовать в тебе человека, в отношениях к которому можно иногда и не делать того, что надо. Мне было бы обидно знать, что ты сердишься на меня. Приезжай на радость. Я занят и университетской работой, и уроками…[745]

СПб. 27 октября 1913 года.

Дорогой Боря!

У меня к тебе просьба. Довольно близкие мне люди издают новый журнал «Глобус», в котором я, вероятно, приму участие. Подписчиков и денег пока ещё мало и приходится журнал рекламировать. Подпишись поскорее. Цена — 4 рубля в год. Приедешь ли в декабре? Не сердись за вымаливание денег. Твой Жоржик[746].

Между тем девизы Виленцев и зародившиеся здесь знаменитые «Заповеди товарищества», сформулированные Б. В. Адамовичем в 1910 году и разосланные во все кадетские корпуса и военно-учебные заведения, проникали в военную среду.

> *Товарищество* — добрые взаимные отношения людей живущих или работающих вместе, основанные на доверии и самопожертвовании.
>
> Военное товарищество доверяет душу, жертвует жизнью.
>
> На службе дружба желательна, товарищество обязательно.
>
> Долг дружбы преклоняется перед долгом товарищества.
>
> Долг товарищества преклоняется перед долгом службы.
>
> Честь непреклонна. Бесчестие во имя товарищества остаётся бесчестным.
>
> Подчинённость не исключает взаимного товарищества.
>
> Подвод товарища под ответственность за свои поступки — измена товариществу.

Товарищество прав собственности не уменьшает.

Отношение товарищей должно выражать их взаимное уважение.

Честь товарищей нераздельна.

Оскорбление своего товарища — оскорбление товарищества.

В самом училище стали нормой новаторские для того времени приёмы военной педагогики: тактические ночные полевые учения; право на отпуск через экзамен; месячные (два раза в неделю) практические занятия старших юнкеров с солдатами-новобранцами пехотных полков; участие совместно с армейскими подразделениями в подвижных сборах. В этих случаях будущие офицеры распределялись по 2–4 человека на отделение и полностью подчинялись их командирам; двухнедельные походы с отработкой приёмов достижения намеченных целей, при этом командовали отделениями, взводами и ротами выпускники училища по очереди; разбор учений с докладчиками-юнкерами.

В походах будущие военачальники знакомились с памятными местами воинской славы, с фортификацией (на примерах крепости Ковно и новостроящихся морских укреплений в Либаве), совершали пробные плавания на военных кораблях.

Неоднократно в полевом лагере близ станции *«Ораны»* Гродненской губернии юнкера оказывались в блиндажах под батареей для ощущения на себе действий орудийного огня и представления о его возможностях. Приходилось присутствовать на учениях сапёрных и понтонных батальонов. «*Тяжело в училище — легко в полку*» — напоминал воспитанникам их начальник.

Наряду с обучением значительное место в деятельности Бориса Викторовича занимали и вопросы быта подопечных. Была произведена перепланировка части внутренних помещений здания, оснащение их новой мебелью, заново воссоздан спортивный зал с гимнастическими снарядами. Появилась собственная электростанция, была расширена метеостанция для возможности дежурства в ней юнкеров старшего курса.

Еженедельно за обедом в зале играл серьёзную музыку оркестр 108-го пехотного Саратовского полка. Для особых случаев каждому юнкеру был пошит по индивидуальным меркам парадный комплект формы, включая и сапоги. При производстве в офицеры выпускнику вручалась нательная серебряная иконка Святых Косьмы и Дамиана — небесных покровителей училища. 3–4 раза в год учебное заведение устраивало балы в своих стенах. Воспитанники посещали вечера Гарнизонного Собрания, женского

института и гимназий, совершали экскурсии.

Многократно бывая в Вильно с инспекционными проверками, его шеф оставлял в дежурном журнале такие записи:

…Провёл в училище под кровом его начальника одно воскресенье и два будничных дня и увожу о Виленцах самые лучшие воспоминания…

…Отрадно отметить отеческое, полное любви заботливое отношение начальника к вверенной ему молодёжи…

Но предполагал ли генерал-инспектор, что Б. В. Адамович не отказывал в помощи и молодым офицерам из своих бывших подопечных по Киеву и Вильно? В фондах РГВИА имеется достаточно тому свидетельств.

Сам полковник-педагог своё внутреннее состояние этого периода жизни очень точно выразил в письме к другу-офицеру К. П. Гарнишевскому (1910 г.):

…Я невольник чести. Только ли психоз увлечения, выполнение ли призвания или идеальное сознание долга, но я весь отдался службе. Груда писем (200–300 в год) от старых учеников…[747]

Из письма юнкера третьей роты Киевского военного училища А. Я. Степанова от 6 июня 1909 года:

…В день Вашего отъезда в Вильно ротный командир услышал мою фразу, сказанную в кругу товарищей: Какая нелепость этот учебный шаг, к чему он? — Я получил 30 суток ареста и был переведён во 2-й разряд выпускных (на остатки вакансий). Боюсь, что попаду в резервный батальон, а мечтал о Владивостоке. Помогите, Борис Викторович, составить рапорт о распределении на Дальний Восток…

Из письма подпоручика 11-го Восточно-Сибирского Её Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка А. Я. Степанова от 13 ноября 1909 года:

Дорогой Борис Викторович, поздравляю заранее с Новым годом! По гроб благодарный ученик. Владивосток[748].

Полковнику Адамовичу из Варшавы от 17 февраля 1912 года:

Дорогой наставник. С особым удовольствием (и прискорбием) вспоминаю короткие минуты пребывания под Вашей опекой, где

родительское око зорко следило за юнкерами, заботясь на каждом шагу о том, чтобы только всё хорошее прививалось нам — будущим воспитателям русского воинства.

Познания и взгляды, которые каждый из нас воспринял и вынес из родного училища, навек останутся в наших сердцах. Смею просить на память Вашу фотографию. Горячо Вас любящий 9-го сапёрного батальона Мих. Филатов[749].

Из письма выпускника Виленского училища Тютикова от 15 ноября 1912 года:

…Помните, дорогой Борис Викторович, когда Вы сказали Его Высочеству, что, несмотря на моё шалопайство, любите меня за то, что у меня хватает гражданского мужества высказать своё мнение? Великому князю благоугодно было лишь ответить, чтобы я писал ему, когда стану офицером.

Ехал я сюда, помня афоризмы на стене училищной библиотеки… А вот вопросы, которые предлагались на смотру начальником дивизии: «…Когда Бог был на земле? Когда Христос стоял на одной ноге? Что делает Государыня? Куда и сколько раз ранен? Что такое Дух? Что означает каждый палец, когда крестишься?..»

Увидев образ Николая Чудотворца, генерал задал вопрос: «Когда он сосал правую грудь матери?» Никто из офицеров не ответил.

И тогда нам было прочитано «Житие Николая Чудотворца…»

С. Раздольное, Приморск, обл.[750].

Из писем подпоручика 87-го Нейшлотского пехотного полка А. В. Овчинникова от 7 октября и 24 декабря 1913 года:

…Месяц я в полку. Связь с Вами не прерывается с окончанием училища. Вот и сейчас лежат на столе перед глазами Ваши «Руководящие приказы», дорогой учитель…

… Вскрыл письмо не без некоторого волнения. Я знал и не ошибся, что Вы меня поймёте… Аракчеевские казармы, Новгород[751].

Подобные примеры поддержки и помощи со стороны Бориса Викторовича приводили и родственники да и просто знакомые. Из письма двоюродного брата ротмистра Е. А. Адамовича в Вильно от 17 декабря 1909 года:

Дорогой Боря!

Вернулся из Петербурга с похорон бывшего командира полка. Был и у генерала от артиллерии сенатора Ф. Н. Платонова — товарища твоего папы по корпусу и моего — по юридической академии. Ходатайствует об офицере, мечтающем попасть преподавателем в училище. Просит совета. Любящий тебя брат Евгений. Сумский полк[752].

Из письма к Б. В. Адамовичу в Вильно от 11 марта 1910 года из Плоцка Варшавского Воеводства:

…Если Вы всё тот же симпатичный и отзывчивый человек, которого я знала 20 лет назад, когда была счастливой женой Вашего брата Дмитрия, отзовитесь на моё письмо. Утопающий хватается за соломинку. Простите мою навязчивость, но ради старой дружбы и спасения Вашей племянницы Нины — помогите.

Я хочу служить в гимназии классной дамой, но нужна протекция (права я имею). Вы служили в Варшаве и, если сохранили связи, то сможете мне помочь. Ни от чего не откажусь, готова работать и машинисткой, лишь бы быть вместе с дочерью. Несколько месяцев прожила она у отца, но врозь нам тяжко.

Приехала сюда в надежде, что жизнь здесь дешевле, чем в Тифлисе, и можно получить место. Но оказалось — одни слова. И пособие от Вашего брата для нас двоих недостаточно… Н. Лухманова. Мой адрес: Пекорская ул., дом Соневича[753].

Из телеграммы к Б. В. Адамовичу от О. Ф. Вейнберг, 4 ноября 1910 года:

> МИЛЫЙ БОРЯ! ОЧЕНЬ БЫ ЖЕЛАЛА ВАС ВИДЕТЬ, ЕСЛИ ЭТО БУДЕТ ВОЗМОЖНО. БУДЕМ В ВИЛЬНО ВО ВТОРНИК ВЕЧЕРОМ ИЗ ВЕНЫ ОКОЛО ДЕВЯТИ. УЖЕ ДВА МЕСЯЦА. КАК МЫ С ТАНЕЙ ВЫЕХАЛИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА. ЦЕЛУЮ И НАДЕЮСЬ СВИДЕТЬСЯ[754].

Письма без ответа

1912 год ознаменовался для России пышными мероприятиями и торжествами в память 100-летия Отечественной войны 1812 года, в которые *Вилѣнцы* и их начальник внесли свою посильную лепту.

В марте-апреле Военно-исторический вестник опубликовал к юбилею историческое изыскание полковника Адамовича — «Выборки из приказов по Кексгольмскому полку за 1812 год», а Военный сборник в сентябрьском номере поместил его статью «Приёмы практической подготовки юнкеров».

Училищный выход в полевой лагерь «Ораны» состоялся, как всегда, 6 мая. Юнкера подготовили и провели двусторонний маневр на пути отступления Наполеоновской армии с имитацией сражения на Березине и взятия городка Борисова. Далее воспитанники проследовали поездом до Москвы и посетили священные для каждого воина места сражений при Бородино, Малоярославце и Вязьме.

2 августа все роты благополучно вернулись в Вильно, где 6 августа в день Преображения Господня состоялся «Бородинский выпуск». Молодые подпоручики в парадной форме с трепетом принимали из рук начальника атрибуты своего нового статуса — бинокль, револьвер (со 100 патронами), шашку с темляком — и целовали клинок, подчёркивая свою верность воинскому долгу.

Из письма двоюродного брата, ротмистра Сумского полка Е. А. Адамовича, к Б. В. Адамовичу от 29 июля 1912 года:

…От папы слышал, что несколько Адамовичей ранены и убиты в войне 1812 года. Что ты о них знаешь? Мне нужно родство. Оно поможет производству в очередное звание. Брат Евгений[755].

Неожиданное письмо напомнило Борису Викторовичу о трёх родственниках Адамовичах (по линии отца) и двух Байковых (по линии матери), проливших свою кровь на той священной войне и упомянутых на мраморных стенах храма Христа Спасителя в Москве:

— прапорщик Калужского пехотного полка. Убит при Дрездене 14 августа 1813 года;

— прапорщик Нижегородского пехотного полка. Ранен при Шевардино;

— поручик Софийского пехотного полка. Ранен при Малоярославце;

— поручик Пермского пехотного полка. Убит при Дрездене

14 августа 1813 года;

— поручик Нарвского полка. Ранен при Малоярославце.

Из письма от 9 августа 1912 года:

…*Спасибо за документы родового древа. Евгений.*

Сам полковник Адамович 26 августа сего славного года удостоился бронзовой медали «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года».

Но ярчайшим событием этого времени и, пожалуй, всей неустроенной личной жизни Бориса Викторовича явилось случайное знакомство в Вильно с замужней дамой, женой действительного статского советника и Тобольского губернатора (с февраля 1912 г.) Марией Сергеевной Станкевич (в девичестве Степановой). К сожалению, мы не располагаем свидетельствами того, насколько сильно 41-летний холостяк полюбил женщину, с которой так недолго общался. Предоставим проницательному читателю, владеющему языком недоговорённостей, намёков, интонаций эпистолярного жанра, самому убедиться в этом по сохранившимся письмам *М. С.*

Из письма от 11 апреля 1912 года:

Многоуважаемый Борис Викторович!

Княгиня Чегодаева бранила меня после Вашего ухода за мой бестактный рассказ. Я и сама почувствовала это ещё до его окончания и осознаю, что она права. Вышло то, что Вы встали и ушли, а я не сумела удержать и загладить свою ошибку. Мне это тем более неприятно, что я ставлю Вас выше многих и ловлю себя на том, что дорожу Вашим мнением.

Уверена, Борис Викторович, Вы поймёте меня, и это письмо не покажется новой нескромностью, чего бы я очень не хотела. Уважающая Вас М. Станкевич.

Из визитки от 12 апреля 1912 года.

Многоуважаемый Борис Викторович!

Только что получила Ваше письмо и спешу ответить. Буду очень рада видеть Вас в понедельник.

Из письма от 2 мая 1912 года:

Многоуважаемый Борис Викторович!

Очень жаль, что так и не увидела Вас у себя, но, надеюсь, Вы

здоровы и хорошо себя чувствуете.

Вчера вспоминала Вас, когда писала к Н. А. Шиповой, сына которой Вы так напоминаете мне не столько чертами лица, сколько чем-то неуловимым в манерах, взгляде и даже голосе.

Я познакомилась с ним, когда он был женихом, любил и был счастлив. Но потом свадьба его расстроилась. Это наложило отпечаток на всю его жизнь и очень дурно на него повлияло. Он не женился и, вероятно, никого не любил так, как свою невесту. С тех пор он с недоверием, свысока и иронией относился к женщинам, у которых пользовался большим успехом.

Сам он был очень чутким и умным человеком. В нашей семье все искренно его любили. Я откровенно горевала, узнав о его смерти (он умер 34-х лет). Уважающая Вас М. Станкевич.

Из письма от 8 мая 1912 года:

…Со вчерашнего разговора, Борис Викторович, я под впечатлением чего-то тяжёлого. Не могу себе простить тень критики по отношению к человеку, который дал мне так много искреннего сердечного чувства и молодого горячего порыва.

Не знаю, было ли это настоящее, о котором Вы как-то говорили, из того, что нужно для глубокого чувства. Обстоятельства складывались так, что честь, рассудок и даже сердце требовали, чтобы всё было сломано, и это было сделано.

Право смотреть прямо в глаза близким и дорогим людям нелегко даётся, поверьте мне. Я знаю, что отступаю в данное время от строгого правила сдержанности, но прошу Вас, не судите меня за это. Не всегда можно удержать душевное равновесие, а за последние годы пришлось пережить тяжёлое разочарование в самом святом, что есть для человека и ради чего, несмотря на весь пыл молодости, всё можно было исправить.

Как мало понимают люди всю ответственность, какую берут на себя, вступая в брак без того сильного, всепоглощающего чувства, которое для этого необходимо. И как мало умеют они беречь то святое святых, ради которого только и стоит жить!

Уверена, Вы поймёте меня и не сочтёте письмо жалобой на кого бы то ни было. Если и могу винить кого, то одну себя. Не знаю, для чего пишу, но чувствую в этом сильную потребность. Прошу не судить и не считать меня навязчивой. Вы знаете, что это не так. М. Станкевич.

Из письма без даты отправления:

…Пишу, так как мне хочется, прежде чем увижу Вас, сказать

несколько слов. Чувствую, что своей неуместной откровенностью поставила Вас, сама того не осознавая, в неловкое положение по отношению к себе. Прошу простить эту недопустимую неделикатность. Постарайтесь забыть всё то, что я говорила и писала о себе. Мне стыдно за свою слабость.

*Я пережила настоящую душевную ломку, которая измучила меня. Возможность повторения пережитого когда-то просто сводила с ума. Ваш вопрос — **Если чувство может повториться, то где же правда и чему верить?** — мучительно преследовал меня. Казалось, правды нет — и я стою среди руин.*

Одно сознаю, любить вечно можно только Бога. Всё остальное может повториться (со всей яркостью) обманчивой прелестью миража. У каждого человека свой жизненный опыт, свои выводы. Для меня это сложилось так, и я пишу об этом потому, что хочу сознательно ответить на тот вопрос, который, казалось, тогда интересовал Вас. Приблизиться к идеалу всегда возможно, поскольку это в наших силах.

Не хотелось бы уехать из Вильны, не увидев Вас, увезти с собой сознание того, что Вы осудили меня, лишили уважения и хорошего отношения. Вы сказали, что хотите мне верить, и я надеюсь на это. Если же это покажется Вам ненужным и лишним вторжением в Вашу жизнь, напишите откровенно, по правде.

М. Станкевич.

Из письма от 30 мая 1912 года:

…Чувствую всей душой, что проститься так, как мы сегодня, — нельзя. Вам было грустно. Говорить о постороннем и не сказать ничего тёплого. И мне было невыносимо казаться не той, какая я есть.

Князь время от времени испытующе смотрел на меня, я знаю, как он всё подмечает, как он подозрителен. И оттого я чувствовала себя страшно неловко. Вот почему и прощалась с Вами так холодно, хуже, чем чужая.

Сейчас у меня сильно болит голова, едва пишу. Но хочу просить — нельзя ли видеть Вас завтра, хотя бы на 5 минут утром или днём, когда будет удобно? Мы завтракаем в 12 ½, обедаем в 6 часов у Вишневских. Я бы могла приехать утром или после завтрака на Погулянку, чтобы не отнимать у Вас время, и сказать несколько тёплых слов на прощанье (не забудьте о книге Вашей матушки).

Ведь самое ценное в жизни — отдать другому хотя бы частичку своей души, а в Вашем отношении ко мне я не сомневаюсь. Всё остальное не стоит внимания. Простите за кляксу и

несуразное письмо. Я приеду, куда укажете и когда Вам будет удобно. Только ради Бога не подумайте ничего дурного. М. Станкевич.

Из письма от 30 мая 1912 года (Кобыляники, Виленск. губ.):

… Вот уже неделя, Борис Викторович, как я написала Вам моё первое письмо.

Волнуюсь, не зная, получили ли? Успокойте меня. 20-го едем к Чегодаевым. Пробудем недели две. Их адрес: Орловско-Рижская дорога, ст. Починок или Боровское. Но Вы успеете написать мне ещё сюда. Если что, письмо перешлют за мной.

Как себя чувствуете? Мне стало немного лучше. Начинаю отходить от сильной усталости. Жду с нетерпением известий. М. С.

Из письма от 18 июня 1912 года (Кобыляники, Виленск. губ.):

…Каждый день жду письма от Вас и каждый день приносит мне разочарование. Сегодня на моё имя пришло письмо с адресом, написанным совершенно Вашим почерком, но с чёрной каймой. Сердце невольно сжалось от боли и… радости, что, наконец-то, ожидаемое от Вас. Но, увы, письмо было от родственника, потерявшего весной жену и ребёнка. И такое грустное и подавленное, что на душе стало ещё тяжелее. Несчастный человек!

Отчего не пишете, Борис Викторович? Дошли ли два первых моих письма? Не изменилось ли Ваше отношение ко мне? Вы, вероятно, съездили в Москву, рассеялись, отдохнули. И наше короткое знакомство вспомнилось Вам, как нечто странное и ненормальное? Пусть так, но желание моё писать Вам, узнать ближе — совершенно искренно. Мы почти не знаем друг друга. Но я Вам верю; до глубины души была тронута Вашими словами по телефону в день отъезда. Вы отнеслись ко мне по-человечески и бережно, как друг, позволили справиться с тем, что так охватило меня.

Я вижу в Вас человека способного не опошлить чувства, а понять всё то, что мы сами вкладываем в них. Может быть, Вы не хотите писать о том, о чём не решились сказать? Но я бы не хотела остаться с сознанием того, что Вы закрыли эту страничку Вашей жизни, не придавая ей значения. Мне было бы очень тяжело, если бы Вы вдруг захотели всё прервать…

Ведь ценно в жизни единственно то, что даётся друг другу добровольно. А мне именно нужна сильная и искренняя помощь. Но

где её найти и при этом не ошибиться в других?

Я невольно сбиваюсь на минорный тон. Вы обещали помочь мне вернуть душевное равновесие, а вместе с тем молчите. Последние дни я болею, слабость. Приходится откладывать отъезд к Чегодаевым. Думаю выехать теперь 24–25-го. Вы успеете ещё написать мне сюда. Я прочла книгу Вашей матери (Н. Лухмановой). Куда и как переслать её или оставить у себя? Но может, именно этой книгой Вы дорожите? Интересны ли Вам будут мои впечатления о ней? Пишите откровенно, если что-то Вас смущает. Я всё пойму. Уважающая Вас М. С.

Из письма от 1 июля 1912 года (ст. Боровское):

…Пишу Вам по просьбе мужа моей подруги А. П. Красовского — командира 4-го гусарского Мариупольского полка в Белостоке, в семье которого я гостила в Кобыляниках. Александр Апполинариевич, узнав, что я знакома с Вами, обратился ко мне с просьбой ходатайствовать за полкового писаря Василия Червякова — сверхсрочника, отличного по службе и нравственным качествам.

Он собирается держать экзамен при Виленском училище на звание «кандидата на классный чин». А. П. просит, по возможности, облегчить ему экзамен по немецкому языку. Жена Красовского (урождённая Стрижевская) — наша соседка по имению в Воронежской губернии и мой большой друг.

Завтра князь едет в Вильно и доставит письмо. Пользуюсь случаем послать Вам мою фотографию. «Снята» в эту зиму в Ницце. В имение Красовского иногда не доходят письма. И меня огорчает мысль, что и Ваше не дошло или моё до Вас.

Приехав в Боровское 27-го, была опечалена, не найдя и здесь ничего от Вас. Ваше молчание прямо удручает. Я переживаю мучительную смену мыслей, ощущений и ни к чему не прихожу. Осознаю, уважение и доверие надо заслужить. А я лишена этой возможности по отношению к Вам.

Но ведь можно долго знать человека и не узнать правды о нём. А потому я не придаю большого значения длительному знакомству. Что-то мне подсказывает, что Вам можно верить. Но деликатно ли будет продолжать писать Вам, не получая ответов?

4-го еду и 5-го вечером уже буду в нашей деревне. Мой адрес: Воронежская губ., Землянский уезд, ст. Б. Поляна, с. Архангельское. Я плохо себя чувствую и хочу скорее в родную обстановку. Местность у нас некрасивая, дом стар и плох. Всё очень запущено, так как моя мать владелица имения вот уже 10 лет безвыездно (по болезни) живёт в Ницце. Но меня тянет к родным стенам, к

сестре, которая проводит там лето…

22 июня у Красовских мне было плохо. Хотели даже выписать доктора из Вильно. Но сознание того, что муж в далёком Тобольске завален серьёзными губернаторскими делами и вся ответственность за детей на мне, наконец, уход за мной Е. С. Красовской, трогавший до глубины души, заставили меня встряхнуться, чтобы побороть болезнь. Отчасти это удалось, и 26-го я смогла выехать, но ещё чувствую слабость и удручающую тяжесть во всём теле и даже в мыслях.

У Красовских чудный дом, но у Чегодаевых гораздо красивее природа. С одной из террас такой дивный вид на озеро и парк, что глаз оторвать нельзя. Можно часами лежать в chaise longue[756] *и любоваться водой, небом и деревьями.*

В Оранах, вероятно, хорошо. Хотелось бы знать, какие у Вас теперь дела, как складывается лагерная жизнь? Здоровы ли? Счастье любить своё дело и находить удовлетворение в работе! Да хранит Вас Бог! И да поможет Он Вам! М. С.

В начале августа еду в Тобольск и заеду на два дня в Москву для покупок. Это письмо вложено в два конверта и на первом тоже Ваше имя. Как быть с книгой вашей матери?..[757]

Мирная жизнь, девичьи ожидания…

Летом 1912 года из далёкого Гонконга через третьи руки долетела до Бориса Викторовича коротенькая весточка от брата Дмитрия.

Из письма старшего воспитателя Гатчинского Сиротского института Императора Николая I Александра Де-Лазари (родного брата В. Н. Лухмановой) от 11 августа 1912 года:

…Вера пишет интересные письма и видно, что пока они с мужем довольны. Митя был хорошим советчиком, да уж далеко заехал…[758]

А между тем первая семья «консультанта» забрасывала его брата жалостливыми письмами о своём печальном существовании.

Из письма дочери Дмитрия Афанасьевича Нины Лухмановой из Плоцка в Вильно от 19 октября 1912 года:

…Хотелось бы поддержать наше короткое знакомство, когда я видела Вас проездом к отцу в Одессу. Вы так правдивы, что с Вами легко говорить и хотелось бы иметь Вас своим другом. Папа ведь так далеко… Родственники мамы живут между собой не хорошо. Иногда бывает тяжело. Покуда я молода, хотя и не совсем здорова, надо работать… Пишет ли Вам папа ?..[759]

Из письма Надежды Лухмановой из Плоцка в Вильно от 7 декабря 1912 года:

…Сообщите мужу о положении сына Бориса. Моё письмо не помогло. Что я могу для него сделать, получая с Ниной 50 рублей, а подработать негде? Письмо в Гонг-Конг идёт 29 дней. Дайте совет. Прилагаю письмо сына Бориса от 2 декабря 1912 года из Петербурга:

…29-го получил от тебя 15 рублей, спасибо. С товарищем перебрались на новую квартиру, за 20 рублей. Питаемся, чем попало и где придётся. Однажды был у брата Веры — А. Н. Де-Лазари.

В мореходку не хожу — не пускают из-за неуплаты обучения.

А Вера Николаевна должна скоро получить наследство от умершего дяди (2900–4000 рублей). На лето место мне обеспечено в Доброфлоте учеником штурмана на 25–30 рублей в месяц. Пиши мне на адрес: В. О., СПб., Б. Проспект, дом 60, кв. 55[760].

21 февраля 1913 года в канун юбилейных торжеств, широко отмечавшегося в России празднования 300-летия царствования Дома Романовых, неутомимый начальник училища награждается бронзовой медалью в память знаменательного события, а 14 апреля в 42 года производится в генерал-майоры по гвардейской пехоте, выслужив, таким образом, право на потомственное дворянство[761].

Пример того, как дети идут дальше своих отцов — В. М. Адамович удостоился аналогичного воинского звания только… в 59 лет. Новоиспечённый генерал и военный историк ничуть не возгордился «золотыми» эполетами. В Варшаве в соавторстве с К. Яцимирским выходит его очередной исторический очерк «Кексгольмский полк под Роченсальмом 13 августа 1789 года» о морском сражении между флотами России и Швеции в Финском заливе. И он по-прежнему откликается на просьбы коллег…

Из телеграммы Б. В. Адамовичу в Вильно от 10 мая 1913 года:

> ТИРАСПОЛЬ. ЧЕТВЁРТАЯ ПОЛКОВНИКА ФИГНЕРА БАТАРЕЯ, ПОЛУЧИВ СЕГОДНЯ ПРИВЕЗЁННЫЙ КОМАНДИРОМ БРИГАДЫ ДРАГОЦЕННЫЙ ДАР ОТ ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА, ПРИНОСИТ ПОЧТИТЕЛЬНЕЙШУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ. ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС, НАШИХ БОЕВЫХ ТОВАРИЩЕЙ КЕКСГОЛЬМЦЕВ И ПЕРНОВЦЕВ В СРАЖЕНИИ ПОД ОСТРОВНО — ГРОМКИМ УРА! ПОДПОЛКОВНИК РУБИНСКИЙ.

Из ответной телеграммы:

> ПОЛЬЩЁН И ТРОНУТ ОТКЛИКОМ ЗНАМЕНИТОЙ БАТАРЕИ. ПРОШУ ЕЁ КОМАНДИРА И ОФИЦЕРОВ ПРИНЯТЬ МОЙ ТОВАРИЩЕСКИЙ ПРИВЕТ СТАРОГО КЕКСГОЛЬМЦА, ГЕН. АДАМОВИЧ[762].

Попасть под начало Бориса Викторовича в Вильно мечтали теперь многие бывшие сослуживцы. Из телеграммы от 4 июля 1913 года:

> КАРС. ЗАКАВКАЗЬЕ. ПО ТЯЖЕЛО СЛОЖИВШИМСЯ ДЛЯ МЕНЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ ЖЕЛАТЕЛЬНО СЛУЖИТЬ ПОД ВАШИМ РУКОВОДСТВОМ. ПРЕДПОЧТУ ОЖИДАТЬ ПРИКОМАНДИРОВАНИЯ, ЕСЛИ ЕСТЬ МАЛЕЙШАЯ НАДЕЖДА ПОПАСТЬ ИМЕННО В ВАШЕ

УЧИЛИЩЕ. НЕ ОТКАЖИТЕ ОТВЕТИТЬ. ИСКРЕННО УВАЖАЮЩИЙ ВАС, ШТАБС-КАПИТАН МИРОНОВ[763].

Не отказал генерал Адамович в просьбе и Елизавете Семёновне по переводу её сына Владимира с места службы в селе Берёзовка близ Верхнеудинска (Забайкалье) на должность курсового офицера Чугуевского военного училища (Харьковской губ.). С началом нового 1913/14 учебного года бывший поручик 17 Восточно-Сибирского стрелкового полка в течение нескольких лет преподавал юнкерам тактику и военную топографию[764].

16 августа 1913 года 30 Виленцев во главе со своим начальником и тремя офицерами посетили по приглашению великого князя Константина Константиновича, особенно благоволившего училищу, его подмосковное имение «Осташево» (в 20 верстах от Волоколамска), где провели целый день в окружении семьи Августейшего покровителя.

Ещё 13 февраля 1910 года Его Высочество, обременённого десятком других не менее важных государственных должностей и попечительских обязанностей, сменил на посту начальника ГУВУЗа генерал от инфантерии А. Ф. Забелин. В значительной степени это было связано со здоровьем бывшего шефа: прогрессирующими заболеваниями почек, лёгких, сердца. Но до конца своей жизни (в июне 1915 года) он оставался генерал-инспектором любимого детища.

Встреча учителя и ученика, Святым заветом которых, обращенным к молодому, пьянящему духу удали, преданности и жертвенности русского офицерства, оставались «*Бог. Царь. Родина»,* стала последней в их земной жизни. Великий князь был уже серьёзно болен и уезжал на лечение в Наугейм (Германия).

Концом декабря 1912 года датируется начавшаяся переписка Бориса Викторовича с малолетними племянницами, дочерьми его родной сестры Марии Массен из Сочи. Приведём любопытные своей детской непосредственностью фрагменты посланий девочек, адресованные в Вильно строгому дяде.

Из письма 9-летней Лизы (Ляли) от 25 декабря 1912 года:

…Погода у нас разная — то хорошая, то идёт дождь. Я часто вспоминаю тебя. В дом мама взяла для нас белую кошечку. Я и Зоя спим с ней. Помнишь ли ты карточку, которую прислал нам из Сухуми? Она у меня на полочке. Приезжай к нам ещё. Резвушка Лиза.

От 9 июля 1913 года:

Дорогой дядя Боря!

Получил ли ты от мамы и Зойки открытки? Мне так понравилось в гимназии, особенно маленький садик. Все поступившие в 1-й класс девочки очень милые. Я рада, что на 10-й день, как я пойду в гимназию, ты приедешь. Жду тебя. Племянница Лиза.

От 25 ноября 1913 года:

…До ½ 3 часов я в гимназии. После обеда уроки. Мои отметки за четверть: поведение, прилежание, внимание, Закон Божий, история — 5; русский язык — 5/4; немецкий, география, природоведение — 4; чистописание и арифметика — 3. На зиму мы с дачи переехали в город — на Сергеевскую улицу в дом Проценко. Комнаты просто кладовые, негде повернуться… Лиза.

Из письма 8-летней Зои от 24 декабря 1913 года:

…Ты наверно забыл про сапожки, которые хотел нам купить, и про мамин альбом? Мы ходили в кино. Вышли мне книгу о 1812 годе.

Из письма 10-летней Лизы (Ляли) от 29 декабря 1913 года:

…Поздравляем тебя с Рождеством. Мы с Зоей едем к Щербачёвым на ёлку. Будут подарки и это всё, что нам надо от мамы. Каникулы у нас начались с 21 декабря. Мои отметки за 2-ю четверть: русский, география, история — 4; немецкий — 5/4; чистописание и арифметика — 3; рисование и всё остальное — 5. Лиза.

От 21 февраля 1914 года:

…Мама здорова, только у неё болит голова и она очень печальна. У нас новая лошадка «Воронок» и козочка «Цика». Ждём тебя и тётю Олю. В гимназии был праздник в честь освобождения крестьян. Одна девочка читала стихотворение. Пели «Многие лета» и «Боже царя храни». А потом нам смотрели зубы. У меня — все здоровы. Ждём Вас. Зоя выдержала экзамен в гимназию. Второклассница Ляля[765].

К 100-летию самой яркой морской победы Петра Великого в Северной войне 1700–21 годов Б. В. Адамович публикует в январском и февральском номерах Военно-исторического

сборника свой очередной труд «Гангут. 1714–1914». Историческое изыскание повествует о рождении в русской армии морской пехоты, решившей исход сражения между петровскими галерами и шведским флотом у полуострова Гангут 25–27 июля 1714 года.

Мирная жизнь, девичьи ожидания и заботы… 10 мая Борис Викторович, испросив 50-дневный отпуск на лечение, проводит его в родных с детства Петровцах, в Мацесте, в общении с семьями младшего брата Григория Колмогорова и сестры Марии Массен на сочинских пригородных дачах.

Но всадник небесный —
Весь буря и пламя,
Уж мчится над нами!..

Пороховая бочка в Европе и на этот раз взорвалась от выстрелов на Балканах.

5 июня сербскими националистами в Сараево был убит (вместе с женой) главнокомандующий Австро-Венгерской армии, племянник престарелого императора Франца Иосифа и наследник престола Габсбургов эрцгерцог Франц Фердинанд. За последующим имперским ультиматумом к Сербии и разрывом с ней дипломатических отношений прозрачно просматривались милитаристские устремления созревшей для вооружённой агрессии кайзеровской Германии.

Подталкиваемый к разгорающемуся мировому пожару придворной камарильей, мечтающей о реванше после так бездарно проигранной русско-японской войны, Николай II бросил дерзкий вызов Вильгельму II и отдал приказ о досрочном производстве выпускных юнкеров военных училищ в офицеры.

13 июля около 12 часов дня в полевом лагере «Ораны» воспитанники, ожидающие по палаткам призыва горниста «на обед», услышали вдруг дважды прозвучавший сигнал трубы — *«сбор начальников: Маргарита, Маргарита а а…»* и затем — «всем на линию».

Генерал Адамович приказал выпускным юнкерам (104 человека) построиться перед знаменем училища и, зачитав приказ Государя, поздравил каждого с производством в первый офицерский чин.

А события, с молниеносной быстротой опережая друг друга, уже неслись к мировой бойне: 15 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии; в ответ Россия 16-го начала частичную, а 17 июля и всеобщую мобилизацию; 18 июля Германия, защищая ближайшего союзника, потребовала от России разъяснений и, не получив их, 19 июля объявила ей войну. 20 июля в российской

печати появился «Высочайший манифест» о начале войны с Германией. Верховным Главнокомандующим был назначен внук Николая I Его Высочество великий князь и генерал от инфантерии Николай Николаевич. 21-го Германия объявила войну Франции и Бельгии, 22 июля Англия — Германии и… Мир обезумел!..

Уже 4 августа 1-я русская армия генерала от кавалерии П.-Г. К.-Э. Ренненкампфа Северо-Западного фронта в ходе Восточно-Прусской операции перешла государственную границу на протяжении 70 вёрст и силами трёх корпусов открыла военные действия против 1-го германского корпуса 8 армии генерал-полковника М. фон-Притвица.

Но всё самое страшное для героев нашего повествования было ещё впереди…

«Кавказская Ривьера»

Лето 1913 года в посаде Сочи было особенно насыщенным. Построенный здесь к 1912 году московским предпринимателем и потомственным дворянином А. В. Тарнопольским курорт «Кавказская Ривьера» (на 250 номеров!) бил все рекорды посещаемости. Практический путеводитель по жемчужине Черноморского побережья, подготовленный Азиатским департаментом министерства иностранных дел, предлагал исчерпывающую информацию о ценах проезда от С.-Петербурга до Новороссийска для любого класса пассажиров, стоимости апартаментов, завтраков и обедов под звуки первоклассного оркестра.

Журналисты «Нового Времени» с упоением превозносили

> …пылкий, горячий в зелёной бурке лесов Кавказ, готовый разразиться грозой при малейшем колебании барометра. В противовес Крыму, подстриженному и побритому, кавказский берег с презрением смотрит на культуру и гигиену своего тела и тяжело дышит, освежаясь лишь лёгким бризом от парящей нестерпимой жары. А море, в угоду заезжающим сюда маринистам, то покорно спит у их ног в глубоком штиле, то вдруг встаёт со своего дна и в чёрных хлопьях водорослей начинает плясать дикую лезгинку…[766]

После посещения Сочи в 1894 году министром земледелия и государственных имуществ А. С. Ермоловым и образования в мае 1896 года самостоятельной Черноморской губернии (по инициативе «Особой комиссии» Государственного Совета под председательством гофмейстера Двора Н. С. Абаза) здесь начинается бум дачного строительства. Оборот сделок по купле-продаже земельных участков только одного посадского нотариуса А. А. Шелховского составил в 1913 году… миллион рублей при 18 600 приезжих. Сочинское казначейство, новое здание которого было торжественно освящёно 24 ноября, ежегодно получало свыше 6 млн. рублей переводов на строительство дач. Такая же сумма проходила через местную почтовую контору и ещё столько же привозили с собой землевладельцы. Набиралась сумма в 18–20 миллионов, и это только в пределах одного района!!

Не оставалась в стороне от общественных запросов развивающегося курорта и местная газетка «Сочинский Листок», услужливо оповещая почтенную публику о всех прибывающих не

только в «Ривьеру», но и в более скромные в отношении комфорта гостиницы: «Лондон», «Гранд-Отель», «Бель-Вю», «Марсель», «Россия», «Пассаж», «Европа» и «Калифорния».

В гастрольных концертах певицу Петербургской музыкальной драмы С. М. Августинович, открывшую сезон 12 мая, сменили: примадонна императорских театров Н. С. Ермоленко-Южина при участии тенора Большого Московского театра Д. Х. Южина; баритон русской оперы Н. А. Шевелёв и тенор-премьер Московской оперы С. И. Зимина К. М. Лебедев.

Труппа драмы и комедии под управлением К. В. Кручининой-Годзи уступила сцену антрепризе при участии Софии Белой и артиста московского театра Корша В. В. Рамазанова, которого, в свою очередь, потеснили бас Московской оперы С. И. Зимина М. И. Шуванов с артистками русской оперы А. В. Шуриновой и Н. Д. Славиной. Одновременно, впервые в Сочи, демонстрировал художественные серии и Электро-театр «Модерн».

В июльских номерах «Сочинского Листка»[767], помимо прочего, можно было оценить поэтический опыт и пробу пера в социальном очерке «Мёртвая петля» преуспевающего поселянина-земледельца Григория Колмогорова:

Наш путь
Идя каменистой тропою,
Свершая наш жизненный путь,
Мы ищем забвенья порою…
Хотим постоять, отдохнуть.
Но вновь роковые вопросы
Нас гонят всё дальше вперёд…
И мы на крутые утёсы
Бредём, соблюдая черёд…
А путь час от часа труднее,
Бесцветна туманная даль.
Нас тянет назад всё сильнее…
Болезненно прошлого жаль.
В прошедшем же море страданий,
Глубокое море из слёз,
«Великих» — пустых начинаний
И детских осмеянных грёз.

А в это время тюменские жители в 5 номере приложения к газете «Ермак» за 1913 год читали рассказ его матери, Н. А. Лухмановой, — «Муся».

На 1914 год Г. А. Колмогорову принадлежали 4 земельных участка (№ 8, 13, 46А в Катково-Леонтьевском урочище, № 28 на

территории «Ариадна», тупик на берегу моря № 95) общей площадью в 10 341 кв. сажень (4,7 га!) и два дома (24,9 кв. сажени) с хозяйственными постройками. Оценочная стоимость всей этой недвижимости составляла 59 290 золотых рублей при годовом налоговом сборе в 534 рубля 64 копейки[768]. На 1922 год Григорий Александрович являлся владельцем и 50 десятин лесных угодий при селе Альтмец на реке Дагомыс Западный в 9 верстах от моря[769].

У М. В. Массен (участки № 6 и 14 с домом) общей площадью в 8280 кв. саженей (3,77 га!) оценочная стоимость недвижимости и сбор составляли, соответственно, — 45 500 и 364 рублей[770].

1913 год на сочинском побережье проходил под рекламную компанию акционирования самого фешенебельного его курорта. Под капитал в 1 350 000 рублей, заявленный единственным учредителем Тарнопольским, был запланирован выпуск 13 500 акций (по 100 рублей). 24 сентября в Ливадии состоялось Высочайшее утверждение Устава нового «Общества», в которое потянулись не только государственные сановники и банкиры, но и средний класс: инженеры, врачи, учёные и просто состоятельные люди. Многие из них вступали в его ряды всего лишь 1–3 акциями ради льгот при оплате услуг во время пребывания здесь в летний сезон со своими семьями. В 1914 году число акционеров «Кавказской Ривьеры» превысило 630 человек!

Размах задуманного был таков, что вышел за рамки модного курорта и вовлёк его покровителей в организацию в Ботаническом саду Петербурга Сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставки всего Черноморского побережья Кавказа — «Русская Ривьера», вскоре принятой под Высочайшее покровительство! Помещение, арендованное её устроителями за 22 тысячи рублей, по площади соответствовало Михайловскому манежу.

«Русская Ривьера» открылась 2 ноября 1913 года в присутствии Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием статс-секретаря А. В. Кривошеина, министра путей сообщения и тайного советника С. В. Рухлова, членов Госсовета и Государственной думы. Как отмечал корреспондент газеты «Россия»[771] П. Николаев, «Лучший экспонат на выставке — это удивительная настойчивость и предприимчивость русских людей (75 % участников), которые уже в течение 40 лет осваивают Черноморское побережье Кавказа. И дай Бог, чтобы победитель не ушёл отсюда, и русские здесь всегда составляли бы господствующий элемент населения и хозяев, а „Русская Ривьера“ была бы таковою в действительности, а не только по имени!» Какими актуальными кажутся эти слова и сегодня, спустя… 100

лет!

За время работы Выставки в её павильонах прошёл Съезд деятелей Черноморья, а само мероприятие посетили до 100 000 любопытных петербуржцев. Лучшие экспонаты удостоились 13 художественных премий (ценных подарков меценатов), 31 больших и малых золотых, 116 серебряных, 85 бронзовых медалей и 85 похвальных листов.

Среди них оказались и канувшие в лету, ныне легендарные вина сочинского побережья (в границах Сочи-Туапсе): красное вино «Клод / Аше» камергера двора Л. В. Голубева; вино имения «Чухукхъ» А. М. Каткова; вина имения «Гизель-Дере» В. Д. Квитка; вина имения «Тушихо» барона М. В. Штейнгеля[772].

В отчётах Сочинского общества сельского хозяйства за 1912–14 годы[773] удалось отыскать сведения об участии Г. А. Колмогорова в коллективных опытах по применению минеральных удобрений по культуре кукуруза. Пробные посадки были заложены в селе Навагинка, в Перемыкинской даче, в Адлерской равнине, в Ермоловке и на Катково-Леонтьевских участках у Колмогорова. Лучший эффект по всходам от местного внесения селитры был получен на делянках Григория Александровича.

В январе 1915 года тюменская газета «Ермак»[774] публикует письмо своего земляка «С берегов Чёрного моря» с поэтическими строками:

> Я словно проснулся от долгого сна.
> Повеяло прошлым… Безбрежною ширью.
> Я мысленно снова с родною Сибирью,
> И в сердце на миг воцарилась весна.

Приведём и фрагменты воспоминаний сына Г. А. Колмогорова Фёдора Григорьевича, излитых на бумагу в 1974 году в Тюмени за год до ухода в мир иной и относящихся к 1911–23 годам жизни семьи в Сочи:

…Сразу за курортом «Кавказская Ривьера» и дачей инженера Печковского вдоль моря тянулся лес. Древние чинары в два-три обхвата, высокие белые грабы, старые дубы, вязы, ясень, благородные каштаны, дикая черешня, заросли алычи, кислицы и кизила. Всё это великолепие было заткано сплошной зелёной стеной ползущих растений, дерзко-жёлтой азалией, ежевикой, переплетёнными лианами. Черноморские джунгли слыли почти непроходимыми и служили пристанищем сотен красных волков, как тогда называли кавказских шакалов за окрас их шерсти.

С наступлением сумерек, на перемену погоды, они задавали такой концерт, что становилось жутко. Даже бывалый сторож — пёс Абрек — устраивался в такие ночи у самых дверей дома.

Но пришло время, когда топор цивилизации безжалостно врубился в мой сказочный детский мир. На землю обетованную потоком хлынули доживать свой век на лазурных берегах Кавказа отставные чиновники, генералы и дельцы. В течение трёх лет вековые реликты были выкорчеваны, заросли расчищены и на месте недавней сказочной Колхиды стали расти и модные виллы, и скромные дачи со смешными названиями…

…Весна здесь мгновенная пора примул, цикламенов, фиалок, белых колокольчиков, лесных пионов, розовых персиковых садов и жёлтой мимозы. Уже к 1 мая к столу подавали зрелые плоды ранней черешни…

…Отец был хороший охотник и стрелок. Я не помню случая, чтобы он возвращался домой без дичи. Да и зверья в ту пору было предостаточно. Детьми мы перепробовали и медвежатину, и кабана, серну, джейрана и даже горного оленя. И я затрудняюсь вспомнить, что из них было вкуснее. Однажды папа отвёз куда-то несколько шкур. Их выделали под тонкий сафьян, выкрасили в яркие цвета — зелёный, красный, жёлтый. Сшитые сёстрам сапожки долгое время были предметом зависти соседских ребятишек…

…Навсегда сохранились у меня в памяти и семейные ужины. Летом оба окна столовой были распахнуты настежь. Тёмно-зелёная крона персиков, посаженных отцом, заглядывала в комнату с тяжёлыми оранжевыми плодами на ветках. За фруктовыми деревьями вдоль дорожки кустились олеандры и жасмины. Их тонкий аромат проникал в дом. Ближе к ночи в воздухе вспыхивали фосфорические чёрточки. Это светлячки на лету зажигали свои волшебные алладиновые лампы. В густой зелени пели бесконечные песни любви цикады. За оврагом на старом ясене, выдерживая паузы, монотонно посвистывал ночной разбойник сыч.

Под потолком горела керосиновая лампа, а иногда и коптилка с несколькими масляными фитильками. Нарядные ночные мотыльки и бабочки спиральками вились вокруг огня. За столом было очень весело. Отец часто шутил, рассказывая что-нибудь. Но больше всего мы любили слушать его охотничьи истории. Иногда после ужина он чинил нашу обувь или мастерски вырезал перочинным ножичком шахматные фигурки…

С 10-летнего возраста я изъявил желание приобщиться к охотничьему оружию и уже в 12 лет умел заряжать патроны, отливать пули, готовить дробь, вырезать пыжи, калибровать

гильзы, менять капсюли. Мог свободно разобрать и собрать любое из наших пяти разнокалиберных ружей. Отец научил меня стрелять из гладкостволок лёжа, стоя, с колена, влёт и брал с собой на охоту на вальдшнепов, уток, перепелов и диких голубей…

…По утрам, чтобы отвезти нас в гимназию, папа запрягал в тарантас Финку. Жеребёнок находился тут же, и прогнать его от матери не было никакой возможности. Так он и бегал с нами каждый день 4 версты. Подъезжая к «Ривьере», отец делал знак сопровождавшему повозку Абреку. А когда собака запрыгивала на козлы, вешал ей на шею вожжи и надевал на левое ухо полосатую жокейскую шапочку на резинке.

Так мы и въезжали в городок: впереди бежал Дружок, гривка и хвостик подстрижены, шею перехватывал сафьяновый хомутик, украшенный позументами; за жеребёнком шелестел по шоссе наш старенький экипаж, переполненный детворой. Папа пересаживался к нам, а на козлах важно восседал пёс с вожжами на шее и в кепи. Весёлая кавалькада вносила оживление среди прохожих, и редко кто из них не провожал нас взглядом с улыбкой…

…Когда Дружок подрос, сестра решила его объезжать. Сначала она приучила лошадку не бояться уздечки, водя её в поводу. Но однажды Маруся подвела жеребёнка к забору, взобралась на него и прыгнула Дружку на спину. Он мгновенно её сбросил. Упрямая от рождения сестра, нимало не смущаясь, тут же повторяла свои попытки снова и снова, невзирая на синяки и шишки. В конце концов, жеребёнок просто устал и спокойно покорился. Маруся стала ездить верхом на море, на водопой к колодцу и мыть своего любимца. Хуже обстояло дело с седлом. Но действуя подкупом, лаской и… хворостиной, сестре удалось и здесь добиться своего…[775]

В Сочи семья потомственного почётного гражданина Г. А. Колмогорова приросла ещё двумя дочерьми. 2 февраля 1916 года в ней родился шестой ребёнок — дочь, получившая при крещении по настоянию тёти имя Надежда в память бабушки-писательницы. Крёстными в метрической книге церкви Архангела Михаила были записаны родной брат новорожденной гимназист Александр Григорьевич и тётушка Мария Викторовна, вдова профессора Массена. А 25 декабря 1918 года, уже в период гражданской войны, родилась и Вера, крещённая в той же церкви[776].

Основным источником дохода растущего семейства Григория

Колмогорова всегда оставалась материальная помощь Александра Филимоновича из его более чем достаточного жалованья высокооплачиваемого служащего и доли наследственных капиталов незабвенного родителя. Известно, что недвижимость братьев Александра и Фёдора Филимоновичей Колмогоровых в Тюмени в 1915 году оценивалась в 27 754 рубля[777]. Кроме того, они владели акциями «Товарпара» (23 парохода) на 106 тысяч рублей из общей эмиссии в 4250 тысяч!

После переезда в октябре 1913 года в С.-Петербург опыт недавнего начальника дороги и действительного статского советника А. Ф. Колмогорова оказался востребован на должностях в крупных частных компаниях и общественных структурах столицы. Долгие годы он проживал с женой по одному адресу — в доме 32 на Знаменской улице — и на 1915 год являлся: директором и заместителем председателя правления Общества Средне-Кавказской железной дороги; директором правления АО «Северные заводы „Наследников Пастухова“»; членом Совета съезда горнопромышленников Урала[778].

На 1916 год к перечисленным выше обязанностям добавились членство в комиссии по делам инвалидов для железнодорожных служащих и рабочих Дома Императора Александра II, а на 1917 год и избрание кандидатом в директора правления АО «Московско-Виндаво-Рыбинская ж/дорога»[779].

Преуспел в столичных деловых кругах и Фёдор Филимонович Колмогоров. Перебравшись в 1909 году с Ковенского переулка, 21 в дом № 16 по Солдатскому переулку, 60-летний титулярный советник на 1916 год состоял директором правления Общества Туапсе-Черноморского портландцементного завода!

Осенью 1916 года по просьбе городского головы К. А. Шишкина[780] братья Колмогоровы, вероятно, уступили Тюмени свой большой заречный сад на берегу Туры, устроенный их отцом. Но на третьем году затянувшейся кровавой войны тюменцам было уже не до садово-парковых умилений. Горожан, правда, ещё развлекали бега, сеансы синематографа под звуки скрипки и рояля в Кинотеатре «Палас», Гранд электро-театрах «Гигант» и «Вольдемар», и магазины «М-мъ Даринской» и «Бр. Агафуровых» пока заманивали посетителей *«большим выбором осенних шляп новейших фасонов»*.

Однако всё большее недовольство населения вызывал пугающий рост цен. Овёс для лошадей можно было купить только по 1 рубль 85 копеек, муку — 2 рубля 5 копеек, щуку — 22 рубля за пуд, уток по 4 рубля 50 копеек за пару, мёд по рублю за фунт!! Даже стеариновые свечи, дрожжи и мыло обходились теперь, соответственно, в 1 рубль 80 копеек, 1 рубль 20 и 65 копеек за

фунт! Постановлением городской думы были введены карточки на сахар (25 копеек за фунт) и норма на крупчатку — по 20 фунтов на человека в месяц. Поэт-сатирик В. В. Князев, внук К. Н. Высоцкого и автор двух поэтических сборников, ёрничал на сей счёт в «Сибирской Торговой Газете» от 20 августа:

…А вот свиней, что кормят рынок,
Обыкновенных жирных свинок,—
Всё нет как нет!
А вот гусей обыкновенных,
Для нашей кухни убиенных, —
Всё нет как нет!
А вот баранов не двуногих,
Сенцом откормленных, двурогих, —
Всё нет как нет!
А вот упитанных овечек,
Для наших плит и наших печек,
Всё нет как нет!..

И зимний сезон в «Городском театре имени А. И. Текутьева» труппа господ Болдырева и Бельского открыла лишь… 18 декабря! А фруктовый сад Колмогоровых, как и вишнёвый сад в пьесе известного классика, не уцелел. В лихолетье революций и Гражданской войны он промёрз и разделил участь канувшего в Лету самого уважаемого сибирского сословия.

«Период Адамович» в жизни Гумилёва

С конца декабря 1913 года начинающий поэт Георгий Иванов, расставшись к тому времени с Осипом Мандельштамом, стал появляться в ночном литературно-артистическом кафе «Бродячая собака» на Михайловской площади Петербурга с новым другом — Георгием Адамовичем. Познакомились они на лекции Корнея Чуковского о футуризме в Тенишевском училище 13 октября. Несостоявшийся юнкер, член «Цеха Поэтов», и студент Петербургского университета быстро почувствовали больше, чем просто товарищеское влечение друг к другу, получив шутливое прозвище «два Жоржика».

Запомнил Георгия Адамовича и Николай Гумилёв, приглашенный однажды с Анной Ахматовой весной 1910 года на гимназический спектакль-мистерию по пьесе «Король прекрасен». Несмотря на провал представления, осмеянного и освистанного собравшейся публикой, автор поэтических сборников «Путь конквистадоров», «Романтические стихи» и «Жемчуга» счёл необходимым морально поддержать 18-летнего «драматурга и режиссёра» и, отыскав того за кулисами, протянул руку со словами: «Я не знаю, отчего они смеются…»[781]

Позже, встретившись с ним в знаменитом университетском коридоре, Николай Степанович таким запечатлел образ новоявленного студента: «…Небольшого роста, с большими красивыми глазами он выделялся среди толпы студентов своей изящностью и скорее походил на произведение искусства, чем на вихрастых юнцов…»[782] Будущий теоретик акмеизма ещё не предполагал в нём своего ученика, заявившего о себе строками:

Не знал и не верил в Бога.
Так, видно, мне суждено,
Но ветер принёс тревогу
В высокое моё окно…

Вечер 6 января 1914 года в «Собаке» по воспоминаниям поэта Бориса Лившица проходил оживлённо. К 11 часам с парадного входа появились Гумилёвы: «…Затянутая в чёрный шёлк, с крупным овалом камеи у пояса вплывала Ахматова, задерживаясь у входа, чтобы по настоянию кидавшегося ей навстречу Пронина вписать в „свиную книгу“ свои последние стихи:

… Я спросила: „Чего ты хочешь?“

Он сказал: „Быть с тобой в аду“.
Я смеялась: „Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду“…

В длинном сюртуке и чёрном регате, не оставлявший без внимания ни одной красивой женщины, отступал, пятясь между столиков, Гумилёв, не то соблюдая таким образом придворный этикет, не то опасаясь *„кинжального взгляда в спину…“»*

Медленно продвигаясь по залу, он ощутил на себе любопытные взоры очаровательно-грациозных спутниц «двух Жоржиков». Знакомство с близкими подругами-танцовщицами, страстными поклонницами ритмической гимнастики по системе Жака-Далькроза[783], Татьяной Адамович, младшей сестрой Георгия, и француженкой Габриэль Тернизьен, актрисой студии Мейерхольда и подругой Георгия Иванова, состоялось в тот же вечер.

Черноволосая, с огромными, как и у брата, бледно-серыми глазами и тонкими изящными руками выпускница Смольного института благородных девиц 1908 года (с правом на серебряную медаль) очаровала синдика «Цеха Поэтов» помимо внешности и необычайно интонированной речью (переливом *«р»* и *«л»* и особенно заострённым звучанием всех *«и»).* Так начался первый «официальный» роман Николая Гумилёва с 23-летней студенткой Института Далькроза Татьяной Адамович, который продолжался в течение 1914–15 годов и даже получил в историографии поэта собственное имя — «период Адамович».

В Смольном увлечение *танцорки* Тани, как её с детства называл отец, искусством пластических ритмических движений прима-балерин Большого театра Рославлёвой и Гельцер, которых ей посчастливилось ребёнком видеть в «Спящей красавице», только усилилось. Она, одна из лучших учениц класса по французскому языку, совершенствуется в нём ещё год в частной гимназии Оболенской и уговаривает мать разрешить брать уроки хореографии у талантливого педагога, блистательной в прошлом балерины Императорских театров Е. П. Соколовой. Постигая науку танца, до нюансов поклонов царской ложе и даже галёрке, ей удалось заслужить рекомендательное письмо Евгении Павловны к художественному руководителю и балетмейстеру первого «Русского сезона» в Париже М. М. Фокину. Она присутствует на его репетициях, вплоть до «генеральной» 18 мая 1909 года, в муниципальном театре Шатле.

Вернувшись в Петербург, Таня решает посвятить свою жизнь танцевальному искусству. Упрямая и самостоятельная, она

первым делом и не без труда находит работу учительницы французского языка в частной гимназии Хворовой. В дополнение к балетной школе Соколовой берёт уроки у жены и сподвижницы самого Фокина — балерины Веры Фокиной. Осознавая, что глупо начинать карьеру балерины в 20 лет, она настойчиво ищет выход, не подозревая ещё, что «собирая хворост», очень скоро дождётся огня с Неба!

Из письма Георгия Адамовича к сводному брату Борису в Вильно от 19 февраля 1911 года:

Дорогой Боря!

У меня к тебе большая просьба. Исполни её, если это не очень затруднит тебя, — пришли мне, пожалуйста, 18 рублей. Мне досадно просить денег, тем более что, говоря откровенно, я мог бы обойтись и без них. Дело вот в чём. Ты, может быть, слышал о ритмической гимнастике Далькроза? Если ты не знаешь её, то не буду и писать тебе о ней. Было бы слишком длинно. Собственно, определение «гимнастика» — неудачно, потому что и принципы и, главное, цели у Далькроза совсем не «гимнастические».

Результаты, которых он достигает, поразительны. Сама школа около Дрездена (в Геллерау). У нас же образовалась небольшая группа, кажется, первая и единственная в Петербурге. Это совсем новое дело. В группе я и Таня принимаем участие.

Когда я начинал занятия, у меня был хорошо оплачиваемый урок и я знал, чем буду платить нашему учителю. Теперь я его потерял — моя ученица неожиданно выдержала экзамен. И мне нечем заплатить за обучение. Я дома никому, кроме Тани, конечно, не говорю о своём обращении к тебе. Мне легче просить у тебя, чем у мамы, потому что знаю — тебе легче дать. Я буду искать уроков и отдам. Деньги принесут, вероятно, прямо на квартиру, но ты всё-таки не пиши лучше ничего на переводе. На всякий случай. Прости, что прошу денег. Целую тебя крепко. Твой Жоржик.

P. S. Дорогой Борюшка, не сердись на Жоржика. Если бы ты видел, что за прелесть эта гимнастика, то также увлёкся бы ею, как и мы. Крепко, крепко тебя целую. Твоя Татьяна. [784]

«Массаж воли. Телесная ритмика. Ритм — есть русло, по которому несётся творческое вдохновение. Пластика и музыка — сёстры, они дети ритма». Эти и многие другие туманные сентенции новой системы музыкально-ритмического воспитания и тренировочных упражнений привлекали любопытных. Рекламой модному увлечению послужила и крылатая фривольная фраза бывшего директора императорских театров и ближайшего сотрудника журнала «Аполлон» князя С. Волконского, очень скоро

ставшего адептом и активным участником нового движения: *«Кто примкнул к ритму, тому ничто человеческое не чуждо!»*

Увлечение ритмической гимнастикой, позволявшей нащупать новые пути развития классического танца, было сродни новейшим веяниям в музыке, живописи, поэзии, интуитивно предчувствовавшим скорое крушение старого и рождение нового мира.

К концу 1912 года у Т. Адамович — своя гимнастическая группа (одна из шести в столице) при гимназии, где она преподавала французский язык. А в начале февраля 1913 года в Петербург приехал сам Ж. Далькроз с шестью учениками. К его прибытию курсы ритмической гимнастики — мужские, женские и даже детские — уже были открыты в Смольном и ещё в шести заведениях города, помимо частных групп. Преподаватель новой системы появился и в Дягилевском балете.

В октябре — декабре 1912 года публичные демонстрации метода прошли в большом зале Реформатского училища, в помещении «Польский Сокол» при непосредственном участии выпускников института в Геллерау С. Высоцкого, князя С. Волконского, Питоева и других энтузиастов. Численность далькрозистов Петербурга составила 515 человек при 91 уроке в неделю!

Триумфальное представление профессионалов при участии самого Маэстро состоялось 3 февраля в Театре Музыкальной Драмы. На следующий день своё мастерство перед Учителем среди других демонстрировала и Татьяна, импровизируя под музыку танцевальные па до полного самозабвения.

Успех и откровенное поощрение со стороны Мастера, но, главное, проявившиеся в ней способности учить и увлекать за собой других, выстраивать собственные музыкальные композиции, определили её ближайшие цели — получение профессионального сценического и искусствоведческого образования. Она проходит летний курс в Геллерау для учеников русских отделений, а вернувшись в Петербург и не прекращая занятий в частной группе, поступает в только что открывшийся на Исаакиевской площади Институт Истории Искусств графа В. П. Зубова, выбрав классическую тему диплома «Балет XVI века. Французская и итальянская школы».

Именно в этот период и произошло знакомство созревшей для женских соблазнов учительницы-балерины с давно открывшим свой донжуанский список и полностью разочаровавшемся в жене Николаем Гумилёвым. Их откровенный роман остался в памяти и воспоминаниях многих друзей и общих знакомых.

По свидетельству Анны Ахматовой, находившей Таню если не красивой внешне, то, во всяком случае, интересной, Гумилёвы, *«в парадных случаях, когда было много гостей»*, принимали её у себя в доме. В свою очередь, и сами бывали на журфиксах в квартире Адамовичей[785]. Николай Степанович появлялся там, конечно, гораздо чаще. «Очаровательная… Книги она не читает, но бежит, бежит убрать в свой шкаф. Инстинкт зверька…»

Несмотря на небольшой рост: она едва доходила Анне Андреевне до плеча, соперниц периодически видели *под руку* на поэтических вечерах столицы. Уступая другой собственного мужа, поэтесса Ахматова казалась даже великодушной:

> Я не любви твоей прошу.
> Она теперь в надёжном месте…
> Поверь, что я твоей невесте Ревнивых писем не пишу.
> Но мудрые прими советы:
> Дай ей читать мои стихи,
> Дай ей хранить мои портреты —
> Ведь так любезны женихи!..[786]

Из воспоминаний гимназической ученицы Тани Адамович Нины Берберовой, относящихся к 1914 году:

…После уроков Наташа Шкловская и я оставались в учительской. На столе горела зелёная лампа. На жёстком диване сидели мы обе, а Татьяна Викторовна ходила из угла в угол, заложив руки за спину, и говорила с нами об акмеизме, о французской поэзии, о концертах Кусевицкого, о художниках «Мира искусства», о Мейерхольде, Мандельштаме, Кузмине и Царском Селе, о С. Волконском и школе Далькроза.

Мы ритмично поворачивали за ней головы — вправо и влево. Я, как бедный Лазарь, ловила крохи с того стола, за которым пировали все эти небожители. Каждое слово ложилось в памяти и вечером в кровати, завернувшись с головой в одеяло, я повторяла её речи… Конечно, главной темой была Ахматова.

Мы читали Татьяне Викторовне свои стихи, и она говорила о том, что такое поэзия, новая поэзия, о возможностях паузника, иногда брала наши стихи и через неделю возвращала, сообщая, что прочла их Ахматовой. Одно из моих стихотворений она признала хорошим и обещала показать брату Георгию.[787]

Но молодому студенту-поэту было не до юных дарований. Им плелась кружевная интрига: подтолкнуть Николая Гумилёва к решительному шагу в его «официальном» романе с Таней ценой

женитьбы милого друга Жоржика на прелестной Габриэль. Одержимый этой идеей, Адамович позволяет себе в адрес самой Анны Андреевны уничижительные строки, которых позже стыдился:

… Колдовства ненавижу твои,
Голубую от дыма таверну
И томительные стихи.
Вот пришла, вошла на эстраду,
Незнакомые пела слова,
И у всех от мутного яда
Отуманилась голова…

Именно Татьяна Адамович впоследствии познакомит Нину и с Ахматовой, и с самим… Блоком! Берберова окажется последней из студийцев «Звучащей раковины» — гумилёвского семинара в Петроградском Доме Искусств, с кем общался поэт в роковую ночь своего ареста со 2-го на 3 августа 1921 года…

После весенних торжеств по случаю 150-летия Смольного института, которые широко отмечались в столице с 20 марта по 7 мая 1914 года и завершились концертом и балом, отношения между любовниками достигли того состояния, когда прозрачно просматривается настойчивое желание «невесты» скорейшего счастья… Да! Таня действительно хотела и была готова выйти замуж. Но не свободен был жених, связанный таинством венчания с Анной Горенко.

Признавая за собой буйство мужской силы — *«Святой Антоний может подтвердить, что плоти я никак не мог смирить…»,* Гумилёв был готов даже взять на себя вину в смертном грехе (прелюбодеянии) и, таким образом, расторгнуть свой церковный брак. Не предлагать же сделать это Анне Андреевне после её романов с Антонио Модильяни в Париже и женатым красавцем и эстетом Николаем Недоброво в Петербурге?

Но и эта крайняя мера не решала проблемы. Как виновный Гумилёв был бы осуждён на… всегдашнее безбрачие. И, следовательно, ни о каком повторном венчании для него не могло быть и речи. А сожительство с дворянином, опозоренным Святейшим Синодом, по-видимому, не входило в планы ни самой Тани, ни семейства Вейнбергов — Адамовичей.

«По иносказаниям, вспыхивающим рифмам и внезапным перебоям ритма» стихотворения Гумилёва «Юдифь» весны 1914 года чувствуется охватившее его смятение:

… Сатрап был мощен и прекрасен телом,

Был голос у него, как гул сраженья,
И всё же девушкой не овладело
Томительное головокруженье.
Но верно в час блаженный и проклятый,
Когда, как омут, приняло их ложе,
Поднялся ассирийский бык крылатый,
Так странно с ангелом любви несхожий.
Иль, может быть, в дыму кадильниц рея
И вскрикивая в грохоте тимпана,
Из мрака будущего Саломея
Кичилась головой Иоканаана[788].

И в середине мая Гумилёв решается на развод. Он даже принимает единственное условие Анны Андреевны — оставить ей сына. Вместе они едут в Слепнёво. Однако, там свои права на любимого внука предъявляет мать Николая Степановича, разрывая достигнутое между супругами соглашение.

Во второй половине июня 1914 года, отправив жену в столицу с очерком для «Нивы», Гумилёв устремляется к Тане в Вильно, где она гостит у брата-генерала. Любовники сбегают на балтийское взморье в Либаву и там проводят свой «медовый месяц». По свидетельству Анны Ахматовой Гумилёв в зрелые годы отдал дань одному из пороков тогдашней богемной среды — курению опиума. Не избежала наркотического поветрия, по всей видимости, и Таня, увлекаясь, в свою очередь, эфироманией.

Возвратившись в начале июля в Петербург, Николай Степанович сразу же уезжает в Териоки (Финляндия), где в тишине и покое выплёскивает на бумагу буйные фантазии утомившего его безумства — *«путешествия в страну эфира»*[789]. В письме к жене у него даже вырывается фраза: «Мне страшно надоела Либава»! Но ощущения от физической близости в состоянии эфирного опьянения героев рассказа — Гранта[790] и Инны[791] — переданы им в подробностях, не оставляющих сомнений в их достоверности:

…Огромный вал выплеснул меня на серебряный песок, и я догадался, что это острова Совершенного счастья. Нагая Инна стояла передо мною на широком белом камне. Её щёки розовели, губы были полураскрыты, как у переводящего дыхание; расширенные, потемневшие зрачки сияли необычайно.

Я приблизился и, протянув руку, коснулся её маленькой, крепкой удлинённой груди. Вдруг её руки легли вокруг моей шеи, и я почувствовал лёгкий жар и шумную прелесть близко

склонившегося горячего лица. Я схватил её и побежал. Она прижалась ко мне, торопя: «Скорей! Скорей!»

Я упал на поляне, покрытой белым песком, а кругом стеною вставала хвоя. Сколько времени мы пробыли на этой поляне, я не помню. Знаю только, что ни в одном из сералей Востока, ни в одном из чайных домиков Японии не было столько дразнящих и восхитительных ласк. Временами мы теряли сознание, себя и друг друга, и тогда похожий на большого византийского ангела *андрогин* говорил о своём последнем блаженстве. И тотчас вновь начиналось сладкое любопытство друг к другу…

Но ведь небеса ничего не дают даром! 20 июля с началом войны с Германией страдающий заметным косоглазием Гумилёв добивается медицинского переосвидетельствования. Пройдя учебный кавалерийский курс под Новгородом, 30 сентября он с маршевым эскадроном прибывает в лейб-гвардии Уланский Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полк (в Литве) и 17 октября принимает первое боевое крещение.

Только на 3 дня — 21–24 декабря — он вырывается в Петроград к Тане. Вместе они посетили «Бродячую собаку», где Гумилёв читал стихи о войне, не зная ещё о награждении его солдатским Георгиевским крестом:

… Мы четвёртый день наступаем,
Мы не ели четыре дня…

Но на фронт (до Вильно) Николая Степановича провожала всё же Анна Андреевна.

В конце января 1915 года унтер-офицер Гумилёв вновь в столице: свадьба Георгия Иванова и Габриэль Тернизьен, вечера поэтов в «Собаке» и «Романо-германском кружке», публикации стихов и «Записок кавалериста». Опалённому бедствиями войны, ему уже в ином свете представлялись настойчивые попытки Тани узаконить их отношения:

… И ты мне сказала: «Да, было бы лучше,
Было бы лучше мне умереть».
«Неправда, — ответил я, — этот ветер,
И всё, что было, рассеется сном,
Помолимся Богу, чтоб прожить вечер,
А завтра наутро мы всё поймём».
И ты повторяла: «Боже, Боже!»
Шептала: «Скорее… одна лишь ночь…»
И вдруг задохнулась: «Нет, Он не может,

Нет, Он не может уже помочь!»

7 февраля Гумилёв в полку в Вильно и далее — на передовой. Застудив лёгкие в разъездах боевого охранения и получив затем воспаление почек, Николай Степанович в десятых числах марта оказывается на два месяца в петроградском лазарете деятелей искусства и на домашнем режиме в Царском Селе.

Отшучиваясь в ответ на сетования Тани по поводу неопределенности их отношений, Гумилёв 15 апреля 1915 года пишет «Жалобы влюблённых» с посвящением Адамович (в одном из автографов):

… Ах, любовь — искуснейший регент,
Кто ещё может петь такие
О печали, о жадной неге
Празднично-шумные литургии?!
Зов один от края до края,
Шире, всё шире и чудесней,
Угадали ль вы, дорогая,
В этой бессвязной и бедной песне?
Дорогая с улыбкой летней,
С узкими, слабыми руками
И, как мёд двух тысячелетний,
Душными чёрными волосами.

Но через несколько дней в стихотворении без заглавия — грустные мотивы почти прощания с любимой женщиной:

… Печальный мир не очаруют вновь
Ни кудри душные, ни взор призывный,
Ни лепестки горячих губ, ни кровь,
Стучавшая торжественно и дивно.
Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь…
И ты, о нежная, чьё имя — пенье,
Чьё тело — музыка, и ты идёшь
На беспощадное исчезновенье.
Но мне, увы, неведомы слова —
Землетрясенья, громы, водопады,
Чтоб и по смерти ты была жива,
Как юноши и девушки Эллады.

Признанный негодным к строевой службе второй раз по

состоянию здоровья, Гумилёв упрямо добивается невозможного и в мае вновь попадает на фронт. Казалось, что испытывая судьбу, он искал смерти в июльских боях, но был представлен ко второму Георгию (3-ей степени) и приказом от 22 сентября откомандирован в петроградскую школу прапорщиков!

Учёба на младшего офицера военного времени, дарившая всего лишь отсрочку неизбежной гибели в бою, смерть тестя и начавшаяся серьёзная болезнь жены никак не приближали Николая Степановича к разрешению его сердечных дел, позволяя лишь временное забытьё:

… И снова, страдая от муки,
Проклявши своё бытие,
Целую я бледные руки
И тихие очи её.

Всё ещё на что-то надеясь, Таня, несмотря на войну, успешно прошла программу института Далькроза в Петрограде и выдержала экзамены на полный диплом с правом преподавания методики. Предприимчивому князю С. Волконскому удалось сформировать в столице специальную комиссию из профессоров консерватории и преподавателей «далькрозистов», наделённую самим Маэстро всеми правами приёмной.

Ритмическая гимнастика, завоёвывая популярность, преподавалась, помимо Смольного, на Курсах Рапгофа, Высших женских курсах Лесгафта, в Гимназии и Реальном училище доктора Видемана, в Школе бального искусства Москалёвой, в Гимназии Стоюниной и в других престижных учебных заведениях.

В начале 1915 года Татьяна, опасаясь экзамена по музыке, обратилась к услугам талантливого выпускника полного курса в Геллерау — поляка-петербуржца Стефана Высоцкого, уроки которого ещё 13 ноября 1913 года удостоил своим посещением Августейший князь Константин Константинович.

Профессиональный танцор, преподаватель курсов ритмической гимнастики в мужских, женских и детских группах по всем трём составляющим системы, включая музыкальную импровизацию, охотно помог увлечённой женщине, не предполагая чем обернётся для обоих их творческое общение…

Совмещая военную учёбу с подготовкой к изданию очередного сборника «Колчан», Гумилёв публикует в октябрьском номере «Аполлона» рецензию на книжку стихов начинающей поэтессы — выпускницы Высшихженских (Бестужевских) курсов Марии Лёвберг (Купфер) — «Лукавый странник».

Усмотревший в стихотворном материале «…энергию солнца в

соединении с мечтательностью, способностью видеть и слышать и какую-то строгую спокойную грусть, отнюдь не похожую на печаль, критик подметил во многих строфах подлинно поэтическое переживание голоса автора, заявившего о своём существовании…»

Их знакомство, быстро перешедшее в короткий, но бурный роман, состоялось во второй половине ноября на одном из заседаний кружка «Вечера Случевского», где 21-летняя и только что овдовевшая М. Лёвберг появилась в сопровождении поэта В. Курдюмова. Распалённый её красотой, поэт посвящает новой возлюбленной нежнейшие стихи: «Ты, жаворонок в горней высоте…»

Двухлетний «период Адамович», уступая дорогу более молодым музам Гумилёва, получил в литературном наследии поэта достойное завершение. Бывшие любовники едут вместе в типографию издателя «Альциона»-Москва Кожебаткина, где Николай Степанович на отдельном листке «Колчана» посвящает свой сборник Татиане Викторовне Адамович, навсегда соединяя их имена. 15 декабря 1915 года «Колчан» вышел в свет.

А что же Таня? По окончании института Далькроза она стала преподавать ритмическую гимнастику на курсах и давать частные уроки, в том числе великой княжне Вере Николаевне в Мраморном дворце по приглашению Министерства Двора. При участии уже знакомого нам Стефана Высоцкого 15 сентября 1916 года в Петрограде открылась собственная Школа ритма Татьяны Адамович, где можно было встретить и старшую дочь Ф. И. Шаляпина от второго брака Марфу, и выделявшуюся своей настойчивостью и упорством дочь профессора Аню Энгельгардт — будущую жену Николая Гумилёва (Анну вторую)!..

Восточно-Прусская трагедия

Восточно-Прусская операция русских войск 1914 года предполагала разгром германской группировки (около 200 тысяч солдат и офицеров при 1044 орудиях) силами двух армий с охватом с севера и юго-запада многочисленных Мазурских озёр.

6 августа в первом же бою у Шталлупёнена 1-я армия генерала от кавалерии П.-Г. К.-Э. Ренненкампфа, наступавшая с севера, имела тактический успех, принудив противника отступить. Крупное встречное Гумбиннен-Гольдапское сражение 7 августа с основными силами 17 корпуса 8-й германской армии закрепило успех русского оружия. Немецкое командование отдало приказ об отступлении вглубь своей территории.

Одновременно перешла в наступление на фронте в 120 вёрст во фланг и тыл германской армии и 2-я армия генерала от кавалерии А. В. Самсонова. Успех кампании казался таким близким, но в радужном настроении от первой победы командующий 1-й армией не только не развил успех, а напротив, позволил войскам двухдневный отдых и лишь 10 августа начал медленное продвижение и не вслед за отступившим противником, а в сторону… Кёнигсберга!

Между тем, новое командование 8-й армии в лице генерала от инфантерии П. фон-Гинденбурга и генерал-майора Э. Людендорфа спешно стягивало резервы и тяжёлую артиллерию, готовясь к решительной схватке со всей 2-й армией.

Несогласованность действий и медлительность русских командующих при плохо поставленной разведке, не надлежащих средствах связи и просчёты самого штаба Северо-Западного фронта обрекали армии на заведомое поражение. Сказалось и отсутствие у обоих командующих при несомненной личной храбрости (генералы имели и «золотое» оружие, и ордена Св. Георгия) боевого опыта руководства не только армейскими корпусами, но даже и дивизиями в условиях европейской войны.

И перед бригадами и полками 2-й армии, оторванными от тыловых служб обеспечения и увязнувшими в многочисленных встречных боях с сильным противником, замаячили Канны[792] Великой войны…

13 августа 8-я германская армия мощными ударами отбросила фланговые корпуса русских, и её железные клещи с убийственным огнём тяжёлых гаубиц стали охватывать центральную группу войск армии Самсонова восточнее Нейденбурга. Уже 17 августа всё было кончено. Из 80 000 окружённых воинов за пограничную реку Нарев смогли пробиться

лишь — 18 000. Сам командующий разделил участь погибших, взяв на себя всю вину за поражение.

Ко 2 сентября была разгромлена, отброшена за Неман и 1-я армия Ренненкампфа. Её командующий в скором времени пережил отстранение от управления войсками, увольнение из армии, но не избежал мести большевиков. С началом Гражданской войны он был арестован в Таганроге и казнён в начале апреля 1918 года по их приговору.

Общие потери русских войск в Восточно-Прусской операции составили… 245 тысяч человек (в том числе 135 тысяч пленными) при 37 тысячах со стороны Германии! А блестящие победы 67-летнего Пауля фон-Гинденбурга, будущего президента Веймарской республики, увенчал фельдмаршальский жезл из рук Кайзера Вильгельма II.

Едва узнав о трагедии 2-й армии, Борис Викторович счёл долгом офицера добиться направления на фронт.

Из телеграммы в ГУВУЗ от 22 августа 1914 года:

> …УСЕРДНО ПРОШУ ХОДАТАЙСТВА О СКОРЕЙШЕМ НАЗНАЧЕНИИ В ОДНУ ИЗ ДИВИЗИЙ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ. ГЕНЕРАЛ АДАМОВИЧ[793].

Пока шла переписка между управлениями Военного министерства, до бывшего кексгольмца дошли ужасные подробности доблестной гибели родного полка. В составе войск генерала Самсонова из гвардейских частей находилась лишь 3-я пехотная дивизия (3 полка) генерал-лейтенанта Л.-О. О. Сирелиуса и две пехотные бригады. Свой первый бой лейб-гвардии Кексгольмский полк принял 15 августа у деревни Ронцкен, где против 10 русских батальонов были развёрнуты 30 германских из 2-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса генерала Франсуа.

Как только рассеялся утренний туман, с немецкой стороны начался сильнейший артиллерийский обстрел, длившийся три невыносимо долгих часа. Упорный бой с контратаками продолжался с часу дня до вечера. В 19 часов полк отошёл к деревне Орлау, где и закрепился. Потери кексгольмцев только за сутки составили 55 % личного состава.

К вечеру 16-го полк оказался в окружении у деревни Радомин и ещё насчитывал чуть более 1000 человек. Но после боёв 17 августа выбраться из плотного «мешка» удалось лишь… 300 бойцам с несколькими пулемётами при 6 офицерах из 4230 человек личного состава, перешедших границу Восточной Пруссии у Илова!

Погибло, но не досталось врагу и Георгиевское знамя,

пожалованное полку к его 200-летию: древко было сожжено, бронзовое навершие в виде орла зарыто в землю. Само полотнище, спрятанное на собственном теле поручиком К. Анучиным[794], попало вместе с ним в лагерь военнопленных в Нейссе. Здесь большая его часть была сожжена самим командиром полка генерал-майором А. М. Малиновским, умершим от ран 4 октября 1914 года. Несколько разрезанных фрагментов святыни сохранили офицеры полка и позже, уже в эмиграции, они оказались в русской церкви в Белграде.

О судьбе знамени Николаю II поведала жена генерала Самсонова Писарева Екатерина Александровна, посещавшая по линии Красного Креста лагеря военнопленных в поисках сведений о месте гибели и захоронения мужа. Этой мужественной женщине удалось невероятное — отыскать в Мазурских лесах у Каролиненгофа, недалеко от станции Пивниц, могилу супруга и опознать его обезображенное взрывом тело по золотому нательному медальону (с фотографиями жены, сына и дочери). Более того, останки генерала были вывезены ею через Швецию в Россию и перезахоронены на её родине в Херсонской губернии на погосте Акимовской церкви.

4 сентября Борис Викторович получил отказ на своё прошение:

> …Военный министр признал нежелательным сменять в настоящее время начальников училищ и не нашёл возможным удовлетворить Вашу просьбу…[795]

Но молох войны только начинал собирать свои жертвы…

Из письма титулярного советника С. И. Вейнберга из Петрограда в Вильно от 5 сентября 1914 года:

Милый Боричка!

Лиза возвратилась после 5 недель интернирования в Берлине.

Я постарел на 10 лет. Сомневаемся, что до окончания бойни мы с Вами увидимся.

… Одна из моих сослуживиц по Управлению ж/дороги просит принять её племянника Виктора Борткевича в Виленское училище (18 лет, 5 классов гимназии). Помоги, пожалуйста. С. В.[796]

7 сентября генерала Адамовича нашла ещё одна телеграмма:

> ОФИЦЕРЫ-КЕКСГОЛЬМЦЫ ЕДИНСТВЕННО ВАС ЖЕЛАЮТ ВИДЕТЬ СВОИМ КОМАНДИРОМ. УВЕРЕНЫ, НАШИ ЧУВСТВА СОВПАДАЮТ. ПРОСИМ ПРИНЯТЬ МЕРЫ, ДАБЫ НАЗНАЧЕНИЕ СОСТОЯЛОСЬ. ПОЛКОВНИК

БАРКОВСКИЙ.

И тогда в ночь на 8 сентября начальник Виленского военного училища обращается через голову своего непосредственного начальника к Верховному Главнокомандующему — великому князю Николаю Николаевичу — и получает согласие на своё прошение.

Рапорт генерала Адамовича от 11 сентября на имя начальника ГУВУЗа:

> …Прошу ходатайствовать о назначении меня командиром лейб-гвардии Кексгольмского полка. Руководствуюсь не личной выгодой, надеждой или побуждением, но только стремлением сохранить честь родного полка. Тяжкие сомнения, известные старшим начальникам, которые могли бы остеречь другого от принятия ныне Кексгольмского полка, меня не останавливают. Я историк полка, собиратель и хранитель его прошлой славы. Для меня служба ему в эти дни — сыновний долг. На возможное своё назначение смотрю лишь как на подвиг, требующий полного самоотвержения и необходимый для сохранения достоинства одного из полков русской императорской гвардии…[797]

20 сентября Николай II, находившийся в Вильно, утвердил назначение. Перед его отъездом из города Борис Викторович представил государю на платформе вокзала батальон юнкеров вверенного ему военно-учебного заведения. В строю находился и Сергей Малиновский — сын попавшего в плен командира Кексгольмского полка.

А 27 сентября в виленский госпиталь был доставлен с поля боя 22-летний смертельно раненный корнет гвардейского Гусарского полка князь Олег Константинович — единственный, как оказалось, из Романовых, проливший кровь на Великой войне.

Генерал Адамович в тот же день навестил умирающего сына своего бывшего шефа, отправив Его Высочеству в Павловск печальную весть: «Князь Олег шёл в атаку, но лошадь слишком *вынесла.* Он успел увидеть солдата, который целился в него… Я был допущен к раненому. Олег Константинович встретил меня как „нетяжёлый“ больной. Приветливо улыбнулся, протянул руку и посмотрел Вашим взглядом. Я поздравил князя с пролитием крови за Родину. Ваш сын перекрестился и ответил покорно, без трепета: „Я так счастлив! Это поддержит дух в войсках, произведёт хорошее впечатление, когда узнают, что пролилась

кровь Царского Дома“».

Умеющий читать между строк, великий князь взял из семейных реликвий орден Св. Георгия своего отца и поспешил с женой в Вильно. Он успел обнять уже впадающего в забытьё сына и вложить в его остывающие руки боевую награду. Князь Олег умер в 8 вечера 29 сентября и был похоронен на берегу Рузы в подмосковном Осташево, где ещё летом прошлого года обедал за одним столом с юнкерами из Вильно.

Б. В. Адамович получил официальное подтверждение о новом назначении, сдал училище инспектору классов генерального штаба полковнику Анисимову и выехал вечером 28-го в Петроград для принятия, во исполнение Высочайшего повеления, старого знамени Кексгольмского полка[798]. 30 сентября он удостоился напутствия императора в его кабинете Царскосельского дворца.

Из воспоминаний Бориса Викторовича от 20 октября 1927 года:

> …Его Величество сообщил мне, что по расследованию обстоятельств гибели полка не лишает кексгольмцев своего благоволения. Он даже повелел представить к награждению всех офицеров по освобождении их из плена. Заметив, что бои идут уже под Варшавой, мрачно пошутил — Вам придётся, пожалуй, прямо *из вагона в огонь*… Государь благословил меня, а я поцеловал его руку…

5 октября в Варшаве в день ангела наследника-цесаревича Алексея Николаевича генерал Адамович вступил в командование когда-то родным, а сейчас, по сути, заново воссозданным за счёт маршевых рот полком и вручил ему старое знамя. Из довоенного личного состава в нём оказалось лишь 390 нижних чинов при 10 офицерах…

В самом конце октября перед выступлением из Варшавы на фронт Борис Викторович узнал из телеграммы Лизы о смерти её отца С. И. Вейнберга.

29 октября с началом Лодзинской операции, сражением под Кутно и прорывом германских войск к реке Бзура Кексгольмский полк в составе 3-й гвардейской дивизии держал оборону у посада Александров. В кровавых боях со штыковыми атаками он потерял более 1000 солдат и 16 офицеров из своего уже нового состава. До 9 февраля 1915 года 3-я дивизия сражалась в позиционных боях на реке Равке.

Из наградного листа Георгиевской Думы на генерал-майора Б. В. Адамовича:[799]

> … Полк в боях под Лодзью с 5 по 23 ноября 1914 года, обороняя правый участок боевого расположения дивизии, отбил все атаки превосходящих сил противника и не уступил своей позиции (Ст. 112, п. 3 Георг. Ст.). Достоин Георгиевского оружия.

А 3 и 5 ноября под Ленчицей в районе Липины отличился ротмистр А. Де-Лазари:

> …Дважды подвергаясь явной опасности (проехал под огнём 15 вёрст), доставил командующему армией ценные сведения. Тем самым способствовал выходу из тяжёлого положения 2-го Сибирского корпуса, что имело решающее значение на всю Лодзинскую операцию. По решению офицеров, имеющих данную награду, он удостоен Георгиевского оружия с утверждёни-ем Георгиевской думой при армии…[800]

После неудачной Августовской операции русской армии Северо-Западного фронта и гибели в лесах юго-восточней города Августова окружённого 20-го армейского корпуса генерал-лейтенанта П. И. Булгакова Кексгольмский полк участвовал с середины февраля до конца марта 1915 года в 1-ой Праснышской операции и в боях у Будды-Пшисски и Единорожца.

Карпатская операция и капитуляция 9 марта австрийской крепости Перемышль потребовала усиления этого участка Юго-Западного фронта. Сюда, наряду с другими частями, была направлена в начале апреля и 3-я гвардейская дивизия.

С 26 мая Б. В. Адамович находился на излечении по болезни, когда узнал о смерти 2 июня в Павловске великого князя Константина Константиновича. Тяжело больной, подавленный

военными неудачами, смертью самого любимого сына Олега и гибелью 19 мая в бою под Львовом зятя-кавалергарда князя Константина Багратиона, Его Высочество ушёл из жизни на 57 году жизни. Борис Викторович приехал проститься с учителем и покровителем в день его погребения 8 июня в Петропавловском соборе Петрограда.

После Горлицкого прорыва германскими и австро-венгерскими войсками Юго-Западного фронта, неудачных для русских армий 2-ой Праснышской и Виленской операций Россия понесла огромные потери. Она потеряла Галицию, Польшу, часть Прибалтики и даже значительные территории приграничных российских губерний. Не улучшила ситуацию в войсках и смена Главнокомандующего. С 23 августа им стал сам Государь и… гвардии полковник Николай II.

Выдохнувшись, обе стороны осенью 1915 года перешли к пассивной обороне на линии Рига — р. Западная Двина — Двинск — Сморгонь — Барановичи — Дубно — р. Стрыпа — Черновцы. Но главное, была выбита опора трона российского самодержца — императорская гвардия. К середине осени её потери исчислялись в 75 % от довоенного состава в 85 000. Только 25 октября остатки элиты армии были выведены в глубокий резерв на отдых, пополнение и переформирование.

Генерал Адамович уцелел в боях 1914–15 годов и даже оказался востребованным в течение 3-х месяцев на должности командира 2-й бригады 3-й гвардейской дивизии[801]. Не обошли его и заслуженные награды — «мечи и бант» к ордену Св. Владимира 4-ой степени;[802] ордена — Св. Владимира 3-ей степени (с мечами)[803] и Св. Станислава 1-ой степени[804]. 30 октября он сдал бригаду и был выведен в резерв Петроградского военного округа.

Ожидая нового назначения, Борис Викторович по поручению командования включился в перестройку учебного процесса ускоренных выпусков офицерских резервов воюющей армии с учётом опыта ведения современной войны. С этой целью он посещает (с 18 ноября по 14 декабря) две Ораниенбаумские и четыре Петергофские школы прапорщиков и 5 января 1916 года назначается генералом для поручений — инспектором военных училищ и школ при Военном министре генерале от инфантерии А. А. Поливанове.

Первые инспекции военно-учебных заведений в Москве, Саратове, Казани, Оренбурге, Омске, Иркутске, Чугуеве, Полтаве, Киеве и Одессе лишь подтвердили худшие опасения гвардии генерала о деградации и развале армии уже на стадии становления его командирского звена:

— училища и школы переполнены, теснота и грязь;

— каждый второй преподаватель без боевого опыта;

— на полевых занятиях недостаёт карт, пулемётов, перископов. Юнкера едва умеют работать у пулемёта за 1-й номер;

— школа вольного штыкового удара в подвижные чучела не практикуется;

— зимой в учебных и жилых помещениях зданий сквозняки. В летнее время юнкера живут во взводных шатрах, а не в палатках. Постели — соломенные тюфяки. Отхожие места солдатского типа;

— качество питания неважное. Кухонные постройки тесны, в столовых грязные асфальтовые полы. Недостаёт посуды. Приёмы пищи на столах без скатертей и в 2 очереди. Вечернее питание — «сухой ужин». Даже молитвы читаются с ошибками;

— юнкера плохо одеты (рубашки ветхи и грязны до последней степени, недостаток в сапогах) и имеют затрапезный, мрачный вид. Кокарды на головных уборах и те не форменные.

Генерал-инспектор в силу своих полномочий вмешивается в учебно-строевую подготовку, добивается смещения непригодных командиров и назначения на их место боевых гвардейских офицеров. Большими тиражами издаются его «Указания для ускоренного обучения стрельбе, удару штыком, строю и тактике», «Программа одиночной и взводной подготовки к рассыпному строю», одобренные Военным министром.

Офицерский корпус армии пополнялся, увы, ускоренными выпусками военных училищ и школ, в которых 45,5 % составляли теперь студенты и лишь 19,5 % — выпускники гимназий и кадетских корпусов.

Деятельность Б. В. Адамовича была отмечена Военным министром генералом от инфантерии Д. С. Шуваевым, сменившим с начала апреля генерала А. А. Поливанова, «мечами» к имеющемуся у него ордену Св. Станислава 1-ой степени.

22 мая началась крупнейшая в Великой войне, скрытно и тщательно подготовленная операция Юго-Западного, а затем и Западного фронтов, получившая в истории войн собственное имя — «Брусиловский прорыв». Вспомогательные операции Западного и Северного фронтов на Вильно и Ковно от 9 и 10 июля, к сожалению, успехом не увенчались.

15 июля в день Св. Владимира Кексгольмский полк мужественным боем у деревни Трыстень на реке Стоход открыл военные действия всего 2-го гвардейского корпуса, наступавшего на Ковель. Об ожесточённости боёв свидетельствуют потери кексгольмцев (убитыми, ранеными и контуженными) — до 60 %

среди рядового и 80 % офицерского состава!!! Именно в эти дни Борису Викторовичу, наконец-то, было вручено и желанное для любого офицера Георгиевское оружие за лодзинские бои ноября 1914 года.

Но ни «Брусиловский прорыв», ни успехи Кавказского фронта в четырёх операциях (с декабря 1915 — по август 1916 гг.) не сплотили нацию в решимости победы над врагом, а напротив, спровоцировали многочисленностью жертв (около 500 тысяч человек!) всенародное возмущение бессмысленностью двухлетней бойни.

К концу 1916 года в России разразился топливный, промышленный, финансовый и продовольственный кризисы, которые с ростом стачечного движения подталкивали страну к социально-политическому взрыву. Тем удивительней было наблюдать среди всеобщей вакханалии зла свадебный обряд в центре польского квартала Петрограда в ноябре 1916 года. В костёле Святой Екатерины на Невском, месте упокоений последнего польского короля Станислава-Августа Понятовского, главнокомандующего союзными армиями в войне против Наполеона маршала Ж.-В. Моро и венчания в 1837 году Жоржа Дантеса с Екатериной Гончаровой, состоялось таинство соединения сердец Стефана Высоцкого и Татьяны Адамович.

Дочь русского генерала, приняв католицизм, вошла в польскую семью. Среди немногочисленных родственников Адамовичей, Высоцких, Вейнбергов и близких друзей присутствовал и «свадебный генерал» — единокровный брат невесты — Б. В. Адамович. Из-за невозможности отыскать в переполненной беженцами столице хоть какое-нибудь жильё молодые поселились в съёмной полуквартире начальника Дома предварительного заключения (на Шпалерной улице), что 28 февраля 1917 года при разгроме тюрьмы чуть не стоило им обоим жизни…

6 декабря генерал Адамович удостоился, как оказалось последней для него, императорской награды — ордена Св. Анны 1-ой степени и 5 февраля по распоряжению нового Военного министра генерала от инфантерии М. А. Беляева выехал в распоряжение Главнокомандующего Кавказским фронтом великого князя Николая Николаевича «для инспекции военно-учебных заведений округа и проведения в них необходимых реформ». В Тифлисе его и застали Февральская революция, отречения от престола Государя Николая II и великого князя Михаила Александровича, арест непосредственного начальника и известие о назначении Военным и Морским министром одного из лидеров Думских партий — А. И. Гучкова.

Но представлялся в Зимнем дворце 12 мая 1917 года Б. В. Адамович уже А. Ф. Керенскому. Тщеславный юрист в мечтах о лаврах военного гения был занят подготовкой июньского наступления Юго-Западного фронта.

Генерал Адамович, определённый с 20 мая «в распоряжение Военного министра Керенского», становится свидетелем планирования последней наступательной операции Великой войны, хорошо представляя её последствия после «Приказа № 1» Петроградского Совета от 2 марта (о лишении офицеров дисциплинарной власти в армии).

Как и следовало ожидать, «Второе наступление Брусилова» от 16 июня закончилось ничем после контрудара германских войск 9–21 июля. Очередным Верховным главнокомандующим становится отчаянной храбрости генерал, но недалёкий политик — Л. Г. Корнилов, один из будущих героев Белого движения и первый командующий Добровольческой армии. Но и ему не удалось в условиях развалившейся армии защитить Ригу, оставленную противнику 19 августа.

27 августа интригами Керенского Лавр Георгиевич был обвинён в попытке военного мятежа против Временного правительства, арестован и 2 сентября заключён в тюрьму в Быхове. Военным министром назначается генерал-майор А. И. Верховский, а во главе вооружённых сил России становится… сам Керенский!

Возмущённый наглостью и беспринципностью Министра-председателя, 9 сентября подаёт в отставку начальник штаба Ставки Главковерха генерал от инфантерии М. В. Алексеев (будущий идеолог Добровольческой армии), а 6 октября аналогичное прошение вручает товарищу Военного министра князю Туманову и Борис Викторович.

Из приказа по армии и флоту от 8 ноября 1917 года:

> Генерал-майор Б. В. Адамович, числящийся по гвардейской пехоте и состоящий в распоряжении Военного министра, производится в генерал-лейтенанты с увольнением по прошению с 13 октября 1917 года (с мундиром и пенсией в размере 2752 рубля в год). Общий срок службы следует считать с 1 сентября 1889 года. Приказ об отставке за № 1081 выслан по месту проживания в Миргород 3 марта 1918 г.[805].

Единственным местом, где 47-летний отставник-холостяк мог теперь преклонить свою голову, оставалось именьице отца в Петровцах. Не дожидаясь оформления пенсионных документов, Борис Викторович попрощался с семейством Елизаветы

Семёновны (Верейская, 11), освободил номер в гостинице «Северной» на Знаменской площади, где проживал по возвращении из Тифлиса, и 18 октября покинул бурлящий беспорядками, грабежами и насилием Петроград.

Возможно, как и многие оставшиеся не у дел военные и гражданские чиновники высокого ранга прежнего монархического правления, он хотел просто переждать «окаянные дни» на юге, надеясь на благоразумие политических сил.

Но действительность оказалась страшнее самых мрачных прогнозов…

Балет Татьяны Высоцкой

После захвата власти большевиками в результате октябрьского переворота и сформирования 7 декабря 1917 года Регентским советом Польши первого польского правительства в Москве открылось Польское Представительство. Музыканту С. С. Высоцкому, имевшему кое-какие связи, предложили в нём должность с возможностью последующего выезда на Родину. Прожив в столице Советской России голодный год, Высоцкие в середине октября 1918 года выехали через Оршу в Варшаву, где Стефан Станиславович получил работу в Министерстве Иностранных Дел возрождённого государства.

Очень скоро супруги открыли «Школу музыкальной культуры С. и Т. Высоцких», из которой вырос *«Балет Татьяны Высоцкой»,* завоевавший на международном хореографическом конкурсе 1932 года в парижском Театре Елисейских Полей бронзовую медаль! В 1935 году труппа Высоцкой, выиграв конкурс «Казино де Пари», удостоилась и годичного контракта на выступления *«Польского балета Высоцкой»* в фешенебельном мюзик-холле Парижа[806].

Татьяне Высоцкой удалось многое в этой жизни. Родив в 1920 году сына Стефека, прожив 79 лет и оставив заметный след в культурном наследии Польши как талантливая танцовщица, балетмейстер, театральный деятель и историк балета, она донесла до нас и воспоминания о семейном быте на фоне культурной жизни Москвы и Петербурга Серебряного века[807]. Не обмолвившись в мемуарах ни единым словом о своих двухлетних отношениях с Николаем Гумилёвым, она оставила десятки писем к нему, которые однажды всю ночь читала Анна Андреевна, никогда и ничего не сказав о том Николаю Степановичу…

«Страдания» сочинской гимназистки

Из дневника 14-летней Ляли Массен 1917–19 годов:

Суббота.

Какое ужасное утро. Мама рассердилась за то, что я не учусь, не могу сосредоточиться. Господи! Неужели у меня будет переэкзаменовка?

Понедельник.

Последнее время я страшно нервничаю — чувствую, что скоро буду любить. А может быть, я его ненавижу? Ведь любовь и ненависть — рядом!! Неужели я полюбила за то, что он меня поцеловал? Это ужасно. Буду наблюдать и за ним, и за собой. Дай Бог, чтобы мне не пришлось раскаиваться в своей взбалмошности…

Вторник.

Нет, я действительно люблю его. Он же избегает меня. Что за хаос в моей душе? Боже, наставь меня на путь истинный!! Что мне делать?

Четверг.

Мне ужасно тяжело было услышать от Лили, что Юля хочет стать её подругой. Выходит, во всей гимназии не будет человека, который бы меня любил. Никого! Я одна, совершенно никому ненужная и нежелательная. Остаётся только молитва. Буду молиться и верить. Серёжа меня избегает, хотя Лилю, Зою и Юлю он отлично замечает.

В субботу был «Мир Искусств». Как-то вышло, что я весь вечер провела с Котей Толмачёвым. А тот, кого я люблю, общался с Юлей и на меня внимания не обращал. Хотела устроить шалость, но побоялась, что если бы нас поймали, то непременно выгнали обоих. Что бы тогда стала делать мама?

Вчера состоялась верховая прогулка. Мы ездили за висячий мост, сделали вёрст 20. Сперва у меня оказалась плохонькая, но смирная лошадка, а потом мне дали отличную, но упрямую и тугоуздую лошадь. И сегодня у меня болят ноги…

Суббота.

Сегодня Серёжа опять смотрит на меня букой и избегает. Санька написал Лиле письмо, полное всякой влюблённой всячины: «Дайте мне ленточку! Дайте мне карточку!» Не ожидала

от него такой прыти.

Понедельник.

Написала Серёже письмо — искреннее объяснение в любви. Всю ночь не спала, ужасно было страшно. Представлялись разные картины: дознались и обоих выгнали из гимназии; над нами товарищеский суд; он отвечает сдержанно и холодно или, наоборот, самого лучшего для меня содержания. И вот сегодня, после всех пережитых волнений, он не пришёл! Я в отчаянии, а Лиля умоляет не рвать письма…

Содержание его следующее: «Милый, дорогой Серёжа! За что ты меня мучаешь?! Знаю, что моя любовь безответна, но я люблю тебя больше всего на свете! Больше цветов и солнца! Больше всего земного. Я слежу за каждым твоим движением, за каждым шагом! Ты любишь В. Жвания, но ведь она только запутает тебя и бросит. Я знаю, моя любовь ни к чему не приведёт, но не могу забыть тебя. Никто, я думаю, не отдавал тебе так всей души, как я! Сжалься надо мной!

Если захочешь мне ответить, то передай записку через Лялю Массен. Только прошу, не выпытывай у неё моего имени. Твоя + +.»

Пятница.

В среду я не была в классе, так как помогала маме в огороде с посадкой. Вчера Серёжа как-то странно на меня посматривал наглыми, а вместе с тем милыми мне глазами. При прощании он что-то говорил, а глазами спрашивал: «Любишь ли ты меня, в самом деле?» Я задрожала как от этого немого вопроса, так и от этого взгляда и скорей пошла домой, испугавшись дальнейшего разговора, которого бы не вынесла.

Смущает меня и то, что в него влюблена и Юля и ужасно страдает от его невнимания. Могу ли я, зная это, быть спокойной и безмятежно любить его? А Серёжа, как назло, шутит и необыкновенно весел. Что произойдёт завтра, когда у нас будет вечеринка?! Я её страшно боюсь, не зная, как себя с ним держать. Если буду волноваться и краснеть, то выдам себя, и это дойдёт до мамы. И в лице Юли могу нажить врага.

Странно, но я полюбила Веру, которую ненавидела. Может быть за то, что она не любит Серёжу? Но ведь он-то её любит! И Юлю мне жаль. На уроке «Закона Божьего» я условилась поговорить с ней, она была такая грустная и печальная.

Что-то мне пошлёт завтрашний день?! Дай Бог, чтобы мне не пришлось делать шаг назад…

Пятница.

Вчера я под предлогом головной боли ушла наверх и стала молиться, потом долго лежала и думала. Решила приняться за своё исправление. Для этого я почитала Евангелие и поставила себе задачей: никогда не лгать, даже в пустяках; быть кроткой; не браниться и прощать обиды. С сегодняшнего дня слежу за собой и, кажется, пока не нарушила ни одну из заповедей. Завтра у нас намечается вечеринка, если только удастся достать чего-нибудь…

Четверг.

С Серёжей случился у нас разлад по политическим мотивам. В день годовщины революции несколько социалистов нашей гимназии пошли с красным флагом на манифестацию. К ним присоединилась и я, меня поддержал Володя Кучумов. Целый день спорила с нашими монархистами, которые понадевали шапки, когда запели «вечную память». Теперь им придётся расплачиваться за это. Красногвардейцы составили списки всех учеников старших классов, не бывших на митинге, и будут их судить революционным судом, исключат из гимназии и чуть ли не пошлют на общественные работы. Что же станет с гимназией? Пишу на уроке латыни.

Понедельник.

Мама была у Рутковских, и Лиля рассказала ей о том, что знала обо мне и Серёже. Вечером дома был тяжёлый разговор. Я давно так не плакала. Рыдала не я, а моя непонятая душа.

Сегодня в гимназии он избегал игры со мной в крокет и кегли в одной партии. Разум мне подсказывал — я должна забыть его навсегда. А сердце шептало: «Борись, неудачи закаляют. Ты добьёшься того, что так долго искала!» Кому мне подчиниться? Сердцу или разуму?! Если бы у меня хватило силы воли…

Вторник.

Серёжа меня избегает и даёт понять — я ему неприятна. И у меня сложилось к нему какое-то странное чувство. Без него скучаю и тоскую. А лишь только увижу — прямо-таки отвращение. Мы взаимно ненавидим друг друга в лицо. А за глаза, как знать, может быть он и не питает ко мне вражды. Я люблю его, когда он вдали от моего тела. А возле моей души он всегда.

Воскресенье.

Вчера был «Мир Искусств». Я была с Юлей. Всё по-прежнему. Если не считать одного прямого взгляда Сергея. Обычно он

смотрит на меня сбоку, а вчера прямо в глаза, как когда-то с вопросом на губах, а вовсе не с тем, что в глазах. Но мне от этого стало ещё тяжелей.

С несколькими друзьями мы вышли на *«воздух»* и пошли к парку. Борис стал петь. Слова печального романса резали мне душу, а его звуки лились жгучею волною в открытую глубокую сердечную рану. Я не выдержала и расплакалась. Вернулась, когда совсем успокоилась, и только острая головная боль давала знать о недавнем пережитом. Что же Серёжа? Он всё так же холоден и ужасен дикостью неукротимого зверя. Но я всё-таки от этого не могу его не любить. Что меня заставляет это делать? Не знаю!

Четверг.

Мы на «Вы», а в то же время я чувствую его близость. Он стал смотреть мне прямо в глаза и не так дичиться. Господи! Эти зеленовато-серые с таким злым огоньком глаза сводят меня с ума. Рот вечно кривится в какую-то насмешливую улыбку. Я не могу вынести его проницательного взгляда.

Вторник.

Есть только один человек, который мне близок, как друг — это Лука.

С ним я держу себя свободно, и у нас установились милые дружеские отношения. Иногда я его поддразниваю Ниной Дубинской, но, конечно, всё это в шутку.

Четверг.

Предчувствия не обманывают. Серёжа переменился. В гимназии мы не разговаривали, но когда пошли играть в крокет, он сам предложил сыграть с ним в одной партии. Что случилось? Неужели вернулось моё солнышко, рассеялись тучи в моей душе, и оттуда замигала маленькая, но яркая звёздочка! Неужели Ты, Всемогущий, услышал мои мольбы! Моя душа ликует и прыгает. Да! В нём сидят две Веры. Первая — это Жвания. А вторая — Вера из «Обрыва». Он подошёл с лаской и на «ты». Милый, родной, за что я так тебя люблю. Господи, укрепи мою и его любовь, если это возможно! Я так счастлива!

Суббота.

Вот и кончился ещё один год. Грустно расставаться на целое лето со всеми классными порядками. Я перешла в 5 класс. Все учебные залы украшены зеленью и цветами. За доску воткнули пальмовых листьев, кипарисовых веток и спустили гирлянды

пахучих азалий. Восьмиклассники несли в креслах всех учителей с последнего урока в учительскую, а возвращаясь, пели «Gaudeamus» — старинную студенческую песню на латинском языке. Вчера выставили отметки «прощальные аттестаты» за 4-й, 7-й и 8-й классы. Лиля сказала мне, что Серёжа после Пасхи уедет и больше уже не вернётся. Какая она бессердечная, зная, как мне ужасно тяжело! В последнее время я стала подумывать о смерти, это доходило до отчаяния. Но мой поступок погубит маму. А иногда так трудно сдержаться…

Понедельник.

Сегодня выдают аттестаты. Думаю за лето подготовиться в 6-й класс. Вчера состоялся литературный вечер с поэтом-футуристом В. Каменским. Он читал довольно интересно. Мама смеялась, когда я пересказывала ей его стихи. Вечер провела с Ирой. Она меня понимает. Я поделилась с ней своими ощущениями, оказалось, и у неё бывают такие же переживания.

Пришла Лиля и передала от Серёжи, что я ему нравлюсь, но любить меня он не может, хотя у него и бывают минуты, когда хочется любить именно такую, как я. Дай-то Бог, чтобы это было правдой. Перед глазами стоит его портрет: среднего роста, с чёрными как смоль волосами; светло-карими, иногда жёлтыми, глазами, в которых горит какой-то злой огонёк. Но этот огонёк иногда делается очень мягким и добрым; лицо покрыто веснушками, но не сильно, а подбородок раздвоен глубокой ямкой, которая дрожит при смехе; одевается опрятно и отлично знает бокс…

Ужас! Вчера (11 декабря 1917 года — *А. К.*) на даче задушена вся семья 78-летнего царского сановника Горемыкина[808] — он, его жена и дочь с мужем-дипломатом. Преступников ищут, но вряд ли найдут.

Пятница, 22 ноября 1918 года.

Закончила ещё один дневник, четвёртый по счёту. Хочу вести его так же, как и предыдущий, то есть не стесняясь ни в выражениях своих мыслей, ни в чём-либо другом вообще. Я постараюсь оградить его от всякой цензуры, ибо думаю вести ещё откровеннее прежнего. Ведь в августе мне уже исполнилось пятнадцать лет.

Для начала попробую описать некоторых из моих друзей. Первая — сестра Зоя. Это весёлая, здоровая девочка 13-ти лет, но на вид ей можно дать и 15. Она много читает, её очень интересуют вопросы жизни в самом их реальном смысле. Эту жизнь она старается узнать из каких только можно источников,

но от всех это скрывает и знания свои получает под шумок.

Не могу сказать, что она злая, но до безумия капризна и избалована. И поэтому позволяет себе говорить мне и маме много дерзостей. Маму это убивает, а Зоя увлечена сама собой. Ей кажется, что она очень красива или, по крайней мере, интересна. У неё карие глаза, белокурые волосы, вздёрнутый «интернациональный» нос и довольно большой рот. Но главное её несчастье — она *лопоухая*. Иногда, правда, сестра бывает миленькая, но до красоты ей далеко.

Зоя увлекательная натура, довольно постоянная в любви. Если любит, то уж об этом все будут знать в очень скором времени. Язык у неё непомерной длины, даже на свои тайны… В последнее время стала писать стихи и воображать себя поэтессой, но это ей простительно. Могу добавить, что она большая и врождённая кокетка.

Наташа. Это наша общая подруга, хотя Зое она подходит больше по характеру. Но так сошлись обстоятельства, что она стала и моей подругой. Это довольно красивая девочка лет 14-ти. Крупная, полная, с очень изящной головкой, вполне пропорциональной телу. Она весёлая хохотунья, но не могу сказать, чтобы была очень умна. Ум у неё есть, и он, без сомнения, разовьётся и выйдет наружу. Когда она зайдётся в смехе, то не знает удержу, и в такие минуты может выкрикнуть или сказать какие угодно глупости.

Говорить с ней серьёзно мне приходилось редко, но в этом случае она держит себя умно и осмысленно. Её плохая черта — лживость, причём совершенно естественная. Любит прихвастнуть знакомыми артистами (её мать актриса) и своим французским, которого никто из нас здесь хорошо не знает. Могу заметить, что в Наташе нет прирождённого чувства изящества. Может оно ещё и разовьётся, но сейчас она проста до невозможности.

Сегодня после уроков мама отпустила нас с Зоей погулять, и мы с радостью побежали в городской парк. Встретили *наших* и отправились к морю. Коля всё время шёл с Наташей, но я была в слишком хорошем настроении, чтобы ревновать. Решили идти берегом до баржи, выброшенной штормом. Подошёл Коля, и мы побежали с ним наперегонки. Он что-то говорил мне, я смеялась, а сердце стучало и пело во мне: «Он тебя любит!». Первый раз в жизни я люблю и, кажется, любима.

Мы бежали долго, пока я не задохнулась и от бега, и от неудержимого восторга. Может глупо любить в 15 лет, но, тем не менее, это так, и я его люблю совсем не как других. Это какая-то сильная привязанность, большая, чем просто дружба. Колю я люблю, когда мне весело, светло на душе, когда хочется прыгать,

смеяться. Но когда мне тяжело и больно, когда обидит кто-то, то я люблю *«другого»* со всей силой своей серьёзной любви. Молю, прошу его прийти, и слёзы не раз навёртываются на глаза, когда я вспоминаю жёлтые наглые глаза и… насмешливо-чарующую улыбку.

Воскресенье, 8 декабря.

Вчера был «Мир Искусства», где я первый раз выступила с пением. Потом танцевали и пошли в клуб на «Василису Милентьевну». Играли отвратительно. Исполнители: Ростовцев — Иван Грозный, Швец — Малюта Скуратов были ужасны, костюмы — и того хуже.

1 января 1919 года.

Вчера встречали Новый год. Почти годовщина, как уехал Серёжа Белов. Хорошо, что я не успела в нём разочароваться. Всю жизнь буду я помнить эти жёлтые глаза и насмешливые губы. Но теперь я бы уже не хотела его видеть. Не возвращайся!..

Я проиграла Коле пари. И теперь он будет читать мои дневники. Что ж, слово дано. Но ни один человек не должен знать, Коля, твоих мнений насчёт прочитанного, ни даже того, что ты читал их вообще. Полагаюсь на твоё слово и благородство!..

Среда, 16 января.

Коля прочёл мои дневники. Как много дала бы я, чтобы именно теперь встретить взгляд твоих глаз, когда взяли из моей души самое дорогое и хрупкое — мысли и чувства. И кто же! Человек, который не сумел ни понять, ни оценить того, что узнал. Страницы моего дневника исписаны двумя именами. При этом о Серёже я говорю всегда как о далёком любимом идеале, а о Коле как о живом, красивом и также любимом… ребёнке!

21 января.

Я стала зла. Почему? Устала верить и надеяться на счастье. Его нет на земле, во всяком случае для меня. О ком я забочусь и кого люблю — это мама. Она больна, хотя нам этого не говорит. Но я это чувствую. Коля! Я считала его человеком, а это — «человечишко». Не умеет совладать со своими чувствами. Несчастный раб земли! Что-то мелкое, тщедушное, которое даже любить ещё не научилось. Ходит такой убитый, растерянный, будто ему на голову небо свалилось.

27 января.

Боже, Боже, Боже! Что же это такое? На днях в город вошли войска Добровольческой армии, и у нас не было занятий. На улицах перестрелка, и я один раз попала под перекрёстный огонь. Грузины заперлись в «Ривьере», но вчера сдались, и добровольцы по этому случаю служили молебен в церкви и на площади города. Нас отпустили с 3-го урока, и мы пошли в центр, но намокли и ничего не увидели. Тогда полезли на колокольню, откуда всё было видно как на ладони, но ничего не слышно. Когда молебен окончился и войска двинулись, Костя ударил в похоронный колокол. Вся наша компания бросилась вниз.

Вечером у меня составилась довольно хорошая компания. Сидели в столовой, пели, играли. В конце концов, у меня разболелась голова и я вышла на балкон. Подошёл Коля, стал упрашивать идти в дом, так как было довольно холодно.

Не могу я спокойно переносить его ласк и нежного голоса. Я вообще не привыкла к особому вниманию, и поэтому каждая его самая мимолётная нежность отдаётся болью в сердце. Наши мнения о дружбе не сходились. Потом я как-то сразу осеклась и впала в минор. Рука моя лежала на столе. Он взял её, начал гладить, тихонько сжимать, перебирая пальцы. В сердце ударило, как кинжалом, и каждое его прикосновение отдавалось в нём нестерпимой физической болью. Ещё минута и я разрыдалась бы. Он положил голову на мои руки, у меня вдруг появилось нестерпимое желание обхватить её, прижаться к ней и выплакать всё то, что накипело в груди. Со мной начинался припадок, какой был когда-то. Но, слава Богу, Лёня решительно засобирался домой. А за ним и Коля.

Вторник, 28-го.

Милый мой дневничок, сколько ты знаешь моих переживаний. Тебе одному вверяю я всю мою душу. Ничего, что Коля читал немного, я всё же не стала с тобой менее откровенна. Попробую описать ещё некоторых из нас. Например, Лёню.

Ему едва 18, а он уже старик. При вполне развитом уме его душа не знает юных порывов, чувства томления. С какой-то полунасмешливой улыбкой слушает он наши разговоры, когда мы начинаем строить воздушные замки. Ему ближе философские или психологические темы, а самое большое желание — поскорей окончить гимназию, жениться и зажить тихой спокойной жизнью. Он очень наблюдателен и скрытен, ценит и понимает красоту. Иногда меня только смешит его покровительственный тон. Но всё это не мешает ему быть великолепным товарищем и очень приятным и интересным собеседником.

Лёня уверяет, что между женщиной и мужчиной никогда не

может быть дружбы, так как она непременно перейдёт в любовь с одной или с другой стороны. Его пальцы всегда немного дрожат, особенно если он сильно держит за руку. Очень добрый, доверчивый и задумчивый. В шутку я зову его «секретный ящичек» за обладание вверенных ему тайн.

7 марта.

Тихо, темно в моей комнате. Где-то далеко лает собака. Потрескивает свеча и расплывается серыми каплями по подсвечнику. Думаю о чём-то, о ком-то. О «Нём». Кто Он, я не знаю. Но знаю, что Ты есть и будешь. Где Ты? Откуда придёшь? Где искать Тебя? Я безумно, пламенно жду Тебя! Легко сказать. Знаю, что Он есть, что близко и скоро я увижу Его не только зеркалом души, но и наяву. Иногда мне кажется, что этот Он — Николай. Я вглядываюсь — нет, не Он… «Иногда мне кажется, тебя я встречаю!» Боже праведный, что же это? Где Он?.. Где…

Сейчас читала урок и меня поразила проповедь Св. апостола Павла в доме язычника: «Блаженны соблюдшие в чистоте тело своё, ибо они станут храмом Божьим; блаженны хранящие воздержание, ибо с ними будет беседовать Господь…»

Я стала думать и решила так: Павел благословляет тех, кто отрекся от земной любви. Ищи её в лазоревой глубине неба и ты будешь спокойна. Но читая дальше, нахожу такую заповедь: «Блаженны имущие жён, как и не имущие их, ибо они унаследуют Господа». Я растерялась. Павел оправдывает и благословляет мирскую любовь? К чему тогда мой вывод о двух первых заповедях? Он разлетелся в прах.

Читаю дальше: «Блаженны отрекшиеся от мира сего, ибо они „справедливыми“ нарекутся». Блаженны… ну да лучше об этом пока не думать, мысли путаются в этих дивных словах. Видно мой ум ещё недоразвит до понимания таких истин…

18 марта.

В конце концов, это становится невыносимым. Я не понимаю себя. Я люблю сразу троих и кого из них больше, не знаю. Мне кажется, что это даже не любовь, так как любить можно только одного, а не сразу трёх. Сергея, Колю и… может быть, немного Andre. Что такое моя любовь? К каждому из троих она совершенна различна.

Сергей… Это мой царь и Бог, к которому тянется душа. И хочется упасть к его ногам и плакать, и плакать. Знай, что я тебя люблю и ещё не скоро перестану любить. Знайте это все, смейтесь надо мной, называйте глупой девчонкой, но это так.

Николай — это совсем иное дело. Я никогда бы не унизилась

перед ним, не стала плакать у его ног. Но хочу, чтобы он был около меня, хочу его ласкать, смотреть ему в глаза и даже целовать. Это я, кажется, уже хватила чересчур. А всё-таки я его люблю так же сильно, как Зюку.

Andre. Я не могу сказать, чтоб я его любила, он мне просто нравится своей недюжинностью и оригинальностью. Все его выходки, разговоры смешат меня, а главное, в нём есть что-то общее с Серёжей. Оба они странные, а этот тем более. А ведь иногда и сама себя отказываешься понимать.

А Тарас-то глупый таки влюбился в меня!..

Суббота, 22 июня.

На днях вечером я играла. Мама и сестра сидели за столом. На дворе ночь. Тихо льются звуки грустного вальса, и вдруг открывается окно и появляется… Коля. Это было так неожиданно. Я даже не была рада. Он посидел и ушёл, а я осталась в недоумении — зачем приходил? Для меня и моей музыки?

18 июля.

Завтра идём на Кудепсту. Как я рада и счастлива. Опять горы, милые, добрые и грозные. Как я вас люблю, больше моря! Оно злое, коварное. Никогда не прощу ему того корниловского офицера, который утонул на днях. Два года на фронте в самой сумятице, пережил ужасный «Ледяной поход» и выжил. А утонул в первый же день, как пошёл купаться.

Чарующие, опьяняющие горы. Как отдыхаешь душой, стоя на самом краю бездны. Выше только небо, а внизу голубой ленточкой горная речка. Аромат горных цветов, порхание дивных бабочек. Ах, хорошо. И жить хочется! Так бы тут и остался навеки!..

Четверг, 15 августа.

Завтра мне 16 лет. Не с радостью встречаю я эту дату, а с тяжёлым сердцем. Что принесёт мне совершеннолетие? Мама обещала подарок на всю мою жизнь. Только один человек может сделать меня счастливой и не забыть этот день — Коля. Но… это не в его власти. И я это хорошо знаю. Но тот, кого я действительно полюблю, будет для меня во сто крат дороже Сергея. И случится эта любовь, когда я найду… четырёхлепестковый клевер. Ищу. Боже, сделай, чтобы я завтра была счастлива!

24 сентября.

Я в 6 классе. Вот уже больше 2 недель, как Коля уехал в

Армавир. Я совершенно одна. Ни одного человека, кто бы понял меня, а главное, любил бы так, как мне хочется. Мамина любовь — это, конечно, много, она меня очень любит, но не понимает ничуть. Любовь Андрея была бы прекрасна, если бы я сама его любила хоть немного. Жаль, так как он меня, несомненно, любит. Вот и сейчас мои руки пахнут его духами и волосами. Я люблю этот запах, но он меня не волнует, не радует, как, например, запах Колиных волос.

Прелестные золотисто-каштановые пряди так приятно скользят между пальцев и щекочут кожу. Если меня берёт за руку Андрей, я не испытываю никакого волнения. Его прикосновения как-то холодны. Нет в них огня. Но никогда не забыть мне тех минут, когда на мою руку ложилась горячая рука Николая. Его прикосновения — это страсть, огонь. Сколько в нём жизни, силы, красоты!!! «Ляля, ну я прошу тебя, ну пойдём, я прошу…» Ласковые и властные глаза смотрят на меня, и я вижу чертог на белой бумаге. Он всегда умеет успокоить, увести от собственных мыслей. Умеет просить и требовать одновременно. И нельзя было ему не повиноваться в такие минуты. Ну, судите, могу ли я его забыть, могу ли променять на Андрея?! Всё прошло, он уехал далеко, не пишет, не думает. Страшно, что, может быть, навсегда. Нет, я не хочу, не могу, чтобы это было так. Ты должен будешь меня любить. Я хочу!..

18 октября.

Ах, как хорошо! Я видела сегодня рай, хотя это и может показаться странным. Сидела в парке на моей любимой скамье. Был закат, шумело море. Над головой плыли облака. Нижние — серые, клочковатые, неопределённые и зловеще-прозрачные. Выше — беловато-кремовые, мягкие, с нежными формами, напоминающими снега на вершинах гор. А дальше — золотые, да, да, настоящие золотые с ослепительным блеском и загадочно-величественными контурами. И между ними пятнами — голубое небо. Больше всего это походило на расшитый шёлковый занавес между землёй и… Богом!

И глядя на сочетания цветов, я почувствовала, что блаженство должно быть именно в ярких отливах золота, пурпура и бирюзы. Только там душа будет спокойна и счастлива, только там вечный покой, гармония и забвение. И так хотелось улететь туда от всех житейских дрязг, хлопот и навсегда раствориться в этом божественном великолепии…

24 октября.

Томлюсь и чувствую свою душу и сердце на пороге

захватывающих событий. Андрей уверяет, что человек обладает предчувствием.

Ира вышла замуж. Давно ли она была увлечена Колей, Лёней, Борисом? А теперь — жена незнакомого мне человека, имеющего на неё свои права. Время так незаметно летит, унося частички жизни.

29 октября.

Матерь Божья, Заступница моя. Ты одна знаешь, как я страдаю. Заступись за меня, Владычица. Попроси Сына твоего за меня, я так несчастна в океане жизни. Но верю, что Создатель не оставит меня. Господи, сжалься над рабой твоей и прости ей грехи её тяжкие!..

Безумно люблю горы, их холодные снежные вершины, которые дышат такой страстью на закате. Объятые небесным пламенем, они пылают, сверкают, манят, дразнят и остаются столь же непреклонными, как и раньше, и после, и навсегда. Они так могучи, так обаятельны. Люблю их страстно, до боли, до слёз ревности, подступающих к горлу. Если мне придётся уехать отсюда, я буду несчастнейшим человеком, потерявшим часть своей души, своего счастья. Милые, нежные, чистые, как вы мне бесконечно дороги. Сколько тяжёлого рассеивалось в туманной дымке на вершине хребта. И только один человек понимает эту мою страсть.

Сколько жизни, света, наслаждения вливает в душу запах цветущих альпийских лугов или тисового леса. Какой стихийный трепет охватывает тебя под сводами пещер, когда бредёшь под землёй версты две, а то и больше. Мерная капель со свода, пронизывающий подземный ветер и мерцание сального огарка наводят ужас, и рисуются тени мрачных духов подземелья. Тянутся лапы невидимых чудовищ. Скорей к свету дня, к солнцу. И безумная радость переполняет сердце. И так хочется жить, любить и петь…

А тут, не могила ли вокруг меня? Не запах ли подземелья? Догорает свеча. Кто вырвет меня из темноты? Кто спасёт?

Понедельник, 11 ноября.

Та же тоска о близком и невозможность счастья. Вчера встретила человека, который мне очень понравился. Боюсь, как бы мои искания не остановились на нём. В настоящем настроении я на всё способна.

Умный, много повидавший и хорошо передающий всё пережитое, он произвёл на моё нервное воображение некоторое впечатление. Но сердце подсказывает, что это не то, чего ищу я,

хотя могу и влюбиться. Не дай Бог! Зовут его *Борис А.*

Мы не знаем, кого скрыла Елизавета под инициалом *«А»,* но именно в это время в семье Массенов объявился её родной дядя — Борис Викторович Адамович! Его надежда переждать смутное время в тиши миргородского именьица оказалась химерой, как, впрочем, и для многих сотен сановников высокого ранга, укрывшихся со своими семьями на кавказских, крымских, финляндских и иных бывших российских курортах.

Генерал Адамович пережил Украинскую Народную Республику, Республику Советов, германскую оккупацию, Украинскую державу гетмана Скоропадского, крушение Брестского мира, но при Украинской директории его ждал арест, произведенный петлюровцами 25 декабря 1918 года.

Он бежал из-под стражи и скрывался у знакомых в Лубнах и Киеве. После занятия города частями Добровольческой армии, в составе которых находилась и сводно-гвардейская дивизия генерал-майора барона Н. И. Штакельберга (бывшего командира Кексгольмского полка), Борис Викторович летом 1919 года выехал в Петроград, где какое-то время проживал в квартире сестры Елизаветы Адамович — вдовы Веры Беллей (Почтамтская, 20).

Стояла ли перед ним проблема выбора дальнейшего жизненного пути? Десятки виднейших генералов и старших офицеров императорской армии сочли для себя приемлемым, сняв с мундиров золотые погоны, аксельбанты, звёзды, ленты и кресты орденов Святых благоверных князей и великомучеников, стать под кровавые знамёна безбожных временщиков. Но измена своим принципам во все времена, как мы знаем, плохо заканчивалась для большинства подобных перевёртышей.

Забегая вперёд, заметим, что только единицам из них, присягнувшим власти большевиков, удалось умереть в своих постелях. Остальные окончили жизни от пули в затылок в подвалах ЧК — ГПУ — НКВД, в лучшем случае — от истощения в «исправительно-трудовых» лагерях Соловков, Сибири, Магадана… Среди них оказался и шурин Дмитрия Лухманова — генерал-майор и профессор Военной Академии Александр Де-Лазари, о чём мы ещё поведаем читателю. Подавляющее же большинство российских кадетов, юнкеров и офицеров, неся свой крест, встали под знамёна Добровольческой и других армий Белого движения.

…«Где были вы?» — Вопрос как громом грянет,
Ответ, как громом грянет: «На Дону!»
Что делали? Да принимали муки,

Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом Долг напишут слово Дон![809]

18 августа 1919 года генерал Адамович прибыл в Ставку Вооружённых Сил на Юге России (ВСЮР) в Таганроге и был зачислен в резерв её чинов. И здесь, мир тесен… состоялось его знакомство с дальним родственником по линии матери — бывшим командиром «тигровой роты» 5-го Заамурского полка, а ныне полковником Сводно-офицерского батальона 46-летним Николаем Аполлоновичем Байковым,[810] натуралистом-путешественником, знатоком Северо-Восточного Китая и автором своей первой книги «В горах и лесах Маньчжурии».[811]

В начале сентября Борису Викторовичу неожиданно отказали в принятии на службу как вышедшему в отставку, и он уезжает в Сочи к брату Григорию Колмогорову и сестре Марии Массен, где 24 октября пишет в альбом юным племянницам Ляле и Зое грустные строки Т. Шевченко:

Возле леса, в чистом поле,
На холме высоком,
Рядом выросли две ивы…

Гражданская война пришла в Сочинский округ в июне 1918 года с началом оккупации Абхазии Демократической Грузией и начавшегося между ними военного конфликта. Помощь, оказанная абхазам Майкопским и Белореченским красногвардейскими отрядами, и образование Сухумского фронта подтолкнули грузинское правительство к решительным действиям: в результате боёв местного значения и бегства красноармейцев их войска уже в начале июля без особых усилий захватили не только Абхазию, но и Сочинский, и даже Туапсинский округа Черноморской губернии.

Любопытный факт: местное население Сочи, за исключением армянской диаспоры, приняло грузинскую оккупацию как избавительницу от мародёрских реквизиций и беззаконий большевистских отрядов. Более того, подавляющим большинством голосов окружного съезда была принята резолюция о том, что «*временное присоединение к Грузии является актом, отвечающим интересам трудящихся масс, избавившихся от ужасов реакции*».

Такая *прыть* взбунтовавшейся национальной окраины «Единой и Неделимой» не могла остаться безнаказанной ни со

стороны Добровольческой армии, ни, как показали дальнейшие события, со стороны… Советской власти!

К 10 февраля 1919 года, сбив грузинский кордон на реке Чухукхъ, добровольцы генерала Бурневича захватили Сочи и даже Гагры, остановившись лишь на реке Бзыбь (границе Кутаисской губернии). Притеснения новой властью рабоче-крестьянского населения Черноморья, обвинённого в государственной измене из-за злополучной резолюции, начались буквально с первых же шагов её деятельности.

Уже в начале апреля у селения Пластунка был разгромлен земледельцами первый карательный отряд полковника Чайковского (37 убитых и раненых солдат). С этого столкновения начался отсчёт партизанского движения *«зелёных»* на сочинском побережье. Очередной крестьянский съезд Черноморской губернии от 18 ноября своей ближайшей перспективой провозгласил образование Черноморской народной республики и избрал рабочий орган — Комитет Освобождения, военный отдел которого занялся формированием народного ополчения и подготовкой восстания. Конечной целью движения виделось образование совместно с Кубанской Радой Кубано-Черноморской республики!

Именно в такой предгрозовой обстановке Б. В. Адамович и покидал Сочи 5 января 1920 года по вызову бывшего коллеги по Военному министерству, а ныне помощника Главкома ВСЮР генерал-лейтенанта А. С. Лукомского. Провожая взглядом с палубы миноносца проплывавшие мимо корпуса «Кавказской Ривьеры», он ещё не знал, что меньше чем через месяц навсегда покинет Россию и только в письмах к сестре будет вспоминать и дачный берег, и своих многочисленных сочинских родственников…

Часть двенадцатая (1915–1922 гг.)

Новороссийск — январь 1920

В переполненном ранеными и больными воинами, беженцами, штабами и тыловыми службами Новороссийске генерал Адамович узнал об оставлении Белым воинством Таганрога, Новочеркасска, Ростова и ожесточённых боях с Красной Армией уже на левых берегах Дона и Маныча. Усиливали панические настроения борьба за власть между Ставкой ВСЮР и Кубанской краевой Радой, открытие в городе эвакуационного бюро, работы по укреплению всего Новороссийского района, действия в нём отрядов *«зелёных»,* ощущение развала и безвластия…

13 января 1920 года Б. В. Адамович представился генералу А. С. Лукомскому.

Не скрывая обстановки и возможного развития событий, Председатель правительства при Главкоме ВСЮР предложил Борису Викторовичу возглавить службу пропаганды и печати (бывшее осведомительное агентство — ОСВАГ), сам, вероятно, не надеясь на его согласие. Ведь не кто иной, как Деникин в декабре признал «в сердцах» откровенно-бесполезной, а на местах даже и вредной всю деятельность этого армейского ведомства. Запоздалая оценка из уст одного из столпов Белого движения!

Получив твёрдый отказ на не слишком настойчивое предложение, Александр Сергеевич позволил себе дать совет остающемуся не у дел и не обременённому семьёй товарищу по оружию, который очень скоро оказался единственно приемлемым для генерал-лейтенанта Адамовича.

Между тем Гражданская война на юге России приближалась к своему эпилогу: во второй половине января началась спешная эвакуация частей и тылов Белых армий из Одессы. По свидетельствам очевидцев тех событий она была кошмаром. Вместе с войсками и беженцами здесь оказались до тысячи кадет и преподавателей Владимирского, Киевского, Одесского Великого князя Константина Константиновича, 2-й роты Полоцкого и до десятка отдельных групп других кадетских корпусов бывшей императорской России.

Большую их часть (до 500 человек) под началом ротного командира полковника М. Ф. Самоцвета удалось вывезти морем 25 января на лёгком английском крейсере «Церес», транспорте «Анатолий Молчанов», пароходах «Рио Негро» и болгарском «Царь Фердинанд» в Варну (Болгария). При посадке на суда англичане разрешили иметь при себе чемоданчики с личными вещами только самим кадетам.

У казначея корпуса подполковника Г. А. Андрузского матрос вырвал из рук и отбросил чемодан, в котором находились деньги Добровольческой армии и кадетских корпусов в сумме 2 741 832 рубля 90 копеек. Полковнику А. Н. Азарьеву с трудом удалось пристроить ценный груз кадету III класса Снегуровскому, чтобы тот пронес его на пароход. В дальнейшем в Белграде деньги были сданы сенатору Никифорову, обменивались на валюту и использовались на нужды армии.

Вторая группа (около 400 человек) под командой полковника В. Ф. Гущина не смогла сесть на корабли. Вынужденная уходить из города с оружием, она примкнула к отступавшим частям полковника А. А. Стесселя (с беженцами) и с боями пробилась через Днестр в Румынию. Причём в бою 31 декабря под селениями Кандель и Зельц левый фланг обороны отряда в 600 бойцов держали кадеты (большинство в возрасте 12–14 лет) под командой капитана Г. Л. Реммерта. *«…В течение дня, не дрогнув, они в пешем строю отбили две атаки конницы из бригады Котовского и тем самым содействовали успеху всего дела…»*

Приказом военного агента ВСЮР в Румынии генерал-лейтенанта А. В. Геруа (№ 17 от 15.04. 1920 г.) 10 кадетов были награждены Георгиевскими медалями и крестами 4-ой и 3-ей степеней, в том числе 1 — посмертно, 6 — раненых и контуженных.

Младшие воспитанники и чины персонала с семьями, не сумев перейти по льду лиман, после двух неудачных попыток были вынуждены вернуться в Одессу к родному пепелищу…

Февральская революция 1917 года положила начало, а октябрьский переворот и последовавшая за ним Гражданская война в России привели к великому исходу (эмиграции) из неё до 2 миллионов человек! Русские беженцы оказались в десятках стран мира от Америки до Австралии. Не стали исключением и Балканские государства, так многим обязанные России, в том числе и Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС), образовавшееся после распада Австро-Венгерской империи в 1918 году.

Положение молодого южнославянского государства после шести лет опустошительных войн, двух Балканских и Мировой, в которой Сербия и Черногория выступили союзниками России, было ужасным. Однако, несмотря на стоящие перед ним политические, военные, экономические, межнациональные, социальные и иные проблемы, оно нашло в себе мужество и силы для размещения на своей территории тысяч русских беженцев.

По распоряжению принца-регента КСХС Александра, крестника императора Александра III, в Новороссийске

находилась миссия посланника королевства, открывавшая визы для выезда русских на специально зафрахтованном для этой цели пароходе.

К концу января генерал Адамович получил от сербского посланника известие об инициативе принца-регента и бывшего пажа принять на своей родине всех российских кадетов-беженцев, первая группа которых уже прибыла из Одессы в Варну и готовилась к отправке поездом через Софию в Белград.

Решение разделить участь киевских и одесских кадетов, так тесно связанных с именем его шефа и покровителя великого князя Константина Константиновича, пришло к военному педагогу Б. В. Адамовичу мгновенно. Вспомнился и недавний совет генерала Лукомского, и Осташево, и давнее знакомство, ещё по русско-японской войне, с князем Арсением Карагеоргиевичем — дядей нынешнего королевича. В Вильно Борис Викторович учил юнкеров *одинокой непоколебимости,* которая теперь потребовалась и ему. 30 января по личной визе сербского посланника генерал Адамович в числе других беженцев отбыл пароходом в КСХС, держа путь на Белград.

«Зелёные» в Сочинском округе

Из дневника 16-летней гимназистки Ляли Массен 1920 года:

6 января.

…За последнее время я стала более набожна, чем прежде. Только и отдыхаю в церкви у моего любимого образа. Такой мир в душе после долгой молитвы. Так люблю милый храм любви и смирения. Странно, но когда я начинаю взывать к Богу, на глаза всегда навёртываются необъяснимо-тяжёлые слёзы. О чём я плачу? Я не знаю, но так горько, горько. Хочется прижаться головой к дубовому подножию «Нерукотворного» образа и рыдать, выплакать всю тоску, всё одиночество у ног Спасителя. Усталой, но упокоившейся выхожу из церкви. Снова есть силы жить и бороться. А устанешь — опять в церковь к чудному образу с кроткими и строгими глазами Богочеловека…

Между тем Комитет Освобождения Черноморья объявил в первых числах января мобилизацию своих вооружённых отрядов. Совместно с частями республиканской Грузии, сосредоточенными на границе Сочинского округа у Адлера, «*зелёные*» 13 января открыли военные действия против немногочисленных сил Добровольческой армии. Уже 20 января, после нескольких успешных боёв, под звуки перешедшего на их сторону оркестра Сальянского полка 52 бригады, крестьянское ополчение подошло к «Кавказской Ривьере», в номерах которой и разместился штаб «Комитета»…

Не останавливаясь на достигнутом, *зеленоармейцы,* пополнив свои арсеналы захваченным в боях вооружением, в том числе и орудиями, на плечах отступавшего противника в считанные дни захватили порт Туапсе и двинулись к Геленджику, сея панику в тылах Белой армии. Период с 26 января по 29 марта оказался лебединой песней крестьянского повстанческого движения Черноморья в Сочинском округе…

20 января.

…Новая перемена власти. В город вошли «*зелёные*» вместе с грузинами. Вчера с одиннадцати дня и до самой ночи шёл непрерывный бой. Я так от всего устала. Мучительно действует на нервы металлический треск пулемётов, невольно вздрагиваешь от каждого нового орудийного выстрела.

Вчера попрощались с Андрюшей, мой милый единственный друг! Как тяжело мне сейчас. Где он? Что с ним? Что я буду

делать без Вас? Как проживу хотя бы первое время? Вы единственный понимали меня. Много хороших минут провела я с Вами у «зачарованного колодца» и на «депутатской горе». Грустные воспоминания, слёзы навёртываются на глаза. Зачем Вы не остались со мной?.. Господи, я ничего не соображаю. Возможно, сейчас его не было бы уже в живых и, подумать только, что из-за меня. Нет, всё к лучшему, что Бог делает. Господи, помоги и огради его! Может быть, друг, мы ещё увидимся. Как я хочу скорой нашей встречи!

24 января.

Сижу дома. Только сейчас, перебирая всё в голове, представляю, как сильна была любовь Андрюши ко мне. Недаром называл он меня «роковой женщиной». Но я не жалею, что наши отношения никогда не переходили границу дружбы. Это хорошо. Моя совесть чиста, и я снова пронесла свой сосуд, не пролив из него ни капли. Кто будет тот, ещё не знакомый мне путник, что утолит свою жажду из чистого сосуда, к которому ещё никто не прикасался? Кто он? Как его имя? Где он, чтобы пойти к нему навстречу и отдать самой всё то, что находится в переполненном доверху сосуде? Где чудный, неведомый путник?

8 февраля.

За короткое время так много изменений, у нас управляет крестьянская власть вместе с грузинами. Поговаривают о большевизме. Добровольцы отступили за Туапсе. Андрей попал в плен и сидит в тюрьме, Коля заключён на «Батарейке».

Каждый день я хожу в тюрьму, ношу суп и борщ заключённым офицерам. В первый раз вся обстановка показалась мне ужасно тяжёлой. Много народу в очереди у ворот. Вход только по пропускам, которые надо получить у коменданта. Ворота закрывают после каждого посетителя на замок. Пускают только по два человека. Разговаривать можно 10–15 минут. Андрей так оборван, что на него смотреть страшно. С него сняли всё, когда взяли в плен, и теперь он в каких-то лохмотьях. Кормят — ужасно, даже горячей воды не всегда дают. В смысле обстановки Коле легче, но в отношении еды ещё хуже. Им дают по куску хлеба из макухи и воду, но «хлеб» так ужасен, что голодая, многие не могут его есть <…>

Мы с Шурочкой мечтаем теперь кончить курс, то есть летом учиться и осенью сдать экзамены в армавирской гимназии. Ах, если бы удалось. А в 8-м классе пойдут одни повторения. Потом… потом мы мечтаем ехать на «Принцевы острова» с Колей и Андрюшей. Купим замок на острове. У нас будут свои лодки,

катера, будем кататься в лунные ночи по морю. А в доме у нас будет так хорошо и в гостях только молодёжь. Будем устраивать балы, спектакли. Шура выйдет замуж за Колю, я за Андрюшу, и будем всегда жить вместе. Отчего нельзя так же откровенно объясниться с мальчиками? Хотя Шура, кажется, собирается сказать об этом Коле. Тогда и я скажу Андрею. Мечты! Ну, а пока надо думать, как бы сдать экзамены за лето. Посмотрим, лишь бы охота не прошла.

Из воспоминаний Фёдора Колмогорова:

…20 апреля 1920 года в Сочи после боёв с *«зелёными»* под Лазаревкой и Головинкой вступили добровольцы, разбитые большевиками на Кубани. Торжественно въезжал в город на вороном белоногом жеребце командующий Кубанской армией генерал Шкуро в окружении «волчьей сотни». В его левом ухе поблёскивала большая золотая цыганская серьга. Невысокий, с рыхлым лицом, в синей венгерке с брандебурами под распахнутой белой буркой, в белой папахе, он сидел подбоченившись в седле и с улыбкой взирал на толпы жителей… Фуража у отступавших казаков почти не было. Голодные лошади обглодали всю кору со стволов фруктовых деревьев, и знаменитые сочинские сады просто погибли…

Продолжение дневника Ляли Массен:

21 марта.

…*«Зелёные»* пробыли у власти ровно два месяца и 11 часов и сейчас укрылись в лесах и горных селениях, не допуская к себе казаков. Как надоела эта бесконечная перемена властей. Конечно, хорошо, что пришли добровольцы, так как крестьяне стали сильно *«краснеть»*. Вернётся, верно, много старых знакомых. Пасху, по крайней мере, встретим спокойно и весело. Приятно смотреть на дисциплинированное войско, серебряные погоны и весёлые лица.

Я сильно простудилась и уже несколько дней не выхожу из дому. Андрюша забегает каждый день, подолгу сидит и развлекает меня своими рассказами. Умный, красивый, а всё-таки чего-то в нём не достаёт, чтобы он мне нравился совсем. Я не скучаю с ним целыми часами, но есть что-то неуловимое и необъяснимое, что заставляет меня держать себя в определённых рамках. В душе не осталось ни тени той любви, что была раньше…

Вечером того же дня.

Сегодня Вербная суббота. Все наши ушли в церковь, а я украсила Зюкину карточку цветами, и так стало грустно. Слёзы подступают к горлу, неужели я люблю его до сих пор? Да, это так. Сегодня ровно два года, как я встретила его на паперти храма и дала ему веточку вербы. И в этот день меня не пустили к вечерне. Жестоко!..

Страстная суббота, 28 марта.

Завтра Пасха. Тяжело её встречать в этом году. Город запружен казаками. Фунт мяса стоит 250 рублей, десяток яиц — 600, пуд кукурузной муки — 6000 и т. д. Больные и голодные приходят и просят хоть хлеба. А его, конечно кукурузного, несколько дней не выдают нам самим. Но всё же будут у нас и сдобные булки и даже маленький поросёнок, которого вчера зарезали, и яйца крашеные. Я вчера и сегодня весь день стряпала в кухне и так устала, что не знаю, как пойду к службе. И больных казаков, лежащих под дождём на голой земле, не могу видеть. А завтра такой большой праздник. Господи, что же будет?

29 марта.

Христос Воскресе! Не радостно звучит в этом году возглас ликующего гимна во имя Бога-Сына. Туман и везде грязно. С Андрюшей и Колей гуляли по парку, ходили к маяку (к черешне). Андрей хочет уезжать. С его отъездом я потеряю единственного своего друга, к которому привыкла и тайно полюбила.

10 апреля.

Весна. На дворе так ярко светит солнце. У меня на столе стоят громадные букеты азалий, белой сирени и незабудок. Деревья покрыты нежной зеленью, и кое-где яблони и груши уже в полном цвету. По ночам бывает так тепло и звёзды такие яркие в чистом весеннем воздухе.

Коля уехал на маленьком пароходике в Батум. Думала — ничего, сойдёт, ан нет, больно. Пятый день подряд вижу его во сне. Боже, сколько ласки, любви в его обращении со мной. Как я счастлива и любима во сне. О, только во сне. Наяву он так сух и сдержан. Помню, в третьем сне я встретила его где-то на краю обрыва. Вокруг было столько незабудок! Он подошёл, взял меня под руку и прижал её к своему сердцу так крепко, крепко. Я вся трепетала, моя любовь клокотала в сердце, доверчиво и страстно я прижималась к нему. Мы шли по каким-то туннелям, и он что-то говорил, а я только могла чувствовать своё счастье. Сегодня ночью я видела, что так же нежно и ласково он ведёт меня днём

по Сергиевской, как жених невесту, и читает мне стихи Тани Подгурской. И так хорошо, хорошо.

О, почему это только сон? Если бы можно было пережить всё это в действительности. Как я любила бы его. За что? Право не знаю, но он так красив…

Нет, я не могу. Почему, почему он никогда не будет принадлежать мне?! Почему он никогда меня не любил и не полюбит? Думаю, что даже никогда с ним больше не увижусь. Милый Андрюша, почему я не могу любить Вас так, как Колю?

12 апреля.

Скверный сырой день. Сижу у себя в комнате, читаю, учу геометрию и хандрю понемножку. Букет белой сирени одуряющим запахом зовёт к любви и радостям. С карточки смотрит Серёжа наглыми глазами. Как давно это было. Где-то он сейчас?

15 апреля.

Мы опять накануне великих перемен. Три дня идёт непрерывная канонада. Целые дни дребезжат стёкла, и зловещий гул не прекращается ни на час. Бух, бух, бух… Вздрагивают стены и сердце, уже такое привычное к этим звукам. Идут большевики. Шкуровцы эвакуируются в Адлер и Крым. Сегодня утром заходил раненый казак. Мы его накормили и напоили, так тяжело видеть этих людей, беспомощных и страдающих. Слухи самые разные: то красные уже в Мамайке и казаки отступают; то, наоборот, наши идут в наступление и Сочи не сдадут ни в коем случае. Говорят, что англичане примут нас под своё покровительство и никого в город не впустят. Думаю, однако, что большевики возьмут Сочи и будут властвовать. Добровольческой армии, кажется, крышка. И в Крыму дела вовсе не блестящи, как верилось. Что-то будет с нами, в конце концов? Неприятно режет слух звук проезжающих телег, наполненных ранеными и тифозными. Хочется плакать, просить защиты, помощи. У кого? Восьмой раз Сочи переходит из рук в руки…

Из воспоминаний Фёдора Колмогорова:

…Варфоломеевской ночью называли в городе последние часы ухода кубанцев. Это была уже не армия, а группы мародёров. Хватали и тащили всё, имеющее ценность. Резали скот и птицу. У нас отняли телёнка и тут же его закололи, порубили кур, увели жеребёнка. Несколько дней после бегства войск наша корова Дашка звала своего детёныша, ничего не ела и отказывалась от

пойла. Выгоняли пастись — «*кормилица*» не выходила из стойла и только протяжно и надрывно мычала…

16 апреля.

…Тревожное утро. Пулемёты и винтовки подняли нас сегодня. Последние части казаков уходят. Канонада ужасная. Пушки стоят у казначейства. Красные — в Новых Сочи. Звенят стёкла. Жутко, но не страшно…

Во главе Доброфлота

Февраль 1917 года застал 50-летнего капитана дальнего плавания и Морского агента Доброфлота Д. А. Лухманова в Нагасаки. В прошлом осталась 4-летняя служба в Гонконге, где Лухмановы были единственными русскими, не считая консула — прибалтийского барона, почти не говорившего на языке представляемой им страны. Именно поэтому оказавшиеся волею судеб в этой британской колонии соотечественники чаще всего обращались к Дмитрию Афанасьевичу.

Его дети — Ксения и Николай — учились в английской спецшколе, где успешно осваивали английский и китайский языки; 26-летний Борис плавал на одном из первоклассных судов Доброфлота на Восточной линии (до Одессы и Петербурга), а с началом мировой войны — на Экспрессной линии дальневосточного бассейна.

Сам глава семейства увлекался постройкой маломерных судов для местного яхт-клуба и морскими гонками, в том числе на яхте и моторном катере «Доброволец» собственной конструкции. 15 апреля 1915 года на мотоботе «Волонтёр» ему даже удалось взять приз в подобных соревнованиях. Об этом периоде его жизни свидетельствуют сохранившиеся у правнучки капитана в городе Лиепая (Латвия) две драгоценные вещицы: серебряный кубок (с гравированной надписью на английском); антикварный китайский «сейсмограф» — бронзовый шарообразный сосуд на трёх ножках в виде драконов, каждый из которых держит в зубах над чашей нефритовый шарик. При малейшей вибрации сосуд слегка звенит. Но переходя определённую критическую точку, драконы одновременно роняют шарики в ёмкость. Эхо последующего звона и предупреждало хозяина дома о возможной беде.

Сохранилась у внука капитана — Дмитрия Николаевича Лухманова — в Москве и серебряная китайская чаша для омовения пальцев рук, подаренная Дмитрию Афанасьевичу ко дню рождения, что удостоверяет надпись на английском. Увлечение Морского агента фотографией донесло до потомков и историков флота многочисленные снимки почти всех судов, заходивших в те годы в порты под русским флагом.

Самыми же примечательными событиями жизни Лухмановых в Японии (с июня 1916 по апрель 1920 годы) оказались: лингвистические успехи юного Николая не только к французскому и английскому, но к китайскому и японскому языкам; статьи Дмитрия Афанасьевича в английском «Nautical

magazine» и американских журналах «The Rudder», «Motor Boat and Motor Ship» и других;[812] доклад о проблемах Доброфлота (от 8. 04. 1917 г.), представленный с сопроводительным письмом (от 8. 06. 1917 г.) на имя самого Председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова[813].

Но стремительно распадавшейся империи было уже не до проблем дальневосточной морской компании. 25 марта 1920 года власть на Дальнем Востоке России (в условиях Гражданской войны и японской оккупации) оказалась в руках просоветского Временного правительства приморской областной земской управы. Спасая сильно поредевший за время Мировой и Гражданской войн Доброфлот, правление которого сбежало из Петрограда в Константинополь, оно спешно создало Временное Общероссийское правление Доброфлота с пребыванием во Владивостоке.

Управляющим новой морской организацией, избранным на общем собрании судовых команд, стал Морской агент в Нагасаки и член Индустриального союза моряков… Д. А. Лухманов! В первых числах апреля Дмитрий Афанасьевич перевёз семью во Владивосток и в мае вступил в партию большевиков — РКП(б), партбилет № 0 170 073, в то время когда его младший брат Борис уже делил на чужбине все тяготы с *«изгнанными правды ради»*.

Братья осознанно оказались по разные стороны баррикад, и оба заплатили за это полной мерой страданий: один — многомесячным тюремным заключением всех членов своей семьи, гибелью сына Николая и шурина Александра Де-Лазари, другой — потерей Родины и одиночеством.

Временное Владивостокское правление Доброфлота продержалось до 26 мая 1921 года. Несмотря на все трудности, его руководству удалось сохранить под своим управлением на Дальнем Востоке 16 пароходов.

Военный переворот, приход к власти белогвардейского правительства братьев Меркуловых и признание им Парижского правления Доброфлота аукнулись Д. А. Лухманову краткосрочным арестом, увольнением от службы и бегством с семьёй в Шанхай, где находилось Представительство Дальневосточной Республики[814] и проживал старший сын Дмитрия Афанасьевича Борис Лухманов, будущий эмигрант и лоцман шанхайского порта.

Оставшемуся не у дел бывшему управляющему и большевику Д. А. Лухманову, хорошо знавшему проблемы торгового флота Дальнего Востока, была предложена должность Уполномоченного по Морским делам республики. Новый назначенец оставил семью в Шанхае и через Пекин — Улан-Батор — Кяхту — Верхнеудинск

в октябре 1920 года добрался до Читы. Ему как-то удалось пройти в 1921 году свою первую партийную чистку, не раскрывая всей правды ни об отце и брате — генералах, ни о дворянке-жене, дочери жандармского полковника…

Дмитрий Афанасьевич окончательно принял Советскую власть, активно включился в работу Морского ведомства и не только ДВР, но и РСФСР. Его доклад, некогда представленный Временному правительству, доводы, советы и рекомендации легли в основу Декрета Совета Народных Комиссаров от 11 января 1922 года «О возобновлении деятельности Доброфлота» и «Положения о Доброфлоте», утверждённого 14 июля 1922 года.

Вскоре при Наркомате внешней торговли РСФСР, возглавляемом бывшим тюменцем, а теперь полпредом в Англии Л. Б. Красиным, было создано под председательством Г. И. Харькова Московское правление Доброфлота (Ильинка, Ипатьевский переулок, 3). Должность директора-распорядителя в нём была предложена капитану Д. А. Лухманову. Более того, нарком распорядился доставить всю семью моряка в Москву (через Англию) за счёт средств ведомства.

После освобождения Народно-Революционной Армией Хабаровска и перехода власти в Приморье в июне 1922 года в руки правительства Воеводы земской рати генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса в Шанхай 15 июля прибыл из Москвы Особоуполномоченный по делам Доброфлота И. Е. Леонидов. Дмитрий Афанасьевич оказал коллеге всю возможную помощь и содействие в формировании нового состава Дальневосточного управления, вплоть до капитанов судов. При этом обязанности секретаря Шанхайского агентства какое-то время исполнял его 18-летний сын Николай. Передав дела и связи исполняющему должность управляющего В. А. Гвоздарёву, Д. А. Лухманов в середине августа отбыл с женой и двумя детьми пароходом в Англию и далее в Москву. Прощаясь с сыном Борисом, он уже предчувствовал, что обнимает его в последний раз…

Театральный дневник Ляли Массен

3 мая 1920 года.

…Большевики в городе уже более двух недель. Масса митингов, союзов, собраний. Я увлеклась Союзом сочинской молодёжи. Хожу на обязательные работы: резка веников из иглицы, чистка Верещагинского парка. Много нового и красного.

Наши отношения с Андрюшей не изменились. Он умнее и рассудительнее меня, но огня и энергии больше во мне. Я чувствую, что способна на страстное увлечение. Правда, при моей физиономии оно будет безответным. Но такая уж я родилась. Сегодня на репетиции в клубе мы поссорились.

Понедельник, 11 мая.

Недавно в парке около большой пушки я стала встречать одну или с сёстрами молоденькую девушку моих лет, которая своей внешностью произвела на меня сильное впечатление. Большие печально-суровые голубые глаза, светлые волосы и небольшой рот. Зовут её Леночкой.

Однажды она села на соседнюю скамейку и показалась мне такой прелестной, женственной и так похожей на героиню романа, который я тогда читала. Я стала встречать её на вечерах, в церкви. Она становилась мне всё милей и дороже, хотя никогда не улыбалась и казалась даже суровой. Будучи юношей, я стала бы за ней ухаживать и влюбилась бы, но, на несчастье, я только её сверстница.

Штаб «*зелёных*» распустил свои отряды, вернулся из леса и расположился в «Гранд-Отеле».

16 мая.

Вчера исполнилось ровно 4 месяца, как умер Лёня Поветкин. Бедный мальчик. Может это и к лучшему, так как с его характером он был бы несчастлив в жизни.

Пришла из церкви. Видела там Леночку. Какая она хорошенькая и привлекательная. Смотрит на меня и переговаривается с сёстрами. Ужасно хочется с ней познакомиться, но как?

На будущей неделе будет представлена «Жизнь гимназиста», ни я, ни Андрей в ней не участвуем. Спектакль исключительно для красноармейцев. У меня же вышло недоразумение с партнёром — исполнителем главной роли. Андрей, наблюдая за моей игрой на репетициях, нашёл, что я слишком с ним развязная. Мы долго спорили на этот счёт, и я действительно

согласилась, что вела себя на сцене гораздо свободней, чем в жизни, мечтая окунуться в мир искусства. И вышло не совсем то, что требовалось. Пьеса верно сойдёт хорошо, но не будет в ней того вкуса, как со мной.

В городе волнения. Арестован чекистами из Ростова весь штаб *«зелёных»*. В селениях по всему округу забирают крестьян, заложников. Сто человек отправлены в тюрьмы Екатеринодара и Майкопа.

19 мая.

Я поступила на службу в концертный хор под управлением И. А. Шмелёва и буду получать не менее 20 000 рублей. К зиме поеду в Тифлис завершать своё образование. Мама сама мне это предложила, а М. Кутковская с удовольствием берёт меня с собой. Поступлю в женскую гимназию с правами и через два года получу аттестат зрелости. Но думаю, его у меня не будет, так как мы уедем за границу.

С одной стороны — независимость от большевиков, с другой — так жаль своё насиженное гнёздышко, Сочи, море и мои милые дорогие горы. В следующее воскресенье думаем идти на Агуру. Я в восторге, лишь бы мама разрешила.

23 мая.

Только что, по совету Андрея, закончила читать «Проступок аббата Мурэ» Э. Золя. Странное впечатление от книги — какая-то грусть, какая-то тоска. Прав или не прав был Серж по отношению к Альбине? Но, во всяком случае, он был святой, а не сумасшедший, как утверждает Андрей.

3 июня.

Вечер. Около шести часов. Сижу на балконе моей комнаты и пишу. Помню, как дрожали Колины руки, когда он однажды взял мои пальцы и положил горячую голову на мои открытые ладони. Было совсем темно. И счастье, возможно, было так близко. На меня же нашёл столбняк. Я не могла шелохнуться и не нашлась, что сказать. И он ушёл. Как я его любила тогда…

8 июня.

Страшно душный день. Верно, будет дождь. Из города уходят войска большевиков на Польский и Крымские фронты, но концерты и митинги ещё в полном разгаре. Служу, но на жалованье надежд мало. Два раза в неделю концерты, но я не ропщу, так как развиваю и голос, и слух.

9 июня.

Сегодня ни репетиции, ни концерта. В 4 часа идём с Т. на Опытную станцию узнать о здоровье Фани Сысоевой, её переехала линейка. Там много лошадей. Быть может, будем их купать.

Пятница, 12 июня.

Сегодня в ночь буду дежурить у Женички Гаевской, она сломала ногу и лежит в лечебнице Гордона.

Вторник, 16 июня.

В воскресенье был концерт Рубинштейна. Мы с Колей забрались в самый дальний ряд. Хохотали и аплодировали. Когда я слушала Мордвинова, Коля взял мою руку. Перебирая и гладя пальцы, он неожиданно поцеловал их. Не отнимая руки, я почувствовала в неумелом поцелуе столько любви и нежности, столько затаённой стеснительности. Вряд ли я встречу в жизни человека, который бы так понимал меня. Конечно, мы бы уехали в Гималаи или на Таити, как и мечтали, и жили бы на лоне природы, вдали от цивилизации, как брат и сестра…

Четверг, 25 июня.

В субботу, кажется, удастся пойти на Кудепсту. Сегодня И. А. отпустил меня из хора, сказав, что для Словинской я могу «заболеть». Очень ему благодарна — страшно хочется на водопады. Идёт наша пятёрка. Перспектива лазания по пещерам, ночёвка у Овчара, перевалы — всё это мне мило и дорого. Но надо ещё достать в Чека пропуска, а это целая канитель. Моя мечта пройти на Красную Поляну через Ачишхо.

В городе появились крестьянские листовки:

Мы, уполномоченные сельских сходов Сочинского округа Черноморской губернии, собравшись сего 17 июня 1920 года, имели суждение об арестах Советскими властями избранных нами на крестьянско-рабочем съезде 25 февраля с. г. членов Комитета Освобождения и других крестьян. Узнав о том, что наши избранники и товарищи посажены в тюрьму, мы послали к властям ходоков с просьбой отпустить их на поруки крестьянского общества. Однако в сочинском Особом отделе нашим ходокам в этом отказали.

Прибывшая к нам Рабоче-Крестьянская Советская власть обратилась против крестьян. Никаких советов нам не позволяют выбирать, а те, что были у нас при Комитете Освобождения, разогнаны. Из приказов новой власти мы усмотрели, что нас ставят в такое же положение, в каком мы

находились при Деникине. Вместо обещанного хлеба хотят отобрать последнее добро, которое ещё уцелело. Крестьянское Ополчение называют бандой, обезоруживают и заставляют уходить в горы.

Всё вышеуказанное мы называем насилием большевиков и постановили обо всех их притеснениях довести до всеобщего сведения, чтобы все, кто им доверяют, знали, что власть большевиков для нас совершенно не подходит, и мы желаем избавиться от неё так же, как и от кадетов.

Начало романа с Сурским

До чего я изменилась за последние полторы недели. Повзрослела, чуть ли не на 10 лет. Какой смешной кажусь себе в далёких воспоминаниях. Раскрылась бездна между прежней и теперешней Лялей.

Приехали новые артисты. На третий день общения с ними я почувствовала, что Сурский именно тот, кого я ждала между своими маленькими увлечениями с самого 4-го класса. И начались мои новые пытки. Чувствую себя перед Андреем виноватой.

Какой он красивый. Чёрные волосы и большие тёмно-серые глаза, столько силы и мужественности. Я готова для него на всё. Позови — пойду с ним на край света, не спрашивая и не разбирая. Днями думаю только о нём, а ночью в беспорядочно-кошмарных сновидениях является его обольстительно-прекрасный образ. День живу теми несколькими секундами, которыми могу его видеть на террасе клуба или при получении талонов на обед. Домой ухожу совершенно опустошённая, потерявшая нервную энергию.

Когда вижу его идущим на репетицию или с неё, на концерте (спектакле), то нервничаю до безумия в полном смысле. Для того чтобы не кричать от внутренней боли, скребу и царапаю руки в кровь. А придя домой, плачу как сумасшедшая.

Глупо! Хочу обратить на себя внимание того, кто даже не знаком со мной. Я не знаю и его имени. Господи! Помоги мне.

29 июля.

Его зову Аркадием. Повторяю имя и пытаюсь сопоставить с ним его лицо, фигуру. Не выходит. Ах, какой он чудный. Идеал, который я создала для себя так давно, вдруг ожил в Сочи. Моя душа полна любви. Я схожу с ума. Он заметил меня. Я, кажется, наделаю глупостей — пошлю ему розы или письмо. Не могу больше выдерживать этой пытки. Вчера гадала на решете. Вышло, что познакомлюсь с ним на будущей неделе. А пока плачу и молю Бога дать мне счастья, которое бывает у всякого человека. Хоть на 5 лет, а потом или в монастырь, или вообще из жизни земной. С радостью отдам себя на служение Богу, благословляя Христа за совершённое им чудо. Господи, будь милосерден ко мне!

8 августа.

В первый раз за всё время не видела его целый день! Вечность! Меня гложет тоска. Аркадий заболел. Последнее время

он так пристально смотрит на меня, что жуть берёт. Театр кажется пустым без его глаз; пьеса теряет интерес, когда он не играет; компания скучной и пошленькой, когда его нет. Кокетство с Даниилом не даёт никакого удовлетворения.

«Гейша» идёт в понедельник, но Сурский в ней не занят, и мне так тоскливо и грустно на этих долгих безалаберных репетициях. Надоели ссоры, утрированные и шаржированные реплики Алексеева, двусмысленные куплеты и т. п. Я так хочу жить, а не прозябать.

23 августа.

Мне 17 лет! Свой первый поцелуй я отдала сегодня Аркадию.

Я вся ещё дрожу под впечатлением этого чудного мига. Вечеринка на дому. Развлекал Данюшин. Потом фанты, Сурский — исповедальником. И вот я у него на исповеди. Мы накрылись накидкой. И за моё откровение, что я гадкая девчонка, он потребовал плату. Мне стало больно и страшно. Его жгучие, мерцающие глаза и затем… страстный, долгий поцелуй в губы, холодок которого я ощущаю до сих пор. Всех ли он так целовал или только меня одну? Аркадий, я вся горю и принадлежу тебе до последнего уголка моей души. Я люблю!!!

8 сентября.

Аркадий Евменьевич женится на Верочке Уманской! Всю ночь я проплакала, но на душе всё равно осталась невозможная тяжесть. Одно утешает — с Верочкой я в хороших и коротких отношениях.

15 сентября.

Вчера праздновали свадьбу Аркадия. Было весело и вакханично. Прощай мой милый, родной и любимый… А сегодня — приготовиться к эвакуации и Бог весть на какое время!? Остатки кубанской «Армии возрождения России» генерала Фостикова (около 2000 бойцов) спустились с гор, захватили Адлер и готовы двинуться на Сочи…

1 октября.

Просидели в Туапсе в вагонах поезда 10 дней, пока фостиковцы не эвакуировались на врангелевских транспортах в Крым, и только потом вернулись обратно. Все рады и довольны. Аркадий мило встретил меня. Он похудел и побледнел, но остался таким же видным и красивым. И у него были такие добрые глаза. Называет меня не иначе, как Ляличка, и это ласково и хорошо. Серёжа стал более угрюм и сдержан, чем

раньше.

В субботу собираемся за фруктами в Уч-Дере. Поедет чуть ли не весь «Рабис», а вернёмся в воскресенье или в понедельник утром. Целый вагон одних артистов! Это будет чудно и весело. Только бы дело не испортилось. Мне так этого хочется!..

25 ноября.

Вечность не писала. Отношение моё к Аркадию не изменилось и даже усилилось. А с Верочкой мы большие друзья. Внешне, наверное, никто и не замечает, что он мне ещё нравится, так как я посылаю цветы П., флиртую с Серёжей и не обращаю на А. никакого внимания. Но сколько тяжёлых и горьких минут провела я, лёжа вечерами в кровати и мечтая о невозможно далёком. Вижу склонившееся лицо с серыми глазами и седеющими прядями волос. Какие-то нервно-искривлённые губы шепчут непонятные слова о счастье и любви. Засыпаю и во сне опять вижу его и своё такое призрачное счастье…

Сцена, кулисы во время пьесы. Рампа ярко освещена, ходят загримированные люди и что-то преувеличенно громко говорят. В крайней дамской уборной никого. Усталая вхожу и сажусь на диван, и вдруг чьи-то руки обнимают меня, я ощущаю на своих тубах и лице страстные поцелуи. Прижимаюсь лицом к мягкому пальто, и пробившийся через щель свет блестит в огромных серых глазах. Счастье становится таким близким и ощутимым. А потом… серенькое утро, дождь, разжигание самовара, топка печи и монотонный день. Иногда полезен бывает Серёжа с яростным натиском, желанием целоваться и делать неимоверные глупости.

7 декабря.

Я поступила в драматическую студию и усердно занимаюсь. Уроки пластики идут отлично, драмы — хорошо, Лепковская хвалит за басни и гекзаметр. Уроки мимики — слабее, но возможно я ещё не привыкла. Сегодня будет сам Лепковский. Обещал позаниматься со мной. И страшно, и интересно.

Осенью думаю ехать в Москву, продолжить образование в студии Художественного театра. Буду серьёзно заниматься. С Аркадием мы на «ты», а Верочка сейчас болеет. Очень милы и ухаживают за мной многие, но ничего серьёзного не предполагается, разве что с Серёжей…

1 февраля 1921 года.

За окном холодно и снег, но сейчас потеплело. Целое утро уже сидела на балконе в одном платке. Скоро я снова оживу и зацвету. Зима убивает мысль, а солнце, море, цикады возвращают

к жизни. Скорей бы стаял снег!..

Новоржев Георгия Адамовича

30 августа 1918 года в прихожей здания Министерства Иностранных Дел на Дворцовой площади Петрограда среди дня был убит политическими противниками большевиков (из партии «Народных социалистов») видный чекист Моисей Урицкий. Убийцей оказался бывший юнкер Михайловского артиллерийского училища 22-летний романтик революции и поэт Леонид Каннегисер:

> … На битву! И бесы отпрянут,
> И сквозь потемневшую твердь
> Архангелы с завистью глянут
> На нашу весёлую смерть.

Уже на следующий день красный террор[815], начавшийся в бывшей столице, унёс жизни… 512 ранее арестованных видных представителей свергнутого режима! Теперь к голодающим жителям, бегущим прочь из города в деревни и сёла провинциальных губерний, присоединились и средние слои населения, напуганные произволом и беззаконием преступной власти. Как вспоминал поэт Н. Оцуп: «…Умирающий Петербург был для нас печален и прекрасен, как лицо любимого человека на одре».

В начале октября покинула Петроград и Елизавета Семёновна с дочерью Ольгой. В ноябре к ним присоединился и Георгий. 1914–18 годы стали периодом его вхождения в литературную среду: публикация рассказа «Весёлые кони»[816], повесть, стихи и статьи в «Огоньке», «Аполлоне», «Новом журнале для всех», «Северных записках», «Биржевых ведомостях». И первый сборник стихов «Облака», датированный началом января 1916 года.

Из рецензии Н. Гумилёва:[817]

…Георгий Адамович является поэтом во многом не установившимся. Ему не хватает ни технического опыта, ни навыка угадывать, когда чувство созрело для воплощения… Однако везде чувствуется хорошая школа и проверенный вкус, а иногда проглядывает своеобразие мышления, которое может вырасти в особый стиль и даже мировоззрение…

У молодого дебютанта хватило наглости обратиться к самому А. Блоку с просьбой об оценке его первого опыта. Мастер

напутствовал автора, посоветовав не пренебрегать *«качелями жизни»,* не предугадав за «комнатностью» строф и аскетизмом выразительных средств голос будущего певца «парижской ноты» — последнего значительного направления поэзии Русского зарубежья:

Вот так всегда, — скучаю и смотрю
На золотую, бледную зарю.
Мне утешений нет. И я не болен, —
Я вижу облако и ветер в поле…

Один из создателей 2-го Цеха поэтов, Г. Адамович наконец-то, после… 7-летнего обучения, завершил в 1917 году своё образование на историко-филологическом факультете университета и окончательно окунулся в поэтическую жизнь Петрограда, став завсегдатаем и литературного кружка «Арзамас», и кружка искусства «Арион».

Семью Адамовичей приняли дальние новоржевские родственники из Псковской губернии в 24 верстах от Пушкинских Гор. 16 октября в местной газетке «Непогасимое пламя» можно было прочесть следующее объявление: «Уроки музыки (рояль) даёт консерваторка старшего курса (О. Адамович — *А. К.*). Торговая площадь, дом Е. С. Карандашовой».

Мать и сын стали учителями. Елизавете Семёновне предложили преподавать французский язык, Георгию Викторовичу — русский в 1 — ой школе и дополнительно (на полставки) — русский язык и историю в 3-ей. Но за два с половиной года новоржевской «ссылки» петроградскому поэту пришлось быть и классным наставником, и членом школьного президиума, вести литературные кружки и дополнительные «четверговые» занятия в классах.

Местный стихотворец, скрывшийся под псевдонимом Спартак, оставил нам поэтический этюд родного уездного городка тех лет:[818]

Новоржев наш город чудный,
Но стоит он в низине…
В нём дома одноэтажны,
На старинный часто лад;
Но зато почти при каждом
Небольшой фруктовый сад.
Здесь спектакли в месяц дважды,
Всюду «Роста» на стенах.
Три столовые для граждан,

Электричество в домах,
Также «Пламя» есть газета,
Драматический кружок,
Три крестьянина поэта
И *учёный педагог*…

Из письма Г. Адамовича к Н. Гумилёву:

…Хожу и повторяю Пушкина «Безумных дней угасшее веселье…» вблизи Михайловского и его могилы…[819]

Аура святынь располагала к излияниям и собственную душу. Новоржевский цикл стихов Г. Адамовича, датированных 1919–21 годами, насчитывает более 16 стихотворений (251 строка), из которых выделим особо: «Как холодно в поле, как голо…», «Нет, ты не говори: поэзия — мечта…», «О, жизнь моя! Не надо суеты…», «Жизнь! Что мне надо от тебя, — не знаю…»

Не очень хорошо зная английский, поэт, тем не менее, пробует себя в переводе на русский одной из поэм Т. Мура «Огнепоклонники» (по заданию издательства «Всемирная литература», организованного А. М. Горьким в конце 1918 года для материальной поддержки голодной петроградской интеллигенции) — 2281 строка! Но отредактированная Н. Гумилёвым рукопись увидела свет, увы, лишь в… 1996 году![820]

Однажды, будучи по школьным делам в близлежащем городке Холм, Георгий Викторович с удивлением общался с заведующим Внешкольным подотделом А. Н. Куропаткиным. Да, да! С тем самым бывшим Военным министром и Главнокомандующим вооружёнными силами Дальнего Востока в русско-японской войне 1904–05 годов.

Алексей Николаевич вышел в отставку с поста Туркестанского генерал-губернатора и с мая 1917 года проживал в собственном имении Шешурино, отданном заслуженному генералу в пожизненное владение новой властью. В 1918 году он отказался от предложения французского посла покинуть Родину и заплатил за это не только собственным краткосрочным арестом, но и расстрелом единственного сына, ровесника Георгия Викторовича и тоже выпускника университета…

72-летний бывший царский сановник нашёл в себе силы пережить случившиеся потрясения и, не озлобившись душой, остался со своим народом. Он основал Наговскую сельскохозяйственную школу, заведовал волостной библиотекой, участвовал в создании Холмского музея, читал лекции, писал

дневники и мемуары. Помянул ли он в них военного корреспондента Н. А. Лухманову, которую однажды удостоил аудиенции на маньчжурских «полях сражений»? Только одна его рукопись — «70 лет моей жизни (1858–1896 гг.)» — насчитывает 2200 страниц печатного текста!

А. Н. Куропаткин скончался на 77 году жизни 14 января 1925 года и после отпевания в Никольской церкви похоронен в Крещение (19 января) в родной деревне. В 1964 году его забытая могила была восстановлена.

А жизнь провинциальной глубинки шла своим чередом.

…22 декабря 1919 года в помещении Новоржевского театра состоялся первый вечер современной поэзии, устроенный литературным кружком учащихся школ 2-й ступени и посвящённый А. Блоку. Талантливый лектор т. Адамович ярко обрисовал творчество поэта, до сих пор мало знакомого широкой публике. Декламаторы-учащиеся, не все удачно подобранные, но добросовестно подготовленные, иллюстрировали доклад характерными образами поэзии Блока.

Поэма «Двенадцать», много нашумевшая, хорошо передана т. Розенбергом. Не блоковский язык и тенденциозное содержание вызвали сомнение у слушателей в художественной ценности произведения. Но, по мнению докладчика, оно является прямым продолжением всего творчества Блока и характеризует его яркий расцвет…[821]

…Доводится до всеобщего сведения, что со 2-го февраля 1920 года при Народном Университете открываются цикловые лекции по программам. На историко-литературном отделении:

а) главнейшие моменты русской истории — 2 часа в неделю;

б) техника художественного слова (теория поэзии и прозы) 2 часа в неделю.

Задача курса — объяснить основные истины, законы и правила литературного творчества лицам, чувствующим к нему влечение, и превратить литературного самоучку в подлинного мастера. Лектор Г. В. Адамович[822].

…Президиумом Новоржевского Университета 2 мая 1920 года в клубе «Коммунар» устроен диспут на религиозную тему. Зал переполнен. Многие приехали из деревень. За религию агитируют священники М. Р. Ратьковский и Каролинский, а также председатель Педагогического Совета Орловский. Против — Г. Адамович и П. Дав. На 9 мая назначен диспут — «Церковь и Государство» и «Отделение школы от Церкви»[823].

…Тысячу лет спала Россия, скованная деспотизмом и невежеством. Революция даёт возможность проявлять себя всему, что способно к жизни. Русская литература при всём её величии и красоте была выразительницей чувств и мыслей среднего и высшего сословий. Массы, лишённые знаний, обременённые трудом, ещё не сказали в ней своего слова, и нет сомнений, что в народе погибло множество никому неведомых дарований.

Теперь они нужны России. Наша задача — спасти то, что ещё не погибло, и помочь слабым вырасти и расцвести. Глубокое заблуждение думать, что писательству не надо учиться. Пушкин и Толстой учились ценой личного опыта. Но и у них были учителя.

При литературной секции предполагается открытие школы, где бы всякий, чувствующий влечение к творчеству, мог получить нужные знания. Но есть и другой выход: секция просит всех, кто имеет стремление и призвание писать, кто ищет совета и указаний, присылать свои произведения — стихи, рассказы, статьи и тому подобное, не стесняясь ни формой, ни содержанием. Обещаем каждому дать ответ, то есть сделать разбор, указать недостатки.

Таким образом, школа по переписке поможет безвестному дарованию пробиться на широкую дорогу творчества или, по крайней мере, создаст несколько рядовых, но полезных литературных работников. Вы нужны нашей пробуждающейся стране.

Рукописи направлять в Новоржев в Отдел народного образования (Литературная секция при подотделе Искусств — Г. В. Адамовичу).[824]

Окунувшийся в жизнь уездного городка и занятый добыванием хлеба насущного, Георгий Викторович изредка, но навещал петроградских собратьев по перу. 20 августа 1920 года на лекции Н. Гумилёва в Доме Искусств (бывший дом Елисеева, Невский, 57) его впервые увидела И. Одоевцева, к тому времени уже любимая ученица Литературной студии Николая Степановича. «…Изящный, с необычайно „необщим“ лицом, словно составленным из двух, совсем не подходящих друг к другу половин. Подбородок, рот и нос — одно, а глаза и лоб совсем другое. Разные, как небо и земля. Особенно глаза — действительно небесные, будто это про них:

Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцало Божество».

И Гумилёв его хвалил: «…Очень умненький и острый мальчик. И стихи пишет совсем хорошие. Лучше многих…»[825]

К концу весны 1921 года семья Адамовичей разделилась. Елизавете Семёновне с дочерью удалось получить латвийские паспорта и перебраться в Ригу и затем… во французскую Ниццу! К этому времени на Лазурном берегу оказались её родные сёстры — богатая бездетная вдова Вера Беллей[826] (наследница виллы «Резеда») в сопровождении Таисии Вейнберг. Близкие родственницы сумели благополучно эмигрировать из Петрограда и даже сохранить за собой роскошно обставленную 3-х комнатную квартиру с прислугой в буржуазном доме № 20 на аристократической Почтамтской улице, у Исаакия. Очередь была за Георгием.

Первый год на чужбине

16 февраля 1920 года в сербский городок Панчево, близ Белграда, из Одессы прибыл первый эшелон российских кадетов, оказавшихся в сфере Гражданской войны на юге России. Отряд состоял из 104-х воспитанников разного возраста, 21 офицера, 3-х чиновников и лишь 4-х преподавателей.

Прибывшие были размещены в здании венгерской школы. Спали на соломе на полу, питались во дворе коменданта этапа дважды в день. 18 февраля беженцы получили баню, медицинский осмотр, по комплекту белья, одеяло и кусок мыла. Так началась новая жизнь кадетов на чужбине.

24 февраля Российским военным агентом в КСХС генерал-майором В. А. Артамоновым был назначен временный руководитель групп прибывающих корпусов. Им стал бывший инспектор классов 1-го Киевского военного училища генерал-майор П. Ф. Старк.

5 марта в Белград под начальством полковника Б. Н. Протопопова прибыл второй эшелон тех же корпусов — 117 кадетов и 10 лиц учебно-воспитательного и административного состава.

10 марта генерал Артамонов своим приказом № 19 объявил о формировании из чинов и кадетов Сводного кадетского корпуса и назначении исполняющим должность директора генерал-лейтенанта Б. В. Адамовича. Новый начальник в тот же день отбыл в города Королевства — Мостар, Требинье, Билечу, Дубровник, Сараево — для поиска зданий, приемлемых под размещение воспитанников. Второй эшелон кадетов был временно вывезен в хорватский городок Сисак у слияния рек Купа и Сава и размещён в здании местной школы.

Отделения Сводного корпуса, являвшегося структурным подразделением Русской армии, получили наименования — Панчевское и Сисакское. 22 апреля Панчевское отделение пополнилось ещё 42 кадетами во главе с полковником В. Ф. Гущиным. Это были те, кто смогли пробиться с боями через Днестр в Румынию (из 400 человек).

Таким вот образом и оказались в КСХС первые группы из 31 кадетского корпуса императорской России (на февраль 1917 года). У 263 кадетов и 40 лиц персонала, потрясённых войной и бегством с Родины, не было ничего — ни одного учебного пособия, тетрадей, расписаний, инструкций, программ, учебников; из обмундирования осталось лишь то, что оказалось на людях, хотя некоторые прибыли почти раздетыми. С большим

трудом удалось одеть людей, но за острой нехваткой обуви многим приходилось ходить в «деревяшках» (*нанулах)*.

24 апреля состоялось назначение бывших чинов Киевского и Одесского корпусов на преподавательские и административные должности. 10 мая инспектором классов становится известный военный педагог полковник В. А. Розанов, восстановивший программу курса 1915 года, совмещённую с религиозно-патриотическим направлением воспитания. В дальнейшем это позволило корпусу стать одним из лучших в Югославии средних учебных заведений.

К середине мая генералу Адамовичу удалось подыскать наиболее приемлемый вариант для постоянного размещения корпуса на территории Королевства. Распоряжением Его Высочества корпусу была выделена «Казарма короля Петра» в Сараево (Босния и Герцеговина) — 3-этажное здание значительного размера в центре города с большим внутренним двором. Город по окружающей природе, красоте, культурности, наличию военных и учебных центров, по тишине и укладу жизни оказался счастливо избранным для пребывания кадетов.

Помещения корпуса были приведены в порядок для проживания и учебного процесса к середине июня благодаря содействию командующего 2-ой армейской областью Королевства генерала С. Хаджича, Международного и Британского Красного Креста, Главнокомандующего Русской армии барона П. Н. Врангеля. 17 июня состоялось первое заседание Педагогического комитета, и началось возрождение корпуса. До предела упрощался режим и условия повседневной жизни воспитанников, отвлекающие от прямых задач учебного процесса.

Оказавшись первым в эмиграции, Сводный корпус в значительной мере избежал всех тех трудностей переезда, обустройства, проживания и связанного с ними падения дисциплины, которые выпали на долю последующих корпусов. Ему удалось преодолеть их «малой кровью». Сказались и условия размещения, опыт преподавателей и своевременность принятия необходимых мер руководством.

На стенах помещений разместились портреты выдающихся русских людей, картины и фотографии покинутой родины, которые с большим трудом приобретались директором корпуса, считавшим это крайне важным для воспитания юношей. Появились и «классы ручного труда», приобщающие воспитанников к необходимым в дальнейшей жизни мужским ремёслам: переплётно-картонажный, сапожный и столярный. 30 июня образовался корпусной певческий хор, который можно было послушать и в местном соборе. Сам король Александр не раз

хвалил пение кадетов, проезжая мимо кадетского сада. 16 октября в корпусе открылись фундаментальная и общая ротная библиотеки.

27 июля приказом по корпусу Б. В. Адамович становится его директором (приказ главкома ВСЮР генерала барона П. Н. Врангеля от 4 мая за № 97). В этот же день произошла встреча прибывшей в Сараево Курской иконы Знамения Божьей Матери.

А в начале августа состоялся первый (вне Родины) и самый трагический из выпусков Сводного кадетского корпуса. 32 человека из 50, окончивших курс, пожелали отправиться в Русскую армию, воюющую севернее Крыма. Чем могли помочь ей эти юноши, с такими мучениями всего лишь 7 месяцев назад покинувшие Одессу, едва сами спасшиеся от смерти? Насколько высоким было в них чувство воинского долга, чтобы пойти на такое самопожертвование! История сохранила для нас их имена: вице — фельдфебель Крайнов Антон (окончил СКК с отличием), вице-унтер-офицеры: Агапеев Всеволод (окончил СКК с отличием), Алпенников Николай, Безкишкин Ярослав, Голиков Павел, Григоров Константин (вне выпуска), Мельников Сергей, Никитин Леонид, Никольский Глеб (Георгиевский крест), Скалон Александр, Степура-Сердюков Александр, Тарасенко Николай (Георгиевская медаль), Тихменев Александр, Томилин Автоном, Худобашев Александр, Кадеты: Адоневич Николай, Бехман Георгий, Де-Вейль Владимир, Войцицкий Георгий, Жуков Владимир, Здетовецкий Василий, Зюзин Лев, Журьяри Михаил, Коссович Николай, Кущинский Борис, Мартын Владимир, Микулин Нестор, Нефёдов Игорь, Попов Глеб, Пташинский Константин, Соколов Геннадий, Трофимов Михаил, Чачуа Виктор, Даватц Виктор (вне выпуска).

В Государственном архиве РФ удалось отыскать поимённый список патриотов *«особого эшелона А»* под начальством полковника С. Кондратовича, отбывших из порта Дубровник в Севастополь на пароходе «Владимир» между 28–31 августа 1920 года[827]. Среди 95 фамилий — военные чины от полковника до рядового и вольноопределяющегося, сёстры милосердия и санитары, военные чиновники, один паж и… 34 кадета, в том числе двое вне выпуска.

Мы не знаем, сколько из них остались в живых после боёв у Перекопа, в Крыму и исхода армии в Константинополь в конце декабря 1920 года. Известны имена только пятерых, вернувшихся в КСХС: Тарасенко Николай, умер 14 января 1921 года в Сараево; Микулин Нестор, умер 6 июня 1921 года; Журьяри Михаил, умер 27 апреля 1932 года в Белой Церкви; Никитин Леонид, умер 15

ноября 1933 года; Войцицкий Георгий (дата смерти неизвестна).

9 сентября после ряда переименований корпус получил название, просуществовавшее до 1 сентября 1929 года — Русский кадетский корпус в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, — и с 19 по 21 сентября впервые участвовал в торжествах по случаю приезда в Сараево Его Королевского Высочества регента Александра.

Большой парад гвардии и сараевского гарнизона (на военном поле за вокзалом) принимал сам королевич верхом на коне. За его спиной на трибуне расположилась свита во главе с Её Высочеством княгиней Еленой, дочерью короля Петра I.

Выдержав дистанцию после почти пробежавшей мимо трибуны сербской пехоты (делающей 130 шагов в минуту), две роты русских кадетов прошли перед будущим королём таким церемониальным маршем (2 такта на один шаг), что вызвали бурю эмоций высоких гостей и жителей города, затмив безукоризненной выправкой и статью саму гвардию. После чего командир гарнизона генерал Стевен Хаджич называл их не иначе, как «гвардейцами Сараево».

В этот же день Борис Викторович, сидевший по правую руку от наследника престола на парадном обеде, удостоился не только признательности Его Высочества: «Ваши кадеты, генерал, были украшением парада!». От имени короля Петра I знаками монаршего ордена Белого Орла были пожалованы три офицера-воспитателя первого Русского кадетского корпуса: директор корпуса — Большим крестом 2-ой степени (с мечами) и звездой; помощник директора П. Старк — 2-ой степени; инспектор классов В. Розанов — 3-ей степени (с мечами)[828].

В начале декабря в бухту «Бокар» на Адриатике начали прибывать транспорты из Крыма с кадетами 2-го Донского и Крымского кадетских корпусов (всего около 880 человек). Временно они были размещены в бывшем австрийском лагере для военнопленных «Стернице» близ Марибора, где им пришлось пережить страшную первую зиму. Кадеты и персонал Русского корпуса собрали из своих скудных средств и передали в помощь собратьям на одежду и одеяла всё, что смогли — 4328 динар.

В конце декабря уполномоченным главкома Русской армии были переданы в корпус ящики с раритетами императорской и Белых армий, вывезенными из Новороссийска, Крыма, и знамёна нескольких бывших кадетских корпусов. Эти первые бесценные реликвии стали основой будущего богатейшего музея корпуса.

Готовя кадетов к жизни вне Родины, директор постоянно внушал: «Быть человеком с военным образованием, инженером ещё недостаточно в нашем положении за границей. Этого

слишком мало. Надо быть русским, и прежде всего русским, глубоко и сознательно русским».

Таким остался в памяти российских кадетов первый год из… 25-летнего пребывания в Югославии.

На сцене Дома Артиста

Из дневников 17-летней Ляли Массен:

13 февраля 1921 года.

…Сегодня день Зоиных именин. Мама совсем расклеилась из-за Ипполита. Она его так любит. Огорчается и плачет, почти ничего не ест, не спит и переутомляется работой. И я ничего не могу сделать. Живу под гнётом маминых страданий. Нервы напряжены до крайности — из-за малейшего пустяка раздражаюсь. А когда увижу мамины слёзы, последние силы меня оставляют, я тоже плачу. Всё в себе, а это так тяготит. И погода скверная — холод, сырость.

И у преподавателей в студии заниматься нет настроения. Моё искреннее стремление как бы обдают холодным душем. Даже писать тяжело. Для чего? Кому интересна исповедь моей болезненной души, разочарований и непонятых порывов? И Ипполит ближе маме, чем я. Как жить!? Для кого? Зачем?

29 марта.

Начало романа с Тихонравовым С.

Уехали Сурские. Немного тяжело, немного грустно. Восемь лун я любила его. Хочу романа с Серёжей. Он научит меня любить. И пусть я дойду до падения, зато буду уметь целоваться. И потом, без любви жить нельзя. Это мне сказал Серёжа.

Вперёд, на баррикады!! И долой чистоту и невинность. Хочу жить и любить.

Страстной четверг.

Сегодня причащалась и закончила говенье. Скоро пойду на *«12 евангелий»*. Так люблю эту службу. Пасха. Что-то хорошего она принесёт мне в этом году?

Страстная суббота.

Целый день работала как сумасшедшая. Жарила и чистила поросёнка, разрисовывала акварелями яйца, делала сырную пасху, а после обеда почти до 11 вечера гладила себе и маме бельё. Рука болит так, что еле пишу. Наши артисты будут сегодня разговляться все вместе в театре, а я туда не попаду. В студии уроки прекращены. Вчера поговорила с Андрюшей — что-то туманное. Серёжа… тут могут сыграть роль только случай и время. Но я буду настойчиво и упорно добиваться своего. Надо

лишь найти способ хоть изредка с ним видеться и говорить. Но предоставим это всё времени…

P. S. Вчера нищая старуха сказала, что у меня будет очень хороший муж. Будет ли?

Пятница, 23 апреля.

Завтра день моих именин. Никого к себе не приглашала.

Вечер, готовлюсь спать. Кругом цветы — единственная отрада моей души. В высокой вазе несколько веток белой акации. Какая ужасная, безумно-нелепая и ненужная жизнь.

24 апреля.

Так вышло, что с Серёжей я почти не говорю. Если я ему нравлюсь, то не стала я хуже, такая же. Помню тот вечер перед «Гибелью Надежды», который мы провели в театральном садике. Правда мы не целовались, но все наши разговоры и действия: этот лорнет, которым он водил мне по губам… эти глаза, от которых хотелось спрятаться, пожатия пальцев… это было красноречивее слов. Если для его завоевания надо целоваться днём и танцевать «танго», я и это сделаю!

Кажется, опять всё налаживается. Я нашла пятилистный клевер. Что значило его вчерашнее поведение? Может это конец, а может только начало. Вчера шли «Соколы и Вороны».

Он обращается со мной не как с девушкой, которую любят. Мне это тяжело. Неужели я так не умна или развязна, что можно вести себя почти как с кокоткой? На днях в компании он очень серьёзно попросил: «Поцелуйте мою руку». Для чего? Чтобы оскорбить перед другими? Зачем тогда он даёт понять, что я ему нравлюсь? Моё молодое тело? Неужели ничего больше?

Уезжает Ира, я лишусь последней подруги. А мама не понимает, что может быть тяжело и беспросветно в 17 лет. Да пойми ты, родная, нет у меня любви, друга, нет жизни!! Так и закисну в нашем Совтеатре.

Четверг, 1 июня.

Сейчас иду в театр. Сегодня день «Рабиса», я буду танцевать.

Сейчас флиртую сразу с двумя — с Захаровым и Вронским. Оба интересны, каждый в своём роде. Хочется лёгкого флирта в лунную ночь.

6 июля.

Вчера только пришли с Кудепсты в час ночи. Три дня ходили по горам. Открыли новые ходы и пещеры. Чуть не целую версту пришлось лезть на животе по глине и грязи, имея в руках фонарь,

а за спиной мешок с бутылками керосина. В двух местах спускались на верёвках, сидели в воде при 4 ˚С на сквозном ветру и т. п. Иногда было жутко, а потом появилась дерзость. И если бы не холод, то лазала бы ещё очень долго. Вернулась и попала из полудикой жизни леса и гор в нашу серенькую «культурную» жизнь.

Вронский как-то раз в нашем театральном саду начал целовать меня. Я не хотела особенно протестовать. Может быть и сегодня подобное повторится? Но меня эти нежности ни к чему не обязывают. Ведь любить его я никогда не буду.

19 июля.

«Жорж Данден» шёл уже два раза и, кажется, пойдёт ещё. Мой костюм арлекина произвёл сильное впечатление на артистов. Горянов смотрит на меня блестящими и сияющими глазами. Коля С. положительно стал ухаживать за мной. Встретил меня в саду во время 2-го действия, посадил на скамейку, лёг головой ко мне на колени и закончил просьбой поцеловать его. Я отговорилась тем, что мои губы потом придётся заново гримировать. Тогда он начал целовать мне руки. Я убежала, едва поспев к своему выходу.

Но страннее всего, что Гришенька попросил меня снять пальто и посидеть с ним в одном костюме. А потом, запоздав домой, нам пришлось ждать рассвета в театре. Мы залезли в дамскую уборную и проболтали всю ночь, лёжа на диване. Если бы нас застали, скандал был бы обеспечен. А между тем, он только раз поцеловал меня и то с моего разрешения. Нравится он мне, и не знаю почему. Но уж очень много у него знакомых барышень. И я не могу не ревновать.

12 августа.

Смерть А. Блока. Моя платоническая любовь, предмет поклонения в поэзии. Его да Северянина единственно могу читать с увлечением.

Тихонравов на днях уезжает в Москву. Не знаю, как и быть, но он стал мне безумно нравиться. Его гибкие движения, тонкие губы сатира или фавна, дурманящие острые глаза, вибрирующий низкий голос сводят меня с ума. Я не знаю, что говорю, не узнаю себя. Он женат, он не молод, он уезжает, наконец. Я хочу получить кусочек моего счастья, которое упорно от меня прячется. Чем же это кончится?

Начало романа с Вронским. Заседания нашей коллегии «Лунных прожигателей жизни» часто затягиваются. Из-за патрулей приходится дожидаться утра в саду или на балконе.

Вернулась домой в половине шестого перед рассветом и за последнее время это случается довольно часто.

20 августа.

Грузия запретила въезд из Советской России. Готовим к постановке «Сон в Иванову ночь» Шекспира. За мной довольно интересная роль Пука, но очень большая и в стихах. После этого спектакля думаем работать в свою пользу. Дай-то Бог!

Однажды после «Коллегии» все стали расходиться. Мы остались с Мишей одни на нашей уютной скамеечке под пальмами, бананами и чёрным бархатом, шитым алмазами. Он долго целовал меня, потом стал упрекать за холодность. После настойчивых уговоров я сказала *«да».* Но он вдруг как-то отодвинулся и затих. Под лунным светом бледность его лица с огромными чёрными глазами и спутанными волосами испугали меня. «…Мы оба обманываемся, нам лучше не встречаться и расстаться…» — были его слова. Через полчаса мы разошлись и вот уже несколько дней остаёмся только добрыми друзьями. Неужели всё кончено? Не может быть!

Так хочется его ласк, его поцелуев. Если бы он на мне женился, я сделала бы из жизни чудную сказку. Превратилась бы в вакханку, богиню и заставила бы поверить в своё перевоплощение, открыть в его душе то скрытое, что, верю, там есть. У меня очень красивое тело, но неужели душа так-таки ничего не стоит? Не верю!!

23 ноября.

Поступила в театр «ДАРТ». Сегодня-завтра подпишу контракт, стану актрисой и ухожу на сцену. Шаг в жизни. Ведь я была такая застенчивая и тихая в детстве. И только любовь к Белову заставила меня переменить в корне свой характер, своё мировоззрение. Помогаю писать декорации, лубки и прочее. Завтра открытие, дебют. Мишу не видела больше недели. В шесть репетиция, а вечером хочется посидеть рядом с ним на тахте, послушать анекдоты и страшные истории Глебушки, а потом потушить коптилку и долго целовать Мишины губы.

29 ноября.

Сегодня третий спектакль. Опять придётся мёрзнуть в нашей холодной уборной. И так хочется работать в серьёзной драме. Из «ДАРТа» получается что-то вроде шантана, а это противно. Нравится Роман Ш. Красивое тонкое лицо. Живой весёлый характер. Хорошо бы с ним пофлиртовать. Придёт ли ко мне сегодня вечером Вронский? Соскучилась без него ужасно. Как

безумно хочется счастья!!

1 декабря.

Только что была Юля Колмогорова с мужем Афанасием, военным комиссаром 10-й сочинской береговой батареи. Она счастлива, и я рада за неё. *Фаусту,* как мы зовём его, 28 лет. Лично мне он очень нравится — умный, с сильной волей и интересный. Родился в Ижевске, Вятской губернии, окончил сельское училище, политические курсы. Был ранен в Гражданскую войну. Но пробило

7 часов, надо идти в театр.

Воскресенье, 4 декабря.

Вернулась с репетиции, получила три роли (одна драматическая). Кажется, у меня начинается флирт с самим режиссёром — Павлом Горяновым[829]. Это хорошо. В театре идут разговоры о летних гастролях. Предполагается Владикавказ или Крым. Вот бы и в Москву дёрнуть! Да ведь мама не отпустит. Впрочем, до лета ещё далеко, а там и жизнь будет совсем другая: концерт, ужин в ресторане, блестящие глаза и изысканная речь; флирт, а может быть и любовь, страсть, чтоб дух захватило и перестал существовать весь мир. Но это мечты. А смогу ли я зарабатывать столько, чтобы самой существовать? Как оставить здесь мамочку? Да может ещё и с Мишей не всё кончено? А нет, начну роман с Павликом, сойдусь с ним, наконец!

5 декабря.

Вчера шла премьера четвёртой *«Дартиады».* Сегодня повторение. Эта программа гораздо удачней. Идёт «Иванов Павел» и другие хорошие номера. В четверг произошёл роковой для меня кутёж. Шёл благотворительный спектакль в пользу детских домов, а потом всех нас угощали ужином с вином. Горянов сидел против меня, а под нашими ногами стоял бочонок вина. Под конец вечера я едва спустилась со сцены по лесенке. Сидели долго, но мало-помалу стали расходиться. Я сошла в нашу уборную и села на диван. Мы должны были идти домой с Горяновым, и я его ждала. Нина Адамовна ушла ещё до ужина.

Скоро пришёл Павел. Тут мы забыли обо всём живом мире. Он хотел меня, и я была готова отдаться. Что было потом? Не могу вспомнить в точности. Знаю, что мне было хорошо, *хотя я не стала совсем его любовницей…* Но я хочу и буду ему принадлежать…

Часть тринадцатая (1920–1936 гг.)

В Русском кадетском корпусе

Первая церковная служба в Русском кадетском корпусе в Сараево была проведена на плацу накануне Преображения Господня 1920 года. С устройством собственной домовой церкви, освящённой 13 марта 1921 года во имя Св. Благоверного и великого князя Александра Невского, всенощные, литургии и иные требы проводились уже в самом корпусе.

В качестве запрестольных образов служили знамёна корпусов: до сентября 1929 года — Симбирского, доставленное в Добровольческую армию одним из его питомцев, кадетом П-го выпуска Борисом Коротким, произведённым уже в Сараево в вице-унтер-офицеры; после этой даты (в Белой Церкви) — знамя Сумского корпуса, перешедшее по наследству от расформированного Крымского.

> Ты помнишь знамя корпусное,
> Любви и храбрости завет?
> Всё драгоценное, святое
> В нём сочеталось для кадет…[830]

В русские кадетские корпуса КСХС зачислялись сироты беженцев, мальчики из семей, не имевших возможности содержать их, сыновья военнослужащих, в том числе и королевской армии в возрасте от 6 до 18 лет. Борису Викторовичу приходилось уделять внимание этому вопросу и как Старшему представителю русской колонии в Сараево (Приказ РВА в КСХС № 2 от 2.03.1921 г.).

29 марта первые успехи директора были отмечены благодарностью Главкома барона П. Н. Врангеля «За образцовый порядок и состояние корпуса (Приказ РВА № 34 от 31.03. 1921 г.)»[831].

Государственные чиновники «Державной комиссии» постоянно вмешивались в самоуправление корпусов, всячески ограничивая приём в них, урезая и без того скудное финансирование. Учебные заведения придирчиво контролировались комиссиями различных ведомств. Но, одолевая трудности, русские преподаватели делали своё дело. В 1923 году Министерство просвещения королевства признало соответствие знаний кадетов-выпускников аттестатам зрелости своих государственных заведений. В программы обучения Крымского, а вслед за ним и других корпусов, были введены курсы сербского

языка и литературы, истории и географии южнославянских земель, появился и 8 класс. В июне 1924 года, инспектируя выпускные экзамены, профессор С. Петрович был вынужден признать, что знания кадет выше, чем у выпускников королевских гимназий.

Для заполнения досуга воспитанников разумными и полезными занятиями и развлечениями 9 мая 1922 года первым в Русском корпусе появился фотографический кабинет (с аппаратами частных лиц). Его деятельность значительно расширилась после того, как генерал Врангель в июле 1925 года подарил ученикам превосходный прибор (13х18) с объективом Герца. К 1940 году картотека негативов превысила 3000 единиц хранения, отражая все стороны жизни учреждения.

С октября 1923 года стали появляться и различного рода кружки: «Любителей астрономии», спортивные, «Константиновский Литературно-Художественый», «Чигоринский шахматный» и т. д.

Определяя цели любителей по интересам, генерал Адамович отмечал: «…Все кружки, помимо развития специальных знаний, ставят задачи содействия развитию и углублению Товарищества, преуспеяния и украшения корпуса…»

Центральное место среди кружков занял «Константиновский».

1 мая 1924 года вышел в свет первый поэтический сборник кружка, среди авторов которого был и директор корпуса.

Конкурс эпитафий, организованный всё той же секцией, породил и скорбные строфы, выписанные затем на общем крестепамятнике[832] из розового мрамора кадетского участка Сараевского военного кладбища. Упомянем лишь четверостишие Бориса Викторовича (на правой стороне пьедестала):

Листки отлетевшие,
Весной чуть пригретые,
Мечты недозревшие
И песни не спетые.

Литературным кружком были изданы в 1929 году «Новая кадетская памятка (1925–1929)» и в 1937 году «Пятая кадетская памятка», целиком посвящённая основателю и первому руководителю кружка Б. В. Адамовичу. К сожалению, ни одного экземпляра этого сборника на сегодняшний день в России не имеется. Заслугой секции стали многочисленные литературные вечера (субботники) в течение всех лет существования корпуса.

Драматическая секция заявила о себе 10 января 1925 года постановкой пьесы кадета А. Эйснера «Смех и слёзы». Со

временем в корпусе появилась своя сцена, художники-декораторы и костюмеры, которыми были поставлены, а актёрами-кадетами сыграны десятки водевилей, драм, сцен: Чехова, Ростана, Стаховича, Островского, Мичина (на сербском), Тургенева, Сухово-Кобылина, Мансфельда, Гоголя, К. Р., Чайковского, Пушкина и других авторов, включая и оперу Гулак-Артемовского. Отметим режиссёрские постановки и Б. В. Адамовича — «Три сонета К. Р.» и «Кутузов под Красным».

В 1921–24 годах Русский корпус являлся официальным экспонентом четырёх выставок: «1-ой Босно-Герцеговинской ремесленно-промышленной и хозяйственной» в Сараево 24 сентября-2 октября 1921 года. Почётный диплом и серебряная медаль; «1-ой Выставки работ русских беженцев» в Белграде 20–27 апреля 1922 года. Экспонаты не награждались; «2-ой Босно-Герцеговинской ремесленно-промышленной» в Сараево 14–23 июня 1924 года. Золотая медаль; «2-ой Выставки работ русских» в Белграде 11 августа—1 сентября 1924 года. Диплом о достоинстве «высшей награды».

Особо следует упомянуть осмотр горожанами разных социальных слоёв местного общества (1800 посетителей) внутреннего уклада жизни самого корпуса.

13–14 и 21 марта 1926 года при бесплатном и свободном входе кадетскую кассу пополнили 2200 динар от продажи 2-го сборника «Константиновского» кружка.

Желанными гостями кадетов всегда являлись военные чины королевства и русской эмиграции — почётный воевода сербской армии французский генерал Ф. д'Эспере, генерал-адъютант короля С. Хаджич, Главком Русской армии барон П. Врангель, Донской атаман А. Богаевский, Военный министр Пешич, Председатели РОВС А. Кутепов и Е. Миллер, сам король Александр I и другие известные военачальники.

Не лишали юную паству своего окормления и иерархи Русской Зарубежной Православной Церкви — епископы Вениамин и Нестор, митрополиты Антоний и Анастасий, архиепископ Феофан.

Дочь Августейшего шефа княгиня Татьяна Константиновна Романова посетила корпус 22 сентября 1930 года, чтобы навестить своего сына — вице-унтер-офицера XII выпуска Теймураза Багратиона-Мухранского, будущего офицера гвардии Югославской армии (окончил военную академию в 1935 году).

В книге почётных посетителей корпуса из числа учёных, писателей и профессоров оставили свои пророческие автографы: поэт Игорь Северянин (23.12. 1930 г.):

Москва вчера не понимала,
Но завтра, верь, поймёт она…
И, вспомнив душу предков, встанет,
От слова к делу перейдя,
И гнев в народных душах грянет,
Как гром живящего дождя!

и философ Иван Ильин (4.11.1934 г.):

> …Русская душа должна выработать в себе национальный духовный характер и приобрести уклад достойный и царственный. Для этого стоит жить и бороться…

Как ни покажется удивительным читателю, но Гражданская война в России привела в КСХС кадетов не только из Европейской её части, но из Сибири и Дальнего Востока!

Хабаровские, омские кадеты
Покорности изгнанье предпочли…

Речь идёт о 1-м Сибирском Императора Александра I и Хабаровском графа Муравьёва-Амурского корпусах, судьба которых оказалась совсем не радостной. Участь воспитанников, оказавшихся к октябрю 1922 года в казармах бывших сибирских стрелковых полков на Русском Острове Владивостока, решил генерал-лейтенант М. К. Дитерихс по договорённости с контр-адмиралом Г. К. Старком. Но младшие классы всё-таки было решено оставить с инспектором полковником С. Ф. Загуба на «милость» победителей…

В городе были слышны выстрелы и видны пожары, когда 25 октября в 6 утра 25 кораблей с беженцами и 400 кадетами покинули Родину курсом на корейский порт Гензан. 4 декабря в Восточно-Китайском море эскадра попала в сильнейший тайфун. Погиб 700-тонный вспомогательный крейсер «Лейтенант Дыдымов» с 32 мальчиками на борту…

В Шанхае состоялись выпуски 1923 и 1924 годов. Оставшиеся воспитанники были отправлены в КСХС. 6 декабря 1924 года в хорватском порту Сплит 250 юношей отметили корпусной праздник и заслушали приказ… о расформировании своих корпусов. Младшие классы определили в Донской корпус в городе Билеча в Герцеговине, старшие во главе с полковником В. И. Поповым-Азотовым — в Русский в Сараево. Небольшая часть

попала в Крымский корпус в Белой Церкви.

К 4 октября 1925 года 31 кадет из новоприбывших сдали экзамены на аттестат за 7 классов, но, потеряв права на продолжение образования по возрасту, были направлены на слесарно-монтажные курсы при артиллерийском заводе в Крагуевац.

21 августа 1925 года приказом директора было объявлено об учреждении «Музея Русского корпуса», сформулированы его задачи и пожелания: «…Ожидаю, что преподаватели и воспитанники, их родные и знакомые отзовутся и украсят собрание своими вкладами. Мы сбережём всё вверенное и передадим по принадлежности в случае восстановления старых военноучебных заведений…» В день корпусного праздника 23 ноября после молебна с водосвятием музей был открыт. Первым его хранителем стал бывший кадет и воспитатель Владимирского Киевского корпуса подполковник М. А. Левитский.

К 1933 году собрание насчитывало до 3000 единиц хранения по 17 отделам, в том числе личные вещи и автографы Главкомов Белой армии — Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина, П. Н. Врангеля, русских императоров, до сотни полковых знамён — свидетелей военной славы России.

В марте 1933 года в Белой Церкви Борис Викторович издал тиражом в 500 экземпляров сборник «Опись музея» с посвящением королю Александру I. В настоящее время в России находятся всего лишь два экземпляра этого редкого издания.

По инициативе Б. В. Адамовича 16 мая 1926 года Русским корпусом учреждён собственный нагрудный знак формы и цвета креста ордена Св. Александра Невского.

Первые годы жизни в приютившем их королевстве многие воспитанники, не имеющие родственников, на время летних каникул оставались в стенах заведения. Для пользы досуга распоряжением директора с июля 1921 года стали организовываться групповые прогулки и экскурсии (до 14 дней). Сначала по окрестностям города, а с 1923 года и с выездом в другие места. В музее хранились два отчёта о подобных мероприятиях с описанием 30 путешествий с личным участием директора, дневник «Лето в Боснии 1930 года» и 9 альбомов с фотографиями. Ночевать приходилось в палатках, сараях и на сеновалах у крестьян, в рабочих домах, казармах воинских частей, а иногда и просто под открытым небом.

В 1929 году генерал Адамович оставил такую запись:

> …Когда-нибудь материалы походов и поездок послужат ценнейшим свидетельством жизни русских

школ на чужбине. Где только ни повстречались кадеты со следами прежней мощи и славы нашей Родины!..

К 1931 году на лето в корпусе оставалось всего лишь 10–12 человек, но и для них была снята дача в окрестностях Белой Церкви, где они отдыхали в обществе директора и… повара.

Два Жоржика

С окончанием учебного года в новоржевских школах, в конце мая 1921 года, Георгий Адамович вернулся в Петроград. Истосковавшись после долгой разлуки, несколько коротких «командировок» Георгия Иванова в Новоржев не в счёт, Жоржики решили жить отныне вместе, открыто. Благо все препоны к тому снимали пустующие тёткины апартаменты — квартира № 7 (Почтамтская 20).

Жена Георгия Иванова Габриэль, как и следовало ожидать, ещё в феврале 1918 года покинула легкомысленного супруга и уехала с родителями и годовалой дочерью во Францию. Правда, с нынешней весны «милый друг» начал оказывать знаки внимания хорошенькой ученице Гумилёва Ирине Одоевцевой. Но, как сочли друзья, — одно другому не помешает…

Начинался НЭП, и литературно-общественная жизнь города всё больше походила своей оживлённостью на золотые предвоенные годы. Профессор Российского института истории искусств Н. С. Гумилёв, проживая в это время с женой на Невском, даже определил собственную двухлетнюю дочь в Парголовский приют, чтобы не отвлекаться от дел.

«Двух Жоржиков» могли часто видеть на «Вечерах стихов», «Вечерах поэтов», на студийных занятиях в «Звучащей раковине», в Доме учёных, Доме литераторов, Доме Искусств, Клубе союза поэтов, на квартире сестёр И. и Ф. Наппельбаум. Как и многие другие, друзья-поэты успевали «халтурить», делая переводы для издательства «Всемирная литература».

А в ночь со 2 на 3 августа местными чекистами по сфабрикованному делу о заговоре (группа профессора В. Таганцева) был арестован учитель, друг и наставник многих петроградских поэтов Н. Гумилёв. Письменное ходатайство в губернскую ЧК известных литераторов во главе с самим *Буревестником революции* осталось без ответа. За одной бедой пришла и другая…

7 августа Россия потеряла Александра Блока, совсем недавно уступившего свою должность Председателя городского отделения Всероссийского союза поэтов Николаю Степановичу. А 1 сентября в «Петроградской правде» был опубликован список казнённых «заговорщиков» — 61 человек!! Значился в нём и Гумилёв…

Панихидой в Казанском соборе собратья по перу и близкие отдали дань памяти бывшему дворянину и офицеру, филологу и большому русскому поэту, совсем недавно предсказавшему своё незавидное будущее:

…И умру я не на постели
При нотариусе и враче…

Среди многих скорбящих, по свидетельству Анны Ахматовой, находились и Г. Иванов, и Г. Адамович.

Но жизнь — извечный круг,
Несутся дни по кругу.

10 сентября Ирина Одоевцева стала женой Георгия Иванова. Вероятно догадываясь об отношениях между Жоржиками и сочтя для себя возможным повлиять на них естественным ходом событий, молодая жена согласилась переехать в квартиру… друзей. Здесь втроём им предстояло прожить почти год в *«самой предельно близкой дружбе».* Адамович, оставив за собой спальню, уступил молодожёнам кабинет. Столовая-гостиная служила местом светского общения, трапез, вечеринок и музицирования. Хотя сам хозяин квартиры играл, по мнению Ирины Владимировны, скверно.

Совместная жизнь, по всей видимости, всё же внесла некоторый дискомфорт в отношения между друзьями. По свидетельству И. Одоевцевой, именно в этот период Г. Адамович пристрастился к салонной карточной игре, возможно заменяющей ему остроту иных ощущений. Не будем пересказывать подробности этого и иных периодов совместной жизни трёх неординарных личностей Русского зарубежья XX века и лишать читателя возможности самому оценить нюансы их отношений на страницах книг самой Ирины Владимировны — «На берегах Невы» и «На берегах Сены».

В январе 1922 года Г. Адамович издаёт вторую книжечку стихов — «Чистилище» — как попытку освобождения собственной души откровениями новоржевского затворничества:

… Там на суде, — что я отвечу Богу,
Когда настанет мой черёд?..

Но России было уже не до копания в тонких материях и чистой лирике богемной среды. На сцену рвалась поэзия пролетариата:

… Бросьте! Забудьте, плюньте
и на рифмы, и на арии, и на розовый куст

и на прочие мерлехлюндии
из арсеналов искусств…[833]

1922 год. Г. Адамович — действительный член Дома литераторов, литературного отдела Дома искусств, переводчик в издательстве. С 22 мая (следствие НЭПа) Москва начала выдавать желающим загранпаспорта. Двери в Европу открывали всего лишь две подписи ответственных чиновников — принимающей и выпускающей сторон, получить которые «при желании» оказалось на удивление не сложно. Всячески содействовал этому добрейший и всё понимающий нарком просвещения А. В. Луначарский.

Аресты, расстрелы, Соловки, беззакония диктатуры пролетариата на местах, нетерпимость к инакомыслию, изгнание-бегство из страны со всеми чадами и домочадцами самого Горького побудили тысячи семей интеллигенции покинуть, как они предполагали на время, Россию. Зловещее впечатление оставляла и статья безымянного, но узнаваемого за криптонимом «*О*» автора в газете «Правда» от 2 июня — «Диктатура, где твой хлыст?»

Желая разом избавиться и от наиболее принципиальных в научном мире критиков своего режима, большевистское руководство решилось даже на принудительную их высылку. 16–17 августа — аресты в обеих столицах. И вскоре «философские пароходы» из Петрограда и Риги доставили в Германию семьи двух первых групп учёных: математиков, экономистов, социологов, историков, философов, теоретиков кооперативного движения (около 120 человек). Хранители культурных заветов России оказались ненужными новой власти, «Первое предостережение» которой, озвученное газетой «Правда» 31 августа 1922 года, оказалось постыдной увертюрой к какофонии коммунистического рая.

В начале осени уезжает в Германию Г. Иванов. И. Одоевцева перебирается на две недели в брошенную родителями квартиру (Бассейная, 60) и затем следует за ними в Ригу и далее к мужу в Берлин. В начале 1923 года навсегда покидает Петроград и Г. Адамович. 28 февраля он уже читает доклад о современной русской поэзии на вечере Цеха поэтов в берлинском кафе «Леон» и вскоре уезжает в Ниццу, где на вилле «Резеда» обнимает мать, сестру Ольгу и тётушек.

Как нежны Ниццы очертанья,
И как лазурны берега…[834]

Осенью 31-летний поэт едет в Париж и включается в литературную жизнь различных эмигрантских изданий, всё больше и больше раскрываясь как наставник молодых авторов, эссеист, «златоуст эмиграции»[835] и тонкий критик. 1 ноября Георгий Викторович участвует в первом парижском вечере Цеха поэтов в кафе «Ля Боле».

Такое короткое женское счастье

Из дневников 18-летней Ляли Массен:

6 февраля 1922 года.

…Новая полоса в моей жизни. Я переступила черту и вошла в новый мир. Всё, всё изменилось. У меня есть молодость, талант, любовь и радужные мечты о будущем. Я почти счастлива. Здоровье мамы и возможность чаще встречаться с П. дали бы полное его ощущение. За годы тоски, горя, одиночества и молитв Господь послал мне успех. И с артистами у меня прекрасные отношения. С Ниной Адамовной — друзья, как это ни странно. И даже, несмотря на разницу в возрасте. Играю много и, как говорят, делаю большие успехи.

3 апреля.

У Колмогоровых арестовали отца (маминого брата) дядю Григория. Говорят за помощь *«зелёным»*. Манефе Александровне объявили, что их садовые участки со всеми строениями отбираются советской властью, как у всех землевладельцев[836]. Где же они и на что будут теперь жить вшестером? Мама говорит, помочь им сможет только дедушка-инженер Александр Филимонович, который служит в Петрограде.

7 апреля.

Колмогоровы получили из тюрьмы записку — на днях дядю Гришу отправляют в майкопскую тюрьму. Федя, Маруся, Катя с мамой пойдут прощаться с ним на станцию. Мы тоже идём.

6 мая.

Сестре Зое 17 лет. Она кончает школу и собирается замуж за военного моряка Тихона Баранова. Мама и я желаем ей счастья. А потом он увезёт её в Крым. А мне предстоят гастроли!..

27 июля.

Жду Павлика и Нину Адамовну. Сейчас придут ужинать. Почти 3 месяца нашей гастрольной поездки, как сон, — мимо. Сколько ярких переживаний, покоряющего успеха, цветов, поклонников, флирта. Всё, всё мимо! В воскресенье — в Туапсе на гастроли.

Понедельник, сентябрь.

Вчера на рассвете проводила Павлика и Нину А. в Москву.

Уехали за актёрами для зимнего сезона в Майкопе. Неделю назад порвали с Сочи и приехали сюда строить новую жизнь, ковать новое счастье. Живём вчетвером в одной комнате и не можем найти себе квартир. Ужасно неудобно и так скверно для взвинченных нервов. В утешение мне оставлена кошка. Славное, ласковое животное. Спит сейчас у меня на коленях. Без неё было бы совсем тоскливо. Пан на зелёном лугу… Юные мечты, грёзы…

25 октября.

Неделю тому вернулись *наши* из Москвы. Павлик такой милый, внимательный, каким давно не был. Сегодня уехал в Армавир. Очевидно, сезон будет там. Дождь льёт ливмя… Скорее бы начинать работать.

2 ноября.

Хочется отметить почти счастливый период, будто вернулось время нашего первого знакомства. Опять вместе работаем до 2–3 ночи, вечерами ходим в театры. И он такой ласковый.

22 ноября.

Почти год, как мы встретились с Павликом и Ниной А. Какой прекрасный и яркий период! Сколько дали они мне счастья и радости, сколько прекрасных чувств проснулось в душе. Мы живём теперь вместе. У нас прекрасная уютная квартира, как раз против театра. Сижу в кабинете Павла в его дивном уютном кресле. Он и Нина на репетиции. Идут «Две сиротки».

Давно, ещё в студии Лепковского, мне хотелось играть Гизу в «Короле Арлекине» и Марианну в «Двух сиротках». Гизу я уже играла, а Марианну играю теперь. Спектакли ежедневно, работы масса, благо Павлик даёт мне интересные роли. Да и Саша не обижает в своих постановках. У него играю Оленьку в «Рясе». Я счастлива серьёзными спектаклями.

С Павликом отношения совсем новые, как будто мы только что узнали друг друга. Они сейчас глубже, как-то старше и крепче. Он со мной ласковее, чем год назад. И я совсем в его власти. Живу как под гипнозом, делаю всё, что они хотят.

Сама же стала серьёзней, вдумчивей. Со мной постоянно и обо всём советуются, чутко прислушиваются, и часто моё мнение берёт верх над другими.

Но в душе какие-то больные струны, надрыв, почти необъяснимая тоска и грусть. Сейчас придёт мой бледный, лунный Пьеро. Ничего не скажет, а только посмотрит и протянется к сердцу невидимая золотая ниточка. Только он и я!..

15 декабря.

Ровно год, как мы стали близки, он пролетел, как прекрасный яркий сон, как сказка. Вчера после спектакля «Страшно жить» он пришёл ко мне под утро бледный, усталый. Но вечером, вечером, как и год назад… *был со мной.*

15 января 1923 года.

Мы в Майкопе. Домик в вишнёвом саду, квартирка отдельная от хозяев. Три смежные комнатки — Нинина, Павлика и моя с мамой. Живём дружно одной семьёй. Какие прекрасные вечера и ночи проводим с Павликом в его комнатке. Свет от маленькой лампочки прямо на мои колени в кресле. Рисуешь или шьёшь что-нибудь к спектаклю. Он за столом, рядом, распределяет роли или правит пьесу. В свободный вечер ложится раньше, а я ему читаю. А потушим свет — из печки только красный отблеск на книге…

Потом появились его сестра и племянница. Целых две недели мы не могли сказать слова друг другу без свидетелей. Сегодня на рассвете они уехали, и мы весь день были вдвоём. И опять ткётся золотая паутинка… А вечером готовили фотографии Павлика к бенефису.

12 марта.

Больна третий день, лежу. Павлик так озабочен, встревожен, что хочется его расцеловать.

20 сентября.

19 августа у нас с мамой в Николаеве родился внук и племянник Саша Баранов. Я так завидую Зое. Маленький кулёчек счастья и любви. Мама даже плакала…

8 декабря.

Мой милый старый друг. Прошла пора девичьих мечтаний и увлечений. Больше я не стану делиться с тобой прежней откровенностью. А доверить тебе то, огромное, что захлестнуло и поработило всё моё существо, — не могу. Человеческое счастье слишком хрупко. Оно может рассыпаться от одного откровенного слова, прочитанного чуждым ему существом…

Я беспредельна одинока. И в горе и в радости — одна. Ни души вокруг, которой бы я могла открыться всеми теми яркими переживаниями, чем так богата моя жизнь. И ты можешь стать невольным предателем. Прости и прощай…

15 декабря 1925 года.

Сегодня, как и всегда, я обречена быть одна. Почему?! Я не хочу! Не хочу!!! Сам-сам-сам! Ты слышишь, Пан? Я мщу тебе за

своё одиночество. Что ты сейчас делаешь? Я хочу знать!? Я хочу целовать твои губы, а не его. Я хочу его смерти в эту минуту, я ненавижу его! Сам, Сам, Сам!!! Приди сюда. Я не могу быть одна. Пан на зелёном лугу… Сам, я пошутила. Нет горя!..

29 декабря.

Снова к тебе, дружок. Я состарилась за эти годы, как и ты. Я никого не люблю. Знай это. Был друг и тот ушёл с другой. Его я любила! Пан, мой Пан! Завтра его бенефис, а я даже не могу послать ему поздравление.

Бердичев 30 декабря 1925 года
Бенефис
Павла Абрамовича
Горянова

Широковещательная афиша на всю тумбу. А поздравить некого.

…Расставаясь, поцелую плача ясные глаза…

Лейтмотив моего теперешнего настроения. Сижу в Одессе. Жду приглашения в коллектив к Володину[837], которое неофициально уже решено. Сан не пришёл. Занят или кобелирует? Не знаю, видела его издали — вид измученный. А всё-таки больно. *«Я стою уважения и требую его…»* кажется это «Вторая молодость». Хандрю, болезнь моя ещё свирепствует. Чёрт её подери!..

30 декабря.

Сегодня его бенефис. Пять вечера, лежит, верно, и отдыхает. «Наследный принц»… Милый мой принц. Неужели я снова стала думать о нём?

Володин, увлекитесь моим «талантом»… А вдруг и впрямь он у меня есть? Я же приглашена в этот коллектив. Фу, даже грустно стало. Быть может это перед удачей? Завтра облекусь в платье Коломбины — 5-й год! Ну, Пан, желаю успеха.

Срочная телеграмма. Бердичев. Драмтеатр. Горянову.

ПОЗДРАВЛЯЮ. ЦЕЛУЮ. ЛЯЛЯ.

А ещё успела бы дойти. Adieu.

Перипетии жизни

Семья Лухмановых прибыла в Москву из Шанхая в конце сентября 1922 года. Столица встретила её нэповским куражом и массовым переименованием национализированных предприятий. Фабрики «Марс», «Жиро», Михайлова, Щапова, Церлова стали называться, соответственно: «имени Клары Цеткин», «Красная роза», «Парижская Коммуна», «имени героя труда Звонарёва», «Большевичка»; мыловаренный завод «Ралле» — «Свобода», Михельсона — «имени Ильича» и т. д.

Известные большевистские вожди — Троцкий, Бухарин, Томский, Сокольников — читали публичные лекции в городских аудиториях при огромном стечении молодёжи. В Большом театре чествовали актёра А. Южина, бывшего князя, а ныне четвёртого по счёту Народного артиста республики (после М. Ермоловой, В. Давыдова и Ф. Шаляпина). В Малом Кисловском переулке шёл концерт «Первого в РСФСР Эксцентрического оркестра — джаз-банда В. Парнаха», председателя Парижской палаты поэтов.

Лухмановы поселились на Садовой-Черногрязской улице (в квартире 17 дома № 8), и каждый занялся своим делом — Дмитрий Афанасьевич службой в Доброфлоте, дочь Ксения — преподаванием английского языка. Судьбу Николая решил родной брат его матери — А. Н. Де-Лазари, бывший подполковник, с февраля 1918 года штабной работник Красной Армии, а ныне преподаватель тактики, топографии и по совместительству помощник начальника редакционного отделения Военной академии РККА. По его настойчивому совету Н. Лухманов и выбрал профессию военного дипломата. Благо с этой целью в учебном заведении 12 февраля 1920 года был открыт Восточный Отдел, возглавляемый учёным-лингвистом Б. И. Доливо-Добровольским.

Правда, набор претендентов 1922 года проходил в условиях жёсткой чистки личного состава учреждения комиссией ЦК РКП (б). По её результатам стены академии по разным причинам покинули каждый второй преподаватель и 54,5 % слушателей, признанных непригодными к военным наукам! Обязательным для соискателя стал 2-х годичный командирский стаж и боевые заслуги. Заметим, что персонал академии тех лет состоял сплошь из сторонников Льва Троцкого — Наркомвоенмора, Председателя Реввоенсовета и фактически Главнокомандующего Красной Армии в Гражданской войне. В дальнейшем, после падения и изгнания из страны Троцкого, злейшего врага Сталина, сталинские репрессии обрушились и на всех его выдвиженцев.

Мы можем только догадываться, каким путём 18-летнему юноше удалось преодолеть расставленные на его пути барьеры. Протекция близкого родственника? Скорее всего, свою роль сыграла острая потребность штабов армии и Наркоминдела в достойных переводчиках. Напомним, что Николай прекрасно владел двумя европейскими и несколько хуже японским и китайским языками. Так и оказался в закрытом учреждении будущий капитан ГРУ Генштаба РККА Н. Лухманов.

Уже летом 1923 года состоялся 1-й выпуск «академиков-языковедов» — всего 11 специалистов против 104 военспецов основного курса.

14 апреля 1924 года бывшего царского генерала П. П. Лебедева на посту начальника академии сменил прославленный герой Гражданской войны и начальник Штаба РККА М. В. Фрунзе. За неполных 10 месяцев его пребывания на занимаемой должности состоялись 4-й выпуск основного курса и 2-й Восточного Отдела (39 человек). Скоропостижная смерть Наркомвоенмора СССР в 40 лет осталась одним из тёмных пятен в советской истории середины 20-х годов.

Так сложилось, что подписи выдающегося военачальника под свидетельствами об окончании полного курса удостоились лишь красные командиры единственного «фрунзенского выпуска» 1924 года. В их числе оказался и 20-летний комсомолец Н. Д. Лухманов (с выслугой 2-х лет и 5 месяцев в РККА), откомандированный в агентство Наркоминдел СССР в Ленинграде. Но уже с апреля 1925 года он переводчик советского консульства в Хакодате и принимает участие в переговорах по возвращению СССР захваченного японцами в 1920 году Северного Сахалина.

Неожиданно, к удивлению и радости Дмитрия Афанасьевича, его разыскала старшая дочь Нина. В начале войны она с матерью покинула Польшу и оказалась в Москве. Сёстры подружились, несмотря на разницу в возрасте, и Ксения охотно давала жене юриста уроки английского.

Пока сын получал военное образование, наметились изменения и в жизни всего семейства. Энергичные меры, принятые Московским и Дальневосточным правлениями Доброфлота, и ряд судебных исков к правительствам Франции, США и Англии позволили вернуть в Советскую Россию к началу 1924 года 22 парохода, захваченных странами Антанты в годы Гражданской войны. Директору-распорядителю пришлось даже выехать в Лондон и провести там 4 месяца (август-декабрь 1923 г.). Достигнутый успех омрачал лишь значительный износ кораблей, многие из которых требовали капитального ремонта

из-за нещадной эксплуатации временщиками.

К 1923 году относятся: издание в Москве Д. А. Лухмановым технического пособия для торгового флота — «Тоннаж. Краткое руководство для капитанов судов, морских агентов и других лиц, имеющих дело с фрахтовкой и нагрузкой судов»; награждение капитана нагрудным знаком ЦК Союза «За пять лет работы 1918–1923».

Но вскоре, как и следовало ожидать, на общественную собственность предъявило свои права социалистическое государство. Летом 1924 года у правительства появились предложения об упразднении Доброфлота и передаче всех его активов и имущества Совторгфлоту…

В утешение немолодому директору подыскали должность начальника Ленинградского морского техникума (бывших Мореходных классов на Васильевском Острове, которые он сам когда-то окончил). Распрощавшись с Москвой, Дмитрий Афанасьевич с женой и дочерью выехал в город, где родился, учился и провёл с матерью много счастливых дней своей юности. Ожидал ли он новых сюрпризов от жизни? Но они последовали и доставили ему ещё много и радостных дней, и жестоких страданий…

Лухмановы получили большую квартиру в здании самого учебного заведения (дом 9 на 22 линии). Бывший капитан с увлечением занялся административно-педагогической деятельностью, читая курс «Основы теории корабля». Работы хватало, так как техникум имел два отделения: обычное 3-летнее, для имеющих семилетнее образование, и рабочее для моряков с 2-летним стажем по облегчённой программе. Достаточно было и комсомольской молодёжи, жаждущей морской романтики и дальних странствий.

Однажды группа выпускников во главе с И. Маном, заручившись поддержкой начальника, решила строить на учебном дворе большую мореходную лодку типа норвежских лоцманских ботов с мечтой обойти на ней вокруг света. Инициатива будущих мореходов нашла живой отклик на страницах «Красной газеты» — появились и благотворители, и деньги. К делу приобщились ученики-судоводители и механики.

К осени 1925 года постройка яхты «Красная звезда» была завершена. Дуб, сибирская лиственница, американская сосна, медные крепления и листы обшивки — всё было настоящее. Правда, до океанских просторов дело так и не дошло, однако судно долго и благополучно плавало в Финском заливе как учебное. Но Дмитрию Афанасьевичу в это время было не до красавца-парусника. Ошеломила, лишила сна и покоя нежданная

встреча после… 14 лет забвения.

Ольга Михайловна Ошанина узнала о нём из городских газет. Бывшие любовники, а теперь далеко не молодые люди, конечно, встретились. И им было о чём поведать друг другу…

При оставлении русскими войсками Варшавы в конце 1915 года Ошанины перебрались в Петроград, где глава семейства ещё успел дослужиться до чина действительного статского советника по судебному ведомству. Две революции, Гражданская война и последующие голодные годы не побудили их искать счастья в Европе. Бывший «гражданский генерал» служил теперь… бухгалтером! Их старший сын Илья по окончании Института востоковедения отбыл с миссией военных советников в революционный Китай, средний — Сергей — работал делопроизводителем и жил отдельно от семьи. Ольга Михайловна стала музейным работником и обитала с мужем и младшим сыном-школьником Владимиром в квартире дома № 34 на Фонтанке.

«Прощались, — по воспоминаниям О. М., — в Летнем саду с ощущением неловкости, грусти, недоговорённости, оставляющих надежду и желание новых встреч…» И они действительно вскоре последовали.

А в мае 1926 года, словно развязывая руки неверной жене, уходит из жизни М. П. Ошанин, тяжело переживавший свою невостребованность при новой власти. Только теперь, после смерти мужа, Ольга Михайловна решилась раскрыть 14-летнему сыну тайну его рождения и познакомить с настоящим отцом. Дмитрий Афанасьевич был сражён не столько самим фактом события и внешней похожестью на него сына, сколько унаследованной сыном влюблённостью в море и желанием стать моряком. Отныне Волик оказался его любимым ребёнком и заботой до последних дней жизни.

Снова под парусами

В самом конце мая начальник техникума неожиданно получил из Москвы предложение-приказ принять в Мурманске командование над учебным парусником «Товарищ» и совершить на нём коммерческий рейс в… Аргентину!

О чём думало морское руководство? Ведь последний раз 59-летний капитан ходил под парусами… 16 лет назад и не в океанах, а лишь по Чёрному морю! Возможно, поводом послужила брошюра моряка, изданная им в Ленинграде в 1926 году, «Нам нужны не только военные, но и торговые корабли». Но ведь жизнь должна быть вызовом… И он сделал свой очередной выбор.

«Товарищ» — 4-х мачтовый барк (водоизмещением 4750 тонн с площадью парусов в 3005 кв. метров!), бывший английский «Лауристон» постройки 1892 года, — был приобретён русским правительством в 1916 году и использовался как угольный лихтер в Белом море. Угнанный интервентами в Гражданскую войну, возвращён Советской России в 1921. После переоборудования в учебное судно получил новое имя. В 1925 году корабль прошёл капитальный ремонт в немецком Киле, был занесён в регистрационные списки и даже получил класс германского Ллойда, но при этом не имел радиостанции, холодильных камер для продовольствия и душевых кабин для экипажа!

Первый же его рейс под советским флагом в начале января 1926 года из *южно-шведского порта* Лизекиль в аргентинский Росарио закончился неудачей и скандалом. Из-за ошибки капитана в выборе пути следования в это время года и неправильной загрузки судна «Товарищ» не смог обогнуть Англию с севера. При отсутствии связи с берегом в штормовых условиях полярной ночи он оказался 16 января с измученной командой в… *северо-норвежском порту Вардё!* По запросу капитана ледокол «Седов» привёл несчастное судно на новый ремонт в Мурманск. Вот тогда-то Совторгфлотские «дельцы» и вспомнили о заслуженном доброфлотце.

Утром 21 июня 1926 года капитан Лухманов с сыном уже подъезжали к Мурманску. На «семейном совете» было решено, что Волик, зачисленный юнгой в экипаж, плавает год и осенью 1927 года поступит в техникум, имея минимальный морской стаж. Дворянское (по документам) происхождение сына отец надеялся уладить личным поручительством.

29 июня «Товарищ» с 52 стажёрами из Херсона, Баку, Владивостока, Ленинграда и 35 членами команды на борту «снялся с бочки» и под буксиром ледокола был выведен в океан.

Словно испытывая мореходов, Северный Ледовитый океан встретил их 4-х дневным штормом. Но Бог миловал, и 1 августа корабль, удачно миновав капризный пролив Па-де-Кале, подошёл к юго-восточной оконечности острова Уайт у южного побережья Англии и при полном штиле бросил якорь в нескольких милях от берега. Только теперь Дмитрий Афанасьевич почувствовал, что значит 31 сутки спать одетым и не больше, чем по 4 часа.

47 дней в порту Саутгемптон ушло на ремонт, замену парусного вооружения и такелажа, полную окраску судна, загрузку провианта, пошив экипажу нового форменного обмундирования, и 18 сентября, окутанный бело-розовыми от утренней зари парусами, барк устремился к португальскому острову Мадейра.

…Чуть-чуть кренясь, скользит, как привиденье,
Красавец клипер, залитый луной…

Д. Лухманов

Короткая стоянка — закупка свежих фруктов, овощей, зелени, воды, и ранним утром 8 октября подгоняемый бризом «Товарищ» спешит к экватору и пересекает его 16 ноября. Но борьба с течениями, бешеными шквалами, тропическими ливнями, штилями без конца и многодневными по 3–4 дня качками при мёртвой зыби продолжалась вплоть до 30° южной широты, пока парусник не лёг на курс к устью реки-моря Ла-Платы.

…Вертится лаг, считая жадно мили.
Под скрытой в тьме рукой скрипит слегка штурвал…

Д. Лухманов

Только на рассвете 25 декабря советский корабль, неуклюжий от обросшей травяной бородой и ракушками подводной части, отдал якорь в виду столицы Уругвая Монтевидео. Но до порта назначения было ещё 285 миль вверх по Ла-Плате и Паране. Несколько дней ушло на переговоры с буксирными фирмами в Буэнос-Айресе, и 6 января 1927 года после 190-дневного плавания «Товарищ» стал под разгрузку у причала Росарио.

Задача была выполнена, и Дмитрий Афанасьевич заспешил в Ленинград. Удачный рейс вселил уверенность в защите диссертации на соискание высшего, так называемого Ллойдовского диплома капитана дальнего плавания. Ведь и в 60

лет не поздно начинать! Он официально сдал судно старшему помощнику Э. И. Фрейману и вечером 12 января выехал в Буэнос-Айрес. Здесь пришлось задержаться: хлопоты об обратном грузе для корабля, об очистке днища в сухом доке, оформление консульских виз для проезда по странам Европы.

20 января пассажир Лухманов отбыл в Лондон на английском океанском пароходе. Далее Дувр — Остенде — Брюссель — Берлин — Варшава — Москва, доклад в Совторгфлоте и Ленинград, где его с нетерпением ждали сразу две любимые женщины!

Прибытие «Товарища» в ленинградский морской порт ожидалось к ночи 12 августа. Конечно, недавний его капитан не выдержал и поспешил навстречу заходящему солнцу. Подойдя на катере к медленно идущему под двумя буксирами барку, он с трудом взобрался по штормтрапу на палубу, чтобы обнять возмужавшего и загорелого сына, наследника его дела.

Чествование героев городскими общественными организациями состоялось на следующий день. Под звуки портового оркестра над кораблём взвился новый шёлковый кормовой флаг — подарок Ленсовета. А старый заслуженный стяг, побывавший в портах Англии, Мадейры, Уругвая и Аргентины, занял своё почётное место в музейной экспозиции.

В 1928 году профессиональный опыт судоводителя Лухманова был вновь востребован в разрешении международного инцидента в Английском канале. В учебном походе «Товарищ» протаранил и потопил итальянский пароход «Альконтора». Судом первой инстанции королевства был обвинён советский капитан. Правильно составленное бывшим представителем Доброфлота экспертное заключение позволило не только выиграть процесс в апелляционном суде и палате лордов, но и отремонтировать парусник!!

В этом же году, после долгого литературного молчания, Д. А. Лухманов издаёт в Ленинграде небольшую книжечку (с любопытными любительскими фотографиями) о первом советском трансатлантическом походе учебного корабля — «Под парусами через океаны». Одновременно и в Москве выходит его сборник «На палубе. Рассказы и очерки из жизни моряков торгового флота».

В воздаяние заслуг перед молодой Советской Республикой на морском поприще пленум Губпрофсовета, посвящённый 10-летию Всероссийских профсоюзов, представил Дмитрия Афанасьевича в числе 14-ти достойнейших кандидатов к званию Героя труда! [838]28 июня 1928 года Президиум ВЦИК утвердил это решение (протокол 61) с вручением соответствующих грамот.

Продолжалась работа и над диссертацией — «Проект современного парусно-моторного судна». Для убедительности соискатель собственными руками изготовил модель своего детища (1 /50 натуры). Защита прошла успешно, и в 1929 году (в 62 года!) капитан удостаивается высшего международного диплома морехода[839], утверждается в звании научного работника, а в 1930 году становится и членом Ленинградского дома учёных.

Примечательные события произошли в жизни и семейства Лухмановых. В начале весны 26-летняя Ксения вышла замуж за одного из бывших учеников отца, будущего капитана-подводника 1-го ранга Григория Гольдберга и упорхнула из-под родительского крова на квартиру мужа. В освободившуюся комнату Дмитрий Афанасьевич и Вера Николаевна пригласили жить Марию Викторовну с Лялей, скитавшихся по одесским углам. Благодарные мать и дочь в октябре 1929 года переехали на новое место жительства. Конечно, сестра не скрыла от старшего брата письма, полученные ею от эмигранта Бориса из далёкого Сараево… и судьбу их сводного брата Григория Колмогорова, сгинувшего в советском «трудовом лагере»…

А знали ли они, что в это же время рядом — в доме 32 на улице Восстания — доживал свои годы одинокий и забытый ими бывший отчим — 71-летний Сана, который когда-то в течение 8 лет заботился о них в Москве, Петербурге и Тюмени? На 1928 год его жена Александра Николаевна после 35-летнего брака, вероятно, оставила мужа, так как проживала по адресу Мучной переулок, дом 7.

В личном деле Александра Филимоновича сохранилось прошение от 30 июня 1928 года о прохождении им службы инженера путей сообщения, по всей видимости, для ходатайства о пенсии по старости. Указан и обратный адрес просителя: Москва, М. Серпуховская, дом 40, кв. 9.[840]

А в доме 19 на улице Желябова обитал другой хорошо известный им «близкий друг» их матери — 68-летний бывший действительный статский советник и кавалер многих царских и императорских орденов М. Ф. Гейслер (тот самый *Мишенька*)?[841]

Нашёл свою половину и Николай Лухманов. Во время пребывания в Москве (апрель-сентябрь 1928 г.) на одной из лекций в НКИД он познакомился с 18-летней Миррой Симоновной Горелик, дочерью лечащего врача наркома М. Литвинова. Новое назначение, утверждённое его заместителем А. Караханом, забрасывает молодого дипломата во Владивосток, где он вступает в партию большевиков и по май 1929 года

работает референтом по печати Дальневосточного отделения Наркоминдел (у Козловского).

Заручившись рекомендацией военного атташе в Японии В. К. Путна, Н. Лухманов возвращается в Москву. Собеседование с одним из создателей и руководителем советской разведки Я. К. Берзиным закончилось для него призывом на военную службу в IV управление Штаба РККА и направлением в июне 1929 года в Разведотдел СИБВО во Владивостоке. Вскоре вслед за женихом последовала и невеста. В конце августа молодые люди узаконили свои отношения.

На пепелище чувств

Из дневника Ляли Массен 1926–33 годов:

18 июня 1926 года.

…Вот и конец. Я встала, потянулась, как после тяжёлого сна. Взглянула на портрет Пана, пусто! Что? Не поверила себе. Пусто!.. И вдруг засмеялась искренне и весело. Мама, я свободна! Могу пойти сейчас к нему, пожать руку и сказать: «Ну, брат, давай-ка работать дружно. Разыграли драму жизни и довольно». Это проверено.

Циником меня научил быть Аля, давший мне иллюзию любви и уважения. Изящен, миниатюрен. Одесский мальчик. Фокстрот, женщины, корректура, театр. Две недели лирики и три месяца связи. Я развлеклась, встряхнулась и… пошла на поправку. Живу в квартире 20 дома № 19/6 на Пироговской у Лысенко. Из окон видна кинофабрика, но не снимаюсь… Мои лазоревые Сочи, где вы?

28 мая 1927 года.

… Каштаны совсем отцветают. А акация… такая ароматная! Скоро лето. А Сочи всё так же недоступны и эфемерны…

Моня в Киеве, на моё письмо не ответил. Н. Охлопков[842] не вызывает. Вероятно, будет играть жена Н. Эрдмана[843]. Это аксиома — или жёны сценаристов, или любовницы режиссёров… Я этого не хочу…

Воскресенье, 29 мая.

Мама принесла с базара столько цветов. Остро чувствую их запахи. Валяюсь на кушетке вместо уборки комнаты. У изголовья дурманит жасмин, так бы и не вставала… Завтра, вероятно, всё выяснится с фабрикой.

22 июля.

Лето проходит. Холодное, неровное. Купалась всего два раза. Хотела поступить в ИЗО, но вчера решили с мамой занятия прекратить. Ещё одно лето без радости.

У Охлопкова снялась один день в эпизоде! Случайно встретила его на фабрике, задала вопрос. Ответил, что если в Ленинграде не сократят сценарий, то у меня ещё будут съёмочные дни и работа. Пока записаны с мамой к Шору[844] на эпизодические роли. Нужен толчок извне.

Мама больна и скрывает правду. Собирается приехать сестра

Зоя. Раза четыре была у Баяновой, совратила, кажется, ещё одного мужа в летах. Рыдал у меня на руках: «Прелестное создание, хотите я буду вашим Фаустом?» — но ведь это из «Недомерка». А лето проходит…

27 февраля 1928 года.

Больна… 1 ½ месяца в нервном отделении 3-й больницы. Морозы 7–12°, работа валится из рук. Вероятно, и следующую зиму не удастся служить. Большой припадок со мной поверг маму в страх и трепет. Что она пережила за те дни, когда я дома билась и никого не узнавала, трудно себе представить. Она в ужасном состоянии. Я так слаба. Не знаю, что смогу и чего нет. Отогреться бы. Должна появиться работа на фабрике. Шор заходил ко мне. Сценарий, в котором у меня роль китаянки, уже начали снимать.

Спасаюсь индусской и китайской философией — Тагор[845] и Фаррер[846]. Но приходится вести яростную борьбу с собой. Пан остался для меня Паном. То, что сейчас носит его телесную оболочку, — меня отталкивает. Но бывают минуты, когда я хватаю себя зубами за руку, чтобы не вскрикнуть. Я не могу долго смотреть в его глаза, чтобы не пасть перед пошлым, толстым и лысым сатиром во прах.

Я не касалась его вещей в Черкассах. Почти с криком ужаса отказалась пришить ему воротник для костюма Навварского. Но придя в театр, зашла в уборную, долго поправляла на нём костюм и была счастлива касаться его кожи шеи или волос. Я принадлежу ему, я его вещь. Мама права, боясь отпустить меня к ним. Хватит ли у меня сил кусать по ночам руки, вставать бледной, но казаться здоровой утром на репетиции?

Если он захочет, то снова и легко будет моим Паном. Только два-три взгляда-приказания и, быть может, вонзённые острые зубы. Нина, Нина, я не хочу быть ещё раз нечестной перед Вами. Я должна буду сказать правду. Как Вы поймёте меня?.. Лучше нам не служить вместе. Пан, мой Пан… Моя Нина, Вы перестали отвечать на мои письма.

Дружба! Единственное чувство, в которое я верила. Моя рыжая головка, моя пламенеющая подруга. Мама больна, да и не в силах она понять моё чувство к Пану. Мы обе одиноки в своих земных скитаниях. На днях должна приехать Ольга. Может, она встряхнёт нас обеих?

Страстная пятница.

Ещё два припадка наутро после отъезда Ольги. Утомила она меня, а радости не добавила. Долго ли мне осталось существовать? Вчера была на «12-ти евангелиях»… Солнышко,

загляни в окошко…

Пан, тебя одного я всегда любила и буду любить. Тебе моё тело, глаза, мои мысли. Я всегда помню наши встречи на берегу моря, наши ласки. Их у меня никто не сможет отнять. Они принадлежали только нам. Скажи ей, что она никогда не станет твоей, как я. Сознайся в этом и отдай мне её дружбу…

Из письма Б. В. Адамовича из Сараево к М. В. Массен в Одессу от 4 февраля 1929 года:

Здравствуй, Маруся.

Выслал два тюбика Люминала, как только получил жалованье, и вложил рецепт. Теперь не знаю — пропал пакетик или Ты получила его после отправления открытки от 4 февраля? Во всяком случае, вышлю ещё раз, хотя бы и без рецепта.

Меня тронуло письмо Ляли, но ты просила писать реже, чтобы не тревожить больную. Написать Зое я не решаюсь. Конечно, многое хотел бы спросить. О том, что Ляля была на сцене, я знал.

Её болезнь мне знакома по таким же больным среди моих воспитанников, знаю и тех, кто освободился от припадков с годами. Болезнь неразгаданная и лечение неопределённое.

Как мне хотелось бы иметь те пьесы, в которых участвовала Ляля, здесь их нет, желательны в 1–3 акта с небольшим числом лиц и содержательные. Я тоже прикосновенен к театру и ставлю иногда любительские спектакли…

… Жаль сад в Петровцах, он был продлением жизни насадивших его. Кто же в доме?

Моё здоровье пошатнулось: расширение сердечной аорты. Тяжело переношу холода. На дворе наледь и снежная вата! Морозы до 15°, высоко — 530 м. над морем и зима небывалая. Вспоминаю горы на берегу Чёрного моря. Там природа несравнимо богаче и берег красивее и живее, чем Далмация.

Где умер брат Гриша? От туберкулёза? А где Александр Филимонович и его радости? Подписываюсь как всегда… Боря. [847]

Продолжение дневника Ляли Массен:

11 сентября 1929 года.

…Но я люблю театр. Не могу представить себе жизни без скитаний. Счастье, которое можно пережить на сцене, будет меня баюкать так же, как вас на экране с киногероем. Можно ведь думать, что человек, целующий тебя в 1-м акте и убивающий в 5-м, действует из искренних побуждений. И чем больше отдаёшь

себя роли, тем ближе и радостней это 2–3-х часовое счастье. А на завтра новый образ и новые слёзы. Вероятно, это подсознательное чувство и толкнуло меня гимназисткой на сцену. Ведь так заманчиво два часа чувствовать себя красавицей или принцессой. И когда я играла Гизу в «Шуте на троне», я мстила своей юности, которая, кроме насмешек и зла в гимназии, мне ничего не дала. Теперь я снова одинока и что же, кроме театра, вернёт мне мои грёзы?..

29 октября.

… И вот на пепелище чувств вырастает чахлый и крохотный, но зелёный росточек. Это надежда. Он крепнет, этот крошка-былинка, и я верю, знаю, что наступит и в моей жизни лучшее время. Только бы мне чуточку здоровья и тогда я ухвачу Судьбу за рога… и это будет. Я ВЕРЮ!.. За мной молодость. Я ещё повоюю, чёрт возьми!

31 декабря.

(Ленинград, Васильевский Остров, 22 линия, дом 9). Завтра Новый год! Если отнять у меня мечту о возвращении в театр, то это равносильно краже сумы у нищего. У нас тепло, чисто, мы сыты. С Новым годом, мои родные — близкие и далёкие!

6 января 1930 года.

Получила письмо от Нины. Она в Перми, не служит, и Павлик работает один.

14 апреля.

Я боюсь смерти… это так страшно… жутко… А хочу любить, страдать, но только жить…

15 июня.

Болезнь забирает все силы. Моих припадков настолько боятся, что даже не входят к нам в комнату, у тёти Веры от страха делается обморок. Мама так издёргана, что еле сдерживается от истерик и сердечных приступов. Вина, конечно, лежит на мне. Зима далась нелегко: воспаление лёгкого в больнице, плеврит дома и крупозное воспаление. Теперь встала, но силы не восстанавливаются. Болезнь, отпусти меня из своих жгучих когтей…

21-го.

… Как странно? *«Это»* с Сергеем не даёт мне той радости, которой я так ждала. Мы принадлежим друг другу уже довольно

давно. Но отчего нет мира в моей душе? Его больная жена? Спасибо за нежность, которая всегда трогает.

6 января 1931 года.

Утром разговорились с Зоей, вспоминали Сочи… Сестричка разошлась со своим моряком ещё в 1928 году, уехала с сыном Сашей в Миргород, где жила у родственников дяди Бори. Сейчас она уже замужем за командиром батареи 75-го артполка А. А. Соколовым и работает статистиком в райисполкоме. Дай Бог им счастья.

31 мая.

Троица. В этом году даже без букета цветов. И погода ужасно нервная: на солнце — жара, в тени 8°, холодно смертно. Сергей с труппой в Петрозаводске. Шлёт открытки, думая, что я сержусь. Но это не так. Соскучилась ужасно.

5 сентября.

Ровно год со дня моего грехопадения с Сергеюшкой. В квартире сняли телефон. На двери записка: «Милая Лизочка, звонил в 4 и в 5 приходил, не застал. Жду в саду после 9 вечера». А я хочу в день нашей годовщины быть с тобой вместе дома!

31 августа 1933 года.

Чудный день в Сестрорецке, один из самых счастливых в моей уходящей молодости. Я у Сергея в нашей комнатке-светёлочке, любима и люблю. Приехала вчера и ночевала «у нас». Сегодня уеду обратно. Сергеюшка здесь на отдыхе и лечении. Я тоже лечусь — инъекции и порошки внутрь. Главное, что за 10 лет болезни лекарства мне будто немножко помогают.

5 сентября.

Мой дорогой друг-дневничок, помоги мне, поддержи меня! Мамуся, родная, спасибо за твою бесконечную заботу и ласку. Сергеюшке тоже огромная благодарность за всю любовь, которую от тебя получила! Твоя Лиза. Сегодня ровно 3 года нашей связи… [848]

На этом дневники Елизаветы Массен обрываются, но её жизнь ещё продолжалась…

Удары судьбы

12 апреля 1928 года в Брюсселе в возрасте 48 лет скоропостижно и загадочно скончался Главком Русского общевоинского союза (РОВС) генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель. Его смерть сразу же сказалась на судьбах кадетов в КСХС. Переговоры, которые велись в последнее время между Державной комиссией королевства и РОВС о сокращении затрат на финансирование кадетских корпусов[849], вылились теперь в расформирование новым председателем «Союза» генералом от инфантерии А. П. Кутеповым Крымского кадетского корпуса! Предполагалось также обратиться к королю Александру I с просьбой о пожаловании Русскому корпусу имени императора Николая II[850].

Приказ возмущённым крымцам был зачитан в Белой Церкви 10 августа 1929 года временно исполнявшим должность директора генерал-лейтенантом Е. Ф. Эльснером. По желанию воспитанники были распределены между Русским (130 человек) и Донским (101 человек) корпусами, но прозвучавший в этот момент девиз — *«Рассеяны, но не расторгнуты»* — остался навсегда в летописи кадетского братства.

Военно-учебного заведения с таким названием не существовало в бывшей императорской армии. Оно было создано в Крыму вниманием, трудами и заботами барона Врангеля из кадетов Петровского Полтавского, Владикавказского и других разгромленных большевиками корпусов, пробившихся с боями (при эпидемии тифа) по Военно-Грузинской дороге в Кутаиси.

Мы кадетских погон не марали,
Мы кадетскую честь сберегли.

Е. Яконовский

В августе 1920 года воспитанники были вывезены из Батума в Крым и размещены в Ореанде и Массандре. Сюда же по приказу Главкома доставлялись гимназисты и подростки из частей и команд воюющих армий.

Своё наименование корпус получил 22 октября перед самой эвакуацией Русской армии в Турцию. Ночью 1 ноября кадеты поротно, без суеты, были посажены на пароход «Константин», паровую баржу «Хриси» и навсегда покинули Родину. Можно только гадать о том, что творилось в детских душах.

Вряд ли кто-нибудь из них предчувствовал — это навсегда! Но остались стихи очевидца:

… А землю было бросить жалко
Для вспененных свинцовых вод.
И медлил каждый пароход,
Отчаливая вперевалку,
И медлила моя земля
На горизонте синей дымкой
И всё вздыхала невидимкой
В снастях чужого корабля…[6]

В Константинополе корпус был пополнен так называемым «Феодосийским интернатом» под началом полковника князя П. П. Шаховского из оказавшихся в Крыму воспитанников Сумского корпуса, Константиновского артиллерийского училища и малолетних детей военных чинов армии. Собранное кадетское братство на пароходе «Владимир» доставили в бывший австрийский лагерь для военнопленных «Стернице» (близ Марибора) в Словении, где уже размещался прибывший ранее Донской корпус.

Весной 1921 года *крымцы* насчитывали в своих рядах 579 юношей. К 19 октября 1922 года корпус был перемещён в небольшой сербский городок Белая Церковь, близ Белграда. Сюда, к кадетам, частенько наведывался до своего переезда (в сентябре 1927 года) из Сремски-Карловцы в Брюссель их «опекун» барон П. Н. Врангель.

23 августа 1929 года Русский корпус покинул Сараево и, воссоединившись с Крымским, занял его казармы, имея единственной радостью:

В Белой Церкви всё — лишенья,
Нет веселья капли тут;
И одно лишь утешенье —
Здесь *Девичий институт!*[851]

23 сентября Б. В. Адамович с 4-мя воспитателями и 55-ю кадетами принимали участие в перезахоронении своего бывшего Главнокомандующего в славянской земле русской церкви в Белграде.

Ко дню корпусного праздника 23 ноября, после провозглашения на Балканах нового государственного образования «Королевство Югославия», последовало Высочайшее

соизволение Александра I о пожаловании Русского корпуса Шефством великого князя и «отца кадет» Константина Константиновича и новых наименованиях русских военно-учебных заведений:

— «Первый Русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус (1РВКККККК)». 370 кадет получили на белые погоны вензель КК, день ангела которого 21 мая и стал храмовым праздником корпуса;

— «Второй Русский Донской императора Александра III кадетский корпус», находившийся с 1926 года в боснийском городке Горадже на берегу Дрины. 350 его воспитанников сохранили на голубых погонах вензель российского монарха, пожалованный им ещё в феврале 1898 года. Желанным наставником был здесь известный кадровый казачий генерал-лейтенант, сам когда-то окончивший этот корпус, затем Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генштаба — Африкан Петрович Богаевский (1872–1934), с февраля 1919 года войсковой атаман Всевеликого Войска Донского, сохранивший эту должность до своей смерти в Париже.

Вторым Донским кадетским корпусом стали именовать[852] «Евпаторийское отделение» больных, раненых и отставших кадетов Донского Императора Александра III корпуса, эвакуированного из Новороссийска 22 февраля 1920 года в город Исмаилия (на Суэцком канале). Эта жалкая часть подростков была вывезена в Крым 63-летним инспектором классов генерал-майором А. Н. Рыковским из расстреливаемого частями Красной Армии порта в самый последний момент — 27 марта 1920 года.

А 29 октября гружёный беженцами транспорт «Великий князь Владимир» отбыл из Евпатории к берегам Словении. Был долог переход за море и только 3 декабря корабль бросил якорь в бухте Бокар Адриатического моря.

> … Земля иная приняла
> То, что своя не захотела, —
> Два переломленных крыла
> И высь запомнившее тело…[853]

В конце февраля 1930 года из далёкого Шанхая до Бориса Викторовича дошла скорбная весть о кончине в одной из городских больниц после тяжёлой и продолжительной болезни 43-летнего единокровного брата Владимира, инспектора автошколы «Форд»[854]. Участник Великой войны (произведён в капитаны на фронте 2 апреля 1916 года), он примкнул к Белому движению. В феврале 1920-го состоял помощником командира 1-

го Осетинского стрелкового батальона; был эвакуирован (по болезни)[855] из Новороссийска в КСХС вместе с женой. В Белграде семья проживала по адресу: Земун, Светославска, № 4, где братья какое-то время общались во время наездов Б. В. Адамовича в столицу королевства по делам корпуса. Здесь они и расстались несколько лет назад[856].

13 апреля 1932 года состоялась, как оказалось последняя, аудиенция генерала Адамовича у Его Величества. Директором было передано приглашение монарху почтить своим посещением корпус в день очередного праздника. 22 июня представитель Александра I полковник Миркович передал от имени короля в пользу выпускников традиционные с 1925 года пожертвования в 10 000 динар. Впервые при вручении аттестатов зрелости шестеро лучших учеников были удостоены королём и по золотому сербскому дукату.

А 22 июля 1933 года в Ницце на руках у детей — Ольги, Георгия и прибывшей из Варшавы Татьяны — на 67 году скончалась Елизавета Семёновна Адамович[857].

1 сентября 1933 года произошла вторая реорганизация русских корпусов в королевстве: упразднение Второго Русского Донского в Горадже и объединение его с Первым Русским в Белой Церкви. 1РВКККК стал отныне единственным военно-учебным заведением РОВС не только в Югославии и Европе, но и во всём мире! И его директором продолжал оставаться Б. В. Адамович.

Заветы генерала Адамовича

Каким запомнился и остался в памяти воспитанников и преподавателей Первого Русского кадетского корпуса их бессменный директор? Со стороны кадетов, особенно первые годы, отношение к нему было более чем сдержанное и настороженное. Он умел внушать трепет. Но справедливость требует признать: «…Адам, как его называли ученики, жил и дышал своим детищем, а тот, в свою очередь, был пропитан Адамом…», посвятившим ему остаток жизни и здоровья. Директор сумел завоевать полное уважение и симпатию бывших австрийских подданных к русскому корпусу, дело доходило до забрасывания каждого парадного строя цветами. Буквально весь город трогательно провожал кадетов при переезде из Сараево в Белую Церковь.

Из воспоминаний одного из учеников, относящихся к 1930 годам:

…Видели мы его иногда, но присутствие чувствовали всегда. Когда Адам выходил из своего кабинета, это был действительно *выход.* В полной тишине вечерних занятий вдруг раздавались равномерные шаги с малиновым звоном шпор идущего вдоль длинного коридора генерала. Сердце слегка замирало, классы ещё больше притихали — пронеси нелёгкая! Чуть-чуть сгорбленный, в хорошо сшитом мундире, на погонах которого блестели вензеля КК, брюки-галифе и чёрные краги поверх ботинок (у него уже болели ноги). Адам был всегда подтянутым, очень аккуратным и не переносил расхлябанности. Знаю, что его многие не любили за резкие меры. Но этим он, вероятно, избегал нежелательных случаев. Испытывая смышлёность, догадливость и находчивость кадета, директор часто задавал не вполне ясные вопросы, что нас приводило к замешательству и смущению…

И по отзывам многих подчинённых служить с ним было нелегко. Холодность, немногословность, сухость при жёсткой требовательности и въедливости «скорпиона» не добавляли ему ни друзей, ни сторонников. С ним сходились те, кто, понимая всю тяжесть борьбы за выживание корпуса, сами прилагали усилия к поднятию его репутации.

По рапорту генерала Адамовича от 23 июля 1921 года на имя Российского Военного Агента в КСХС, например, были уволены от службы два преподавателя-полковника Ф. И. Миляшкевич и П. С. Молчанов за отказ продолжить в каникулярное время

занятия с отстающими учениками без дополнительной оплаты своего труда[858]. Кто-то уходил и по своей воле, не найдя взаимопонимания (полковник В. Ф. Гущин — преподаватель математики и другие).

Среди заслуг директора — учреждение в Белграде 4 апреля 1923 года первого «Объединения бывших кадет Русского кадетского корпуса в КСХС». К 1925 году при Лувенском университете в Бельгии организовалась целая колония из бывших сараевских кадетов, создавших своё «Объединение». Его Устав был утверждён 14 ноября Б. В. Адамовичем как избранным почётным председателем.

К 1929 году «бельгийская колония», имея в своих рядах уже 25 членов, устраивала ежегодные балы и даже учредила собственную стипендию, при этом право на её замещение передавалось на личное усмотрение директора корпуса в Югославии.

К концу 1929 года отдельные «Объединения» кадет на чужбине были трансформированы в Общество «Княже-Константиновцев», охватывающее всех воспитанников, так или иначе оказавшихся в стенах Русского корпуса. Устав новой организации был утверждён 23 августа 1930 года её почётным председателем — Его Высочеством князем Гавриилом Константиновичем. Девизом КК стал афоризм цесаревича Константина Павловича, старшего брата императора Александра I Благословенного — «Помните, чьё имя носите!» Центром «Общества» являлся сам корпус, а его председателем — директор по должности.

В самом начале эмиграции генерал Адамович создаёт и возглавляет Объединение лейб-гвардии Кексгольмского полка, составляет его устав. Им же предлагается и крылатый девиз организации — «Рассеяны, но не расторгнуты», позаимствованный и другими патриотическими «Союзами». Один из пунктов «свода правил и положений» указывал чёткую цель общества — *«сохранение до смерти последнего из нас традиций старых кексгольмцев для возможности их передачи на Родину».*

12 августа 1925 года из Сараево в Шуаньи (Франция) на имя бывшего Верховного Главнокомандующего и великого князя Николая Николаевича:

> Ваше Императорское Высочество!
>
> Примите поздравления и самые искренние пожелания кексгольмцев ко дню вашего Ангела.
>
> *Вашего Императорского Высочества верноподданный Борис Адамович.*

Ген. — лейтенант и «Старший полковник Общества офицеров лейб-гвардии Кексгольмского полка»[859].

Известно, что помимо вышеназванных «Обществ», Б. В. Адамович состоял и председателем Сараевского отдела Общества Георгиевских кавалеров. По его инициативе городской отдел с 1 декабря 1925 года вышел из центрального Правления «Общества» под председательством генерала от инфантерии Э. В. Экка в Белграде и провозгласил самостоятельное «Сараевское объединение», открытое и для офицеров королевской армии[860].

И за рубежом военный педагог и историк продолжал литературную работу по увековечению славы русского воинства. Здесь им были написаны и опубликованы: в 1927 году — «Спасение знамени лейб-гвардии Кексгольмского полка в 1914 году»; в 1928 — «Дочь Кексгольмского полка»; в 1930 — «Лейб-гвардии Измайловский полк. 200-летие со дня основания. 1730–1930» (Париж); в 1931 — «К минувшему, 22 авг.-4 сент. 1931 г. К 100-летнему юбилею 3-ей Гвардейской пехотной дивизии»; в 1932 — «Отход из Галиции»; в 1935 — «Трыстень», к 225-летию основания полка (Париж); в 1936 году — «Лейб-гвардии Московский полк. 7.11. 1811–7.11.1936».

Второй музей родного Кексгольмского полка, созданный им вне России, насчитывал к 15 сентября 1935 года 1147 единиц хранения! 3 марта 1932 года Борис Викторович пишет для парижского журнала «Часовой» программную статью «Каков правильный путь к привлечению молодёжи в наши ряды?»:

1. Назвать идею, во имя которой юноши призываются под знамёна.
2. Не возвещать сроков.
3. Уволить на покой людей выдохшихся, не увлекающих слушателей.
4. Возвести в идеал и ценз элемент нравственный: воля, аскетизм, спартанство, жертвенность, благородство, честность, порядочность, этичность, скромность.
5. Не привлекать соблазнами.
6. Задать должный тон собраниям.
7. Прекратить костюмирование в исторические формы тех, кто их не носил.
8. Поставить на пути гимнастику, спорт, оркестры, хоры — всё то, что даёт достижения.
9. Создавать и всячески поддерживать артели.

10. Заменить пропаганду прямой действенной задачей.

11. Поддерживать Союз «Нового поколения», который устранил бы отмежевание от старого поколения в общей, равно дорогой и нужной работе.

Неожиданное известие племянницы Ляли о смерти матери 20 мая 1934 года (на 63 году жизни) ошеломило, казалось бы, подавившего в себе все родственные чувства директора-холостяка. Ведь совсем недавно она так радовалась переезду в Ленинград второй дочери Зои с демобилизованным мужем и 10-летним сыном Сашей. Да и её оптимистическое письмо Ляле от 17 января из дома отдыха (у станции Сиверская Варшавской железной дороги) не предвещало такой скорой развязки:

…Моя родная девочка, вот уже 4-й день, как я здесь и делаю всё для того, чтобы отдохнуть. Кормят нас прекрасно — 4 раза в день, и я стараюсь всё съедать. Много лежу, читаю. Природа кругом прекрасна, домики стоят в лесу, полном сосен и елей. Снегу масса, тишина полная. Каждое утро в 8 ½ идём на прогулку до завтрака. Теперь, дружок, мы обе поправим здоровье.

Есть клуб, читальня, библиотека. Бывают лекции, концерты с исключительно хорошими пианистом и певцами. Живу в домике на 40 человек, в моей комнате шестеро. Подбор очень удачный.

В первый же день меня единогласно выбрали старостой по дому. Немедленно вызвала на соревнование по выполнению правил внутреннего распорядка соседний дом, а наш объявили «ударным».

Сейчас пишу статью в стенгазету. Ну, словом, ты узнаёшь свою неугомонную маму.

Солнышко моё ненаглядное, увидимся только 30-го, береги себя и не скучай. Все мысли мои с тобой, люблю тебя. Вся твоя, мама[861].

Но беда не приходит одна…

9 октября 1934 года Югославию и всю Европу потрясла ужасная трагедия. В Марселе хорватскими националистами — агентами итальянской и германской разведок — во время своего официального визита во Францию были убиты Король-Рыцарь Александр I Объединитель и министр иностранных дел Франции Луи Барту.

В последующие два дня панихиды по Блаженнопочившем короле прошли в церквях корпуса и Русской колонии в Белой Церкви. А 17 и 18 октября депутация из кадет и преподавателей (27 человек) участвовала в похоронах бывшего монарха в храме Св. Георгия Победоносца на Опленце в Тополе. В день погребения

короля и по случаю 20-го дня его кончины заупокойная литургия и панихида были отслужены и в корпусной церкви. Траурное собрание 28 октября и выставка, посвящённая памяти почившего талантливого государственного деятеля Балкан и покровителя 300 русских колоний в Югославии, завершили череду скорбных мероприятий, последовавших за этой тяжкой для всего славянского мира потерей.

Смерти Елизаветы Адамович, родной сестры Марии и короля-покровителя, по всей видимости, резко сказались на здоровье и состоянии духа 64-летнего директора корпуса: в конце года он обнародовал 67 своих заветов, обращённых к 220 русским кадетам — кодекс чести, поведения и наказов к дальнейшей их жизни; 9 и 10 февраля 1935 года под его председательством проходят 300-е заседание педагогического Комитета и вечер памяти по всем российским кадетам за время существования корпусов (1732–1935 гг.); 15 марта — богослужение и панихида по всем скончавшимся в Югославии воспитанникам и преподавателям.

Именно в эти дни он пишет потомкам и памятную записку-завещание:

> …Вопрос будущего Русского корпуса — общеславянский.
>
> И разговор нужно вести о сохранении превосходной школы двухвековых преданий, последнего живого семени Российской империи, русской драгоценности и, наконец, идейной и принципиальной связи с национальной Россией…
>
> … Для того же, чтобы признать неизменным и жизнеспособным нынешний строй России, надо быть очень неумным. Этот режим — этап, эпизод, эксперимент, который отойдёт в историю ещё при вашей жизни. В народе проснётся инстинкт нации, и он сметёт ненародную власть… Я учил одинокой непоколебимости. Не теряйте веры, не связывайте её со сроками.
>
> …Как был бы счастлив хоть ненадолго полюбоваться вашим слётом к воскресшей Матери-России! Но доживу ли? Суждена ли мне посмертная награда, когда на Родине признают мою Ей верность за рубежом и службу до последнего издыхания?..

675 писем, телеграмм и почтовых карточек, полученных на его имя от «Киевлян» и «Виленцев» в 1920–33 годы, передал директор на хранение в музей корпуса!

После заупокойного богослужения в корпусной церкви 9 октября 1935 года по годовщине кончины Блаженнопочившего короля Александра I сердечные припадки у Бориса Викторовича усилились. Для постоянного дежурства у его кровати коллеги организовали группу братьев милосердия из шести кадетов. По воспоминаниям одного из них, когда больному было плохо, он никогда не вспоминал родных, а говорил только о своих питомцах.

19 октября Б. В. Адамовича отправили в Панчевский госпиталь, затем перевезли в военную больницу в Сараево. Молебен о здравии генерала 9 марта в корпусной церкви, возможно, подарил ему несколько дней жизни. Уже лёжа на смертном одре, он закончил последнее в своей жизни письмо словами:

…Да хранит Господь моих лучших спутников жизни — однополчан-кексгольмцев. Благодарный полку ученик, удостоившийся учительства.

А 22 марта в два ночи генерал-лейтенанта Бориса Викторовича Адамовича не стало. В полузабытьи, неуверенным тонким почерком, косыми буквами он ещё успел буквально нацарапать что-то похожее на четверостишие:

Где-то вы? Где вы, родные детишки?
Где-то вы? Где вы, милые детки?
Где-то вы? Где, мои шалунишки?
Где-то вы? Где, дорогие кадетки?

С 1920 по 1936 год 668 его воспитанников получили среднее образование, из них 52 поступили в военно-учебные заведения королевства и стали офицерами югославской армии.

Сараево давно не видело таких похорон. 24 марта в 15 часов 30 минут среди пальм, венков и зажжённых свечей в больничной часовне состоялось отпевание и прощальные молитвы в присутствии множества друзей покойного. Белый гроб с Георгиевским оружием и фуражкой на крышке, установленный на артиллерийском лафете, сопровождаемый почётным караулом с обнажёнными шашками и воинским отрядом, под звуки траурного марша направился к военному кладбищу.

За гробом русского генерала шли представители Его Величества короля Югославии, князя-наместника, военного министра, офицерских организаций и русской эмиграции, митрополит, командующий 2-й армии с высшими военными

чинами, депутация Русского корпуса и ещё многие и многие.

Похоронен был Б. В. Адамович под звуки военного салюта на участке Русского кадетского корпуса перед общим крестом-памятником на высоком каменном пьедестале. Из родных и близких в последний путь его провожали лишь двоюродный брат, бывший командир 225 пехотного Ливенского полка полковник Г. Н. Адамович с супругой Еленой Алексеевной и друг-однополчанин К. А. Цабель.

Журнал русской военной эмиграции «Часовой» посвятил памяти «офицера без страха и упрёка» серию публикаций (№ 165–170 за 1936 г.) с фотографиями и стихами:

> … Крепче сомкнитесь кадеты,
> В трауре наши ряды,
> Скорбью природа одета,
> Лучшие блекнут цветы [862].

Панихиды после кончины директора, по случаю 9-го, 40-го дня, полугодия и годовщины смерти, прошли и в корпусной церкви. В 1936 году в память о незабвенном педагоге в корпусе была учреждена награда имени генерала Б. В. Адамовича, в дополнение к семи ранее установленным именным премиям за успехи в обучении. По 1939 год её получили 4 воспитанника.

Помянем и мы двоюродного дядю четверостишием русского поэта и офицера-эмигранта Павла Булыгина:

> Я жил, служил. И я сгорел…
> Пусть я раздавлен у порога,
> Но я дыханием согрел
> Один янтарь на чётках Бога!

Часть четырнадцатая (1929–2011 гг.)

Последняя любовь капитана

Дмитрий Афанасьевич по отзывам своих студентов, число которых доходило до 800, был достойным педагогом и директором. Ему удалось привлечь к учебному процессу настоящих наставников морского дела разных специальностей и создать творческий коллектив единомышленников. Были расширены учебно-производственные мастерские, что позволило привлекать выгодные заказы со стороны портовых организаций. Курсанты получили форму образца комсостава. Культурному развитию питомцев содействовали драматический и литературный кружки, для нужд которых «папой Лухмановым», как его величали сами воспитанники, предоставлялся даже гардероб членов его семьи.

Полученные знания позволяли выпускникам без труда устраиваться на суда и верфи всего Беломоро-Балтийского бассейна. Удивительно и то, что из стен этого гражданского заведения вышла целая плеяда будущих офицеров-подводников — героев войны на Балтике.

В 1930 году в семье Лухмановых появились внуки: 8 января у Ксении родилась дочь — Ксения-младшая, а 3 июня в Хабаровске у Николая — сын, названный именем деда.

Из письма Елизаветы Массен к сестре Зое в Миргород от 1 февраля 1930 года:

…Тётя Вера целыми днями торчит у дочери. Кискино дитё ужасно смешное, сейчас ей почти три недели. Совершенно медно-рыжее и… синеглазое! Вчера мы с мамой навестили её, подарили две игрушки и белый с голубыми бантами ***«конвертик»****. Гриша привёз жену с дочкой из роддома, пробыл с ними два дня и ушёл в море на 4 месяца, расстроившись до слёз. Сейчас наша мама сидит рядом в кресле и вяжет ребёнку одеяльце…*[863]

Но втайне от жены, обволакивая сознание и возбуждая кровь, развивались отношения и во второй семье капитана. Любовь к женщине, подарившей ему на старости лет сына-моряка, усиливало чувство вины перед обоими за столь позднее прозрение и признание своего отцовства. Разрыв с Верой Николаевной становился делом времени… Задумав в очередной раз испытать судьбу, Дмитрий Афанасьевич в октябре 1930 года оставляет техникум и переходит на работу в Регистр СССР[864] на должность начальника сектора классификации.

В 1931 году он издаёт в Москве свои очередные книжки:

«20 000 миль под парусами» с фотографиями похода «Товарища» в Аргентину и повесть «Штурман дальнего плавания».

В следующем году 65-летний капитан, не в силах укротить свои чувства к 50-летней вдове и матери его ребёнка, оставляет жену, с которой его связывали 31 год совместно прожитой жизни, двое детей и двое внуков. Надо ли говорить о реакции родных: нервном срыве Веры Николаевны; смущении и стыде сестры Марии; недоумении и обиде за мать Ксении и Николая; замешательстве племянниц, матери, брата и сестёр жены; удивлении зятя и невестки!?

После разрыва брачных уз бывшие супруги расстаются навсегда: Дмитрий Афанасьевич переезжает в квартиру Ольги Михайловны (Фонтанка, 34), Николай забирает мать в Хабаровск по месту своей службы.

А новая любовь оказалась права и плодотворна. Именно в эти годы капитан Лухманов пишет и в 1933 году издаёт в Москве свою самую известную, волнующую юношеской чистотой и восторженной романтикой автобиографическую повесть «Солёный ветер», многократно переиздававшуюся многотысячными тиражами вплоть до 1999 года. Его общественная активность и авторитет, несмотря на семейные неурядицы, позволили ещё раз пройти *партийную чистку* и добиться перевода, по состоянию здоровья, в… солнечную Грузию на должность начальника Потийского морского техникума (Тифлиская набережная, 25)! Покидая Ленинград, глава семейства увозит с собой и новую жену, и 22-летнего сына Владимира Ошанина к тому времени уже штурмана.

Расстрельное дело Николая Лухманова

Николай Лухманов приехал во Владивосток к самому началу военного конфликта на КВЖД и сразу оказался в гуще стремительно развивающихся событий: 10 июля — первое нападение китайских войск правителя Северо-Восточных провинций Маньчжурии Чжан Сюэ-ляна на управление дороги в Харбине; 6 августа в противовес надвигающейся агрессии была спешно создана Отдельная Дальневосточная армия (ОДВА), 28 августа в Хабаровск прибыл её первый командующий — герой Гражданской войны в Сибири В. К. Блюхер. 12 октября развернулись и настоящие бои, закончившиеся подписанием 25 ноября договора с Китаем об урегулировании конфликта.

1 января 1930 года ОДВА стала Краснознамённой с переименованием в ОКДВА. Заслужил своё первое отличие — бронзовый знак Осоавиахима СССР[865] «Бойцу ОКДВА» — и младший командир Н. Д. Лухманов, с января 1930 года военный переводчик и помощник начальника 3-го сектора штаба армии. Затишье оказалось временным. Уже на следующий год в Маньчжурию вторглись японцы.

Начались многочисленные нарушения государственной границы, обстрелы советской территории, и штаб армии готовился к возможному развитию событий с новым коварным противником.

В июле 1931 года Николай успешно окончил шестимесячные курсы усовершенствования комсостава при IV управлении Штаба РККА с положительной характеристикой. За ударную информационную работу по Японии неоднократно поощрялся (именное оружие, денежные премии), но ввиду слабого здоровья был освобождён от участия в спецоперациях.

Опорными пунктами советской разведки тех лет являлись Шанхай, где с конца 1932 года успешно действовала группа Р. Зорге, и Харбин с его многочисленной агентурой из среды русской эмиграции. В Японии под личиной помощника военного атташе с 1932 по 1936 годы работал выпускник Восточного Отдела академии имени Фрунзе резидент Н. Вишневецкий «*Сакура*» — связник Р. Зорге в Токио и бывший начальник разведотдела (РО) ОДВА.

Здесь, на Дальнем Востоке, судьба ещё раз свела офицера Лухманова с высшими чинами Красной Армии, определившими его судьбу: военным дипломатом, командиром корпуса и Приморской группы войск (с января 1932 по июнь 1934 года) В. К. Путна; заместителем командующего армией по политчасти

(с апреля 1935 по июнь 1936 годы) корпусным комиссаром Я. К. Берзиным.

После второй волны провалов советских резидентур в Австрии, Латвии, Германии, Польше, Румынии, Турции, Финляндии, Франции в 1932–34 годах вопрос в мае 1934 года рассматривался на заседании Политбюро ЦК. В результате Разведуправление Штаба РККА усилили более чем 20-ю специалистами иностранного отдела ОГПУ во главе с асом разведки А. Х. Артузовым (Фраучи, итальянцем по происхождению).

Но спустя всего лишь 9 месяцев после реорганизации секретной службы, в феврале 1935 года, последовал разгром советской агентуры в Дании с арестом четырёх транзитных нелегалов. Принимая на себя вину за случившееся, Ян Карлович Берзин сам подал рапорт об увольнении с должности и был отправлен подальше с глаз генсека.

В начале января 1934 года и японцы раскрыли несколько групп IV отдела штаба ОКДВА в Маньчжурии. После перевербовки арестованные агенты, как депортированные, оказались на территории СССР. Одним словом, просчётов и некомпетентности в деятельности тайных служб всех уровней действительно хватало. По рекомендации комиссара Николай Дмитриевич в марте 1936 года становится помощником руководителя информационного отделения РО, где знакомится с вернувшимся после 4-летнего «представительства» в Японии *«Сакурой»,* назначенным начальником одного из отделений разведки.

К этому времени Н. Лухманов имел в своём активе двухгодичный стаж преподавателя курсов переводчиков при разведотделе и две книги военной тематики, изданные в Хабаровске в 1934, 1936 годах: «Справочник командира ОКДВА по японскому язык» (совместно с Ли Сер-Соном); «Действия японских войск в горах» (с 36 схемами) — опыт ведения боёв в Маньчжурии на примерах работ бывшего профессора Военной академии РККА А. А. Свечина[866] и новых полевых уставов японской армии. Автор второй книги скрылся под псевдонимом Митин *(сын Мити, по домашнему имени отца).* Возможно, сказались годы жизни Николая в Китае, и предпочтение было отдано философу 5 века до н. э. *Ми-Ти,* последователю учения Конфуция «о всеобщей любви».

В 1935 году во Владивосток приезжает с мужем-офицером и 5-летней дочерью Ксения Гольдберг. Создание на базе морских сил Дальнего Востока Тихоокеанского флота потребовало перевода сюда опытных кадров военных моряков из европейской части СССР. Многие месяцы в семье Ксении будет находиться и

сын Николая Дмитрий. Помогать воспитывать внуков станет бабушка Вера Николаевна.

А на пороге уже стоял зловещий 1936 год… Август потряс страну и «старую гвардию» московским процессом «троцкистско-зиновьевского объединённого центра». Отбывающих многолетние сроки заключения бывших Председателей Петроградского и Московского Советов и членов Политбюро ЦК партии Г. Зиновьева и Л. Каменева опять доставили в Москву и судили очередным советским судом.

16-ти осуждённым приговор от 24 августа не оставил никаких надежд на пощаду. На казнь Каменева волокли под руки, Зиновьева несли на носилках. От ближайшего окружения Сталина надзирал за агонией жертв комиссар Госбезопасности 2-го ранга К. Паукер. Сохранилось свидетельство очевидца, как он «в лицах», с тюремным юмором и смехом тешил Хозяина подробностями расстрела именитых «врагов народа». Для справедливости сообщим читателю, что ровно через год, 14 августа 1937 года, Большой террор поставит точку в жизни и этого, одного из самых приближённых людей Вождя. «Хороший свидетель — мёртвый свидетель!» Генсек обожал чёрный юмор, убирая вслед за бывшими соратниками и наиболее рьяных исполнителей его грязных дел.

Ещё шло судилище, когда 22 августа «Правдой» были озвучены требования масс о расследовании связей подсудимых с новыми жертвами. Были названы имена партийной элиты — Томского, Бухарина, Рыкова, Пятакова, Радека, Серебрякова… а также комкоры Примаков и Путна. Воронка одного процесса центростремительными силами затягивала в омут НКВД очередных, указанных усатым дирижёром, бывших сподвижников. После бурной встречи с Вождём на своей даче в Болшево, не дожидаясь унижений и издевательств в подвалах Лубянки, покончил с собой бывший член Политбюро ЦК М. Томский.

В конце августа Лухмановы получили известие от Зои Соколовой из Ленинграда о смерти 21 августа её родной сестры Елизаветы, похороненной на Смоленском кладбище города недалеко от могилы матери. Эпилепсия так и не выпустила из своих цепких когтей 33-летнюю Лялю Массен, не позволила ей ни выйти замуж, ни родить детей, о чём она так мечтала. Но сохранились её дневники, которые донесли до нас внутренний мир юной гимназистки и молодой страдающей женщины 1910–30-х годов прошлого века…

Но вернёмся к московским процессам, потребовавшим более изощрённых, чем Генеральный комиссар (маршал) госбезопасности Г. Ягода, заплечных дел мастеров. 1 октября

опального любимца сменил новый фаворит Сталина — «кровавый карлик» Н. Ежов.

Волны арестов быстро докатились до ОКДВА и вырвали из её рядов первые 93 «троцкистских элемента». Ещё 427 оказались в разработке. Сам же командующий лишь заменял арестованных «врагов» новыми командирами, не прислушиваясь ещё «по ком звонит колокол»…

После казни 1 февраля 1937 года в Москве близкого друга и первого заместителя Г. Орджоникидзе по Наркомтяжпрому Г. Пятакова, убийства 17 февраля в собственной квартире в Кремле самого наркома, ареста 27 февраля прямо на Пленуме ЦК бывших членов Политбюро Н. Бухарина и А. Рыкова пришёл черёд и военных…

11 июня страна была шокирована скоротечным и жестоким, как выстрел в упор, сфабрикованным судилищем «О заговоре в Красной Армии». Перед Специальным судебным присутствием Верховного Суда СССР во главе с маршалами С. Будённым и В. Блюхером предстали герои Гражданской войны: маршал М. Тухачевский; командармы И. Якир, И. Уборевич, А. Корк; комкоры Р. Эйдеман, Б. Фельдман, В. Примаков, В. Путна и комиссар 1-го ранга Я. Гамарник.

Дело слушалось в порядке, установленном Законом от 1 декабря 1934 года: без участия защиты и обжалования приговора; немедленного исполнения решения суда. Генсек, боясь взрыва в среде военных, спешил так, что даже не поехал в Грузию на похороны собственной матери. Весь процесс от ареста до расстрела 9 обвиняемых, включая и покончившего с собой Я. Гамарника, занял менее месяца[867]. А сам суд — всего лишь один день!!!

Покорный воле деспота, молча терял боевых соратников предавший их маршал В. Блюхер. Один за другим исчезали его заместители, комиссары, комдивы — Я. Покус, Г. Дзызу, И. Вайнерос, А. Балакирев, И. Флеровский, С. Беккер, В. Рохи, Л. Гавро, Л. Фирсов и многие другие. На многочисленных партсобраниях выискивали в биографиях командиров сведения о родственниках, знакомых, о дружбе с уже разоблачёнными и ошельмованными «врагами», о колебаниях, отступлениях и несогласиях с линией и курсом партии, доводя подозреваемых до самоубийств…

Возможно, что-то предчувствуя, Николай Лухманов уезжает с семьёй на весь июль в отпуск. С женой и сыном он навещает отца в Поти, где знакомится с Ольгой Михайловной и сводным братом Владимиром. Несмотря на годы, Дмитрий Афанасьевич оставался бодр и энергичен. На его кителе сын заметил очередной

нагрудный знак — «За активную работу на водном транспорте».

В начале ноября 1936 года капитан даже решился «тряхнуть стариной» и совершил «спецрейс» в порт «Аликанте» республиканской Испании в качестве дублёра старпома парохода «Трансбалт» Черноморского пароходства. Во время разгрузки судно подверглось воздушной бомбардировке франкистами, но обошлось. Свои впечатления о походе старый моряк поведал читателям (под псевдонимом Д. Афанасьев) в газете «Водный транспорт»[868]. Но везло не каждому. 14 декабря в одном из рейсов был потоплен испанским крейсером на подходе к Картахене теплоход «Комсомол» с грузом (водоизмещением 10 950 тонн). Директор техникума откликнулся на трагедию инициативой сбора денег в фонд постройки нового «Комсомола» и внёс в него первые 650 рублей, собранные студентами и преподавателями учебного заведения[869].

На обратном пути Николай Лухманов посетил Севастополь, в Симферополе он оставил 7-летнего Диму на попечение бабушки Веры Николаевны (и её мамы) и с тяжёлым чувством вернулся с женой в Хабаровск, где узнал об аресте коллеги — полковника Н. Вишневецкого… Не миновала чаша сия и недавнего отпускника:

> Я, помощник оперативного Уполномоченного Особого отдела ОКДВА и 5-го отдела Управления ГБ УНКВД по Дальневосточному краю сержант ГБ Мамонов, рассмотрел следственные материалы на помощника начальника отделения РО ОКДВА капитана Лухманова Н. Д. и нашёл, что он достаточно изобличён как участник троцкистской японо-шпионской организации.
>
> Руководствуясь статьёй 146 УПК РСФСР, я постановил — Лухманова Н. Д. привлечь в качестве обвиняемого в контрреволюционных преступлениях по статьям 58–1 «б», 58–8 и 58–11 и избрать содержание под стражей в комендатуре УНКВД по Дальневосточному краю (в Хабаровске).
>
> *Согласен. Зам. начальника ОО ОКДВА и 5-го отдела УГБ УНКВД по ДВК майор ГБ Булатов.*

Примечательно, что сами следственные материалы в деле № 974 615 отсутствуют. Но постановление об аресте от 21 августа 1937 года санкционировал врио военного прокурора ОКДВА бригвоенюрист В. А. Блауберг и утвердил начальник УНКВД по ДВК печальной памяти комиссар ГБ 3-го ранга Г. Люшков,

назначенный на эту должность всего лишь 31 июля 1937 года переводом из Азово-Черноморского края.

Уже на следующий день Николая Дмитриевича арестовали в служебной квартире (№ 2, дом 59 на Комсомольской улице) по ордеру № 1169, выданному лейтенанту ГБ Сорокину и подписанному начальником 2-го отдела. При обыске были изъяты:

— пистолет «Коровина» № 64 987, патроны;
— личное партийное дело (на 35 листах);
— учебник японского языка, книга «Действия японских войск в горах с картами-схемами»;
— удостоверение № 39/803, блокнот, личная печать, переписка (2 листа);
— фотографии Вишневецкого, Лухманова;
— пишущая машинка «Корона» № 249 767.

Копия протокола вручена жене — М. С. Горелик (Лухмановой), военному переводчику штаба ОКДВА.

Мирра Симоновна осознала весь ужас своего положения, грозившего ей как жене «врага народа» годами лагерей и детским домом единственному ребёнку. Библейская мудрость её народа подсказала выход — скрыться, затеряться и тем самым попытаться спасти от репрессий государства и себя, и сына. И она исчезла из Хабаровска…

Первый допрос Н. Лухманова, который вели капитан и младший лейтенант ГБ Вышковский и Кибальниченко, датирован 29 ноября, то есть через… 98 суток после ареста!? Зная сегодня, какими методами в те годы выбивались признания из подследственных, стоит ли удивляться, что офицер «оказался» членом военно-троцкистской организации, участником фашистского заговора в ОКДВА и японским шпионом-резидентом в РО штаба армии!!! А дальше шли самооговоры, очные ставки с такими же полуживыми от дознаний бывшими сослуживцами и ожидание смерти как избавления от мук… 16 апреля 1938 года её дождался советский разведчик Н. Вишневецкий, а 29 июля и сам бывший начальник Разведупра Генштаба РККА армейский комиссар 2-го ранга К. Я. Берзин…

Следствие же по делу Николая Дмитриевича завершилось 11 мая, но, несмотря на чрезвычайное происшествие — бегство в Японию 13 июня 1938 года комиссара ГБ Г. Люшкова, давшего санкцию на его арест, оно не было закрыто. Обвинительное заключение утвердили и направили в Военную Коллегию Верховного Суда новый начальник УНКВД по ДВК, заместитель

начальника ОО майор ГБ Ямницкий (17.07. 38 г.) и прокурор ГВП военюрист 2-го ранга Липов (10.09. 38 г.) для применения требований Закона от 1 декабря 1934 года.

Скорый, но неправый суд выездной сессии ВКВС СССР в составе трёх бригвоенюристов — Кандыбина Д. Я. (председатель), Китина И. Г., Калашникова С. М., военюриста Кондратьева И. П. и прокурора Лилова состоялся уже 11 сентября и продолжался, судя по протоколу заседания, всего… 15 минут! Подсудимый нашёл в себе силы (после 354 суток заключения) отказаться от показаний предварительного следствия и признал, что должен нести ответственность наряду с другими сотрудниками разведотдела лишь за недостатки в работе.

Это заявление посмевшей не раскаяться жертвы только озлобило выездных опричников. К трём статьям обвинения Н. Лухманову добавили четвёртую (58–7 — *вредительство),* лишили звания капитана и… приговорили к немедленному расстрелу с конфискацией личного имущества. Акт о приведении в исполнение высшей меры наказания до сих пор хранится в Особом архиве № 1 спецотдела НКВД СССР в Москве (лист 135, том 9).

Не пройдёт и двух месяцев и в Лефортовской тюрьме Москвы, уже после разгрома японцев у озера Хасан в Приморье, скончается от побоев и бывший командующий Дальневосточным фронтом маршал В. Блюхер…

В ночь смерти он видел кораблекрушение

Жестокий приговор Николаю Лухманову повлёк за собой репрессии советской власти и в отношении ближайших его родственников, чего не позволяли себе русские государи уже со времён императрицы Елизаветы Петровны! В августе 1938 года во Владивостоке были арестованы Ксения и Григорий Гольдберги. Их 8-летняя дочь попала в детский дом.

Из воспоминаний Ксении Дмитриевны:

…Камера была небольшая — приспособленное чердачное помещение без окон. Свет падал лишь из застеклённого люка крыши. Кроме меня, здесь оказались четыре жены командиров, жена следователя, жена врача, женщина из местных, имевшая связь с Харбином, и буфетчица с парохода.

Нина Сергеева, научный сотрудник Дальневосточного отделения АН СССР, сидела почти год. На первых допросах её систематически избивали. В полусознательном состоянии она подписала «нужные» следователям протоколы, оговорив не только себя, но и ряд коллег, о чём очень переживала. Вскоре её увели, и больше ничего о ней я не слышала…

Меня каждый раз убеждали сознаться в шпионской деятельности и связях с братом — врагом народа. Так как признаваться было не в чем, три следователя устроили мне «карусель». После нескольких суток бессонных домогательств я потеряла сознание. При врачебном досмотре выяснилось — я беременна. Вызовы прекратились, но начались мытарства по камерам.

За 8 месяцев их было семь. В одной из них, бывшей церкви, я насчитала больше ста несчастных. Несколько раз в полной тишине мне довелось слушать главы из романа Золя «Дамское счастье». Их читала заведующая библиотекой — «шпионка», воспроизводя текст по памяти, почти слово в слово.

За мной стала ухаживать наша староста, врач детской больницы, арестованная вместе с мужем, командующим дальневосточной авиацией. Из-за холода началось воспаление среднего уха (правого и левого). После безумной боли в ушах и страшного шума в голове вдруг полная тишина. Я оглохла. Слева от меня на нарах лежала молоденькая полька, справа учительница английского языка, с которой мы работали в одной школе. Отёчность до неузнаваемости изменила её лицо. В одну из ночей она и умерла рядом со мной.

Меня как-то подлечили в тюремной больнице. Но начали

шататься зубы, мучил фурункулёз. После долгого перерыва вызвали на допрос, но повели через подвал. Стало страшно, мелькнула мысль — на расстрел… Но обошлось. За месяц *до срока* перевели в тюремный «роддом» с девятью койками и… парашей в углу! Почти все русские женщины здесь были жёны китайцев. Нас и кормили лучше благодаря им, так как поварами здесь были заключённые китайцы.

Я немного окрепла, постепенно вернулся и слух. Только благодаря врачу-заключённому я благополучно родила 1 апреля 1939 года девочку, назвав её именем матери — Верой. Перенесла послеродовой сепсис. Молока у меня не было, и ребёнка пришлось кормить смесью из детской кухни, разогревая её на свечке.

Пришло лето. Нас с детьми начали выводить на какую-то лужайку. Конечно, мы радовались солнцу, воздуху, зелени. Но Верочка заболела токсической диспепсией и стала погибать, но Бог спас!

И вновь допрос — мне дали прочесть отдельные места из протоколов следствия отца и брата. И тот и другой признались в контрреволюционной деятельности…[870]

Дмитрий Афанасьевич Лухманов был исключён из партии и арестован в Поти в начале 1939 года. 13 июня пришла очередь Ольги Михайловны и их сына лоцмана Волика Ошанина! Тюремная эпопея семьи растянулась на… 16 долгих месяцев, из которых два первых оказались особенно тяжёлыми для 71-летнего капитана. Старика били по ногам, и он подписал заранее подготовленный протокол.

Резко изменило ситуацию освобождение 25 ноября 1938 года с поста Генерального палача госбезопасности всесильного Н. Ежова. Правда, оставаясь секретарём ЦК ВКП(б), он был пересажен в кресло наркома водного транспорта, но общество почувствовало — период «ежовых рукавиц» уходит в прошлое. И действительно, 10 апреля 1939 года садист сам оказался на тюремных нарах.

Новому Наркомвнудел Лаврентию Берия, призванному из Грузии обелить имидж Вождя после страшных расстрелов 1937–38 годов, пришлось даже разыграть видимость борьбы с «перегибами» своего предшественника. По всей стране из следственных изоляторов выборочно были освобождены около 40 000 арестантов! В их числе оказались на свободе с прекращением дел и Лухмановы: Ксения с мужем — в ноябре 1939 года, Дмитрий Афанасьевич с женой и сыном — 13 декабря. Будем считать, что им сказочно повезло…

Григорий Гольдберг был спешно переведён в Кронштадт и тут же выехал с женой в Ленинград и далее в Ораниенбаум. Вскоре к ним присоединилась Вера Николаевна и Ксения-младшая, которую ранее вывез из владивостокского детского дома её дедушка (по линии отца).

Восстановленный в правах, но не в партии, старый капитан не прекратил преподавательской деятельности. В 1938, 1941 годах в Москве, Хабаровске и Ленинграде выходят его книги — «На палубе. Из воспоминаний старого моряка», «Рассказы», «На капитанском мостике. Воспоминания капитана дальневосточного торгового флота», «Парусные суда. Краткий исторический очерк». С 1940 года он член Одесского дома учёных, в июне 1941 года становится и «Почётным работником морского флота» с вручением соответствующего нагрудного знака.

Война стояла на пороге, когда карательные органы по указке Хозяина фальсифицировали раскрытие очередного «военного заговора», известного как «заговор героев». С 23 мая по 12 июля 1941 года были арестованы 46 человек, среди которых оказались генерал армии К. Мерецков, генерал-полковники Г. Штерн и А. Локтионов, наркомы оборонных отраслей промышленности Б. Ванников, И. Сергеев, 9 генерал-лейтенантов, в том числе 8 Героев Союза ССР!!! Дважды Героя Я. Смушкевича доставили в камеру на носилках прямо из госпиталя.

В ночь на 25 июня по ордеру НКО увезли в Бутырку и генерал-майора Военной академии химической защиты РККА А. Н. Де-Лазари — родного дядю расстрелянного «врага народа» Н. Лухманова. Не помогли ни звание профессора, ни научные труды[871].

Неведомыми путями выйти на свободу для защиты Родины в начавшейся Отечественной войне удалось лишь единицам. Первую группу военных — около 30 человек из ВВС (некоторых с жёнами) — вывезли в Куйбышев и казнили на окраине города у посёлка Барбыш уже 28 октября. Большинство из оставшихся по решению Особого совещания при НКВД СССР от 13 февраля 1942 года расстреляли *в годовщину Красной Армии* в Саратове… Среди них оказался и 60-летний дворянин и офицер, историк военного искусства Александр Николаевич Де-Лазари[872].

А Дмитрию Афанасьевичу повезло ещё раз. Многочисленные ученики вспомнили о нём. Приказом наркома Морского флота от 21 сентября 1942 года он был затребован в Москву, заселён в 124-й номер гостиницы «Савой» и назначен капитаном-навигатором Главной морской инспекции. В 1943 году по просьбе наркома П. Ширшова он пишет и издаёт в Москве учебные пособия: «Советы старого капитана молодым морякам», «Морская практика

для юнг», «Вооружение парусномоторных судов».

7 ноября его многолетний труд, опыт и знания оценили именными часами, а 60-летие морской службы правительственной наградой СССР — орденом Трудового Красного Знамени (от 31.03. 1944 г.). Выхлопотали ему с женой и комнату в двухкомнатной квартире (№ 41 в доме 40) на Набережной М. Горького. В октябре 1944 года, являясь автором 10 книг, Д. А. Лухманов становится членом Союза писателей СССР[873].

Его литературные произведения увлекательны суровой романтикой и грустью разлук. Они по душе непоседам и бродягам, тем, кто не знает, куда идёт (а такие, как правило, идут дальше всех), тем, в душах которых поют пьянящие струны восторга от окружающего мира. Его рассказы, повести, воспоминания, очерки, сохранившиеся картины парусников для 15-летних капитанов — искателей широт, покорителей-первопроходцев и флибустьеров. Одним словом, для тех, кто их достоин. Последний сборник его повестей «Под парусами» (Зелёная серия) вышел в 1999 году.

В год Великой победы в Москве выходит 16-я и последняя научно-техническая работа учёного и педагога — капитальный учебник «Матрос 1 и 2-го класса» (270 страниц) тиражом в 10 000 экземпляров.

24 мая 1946 года в газете «Вечерняя Москва» читатели могли ознакомиться с последним интервью, данным бывшим мореходом у себя на дому. С фотографии сидящего в кресле за рабочим столом в капитанском кителе бородатого «морского волка», просоленного и пропахшего океанскими ветрами и водами всех широт, в вас широко открытыми глазами всматривается само прошлое, словно оценивая, достойны ли вы его тайн. На вопрос журналиста о том, что давало ему силы жить, 78-летний моряк медленно ответил: «Солёный ветер океана» и неожиданно прочёл свои стихи:

В гавани, мирно в волнах отражаясь,
Фрегат полусгнивший стоит.
Всеми заброшенный, тихо качаясь,
Кажется, будто он спит…
Дремлет старик, и несутся виденья,
Вставши из мрака могил,
Грезятся старому бури сраженья,
Видит себя полным сил…
Много фрегату картин ещё снится,
Тяжко он бедный скрипит,

Словно не хочет никак примириться
С тем, что его век прожит…

Из письма Ольги Михайловны к Ксении Гольдберг от 7 июня 1946 года:

…Почти каждый час изо дня в день видишь, как уходит у Мити интерес, суживается круг волнующего и угасает разум. Вот уже месяц отставлено и чтение. И к столу ему уже ничего не надо, но, несмотря на смертельную тоску, болевые ощущения он упрямо твердит: «Хочу жить!»

Доктора… месяцев 8 тому предсказали, что его жизнь следует исчислять днями — и иное исключено! Ноги отекли, левая рука частично атрофирована, едва передвигается, плохо работает мочевой пузырь. Почти не ест — кофе с молоком, кусочек белого хлеба с маслом и паюсной икрой. И это всё. Борода совершенно изменила его лицо. Пропал интерес и к письмам, и даже к курению. Тяжела для него и московская жара с пылью нашего двора. Раз, два в неделю заходит сын Илюша…

От неё же 30 июня 1946 года:

…Рассудок нашего старика заметно слабеет и угасает. Сидя в кресле, он только иногда курит и смотрится в небольшое зеркало, холя и расчёсывая бороду, которую полюбил… При распахнутой балконной двери приходится часами обмахивать его большой картонкой.

Ни о ком и ни о чём сколько-нибудь близком Митя за последнее время не говорит, никого не хочет видеть, и доволен, что я его не оставляю. Радовался приходам Илюши и приезду внука Димы. Но судьбой нашей после него ничуть не беспокоится. Каждый час отнимал частицу его нравственных сил, его духа…

… В ночь смерти Митя, видимо, видел во сне какое-то кораблекрушение и, не различая сон и явь, просил спасти тонущих людей, помочь им. Я его уверила, что он сам уже всех спас, гибнувших больше нет. Это были его последние обращённые ко мне слова.

Утром часов в 8, уверившись, что он без сознания, я сбегала в поликлинику водников за доктором и сестрой. Пришедшего в 11 часов Илюшу он уже не видел, не реагировал и на приход врача.

Я подошла, положила руку на лоб и стала гладить и целовать бедную головушку. И в этот момент дыхание его вырвалось последний раз и больше уже не повторилось… Это произошло 18

июня. Волик приезжал на неделю, но к похоронам опоздал, три дня был и сын Серёжа. О себе говорить не хочется, но потеряла я не мужа, не друга, а больного ребёнка, для которого была любимой няней.[874]

21 июня некрологом в газете 30 коллег капитана отдали дань памяти своему учителю, наставнику и другу.

Урну с прахом Д. А. Лухманова, последнего из четырёх детей Надежды Александровны, установили в колумбарии Новодевичьего кладбища (секция 65–5–2). По распоряжению Совмина СССР от 7 сентября 1946 года Приказом министра Морского флота от 14 сентября вдове была назначена персональная пенсия за мужа в размере 500 рублей и выплачено единовременное пособие в 10 000.

По иронии судьбы Волик повторил участь родного отца и до конца жизни сохранил за собой фамилию первого мужа своей матери — Михаила Ошанина, так же как Дмитрий Афанасьевич — опозоренного Надеждой Александровной Афанасия Лухманова!

Прошло 50 лет! 6 декабря 1996 года умер, исключен из архивных книг Российского морского регистра судоходства, продан на лом иностранной компании и сухогруз-труженик «Капитан Лухманов»[875], 26 лет бороздивший моря и океаны планеты. Но хочется верить, что когда-нибудь на их просторах вновь, как летучий голландец, будет появляться и исчезать, резать морскую волну и прекрасный парусник «Капитан Лухманов» — наследник традиций «Товарища»[876]. Ведь прошлое это не всегда то, что было, а то, что и сейчас в душе каждого из нас.

В эвакуации

Между тем Саше Баранову, единственному сыну Зои Васильевны Массен, исполнилось 19 лет. Болезненный с рождения, он смог закончить в 1938 году лишь 5 классов школы и с 15 лет начал рабочую жизнь, опекаемый и любимый вторым мужем матери И. И. Соколовым. Скоропостижная смерть отчима в феврале 1940 года оставила сына и мать в комнате ленинградской коммуналки (В. О., Средний проспект, 32).

С началом Отечественной войны Александр трудился в качестве связиста на оборонных работах в области и пережил первую страшную блокадную зиму. Из сохранившихся дневников и писем А. Баранова:[877]

…5 октября 1942 года в 7 часов 15 минут я распрощался с матерью на Московском вокзале. Крепко расцеловал её, а она невесть откуда сунула мне плитку шоколада, и мы расстались. Не знаю, что думала она, но я не надеялся её больше увидеть. Вагон был битком набит эвакуировавшимися людьми.

Доехали до Ладоги, где нас покормили сухим пайком. Был сильный ветер, волны в мелкие брызги разбивались о пристань. Началась посадка на пароход. Утром оказались на другой стороне озера. Километров 15 нас везли машинами до разъезда, где распределили на ночь в поезде и кормили горячей пищей. Но люди всё равно ходили собирать капустные кочерыжки. Привезли наши узлы и чемоданы. Утром при посадке я попал в 35-й вагон, кое-как разместились и поехали.

В дороге питались нормально. Люди постепенно сходили на станциях, и стало свободнее. 23 октября прибыли в Новосибирск. Всем хотелось на юг. Рядом формировался эшелон в Алма-Ата, и мы в него попали. Через два дня — конечный пункт. Больше всего среди нас оказалось евреев.

Город весь в зелени у подножия гор. Одноэтажные домики с садиками, прямые улицы. На базаре было всё — любые фрукты, мёд, вино и т. д. Вернулся к вагонам с покупками: рис, молоко, сахар и другое. Ленинградцев осталось пятеро. Прожили 7 дней. В эвакопункте принять нас отказались и направили в Семипалатинск (Казахстан). Добрались до места назначения 7 ноября. Здесь я прожил остатки своих вещей и остался при самом необходимом. А уже подмораживало. Получили направление в Копектинский район. Ехать следовало до станции Жангис-Тоби, а потом на подводах ещё 180 километров до места. Тут я и призадумался, что делать, одет плохо и такая даль?

Добрались до станции и остановились в домике со стенами из глины и бараньего помёта. Нас оказалось довольно много. Через 3 дня прибыли подводы, привезли бараньи тулупы и хлеб. И мы поехали. Ночевали на заезжих дворах. Первая ночь прошла в селении Георгиевка, где я пёк лепёшки прямо на плите. Так как вещей и денег у меня не было, я помогал другим и менял то, что у них оставалось на молоко, масло, яйца и т. д. Кроме хлеба по 600 грамм в день нам пока ничего не давали.

Дня через два бригадир выдал мне пимы, шапку, рукавицы. Набралась бригада в 17 человек. Несмотря на зиму, хлеб в поле не был ещё обмолочен. Выехали на подводах на стан (дом, столовая). Молотили комбайном днём и ночью. Жгли солому для света и тепла. Кормили затирухой из муки, хлебом и варёным мясом.

Обмолот закончили в конце декабря, и остаток зимы я просидел в доме. Иногда ездили за сеном и кураем (колючая трава, которой здесь топят печи). Председатель колхоза выписывал то муки, то мяса. Но мне надоело, и до марта 1943 года я работал в МТС. Затем райисполком направил меня в колхоз «Красный Орёл». Жил на стане в 1 ½ километрах от села с двумя инвалидами войны и полуцыганкой (поварихой).

Так и встретил сев. Понаехали в помощь девушки из города. Стало весело, много новостей. Веяли зерно, а я подправлял механизмы. Шум, крик, смех. Горы зерна. Через 2 недели всё завершили и меня отправили в поле подвозить горючее для тракторов из соседнего села. В моём распоряжении оказались два здоровых вола, которые были так похожи, что первое время я их путал…

Далее судьба забросила Сашу снова в Новосибирск. Из писем матери в Ленинград:

16 июня 1943 года.

Добрый день, мамуся. Обо мне поменьше думай, мало чем сможешь помочь. Вряд ли мы с тобой увидимся скоро. Эта чёртова война совсем меня загоняла. Уехал из колхоза по твоему совету.

В эвакопункте достал направление на завод № 386, километров за 15 от города (ст. Заводская, почтовый ящик 102, барак № 4).

Всё дорого.

Как живёшь ты? Может ещё хуже меня? Пиши.

14 января 1944 года.

Здравствуй, мамуся. Вытаскивай меня отсюда скорее, а то

будет поздно. Расстанемся тогда навсегда. Если бы ты знала, как я здесь скверно живу. Бельё пять месяцев не менялось. Помыться негде, и мыла нет. Голод самый настоящий. Хлеба рабочему дают 400 грамм и то не всегда. По 3–4 дня ждут люди хотя бы зерна. Приведи в порядок моё бельё и сохрани комнату. Целую, Саша.

21 января 1944 года.

Здравствуй, милая мамуся. Большое спасибо за деньги. Очень долго я их ждал. С радости купил пуд муки на все твои 500 рублей, этого мне хватит на целый месяц. Нужны сапоги (самые дешёвые кожаные стоят здесь 2500 рублей) и штаны (не дешевле 1000). Поздравляю Вас с победой под Ленинградом. Скоро Гитлеру капут. Живу, как все тут. Штаны, рубашка и бельё расползаются, не знаю, за что браться. Конечно, была бы ты, то где починила, где залатала, всё легче. Пришли мне вызов и денег на дорожку. Получила ли ты мои фотокарточки? Целую крепко. Саша.

29 мая 1945 года.

…Прости за недавние письма. У меня было очень плохое положение. Сейчас я мобилизован, буду работать в воинской части и поеду на Дальний Восток. Жди письма с места. Жить стало чуть дешевле. Правда, одёжи нет, но обещали кое-что дать по приезде. Я решил встать на ноги сам, чтобы никого не мучить.

Не обижайся, что еду так далеко. Но другого выхода у меня не было.

Где думаешь жить дальше — в Ленинграде или Пскове? Списалась ли ты с Дядей Митей? Он жив и работает в наркомате Морфлота. Узнал случайно. Не скучай. Крепко целую. Саша.

24 июля 1945 года.

…Живу хорошо, только совсем раздет и денег дают мало (на них ничего не купишь). Домой попаду, верно, осенью. Что нового дома? Пиши: Читинская область, ст. Сковородино, военно-полевая почта. Саша.

15 августа 1945 года.

…Работаю на продпункте электромонтёром. Очень скучная здесь жизнь. Раньше осени не жди, а то и позже. Крепко целую. Саша.

К концу года Александр Баранов вернулся в Ленинград к матери и работал слесарем, механиком в городских организациях. Казалось бы, после перенесённых тягот жизнь налаживалась. По сохранившейся расчётной книжке его

среднемесячный заработок с января по июль 1949 года составлял 1367 рублей, что по тем меркам считалось приличным доходом. Но на Руси от сумы и от тюрьмы…

Как следует из приговора Народного суда 2-го участка Василеостровского района от 22 августа 1949 года, 26-летний А. Баранов осуждён на год заключения за то, что в час ночи, находясь в нетрезвом состоянии и нецензурно выражаясь, ударил на улице два раза по лицу некоего гражданина Карпова. Отбыв наказание в лагпункте № 26 Ленинградской области, Саша устроился на работу в городке Боровичи. Но подорванное войной и заключением здоровье резко ухудшилось, и, став инвалидом 1-й группы, он уже не выходил из больниц.

Мать как могла поддерживала, кормила, навещала и содержала сына, но он угасал. Скончался А. Т. Баранов 19 апреля 1954 года на 31-м году жизни от порока сердца (как указано в свидетельстве о смерти) и был похоронен на Серафимовском кладбище Ленинграда.

Моя и ничья другая

Семья Колмогоровых в Сочи начала распадаться ещё до муниципализации советской властью их земельных участков и строений в 1922 году и ареста Григория Александровича. Первым трагически нелепо ушёл из жизни старший сын Александр, вышла замуж за военного и уехала с мужем в Ростов дочь Юлия. Рано взрослея без отца, дети, как оперившиеся птенцы, постепенно выпархивали из гнезда и уходили в пугающую самостоятельностью и непредсказуемостью, но привлекающую новизной ощущений и романтической дымкой новую жизнь. Наконец Манефа Александровна осталась вдвоём с дочерью Надей (инвалидом детства). Вместе они перебрались в 1938 году на жительство в посёлок Лазаревское (в 45 километрах от Сочи), где Надя стала работать пионервожатой в местной школе, вести детские кружки в районном доме пионеров. Как активист идеологического фронта районного масштаба она была замечена местными комсомольскими и партийными органами и принята в партию большевиков. Вскоре ей доверили редакцию районного радиовещания.

Утром 6 марта 1953 года семилетний Саша (внук Манефы Александровны) возвращался домой вдоль железнодорожной насыпи по протоптанной в рыхлом и мокром снегу тропинке, неся в обыкновенной сетке жестяную банку с керосином. В то время большинство семей в посёлке, где он родился и жил с матерью, готовили пищу в основном на *керосинках,* далёких от совершенства, чадящих и воняющих устройствах. В некоторых домах имелись более современные, но громоздкие *керогазы* и лишь в совсем немногих семьях, как считал Саша у *богатых* жителей, — блестящие медные и слегка шумящие *примусы,* на которых пища готовилась значительно быстрее, чем на двух первых аппаратах.

Ещё в их семье за отсутствием электрического света имелась *коптилка* — примитивный комнатный светильник, представлявший собой обрезанную медную гильзу какого-то снаряда с торчащими через крышечку четырьмя тряпочными фитильками. Этот «прибор», со слов матери, ей подарили во время войны стоявшие на постое в их доме солдаты воинской части, направлявшейся из Грузии к Новороссийску.

Редкими свободными вечерами, сидя у *коптилки,* мать читала, а чаще рассказывала сыну когда-то слышанные ею и, как позже понял Саша, эмоционально-приукрашенные и оттого особенно захватывающие и запоминающиеся исторические

повествования. Увлечённому мальчику их «лампадка» с потрескивающими в пламени фитильками казалась самим совершенством. Настольная керосиновая лампа со стеклянным плафоном-колбой, сияющая, как само солнце, появилась в их семье только через два года, когда мальчик учился уже во втором классе поселковой школы и всё чаще и чаще готовил уроки вечерами. Но потемневший от времени добрый светильничек ещё долгие годы стоял на верхней открытой полке их фанерного посудного шкафа.

Вот для этих-то двух жизненно-необходимых их семье бытовых устройств и нужен был керосин, покупка и доставка которого, наряду с другими обязанностями, была возложена на сына много работавшей и поздно приходившей домой матерью. Керосиновая лавка с продавцом-инвалидом на деревянной ноге находилась в центре посёлка у откоса насыпи полотна железной дороги. Дождавшись очереди и получив свои литры отливающей синевой горючей жидкости, мальчик поднял тяжёлую ношу.

Весна, ожидаемая каждый год матерью с ежедневными тоскливыми причитаниями, в этом году сильно запаздывала, как бы собираясь преподнести всему живому и сущему небывалый сюрприз. Накануне ночью выпал обильный, липкий и плотный, какой бывает только на Черноморском побережье Кавказа, снег. Из-за отсутствия мороза он сразу же начал таять, но лежал сплошным ватным покрывалом на всём — густых ежевичных кустах, облепляющих железнодорожную насыпь, деревьях, увитых виноградной лозой, крышах домов, на траве, на согнутых в поклоне и ломающихся под его тяжестью ветках вечнозелёных магнолий и лавра. Даже верхушки всегда восхищавших Сашу устремлённых ввысь и стройных, как кавказские юноши, кипарисов сейчас сгорбились, застыв в молчании, как седые старцы.

Мальчик, не встречая прохожих, почти подошёл к заснеженному саду, который примыкал к его дому со стороны железной дороги, и вдруг вздрогнул от резкого, сильного и надрывно-тревожного гудка паровоза остановившегося грузового состава. Его подхватили два других (на станции) и судостроительная верфь, извещавшая население посёлка о начале и окончании рабочего дня. Саша слушал оглушающую канонаду, не зная ещё, что всю свою жизнь будет вспоминать это событие, и не предполагая тогда, что эти рвущие детские нервы и душу звуки обозначили рубеж двух эпох в жизни его страны. И он окажется сознательным и даже активным участником этой второй — послегудковой — эпохи, агонию и крах которой увидит своими собственными глазами. Блажен, кто посетил сей мир…

Взойдя на крыльцо одноэтажного деревянного домика, крытого каштановой дранкой, где они с матерью занимали комнатку, Саша поставил банку в коридорчике перед дверью. Комната оказалась запертой, что удивило, так как мать оставалась дома, хлопоча у печи. Открыв припрятанным ключом навесной замочек, мальчик вошёл в тёплое помещение и занялся своими детскими делами, давно привыкнув к самостоятельности.

Мать вернулась не скоро, возбуждённо-перепуганная, суетливая, и буквально с порога поведала сыну о причине гудков, переполошивших население посёлка. С ужасом в глазах она поведала, что 5 марта в Москве умер Великий Вождь и Мудрый Учитель товарищ Сталин и теперь всех людей ждёт страшное несчастье. Не находя себе места, мать торопливо накормила Сашу и опять ушла из дому по своим срочным партийным делам.

Несмотря на малый возраст, мальчик уже знал, и не только от матери, кем был ученик дедушки Ленина. Много раз, проходя по главной улице посёлка, он останавливался у огромного по меркам ребёнка (в полный рост, в распахнутой шинели) его каменного изваяния в окружении кустов лавра у входа в здание райкома партии. Такой привычный для жителей памятник Полубогу будет снесён и исчезнет без следа за одну ноябрьскую ночь 1961 года, сразу по завершении в Москве очередного XXII съезда Коммунистической партии, ещё раз подтвердившего истину — *недолог век идолов и живых кумиров*…

Только много лет спустя Александр Григорьевич, опираясь на свой собственный жизненный опыт, уяснит всю авантюрность, лживость и жестокость коммунистического режима, пролившего реки крови несчастного народа в шести войнах советского периода истории и в конечном итоге приведшего к распаду Великой России в 1991 году (с потерей почти 40 % её территории). И он придёт к выводу, что ключевую роль в этом процессе крушения государства, растянувшемся на 73 года, сыграл умерший 5 марта 1953 года товарищ Сталин, пытавшийся строить воображаемый им казарменный социализм своими бесчеловечными методами. А жестокая власть всегда влечёт за собой власть слабую…

Насколько помнил себя Саша, он никогда не расспрашивал мать о своём отце, детским сердечком чувствуя, что настоящего папы у него никогда и не было. И что мать, осознавая свою вину перед ним за это, намеренно избегала данной темы разговора. Эта затаённая детская стыдливость ребёнка со временем переросла в безразличие и даже брезгливость взрослеющего юноши к человеку, бросившему собственного сына и никогда не вспомнившему о нём. Ведь когда слишком долго ждёшь, что-то

перегорает в тебе, и ты перестаёшь желать так ожидаемое когда-то.

В 16 лет при оформлении паспорта Саша впервые увидел свою метрику (свидетельство о рождении), где в графе отец значились фамилия, имя и отчество уже совершенно чужого для него человека. Даже много лет спустя, скрупулёзно разыскивая в различных архивах, библиотеках многочисленных (по линии матери) родственников своего, как оказалось очень разветвлённого, родословного древа, Александр Григорьевич никогда не попытается навести справки о своём физическом отце и возможных сводных братьях и сёстрах. Вероятно, в глубинах души любого человека сохраняются такие закоулки, где всегда клубится кромешная тьма…

В школе до седьмого класса Саша учился откровенно плохо. Не то чтобы он ленился или учёба не давалась ему. Нет! Просто с мальчиком надо было заниматься. Помогать, может быть контролировать, поощрять, развивать тщеславие, как-то подогревать интерес к учёбе. А возможно, это происходило и от того, что подросток чувствовал себя не нужным единственному близкому человеку — родной матери. Бытует выражение — *женщина принадлежит себе, пока у неё нет детей.* По всей видимости, мать Саши не ощущала в себе этого чувства. Казалось бы, обретя ребёнка в зрелом возрасте, она будет поглощена, пусть не без остатка, этой единственной её надеждой и опорой во всей дальнейшей жизни. Но в отношениях матери с сыном всё было иначе.

Иногда мальчику казалось — мама переносила на него свои обиды и даже ненависть к его отцу, виновнику её несостоявшегося женского счастья. А сын напоминал лицом, взглядом или характером проклинаемого ею мужчину. Возможно, причина была и совсем иного свойства. 23-х лет в годы всепожирающего сталинского террора мать Саши связала свою жизнь с партией большевиков. Каким-то образом, как позже узнал уже взрослый сын, она утаила от партийных органов арест и осуждение советской властью в 1923 году её родного отца — потомственного почётного гражданина Г. А. Колмогорова. А скрыв это и панически боясь разоблачения и неминуемой, как ей казалось, кары (за сокрытие происхождения полагалась совсем нешуточная 169 статья уголовного кодекса), из кожи лезла, доказывая своей активностью лояльность и преданность партии и власти.

Её работа в редакции районной газеты «Знамя социализма» была достаточно напряжённой и оперативно-нервной. Но как партийная активистка, даже будучи инвалидом детства, она

взваливала и тащила на себе массу обязанностей и общественных поручений, превышавших её женские физические и душевные силы. Сын редко видел мать дома. Ей просто было не до него. Бесконечные командировки по району, партийные, профсоюзные и иные конференции, собрания, митинги, активы, заседания партбюро, партучёба, занятия в литгруппе и художественной самодеятельности, участие в избирательных компаниях, подписках на государственный заем, выпуск стен-газет, в условиях неустроенности быта и личной жизни матери-одиночки, сделали своё дело. Общественное, как наркотик, всё больше и больше подчиняло её себе и, наконец, стало выше её семейного очага, судьбы сына и своей собственной. Показушная коммунистическая демагогия и психоз партийно-общественной активности постепенно разрушили её как личность.

Мама Саши становилась всё более и более раздражительной, не терпящей возражений и часто впадающей в гнев. Она разучилась выслушивать и уважать чужие мнения и доводы, не совпадающие с официальными установками, а значит и её собственными. В разговорах с людьми становилась жёсткой, нетерпимой и даже жестокой до грубости, хотя при огромном самомнении, тщеславии и полном отсутствии настоящего системного образования её суждения и выводы были поверхностны, догматичны и, как следствие, ошибочны. Доводы, советы даже уже взрослого сына и невестки, получивших высшее образование и работавших в Москве в головных отраслевых НИИ, ею никогда и ни во что не ставились.

На примере родной матери, ортодоксально-истовой коммунистки, умершей у него на руках с партийным билетом под подушкой, сын окончательно убедился, в кого может превратить партийная демагогия и дисциплина тоталитарного режима не только малограмотного, но даже и образованного человека, принявшего его правила игры.

И когда с матерью в 1988 году случилось несчастье и в районной больнице посёлка Лазаревское 72-летней старушке не спасли, а отняли руку по самое плечо, райком той самой партии, учитывая… 49-летнюю безупречную репутацию своего члена, выделил из партбюджета *«всё что смог»* — 50 рублей на поправку её здоровья!

Верила ли мать Саши в Бога? Скорее всего, нет. Сын никогда не видел, чтобы она хотя бы в главные церковные праздники доставала хранившуюся в доме бабушкину икону, ставила перед ней зажжённую свечу или изредка ходила в поселковую каменную церковь на «дубовой горке». Никогда в пасхальные праздники не бывала она и на кладбище у могилы своей матери. Да, наверное,

это было бы и просто невозможно для неё как активного проводника насаждаемой ею же самой в коллективах безбожной коммунистической идеологии. Но иногда, иногда… мальчик просыпался ночью от тоскливо-жалостливых или истово-вопрошающих взываний матери к неведомому существу. В полутьме комнаты сын видел, а скорее угадывал, сидящий на кровати с накинутым на плечи платком силуэт единственного и самого близкого ему человека, смотрящего куда-то вверх и выплёскивающего Господу свои остающиеся без ответа мольбы-просьбы страдающей женской души. У мальчика замирало и сжималось сердце. Стенания матери ошеломляли и ужасали его. Он начинал испуганно окликать её и плакать. Спохватившись, мать успокаивала сына, иногда звала к себе в постель, и он засыпал согретый её теплом. Но случаи эти продолжались…

Саша никогда и никому не рассказывал об этих ночных страданиях матери, всегда активной и уверенной в себе на людях. Но его детская психика, как губка, впитала мысль о существовании иного, параллельного, скрытого и оттого тайного мира Веры во Всемогущего и Всевидящего Богочеловека, который единственный на всём белом свете может принять и понять тебя, спасти и сохранить. Так вошла Вера и в Сашину детскую душу, хотя он и не добился от матери ни подтверждения, ни опровержения факта своего крещения в младенчестве.

Мать Саши пережила Великую Отечественную войну фактически в прифронтовой полосе. Линия боёв в 1942–43 годах на Кавказе проходила по Большому Кавказскому хребту всего в 70 километрах от посёлка, и немецкие самолёты часто бомбили единственную одноколейную железную дорогу, связывающую Туапсе с Закавказьем. Перепадало и жителям, так как уже в начале 1942 года в приморской части узкой долины реки Псезуапсе спешным порядком был построен полевой аэродром истребительной авиации с земляными валами-укрытиями для двух полков самолётов. Лётчики асы — Герой Советского Союза подполковник Д. Калараш, штурман 236 авиадивизии и командир 32-го авиаполка полковник Н. Павлов — сложили здесь в 1942 году свои головы, прикрывая с воздуха тылы группы войск. Две улицы посёлка и сейчас носят их имена.

Самолёты из-за близости нависающих над долиной гор могли взлетать и садиться лишь со стороны моря. По рассказам матери, этим пользовались мессера — прорывались с Кубани к аэродрому и блокировали взлёт, в то время как подоспевшие юнкерсы прицельно сбрасывали свой смертоносный груз. В скалистых склонах гор, обрывающихся к реке, военные прорыли сообщающиеся друг с другом пещеры-тоннели для хранения

боеприпасов, многие годы привлекавшие как местных, так и отдыхающих летом на побережье мальчишек своей сырой и мрачной таинственностью с сотнями живших в них летучих мышей.

Саша родился 7 ноября 1945 года, а в 1948 году умерла бабушка, которую он совсем не помнил. На одной из сохранившихся семейных фотографий он видел себя годовалым младенцем на руках плохо одетой, измождённой, но ласково смотревшей на него беззубой старушки. А Манефе Александровне шёл тогда всего лишь 61-й год! Сколько же пережила эта совсем не старая по сегодняшним меркам женщина — дочь мастера-кожевенника из далёкой Тюмени, выданная 16-ти лет замуж и родившая семерых детей? Саша поражался превратностям судьбы, видя её молодой женщиной в кружевах и шляпе с вуалью на ранних фотографиях, обнимающей или держащей на руках и тоже в кружевах, то одного, то другого своего ребёнка. Внук, уехав из посёлка в 1970 году, повинуясь какой-то неодолимой воле родовой памяти, будет почти каждый год навещать могилу бабушки Манефы под столетними дубами старой части поселкового кладбища и, подолгу сидя у креста, перебирать в памяти факты и события семейных хроник, единственным хранителем и исследователем которых оказался на склоне лет…

От матери Саше достались: рассыпавшаяся от ветхости донорская книжка времён Отечественной войны с отметками о сдаче… 13 600 грамм собственной крови для раненых защитников Черноморского побережья в сочинских госпиталях; бабушкина, хорошего сибирского письма икона «Господь Вседержитель» (с ковчегом); две медали, нагрудный знак «Почётный донор СССР»; наградные (от УВД Лазаревского района) часы «за работу с трудными подростками» при детской комнате милиции; ворох почётных грамот от партийных и общественных организаций городского и районного масштаба; семейный фотоальбом; серебряное колечко, простенькая брошь да стопка чистовых (переписанных перед смертью) рукописей неопубликованных стихов, рассказов и повестей — «Надкушенное яблоко», «Коварная месть», «Багряные клёны», «Ефросинино зелье» и др.

Парадокс, но мать Саши, окончив всего лишь два класса школы, много лет была неплохим внештатным корреспондентом двух местных газет — районной «Знамя социализма», а после её закрытия — сочинской городской «Черноморская здравница». Сын хорошо помнил десятки читанных им в разные годы в этих газетах её очерков, злободневных статей, заметок, стихов, басен и… даже текстов песен! Конечно, всё, что она излагала на бумаге,

требовало труда корректоров и редакторов. Возможно, они и роптали каждый раз, правя её орфографию, но в представленном материале всегда присутствовали фантазия, острота конфликта, интерес к теме, сюжету и ещё что-то, затрагивающее душу. Именно за это матери, видимо, и прощали отсутствие образования.

Только через 35 лет, разбирая и изучая долгими вечерами доставшийся ему от двоюродного брата (младшего сына Ю. Г. Колмогоровой) семейный архив, Александр Григорьевич понял, откуда это у матери…

Под небесной синевою,
У подножья ледников,
Спор затеяла с горою
Речка — детище снегов.
— Вся в садах моя долина,
Я игрива и светла.
Ты ж, бесплодная махина,
Подпираешь облака. —
— Ах, ты так! — И вдруг
вершина Стала молнии метать
И обрушилась лавина,
Чтобы реку задержать.
В страшном грохоте и рёве
Билась о гранит вода.
Отбурлила и затихла —
Чудо-озером легла!

Н. Колмогорова

Зуд к словесным изыскам, расходясь и затухая как круги на воде, передался не только сыновьям «неистовой Надежды», но и её внукам и правнукам. Кстати, из 9 внучек Надежды Александровны только мать Саши носила её имя и то вопреки мнению отца, имевшего на это свои причины. Писали стихи две Сашиных тёти — Юлия и Мария Колмогоровы, младший сын Юлии Григорьевны — Борис Вопияков и ныне здравствующий внук капитана — Дмитрий Лухманов.

В шестнадцать лет я гордо заявила,
Что замуж совершенно не стремлюсь,
Что мне и так живётся очень мило
И старой девой стать я не страшусь.
Прошла весна, потом прошла другая,

А я ходила, в небо нос задрав,
Слагала жизни гимн, о ней не зная,
Сонет любви, её не испытав.
И вдруг в глазах лучистых утонула.
Ни края в них, казалось, нет, ни дна.
Смутила, подняла и закружила
И трепета, и нежности волна…
Не ждали вы подобного финала?
И спросите: «А где же твой обет?»
Клянусь, я старой девой оставалась
До девятнадцати неполных лет.

Ю. Колмогорова

Я помню войну… Будто было вчера!
Заводы в пожарах… Зениток стрельба…
Осколки снарядов — насквозь, в потолок…
И в миске — баланда, на детский глоток.
Налёт за налётом! Вой жуткий сирен…
(Я очень боялся ходить возле стен…)
Нефть дымно горела, днём было темно,
А ночью вздымалось огня полотно!
Мне было четыре… как все — голодал,
Как все, по тревоге в укрытье бежал.
В окопе спасался весь мой детский сад.
Ребёнком я понял, война — это ад!!!

Б. Вопияков

Оставили свои воспоминания, дневники о детстве в Сочи и эвакуации уже цитируемые выше Фёдор Колмогоров, Ляля Массен и Саша Баранов. К 55 годам потянулись к литературным пробам душа и рука Александра Григорьевича, члена ЛитО «Клязьма»:

Поэт вам кажется нежней?
И вы на грани искушенья?
Гоните прочь свои сомненья,
Мол, жить пора уж без страстей.
Они по венам гонят кровь,
Переполняют нас волненьем
И оглушают наслажденьем,
Особенно, когда всё вновь.
И разве можно страсть понять,

Пытаться в чувствах разобраться,
Когда нет сил сопротивляться
И голосу рассудка внять?
Влюблённой быть желаю вам
И пусть ведёт вас Провиденье,
Когда есть выбор-предложенье:
С кем ехать в Ниццу вам, мадам!

* * *

Я помню запах ваших плеч
И тонкой талии изгибы,
И слёзы ваши, что могли бы
Мне обещать волшебность встреч!
Опомнясь, быстро вы ушли,
Почувствовав — я в вашей власти.
И уловил я трепет страсти,
Что вы с собою унесли.
Вы так по-девичьи хрупки,
Но сколько внутренней в вас силы…
Построен дом и дети милы,
И все невзгоды — пустяки.
Я встретил вас на склоне лет,
Но как прекрасно ожиданье
От предвкушенья обладанья,
Когда в душе звучит сонет!

Мальчик любил свой маленький, постепенно растущий после войны приморский посёлок, напоминающий осьминога, выползающего из глубин моря на его прибрежную равнинную часть и простирающего свои щупальца вереницей маленьких деревянных домиков по лощинам примыкающих к морю зелёных склонов гор.

В 1838 году здесь, на исконных шапсугских землях с сохранившимися до наших дней многочисленными древнейшими погребальными сооружениями — *дольменами,* на месте будущего посёлка в устье реки Псезуапсе, находились только малярийные болота. Но командующему Черноморской линией и одному из покорителей Кавказа адмиралу М. П. Лазареву место приглянулось. Военный десант — один из многих на побережье от Кубани до Грузии — был высажен. Построенное небольшое

укрепление получило имя флотоводца.

Форт остался известен тем, что здесь служил и окончил свои дни в августе 1839 года поэт-декабрист, друг Михаила Лермонтова, князь Александр Одоевский — автор строфы *«Из искры возгорится пламя!»,* взятой на вооружение революционными марксистами в качестве эпиграфа к своей первой нелегальной газете «Искра», которая вышла в Лейпциге 11 декабря 1900 года.

Крепостцу постигла печальная участь. Наряду с другими она была разрушена воинственными горцами, отстроена заново и вновь уничтожена уже самими русскими в 1854 году с началом Крымской войны. Могила поэта затерялась. Сейчас о бывшем укреплении напоминают лишь фрагмент сохранившейся каменной кладки крепостной стены, старинная корабельная пушка да памятник с бюстом князя-декабриста на месте предполагаемого солдатского кладбища под сенью столетнего раскидистого грецкого ореха, ежегодно осыпающего бывший форт картечью крупных плодов…

Сам посёлок был основан гораздо позже, в 1869 году, понтийскими греками-переселенцами. Дело в том, что по окончании 60-летней Кавказской войны и пленения в Чечне турецкого генералиссимуса имама Шамиля подавляющая часть уцелевшего и изгнанного с Родины горского населения переселилась в Турцию. Меньшую часть насильно выселили за реку Кубань. Завоёванные с такими жертвами, но опустевшие территории следовало кем-то заселять. По приглашению царского правительства сюда и потянулись переселенцы православного вероисповедания из султанской Турции — Ташакчиди, Мавроматис, Иваниди, Карапапас, Лазариди, Мустакиди, Андриади, Димитриади и др.

Саша ещё застал и даже жил с матерью в одном из этих необычных и прочных, сложенных из тщательно подогнанных речных каменных валунов 1–2-этажных домах первых греческих жителей. Дворы своих домов и подходы к ним они вымащивали окатанными морем камешками, плотно установленными *на ребро.* К 2011 году, к сожалению, сохранилось лишь единственное такое здание — в настоящее время Районный этнографический музей (улица Победы, 97).

В 1950-х годах в посёлке, утопающем в зарослях буйной южной растительности, было чем поживиться полуголодным растущим подросткам. Ежевика! За ней не надо было куда-то ходить или ездить. Она была всюду. Гроздья этой ягоды висели на непролазных кустах, охватывающих с обеих сторон высокую насыпь железнодорожного полотна, пересекающего посёлок.

Только ленивец не ходил сюда лакомиться крупными чёрными сладкими плодами, созревавшими в августе месяце. Наиболее предприимчивые мальчишки делали из жердей лёгкие переносные лесенки, бросали их на кусты и, лазая по ним, снимали самые крупные ягоды. До сих пор Александр Григорьевич помнит вкус пирогов с ежевикой, которые иногда пекла мать из принесённых им даров.

А дикая черешня, которой уже нет и в помине! В заброшенных, оставшихся от первых поселенцев садах её было достаточно. Вооружившись банками на верёвочках, мальчишки, как обезьяны, облепляли высокие деревья и несли по домам литры и килограммы чёрной мелкой, но такой сладкой ягоды. Варенье из этого лакомства водилось в каждой семье. А нежная белая, чёрная и розовая шелковица, которую можно было есть только на дереве. Созревая, падая и разбиваясь в кашу, она привлекала тысячи пчёл своей сахаристостью. Сколько укусов и слёз претерпели подростки, бегая босиком по дворам, усыпанным ею, и невольно наступая на роящихся сборщиков нектара.

В ноябре приходила очередь дикой хурмы. Хрупкость её веток, мгновенно и с треском ломающихся под весом даже лёгких мальчишеских тел, была просто необычайной. Много раз с риском сломать себе шею приходилось лететь с дерева, если желание дотянуться до наиболее густых плодовых веток перевешивало здравый смысл. Зато их можно было долго хранить дома, отчего подвяленные ягоды становились слаще и менее вяжущими. Специально ходили в лес и за диким виноградом, оплетающим высокие деревья. Урожай снимали вёдрами и тоже варили варенье, пастилу или давили из ягод вино. Алыча! Найдя в лесу это плодовое дерево, надо было лишь подбирать с земли жёлтые спелые плоды в корзины или вёдра. Собирали также кизил, кислицу, дикие груши, фундук, грецкий орех и каштаны. За последним ходили в горы в конце октября — начале ноября.

Договорившись со знакомыми взрослыми, чтобы взяли с собой, вставали в 4 утра и с собранным с вечера мешочком за плечами (рюкзаков тогда и в помине ни у кого не было) быстро шли в темноте за 8–10 километров в горы (на Черноморку, в Мамедову щель или в Алексеевку). Добравшись до места к рассвету, отыскивали по склонам и лощинкам дерево с крупными осыпающимися плодами и, привязав на талию лёгкую полотняную сумочку, начинали сбор. По мере её наполнения содержимое пересыпалось в мешок за плечами. Особенно везло после прошедших накануне коротких ночных дождей с ветром. Сборщики постепенно разбредались по лесу, изредка окликая друг друга. Устав, сходились поесть, хвалились собранным

урожаем и расходились вновь. Хождение вблизи не приветствовалось.

Став постарше, Саша и сам почувствовал, что аура леса, этих громадных, в несколько обхватов каштановых деревьев располагала к созерцанию красоты природы, гор, покою, размышлению и к… одиночеству. Отсюда не хотелось уходить. Лес компенсировал физическую и психическую усталость и полуголодное существование, наполнял какой-то языческой радостью, помогал очищению души. Отдыхая у дольменов, Саша ощутил, почему именно в этих местах — в тени вековых кряжей — и строились (или высекались в огромных каменных валунах) *«дома карликов»* — гробницы вождей древних адыгов.

Соприкасаясь с вечностью, молчи,
Но слушай, слушай, каждой клеткой — слушай!

В. Сидоров

Домой каштана и орехов несли сколько могли, рассчитывая только на свои физические силы. Из первого похода 8-летний Саша принёс, помнится, килограммов семь. Каштан ели свежий, в вяленом, жареном и варёном видах. Его сушили, перемалывали и добавляли в обычную муку при выпечке. При желании сдавали государству. За него платили по 30 копеек за килограмм, открывая в горах специальные приёмные пункты для населения. В сезон на заработки наезжали даже сборщики с Кубани, которых здесь называли *каштанниками.* Значительное место в досуге подростков посёлка того времени занимали вечерние игры в казаков-разбойников и воскресные выходы на рыбалку на реку или море…

Послесловие

«Ещё одна последняя страница…» Разве можно остановиться, войдя однажды *в сумрачный лес* прошлого? Те, о чьих судьбах я вам поведал, просто были мне ближе других. И пусть кусочки мозаики их жизней займут свои места в панораме прошлого всего человечества. И прочь анекдот о том, что если человек начинает учиться музыке в 60 лет, то есть надежда, что свой первый концерт он даст только на… том свете!

Дополнительные сведения об 11-ти внуках Н. А. Лухмановой, упомянутых в книге:

— Нина Дмитриевна Лухманова на 1946 год была замужем и проживала в Москве;

— Борис Дмитриевич Лухманов на 1930 год — лоцман Шанхайского порта;

— Ксения Дмитриевна Гольдберг (Лухманова) с 1945 года проживала с матерью Верой Николаевной Лухмановой (умерла в 1970 г.) и дочерьми Ксенией и Верой в Латвии (Лиепая). Умерла в 2002 году;

— Николай Дмитриевич Лухманов. Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР (№ 4-Н-0399/56 от 7.03.1956 г.) приговор в отношении него от 11.09.1938 года отменён и дело прекращено за отсутствием состава преступления;

— Зоя Васильевна Массен (по первому мужу Тихонова, по второму Соколова) с 1933 года проживала в Ленинграде, член ВКП(б), блокадница. С 1978 года на пенсии, умерла в 1985 году;

— Владимир Михайлович Ошанин с 1965 года проживал со второй женой Альминой Михайловной и матерью Ольгой Михайловной (умерла в 1967 г.) в Севастополе. Работал в Институте Океанологии, умер в 1988 году. От первого брака имел двух сыновей, от второго — сына Владимира (проживает в С.-Петербурге);

— Юлия Григорьевна Вопиякова (Колмогорова). Её муж А. А. Вопияков репрессирован в марте 1940 года (умер в следственном изоляторе в феврале 1941 г.), реабилитирован в 1957 году. Имела двоих сыновей — Владимира и Бориса.

Проживала в Грозном, работала в редакции газеты. Умерла в 1975 году на руках у сына Бориса;

— Фёдор Григорьевич Колмогоров, участник ВОВ, был ранен. В 1947–49 годах начальник Ставропольского краевого управления кинофикации. С 1949 года проживал в Тюмени, работал в управлении культуры. Награждён орденом «Знак Почёта». Был дважды женат, умер в 1975 году на руках жены — Боровиковой Т. А. (1925–1996). Имел приёмного сына Колмогорова Василия Фёдоровича (родился в 1945 г., проживает в Урае);

— Мария Григорьевна Колмогорова (1907–69?), зоотехник. Работала с лошадьми. Умерла на Кубани. По завещанию за её гробом вели лошадь под седлом. Детей не имела;

— Екатерина Григорьевна Турутина (Колмогорова), окончила библиотечный техникум. Участник ВОВ, награждена орденом «Отечественной войны» 2-ой степени и медалями. Проживала в Москве, где и умерла на руках у единственной дочери Светланы Алексеевны Турутиной в 1996 году;

— Надежда Григорьевна Колмогорова, последние годы трудовой деятельности — заведующая железнодорожным клубом. После оформления 1-й группы инвалидности проживала с сыном Александром Григорьевичем Колмогоровым в Люберцах (Московская область), где и умерла в 1991 году;

— Вера Григорьевна Караваева (Колмогорова), окончила в Ставрополе библиотечный техникум. После войны переехала с мужем в Запорожье. Умерла на руках у мужа в 1985 году. Детей не имела.

Известные на 2011 год правнуки Н. А. Лухмановой:

— Александр Тихонович Баранов (1923–54), умер в Ленинграде, детей не имел;

— Владимир Афанасьевич Вопияков (1924–93), инженер-нефтяник. Умер в Нефтекумске, Ставропольского края. Его дочери — Ольга Владимировна Вопиякова (родилась в 1947 г.), Галина Владимировна Вопиякова (родилась в 1953 г.), Светлана Владимировна Вопиякова (родилась в 1956 г.);

— Борис Афанасьевич Вопияков (родился в 1938 г.), инженер-нефтяник. Проживает в деревне Авдеево, Зарайского р-на Московской области. Его дочери: от первого брака — Юлия Борисовна Вопиякова (родилась в 1963 г.), от второго брака — Анна Борисовна Вопиякова (родилась в 1974 г.), Елена Борисовна Вопиякова (родилась в 1981 г.);

— Дмитрий Николаевич *Лухманов* (родился в 1930 г.), в 1943–54 годах окончил школу юнг в Батуми, 2 класса мореходного училища в Риге, офицерскую школу во Владимире, МГУ — в 1962 году, кандидат географических наук ИГ РАН. Проживает в Москве. От первого брака имеет дочь — Марину Дмитриевну Лухманову (родилась в 1958 г.);

— Ксения Григорьевна Ямщикова (Гольдберг, 1930–2008). Умерла в Лиепая (Латвия). Её дочери-близнецы Надежда и Вера Николаевна Ямщиковы (родились в 1959 г.);

— Вера Григорьевна Гольдберг (1939–2009), педагог. Умерла в Жигури (Латвия). Её сын Григорий Сергеевич Гольдберг (родился в 1973 г.);

— Светлана Алексеевна Турутина (по первому мужу Ковыршина), родилась в 1938 году. Окончила МГУ. Проживает в Москве. Имеет сына Дмитрия Александровича Турутина (родился в 1964 г.);

— Александр Григорьевич *Колмогоров* (родился в 1945 г.), инженер-строитель, проживает в Долгопрудном (Московская область). Детей не имеет;

— два сына Владимира Михайловича Ошанина от первого брака. Проживают в Москве;

— Алексей Владимирович Ошанин (родился в 1966 г.), проживает в С.-Петербурге.

Таким образом, на сегодняшний день только двое из 8 правнуков Надежды Александровны носят фамилии любивших её когда-то в Петербурге и Тюмени мужей! Среди праправнуков эти фамилии, увы, уже не встречаются…

Несколько слов о предыстории личного фонда Н. А. Лухмановой в ИРЛИ (Пушкинском Доме) С.-Петербурга.

Из письма уже знакомой нам О. Г. Базанкур к директору

Государственного литературного музея (ГЛМ) в Москве В. Д. Бонч-Бруевичу от 24 мая 1936 года:

…В настоящее время я заканчиваю разборку хранящегося у меня архива известной писательницы Н. А. Лухмановой, у которой я некоторое время состояла секретарём. В нём находятся черновики статей, пьес, рассказов, лекций, дневники, письма, фотографии, воспоминания, автографы и т. д. Мне было бы драгоценно знать, что следы её жизни и творчества сохранятся в подобающем учреждении, что было её всегдашним желанием.

Заинтересует ли Вас этот вопрос? Не откажите уведомить о своём решении. Ленинград, Фонтанка, 140, кв. 3.

Резолюция директора от 26 мая 1936 года на письме (для исполнения) была краткой:

Вероятно, следует всё купить. В. Б-Б.

Из ответного письма № 1520 на имя О. Г. Базанкур в Ленинград от 8 июня 1936 года:

…Архив Лухмановой представляет интерес для музея. Прошу обратиться к нашему консультанту М. М. Саранчину в Ленинграде (Кирочная, 8, кв. 10). В. Б.-Б.

Из письма О. Г. Базанкур в ГЛМ от 18 ноября 1938 года:

…6 июня М. М. Саранчин был у меня. Договорились, в каком виде предстоит сдать архив. Как научный сотрудник Государственной публичной библиотеки я готова снабдить его необходимыми библиографическими комментариями. Но 16 июня, по известным Вам причинам, я уже не застала Саранчина дома. Не откажите указать мне новое лицо, к которому мне теперь следует обратиться? Готовая к услугам О. Б.

Из ответного письма № 3268 от 20 ноября 1938 года на имя О. Г. Базанкур в Ленинград:

…Прошу Вас переслать архив Лухмановой на просмотр и оценку в музей. Это даст более скорые и точные результаты. В. Б.-Б.

Из письма О. Г. Базанкур в ГЛМ (Моховая, 6) от 1 декабря 1938 года:

…Благодарю за ответ. Если хватит времени, физических сил и денег — постараюсь воспользоваться Вашими указаниями возможно скорее. Готовая к услугам, О. Базанкур[878].

Вот почему после 30-месячных безрезультатных переговоров с Москвой личные фонды Н. А. Лухмановой и самой О. Г. Базанкур оказались в ИРЛИ в С.-Петербурге.

Использованные материалы (дополнительный список к упомянутым в примечаниях):

Архивы

1. ГАТО, ф. И-57, оп. 1, д. 134, л. 1–7. Формулярный список о службе председателя попечительного совета Тюменской женской прогимназии и прочее…, потомственного почётного гражданина и 1-й гильдии купца Ф. С. Колмогорова от 31.12. 1887 г.

2. ГАТО, ф. И-2, оп. 1, д. 719 е, л. 191, 204–206. Тоже, от 23.04.1890 г.

3. ГАТО, ф. И-57, оп. 1, д. 128, л. 1–8. Формулярный список о службе председателя попечительного совета Тюменской женской прогимназии и прочее… коллежского секретаря Г. Ф. Колмогорова от 17.11.1894 г.

4. ГАТО, ф. И-2, оп. 1, д. 719 е, л. 207, 217–228. То же, от 28.03.1902 г.

5. ГАТО, ф. И-2, оп. 1, д. 719 е, л. 158–161. Формулярный список о службе Почётного блюстителя Тюменского Вознесенского приходского училища и прочее…, потомственного почётного гражданина Ф. Ф. Колмогорова от 20.01.1894 г.

6. ГАТО, ф. И-2, оп. 1, д. 719 е, л. 149–157об. Формулярный список о службе коллежского асессора института путей сообщения А. Ф. Колмогорова от 30.05.1895 г.

7. *В. А. Чупин.* Записки о семье Колмогоровых (рукопись, частное собрание). Тюмень, 2007 г.

Литература

Адамович Г. В. Полное собрание стихотворений. СПб., 2005.

Волков С. В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь: В 2 т. М., 2009.

Воронович Н. Меж двух огней (Записки зелёного) // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 53–183.

Врангель П. Н. Записки: В 2 ч. М., 1995.

Гордон К. А. Старый Сочи конца XIX — начала XX веков (воспоминания очевидца). Сочи, 2004.

Гумилёв Н. С. Избранное. М., 1990.

Зотин Ю. Юркин кондуит (Тюменские фамилии в письменных источниках). Кн. 1–4. Тюмень, 2009.

Иваненко А. С. Новые прогулки по Тюмени: Путеводитель. Тюмень, 2008.

Иванцова Г. Главный заводчик Тюмени, в газете «Тюменские известия» от 11 марта 2004.

Иордан А. Б. Честь родного погона. М., 2003.

История Сочи в открытках и воспоминаниях. Ч. I. Старый Сочи. Забытые страницы. Конец XIX — начало XX вв. Майкоп, 2007.

Кондратьев Н. Д. Маршал Блюхер. М., 1965.

Коростылёв О. Русская провинция. № 1(29). Тверь, 1995. С. 87–90.

Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998.

Кубочкин С. Н. Тычковка, Сараи, Потаскуй. Тюмень, 2002.

Кубочкин С. Н. Полезнейшее для города учреждение // Лукич (Тюмень). 2003. № 1(25). С. 59–73.

Лукницкая В. Николай Гумилёв: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.

Лурье В. М. и *др.* ГРУ: дела и люди. СПб., 2002.

Лухманов Д. Под парусами. М. 1999.

На память. Тюмень глазами художника, фотографа, путешественника XVIII–XX вв. / Сост. *Н. И. Сезёва.* М., 1996.

Петров Н. В. и *др.* Кто руководил НКВД, 1934–41: Справочник. М., 1999.

Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1–5. М., 1989–2007.

Светлой памяти Короля-Витязя Александра I Объединителя. Белград, 1934.

Сочи: страницы прошлого и настоящего. Сочи, 2003.

Тюменская старина: Т. 1. Тюмень, 2006.

Филь С. Г. В свете польского маяка. Тюмень, 2008. С. 123–124.

Шестая кадетская памятка юбилейная. Белая Церковь (Югославия). 1940.

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Пб., 2002.

Шубинский В. Николай Гумилёв: Жизнь поэта. СПб., 2004.

Шумигорский Е. С. Павловский институт (1798–1898). Краткий исторический очерк. СПб., 1898.

Принятые сокращения

АН — Академия наук

АТ — Акционерное товарищество

ВОВ — Великая Отечественная война

ВКВС — Военная Коллегия Верховного Суда

ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ВМедА — Военно-медицинская академия врио — Временно исполняющий обязанности

ВСЮР — Вооружённые Силы на Юге России

ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

ГАГС — Государственный архив города Сочи

ГАРФ — Государственный архив РФ. М.

ГАТО — Государственный архив Тюменской области

ГБ — Государственная безопасность

ГЛМ — Государственный Литературный музей. М.

ГВП — Главная военная прокуратура

ГПУ — Государственное политическое управление

ГРУ — Главное разведывательное управление

ГТМ — Государственный Центральный Театральный музей им. А. А. Бахрушина. М.

ГУВУЗ — Главное управление военно-учебных заведений

ДВК — Дальневосточный край

ИГ РАН — Институт Географии Российской Академии Наук

ИЗО — Школа изобразительного искусства

И.И.П.С. — Институт инженеров путей сообщения

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (СПб.)

КВЖД — Китайская Восточная железная дорога

КСХС — Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев

ЛитО — Литературное объединение

М.П.С. — Министерство путей сообщения

МУЖВЗ — Московское училище живописи, ваяния и зодчества

НИИ — Научно-исследовательский институт

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. М.

НКВД — Народный Комиссариат Внутренних Дел

НКИД — Народный Комиссариат Иностранных Дел

НКО — Народный Комиссариат Обороны

НЭП — Новая экономическая политика

ОГПУ — Объединённое Государственное Политическое управление

ОКДВА — Отдельная Краснознамённая Дальневосточная армия

ОО — Особый отдел

Рабис — работники искусств

РВА — Российский Военный Агент

1РВКККК — Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус

РГАДА — Российский Государственный архив древних актов. М.

1РКК — Первый Русский кадетский корпус

РКП (б) — Российская Коммунистическая партия (большевиков)

РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы. М.

РГВИА — Российский Государственный Военно-исторический архив М.

РГИА — Российский Государственный Исторический архив (СПб.)

Р.К.К.А. — Рабоче-Крестьянская Красная Армия

РО — Разведывательный отдел

РОВС — Русский общевоинский союз

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СИБВО — Сибирский Военный Округ

СНК — Совет Народных Комиссаров

СПбГМТиМИ — С.-Петербургский Государственный музей Театрального и Музыкального искусства

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ТД — Торговый Дом

ТМИИ — Тюменский музей изобразительных искусств

ТОКМ — Тюменский областной краеведческий музей им. И. Я. Словцова

УВД — Управление Внутренних Дел

УГБ — Управление Государственной Безопасности

УНКВД — Управление Народного Комиссариата Внутренних Дел

УПК — Уголовно-процессуальный кодекс

ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы

ЦК — Центральный Комитет

ЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией

Иллюстрации

Герб рода Байковых

А.Ф.Байков

Н.Д.Байкова

Павловский институт в С.-Петербурге

Коммерции советник Д.А.Лухманов. 1832 г.

Н.А.Байкова (Лухманова). 1863 г.

Н.А.Лухманова. Париж, 1865 г.

Герб рода Адамовичей

Первое свидание(рисунок)

В.М.Адамович. Москва, Сер. 1870-х г.

Мария Адамович (в центре). Тюмень, 1883 г.

Н.Лухманова с сыном Григорием. Тюмень, 1883 г.

Григорий Колмогоров. Тюмень, 1887 г.

Ф.С.Колмогоров. 1893 г.

Дом Колмогоровых в Тюмени

А.Ф.Колмогоров. 1905 г.

Родители М.А.Колмогоровой с внуками. 1893 г.

Подпоручик Б.В.Адамович. Варшава, 1890 г.

М.В.Адамович. СПб., конец 1890-х гг.

Капитан Д.А.Лухманов. Владивосток, 1898 г.

М.В.Адамович и В.Н.Массен. Одесса, 1902 г.

Г.А. и М.А.Колмогоровы. Сочи

М.А.Колмогорова с детьми. Сочи

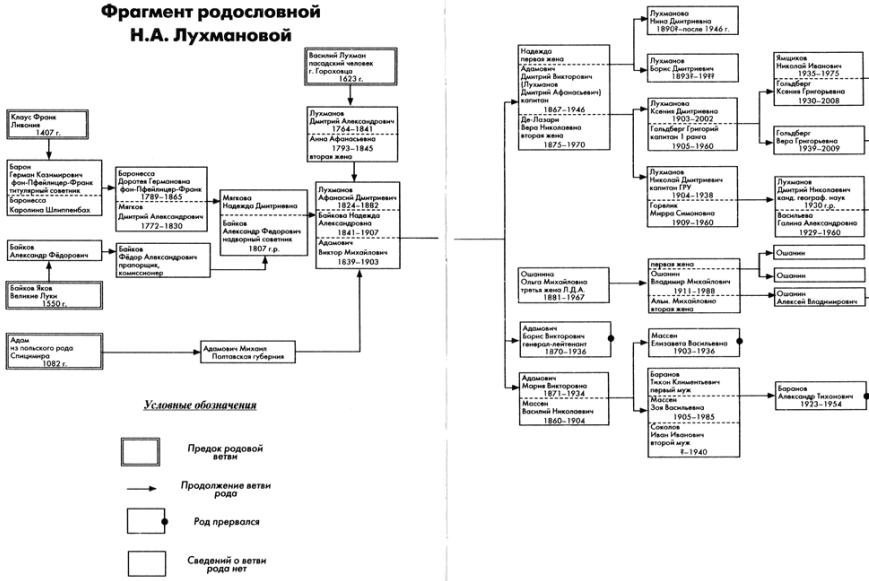
Георгий Адамович

Таня Адамович

Надежда Колмогорова. 1942 г.

Елизавета Массен. 1922 г.

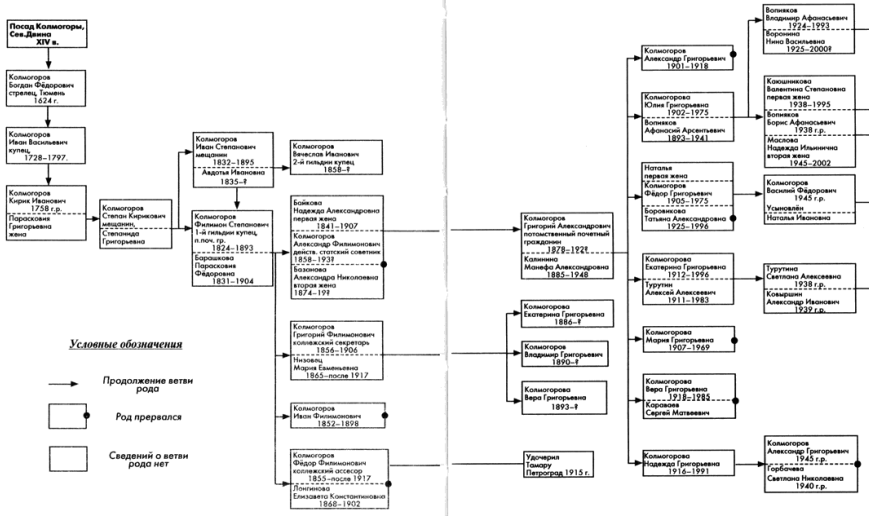
Фрагмент родословной Н.А. Лухмановой



Условные обозначения

- Предок родовой ветви
- Продолжение ветви рода
- Род прервался
- Сведений о ветви рода нет

Фрагмент родословной Ф.С. Колмогорова



Условные обозначения

- Продолжение ветви рода
- Род прервался
- Сведений о ветви рода нет

Автограф письма к Д.А. Линёву

Многоуважаемый
Дмитрий Александрович!

Я соскучилась по Вас, хотя не
имею на то никакого права,
очень бы желала, чтобъ Вы со-
скучились по мне, на что я
Вам даю полное право, а впрочем
понимайте мою болтовню, луч-
ше въ томъ простомъ смыслѣ,
что я, право, рада повидать
Васъ. Не заглянете ли ко мнѣ
на дачу въ четвергъ (я еще не
переѣхала) буду тамъ въ 7 час.
пойдемъ вмѣстѣ въ театръ,
идетъ хорошенькая вещь.
Жму Вашу руку.

Н. Лукманова

18 17/V 94 г.

notes

Примечания

1

Тюмень, с мансийского *(тю-мянь)* — «моё владение, мне доставшееся.»

Унбегаун Б.-О. Русские фамилии (с англ.), М., 1995 г.

3

Колмогоры — группа деревень и посадов древних новгородцев на западном берегу Двины и на островах, ниже устья р. Пинеги, в 112 верстах от Белого моря. Само слово — финно-угорского происхождения. Финский корень kolma — «*три, триада, троичность*» по числу трёх первых поселений. Отечественные записки, т. XXXVII, стр. 24–26, СПб., 1844 г.; Поморская энциклопедия, т. 1, стр. 431, Архангельск, 2001 г.

4

Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 37А, стр. 519, СПб., 1903 г.

5

Д. Я. Резун. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных, стр. 98. Новосибирск, 1993 г.

Том 51, 60, 62 и др., СПб., 1864–71 гг.

7

В. Шабалин. Тайны имён земли Кузнецкой, стр. 88, Кемерово, 1994 г.

8

Фонды Енисейского краеведческого музея. Перепись 1691 г.

9

Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1994–99 гг.

Е. Комлева. Енисейское купечество. М., 2006 г.

11

М. П. Головачёв. Тюмень в XVII столетии, стр. 24, 50 и др., М., 1903 г.

12

Колмоголов М. И. — купец (1794–99), словесный судья (1807), бургомистр (1812–15).

13

Кожевенная слобода возникла здесь на месте Татаро-Бухарской в середине 1760-х годов с разрешения Тобольского губернатора Д. И. Чичерина — «батюшки Дениса Ивановича» — после добровольного отъезда на правый берег Туры выше по её течению бухарцев, основавших там ряд родовых юрт. М. Рылов, «Кожевенные заводы Тюмени» в газете «Сибирь», № 23 от 6.06. 1876 г., Иркутск.

14

«Бунтить» — подготовить для продажи и скатать особым образом в тюк 10 готовых кож разной меры (от 8, 8 ¼, 8 ½… до 12 четвертей) с общим итогом ровно в 98 четвертей.

15

Общий Гербовник дворянских родов Росс, империи 1799–1840 гг., ч. II, № 124.

16

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. 1. 2-е изд. стр. 36, СПб., 1895 г.

17

РГАДА. Ф. Поместный приказ, Великолукский уезд, столбец 23 212, л. 52.

18

Земельная мера в половину десятины.

19

Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. Первые русские дипломаты в Китае, стр. 87–89, 91, 93–97, 100, 108–109, М., 1966 г.

20

Научно-исторический сборник, изданный горным институтом ко дню его столетнего юбилея 21 октября 1873 года, стр. 66–73, СПб., 1873 г.

21

РГВИА, ф. 396, оп. 3, д. 264, л. 61.

22

Е. И. Расторгуев. Посещение Сибири в 1837 году Е. И. Высочеством Государём Наследником Цесаревичем, СПб., 1841 г.

23

Сибирская Торговая Газета, № 220 от 1.10. 1904 г., Тюмень.

24

Почётный титул, установленный в 1800 году для купечества и приравненный к VIII классу статской службы.

25

Почётное гражданство для особого класса городских обывателей введено в России имп. Екатериной II ещё в 1785 г. Окончательно закреплено Манифестом имп. Николая I от 10.04.1832 г. с разделением на «*личное*» и «*потомственное*», утверждалось Правительствующим Сенатом.

Заболотских Б. В. Книжные раритеты. Собиратели и хранители, стр. 490–491, М., 1999 г.

П. В. Сытин. Из истории московских улиц, стр. 90, М., 2000 г.

28

Отечественные записки. 1820. № 2. Ч. 1, стр. 221–230. СПб.

29

«Купца вспомнили через два века» в газете «Московск. среда» за 30.06. 2004 г.

30

1.02. 1842 г. РГВИА. ф. 395. оп. 41, д. 243.

31

11.12.1848 г. Там же.

32

Ирбитская ярмарка известна с 1643 г. Первоначально как место беспошлинной торговли на пути между Соликамском — Верхотурьем — Туринском — Тобольском, откуда и родилась пословица: *«Съедутся в уголок, пошепчутся и разойдутся».*

33

Православная церковь, сохраняющая дониконовский (старообрядческий) богослужебный чин.

34

От 18.06. 1853 г.

35

Тобольск. губ. ведомости, № 44, 1-й отд., стр. 332 за 1864 г.

Там же, № 15, отд. 1, стр. 58 за 1857 г.

Там же, № 4, отд. 1, за 1859 и 1860 г.

38

Списки титулов, родам и лицам Российской империи, стр. 261, СПб., 1892 г.

39

АЛ. Половцев. Русский биограф. словарь, т. XV, стр. 348–349, СПб., 1910 г.; Немцы России. Энциклопедия, т. 3, стр. 185–186, М., 2006 г.

Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, стр. 196–297, 382, Д., 1925 г.; То же. Документы, т. XIX, стр. 99–109, М., 2001 г.

Петербургский некрополь, т. 3, СПб., 1912 г.

42

Н. А. Лухманова. Двадцать лет назад, стр. 22–31, 36–37, М., 1903 г.

43

РГВИА, ф. 725, оп. 56, д. 164, л. 569–570.

44

Список гражданским чинам первых трёх классов по 1.03. 1878 г., стр. 409, СПб., 1878 г.; То же по 1.10. 1883 г., стр. 247, СПб., 1883 г.

45

В. А. Байкова родилась в 1837 г.

46

А. А. Байков родился 16.11. 1838 г.

47

Близнецы Ф. А. и И. А. Байковы родились 4.03. 1840 г.

48

РГВИА, ф. 725, оп. 56, д. 165, л. 556–561; д. 169, л. 444–449; д. 171, л. 275об.-267.

49

Исторический Очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Имп. Военно-Сиротского дома 1798–1898 гг., стр. 517, СПб., 1898 г.

50

Нарвской части, 1-й квартал, у Обухова моста.

51

Фёдор и Ипполит Байковы поступили в корпус в 1853 г.

52

Н. А. Лухманова. Двадцать лет назад, часть 1, стр. 73–74, М., 1903 г.

53

Н. А. Лухманова. Двадцать лет назад, часть 1, стр. 35, М., 1903 г.

54

А. С. Норов (1795–1869), государственный деятель, писатель, востоковед, библиофил. В 1850 г. — товарищ министра, в 1854–58 гг. — министр Народного Просвещения.

55

В. Н. Полевой — один из сыновей известного писателя, критика, журналиста и историка Н. А. Полевого.

56

Описание 1-й публичной выставки российских мануфактурных изделий бывшей в СПб., 1829 г., разд. VII. Особой награды — медали на Аннинской (ордена Св. Анны) ленте — был удостоен кожевенный фабрикант из Петербурга Г. Гинтер, стр. 317, № 7, СПб., 1829 г.

57

Императорское вольное экономическое общество. Каталог выставки произведений сельского хозяйства и промышленности 1860 г. в СПб. (Отд. V, разд. 1, «Кожи и шкуры», стр. 14; разд. 8, «Продукты животные», стр. 127). СПб., 1861 г.

58

На заводе И. А. Решетникова 15-летним подручным приказчика (за 50 рублей в год на хозяйском обеспечении) начинал трудовую жизнь московский 1-й гильдии купец и известный тюменский меценат-благотворитель Н. М. Чукмалдин (1836–1901).

59

Н. Чукмалдин. «Из Тюмени», Тобольск, губ. ведомости, № 20, отд. 2-й, стр. 163–164, Тоб.,1860 г.

Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, получивших награды на Мануфактурной выставке 1861 г. в СПб., р. IV, стр. 105, СПб., 1862 г.

61

Описание бывшей в Москве в 1864 г. Всероссийской выставки сельскохозяйственных произведений, стр. 124, 249–262, СПб., 1865 г.; Тобольск. губ. ведомости, № 22 от 29.05. 1865 г., отд. 1-й, стр. 131.

Указатель Московской выставки русских Мануфактурных произведений 1865 г., стр. 71, № 289, М., 1865 г.

63

Выставка Мануфактурных произведений в Москве в 1865 г., стр. 132, 162, 255, СПб., 1867 г.

В. М. Адамович (род. 6.08. 1839 г.). Имел старшего брата Д. М. Адамовича, на 1865 г. отставного поручика, заседателя Миргородского уездного суда, и младшего — М. М. Адамовича.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 1, стр. 92, М., 1991 г.

66

Общий гербовник дворянских родов Российской империи 1799–1840 гг., ч. VI, № 94.

10 десятин при селе Петровцы Миргородского уезда Полтавской губернии.

68

Младенцы Николай, Капитолина, Феофания Колмогоровы умерли (соответственно) 7 марта 1860, 25 февраля 1863 и 27 февраля 1864 г.

69

Основан в 1372 г. на левом берегу Суры, близ Н.-Новгорода.

70

На посаде, в конце Казацкой и Стрелецкой слобод, за острогом.

71

Н. А. Лухманова. «Двадцать лет назад», в журнале «Русское богатство», № 12, стр. 89, СПб., 1893 г.

А. Венгловский. Исторический очерк Павловского института, прил. 1, стр. 93–94, СПб., 1879 г.

73

Баярд Пьер-дю-Терайль (1476–1524) — франц. рыцарь без страха и упрёка.

74

Рыцарь, герой романа Сервантеса, носитель истины и справедливости.

ИРЛИ, ф. 571, оп. 1, д. 6.

76

В Боровическом уезде Новгородской губернии.

Отдельными изданиями: Петроград, 1916 г.; Берлин, 1939 г.; М., 1994 г.

ИРЛИ,ф. 571, оп. 1, д. 123.

Газета «Южный край», от 4.01. 1905 г.

Тверской части, 4-го квартала, под № 347.

81

От 14.07.1861 г. В. К. Лукомский. Списки лицам, пожалованным дипломами с гербами на дворянство, СПб., 1911 г.

82

Список майорам по старшинству по 4.10. 1863 г., СПб., 1863 г.

83

Н. Лухманова. «Институтка», в журнале «Возрождение», № 11, стр. 327, СПб., 1899 г.

84

Между 5.10.—2.12. 1863 г.

Об остальном умолчим *(англ.)*.

86

Деревянный дом с пристройками и местом в 1 квартале 2-й части в Крестовоздвиженском приходе Тюмени.

87

Н. Чукмалдин. Мои воспоминания, стр. 107, СПб., 1899 г.

Н. М. Чукмалдин. Записки о моей жизни, стр. 160, М., 1902 г.

89

ТОКМ. С. И. Карнацевич. Воспоминания. Рукопись, стр. 120. Отец С. И. Карнацевича (ссыльный поляк И. В. Карнацевич) работал фельдшером на заводе Колмогоровых.

90

Газета «Сибирь», № 38 от 23.08. 1897 г., стр. 3, Тюмень.

В настоящее время портрет находится в фондах ТМИИ.

92

О выдаче дозволительных свидетельств на поиски золота в округах областей: Семипалатинской и Сибирских Киргизов Западной Сибири — 2-й гильдии купцам И. В. Оконешникову (Тобольск, губ. ведомости, № 1 за 1857 г., отд. 2-й, стр. 2), И. А. Решетникову (№ 3, стр. 18); 1-й гильдии купцам И. Е. Решетникову (№ 19, стр. 124), А. Глазкову (№ 24, стр. 151), Шешукову (№ 13, стр. 144 за 1860 г.) и другим.

93

Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири, т. 2, кн. 2, стр. 35, Новосибирск, 1995 г.

В. И. Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах. Историческое исследование, том 1 и 2, приложения, СПб., 1898 г.

95

Тобольские губерн. ведомости, № 2 от 9.01. 1865 г., отд. 1-й, стр. 7.

96

Тобольские губерн. ведомости, № 36 за 1864 г., отд. 2-й, стр. 299–301.

Батальон квартировал в селе Медведь СПб. губернии.

Дмитрий Адамович крещён 26.10. 1867 г. в Пантелеимонской церкви СПб. и позже приписан в московское мещанское общество.

99

Н. Н. Обручев, в дальнейшем ген. — адъютант, генерал от инфантерии. В 1881–97 гг. начальник Главного штаба, член Госсовета. Умер 25.06.1904 г.

100

6 мая 1871 г.

101

Тобольск. губерн. ведомости, № 21 от 27.05. 1867 г., стр. 120–121.

102

Тобольск. губерн. ведомости, № 17 от 27.04. 1868 г., стр.83.

103

Тобольск. губерн. ведомости, № 1 от 7.01. 1867 г., стр. 3.

104

Тобольск, губерн. ведомости, № 30 за 1864 г., отд. 2-й, стр. 250; Сибирский вестник, № 1 от 3.09. 1864 г., Иркутск.

105

Тобольск, губерн. ведомости, № 32 за 1864 г., 1-й отд., стр. 227.

Там же, № 19 от 13.05. 1867 г., стр. 106–107.

107

Тобольск, губерн. ведомости, № 25 от 24.06. 1867 г., стр. 145.

Там же, № 20, отд. 2, стр. 260.

109

Тобольск. губерн. ведомости, № 30 от 29.07. 1867 г., стр. 171.

110

Один из первых авторов идеи постройки дороги, озвученной в телеграмме из Екатеринбурга от 23.03. 1866 г. на имя министра Внутренних Дел и обоснованной в брошюре «О Сибирской железной дороге и о развитии Уральского горного промысла».

111

Тобольские губерн. ведомости, № 47 от 25.11. 1867 г., стр. 277.

112

Восточное обозрение, № 18, стр. 10, СПб., 1886 г.

113

Тобольские губерн. ведомости, № 41 от 12.10. 1868 г.

114

Статья К. Высоцкого в Тобольских губернских ведомостях, № 49 от 7.12. 1868 г., стр. 275–276.

115

«О плавании по р. Туре пароходов и о направлении предполагаемой железной дороги», Тюмень, 1872 г.

116

Открыто 21.11. 1872 г.

117

Сибирская Торговая Газета, № 76 от 10.10. 1897 г.

118

Сын Борис родился 15.11. 1870 г., дочь Мария 1.10. 1871 г.

119

РГИА (СПб.), ф. 796, оп. 153, д. 545.

120

Из письма М. Н. Толстой к брату Льву Николаевичу от 16.03. 1876 г.

121

Раздел III «Произведения из материалов, требующие химической подготовки».

Семилужинский. «Письма о сибирской жизни. Из Тюмени», в журнале «Дело», СПб., 1869 г.

123

Указатель Всероссийской Мануфактурной выставки 1870 г. в СПб., стр. 216–240, 1870 г.

124

Там же, прил. 1, стр. 38, 43; Отчёт о Всероссийской Мануфактурной выставке 1870 г. в СПб., 1871 г.

125

Описание публичной выставки, бывшей в городе Тюмени в 1871 г., стр. 61, 79, Омск, 1872 г.

126

Ведомости кожевенного производства по губерниям, стр. 1–2 в книге М. Киттары. «Карта кожевенного пр-ва в России», СПб., 1875 г.

127

Там же, стр. 3–4.

Там же, стр. 73.

Словарь псевдонимов русских писателей, М., 1960 г.

130

Тобольск. губерн. ведомости, № 28 от 14.07., № 32 от 11.08., от 15.09.1873 г.

131

Указатель русского отдела Венской всемирной выставки 1873 г., СПб., 1873 г.

132

Князь В. А. Черкасский (1824–1878), известный государственный деятель, администратор. В 1877–78 гг. во время русско-турецкой войны возглавлял комиссию по созданию структур гражданской власти в Болгарии.

133

Вторая часть главного христианского богослужения (литургии), сопровождаемая колокольным звоном.

134

Из неопубликованной повести Д. Лухманова «Незаконнорожденный», стр. 4–5, М., 1944 г.

135

Пагубные последствия этой страсти, унаследованной от отца младшим сыном Георгием Адамовичем (1892–1972), аукнулись тому горьким безумием проигрыша… своей парижской квартиры! И. Одоевцева. На берегах Сены. М., 1989., стр. 129–131.

136

ЦИАМ, ф. 418, оп. 290, д. 197, л.2–3.

137

ЦИАМ, ф. 418, оп. 290, д. 168, л. 2 и 2 об.

138

Там же, д. 179, л. 3 и 3 об.

139

Газета «Сибирь», № 6 от 8.02. 1876 г., Иркутск.

140

В доме № 122 коллежского секретаря А. А. Шереметевского, Хамов-нической части, 2-го квартала.

141

Для мальчиков всех сословий, в отличие от 1-ой, 2-ой и 4-ой гимназий — для чад дворян, офицеров, чиновников и духовенства военного ведомства.

142

А. Брем — автор известных книг «Жизнь животных», «Жизнь птиц», «Лесные животные» и других.

143

Описка. Имеется в виду Колмогоров.

144

По всей видимости, автор альбома И. А. Калганов (1846–1882?), художник, с 1872 г. жил в Тюмени.

145

Вероятно, К. Н. Высоцкому (1836–1886), учителю рисования, владельцу фотографической, литографической мастерских и типографии (с 1869 г.).

146

И. В. Канонников (? — до 1897), купец 2-й гильдии, коллекционер минералов, участник встречи экспедиции в Тюмени.

147

По всей видимости, имеется в виду Ф. С. Колмогоров.

148

Г. В. Стеллер (1709–1746), путешественник и натуралист, адъюнкт Петербургской АН (1737). Участник плавания В. Беринга к берегам Америки. Умер в Тюмени.

149

П. С. Паллас (1741–1811) естествоиспытатель, географ, член Петербургской АН (1767). Автор книги «Путешествие по разным провинциям Российского государства», ч. 1–3, СПб., 1773–88 гг.

150

Путешествие в Западную Сибирь доктора О. Финша и А. Брэма, стр. 42–44, 560–562, М., 1882 г.

151

Статья проф. Б. Т. Вылежинского «Фабрично-заводская промышленность и торговля в России» в книге Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго, СПб., 1893 г.

152

Учреждение опеки над лицами городских сословий: купеческого, мещанских вдов и малолетних сирот, в т. ч. и личных дворян.

153

№ 8 от 23.02. 1879 г.

С. Кубочкин. «Первая тюменская газета», в журнале «Лукич», № 13, стр. 50, Тюмень, 2000 г.

155

Восточное обозрение, № 18, стр. 12, СПб., 1886 г.

156

А. В. Погожаев. Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России, стр. 346; алфавитный указатель владельцев, стр. 50, СПб., 1905 г.

157

Григорий Колмогоров стал студентом естественного отделения физико-математического факультета университета с августа 1877 года.

158

ЦИАМ, ф. 203, оп. 768, д. 42, л. 839 об.

159

Унтер-офицер артиллерии в царской армии.

160

ЦИАМ, ф. 418, оп. 289, д. 197, л. 13, 15, 18–19.

161

ЦИАМ, ф. 418, оп. 290, д. 168, л. 11,21,25–26.

162

ЦИАМ, ф. 418, оп. 291, д. 179, л. 20–21, 22 об., 24, 27.

163

Ф. С. Колмогоров впервые утверждён на эту должность в августе 1867 г., находясь на посту городского головы. Тобольские губерн. ведомости, № 32 от 5.08. 1867 г., стр. 175.

164

1 год и 4 месяца.

165

В доме № 42/14 на Подольской улице, Московской части.

РГВИА, ф. 297.

167

Церковь Св. Мирония построена по проекту архитектора К. А. Тона в 1849–55 гг. на средства из Кабинета имп. Николая I. Закрыта в марте 1930 и снесена к 1934 году.

168

Список окончивших курс в И.И.П.С. имп. А I 1810–1910 гг., СПб., 1910 г.

169

Приказ министра за № 66 от 13.07. 1882 г.

170

РГИА, ф. 229, оп. 18, д. 4080, л. 348–350.

171

Список инженеров путей сообщения на 1. 08. 1915 г., стр. 62, п. 1116, Петроград, 1915 г.

172

С августа 1882 г. военная гимназия переименована в кадетский корпус.

173

10.09.1882 г.

174

Из воспоминаний Н. А. Лухмановой в харьковской газете «Южный край» от 2.11.1903 г.

175

Восточное обозрение, № 18, стр. 11, СПб., 1866 г.

176

Тобольские губерн. ведомости, № 5 от 2.02. 1885 г.

177

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 422 (письма от 1.10. и 25.11. 1885 г.).

178

Вероятно, у дяди мужа — И. С. Колмогорова, экспонента Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г. в Москве, удостоенного Почётного отзыва за произведения из стекла (группа VII, класс 55). Отчёт о выставке, т. 3, стр. 196, № 40, СПб., 1883–84 гг.

179

«По пути», Петербургская газета от 1.05. 1904 г.

180

Сибирская газета, № 1 от 6.01. 1885 г., стр. 11, Томск.

181

Там же, № 7 от 17.02. 1885 г., стр. 167, Томск.

182

Тобольские губерн. ведомости, № 6 от 8.02. 1858 г., отдел 2, неофициальная часть.

183

Статья 170 Устава о промышленности Свода Законов Российск. Империи, т. XI.

184

Отчёт о Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве, т. 3, стр. 109, СПб., 1883 г.; Иллюстрированное описание В.Х-П.В. в Москве 1882 г., стр. 144, № 351, стр. 202, СПб.-М., 1882 г.

185

От 25.05. 1881 г.

186

От 9.09. 1883 г. за № 3662.

187

РГИА, ф. 1343, оп. 39, д. 2221, л. 49 и др.

188

Декрет ВЦИК и СНК от 11.11. 1917 г.

189

Первенец Александр умер в младенчестве (27.05. 1886 г.), прожив всего год. ГАТО, ф. И-254, оп. 1, д. 21, л. 381 об.

Годовой членский взнос составлял 5 рублей.

№ 47 от 24.11.1885 г., стр. 1271.

192

Приказ Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 16.01. 1886 г. за № 201 (со старшинством от 13.07. 1885 г.).

193

М. Ф. Гейслер (1861-после 1931). Выпускник Виленского реального училища. С 1881 г. студент института гражданских инженеров в СПб. Автор «Путеводителя по Петербургу», 1892 г., действительный статский советник (1909).

Русское богатство, № 1–3, 5 за 1895 г., СПб.

195

ГАТО, ф. И-254, оп.1, д. 21, л. 357 об.-358.

196

РГИА, ф. 1343, оп. 44, ч. 2, д. 1897.

197

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 431, л. 37–38об.

198

Там же, л. 2–3.

199

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 422.

РГВИА, ф. 297, оп.1, д. 95 (письмо от 23.01. 1886 г.).

201

Там же, письмо от 31.01. 1886 г.

202

Дочь купеческого сына из Одессы С. И. Вейнберга, родилась 11.04. 1867 г.

203

Д. Лухманов. Незаконнорожденный, стр. 9, М., 1944 г.

РГВИА, оп.1, д. 95.

Нечестная игра, надувательство (*англ.*).

206

Похоронен 6.06.1882 г. на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве, недалеко от могил матери А. А. Лухмановой (1793–1.12.1845) и брата С. Д. Лухманова (ум. 10.06. 1881).

207

В царской России совершеннолетие наступало в 21 год.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 432.

209

Прибрежное судоходство.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 449.

211

РГВИА, ф. 298, оп. 1, д. 85.

212

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 95.

213

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 432.

214

Д. Лухманов. Незаконнорожденный, стр. 17–18, М., 1944 г.

215

От 22.04. 1887 г. за № 4440.

216

РГИА, ф. 229, оп. 18, д. 4080, л. 93.

217

РГВИА, ф. 298, оп. 1, д. 85.

218

Записки уральского общества любителей естествознания, том X, выпуск 3. (Материалы о Сибирско-Уральской Н.-П. выставке 1887 г.), стр. 249, Екатеринбург, 1887 г.

219

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 95, л. 41–42об.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 422.

221

Там же, д. 422, л. 37–38.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 432.

223

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 422.

Там же, д. 433.

225

Там же, ф. 298, оп. 1, д. 85.

Там же, ф. 297, оп. 1, д. 423.

227

М. Рылов. «Кожевенные заводы Тюмени» в газете «Сибирь», № 23 от 6.06.1876 г., стр. 5–6, Иркутск.

228

Сибирская торговая газета, № 234 от 29.10. 1898 г.

229

От 25.07. 1888 г. за № 4354.

230

От 16.10. 1887 г. за № 30951/8848.

231

РГИА, ф. 229, оп. 18, д. 4080, л. 65 и 65 об.

232

С. Т. Морозов — выпускник Московского университета (1885 г.), потомственный почётный гражданин, мануфактур-советник и друг А. М. Горького.

233

Памятная книжка Тобольск, губернии на 1884 г., Тобольск, 1884 г.; Тобольск, губерн. ведомости, № 17 от 27.04. 1868 г., стр. 82.

234

По настоянию учителя, будущего религиозного мыслителя, литературного критика и публициста В. В. Розанова (1856–1919).

235

М. М. Пришвин. Собрание сочинений, т. 2, стр. 126, М., 1982 г.

236

ГАТО, ф. И-57, оп. 1, д. 66, л. 6 об.

237

ГАТО, ф. И-57, оп. 1, д. 70, л. 131.

238

Судебная газета, № 48 от 27.11. 1888 г., стр. 12, СПб.

239

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 31.

1-е Павловское и 2-е Константиновское училища находились в С.-Петербурге, 3-е Александровское — в Москве.

241

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 434, л. 6–8.

Приказы от 5.09. 1889, 7.11. 1889 и 14.05. 1890 г.

243

От 9.04. 1889 г.

244

От 2.07. 1889 г.

245

Сибирская торговая газета, № 217 от 6.10. 1900 г.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 428.

247

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 435, л. 5.

248

Невский проспект, 96.

249

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 435, л. 2–2об.

И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, М., 1960 г.

251

Судебная газета, № 32 от 12.08. 1890 г., стр. 9, СПб.

252

РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 2413, л. 19–22.

253

Судебная газета, № 28 от 14.07. 1891 г., стр. 7; № 52 от 29.12. 1891 г., стр. 9, СПб.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 438, л. 18, 21.

255

Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художеств, выставки 1896 г. в Н.-Новгороде, отдел IX «Производства фабрично-ремесленные», стр. 124, М., 1896 г.

256

Список наград, присуждённых на Казанской научно-промышленной выставке 1890 г., стр. 15, Казань, 1890 г.

257

Основан в 1883 г. как частный комитет под председательством И. И. Игнатова.

258

Календарь Тобольск, губернии на 1891 г., стр. 66; Сибирский Листок, № 16 от 24.02. 1891 г.; № 41 от 28.05. 1895 г., Тобольск.

259

Киприан — бывший архимандрит Хутынского монастыря на р. Волхов, уроженец Старой Руссы. Выдающийся иерарх, первый сочинитель записок о Сибири, митрополит Новгородский. Умер в 1635 г.

Тобольские Епархиальные Ведомости, № 13–14,1891 г.; Сибирский Листок, № 51–52 от 7 и 11.07. 1891 г., Тобольск.

261

Календарь Тобольской губернии на 1892 г.; Сибирский Листок, № 11 от 6.02. 1892 г., Тобольск.

Высшая степень медали «За усердие» — на Андреевской ленте (ордена Св. Андрея Первозванного) — украшалась бриллиантами и жаловалась за исключительные заслуги по личному указу Государя.

263

№ 82 за 1892 г.

264

20.08. 1893 г.

265

С 12.10. 1893 по 1.04. 1894 гг.

266

Царским повелением от 22.09.1894 г. награду разрешено принять в дар и носить.

267

Сын И. П. Колокольникова. Будущий известный меценат и общественный деятель (1867–1925), учредитель коммерческого училища (1910), Почётный гражданин Тюмени (1911). С 1919 г. в эмиграции, умер в Нью-Йорке.

268

РГИА, ф. 229, оп. 18, д. 4080, л. 96.

Со смертью в 1885 г. основателя журнал перешёл в руки администрации наследников в лице Э.Д. и А. П. Гоппе.

О. Базанкур. «Памяти Лухмановой» в газете «С.-Петербургские Ведомости», № 212 от 26.09. 1907 г.

271

Набережная р. Фонтанки (ныне дом 154). Основана в 1854 г. как первая в мире община «военных сестёр милосердия».

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 435.

Д. В. Григорович (1822–99), дворянин, прозаик, переводчик, критик-искусствовед. С 1888 г. член-корр. Петербургской АН, действительный статский советник (1889).

П. Н. Подлигайлов, СПб. издатель журнала «Правда» (1888–89), газеты «Правда» (1890–94).

Ф. В. Трозинер, СПб. издатель журналов «Пантеон Литературы» (1888–94), «Колосья» (1890–91).

РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 2413, л. 23–24 об.

277

Всемирная Иллюстрация, № 1248 от 19.12. 1892 г., стр. 490–494, СПб.

Отдельными изданиями: СПб., 1894 г.; М., 1903 г.; СПб., 1904 г.; СПб., 1896–1912 гг. (А. Ф. Девриен).

279

Б. Морская, дом 17.

Русское богатство, № 10–12, СПб., 1893 г.

281

Д. Н. Мамин-Сибиряк (настоящая фамилия Мамин, 1852–1912), писатель.

282

ИРЛИ, ф. 15 Базанкур, д. 68, л. 103–128.

283

Д. А. Линёв (1853–1920), псевдоним Далин и др. Прозаик, публицист, сын торговца Московской губернии Б. Арехта. В 12 лет принял православие, получив фамилию крёстного отца.

284

ГЛМ, ф. 15, оп. 1, д. 100, л. 1.

285

Впервые в России образец подобной мостовой был представлен иностранным экспонентом Г. Треноне на мануфактурной выставке 1861 года в СПб. При гарантии в 10 лет подобное мощение требовало завода по пропитке дерева креозотом и ежегодных ремонтных затрат в 4 руб. за кв. сажень, а долговечность покрытия значительно сокращала ковка российских лошадей на 3 шипа, вместо 2-х в Европе. «Северная Пчела», № 129 от 10.06. 1861 г., стр. 527, СПб.

286

Князь Г. С. Голицын (1838–1907), сенатор, член Госсовета, ген. — лейт. Оказал покровительство тюменскому городскому обществу в изыскании государственного (налогового) источника финансирования работ по благоустройству улиц.

С. Н. Кубочкин. «Улицу… наименовать Голицынской» в журнале «Лукич», № 5, стр. 86–99, Тюмень, 2000 г.

ГАТО, ф. И-1, оп. 1, д. 83А.

289

Адрес-календарь Тобольской губернии на 1897 г., стр. 31, Тобольск, 1897 г.

290

Справочная книжка по г. Тюмени на 1900 г., стр. 38, Тюмень, 1900 г.

291

Сибирская торговая газета, № 186 от 26.08. 1898 г.

Русское богатство, № 1–3, 5, СПб.

«Мёртвая петля» — 5.10., «Пробуждение» — 16.11., «Случай» — 6.12., «Чудо рождественской ночи» — 25.12. 1894 г.; «Преступление» — 13.02., «Неприятный случай» — 22.03., «Скарлатинная кукла» — 7.04. 1895 г.

294

Ю. Бычков. Тайны любви или «кукуруза души моей», стр. 156, М., 2001 г.

295

ИРЛИ,ф. 571, оп. 1,д. 143, письмо от 25.10. б/г. В альбом Н. А. Лухмановой по поводу её статьи «Подростки убийцы».

Новое Время, 26 апреля — 1 августа 1895 г., СПб.

297

РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 2413, л. 2–3.

РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 2413, л. 4–6.

СПб., 1893 г.

300

По Л. Н. Толстому.

301

Театрал, № 47, кн. 3, «Петербургские письма», М., 1895 г.

302

М. П. Домашева (1875–1952), актриса Московского Театра Корша с 1893 г. В 1895 г. дебютировала в СПб. в Театре литературно-художественного общества.

303

П. А. Струйская, актриса и антрепренёр. В её антрепризе в летний сезон 1894 г. в пригородах Петербурга взошла звезда В. Ф. Комиссаржевской.

304

П. Н. Орленев (Орлов, 1869–1932). Актёр Театра Корша в Москве (1893–95), в 1895–1902 гг. в труппе Театра литературно-художественного общества в СПб.

305

РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 2413, л. 9–10, 6–7.

3. В. Холмская (Тимофеева, 1866–1936), актриса Театра литературно-художественного общества в СПб. (с 1895 г.).

307

РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 2413, л. 11–11 об.

Александровский бульвар, дом Л. Хлебникова.

309

№ 94 от 30.04. 1898 г.

310

В. И. Колмогоров родился в 1858 г.

311

ГАТО, ф. И-1, оп. 1, д. 83А, стр. 170, № 214.

312

В. Е. Копылов. «Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера)», кн. 1, стр. 152, Тюмень, 2002 г.

313

Сибирская торговая газета, № 157 от 19.07. 1898 г., стр. 3.

Там же, № 120 от 9.06. 1900 г.; № 241 от 31.10. 1901 г.; № 18 от 22.01; № 83 от 11.04.1902 г.

315

Сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка Тобольской губернии в Кургане 1895 г., стр. 14, 62,109,160, Тобольск, 1902 г.

316

6 декабря 1894 г. Кексгольмский гренадерский полк жалован правами старой гвардии.

317

Альбом участников В.П. и Х.В. в Н.-Новгороде 1896 г., ч. 3, отд. XIII, стр. 107, СПб., 1896 г.

XVII отдел выставки «Строительное и инженерное дело, морское и речное судоходство».

«Дрезины, вагончики, железнодорожные велосипеды» группы 181 «Подвижной состав железных дорог».

320

Альбом участников В. П. и Х. В., отд. XVII, стр. 129; р. VII, стр. 172.

321

Железнодорожное сообщение Самара — Уфа — Челябинск было открыто ещё в 1892 г.

322

Сибирская торговая газета, № 53 от 12.09. и № 56 от 16.09.1897 г.

323

Там же, № 31 от 14.08. 1897 г.

Улица Мясницкая (дом Художественного музея) и в конторе ТД «Л. и Э. Метцль» (дом Сытова).

325

По первому мужу Неметти (по 2-му — Колышко) Вера Александровна, актриса и антрепренёр (1857–1910). Основала в 1887 г. в СПб. театр — «Сад Неметти».

СПб., 1896 г.

327

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 438, л. 2–3.

328

Переделка с французского.

329

А. Н. Пыпин (1833–1904), дворянин. Историк литературы и общественной мысли, член-корреспондент АН, сотрудник «Вестника Европы».

330

РПБ, отдел рукописей.

331

Вторая жена А. С. Суворина (урождённая Орфанова, 1858–1936).

332

РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 2413, л. 12–18.

333

П. Н. Ариян (1865–1944). Из купеческой семьи, окончила Высшие женские курсы (Бестужевские). Публицистка и издатель.

334

А. И. Абаринова (настоящая фамилия Рейхельт, 1842–1901), оперная и драматическая актриса. С 1878 г. в Александринском театре.

РГАЛИ, ф. 1018 Ариян, оп. 1, д. 143.

Русские ведомости, № 58 от 28.02. 1897 г., М.

337

НИОР РГБ, ф. Герье, п. 48, д. 9, письма от 5.03. и 13.03. 1897 г.

Сюжет позаимствован с франц. «Demi-Vierges» Прево.

339

Театр и Искусство, № 32, стр. 569 «Заметки», 1897 г.

340

Северный вестник, № 12, стр. 256, 263–264, отд. 1-й, СПб., 1896 г.

341

РГАЛИ, ф. 468 Сойкин П. П., оп. 1, д. 43, Павловск.

На 1.04.1878 г. — майор, Лодейнопольский уездный воинский начальник.

343

«Женщина перед великою задачею», «Биржевые ведомости» от 1 и 3 мая 1898 г., СПб.

Женщины о женщинах, СПб., 1898 г.

345

«Cherchez la femme» в журнале «Наш современник», № 3 за 1990 г., стр. 135–137, М.

Возрождение, № 8–30 за 1899 г., № 43–50,52 за 1900 г. Отдельным изданием М., 1904 г.

347

А. И. Сумбатов (псевдоним Южин, 1857–1927). Князь, актёр, драматург, театральный деятель. С 1882 г. в труппе Московского Малого театра.

348

Е. К. Лешковская, с 1888 г. актриса Московского Малого театра.

349

РГАЛИ, ф. 878, оп.1, д. 1391.

350

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 436, л. 16–17.

351

Там же, л. 24.

352

Крымский курьер, № 48, 49, 60, 62 за 4, 6, 18, 21 октября 1898 г., Ялта.

353

Имение в 6 верстах от Ялты. В 1894 г. выкуплено императором Александром III за 2,5 млн. руб. у внука Николая I великого князя Дмитрия Константиновича для своего сына Николая Александровича (будущего Николая II).

354

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 436, л. 18, 20–21.

355

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 436, л. 25.

356

Составитель сборника «Биографии русских писателей среднего и нового периодов», СПб., 1900 г.

357

ГЛМ, ф. 240, оп. 1, д. 3, л. 27.

Том 1, стр. 37–38, М., 1922 г.

359

НИОР РГБ, ф. 611 Ефимов Д. П., п. 1,д. 42, л. 1–3.

Театр и Искусство, № 42, стр. 747, СПб., 1900 г.; Сибирская торг. газета, № 229 от 20.10. 1900 г.

361

Кронштадтский вестник, № 125 от 29.10. 1900 г.

362

Газета «Пермский край», № 20 от 25.01. 1901 г.; «Пермские Ведомости», № 20 от 25.01. 1901 г.; Сибирская торговая газета, № 23 от 30.01.1901 г.

363

Сибирская торговая газета, № 166 от 28.07. 1901 г.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д.436, л. 5–6 об., 14.

365

Проект шлюпок был разработан в Нагасаки самим Д. А. Лухмановым. При испытании изделия оказались лучше действующих амурских аналогов.

Л., 1929 г.

367

Сан-Франциско, 1936 г.

368

РГВИА, ф. 297, оп.1, д. 91, л. 3 об.

369

Полковник Н. Н. Де-Лазари (1837–1902) — внук Д. Делазари (de Lazzari, 1755–1803) с греческого острова Дезант, принятого на русскую службу Г. А. Потёмкиным в 1770 г.

ИРЛИ, ф. 15 Базанкур, д. 1150.

371

О. В. Адамович родилась 29.07. 1889 г.

Т. В. Адамович родилась 18.01.1891 г.

Г. В. Адамович родился 7.04. 1892 г.

А. Н. Алелеков. «Московский военный госпиталь в связи с историей медицины в России к 200 летнему юбилею 1707–1906 гг.», стр. 636, М., 1907 г.

Вся Москва на 1903 г., столбец 877, М., 1903 г.

376

№ 5 от 22.04. 1900 г.

377

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 32, л. 3–5, 7.

Там же, л. 8–10.

379

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 32, л. 14–15.

380

А. Г. Рубинштейн (1829–94), пианист, композитор, дирижёр, музыкально-общественный деятель.

381

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 375, л. 5–6.

382

№ 110–111 от 23–24.04. 1903 г.

383

№ 113 от 24.04. 1903 г.

384

Касса учреждена в 1859 г. в ряде ведомств империи из средств гос-поддержки и вычетов из содержания самих участников. Предназначалась для обеспечения чинов при выходе на пенсию, а также их вдов и сирот.

РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 23 225.

Начала выходить с июля 1897 г.

387

Сибирская торговая газета, № 66 от 27.09. 1897 г.

Там же, № 94 от 30.04. 1898 г.

Там же, № 12 от 16.01. и № 49 от 3.03. 1898 г.

Там же, № 93 от 28.04. 1898 г.

Там же, № 133 от 23.12. 1897 г.

392

Сибирская торговая газета, № 153 от 15.07. 1898 г.

393

Сибирская торговая газета, № 277 от 22.12. 1898 г.

Там же, № 14 от 19.01.1899 г.

Там же, № 277 от 17.12. 1900 г.

Сибирская торговая газета, № 62 от 23.09. и № 115 от 30.11. 1897 г.

397

Продан на заводе П. И. Подаруева 23.02. 1903 г. за 411 руб.

398

Приз почётного члена общества, одного из старинных коннозаводчиков — Н. М. Пейкера, ирбитского исправника. Сибирская торг. газета, № 12 от 22.07. 1897 г.

399

Заезд кровных и полукровных лошадей различных возрастов и достоинств.

400

Устав «Кружка» утверждён 23.08. 1895 г.

401

Сибирская торговая газета, № 69 от 1.10. 1897 г.

402

Сибирская торговая газета, № 115 от 30.11. и от 16.12.1897 г.

403

Настоящая фамилия Розентретер, католичка. С лета 1879 г. начальница женской прогимназии.

404

Сибирская торговая газета, № 95 от 5.05. 1900 г.

405

Сибирская торговая газета, № 214 от 3.10.1898 г.

Справочная книжка по г. Тюмени на 1899 г., Тюмень, 1899 г.; Сибирская торг. газета от 16.12. 1901 г.

Сибирская торговая газета, № 285 от 29.12. 1900 г.

Там же, № 92 от 29.04. 1899 г., № 7 от 10.01. 1903 г.

409

Там же, № 95 от 5.05. 1900 г.

410

А. Г. Колмогоров (1901–1918?).

411

Ф. Г. Колмогоров (14.02.1905–29.05. 1975).

Ю. Г. Колмогорова (1.05. 1902–25.07. 1975).

413

М. Г. Колмогорова (1907?—1969?).

Е. Г. Колмогорова (26.05.1912?—1.11. 1996).

415

Н. Г. Колмогорова (2.02.1916–2.06. 1991).

В. Г. Колмогорова (25.12.1918–16.04. 1985).

417

На средства почётного члена общества А. Ф. Колмогорова, утверждённого ответственным лицом. Сибирская торговая газета, № 4 от 29.02. 1900 г.

418

Сибирская торговая газета, № 133 от 24.06. и № 280 от 21.12. 1900 г.

419

Сибирская торговая газета, № 6 от 10.01. 1901 г.

Там же, № 10 от 14.01. 1901 г.

421

Сибирская торговая газета, № 8 от 12.01. 1901 г.

422

Сибирская торговая газета, № 115 от 29.05. и № 224 от 10.10. 1901 г.

423

Там же, № 8 от 12.01. 1899 г.

Сибирская торговая газета, № 120 от 4.06. 1898 г.

425

Там же, № 121 от 10.06. 1900 г.

426

Сибирская торговая газета, № 64 от 27.03. 1900 г.

Там же, № 35 от 15.02. 1901 г.

428

Сибирская торговая газета, № 120 от 3.06.1901 г.; № 28 от 4.02.1904 г.

429

Там же, № 6 от 8.01. 1902 г.

Сибирская торговая газета, № 18 от 22.01. 1902 г.

431

Сибирская торговая газета, № 171 от 4.08. 1902 г.

432

Приказ от 10.12. 1902 г., со старшинством с 27.01. 1902 г.

433

Приказ № 127 от 5.10. 1903 г.

«В память имп. А III», «В память коронации Николая II 14 мая 1896 г.», «50-летие Франца Иосифа шефом Кексгольмского полка».

435

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 8, л. 1–75 (4 тетради — 128 стр.).

Военный сборник, 1904 (с № 9) — 1910 (по № 8) гг.

Варшава, СПб., 1898 г.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 7, л. 1–2об.

439

М. Е. Чукмалдина (мать Н. М. Чукмалдина) скончалась на 80-м году жизни 28.05. 1894 г.

Один из шести венков был возложен от семьи Колмогоровых.

441

Освящён 2 мая 1901 г. Построен наличные средства Н. М. Чукмалдина.

Сибирская торговая газета, № 100 от 5.05. 1901 г.

443

Л. Г. Беспалова и др. Тюменский край и писатели XVII–XIX веков, стр. 171, Екатеринбург, 1998 г.

Сибирская торговая газета, № 98 от 2.05. 1903 г.

№ 4–7, 11–12, Спб.

РГВИА, ф. 298, оп. 1, д. 85.

К. Д. Лухманова (25.01. 1903–31.12. 2002).

Н. Д. Лухманов (29.04. 1904- 11.09. 1938).

Петровск-Дагестанский.

450

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 84, стр. 12–13.

451

Сибирская торговая газета, № 278 от 14.12. 1903 г.

452

Тобольск, губ. ведомости, № 20, отд. 1, стр. 148, 1860 г.

453

От 27.03. 1857 г.

454

По решению его сиятельства господина министра Народного Просвещения от 23.03. 1866 г.

455

Сибирская торговая газета, № 103 от 14.05. 1905 г.

456

Сибирская торговая газета, № 98 от 2.05. 1903 г.

Сибирская торговая газета, № 81 от 10.04. 1905 г.; Тобольск, голос, от 29.06. 1907 г.

Сибирская торговая газета, № 196 от 4.09. 1901 г.; № 285 от 31.12.1902 г.; № 5 от 8.01., № 7 от 10.01., № 13 от 17.01. 1903 г.

459

Сибирская торговая газета, № от 5.11. 1902 г.

Сибирская торговая газета, № 224 от 8.10. 1903 г.

Там же, № 233 от 18.10. 1903 г.

462

Сибирская торговая газета, № 5 от 8.01. 1903 г.

463

В. Н. Массен (1860–1904).

464

Из письма к Е. Шавровой от 16.09. 1891 г.

№ 42, стр. 747–748, СПб., 1900 г.

466

№ 126 от 1.11. 1900 г.

467

№ 20 от 25.01.1901 г.

№ 166 от 28.07. 1901 г.

469

Ф. 39 Бренко А. А., д. 176.

С 1895 г. А. С. Суворин являлся владельцем Театра литературно- художественного общества (Суворинский театр).

471

РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 2413, л. 34–36.

В 3-х актах (Брис, Эжен. Перевод Лухмановой), М.

473

В 1 действии (Психологический роман по П. Бурже), СПб.

ГАРФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, д. 1, ч. 27А, 1901 г.

475

ГЛМ, ф. 151, оп. 1, д. 2. Протокол от 24.03. 1901 г.

Ответ Н. А. Лухмановой «От русской женщины», М., 1901 г.

477

О. Ф. Миллер (1833–1889), фольклорист, литературовед. С 1870 г. профессор Петерб. Университета.

Где нет семьи, там ведь и ничего нет, и не может быть жизни в её человеческом смысле.

479

И. А. Гриневская (1864–1942), драматург, прозаик, актриса, критик, переводчица.

РГАЛИ, ф. 125, оп. 1, д. 300.

481

ИРЛ И, ф. 571, оп. 1, д. 139 (из воспоминаний А. Фаресова).

482

Неукротимая («сердце мужчины в теле женщины») королева Шотландии (1542–87), казнённая Елизаветой Английской.

483

Популярный, подлинно народный персонаж рыночной торговки-авантюристки во французских комических пьесах с конца XVIII в.

Низ, нижняя часть *(фр.)*.

485

Псевдоним В. А. Ашкинази, Новости дня, № 6655 от 21.12.1901 г., стр. 4, М.

ИРЛИ,ф. 571, оп. 1, д. 140.

487

РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 2413, л. 37–40.

488

В квартире 6 дома № 40.

489

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 93.

490

Вдовий дом на Б. Серпуховской, в котором проживали и курсистки. Содержался на пожертвования московских купцов-меценатов Ляпиных.

491

НИОР РГБ, ф. Герье, п. 87, д.16.

Новый путь, № 12, стр. 123–127, СПб.,1903 г.

493

Бумлер (псевдоним С. Г. Кара-Мурзы), Новости дня, № 7083 от 25.02.1903 г., стр. 3, М.

494

Ю. А. Стриндберг (1849–1912), шведский писатель, публицист и драматург.

495

А. П. Чехов. Сочинения в 18 томах. Т. 17, стр.98, п. 2. М., 1980 г.

«Театр и Искусство», № 40, прил., СПб., 1902 г.

«Библ. театра и искусства», прил. к № 47, СПб., 1903 г.

498

Сюжет из испанского рассказа «Треуголка», СПб.

499

На итальянский сюжет, СПб.

«Библ. театра и искусства», прил. к № 13, СПб., 1903 г.

501

Перевод с французского.

502

Название позаимствовано из сборника газетных статей Д. А. Линёва «Не сказки», т. 1–3, СПб., 1895–1900 гг.

503

№ 32, СПб.

504

«Простая рыбачка» в № от 5.04. 1903 г.

505

ГАРФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, д. 316, ч. 232.

506

Одесские новости от 11.12. 1903 г.

507

ГАРФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, д. 526.

508

Пьеса не Метерлинка (в жанре литературной пародии). Петербургский дневник театрала от 22.02. 1904 г.

509

НИОР РГБ. Ф.611 Ефимов Д. П., папка 1,д. 42, л. 11–12.

510

Псевдоним литератора Штейнфельд (урождённая Гудкова, 1871–1942). Архив Базанкур, ф. 15 (1171 дело!) находится в ИРЛИ (Пушкинском Доме) в СПб.

511

Петербургская газета от 5.04. 1904 г.

512

Доброволец на военной службе.

513

Придворный чин, заведовавший царскими конюшнями.

514

Южный край от 23.04. 1904 г.

515

Петербургская газета от 6.05., 9.05., 11.05. 1904 г.

516

Южный край от 30.05. 1904 г.

517

Петербургская газета от 20.05. 1904 г.

518

Петербургская газета от 28.05. 1904 г.

519

Южный край от 18.06. 1904 г.

520

Петербургская газета от 15.06. 1904 г.

521

Карту этой реки, как мы помним, совсем недавно в разведывательном походе на пароходе «Св. Иннокентий» уточнял её сын — капитан Д. А. Лухманов.

522

Южный край от 25.07. 1904 г.

523

Сибирская торговая газета, № 161 от 18.07. 1904 г.

524

Петербургская газета от 5.08. 1904 г.

525

Там же, от 13–15, 18–19.08. 1904 г.

526

Южный край от 26.08. 1904 г.

527

Петербургская газета от 14.09. 1904 г.

528

Там же, от 30.09. 1904 г.

529

Петербургская газета от 28.09. и 1.10. 1904 г.

Там же, от 3.10. 1904 г.

531

Петербургская газета от 28.09. и 4.10. 1904 г.

532

Там же, от 6.10. 1904 г.

533

Там же, от 2.10.1904 г.

534

Петербургская газета от 9.11. 1904 г.

Начинающий тогда поэт И. Северянин (1878–1941).

536

Петербургская газета от 8.04. 1905 г.

537

Петербургская газета от 11.04. 1905 г.

Там же, от 2.05. 1905 г.

539

Южный край от 9.06. 1905 г.

540

Южный край от 28.11. 1904 г.

541

Южный край от 15.03. 1905 г.

542

Там же, от 9.06. 1905 г.

543

Там же, от 31.07. 1905 г.

Петербургские Ведомости, № 284 от 23.12. 1906 г.

23.08.1905 г. Утверждён Николаем II 1.10.1905 г.

546

Петербургские Ведомости, № 284 от 23.12.1906 г.

547

К. Ф. Головин. Русский роман и русское общество, 2-е изд., ч. 4, гл. 8, стр. 477, СПб., 1904 г.

А. Амфитеатров. Женское настроение, 3-е изд., стр. 64, СПб., 1908 г.; В. Г. Короленко. «Соня Мармеладова на лекции г-жи Лухмановой» в журнале «Русское богатство», № 6, СПб., 1904 г.

549

Перевод с франц., ГТМ, ф. 39 Бренко, д. 176.

№ 99, 243 за 1899 г., № 250 за 1900 г., № 61 за 1901 г., № 85 за 1902 г., СПб.

551

№ 9 за 1903 г., СПб.

№ 8 за 1904 г., СПб.

553

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 270, л. 13–14 об.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 270, л. 6–17 об.

555

С 20. 07. по 20. 10. 1902 г.; с 6. 07. по 2. 08. 1903 г.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 58–75,78–81 (всего 1619 л.).

557

Там же, д. 80, л. 1–5.

558

Там же, д. 36, л. 1–1об.

559

Там же, д. 36, л. 2–3 об.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 80, л. 10–10 об.

561

Там же, д. 80, л. 11–12.

Военный сборник, № 9, 1904 г., СПб.

563

Там же, № 10.

Военный сборник, № 12.

Там же, № 1, 1905 г., СПб.

566

Там же, № 3.

Военный сборник, 1905 г., № 4, СПб.

Там же, № 6.

Военный сборник, № 7, 1905 г., СПб.

Военный сборник, № 9, 1905 г., СПб.

571

Там же, № 10–11.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 36, л. 5–6.

Военный сборник, № 12, 1905 г, СПб.

Военный сборник, № 1, 1906 г., СПб.

Военный сборник, № 2, 1906 г., СПб.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 36, л. 9–11 об.

Там же, д. 375, л. 20.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 375, л. 12.

Военный сборник, № 7, 1906 г., СПб.

Военный сборник, № 8, 1906 г., СПб.

581

Военный сборник, № 9, 1906 г., СПб.

Военный сборник, № 10, 1906 г., СПб.

Военный сборник, № 12, 1906 г., СПб.

Там же, № 5, 1907 г., СПб.

Там же, № 12, 1907 г., СПб.

Военный сборник, № 5, 1908 г. СПб.

587

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 57, л. 2–2об.

Военный сборник, № 10, 1909 г., СПб.

589

Там же, № 5, 1910 г.

№ 19 от 7. 09. 1905 г., СПб.

591

Военный сборник, № 8, 1910 г., СПб.

592

Сибирская торговая газета, № 51 от 3.03. 1902 г.

593

Там же, № 160 от 18.07. 1903 г.

Там же, № от 27.06. 1902 г.

595

ГАТО, ф. И-2, оп. 1, д. 690а, л. 7–8.

596

Погребён 23.12. 1900 г. на погосте с. Перевалово.

597

Скончался 16.06. 1902 г.

598

Сибирская торговая газета, № 171 от 4.08. 1902 г.

599

Там же, № 143 от 2.07. 1902 г.

Там же, № 47 от 26.02. 1904 г.

601

Там же, № 54 от 5.03. 1904 г.

Там же, № 61 от 13.03. 1904 г.

603

Там же, № 63 от 17.03. 1904 г.

604

Сибирская торговая газета, № 97 от 29.04. 1904 г.

605

Сибирская торговая газета, № 94 от 25.04. 1904 г.

606

Сибирская торговая газета, №№ от 25.07. по 29.07. и от 16.09. по 29.09.1904 г.

607

Стр. 16, Семипалатинск, 1904 г.

608

Сибирская торговая газета, № 209 от 18.09. 1904 г.

609

Сибирск. торговая газета, № 132 от 22.06. 1905 г.

Там же, № 110 от 16.05. 1904 г.

611

Сибирская торговая газета, № 139 от 1.07. 1905 г.

612

Сибирская торговая газета, № 144 от 7.07. 1905 г.

613

Сибирская торговая газета, № 254 от 27.11. 1905 г.

614

Сибирская торговая газета, № 271 от 18.12. 1905 г.

615

Там же, № 259 от 3.12. и № 274 от 22.12. 1905 г.

Там же, № 101 от 5.05. 1902 г.

617

Там же, № 183 от 25.08. 1905 г.

618

Сибирская торговая газета, № 228 от 26.10. 1905 г.

619

Там же, № 238 от 6.11.1905 г.

620

Сибирская торговая газета, № 19 от 23.03. 1906 г.

621

Сибирская торговая газета, № 20 от 23.03. 1906 г.

Там же, №№ от 7.04., 11.04. и 7.05. 1905 г.

623

М. М. Боиович. Члены Государственной думы. Второй созыв 1907–1912. М., 1907 г.

624

В. А. Собенников (1863 г. р.) — 1-й гильдии купец, удостоенный полного банта шейных медалей «За усердие», включая золотую на Андреевской (ордена Св. Андрея Первозванного) ленте. С 1907 г. жил в Тюмени в собственном доме на углу Царской и Иркутской улиц.

625

Сибирская торговая газета, № 118, 120–121 от 28.07. — 1.08. 1906 г.

Сибирская торговая газета, № № 228–257 от 26.10. — 1.12. 1905 г.; № 121 от 1.08. 1906 г.

627

Весь Петербург на 1908 г.

Вся Москва на 1910 г.

629

Вся Москва на 1911 г.

630

Н. И. Небогатов (1849–1922) — контр-адмирал, командующий 3-й Тихоокеанской эскадрой. Сдал её японскому флоту 15.05. 1905 г. (на следующий день после разгрома 1-й и 2-й русских эскадр в морском Цусимском сражении).

631

Того Х. — японский адмирал, разгромивший 1-ю, 2-ю и 3-ю Тихоокеанские эскадры России в Русско-Японской войне 1904–05 гг.

632

ИРЛИ, ф. 571, оп. 1, д. 9, л. 67–72. Из неопубликованной статьи Н. А. Лухмановой «Школа патриотизма».

633

Светских гостей *(фр.)*.

634

ИРЛ И, ф. 571, оп. 1, д. 9, л. 75–82. Из неопубликованной статьи Н. А. Лухмановой «Японец и его культура».

635

Т. Куроки (1844–1923) — японский фельдмаршал, командующий 1-й армией в Русско-Японской войне 1904–05 гг.

636

В данном случае суда, предназначенные для затопления в фарватере прохода в гавань.

637

Обряд чаши воды, выпиваемой перед разлукой в семье.

638

ИРЛИ, ф. 571, оп. 1, д. 9, л. 41–48. Из неопубликованной статьи Н. А. Лухмановой «Отчего мы проиграли войну Японии?».

639

От 26.10. 1905 г.

640

От 14.02. 1906 г.

641

ИРЛИ,ф. 15, д. 478, л. 5.

642

Квартира № 1 в доме 36.

643

«Письмо из Японии», «Шпионство», «Что мы делаем, чтобы укрепить наше влияние в Японии», «Золотая лисичка», «Посмертная награда», «Ёлка в Японии».

«Отчего мы гибнем», «Трус», «Правда о сёстрах милосердия», «Денщик», «Божье деревцо», «Тоже женский вопрос».

«Единственный доступный женщине язык», «Тайфун», «Душа человека».

«Крестьянка мать», «Как баба Арина за землёй ездила», «Русская женщина просыпается», «Цветы обывательской жизни», «Свет идёт», «Мужик проснулся», «Традиции и жизнь», «В обществе», «Голые люди», «Серенькие люди», «Уличный разврат», «Простые люди», «Беседа матерей», «Несчастные дети», «Слова и жизнь», «Свобода слова», «Жизнь от Максима», «Кто виноват?», «Аукцион совести», «Разыскивается полицией», «Жизнь тоски и недоверия», «Человек без завтра», «Декаденство и спорт», «Удовлетворено ли общественное мнение резолюцией суда по делу адмирала Небогатова?», «В чём настоящая гордость юноши», «Вы молитесь?», «Общественное мнение».

Эссе: «Кот», «История одного двойного самоубийства», «Любовь по-американски», «Вчерашняя драма», «Браки двадцатого века», «Страшная драма», «Без заглавия», «Роковая женщина», «Как люди сами себя обокрали», «Дело священника Добровольского», «Белые и красные шарики жизненной силы», «Психопатки», «Ещё роковая женщина», «Фетиш», «Цена невинности», «Жажда личного счастья», «Счастье и наслаждение», «Во что вам обойдётся красота любимой женщины» и т. д.

«Причины ненависти», «Рутина», «О равноправии женщин», «Доступны ли женщине все карьеры?», «Пропасть», «Господа и прислуга», «Нищие поневоле».

649

«Женщина и Дума», № 121 от 5.05. 1906 г.

650

«Мужицкие мозги», № 135 от 19.05. 1906 г.

651

«Зажим», № 143 от 28.05. 1906 г.

652

Петербургские Ведомости от 23.06. 1906 г. «Авдотьина жизнь».

653

Петербургские Ведомости, № 151–152 от 11 и 12.06.1906 г. «Отголоски грозы» и «Больше света».

Там же, № 157 от 18.07. 1906 г. «Из Павловска».

655

Петербургские Ведомости, № 169 от 4.08. 1906 г. «Что всего дешевле».

Там же, № от 2.07.1906 г. «Обратите внимание»; № 150 от 9.07.1906 г. «Борьба». Петербургская Газета, № 246 от 9.09. 1906 г. «За что вы хотели меня убить?»

657

Петербургская Газета, № 239 от 2.09. 1906 г. «Душевный голод».

658

ИРЛИ,ф. 15, д. 478, л. 15.

659

Героиня одноименной пьесы норвежского драматурга и театрального деятеля Г. Ибсена (1828–1906).

660

Общий стол для питания по единому для всех меню.

661

ИРЛИ, ф. 15, д. 478, л. 17–18 об.

662

№ 265 от 30.11.1906 г.

663

Петербургские Ведомости, № 269 от 5.12., № 270 от 6.12., № 273 от 10.12.1906.

Восток за Уралом, 1907 г.

665

Петербургские Ведомости, № 253 от 15.11. 1906 г. «Женщина и деньги».

666

Е. Н. Клокачёва (Клокачова) (1871-после 1941). Живописец и рисовальщица. Училась в АХ с 1891 г. (звание художника — 1901 г.), подруга О. Г. Базанкур.

667

ИРЛИ, ф. 15, д. 478, л. 19–20 об.

668

А. М. Брагин (1881-после 1940) — артист оперы и оперетты. Окончил Петербургскую консерваторию, с 1905 г. в Мариинском театре.

669

ИРЛИ, ф. 15, д. 478, л. 22–23 об.

С. П. Грундульса, Курман. улица, дом 20/А, кв. 8.

671

ИРЛИ, ф. 15, д. 478, л. 24; д. 476, л. 3.

672

Петербургские Ведомости, № 28 от 6.02. 1907 г. «Забытые».

673

Петербургская Газета, № 302 от 4.11. 1906 г. «Слова и дело»; № 308 от 10.11. 1906 г. «Женщина и мужчина».

Там же, № 306 от 8.11. 1906 г. «Живое дело».

Там же, № 19 от 20.01. 1907 г. «Смех и слёзы».

Н. И. Скрыдлов вышел в отставку полным адмиралом (1909). В возрасте 74-х лет был казнён большевиками в Петрограде в 1918 г.

677

ИРЛИ, ф. 571, оп. 1, д. 127.

Там же, д. 132.

679

ИРЛИ, ф. 15, д. 478, л. 32–34.

С. Н. Худеков (1837–1928), с 1871 г. редактор-издатель Петербургской газеты.

681

ИРЛИ, ф. 571, оп. 1, д. 128.

682

Крымский курьер от 27 и 28.03. 1907 г.

683

В. И. Чернопятов. Некрополь Крымского полуострова, стр. 235, М., 1910 г.

684

Биржевые Ведомости (утренний выпуск), № 9816 от 27.03. 1907 г.

685

РГВИА, ф. 297, оп.1, д. 38, л. 1–3.

РГВИА, ф. 297, оп.1, д. 38, л. 4–6.

687

Там же, л. 8–9.

Там же, д.77, л. 1-3об.

689

Там же, л. 10–11 об.

690

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 249, л. 2–4, 9–10.

691

Там же, д. 217, л. 2–5.

692

Приказ Главкома от 25.07. 1905 г., № 1488 «За отлично-усердную службу и труды, понесённые во время военных действий». Утверждён 12.04.1906 г.

693

Приказ по войскам 2-ой Маньчжурской армии от 8.09.1905 г., № 469. Утверждён 11.10. 1906 г.

РГВИА, ф. 297, оп. 1,д. 296,л.1–2, 12 и др.

№ 6–7, М., 1906 г.

696

Устав «Общества» утверждён Николаем II 20.10.1907 г.

697

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 430, л. 1–3.

№ 206 от 27.07. 1908 г., Киев.

699

№ 168 от 29.07. 1908 г., СПб.

700

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 141 (письма от 29.05. 1908–29.01. 1909 гг.).

701

К. А. Крылов (1860–1930), начальник Киевского военного училища с дек. 1906 г. С окт. 1914 г. командир пехотной дивизии — армейского корпуса, генерал от инфантерии. Орден Св. Георгия 4-ой степени, Георгиевское оружие (1915). После гражданской войны эмигрировал в Югославию.

Русское судоходство, № 5, стр. 25–43 за 1907 г.; № 3, стр. 69–87, № 4, стр. 111–127, № 5, стр. 86–104 за 1908 г., СПб.

703

Черноморский портовый вестник, № 34 от 11.05. 1908 г., Одесса.

Печатался под псевдонимом А. Беломор. С 1910 г. тайный советник.

705

Мариупольская жизнь, № 1243 от 30.10. 1910 г.

Мариупольская жизнь, № 1245 от 2.11. 1910 г.

Там же, № 1277 от 10.12. 1910 г.

Там же, № 1280 от 14.12. 1910 г.

709

К. Н. Де-Лазари (1869–1930), мировой судья 2-го округа Новорадомского уезда Варшавск. губернии, родоначальник польской ветви de Lazari.

№ 14 в доме 14/А по Нововельской улице.

711

Сын потомственного дворянина, тайного советника, председателя Судебной палаты Одесского округа и сенатора П. Ф. Ошанина.

712

И. М. Ошанин (1900–82), профессор институтов Китаеведения, Востоковедения АН СССР, лауреат Гос. премии СССР; С. М. Ошанин (1903–77), профессиональный военный, полковник.

713

Мариупольская жизнь, № 1378 от 16.04. 1911 г.

714

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 84, л. 4–5.

715

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 84, л. 2–3.

716

Пароходство, созданное в 1878 г. на добровольные народные пожертвования. Управлялось Комитетом в ведении Министерства торговли и промышленности. Основную деятельность осуществляло на Дальнем Востоке. К 1912 г. имело в своём составе около 40 первоклассных судов.

717

РГВИА, ф. 298, оп. 1, д. 85, л. 62.

718

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 84, л. 7–11.

719

ИРЛ И, ф. 15. Арх. Базанкур, д. 477.

Там же, д. 476, л. 9, 19–19 об.

721

В 1910 г. в порт вошло 20 499 морских судов, в т. ч. 10 736 джонок.

722

Угол Соликамской и Екатерининской улиц, дом 21/46.

723

Образована 1.05. 1899 г. от слияния железных дорог — Закаспийской (от Красноводска до Самарканда), Мерв — Кушка, Самарканд — Андижан, железнодорожных веток Черняево — Ташкент, Каган — старая Бухара и Горчакове — Скобелево.

724

Газета «Асхабад» № 230 от 6.10. 1912 г.

725

При условии освоения участка в течение 5 лет арендатор оформлял купчую. В противном случае казна выкупала участок по залоговой стоимости и заключала контракт с новым арендатором.

726

По имени московского предпринимателя В. А. Хлудова (1841–1913) — первого владельца имения в 1284 десятины на правой стороне р. Сочи, у её устья.

По имени первых владельцев указанных земель в 113 десятин — М. Н. Каткова (1818–87) и П. М. Леонтьева (1822–74), соиздателей «Московских ведомостей» и «Русского вестника».

728

ГАГС, ф. 10, оп. 1, д. 54.

729

Мария и Екатерина Колмогоровы родились, по всей видимости, в Перми.

Вероятно, Григорий Александрович жил в Сочи уже с осени 1911 г.

731

РГВИА, ф.297, оп. 1, д. 40, л. 1–3.

732

В октябре 1913 г. Б. В. Адамович находился на лечении в сочинской Мацесте.

733

Название одного из многочисленных военных постов времён Кавказских войн 1838–64 гг.

РГВИА, ф.297, оп. 1, д. 40, л.4–5.

Денежное содержание А. Ф. Колмогорова в этот период составляло 15 000 рублей в год и было сопоставимо лишь с доходом генерал-губернатора А. В. Самсонова!

Приказ по М.П.С. за № 66 от 30.07. 1913 г.

№ 72 от 4.11. 1913 г.

РГИА, ф. 220, оп. 18, д. 4080, л. 348–350.

739

Историческая памятка о Виленском военном училище, Париж, 1959 г.

Впервые подобный метод усвоения глубоких мыслей юными головами (говорящие стены) применил директор Сухопутного шляхетского кадетского корпуса в СПб. ген. — адъютант граф Ф. Е. Ангальт во времена имп. Екатерины II.

741

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 38, л. 12–14.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 38, л. 15–19.

Там же, л. 20.

Там же, л. 21–22.

Там же, л. 26–28.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 38, л. 29–30.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 385, л. 2–2об.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 296, л. 15, 18–20 об.

749

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 316, л. 2–5.

750

Там же, д. 312, л. 11–12 об.

751

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 249, л. 24–25, 30.

752

Там же, д. 42, л. 1–3.

753

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 91, л. 2–3 об.

Там же, д. 80, л. 16–17 об.

755

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 42, л. 6–7.

Шезлонг *(фр.)*.

757

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 105, л. 1–27 об.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 217.

759

Там же, д. 92, л. 2–2 об.

760

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 91, л. 6–7 об.

761

По законам Российской империи незаконнорожденные дети дворян могли быть причислены к уважаемому сословию лишь с особого повеления Государя или по личной выслуге.

762

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 375, л. 142.

763

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 375, л. 140.

Там же, д. 375, л. 138.

765

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 94, л. 1–7, 9–18.

А. Ренников. Новое Время, № 13 528 от 8.11. 1913 г.

№ 171 от 4.07. и № 187 от 24.07. 1913 г.

ГАГС, ф. 3, оп. 1, д. 19, п. 8, 13, 46А, прилож. 7, л. 32–33; Р-24, оп. 1, д. 5, л. 5–7,76 об., 79–80.

769

ГАГС, ф. 3, оп.1, д. 42, п.22; С. А. Артюхов. История Большого Сочи 1920–1941 гг., ч. IV, табл. 1, список 32, стр.37, Сочи, 2003 г.

770

ГАГС, ф. 3, оп. 1, д. 19, п. 6, 14.

771

От 16.11. 1913 г.

772

Каталог Сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставки Черноморского побережья Кавказа «Русск. Ривьера», стр. 34, 37, 40, СПб., 1913 г.

773

Стр. 99–101, Сочи, 1916 г.

№ 42–43 от 25.01. 1915 г.

775

Ф. Г. Колмогоров, машинопись. Из семейного архива автора.

ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 17, л. 17; д. 20, л. 207.

777

ГАТО, ф. И-2, оп. 1, д. 690а, л.35 об.

Весь Петроград на 1915 г.; Список инженеров путей сообщения на 1915 г., 1916 г., Петроград.

779

Весь Петроград на 1916 г., на 1917 г.

780

ГАТО, ф. И-1, оп.1, д. 366, л. 156 (письмо от 17.08 на петербургский адрес А. Ф. Колмогорова).

781

Журнал «Дружба народов», № 10, стр. 184–187, М., 1995 г.

782

И. В. Одоевцева. На берегах Невы, стр. 212. М., 1988 г.

783

Швейцарский композитор и педагог Э. Жак (1865–1950). Основал свой институт в Геллерау, близ Дрездена.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 38, л. 24–25 об.

785

В доме № 7 по 5-ой Рождественской улице.

786

Из сборника «Чётки», вышедшего 15.03. 1914 г.

787

Н. Берберова. Курсив мой: Автобиография, стр. 92–93, М., 1999 г.

788

Евангельская Саломея в награду за свой танец потребовала по наущению матери голову Иоанна Крестителя.

789

«Путешествие в страну эфира», Биржевые Ведомости от 31.07.1916 г., утренний выпуск, Петроград.

790

Юношеский псевдоним Гумилёва.

791

Имя старшей сестры Анны Горенко, внешне очень похожей на Т. Адамович.

792

Классический по замыслу и исполнению разгром карфагенским полководцем Ганнибалом 86 тысячной римской армии при селении Канны на Юго-Востоке Италии в августе 216 г. до н. э.

793

РГВИА, ф. 725, оп. 48, д. 1604, л. 1.

794

Расстрелян Особым отделом 4-й Латышской дивизии в декабре 1920 г.

795

РГВИА, ф. 725, оп. 48, д. 1604, л. 4.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 81, л. 4, 8.

РГВИА, ф. 297, оп. 1, д. 81, л. 5–6.

РГВИА, ф. 297, оп. 1,д.81,л. 15.

799

От 19.04.1916 г. Приказ о награждении № 117 от 24.04.1916 г.

800

Русский инвалид, № И1 от 13.05. 1917 г.

801

С 3.07. по 27.10. 1915 г.

802

От 30.04. 1915 г.

803

От 21.05. 1915 г.

804

От 27.07. 1915 г.

805

РГВИА, ф. 29, оп. 3, д. 654.

806

И. Обухова-Зелиньска. Т. Высоцкая, сестра Г. Адамовича (по воспоминаниям Т. Высоцкой) в книге «Русское еврейство в зарубежье», т. 4(9), стр. 357–376, Иерусалим, 2002 г.

T. Wysocka. Wsponmienia, 1962 r.; Historia baletu, 1969 r.; Dzieje baletu, 1970 r., Warszawa.

808

Отпевали кавалера всех российских орденов и бывшего председателя Совета Министров (январь 1914-январь 1916 гг.) И. Л. Горемыкина в Свято-Никольском соборе Сочи, находившемся в начале Ореховой улицы на Хлудовской стороне.

809

М. Цветаева. Лебединый стан, Прага, 1920 г.

810

Сын ген. — майора Военно-окружного суда в СПб. А. П. Байкова (1830–1892) и внук чиновника почтового ведомства в СПб., Тифлисе П. И. Байкова (1772–1842).

811

Петроград 1914, 1915 г.

812

РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 3502.

813

ГАРФ, ф. 1778, оп. 1, д. 298 (6 кассета), л. 446–480.

814

Дальневосточная Республика (ДВР) — пробольшевистское государственное образование, провозглашённое на съезде рабочих и крестьянских представителей 6 апреля 1920 года в Верхнеудинске и признанное Советским правительством 14 мая. Формально включало в себя территории Забайкалья, Амурскую, Приморскую, Камчатскую области и Северный Сахалин. Народно-Революционная Армия республики во главе с В. К. Блюхером 22 октября 1920 года освободила Читу, где 10 ноября было сформировано новое правительство ДВР.

815

Автором резолюции устрашения являлся председатель высшего органа государственной власти Республики Советов (ВЦИК) Я. М. Свердлов.

816

Голос жизни, № 8,1915 г., Петроград.

817

Аполлон, № 1, 1916 г., Петроград.

818

Газета «Пламя», № 40 от 4.12. 1920 г.

819

РГАЛИ, ф. 2567 (Оксман), оп.2. д. 145.

820

Опубликована Е. Витковским.

821

Газета «Непогасимое пламя» от 1.01. 1920 г.

822

Там же, № от 4.02. 1920 г.

823

Там же, N° от 8.05. 1920 г.

824

Газета «Пламя», № 40 от 4.12. 1920 г.

825

И. В. Одоевцева. На берегах Невы, стр. 212, М., 1988 г.

826

Н. Н. Беллей, удачливый промышленник (Председатель правления Русского общества электрических дорог и освещения), домовладелец и попечитель. Скончался в 1915 г., оставив жене (В. С. Вейнберг) всё своё состояние.

827

ГАРФ, ф. 5942, оп. 2, д. 58, л. 3–3 об.

828

ГАРФ, ф. 5942, оп. 2, д. 1, л. 273.

829

П. А. Горянов (Гарянов, настоящая фамилия — Голубев, 1886—после 1963), окончил Киевскую театральную студию, на сцене с 1905 г. В конце 1921 г. в Сочи создал театр «ДАРТ» (Дом артиста). В 1928–60 гг. актёр и режиссёр Челябинского театра, Заслуженный артист РСФСР (1946). Автор книги «Актёры», Челябинск, 1957 г.

830

Из журнала «Кадет-Сибиряк-Александровец», Белград, 1925. Автор неизв.

831

ГАРФ, ф. 5942, оп. 2, д. 1, л. 286, 299.

832

Памятник открыт и освящён 29.08. 1925 г.

833

В. Маяковский. Приказ № 2 армии искусств, 1921 г.

В. Ропшин (Б. Савинков).

835

По общему признанию Г. Адамович, если кому и уступал в искусстве красноречия из ораторов Русского Зарубежья, то лишь поэту, критику, прозаику и мыслителю Д. С. Мережковскому (1866–1941) и одному из лучших поэтов «второго» поколения Б. Ю. Поплавскому (1903–35).

836

Постановление Сочинского Исполкома от 29.03. 1922 г. ГАГС. Ф. Р-158, оп. 1, д. 64, л. 10; Арх. Справка № 01–06/585 от 22.12. 1998 г.

837

В. С. Володин (настоящая фамилия Иванов, 1891–1958), артист оперетты.

838

Почётное звание, учреждено Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27.07.1927 г. (Свод Законов, 1927 г., ст. 456).

839

Архив Морского флота СССР, ф. 13, оп. 32, д. 1342, связка 27, М.

840

РГИА, ф. 229, оп. 18, д. 4080, л. 352.

841

Весь Ленинград на 1929 г.

842

Н. П. Охлопков (1900–67), театральный режиссёр, актёр. С 1923 г. в театре В. Мейерхольда.

843

Н. Р. Эрдман (1902–70), кинодраматург.

844

А. И. Шор (1907-после 1970), кинооператор. В 1928 г. окончил кинотехникум.

845

Р. Тагор (1861–1941), индийский писатель-гуманист. Лауреат Нобелевской премии (1913) по литературе.

846

К. Фаррер (настоящее имя Ф. Ш. Э. Баргон, 1876–1957), французский писатель (восточная экзотика и авантюрные сюжеты).

847

Из семейного архива автора.

Из семейного архива автора.

849

ГАРФ, ф. 5826, оп. 1, д. 34, л.301–306; ф. 5942, оп. 1, д. 115, л. 276–277.

850

ГАРФ, ф. 5942, оп. 1, д. 117, л. 177–178.

851

Из песни Крымского КК.

852

Приказ по Всевеликому Войску Донскому от 3.12. 1920 г.

853

А. Лебедев. Из Поэмы временных лет (рукописный вариант).

854

Газета «Время» от 22.02. 1930 г., № 1680, Шанхай.

855

Удостоверение личности № 1757 и паспорт № 2034, выданные Черноморским военным губернатором.

856

ГАРФ, ф. 5942, оп. 3, д. 19.

857

Последние новости, № 4507 от 25.07. 1933 г., Париж.

858

ГАРФ, ф. 5942, оп. 2, д. 3, л. 10.

859

ГАРФ, ф. 5826, оп. 1, д. 73, л. 316.

860

ГАРФ, ф. 5826, оп. 1, д. 23, л. 304–305.

861

Из семейного архива автора.

862

П. Борин.

863

Из семейного архива автора.

864

Государственный орган технического контроля за качеством строительства и эксплуатации кораблей.

865

Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Создано в 1927 г.

866

«Война в горах», части 1 и 2, 2-е издание, СПб., 1907 г.; «Тактические уроки Русско-Японской войны», СПб., 1912 г. Казнён 29.07. 1938 г.

867

Кроме В. Примакова и В. Путна, арестованных в конце августа 1936 г.

868

«Десять дней в республиканской Испании», № 170, 172 за 1936 г.

869

Газета «Водный транспорт», № 175 от 24.12. 1936 г.

Из семейного архива автора.

871

Атлас «Мировая империалистическая война 1914–1918 гг.», 1934 г.; Атлас «Альбом схем по истории гражданской войны в СССР (1917–1922 гг.)»; «Активная оборона корпуса. По опыту действий 25-го армейского корпуса в 1915 году», 2-е издание, М., 1940 г.

872

28.04.1956 г. ВКВС СССР отменила приговор от 13.03. 1942 г. за отсутствием состава преступления.

РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 3502.

Из семейного архива автора.

875

Регистровый № 702 731. Построено 27.09. 1970 г. в Херсоне, порт приписки Одесса, водоизмещение 19 260 тонн.

Первый (4-х мачтовый) «Товарищ» был потоплен осенью 1941 г. при захвате немцами Мариуполя.

877

Из семейного архива автора.

878

РГАЛИ, ф. 612, оп. 1, д. 375, л. 19–20, 23, 28–29, 32, 35–36.